521 1/27
t. III

СИБИРЬ
И
КАТОРГА

С. Максимова.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, НА УГЛ. НЕВСК. И ВЛАД. ПР., Д. № 45—1
1871.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. 232575
22/IX 1936 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

ПРЕСТУПНИКИ.

Исторія каторги и страна изгнанія.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Ссылка поляковъ въ Сибирь.—Первые ссыльные поляки, Черниговскій на Амуръ,—Крыжановскій.—Ловелась воевода Овуховъ.—Польскіе конфедераты.—Злодѣйства надъ ними.—Состояніе администраціи въ Сибири.—Пестель.—Трескинъ.—Исправникъ Лоскутовъ.—Сперанскій.—Нѣмцовъ и разбойникъ Гондюхинъ.—Собачья оспа.—Кохъ.—Ушпрванскій полкъ.—Народные притѣснители.—Чудакъ Нарышкинъ.—Горные начальники: Рычковъ, Барботъ-де-Марни, Милекинъ.—Фришъ, Черницынъ.—Шведскіе плѣнные.—Татищевъ.—Беневскій—извѣстный искатель приключеній.—Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похожденія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ.—Судьба его товарищей.

Переходя теперь къ такъ-называемымъ политическимъ и государственнымъ преступленіямъ, мы на этотъ разъ останавливаемся на ссыльныхъ за политическія преступленія, т. е. *полякахъ*, и по задачѣ работы нашей на тѣхъ чертахъ и особенностяхъ, которыми характеризуется ихъ ссылка въ Сибирь. Сосланнымъ за государственныя преступленія, по исключительному отношенію къ лицамъ русскаго происхожденія и также къ значенію ихъ на мѣстахъ ссылки въ Сибири, предназначается слѣдующая статья.

Сибирь сдѣлалась мѣстомъ политической ссылки и временнаго пріюта для политическихъ ссыльныхъ, въ значеніи карательной мѣры, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ судьбы Польши тѣснѣе соединились съ судьбами Россіи. Постоянная и притомъ систематическая и ежегодная высылка людей, недовольныхъ этимъ возсоединеніемъ,

началась со временъ Екатерины, т. е. съ перваго раздѣла Польши. Вмѣстѣ съ ними съ этого же времени начали появляться въ Сибири поляки, ссылаемые и за всѣ другіе роды преступленій, возмещаемыхъ ссылкой. Преступники послѣднихъ видовъ освобождали свою родину въ подчиненіи общимъ законамъ человѣческой преступности, не представляя рѣзкихъ и характерныхъ особенностей. Преступники политическіе, появленіемъ своимъ въ Сибири, стали представлять большую или меньшую степень политическаго возбужденія умовъ въ царствѣ, лишонномъ правъ на самостоятельную государственную жизнь. Наибольшее скопленіе польскихъ патріотовъ въ ссылкѣ, выражаемое значительнымъ возростаніемъ цифры ссыльныхъ, стало указывать на предшествовавшіе государственные кризисы Польши, когда она, противъ русскаго владычества въ краѣ, поднимала возстанія и платилась затѣмъ изгнанниками «за бунтъ и измѣну, за преступленія по первымъ двумъ пунктамъ, за неповиновеніе и за оставленіе отечества». Цифры по годамъ стали указывать на историческія эпохи завоеваннаго и побѣжденнаго народа и, группируясь въ числовые итоги, съумѣли выразить въ ссылкѣ три различныхъ періода ссыльной жизни поляковъ въ Сибири. Къ первому періоду относится время отъ появленія въ ссыльной странѣ первыхъ поляковъ— барскихъ конфедератовъ съ послѣдующею затѣмъ высылкою поляковъ изъ войскъ Костюшки до времени освобожденія тѣхъ и другихъ императоромъ Павломъ. Время до 26 года нынѣшняго столѣтія протекло безъ излишнихъ жертвъ для польскаго народа, но послѣ возстанія 1831 года выразилось въ Сибири быстрымъ увеличеніемъ числа изгнанниковъ, которые оставались въ Сибири до восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Кромѣ замѣшанныхъ въ какихъ-либо новыхъ преступленіяхъ на мѣстахъ ссылки, всѣ, находившіеся въ Сибири, политическіе изгнанники были возвращены на родину; осталась незначительная часть. Въ теченіе шести послѣдующихъ лѣтъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибири не было, но съ весны 1863 года стали прибывать первыя, но новыя и значительныя партіи поляковъ, такъ что къ концу 1866 года общее число ссыльныхъ поляковъ возросло до 18,000 душъ обоего пола. Для ссыльной Польши наступилъ третій, современный намъ періодъ. Разсмотримъ

каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно, для болѣе яснаго представленія исторической картины политической ссылки поляковъ.

Далеко до временъ Екатерины, до обнаруженія болѣе яркихъ и характерныхъ чертъ польской ссылки въ тѣ времена, когда русскіе казаки кончали свои завоеванія въ Сибири (выстроивъ остроги на Ленѣ, пробирались въ Камчатку) и промышленные люди забрались уже на Амуръ, въ тѣ времена безразсчотныхъ завоеваній и безконечныхъ похожденій и приключеній, въ сибирскихъ лѣтописяхъ является имя перваго ссыльнаго поляка—Никифора Черниговскаго. На сколько можно вѣрить свидѣтельству лѣтописи о польскомъ происхожденіи этого человѣка, носящаго не польскую фамилію и русское имя, Черниговскій почти единственное лицо, представлявшее поляка въ то темное и мало-изслѣдованное время сибирской исторіи. Личность эта, впрочемъ, характерна тѣмъ, что съ нею соединяется исторія первыхъ нашихъ заселеній на Амурѣ. Если въ немъ не выражался типъ польскаго удальца тѣхъ славныхъ воинственныхъ временъ Польши, временъ Яна Собѣсскаго, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ выяснился одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ завоевателей, которыми богата была Сибирь въ тотъ вѣкъ окончательнаго ея покоренія подъ высокую руку московскихъ царей. Имя Черниговскаго встало на ряду съ именами Хабарова, Атласова, Пояркова и проч.

Откуда этотъ полякъ былъ родомъ, какія судьбы привели его въ ссылку и поселили на Ленѣ, былъ ли онъ военноплѣннымъ, взятымъ на войнѣ 1658 года, начатой за принятіе Россіей подъ свое покровительство Малороссіи — лѣтописи и преданія не говорятъ. Жилъ онъ въ Устькутскомъ острогѣ и былъ досмотрщикомъ за соляными промыслами. При немъ нѣкто Сорокинъ, успѣвшій собрать въ Верхоленскѣ партію головорѣзовъ въ 300 человѣкъ, съ эсауломъ Краснояромъ и Петровымъ пробирался на суднѣ внизъ по Ленѣ на Амуръ. Дорогой шайка грабила купцовъ и промышленныхъ людей; въ острогѣ, на устьѣ Куты, ограбила казну, била и пытала купцовъ и служилыхъ людей; поджидала ѣхавшаго съ р. Илима воеводу, но, потерявши терпѣніе, отправилась на устье р. Олекмы, чтобы и здѣсь ограбить казенные запасы и именно тѣ, которые снаряжены были для отправки на Амуръ, въ Албазинъ. Въ Тугурскомъ острогѣ Сорокинъ отыскалъ

порохъ, зарытый въ землю, пробрался на Амуръ, ограбилъ тамъ всѣхъ, кого нашолъ, но тѣмъ и покончилъ: часть шайки его истребили амурскіе жители, другую — голодъ; третья часть разсѣялась по старымъ знакомымъ мѣстамъ на Ленѣ.

Въ это время (1665 г.) въ Устькутскій острогъ успѣлъ благополучно прибыть илимскій воевода Лаврентій Обуховъ; успѣлъ отдохнуть, оглядѣлся: осмотрѣвшись, удалось ему запримѣтить, что у солянаго надзирателя Черниговскаго жена хороша, да такая, что онъ, небывавшій въ Польшѣ и притомъ долго голодавшій на сибирскомъ лѣсномъ безлюдьи, много не думалъ. Класть на вѣсы свои воеводскія права съ правами ссыльнаго, сибирскій воевода счолъ за грѣхъ и за большое для себя преступленіе. Безчисленные примѣры были у него передъ глазами: самъ знаменитый завоеватель Амура, Ерофей Павловичъ Хабаровъ, слабый въ эту сторону, не клалъ на себя охулки и владѣлъ чужими жонами, никого не спрашиваясь. Обуховъ отнялъ жену у Черниговскаго и, кончивъ дѣла на Ленѣ, поплылъ съ красивою полкою вверхъ по Кутѣ въ Илимскъ. Но что Хабарову съ рукъ сходило (онъ отломалъ бока якутскимъ крестьянамъ, присланнымъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія, и ничего съ нимъ за то сдѣлать не смѣли), что Хабарову удавалось и чѣмъ другимъ воеводамъ счастливило, на томъ Обуховъ оборвался. Черниговскій рѣшился мстить: собралъ товарищей, напалъ на воеводу, убилъ его и прислугу, захватилъ имущество, не разобравъ казеннаго отъ воеводскаго, и такъ какъ въ это время шатались безъ дѣла свободные люди изъ шайки Сорокина и много другихъ удальцовъ, то Черниговскому и немудрено было сбить большую шайку. Съ нею, само собою разумѣется, отправился онъ обычной на тѣ времена и торной дорогой съ бывалыми и знающими языками на тотъ же Амуръ, о которомъ не переставали ходить баснословные слухи. Пошолъ онъ туда именно въ то несчастное время, когда преемники и послѣдователи Хабарова успѣли испортить дѣла до того, что русскіе люди стали уходить съ Амура назадъ. Степановъ былъ убитъ, часть казаковъ пустилась черезъ хребты въ Якутскъ, другая по рѣкѣ добралась до Шилки; тамъ отыскала Пашкова и поступила къ нему на службу: Амуръ опустѣлъ.

Черниговскій вышелъ на Амуръ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ

стоялъ до тла раззоренный китайцами Албазинъ. Наскоро построилъ онъ тутъ же деревянную крѣпость (18 саж. длины и 13 ширины); на стѣнѣ къ рѣкѣ укрѣпилъ двѣ башенки, на нагорной къ лѣсу — одну, но со въѣздными воротами. Избъ для своихъ удальцовъ внутри крѣпости онъ не строилъ (какъ сдѣлалъ это Хабаровъ и дѣлали прочіе сибирскіе казаки-завоеватели); казацкія жилища приладилъ онъ внѣ, въ сторонѣ; внутри крѣпости соорудилъ только одну кладовую. Построивъ острогъ, Черниговскій принялся за обычныя дѣла тѣхъ мѣстъ и того времени: сталъ собирать съ тунгусовъ ясакъ крупными и пушистыми, знаменитыми и въ наши дни албазинскими соболями; но, памятуя объ убійствѣ воеводы и по примѣру Ермака, сталъ отсылать ясакъ въ Нерчинскъ, къ воеводѣ. Потомъ уже онъ прямо отъ себя съ нарочными отправилъ въ Москву и отборный ясакъ и повинную. 15-го марта 1672 года, по первому приговору, въ Москвѣ, Черниговскаго съ сыномъ приговорили къ смертной казни, а 46 человѣкъ его первыхъ устькутскихъ товарищей къ жестокому тѣлесному наказанію, но, по бывалымъ примѣрамъ, черезъ два дня приговоръ отмѣнили и вмѣсто казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощеніе и грѣха разрѣшеніе, да сверхъ того положена была награда въ двѣ тысячи рублей. Изъ Нерчинска присланъ отъ воеводы прикащикъ, въ 1681 году отъ царя изъ Москвы воевода Толбузинъ; товарищи Черниговскаго выстроили Покровскую слободу и занялись хлѣбопашествомъ. Русская жизнь на берегахъ Амура опять закипѣла и приладилась уже на столько прочно, что нѣкій старецъ, іеромонахъ Ермогенъ, заложилъ неподалеку отъ города, на Брусяномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Прибыли крестьяне; Покровская слобода стала походить на настоящее дѣловое селеніе. Починъ Черниговскаго возымѣлъ блестящій успѣхъ: Амуръ опять потянулъ на русскую руку (но тянулъ недолго). Самъ Черниговскій сошолъ со сцены и исчезъ во мракѣ историческихъ временъ: имя его больше не повторялось; что сталось съ нимъ, съ этимъ первымъ полякомъ въ Сибири, покрыто мракомъ неизвѣстности. Точно также и послѣдующіе военно-плѣнные литовцы, вмѣстѣ со стрѣльцами московскими, присылаемые изъ Москвы, съ самыхъ древнихъ сибирскихъ временъ, поступали въ казаки и въ этомъ сословіи исче-

зали безслѣдно. Изъ нихъ на сибирскія письменныя памяти удалось выдѣлиться одному: Юрію Крыжановскому, оказавшемуся въ 1677 году ясачнымъ сборщикомъ у тунгусовъ. Сборщикъ этотъ такъ притѣснялъ этихъ мирныхъ инородцевъ, что они вышли изъ терпѣнія, стали мстить: перебили казаковъ и въ количествѣ тысячи человѣкъ осадили Охотскъ, и пошли валомъ на приступъ острога. Крыжановскій не успѣлъ спрятаться въ острогѣ и былъ осажденъ въ собственномъ домѣ. Тунгусы выломали окно у избы, подъ стѣну наклали огня; засѣвши въ казачьихъ домахъ слободы, стрѣляли по острогу. Приказный Ярышкинъ не могъ помочь Крыжановскому, напрасно вопившему о помощи. Приступъ однако не повторился. Явились слѣдователи, начался судъ. Оказалось, что Крыжановскій лучшихъ соболей отбиралъ себѣ; въ казну складывалъ поплоше, бралъ у инородцовъ женъ и дѣтей на блудное дѣло, и проч. Его съ Ярышкинымъ нещадно били кнутомъ и сослали въ Даурскіе остроги съ тѣмъ, чтобы тамъ обоихъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять *).

Выходя изъ мрака XVII въ ближайшія къ намъ времена прошедшаго (XVIII) столѣтія, мы встрѣчаемъ въ концѣ его слѣдующихъ поляковъ группами, сначала — какъ мы сказали — въ видѣ барскихъ конфедератовъ—выселенцовъ генерала Кречетникова и прусскаго полковника Сюлли (1769 г.); потомъ—приверженцовъ Костюшки (1794 г.). По указу 20 іюня 1795 г. присланы были поляки «обитатели древнихъ россійскихъ областей къ Имперіи возвращонныхъ» по одному человѣку въ Пелымъ, Якутскъ, Тобольскъ, Нерчинскъ, Селенгинскъ и Березовъ и 9 человѣкъ въ другіе отдаленные города**). Пер-

*) При царѣ Алексѣѣ сосланъ въ Сибирь извѣстный Крижаничъ, родомъ сербъ, латинскій попъ за неправославіе, за выходки противъ грековъ и русскихъ. Тамъ написалъ онъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенію въ немъ состоянія Московскаго государства («Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»; другое сочиненіе его «О промыслѣ»). Не былъ ли этотъ сербъ Юрій Крыжаничъ однимъ и тѣмъ же Юріемъ Крыжановскимъ — рѣшить не беремся, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

**) Одного шляхтича «за убійство русскаго драгуна» сослали вѣчно на каторгу; на житье въ отдаленные города между прочими—извѣстнаго ксенза Булгака и бывшаго поручика пинской бригады Іосифа Копца, оставившаго записки о своемъ пребываніи въ Сибири. Въ слѣдующемъ году Павелъ I всѣхъ освободилъ указомъ 29 ноября.

выхъ изъ нихъ (конфедератовъ) преданіе приводитъ изъ Польши измученными на родинѣ различными варварскими истязаніями: съ отрубленными носами и ушами *); сибирскій губернаторъ Шепшинъ встрѣтилъ ихъ, судя по народному же преданію, съ чувствомъ затаенной злобы и непонятнаго мщенія. Онъ, говорятъ, привязывалъ ихъ къ длиннымъ и толстымъ деревяннымъ круглымъ колодамъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и приказывалъ такимъ образомъ спихивать съ высокой горы тобольскаго кремля. «Обрубокъ, катясь съ крутой горы, разбивалъ несчастнымъ головы и на лучшій конецъ сокрушалъ кости». Несомнѣнно одно, что Сибирь нетолько въ прошломъ, но и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка представляла страну, страдающую отъ произвола властей, отъ ихъ жестокаго корыстолюбиваго нрава и дикихъ чертъ характера въ такой степени, что съ трудомъ вѣрится жалобамъ очевидцовъ и сказаніямъ современниковъ. Ещо Геннингъ писалъ Петру I изъ Екатеринбурга: «А ты, государь, пожалуйста, не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Всѣ они тамъ мошенники и взяточники: вѣрь такъ! Съ чего мнѣ тебя обманывать?» И не обманывалъ: князя Гагарина, властителя Сибири, Петръ принужденъ былъ вызвать въ Петербургъ и повѣсить въ 1721 году «за его неслыханное воровство». Кому неизвѣстенъ сибирскій герой Пестель, одинадцать лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, съ клевретомъ своимъ, иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ: люди начала нынѣшняго столѣтія! Пестель управлявшаго тобольскою провіантскою комиссіею, генералъ-маіора Куткина, за то, что тотъ на званомъ обѣдѣ позволилъ себѣ въ чемъ-то не согласиться съ нимъ, всемогущимъ генералъ-губернаторомъ, гналъ до конца жизни: отдавши подъ военный судъ, девять лѣтъ томилъ подъ строжайшимъ присмотромъ въ его собственномъ домѣ, но разлучилъ съ семействомъ,

*) Барскимъ конфедератамъ: подполковнику Реку и майору Древичу, за нарушеніе реверса, т. е. продолжавшимъ послѣ отреченія участвовать въ конфедераціи, но снова попавшимся въ плѣнъ съ оружьемъ, обрубливали руки и ноги. Замѣчательно сцѣпленіе случайныхъ обстоятельствъ: въ Сибирь бирскихъ конфедератовъ велъ (молодымъ человѣкомъ) тотъ самый Лепарскій, который впослѣдствіи и уже дряхлымъ старикомъ, былъ комендантомъ декабристовъ.

не позволялъ свиданій; дочь отъ слезъ ослѣпла. Самъ отецъ умеръ подъ стражей и оправданъ сенатомъ уже послѣ смерти. Семейство Куткина (жена съ нѣсколькими дочерями) доведено было до крайней степени нищеты; какой-то добрый человѣкъ, женившійся на одной изъ дочерей больше изъ состраданія, вывезъ несчастное семейство въ Россію уже послѣ смерти страдальца. Въ то же время Трескинъ тѣ же 11 лѣтъ изъ Иркутска управлялъ Пестелемъ въ Петербургѣ, а на мѣстѣ былъ жестокимъ тираномъ и деспотомъ: министерскихъ предписаній не слушался, частныхъ правъ не уважалъ. Зашалившійся на выходкахъ произвола, онъ заставлялъ не только старшихъ чиновниковъ, но и самого вице-губернатора снимать и подавать себѣ шубу и, замѣчая неловкость, бранилъ ихъ тутъ же на чомъ свѣтъ стоитъ. При помощи жены своей, ему невѣрной и жадной взяточницы, онъ съумѣлъ поставить дѣла управленія на ту ногу, что онѣ стали всѣмъ ненавистны и невыносимы. Вмѣстѣ съ Пестелемъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ крѣпокъ, и оба вмѣстѣ они были едва побѣдимы. Трескинъ отставилъ отъ службы одного совѣтника казенной палаты и выслалъ его изъ Иркутской губерніи съ требованіемъ ко властямъ не позволять ему жить въ одномъ мѣстѣ больше десяти дней. Пестель прибавилъ къ этому то, чтобы не выпускать гонимаго изъ предѣловъ Сибири: несчастный чиновникъ съ семействомъ, на цыганскихъ и бродяжьихъ правахъ, всю жизнь свою принужденъ былъ странствовать по Сибири. «Народъ стенялъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стенанія заглушались тою же силою, которая ихъ возбуждала». Жаловаться было невозможно: на Сибиряковъ наложена была Екатериною эпитемія, сибиряки признаны были кляузниками, людьми безпокойными, ябедниками. Въ одномъ указѣ ея было выговорено слѣдующее: «читано передъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго Якобіевскаго дѣла, изъ котораго мы ничего инаго не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ», и проч. Якобій былъ извѣстенъ сибирякамъ за безжалостнаго тирана. Положенное на Сибирь клеймо дѣлало послѣдующихъ тирановъ безопасными, способствуя имъ расширить произволъ и встать не только внѣ закона, но и здраваго смысла. За жителей Иркутской губерніи счолъ обязанностью заступиться даже и тогдашній архіерей Михаилъ. Можно су-

дить, на сколько было тяжело ссыльнымъ уже изъ одного того, что судьба ихъ была ввѣрена такому человѣку, какъ Лоскутовъ (нижнеудинскій исправникъ), которому поручено было устройство дороги между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Дорогу онъ проложилъ превосходную; селенія выстроилъ огромныя; изъ бродягъ сдѣлалъ хлѣбопашцовъ и устроилъ дѣла такъ, что — по преданію — выроненный проѣзжимъ на дорогѣ кошелекъ никто не смѣлъ утаить. Каковы были прикладныя средства и въ чемъ состоялъ ихъ секретъ, можно понять изъ того, что слухъ объ его жестокостяхъ проникъ даже до Петербурга. На мѣстѣ одно имя Лоскутова обдавало всѣхъ ужасомъ. Суровый и самовластный, какъ и его начальникъ Трескинъ, Лоскутовъ иначе не въѣзжалъ въ селеніе, какъ съ казаками, которые везли возъ розогъ и прутьевъ. Осматривая избы, заглядывая въ печи, въ чуланы, впутываясь насильно во всякую подробность домашнаго быта, онъ безжалостно наказывалъ за всякое уклоненіе отъ предписанныхъ имъ правилъ. Если хлѣбъ былъ дурно выпеченъ: онъ немедленно сѣкъ хозяйку розгами; если квасъ былъ киселъ или въ лѣтнее время тепелъ: сѣкъ и хозяина. Ботфорты его, которыхъ онъ не снималъ съ себя и ночью, хорошо помнятъ до сихъ поръ. Когда узналъ о приближеніи ревизоровъ, онъ по всему уѣзду отобралъ бумагу, перья и чернила; однако, два старика осмѣлились написать прошеніе и вручить его Сперанскому. Когда Сперанскій, въ присутствіи самого Лоскутова, велѣлъ читать секретарю своему это прошеніе вслухъ, старики упали ницъ и не вставали, выжидая, что громовыя силы разобьютъ ихъ на мѣстѣ. Когда Сперанскій тутъ же отрѣшилъ исправника отъ должности и арестовалъ, и когда приведеннымъ въ чувство просителямъ объявилъ это рѣшеніе, они, трясясь всѣмъ тѣломъ и схвативъ ревизора за полу, умоляли его шопотомъ не губить себя: «что ты дѣлаешь? не было бы тебѣ самому за насъ чего худаго: вѣдь это Лоскутовъ; вѣрно ты его не знаешь». Тѣмъ не менѣе, имущество исправника, доходившее цѣною до 80,000 руб. (въ деньгахъ, серебрѣ и мѣхахъ), было заарестовано и самъ онъ отправленъ съ передовымъ въ Иркутскъ. Союзъ друзей, трехъ исправниковъ, всѣхъ столько же злыхъ и отважныхъ, какъ и первый изъ нихъ Лоскутовъ, былъ такимъ образомъ разрушенъ.

Сибирь въ это время была свободна отъ политическихъ изгнанниковъ. На ихъ долю выпали тиранические порывы и деспотическія выходки людей предшествовавшаго вѣка, столько же жестокихъ и несправедливыхъ отъ недостатка образованія и нравственнаго развитія. Иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ или, какъ онъ самъ подписывался: «со властію губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ», учреждаетъ какую-то глухую команду, ѣздитъ съ нею по городу и наводитъ страхъ на мирныхъ жителей; находится въ дружбѣ съ извѣстнымъ разбойникомъ Гондюхинымъ: разъ зазываетъ гостей на пикникъ за городъ, гдѣ нападаетъ на нихъ этотъ разбойникъ съ шайкой и грабитъ до послѣдней нитки. Мелкихъ подчиненныхъ Нѣмцовъ бьетъ своими руками. Одного изъ чиновниковъ покрупнѣе велитъ привязать къ столбу и держитъ на привязи долго въ страхъ и поученіе прочимъ. Объѣзды охотскаго коменданта Козлова-Угреина по его области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ Собачьей осны. Другой охотскій начальникъ оставилъ о себѣ память въ извѣстной поговоркѣ: «На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ — Кохъ». Народъ такъ былъ увѣренъ въ несокрушимой истинѣ подобныхъ поговорокъ и той что «до Бога высоко, а до царя далеко», что охотливо поступалъ по примѣру той сибирской горожанки, у которой воеводша отняла куръ съ циплятами и обиженная утѣшилась тѣмъ, что поставила въ церкви къ иконамъ свѣчу за обидящихъ. Купцы и порядочные посадскіе, удостоенные чести приглашенія къ столу начальниковъ въ большіе праздники и имянины, уходя домой, считали обязанностію своею оставлять хозяину за угощеніе по полтинѣ и по рублю. За однихъ утѣсняемыхъ гражданъ попробовалъ заступиться градской голова, пожаловался министру, и былъ за то ближайшимъ начальствомъ высланъ въ Нерчинскъ (братъ его въ Жиганскъ), гдѣ оба скоро умерли. Другаго именитаго купца довели до съумасшествія, посадили въ домъ умалишонныхъ, откуда онъ пропалъ безъ вѣсти. Въ Иркутскѣ не остановились даже надъ самимъ архіереемъ: вызвали его на судъ, судили его судомъ священниковъ, заставляли ѣздить въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, скакавшихъ и плясавшихъ передъ нимъ,—и такъ далѣе—въ безконечность.

Переходя отъ высшихъ къ низшимъ, мы видимъ цѣлый полкъ,

расположенный въ Западной Сибири, превратившимся въ организованную огромную шайку грабителей: за притѣсненія, грабежи и безчинства надъ обывателями, сибиряки прозываютъ этотъ полкъ—Ширванскій—Уширванскимъ *). «Сибирь — по выраженію соликамскаго лѣтописца—была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т.-е. воеводами, комиссарами, приставами, для коихъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось ни во что». Горные начальники, будучи независимыми отъ губернатора, за темными лѣсами, за высокими горами, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Россіи, пользовались такою обширною властью, что охотно употребляли ее во зло. Они могли производить въ чины до капитана, могли награждать и наказывать чиновниковъ: и вотъ одинъ изъ такихъ, пріѣхавшій въ Нерчинскіе заводы въ 1775 году, Вас. Вас. Нарышкинъ, человѣкъ древняго боярскаго рода, крестный сынъ Екатерины II, произвелъ въ офицерскіе чины, на мѣсто исключенныхъ имъ прежнихъ, чиновниковъ, новыхъ изъ каторжныхъ. Произвелъ изъ таковыхъ

---

*) Къ слову нѣсколько словъ объ немъ: полкъ стоновился на квартирахъ въ наилучшихъ деревняхъ широко и прихотливо, отъѣдался на отвалъ; шагу не дѣлалъ пѣшкомъ — всегда на подводахъ крестьянскихъ, съ изобиліемъ съѣстной провизіи, доставленіе которой лежало тяжестью на крестьянахъ. Шествіе полка въ лагерь нескончаемыми обозами уподоблялось походу двухъ цѣлыхъ армій, или цѣлой губерніи, идущей на переселеніе въ обѣтованныя мѣста. Въ лагерѣ солдаты въ палаткахъ не жили, пристроиваясь въ деревняхъ и только видны были офицеры, перебѣгавшіе по лагерю въ шлафрокахъ. Нижніе чины казались исполинами и красавцами; старика ни одного; ростъ начинался съ 2 ар. 6 вер. и оканчивался 2 ар. 13 вершк. Сбруя блестящая съ наборомъ, наз. галантерейною лавкою; лошади всѣ одной масти. Щегольство въ одеждѣ было замѣчательное: перевязи, портупеи, ратровые ремни и сапоги чистились подъ лакъ; пуговицы и пряжки были полированы. Все это на счотъ сибиряковъ-крестьянъ, все это ради наружнаго блеска. На самомъ дѣлѣ вотъ какъ характеризовалъ это воинство въ 1833 году генералъ съ опытнымъ строевымъ глазомъ: «выправка и стойка неправильны и некрасивы; маршировка на каблукахъ (все толстяки) со вздернутыми носками; шагъ коротокъ и потому качки и стуку много, ружейные пріемы сильны, но ловкости и развязки въ рукахъ нѣтъ; стрѣльба залпами хороша, но рядами слаба, и шумятъ во фронтѣ, суетятся, толкаются.

120 человѣкъ и, въ томъ числѣ, въ офицеры двухъ барскихъ конфедератовъ, которые сосланы были сюда въ солдаты рабочаго горнаго батальона (Перхуровича и Викентія Касаковскаго). Этотъ Нарышкинъ съ самаго пріѣзда одинадцать мѣсяцовъ просидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, никуда не выходя, никому не показываясь. Рѣшившись покончить съ затворничествомъ и выйдя на свѣтъ божій въ Свѣтлое Воскресенье, началъ цѣлый рядъ чудачествъ и сумасбродныхъ выходокъ: вмѣсто заутрени на Пасху велитъ служить прежде обѣдню, въ церковь ведутъ его двѣ толстыя женщины, онъ идетъ приплясывая и припѣвая свою любимую пѣсенку («Батюшко богатъ, черевички купилъ»); идущіе сзади чиновники ему подпѣваютъ. Принявшись за дѣла, приблизилъ къ себѣ пятерыхъ секретныхъ арестантовъ, изъ которыхъ двухъ сдѣлалъ секретарями; за вины билъ батожьемъ и не сказывалъ за что: «извѣстно-де мнѣ единому»; въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, отчота объ нихъ и самихъ денегъ въ Петербургъ не посылалъ. Когда не хватило казны, онъ взялъ деньги у богатаго купца Сибирякова, имѣвшаго нѣкоторые заводы на арендѣ. Когда въ другой разъ Сибиряковъ отказалъ, Нарышкинъ явился передъ его домомъ съ пушками и съ угрозою стрѣлять, если купецъ не выдастъ потребнаго: Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ положены были затребованныя пять тысячъ. Учредилъ какой-то новый праздникъ («Открытіе новой благодати»), приказывалъ всѣмъ каяться во грѣхахъ, изстрѣлялъ много пороху, того самаго, который столько необходимъ при горныхъ работахъ. Набралъ войско, присоединилъ къ нему вновь организованный гусарскій полкъ изъ тунгусовъ и двинулся съ пушками и колоколами походомъ изъ Нерчинскаго завода черезъ городъ Нерчинскъ, Братскую степь и Верхнеудинскъ на Иркутскъ. По дорогѣ останавливалъ купеческіе обозы, отбиралъ товары, выдавая росписки. Хотѣлъ завладѣть Иркутскомъ, но это предпріятіе ему не удалось. Самодуръ, названный въ указѣ шалуномъ, успѣлъ натворить много бѣдъ, оставилъ на слѣдахъ своихъ много всякихъ глупостей, чудачествъ и приключеній. Въ Верхнеудинскѣ его арестовали хитростью, увезли въ Иркутскъ, гдѣ онъ снова еще долгое время чудачилъ, пока не увезенъ былъ въ Петербургъ (см.

ниже «Исторія каторги»). Послѣдовавшіе за нимъ (исключая Барбота-де-Марни) горные начальники были немногимъ лучше его. Рычковъ хотя и былъ образованнымъ и умнѣйшимъ человѣкомъ, но въ то же время суровымъ до того, что забивалъ людей палками до смерти, хотя смертная казнь и уничтожена была еще Елизаветою. Начальникъ Кутомарскаго завода, Милекинъ, жестокимъ обращеніемъ своимъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что, во время прогулокъ его по улицамъ, дѣти убѣгали прочь и старики прятались за углами домовъ: когда ходилъ по селенію, живой души не было видно; всякій боялся встрѣчи съ нимъ. Другой изъ приставниковъ, еще меньше званіемъ и мельче значеніемъ (урядникъ Кулаковъ) походилъ на рѣшительнаго звѣря: всякій разъ, когда онъ шолъ на мѣсто работъ, за нимъ несли пуки розогъ. Ежели онъ бывалъ въ непріятномъ состояніи духа и кто-нибудь и чѣмъ-нибудь не понравился ему на первыхъ шагахъ, приказывалъ сѣчь розгами, одного за другимъ, всю громаду работниковъ: нѣкоторыхъ уносили прямо въ лазаретъ. Поднимаясь по чинамъ обратно выше, мы наталкиваемся на одного изъ такихъ, который изъ дозорщиковъ уральскихъ за то, что забилъ палками одного работника за криво вкопанный въ землю столбъ, былъ присланъ въ начальники рудника нерчинскаго. Горный начальникъ Теодоръ Фришъ, котораго жена водила за носъ, попускалъ слабостью своею на столько, что злая женщина позволяла себѣ наказывать подчиненныхъ и любила сама присутствовать при наказаніи. Другой горный начальникъ, кривой Черницынъ, былъ на столько жестокъ, что не ходилъ и не ѣздилъ безъ плети. Въ дорогѣ требовалъ, чтобъ его везли не иначе, какъ вскачъ, и если ямщикъ останавливался, онъ самъ выходилъ изъ экипажа и производилъ собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало подъ нимъ; много страху и всякихъ обидъ натерпѣлись отъ него всѣ, надъ кѣмъ ему доводила судьба начальствовать: разъ вскинулся на крестьянина за то, что тотъ во время разговора съ помощникомъ его, обратился къ самому Черницыну спиной, и избилъ его такъ, что невинный крестьянинъ черезъ два дня умеръ.

Но—эти послѣднія дѣятели увели насъ изъ прошлаго столѣтія въ настоящее (Черницынъ начальствовалъ въ двадцатыхъ годахъ

нынѣшняго); возвращаемся назадъ, въ прошлое, чтобы досказать о судьбѣ первыхъ польскихъ ссыльныхъ въ Сибири.

Народная почва, къ довершенію несчастій первыхъ политическихъ ссыльныхъ—была еще не готова. Имъ на первыхъ же порахъ привелось столкнуться съ самымъ крупнымъ народнымъ предразсудкомъ, основаннымъ на религіозномъ предубѣжденіи, а потому вдвойнѣ опаснымъ. Для православныхъ сибиряковъ поляки были поганые обливанцы. Когда появились въ Сибири первые иновѣрцы въ видѣ плѣнныхъ шведовъ изъ войскъ Карла XII, ни одна сибирячка не рѣшалась выходить за нихъ замужъ. Въ 1714 году въ Тобольскѣ ихъ гнали съ квартиръ, выбрасывали на улицу ихъ пожитки, осыпали бранью. У начальства они не находили защиты, получали даже пощочины. Русскіе считали ихъ нехристями, священники не вѣнчали. Хотя нѣкоторымъ шведамъ и удалось жениться на православныхъ, но женъ у нихъ отнимали и выдавали за другихъ мужей. В. Н. Татищевъ, извѣстный устроитель уральскихъ заводовъ, принужденъ былъ выговорить себѣ право дозволять на р. Исети (гдѣ теперь Екатеринбургъ и гдѣ онъ полагалъ основать заводъ), селиться желающимъ изъ шведскихъ плѣнниковъ съ тѣмъ, чтобы имъ позволено было жениться на русскихъ дѣвушкахъ безъ перемѣны религіи. Это требованіе вызвало указъ сунода, разъяснившій, что бракъ съ иновѣрцами безгрѣшенъ *). Браки установились, но не было такого

*) Татищевъ объявилъ этотъ указъ на заводахъ священникамъ и плѣннымъ, и тѣхъ, которые женятся, не велѣлъ считать невольниками. Много шведовъ жило, кромѣ Тобольска и Соликамска, на казенныхъ Уральскихъ заводахъ Уктусскомъ и Алапаевскомъ и на Демидовскихъ (Невьянскомъ, Верхне-тагильскомъ, Шуралинскомъ и друг.). Иные изъ нихъ занимались ремеслами; другіе мелочной торговлей, многіе заводскими работами. Татищевъ нашолъ Шенстрема, который имѣлъ въ Швеціи свои собственные желѣзные заводы и, будучи знатокомъ въ металлургіи, во многомъ помогъ своими совѣтами первому устроителю Уральскихъ заводовъ. Артиллеристъ Шульцъ составилъ ему карту земель заводскихъ и приписныхъ къ нимъ слободъ и деревень (и получилъ за то 25 рублей, сверхъ прогонъ, и 5 руб. подъемныхъ). Миръ со Швеціею освободилъ всѣхъ, кромѣ добровольно пожелавшихъ остаться: такихъ на заводахъ оказалось двое: Берглинъ и Шедарь (первой въ Кунгурскомъ уѣздѣ завѣдывалъ рудничными работами, второй былъ смотрителемъ Уткинской пристани).

высшаго правительственнаго мѣста, которое владѣло бы силою разъяснять и ослаблять другіе общественные предразсудки. Положеніе первыхъ политическихъ ссыльныхъ было весьма неблестящее.

Изъ группы первыхъ ссыльныхъ поляковъ ярче другихъ выступаетъ одна замѣчательная личность, съумѣвшая своими похожденіями значительно оживить, вообще однообразную исторію, политическихъ ссыльныхъ и наполнить разсказами о себѣ не только Сибирь и Россію, но и Европу. Имя его стало для Сибири на столько историческимъ, что и до сихъ поръ тамъ жива о немъ память, несмотря на то, что сцена дѣйствій—одинъ изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ угловъ Сибири. Это — Морицъ-Августъ Бенёвскій, именовавшій себя въ Камчаткѣ венгерцомъ Бейноксомъ и называвшійся тамошнимъ народомъ «Августъ-Полякъ». Судьба его такъ интересна, что мы рѣшаемся остановиться здѣсь, чтобы возстановить правду событія по сказаніямъ сибиряковъ-свидѣтелей дѣла въ сопоставленіи съ разсказомъ самого героя, неумѣренно лживаго и не безразсчотно хвастливаго *).

Бенёвскій съ прочими конфедератами, въ силу правила, обрекавшаго въ ссылку только тѣхъ поляковъ, которые не сдержали даннаго слова и, будучи выпущены изъ плѣна, вновь пойманы съ оружіемъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ, въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ русскихъ **). На его долю выпала Казань, куда онъ былъ посланъ на житье вмѣстѣ съ плѣннымъ шведомъ и тоже конфедератомъ Адольфомъ Винбладомъ. Здѣсь — по свидѣтельству ген.-прокурора Вяземскаго — «онъ дѣлалъ разными ухищреніями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущеніе; отъ чего и былъ удержанъ»; но на этомъ не установился. Съ подложнымъ паспортомъ онъ ушолъ изъ Казани въ Калугу, гдѣ на то время также содержались нѣкоторые «изъ знатнѣйшихъ польскихъ арестантовъ». Изъ Калуги,

---

*) Кромѣ слѣдственнаго дѣла о Беневскомъ сохранилась, между прочимъ, записка канцеляриста Рюмина, ходившаго съ нимъ до Китая и представившаго ее русскому резиденту въ Парижѣ Хотинскому.

**) Взятъ онъ въ плѣнъ въ 1768 году и выпущенъ на честное слово, что въ эту компанію не станетъ драться, но въ маѣ 1769 г. снова попался въ плѣнъ къ полковнику Бринкину.

тщательно скрывая свое имя, Бенёвскій отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Винбладомъ. «Въ семъ столичномъ городѣ перемѣнялъ свое имя и видъ, до тѣхъ поръ скрываясь по трактирамъ, пока, по увѣдомленіи изъ Казани, узнанъ и взятъ былъ полиціею подъ караулъ», въ то время, когда готовъ былъ сѣсть на корабль и плыть за границу. «А какъ изъ его распросовъ и внѣшнаго его страннаго вида, усмотрѣнъ онъ человѣкъ не только злонамѣренный, но и отчаянный»,—то и приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ Сибири для опасныхъ преступниковъ, каковыми считались въ тѣ времена политическіе и государственные, полагались самыя отдаленныя крѣпости, а самымъ моднымъ мѣстомъ (съ половины прошлаго до начала нынѣшнаго) считалась Камчатка, а потому Бенёвскому и указана была эта мѣстность.

Спутниками ему въ дорогѣ и товарищами въ ссылкѣ оказались государственные преступники: маіоръ (изъ шведовъ) Винбладъ, гвардіи поручикъ Василій Пановъ, арміи капитанъ Ипполитъ Степановъ, бывшій артиллеріи полковникъ Батуринъ и сенатскій секретарь Иванъ Сольмановъ. Пановъ и Степановъ кажется сосланы за сопротивленіе наказу о сочиненіи Уложенія при Екатеринѣ II-й. Съ ними и повезли Беневскаго, въ декабрѣ 1769, вдоль Сибири, за 13 тысячъ верстъ отъ Петербурга, черезъ Тобольскъ (гдѣ ихъ знаменитый сибирскій администраторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, хорошо принялъ и обласкалъ) на Охотскъ. Здѣсь начальникъ порта, полковникъ Плениснеръ также обошолся ласково, а купцы снабдили разными вещами и припасами. На частномъ суднѣ тотемскаго купца Холодилова, ссыльные въ іюлѣ 1770 года отплыли въ Камчатку и 1,400 верстъ успѣли проплыть въ девять дней, совершивъ весь путь въ полтора года. На пути по морю до Камчатки, Беневскій думалъ запереть стражу внизу, завладѣть судномъ и направиться въ Испанскія владѣнія. Но было поздно; намѣреніе отложено. Судно пристало въ Большерѣцкѣ — столицѣ тогдашней Камчатки, уступившемъ впослѣдствіи старѣйшинство свое Нижнекамчатску, а потомъ Авачѣ или Петропавловску.

Устьемъ широкой рѣки, называемой Большою и давшею свое имя крѣпостцѣ, мимо небольшаго селенія, стоящаго у самаго устья рѣки

со складочными амбарами для казеннаго провіанта, подошли новые ссыльные къ самому городку Большерѣцку, расположенному на краю свѣта въ отдаленномъ и, можно сказать, дикомъ мѣстѣ. На берегу ихъ встрѣтилъ самъ начальникъ Камчатки, арміи капитанъ Нилов. Опросивши прибывшихъ ссыльныхъ, онъ съ подобнымъ вопросомъ обратился и къ Бенёвскому.

— Кто ты таковъ? спросилъ онъ его.

— Солдатъ, бывшій нѣкогда генераломъ, а теперь невольникъ, отвѣчалъ Бенёвскій *).

Отвѣтъ капитану понравился. Задичалый на безлюдьѣ Нилов бойко выдѣлившагося изъ толпы Бенёвскаго приблизилъ къ себѣ и, подъ впечатлѣніями самобытной и богатой натуры образованнаго, смѣлаго и бывалаго человѣка, очутился вскорѣ въ томъ положеніи, когда простое сближеніе переходитъ въ дружбу и привязанность. Начальникъ съ ссыльнымъ конфедератомъ стали неразлучны: Бенёвскій обучалъ начальническаго сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. На сколько былъ искренен въ своихъ отношеніяхъ къ ссыльному простодушный и довѣрчивый армейскій капитанъ, на столько была сомнительна къ нему привязанность бывшаго генерала, прошедшаго сквозъ огонь и воду. Самую тѣсную и нелицемѣрную дружбу завязалъ Бенёвскій съ Петромъ Хрущовымъ, капитаномъ гвардіи, сосланнымъ по указу 6-го декабря 1763 года — человѣкомъ отличнаго ума и большихъ познаній. Къ нему Бенёвскій былъ помѣщонъ на квартиру. Взаимная привязанность съ этой стороны была прочнѣе, такъ какъ основывалась она, при одинаковомъ уровнѣ образованія,

---

*) Беневскій—магнатъ королевствъ польскаго и венгерскаго, съ молодыхъ лѣтъ участвовалъ въ битвахъ противъ пруссаковъ. Въ 1765 г. получилъ значительное наслѣдство отъ дяди, но узнавъ, что имѣніемъ этимъ завладѣли его двоюродные братья, уѣхалъ въ Венгрію—вооружилъ людей, завладѣлъ землями (суда не искалъ). Братья счастливо ускользнули изъ плѣна, и пожаловались правительству. Поступокъ Беневскаго сочли за бунтъ, приказали отнять имѣніе, и предать его суду. Беневскій бѣжалъ изъ Австріи и поселился въ Польшѣ; 1767 г. думалъ отплыть въ Индію, но, получивъ приглашеніе отъ польскихъ магнатовъ, вступилъ въ конфедерацію прямо съ чиномъ полковника. 6 іюля 1768 г. за храбрость получилъ артиллерію и чинъ генерала.

на обоюдной симпатіи, порождаемой сходствомъ участи, страданіями и лишеніями ссылки. Друзья занимались обученіемъ дѣтей, собирались даже завести школу русскаго языка для камчадаловъ; читали книги и, между прочимъ, прочли путешествіе лорда Ансона. Дочитавшись до описанія Маріаніанскаго острова Тиніана, они увлеклись до того, что стали задумываться надъ возможностію бѣгства въ ту соблазнительную страну, не боясь всякаго рода приключеній, на которыя столь охотливо ходили въ то время отважные люди всѣхъ націй. Въ томъ же Большерѣцкѣ, пятью-шестью годами позднѣе, маіоръ Бемъ угощалъ спутниковъ знаменитаго Кука (Гора и Кинга) такъ, что заставилъ ихъ предъ лицомъ всего свѣта превозносить русскихъ похвалами за ихъ гостепріимство и пособія. Черезъ десять лѣтъ позднѣе, и сюда же, приходилъ Лаперузъ.

Примѣръ европейцовъ, между которыми Ансонъ былъ не первымъ, укрѣпилъ европейца Бенёвскаго въ мысли на возможности кругосвѣтнаго плаванія, а Хрущова на возможности заговора въ средѣ людей недовольныхъ и озлобленныхъ ссылкою. Хрущовъ сталъ во главѣ, какъ человѣкъ, успѣвшій присмотрѣться къ камчатскимъ дѣламъ и возбудившій къ себѣ общую любовь и довѣріе. Опытнымъ и осторожнымъ камчатскимъ заговорщикамъ все благопріятствовало: Большерѣцкъ только носилъ имя города. На самомъ дѣлѣ это было маленькое селеніе съ деревянной церковью, худшею, чѣмъ обыкновенная сельская, съ казеннымъ домикомъ коменданта, казармой, амбарами и десятками кое-гдѣ разбросанныхъ избушекъ. Въ нихъ жили семейства казаковъ, старыхъ и малыхъ 70 человѣкъ, но изъ этого числа нѣкоторая часть находилась въ раскомандировкѣ по полуострову за разными казенными дѣлами. Крѣпость защищалась только ветхими стѣнами самихъ строеній, по Бенёвскій, оставившій описаніе своихъ похожденій въ книгѣ, изданной въ Парижѣ, въ 1791 году *), хвастливо представлялъ мѣсто своихъ камчатскихъ похожденій въ самомъ ложномъ видѣ, называя капитана Нилова — губернаторомъ, казацкаго офицера—гетманомъ, гнилой палисадъ —

*) Voyages et mémoires de Maurice Auguste comte de Benjowsky. Коцебу сдѣлалъ изъ этого романа драму, которая переведена на русскій языкъ,

крѣпостью, канавку, черезъ которую могъ перепрыгнуть ребенокъ—рвомъ, нѣсколько человѣкъ престарѣлыхъ казаковъ—сильнымъ гарнизономъ и проч. Заговорщикамъ удалось склонить на свою сторону недовольныхъ изъ ссыльныхъ до 65 человѣкъ (по другимъ 70, по Бенёвскому 96), и кромѣ того, казенныхъ штурмановъ и подштурмановъ. Заговоръ и намѣренія свои съумѣли удержать они въ величайшой тайнѣ; ждали только случая привести его въ исполненіе. Обстоятельства, между тѣмъ, продолжали слагаться благопріятно.

Изъ Охотска вышелъ купецъ Чулошниковъ на суднѣ въ 150 тоннъ для звѣринаго промысла на Алеутскихъ островахъ, но плылъ неудачно; едва дошолъ онъ до камчатскаго берега, какъ судно его было выброшено на прибрежныя отмели. Пѣшкомъ, кое-какъ добрался промышленникъ до Большерѣцка и остановился тутъ на зиму. Команда тѣмъ временемъ пришла въ уныніе, упала духомъ; и наконецъ вышла изъ повиновенія. Чулошниковъ обратился къ начальству, прося помощи и содѣйствія; недовольство возросло. Бенёвскій успѣлъ въ этой мутной водѣ наслѣдить рыбу: заявивши о своихъ намѣреніяхъ, подобралъ партію для весьма заманчиваго предпріятія. Недовольные обратились къ нему депутаціей, прося покровительства. Онъ отдѣлался оракульскимъ отвѣтомъ, но такимъ, который всю команду расположилъ въ его пользу.

Для возбужденія сочувствія въ простыхъ людяхъ, заговорщики внушали имъ, что Бенёвскій и привезенные съ нимъ арестанты, страждутъ невинно за государя великаго князя Павла Петровича. На этотъ случай у Бенёвскаго имѣлся зеленый бархатный конвертъ, каковой онъ неоднократно показывалъ, выдавая печать за царскую и увѣряя, что подъ нею письмо къ римскому императору о желаніи Павла вступить въ бракъ съ его дочерью, съ каковымъ Морицъ ѣхалъ, но былъ схваченъ на дорогѣ и сосланъ. Драгоцѣнный залогъ Высочайшаго довѣрія сохранитъ онъ до конца жизни, и доставитъ.

три раза напечатана и нѣкоторое время давалась на петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ (но потомъ запрещена). Самое путешествіе переведено было на англійскій, нѣмецкій и другіе языки и пользовалось въ Европѣ огромною извѣстностью.

Въ январѣ, въ квартирѣ Бенёвскаго, начались частыя сходбища. Новый прикащикъ, смѣнившій Чулошникова (Ст. Торговкинъ), пришолъ къ Нилову съ жалобою на команду и съ указаніемъ на поляка, какъ на главнаго виновника смутъ. Бенёвскій сдѣлался осторожнымъ. Когда Ниловъ собрался осматривать Авачу, онъ пришолъ къ нему съ просьбою принять планъ колоніи на южной оконечности Камчатки, на мысѣ Лопаткѣ: обезпечивалъ вѣроятіе успѣха, при хорошемъ, благопріятномъ климатѣ, на заведеніе хлѣбопашества, говорилъ:

— Мы уже сдѣлали между собою всѣ нужныя приготовленія и осмѣлились наименовать новое селеніе наше, въ честь вашу, Ниловкою. Теперь остается намъ испросить послѣднюю милость: пожаловать какое нибудь судно для отвоза вещей.

Простой, добродушный, довѣрчивый и нетрезвый Ниловъ плѣнился предложеніемъ и согласился отпустить Бенёвскаго для предварительнаго осмотра мѣстности. Бенёвскій съ шестью товарищами уѣхалъ. Возвратившись черезъ 11 дней, онъ получилъ радостное извѣстіе, что Хрущовъ успѣлъ сговорить штурмана Гурина (командира пакетбота), готоваго идти въ началѣ мая въ море. Согласіе Гурина—безповоротно и надежно въ томъ отношеніи, что другаго выхода ему не представлялось: идти въ Охотскъ онъ не могъ, безъ стыда и опасностей, по случаю неоплатныхъ долговъ своихъ; согласіе же свое далъ онъ подъ впечатлѣніями недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновеніе и развратное поведеніе.

Въ ожиданіи ледохода заговорщики принялись обезпечивать возможность предпріятія съ другихъ сторонъ. Между прочимъ сочинили и распространили басню о какомъ-то островѣ вблизи Камчатки, до того богатомъ золотомъ, что легко имъ нагрузить цѣлый корабль. Говорили:

— Мы придемъ туда скоро. Нагребемъ на гальотъ золота. Кто не захочетъ идти съ нами въ Европу, того высадимъ на камчатскій берегъ.

Ниловъ ничего не подозрѣваетъ, обойденный предложеніемъ устройства Ниловки; доносамъ не вѣритъ, не вѣритъ даже и старику

Петру Ивашкину, сосланному Елизаветою въ 1742 году за дерзкія слова, сказанныя имъ въ трактирѣ *). Ивашкинъ много разъ предупреждалъ командира о грозившей ему опасности и существованіи заговора, совѣтуя содержать Бенёвскаго и Батурина подъ крѣпкимъ карауломъ. Ниловъ предостереженіямъ не повѣрилъ и совѣтовъ не послушался. Не повѣрилъ и одному изъ чиновниковъ, когда тотъ явился къ нему уже весною (25 апрѣля) вмѣстѣ съ казачьимъ сотникомъ и говорилъ, что число бунтовщиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что они могутъ завладѣть Камчаткою, что надо принять скорыя и крутыя мѣры, и проч. Бенёвскій же къ этому времени успѣлъ разбить свою партію на три части: одну поручилъ шведу Винбладу, другую — Хрущову, третью часть оставилъ за собою. Едва онъ успѣлъ распорядиться, какъ пришолъ къ нему сержантъ Нилова съ приказаніемъ явиться. Бенёвскій, оправдавшись болѣзнію, не пошолъ. Явился за нимъ казачій сотникъ, опять звалъ къ начальнику, но и этотъ получилъ тотъ же отвѣтъ. Сотникъ вздумалъ пристращать:

— Если не пойдешь добровольно, прикажу казакамъ тащить тебя.

Два казака уже и вышли-было исполнить приказаніе, но товарищи Бенёвскаго, выскочивши изъ-за перегородки, всѣхъ троихъ пришедшихъ связали. Вечеромъ Ниловъ прислалъ приказъ выпустить сотника и придти Бенёвскому. Получивши въ отвѣтъ обѣщаніе придти завтра, Ниловъ ждетъ терпѣливо до 11 часовъ утра. Заговорщики всю ночь не спали, опасаясь внезапнаго нападенія и въ эту ночь успѣли обдумать все.

Ниловъ, но дождавшись, велитъ собраться солдатамъ и идти схватить ослушника. Приходитъ капралъ съ шестью человѣками, требуетъ сдачи; Бенёвскій зоветъ его выпить чашку чая; капралъ соглашается—входитъ. Бенёвскій приставляетъ къ груди его пистолетъ и заставляетъ вызывать людей съ улицы въ избу поодиночкѣ. Вызвавши ихъ, вязали товарищи его веревками и всѣхъ потомъ поса-

*) Объ Ивашкинѣ и Батуринѣ и другихъ государственныхъ преступникахъ—въ слѣдущей главѣ.

дили въ погребъ. Къ тому времени собираются остальные товарищи. Бенёвскій разбиваетъ ихъ на двѣ партіи: одну посылаетъ овладѣть канцеляріей, съ другою идетъ самъ въ крѣпость.

Квартиру Нилова оберегаютъ 8 человѣкъ, но они всѣ спятъ. Заговорщики стучатъ — не достучатся. Проснувшійся сынъ Нилова даетъ знать отцу о приходѣ многихъ людей. Но въ это время крюкъ отъ дверей былъ сорванъ, пришедшіе ворвались съ неистовыми криками. Ниловъ успѣлъ было схватить Бенёвскаго за галстухъ, но самъ палъ съ разбитымъ пулею черепомъ, съ порѣзанною лѣвою рукою и глубокою раною въ ногѣ. Трупъ его вытащили въ сѣни и бросили. Подчиненные Нилова, не участвовавшіе въ заговорѣ, поспѣшили броситься вонъ изъ крѣпости. Одинъ казакъ пролежалъ все время подъ столомъ. Наибольшее сопротивленіе оказалъ сынъ сотника Чорнаго, который изъ собственнаго дома стрѣлялъ въ мятежниковъ изъ ружья. Его обезоружили и посадили подъ караулъ въ крѣпости. Въ крѣпость приходитъ Хрущовъ съ извѣстіемъ, что канцелярія взята безъ всякаго сопротивленія. Рѣшено: Панову съ 22 человѣками идти собрать дѣтей и женщинъ въ церковь, обложить ее кругомъ соломой и объявить остальнымъ жителямъ, что при малѣйшемъ противодѣйствіи съ ихъ стороны. жены и дѣти ихъ будутъ сожжены. Буйные промышленники купца Холодилова бросились-было грабить и хотѣли убить прикащика, но Бенёвскій далъ ему случай спастись бѣгствомъ и укротилъ буйныхъ. Затѣмъ отправился въ канцелярію: сѣлъ за судейскій столъ и приводилъ народъ къ присягѣ новому императору.

Пановъ и Батуринъ дѣлаютъ опись деньгамъ въ казначействѣ и всѣмъ казеннымъ вещамъ, отбираютъ изъ послѣднихъ тѣ, которыя намѣрены взять съ собою *). Когда сосчитаны были деньги, Бенёвскій сталъ раздавать ихъ единомышленникамъ и разнымъ купцамъ, находившимся въ Большерѣцкѣ: одному Кузнецову (которато

*) Въ цейхгаузѣ вмѣстѣ съ пороховою казною, артиллерійскими припасами и другими военными снарядами, нашли и ясашную казну, собранную съ ясашныхъ камчадаловъ: Беневскій говоритъ, что однихъ бобровъ было 748, лисицъ 268 и 1,900 соболей.

назначилъ своимъ адъютантомъ) далъ три тысячи. Въ 9-мъ часу вечера велѣлъ принести привезенное изъ Охотска казенное хлѣбное вино. Винбладъ принесъ двѣ фляги, которыя тутъ же и были роспиты; остальнымъ виномъ Бенёвскій поилъ какъ своихъ, такъ и всѣхъ жителей, находившихся подъ карауломъ. Выйдя изъ канцеляріи, поставили около нея, заряженныя ядрами и картечами, пушки и мортиру, и значительное число вооруженныхъ людей на всю ночь.

На другой день (27-го апрѣля) Бенёвскій похоронилъ Нилова самъ, подлѣ Успѣнской церкви. Затѣмъ тотчасъ же велѣлъ готовиться къ походу: къ 28-му числу были изготовлены паромы и для того собраны боты и лодки (числомъ 11-ть), принадлежавшіе тамошнымъ казакамъ и жителямъ; погружены порохъ и артиллерійскіе снаряды, казенное остаточное вино, провіантъ и рухлядь (кромѣ соболей и лисицъ); посажены всѣ люди, какъ аманаты (кромѣ малолѣтныхъ). Сообщники его между тѣмъ грабили кого хотѣли, отчего многіе жители бѣжали и нѣкоторое время скрывались въ тундрахъ. 30-го апрѣля Бенёвскій былъ уже въ Чекавинской гавани, вблизи устьевъ Большой рѣки, и занялся приготовленіемъ гальота св. Петра, бывшаго еще во льду. На немъ-то онъ и ушолъ кругомъ свѣта черезъ 12-ть дней (2-го мая). Доносчиковъ канцеляристовъ онъ взялъ съ собою, и одному изъ нихъ, болѣе другихъ виновному, велѣлъ исправлять тяжолую работу коха. На гальотѣ водружено было знамя императора; вся пустившаяся въ плаваніе шайка назвалась «собранною компаніею для имени Его Императорскаго Величества Павла Петровича». Всѣ дали присягу защищать знамя до послѣдней капли крови. Затѣмъ они составили объявленіе для отсылки чрезъ большерѣцкую канцелярію въ правительствующій сенатъ и подписались всѣ заговорщики, кромѣ Хрущова. Въ объявленіи кратко излагалось, что законный государь Павелъ Петровичъ незаконно лишонъ престола, что раззорительная война съ Польшей ведется для одного Понятовскаго, что народная собственность, вино и соль, отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей взяты крестьяне на воспитаніе незаконныхъ подкидышей, что у депутаціи для составленія законовъ отнято право свободнаго обсужденія; что подати необычайны и оброкъ безразлично собирается съ калѣкъ и младенцовъ, какъ бы съ здо-

ровыхъ; что несправедливые, криводушные судьи наказываются только денежнымъ штрафомъ; что добытымъ золотомъ пользуются только одни царскіе любимцы; что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ; что Камчатка раззорена своевольными начальниками.

Какъ до сихъ поръ помогалъ Беневскому умъ, удержавшій въ толпѣ людей ненадежныхъ тайну заговора въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ и постигнувшій возможность достичь изъ Камчатки въ Китай, такъ теперь начинаетъ дѣйствовать отвага, разсчитывающая совершить опасное морское плаваніе при пособіи кое-какой карты, приложенной къ путешествію Ансона. Тѣмъ не менѣе, придерживаясь береговъ, на шестой день плаванія искатели приключеній завидѣли первый островъ (островъ оказался четвертымъ изъ Курильскихъ, Мазикакомъ). На немъ бѣглецы пекли хлѣбы, сушили сухари, исправляли судно, шили флаги и вымпелы, и творили судъ надъ тѣми, которые рѣшились «всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на суднѣ погубить, и, овладѣвъ судномъ, идти обратно въ Большерѣцкъ». Троихъ изъ нихъ Беневскій высѣкъ нещадно кошками, но оставилъ на суднѣ. Трое другихъ (штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Парончинъ съ женой), высѣченные кошками, оставлены были на пустомъ островѣ съ нѣкоторымъ запасомъ ржаной муки. Какъ они потомъ ни кричали, сколько ни плакали,—Беневскій оставался въ своемъ рѣшеніи непоколебимымъ *). Подъ англійскимъ вымпеломъ гальотъ св. Петра пошолъ въ море дальше. Свѣжей водой при слѣдующей стоянкѣ наливался гальотъ уже на одномъ изъ японскихъ острововъ, не смотря на то, что жители, стоя на берегу, отмахивали ихъ лодку отъ берега. Сухари пекли и снова наливались водой, подъ защитой артиллеріи, на берегу новаго японскаго острова Танао-Сима. Слѣдующая стоянка не счастливила: жители не только не пустили на берегъ, но еще затѣяли перестрѣлку. Островъ этотъ былъ уже Формоза. На немъ изъ прибывшихъ за свѣжей водой туземцы троихъ

---

*) Судьба сжалилась надъ этими нашими робинзонами тѣмъ, что во время одного изъ обходовъ ими острова привела на четвертой день къ судну русскихъ промышленниковъ купца Протодьяконова. Измайловъ во все это время питался одними ракушками, капустою и кореньями.

убили (и между прочими Василія Панова), троихъ ранили стрѣлами. Беневскій жестоко отомстилъ имъ за то тѣмъ, что изъ первыхъ попавшихся плывшими мимо на лодкѣ троихъ застрѣлилъ, за другими двумя послалъ погоню, которая и изрубила ихъ въ куски. Трупы товарищей похоронили, шалаши и лодки сожгли и, выбросивъ на островъ 21 ядро, плыли дальше. Пять дней бродили, не зная своего мѣста. Пристали къ китайскимъ берегамъ и здѣсь, въ г. Макао, при содѣйствіи португальцовъ, Беневскому удалось продать гальотъ губернатору за 4,500 піастровъ. О приставаніи корабля въ Макао, пограничное сибирское начальство узнало отъ миссіонера Августина, дало знать въ Иркутскъ уже въ то время, когда Императрица частнымъ образомъ узнала о камчатскомъ событіи и о возвращеніи Беневскаго въ Европу. Въ Макао русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Беневскій, живя у губернатора острова и продавъ гальотъ какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, почему и всѣмъ русскимъ велѣлъ также называться унграми, запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Винбладъ и Степановъ съ нимъ разсорились, но Беневскій успѣлъ оклеветать всѣхъ въ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Ихъ разсадили по тюрьмамъ, всѣ принуждены были смириться, кромѣ Степанова, не хотѣвшаго дать подписку на подданство римскому императору: онъ предпочолъ за лучшее остаться въ заточеніи. Беневскій его съ собою не взялъ. На дальнѣйшомъ плаваніи его умеръ Батуринъ и оставлено больными ещо семь человѣкъ: пять человѣкъ умерли во Франціи. Часть команды (15 человѣкъ изъ 70) умерло отъ лихорадки и горячки, другая часть помѣстилась на двухъ французскихъ фрегатахъ и немедленно отправилась изъ Кантона въ море. Въ мартѣ 1772 г. бѣжавшіе изъ Камчатки русскіе пристали къ французскому острову Иль-де-Франсу. Въ концѣ марта слѣдующаго года пробирались они пѣшкомъ въ Парижъ и явились тамъ къ резиденту Хотинскому, который обласкалъ ихъ и удовольствовалъ. 30-го сентября того же 1773 г. кругосвѣтные плаватели приплыли въ Кронштадтъ; 3 октября ихъ отправили въ Сибирь, въ сопровожденіи двухъ сенатскихъ курьеровъ и съ извѣщеніемъ новаго камчатскаго коменданта о томъ, что «по дошедшимъ ко двору извѣстіямъ Беневскій (извѣ-

стный въ Камчаткѣ подъ именемъ венгерца Бейспоска) явился в Франціи и нашолъ себѣ покровительство, какъ у державы, къ Рос сійской Имперіи недоброхотствующей». «Французскій дворъ (пишетъ далѣе генералъ-прокуроръ Вяземскій), вооружа для него фрегатъ и малую флотилію, отправляетъ его съ 1,500 человѣкъ войска, яко бы въ Остъ-Индію для завоеванія тамъ новаго у варваровъ селенія, въ самомъ же дѣлѣ, по примѣчаніямъ, прямое намѣреніе его экспе диціи укрывается. Данное отчаянному оружіе въ руки, сколько ни кажется смѣха и презрѣнія достойнымъ, благоразуміе однакожъ за ставляетъ и противъ безумнаго стремленія остерегаться, тѣмъ паче когда оно отчаянною головою въ дѣйство производится. Но какъ притомъ помянутаго Беневскаго во время арестованія въ Петербур гѣ самъ я видѣлъ человѣкомъ, которому жить или умереть все еди но, то изъ сего не безъ основанія и подозрѣвать можно, что онъ зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и о жите ляхъ ея свѣдѣнія, не покусился бы когда сдѣлать и на нее какіе либ поиски».

Опасенія были напрасны: Бенёвскій предлагалъ французскому правительству завести колонію на Формозѣ, но двору хотѣлось за нять Мадагаскаръ. Туда онъ и отправился на счотъ правительства Полтора года провелъ онъ тамъ въ борьбѣ съ жителями и съ началь никомъ острова Иль-де-Франса; но борьбы и интригъ не выдержалъ —и бѣжалъ въ Лондонъ. Здѣсь написалъ мемуары свои, наполнен ные всякаго рода заманчивыми баснями; издатель Магелланъ позна комилъ его съ богатымъ торговымъ американскимъ домомъ въ Бальтиморѣ. Въ 1784 году Бенёвскій былъ тамъ и успѣлъ согласить на завоеваніе Мадагаскара. Двѣ пушки привѣтствовали его, какъ ста раго знакомаго на этомъ островѣ съ крѣпости Луибурга 20 сентября 1783 года. Вступивъ на берегъ, онъ вскорѣ началъ усиливаться до того, что версальскій кабинетъ, при содѣйствіи англичанъ, рѣшился вытѣснить его оттуда: отправилъ фрегатъ съ ротою солдатъ; солда ты Бенёвскаго затѣяли съ французами свалку. Бенёвскій не хотѣлъ сдаваться, засѣлъ въ замкѣ, имъ же самимъ построенномъ. Боясь засады, французы четыре дня не рѣшались идти; войдя, увидѣли три трупа и между ними трупъ красавца Бенёвскаго съ орденами св. Духа

и Людовика на груди: въ карманѣ — полніастра, въ сердцѣ—пуля, пущенная, говорятъ, однимъ изъ туземцевъ, нехотѣвшихъ бороться съ французами.

Возвращаемся въ Камчатку на горячіе слѣды бѣглецовъ. 83 человѣка приказныхъ, военныхъ и купцовъ выбрали начальникомъ, до прибытія командира, штурманскаго ученика Софьина и приняли присягу на вѣрность императрицѣ. Оставшись безоружными, поспѣшили выпросить помощь изъ Верхнекамчатска, состоящую въ двухъ орудіяхъ и 12-ти солдатахъ. Послѣдніе не должны были входить въ Большерѣцкъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что непріятеля тамъ нѣтъ. Двухъ недѣль достаточно было для того, чтобы вся Камчатка пришла въ тревогу. Въ большерѣцкой канцеляріи ежедневно производились допросы. Съ ними, съ запечатаннымъ конвертомъ Беневскаго на имя сената, съ окровавленною постелью Нилова, съ вѣдомостями о расхищенномъ и уцѣлѣвшемъ казенномъ имуществѣ отправился Софьинъ на гальотѣ въ Охотскъ. Командиръ порта старикъ Плениснеръ счолъ за нужное дополнить слѣдствіе и опустилъ время: рапортъ, сберегая казенный интересъ, отправилъ съ попутчикомъ, который вдобавокъ долго промедлилъ въ Якутскѣ. Въ Петербургѣ извѣстіе о камчатской катастрофѣ получено черезъ 8 мѣсяцевъ, по сухому пути, когда свѣдѣнія, облетѣвшія кругомъ свѣта, успѣли уже вызвать различныя мѣры: назначено было за каждаго изъ пойманныхъ бунтовщиковъ по сту рублей тому, кто ихъ приведетъ живыми или мертвыми; приказано промышленнымъ людямъ стараться перевязать бѣглецовъ, и проч. Плениснеръ отрѣшонъ отъ должности за слабость надзора за государственными преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и за медленное донесеніе начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Изъ спутниковъ Беневскаго не вернулись назадъ, кромѣ умершихъ на пути, четверо: шведъ Винбладъ остался въ портѣ Людовика и потомъ возвратился въ Швецію; Хрущовъ вступилъ во французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ—поручикомъ, Майдеръ—лекаремъ. Изъ возвратившихся: канцеляристу Судейкину и Рюмину съ женою опредѣлено быть въ Тобольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Ляпину и Бересневу слу-

жить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочимъ 8-ми работникамъ купца Холодилова поступить въ иркутское купечество. Священнику Симеону, приводившему къ изм мѣнической присягѣ и прочимъ 27 несоблюдшимъ долга своего вмѣнено въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе (они снова были приведены къ присягѣ). «Хотя — объявлялъ генералъ-прокуроръ 31 марта 1774 года — священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ ученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе *). Розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать и все дѣло предать забвенію». Милостивое прощеніе возвратившимся выдано было съ приводомъ всѣхъ вновь къ присягѣ на вѣрность, на томъ основаніи, что они «довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительно». Такъ писала Екатерина генералъ-прокурору, препровождая ему письмо резидента Хотинскаго. Узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семенъ Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже потерпѣлъ отъ нихъ побои, императрица возвратила его въ калужскія деревни братьевъ его подъ ихъ присмотръ. Туже милость она оказала двумъ братьямъ его, поселеннымъ въ Якутскѣ.

---

*) Сынъ священника Уфтюжаниновъ остался съ Беневскимъ и ходилъ съ нимъ въ морскую экспедицію, по порученію французскаго правительства.

Обрусеніе ссыльныхъ поляковъ. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ. — Польскія возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ. — Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча привылыхъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огулъ. — Венжикъ. — Набоженства. — Касса поляковъ. — Товарищество. — Кедровое масло. — Пчолы. — Савичевскій. — Братья Далевскіе. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксенза Синоцинскаго и доктора Шокальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похожденія Руфима Піотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа.

Дѣянія Бенёвскаго произвели на Петербургъ такое сильное впечатлѣніе, что Камчатку съ тѣхъ поръ перестали считать хорошимъ ссыльнымъ мѣстомъ: не только государственныхъ, но и никакихъ преступниковъ не стали посылать туда. Слухъ объ его подвигахъ и особенно объ удачѣ, быстро облетѣвшій всю Сибирь и съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ принятый въ ссыльныхъ мѣстахъ, произвелъ на его товарищей по польскимъ войнамъ такое впечатлѣніе, что тѣ изъ барскихъ конфедератовъ, которые находились въ нерчинскихъ рудникахъ, рѣшились послѣдовать его примѣру. Сорокъ человѣкъ согласились попытать подобнаго счастія уплыть по Амуру до Океана, съ надеждою встрѣтиться тамъ съ европейскими мореплавателями. Несмотря на смѣлость замысла, на сомнительный успѣхъ предпріятія, они, съ величайшими предосторожностями, успѣли выстроить на Шилкѣ судно и заготовить съѣстные припасы. Бѣглецы готовы были уже отплыть, какъ въ Даурію пришла вѣсть о смерти Екатерины и вступленіи на престолъ Павла. Время побѣга было отложено: поляки стали разсчитывать на помилованіе. Въ немъ они не ошиблись: вскорѣ пришло всѣмъ польскимъ политическимъ ссыльнымъ дозволеніе возвратиться изъ Сибири на родину, въ Польшу.

Возвратились не всѣ: до сихъ поръ между фамиліями коренныхъ сибиряковъ-старожиловъ сплошъ и рядомъ попадаются фамиліи польскія, и при нихъ семейныя преданія, указывающія прямо на проис-

хожденіе отъ ссыльныхъ поляковъ. При этомъ преданія не восходятъ дальше дѣдовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ нисходятъ ближе къ намъ отъ временъ Екатерины Второй, богатыхъ высылкою шляхты изъ Заднѣпровья и Польши, изъ Литвы и Бѣлоруссіи, и изъ губ. Смоленской. Не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами распоряжалась ссылка въ тѣ времена съ такимъ успѣхомъ, что обрусеніе ссыльныхъ поляковъ представляется въ Сибири явленіемъ осязательнымъ и безспорнымъ. Въ Западной Сибири, около Семипалатинска, въ красивой и богатой мѣстности, на плодородной землѣ, укрѣпились двѣ деревни, образованныя изъ польскихъ потомковъ, до сихъ поръ умѣющихъ говорить по-польски и существующихъ отъ любимаго бѣлорусскаго промысла—пчеловодства. Въ 20 верстахъ отъ Тары (Тоб. губ.), недалеко отъ Екатерининскаго завода, волостной голова (Пановскій), сохраняя польскій типъ лица и молодцоватую осанку, имѣлъ дѣдомъ конфедерата. Въ самой Тарѣ у двухъ братьевъ, торгующихъ мѣщанъ (Грабіанскихъ) былъ полякомъ отецъ, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе не умѣли говорить по-польски; въ Березовѣ—Новицкій, Шенявскій; въ казакахъ Западной Сибири: Костылецкіе, Яновскіе, Хлыновскіе и проч. Въ Восточной Сибири, за Байкаломъ, на Ингодѣ, гдѣ такъ цѣльно сохранили свою національность малороссы, во многихъ деревняхъ съ польскими фамиліями живутъ коренные сибиряки, а на Ононѣ (между прочимъ въ Усть-Илинскомъ селеніи) цѣлыя семейства (напримѣръ, Барановскіе) происходятъ отъ барскихъ конфедератовъ. Іос. Копецъ, барскій конфедератъ, ѣхавшій въ ссылку въ Камчатку въ 1794 г., въ Иркутской губ. нашолъ цѣлую колонію, составленную изъ ссыльныхъ поляковъ и русскихъ и наз. Кирюга. Между чиновниками-туземцами попадаются даже съ такими знаменитыми фамиліями, какъ Ходкевичи (по всему вѣроятію, потомки тоже какого-нибудь конфедерата). Внукъ конфедерата Хилковскій, кромѣ фамиліи и памяти, что дѣдъ его былъ полякомъ, ничего польскаго въ себѣ не имѣетъ *).

*) Слѣдующія фамиліи также совершенно обрусѣли: Юдицкіе, Тарновскіе и Казановскіе—потомки барскихъ конфедератовъ; Зелинскіе, Войцеховскіе, Зенкевичи, Бржозовскіе (Березовскіе) и Домашевскіе — потомки сосланныхъ за повстаніе Костюшки.

Примѣровъ такого рода на столько много, что наблюдавшіе за подобными превращеніями могли придти къ тому выводу, что дѣти, рожденныя отъ отца-поляка и матери-сибирячки, употребляя языкъ матери, только въ чертахъ лица, либо въ характерѣ успѣваютъ сохранять слѣды польскаго происхожденія. Но стоитъ этому метису жениться на сибирячкѣ, чтобы во внукахъ самый пристрастный и увлекающійся полякъ не нашолъ уже ни малѣйшихъ признаковъ польской крови. Какъ бы то ни было, но всѣ поляки, слѣдившіе за такими превращеніями на мѣстѣ, твердо убѣждены въ томъ, что главная причина такого явленія заключается въ этихъ смѣшанныхъ бракахъ, обусловленныхъ правительственнымъ узаконеніемъ, чтобы дѣти исповѣдывали грекороссійскую вѣру, а чрезъ то «обрекались на одно изъ главныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ утратѣ собственной народности, — средствъ постепеннаго и медленнаго обрусенія людей, надъ которыми владычествуетъ Россія. «Знали мы (говоритъ одинъ изъ поляковъ, долго проживший въ Сибири) очень много дѣтей супружествъ, въ которыхъ одна особа была православной вѣры; за малыми исключеніями, всѣ тѣ дѣти не обладали польскою народностію и часто въ душѣ были русскими».

Доказанная опытомъ сила вліянія брачныхъ союзовъ на обрусеніе поляковъ въ Сибири, дѣйствительная для холостыхъ и вдовыхъ изъ желающихъ, отразилась на судьбѣ другихъ ссыльныхъ временъ Екатерины съ подспорьемъ и при участіи другихъ мѣстныхъ причинъ, которыя были одинаково сильны и не менѣе очевидны. Обрусеніе производилось надъ людьми, неимѣвшими надеждъ къ возвращенію на родину при отсутствіи примѣровъ подобнаго рода въ предшествовавшія времена. Судьба ихъ находилась въ рукахъ людей, видѣвшихъ въ системѣ ссылки одну только сторону карательную, убѣжденныхъ прежними опытами въ томъ, что мятежниковъ и политическихъ ссыльныхъ слѣдуетъ считать по преимуществу людьми опасными и вредными, и убѣждаемыхъ при всякой новой присылкѣ ихъ въ томъ, что они преступники «великоважные», что и самая Сибирь съ трудомъ можетъ быть принимаема для нихъ за страну полнаго возмездія и кары. Минихъ томился въ Пелымѣ; Меньшиковъ и Остерманъ умерли въ Березовѣ. Фика, закованнаго въ тяжолые ручные

и пожные кандалы, сослали въ самый отдаленный якутскій острогъ, но вскорѣ перевезли ещо дальше на сѣверъ за полторы тысячи верстъ — въ Зашиверскъ. Но и это мѣсто показалось слишкомъ слабымъ для полнаго мщенія: его перевезли въ Средневилюйское зимовье, имѣвшее три бревенчатыя юрты якутовъ и лежавшее въ страшной глуши болотистой тундры. Князя Черкасскаго, смоленскаго губернатора, заточили на вѣчное житье въ Жиганскомъ зимовьѣ и выпускали на воздухъ только днемъ, но и то за присмотромъ двухъ солдатъ. Вице-канцлеръ Головкинъ очутился въ Собачьемъ острогѣ на отдаленной Колымѣ подъ 670 с. ш. въ бревенчатой хатѣ, оберегаемой почью часовыми. Менгденъ поселенъ ещо дальше его, на самой окрайнѣ тундры, всего въ 76 верстахъ отъ Ледовитаго океана, на самыхъ устьяхъ Колымы; Ивашовъ попалъ въ Камчатку въ Большерѣцкій острогъ. Самыя отдаленныя трущобы съ трудомъ удовлетворяли мщенію, самыя тяжолыя страданія тамъ едва успѣвали успокоивать мстителей. Приказывали всемѣрно опасаться ихъ, не допускать ни до какихъ разговоровъ. Людей, оказавшихъ имъ какія либо услуги, жестоко наказывали кнутомъ и засылали ещо дальше; предписывали кормить только въ такихъ размѣрахъ питья и пищи, чтобы ссыльные не умерли съ голоду; приказывали стараться забывать даже ихъ имена и, содержа въ вѣчномъ темномъ и сыромъ заточеніи, считали и называли ихъ нумерами.

Подъ такими-то впечатлѣніями воспитывались дозорщики, укрѣпляемые и руководимые въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на политическихъ ссыльныхъ тѣми предписаніями, которыя шли отъ Бирона, Шишковскаго, Вяземскаго и друг.! Подъ вліяніемъ и надзоромъ такихъ-то людей направлялась жизнь первыхъ ссыльныхъ поляковъ, убѣжденныхъ и убѣждаемыхъ въ томъ, что Сибирь для нихъ новая родина, что тѣмъ или другимъ путемъ слѣдуетъ въ ней укрѣпиться въ единственныхъ надеждахъ на ее одну. Средствъ много; большаго труда для умѣлыхъ и сильныхъ рукъ не представляется. Въ молодой странѣ почти ничего нѣтъ, кромѣ естественныхъ скрытыхъ богатствъ и жизнь подчиняется законамъ случайностей, болѣе и чаще образцамъ дикарей — туземцовъ и меньше и рѣже рутиннымъ пріемамъ, полученнымъ прежними пришельцами на родинѣ: они либо сдѣлались

промышленниками, звѣроловами, либо придержавшись рѣкъ, — исключительно землепашцами. Ремесла, оставаясь въ пренебреженіи, такъ и не возрождались въ Сибири, и въ наши времена представляются въ прежномъ жалкомъ, отчаянномъ состояніи *): и безъ нихъ богатая страна кормила пришельцовъ здоровою пищею. Предметы ремеслъ Россіи въ обмѣнъ на сырыя произведенія Сибири развили въ новой странѣ огромное количество торговаго люда; торговля расплодила богатые города на русской украйнѣ у самыхъ воротъ Сибири и выродила тутъ ярмарку, немного уступающую крупнѣйшимъ ярмаркамъ территоріи. Пришельцы изъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ, организовавшихся по образцамъ городовъ европейскихъ, при замѣчательномъ развитіи ремесленныхъ занятій, въ удовлетвореніи насущныхъ и настоятельныхъ потребъ земледѣльческаго и промысловаго сибирскаго люда, нашли и первое дѣло и надежное обезпеченіе на будущую жизнь. То и другое выразилось въ такихъ размѣрахъ, что большую часть потомковъ барскихъ конфедератовъ и костюшковцовъ мы находимъ въ хорошо обезпеченномъ бытовомъ состояніи. Всѣ вышепомянутыя нами лица — люди зажиточные, богатые, пользующіеся почетомъ и уваженіемъ сосѣдей на столько, что служатъ выборными не ниже званія волостныхъ головъ. Не меньшая часть успѣла проникнуть и укрѣпиться въ слоѣ туземнаго служилаго, чиновничьяго сословія, несмотря на всю трудность долговременнаго прохожденія всѣхъ разрядовъ ссыльныхъ сословій отъ званія ссыльно-каторжнаго до того свободнаго состоянія, въ которомъ представляется возможность обучить сына въ казенномъ учебномъ заведеніи, и затѣмъ видѣть во внукѣ полковника. Длинная перспектива къ улучшенію положенія для поляковъ, назначенныхъ на каторгу, кончалась только на дѣтяхъ. Короче былъ путь для поселенцовъ, имѣвшихъ право и возможность поселиться вблизи и внутри сибирскихъ городовъ, сильно нуждающихся въ ремесленникахъ и людяхъ, владѣющихъ иными полезными и прикладными знаніями. Значительному числу изъ тру-

*) Въ описываемые нами времена, не только у сибирскихъ, но у казаковъ (на большую часть русскихъ пришельцовъ) не было, напримѣръ, портныхъ: и солдатское платье шили киргизскія бабы.

долюбивыхъ, находчивыхъ и умѣлыхъ удалось на столько воспользоваться своими знаніями къ обезпеченію собственнаго быта, что, по объявленіи имъ права къ возврату на родину, весьма многіе остались въ Сибири жить на всегда. Указъ Павла на значительное число ссыльныхъ поляковъ перваго періода ссылки не произвелъ никакихъ впечатлѣній. То же самое выразилось и черезъ 15 лѣтъ послѣ того весьма многими поляками, изъ числа военнопленныхъ послѣ войнъ съ Наполеономъ, присланныхъ въ Сибирь на службу: изъ 900 человѣкъ, служившихъ въ кавалеріи и поступившихъ въ сибирскіе казаки, по объявленіи въ 1815 году имъ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ отечество, остались добровольно навсегда въ казакахъ 160 человѣкъ. Значительнымъ соблазномъ для многихъ изъ этихъ поляковъ послужилъ городъ Омскъ, и добрымъ пріютомъ для нихъ оказался организованный въ то время генераломъ Броневскимъ оркестръ казачьей музыки. Чехи, нѣмцы и поляки удивили Омскъ, отъ сложенія міра неслыхавшій музыки. Въ 1815 году нѣкоторые поляки возвратились на родину; но значительную часть удалось уговорить остаться навсегда за нѣкоторую прибавку къ содержанію. Такъ же поступили многіе за Байкаломъ *).

Конечно, времена измѣнились; люди Александровскаго времени являлись въ Сибирь съ гуманнымъ образованіемъ, съ болѣе умягчон-

---

*) Одни изъ таковыхъ сдѣлались впослѣдствіи офицерами, между ними Квитковскій установилъ школу трубачей, такъ что всѣ казачьи полки въ Сибири стали получать приготовленныхъ трубачей. Извѣстный русскій композиторъ, сосланный въ Сибирь изъ Москвы, Алек. Алек. Алябьевъ, авторъ пьесъ, ушедшихъ въ народъ (Соловей, Вечеркомъ румяну зорю и Вечерній звонъ), довелъ омскій оркестръ до замѣчательной степени совершенства. Полякъ Волицкій, бывшій офицеръ польской арміи, образовавшій себя въ парижской академіи музыки въ превосходнаго учителя и дирижера, въ значительной степени поддержалъ въ омскомъ оркестрѣ алябьевскую славу, такъ что до сихъ поръ духъ этихъ талантливыхъ людей не перестаетъ жить въ омскомъ казачьемъ оркестрѣ. Вотъ имена первыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ началѣ омскаго оркестра: Радбольскій, Гиденскій, Голомбетскій, Флекъ, Ганъ. За Байкаломъ обломокъ войскъ польскихъ 1812 года находился въ Кяхтѣ; это былъ выслужившійся солдатъ, носившій знаменитую фамилію Понятовскаго, человѣкъ, умѣвшій дѣлиться послѣднимъ чорствымъ кускомъ своего хлѣба со всякимъ неимущимъ и нуждающимся.

нымъ нравственнымъ настроеніемъ; самая система правленія отличалась терпимостью, желаніями и стремленіями уничтожать неправду и злоупотребленія. Дошла очередь и до Сибири: Сперанскій присланъ былъ карать сибирскихъ притѣснителей и истреблять многочисленные и крупные слѣды произвола, насилій и жестокостей. Появленіе его считается тою эпохою, когда совершился первой переломъ въ сибирской жизни и крутой поворотъ на новую стезю отъ дикой жизни прежнихъ временъ и суровыхъ отношеній ко всякаго рода ссыльнымъ. Сибирь въ администраціи испытала коренныя преобразованія; ими заданъ былъ другой тонъ, и если временами слышались дисонансы, то уже какъ исключенія изъ общаго строя. Люди административные стали не тѣ; и какъ бы сурово ни высказывались взгляды на политическихъ ссыльныхъ впослѣдствіи, какія строгія мѣры ни предписывались: и въ новыхъ приставникахъ, и въ самомъ сибирскомъ населеніи организовалась противодѣйствующая сила. Если политическимъ ссыльнымъ не сдѣлалось хорошо, то, во всякомъ случаѣ, стало несравненно легче. Между первыми временами, когда сибиряки не хотѣли не только принимать въ семейства и отдавать дочерей за плѣнныхъ шведовъ, присланныхъ Петромъ I-мъ изъ-подъ Полтавы, но даже и пускать къ себѣ въ избы — между этими временами и послѣдними годами царствованія Александра лежала уже огромная пропасть. Польскимъ людямъ слѣдующаго втораго періода политической ссылки досталась несравненно лучшая доля. Плѣнные изъ войскъ Понятовскаго уже не жили въ изгнаніи больше двухъ лѣтъ; политическая ссылка перестала быть безсрочною, и возъимѣла характеръ временной мѣры, стала питать и подкрѣплять страдальцовъ надеждами; сдѣлалась привиллегированнымъ исключеніемъ въ системѣ всѣхъ другихъ видовъ ссылки. Такими свойствами выразились годы Александровскаго царствованія, благопріятнаго для политической самостоятельности Польши. Даже члены «товарищества патріотовъ», организованнаго въ послѣдніе годы жизни Александра I-го при дѣятельномъ участіи Лукасинскаго и въ согласіи съ цѣлью и намѣреніями Пестеля, были осуждены и сосланы уже послѣ смерти любимаго Польшею Императора *). При Александрѣ I-мъ значительное большинство

*) Въ томъ числѣ между прочими графъ Мошинскій (въ 1827 г.), одинъ

поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь, принадлежало обыкновеннымъ преступникамъ, сужденнымъ за уголовныя преступленія.

Ссылкою членовъ патріотическаго общества начался новый, второй періодъ польской ссылки.

17-го ноября 1830 года началась польская революція, кончившаяся въ слѣдующемъ году штурмомъ Варшавы (6-го и 7-го сентября); въ 1832 году стали появляться въ предѣлахъ Сибири первые польскіе изгнанники, передніе ряды ссыльныхъ меньшей степени виновности, рядовые люди; изъ царства и трехъ уѣздовъ Виленской губ. Въ 1833 году прибылъ въ Восточную Сибирь и Петръ Высоцкій, начавшій возстаніе, одинъ изъ дѣятельныхъ начальниковъ его, на 20 лѣтъ каторги. Всѣ суждены были военнымъ судомъ по полевому уголовному положенію. Людей низшаго званія, взятыхъ съ оружіемъ, слѣдомъ за ушедшими на каторгу и въ крѣпостныя работы, прислали на службу въ сибирскіе линейные баталіоны. Въ 1834 году начали прибывать эмиссары за справу 1833 года, силившуюся организовать новое повстаніе, а вмѣстѣ съ ними и въ большомъ количествѣ и тѣ, которые оказывали этимъ эмиссарамъ сочуствіе и содѣйствіе, выразившіяся въ томъ, что одни давали притонъ, другіе носили въ лѣсъ пищу и проч. За эмиссарами прибыли въ Сибирь поляки изъ справы Симона Конарскаго, разстрѣляннаго въ Вильнѣ въ 1838 году. Въ 1839 г. вмѣстѣ съ руководителями своими (Венжикомъ и Эренбергомъ) явились въ Сибири члены товарищеской организаціи польскаго народа (Stowarzyczenie ludu polskiego), представлявшей въ Варшавѣ отдѣлъ большаго заговора Конарскаго. Вмѣстѣ съ ними пришли въ Сибирь и тѣ, которые вели систематическую пропаганду демократической науки и собирались для бесѣдъ въ домѣ св.

изъ организаторовъ общества соединенныхъ славянъ, отличавшійся въ Сибири своею благотворительностію. Поляки успѣли такъ ловко повести дѣло и скрыть дѣйствія польскаго революціоннаго общества, что отправлены въ Сибирь только немногіе: кромѣ Мошинскаго—Крыжановскій и Янушкевичъ.

Креста (почему и назывались swiętokrzyzcami). Въ 1840 году присланы: эмиссары, бѣжавшіе въ 1831 году заграницу и явившіеся, между прочимъ, изъ Англіи и изъ Турціи; за ними участники заговора Каспера Машковскаго, организовавшаго такъ-называемый Союзъ Волынскій; потомъ сообщники Союза Пропаганды ксёндза Сцѣгѣннаго (1843 г.) *); въ 1844 году члены варшавскаго союза Соединенія польскаго народа, затѣяннаго Гзовскимъ **); въ 1846—члены варшавскаго демократическаго союза; за ними сѣдлицкіе и галицкіе повстанцы. Въ 1846 г. дѣло извѣстнаго автора Каменскаго; въ томъ же году высылаются въ Сибирь изъ Варшавы студенты гимназіи, предположившіе убійство Паскевича и знавшіе о имѣющемъ совершиться въ 1846 году возстаніи. Тогда же выдаетъ Австрія эмигрантовъ изъ Галиціи, затѣявшихъ тамъ пропаганду освобожденія Польши; выдаетъ и Пруссія, высылаютъ эмиссаровъ изъ Литвы. Въ 1846 году повстаніе въ повѣтѣ Сѣдлецкомъ подъ начальствомъ Потоцкаго, и повстаніе въ повѣтѣ Мѣховскомъ. Въ 1847 году пойманы, суждены и сосланы повстанцы 1831 года, эмигрировавшіе заграницу и явившіеся, въ роли эмиссаровъ, въ Польшу передъ революціями 1848 года. Въ 1848 году вспыхиваетъ возстаніе великопольское, основанное на надеждахъ на Венгрію, и въ тоже время, независимо отъ варшавскаго, организовался въ Вильнѣ союзъ литовской молодёжи (Związek młodzieży litewskiej), питавшій надежды, что венгерцы и поляки, изъ Венгріи придутъ въ Польшу со знаменемъ возстанія,—союзъ превратившійся вскорѣ въ заговоръ. Заговоръ приготовлялъ повстаніе на великій четвергъ подъ руководствомъ братьевъ Далевскихъ, но былъ открытъ въ 1850 году. Во множествѣ солдатъ, принявшихъ участіе въ мятежахъ, приходили въ Сибирь и такіе, которые суждены были вмѣстѣ съ тѣмъ и за побѣги изъ русскихъ войскъ въ повстанскія, и за отбитіе рекрутовъ въ дорогѣ, попадались во второй разъ и такіе (какъ Розанскій), которые уже побывали въ сибирской ссылкѣ, и въ первый разъ являлись въ Сибирь изъ тѣхъ,

---

*) Заговоръ имѣлъ цѣлію основать повстаніе на освобожденіи крестьянъ.

**) Этихъ за разговоры о политическхъ планахъ, всѣхъ обратили въ солдаты сибирскихъ линейныхъ батальоновъ.

которымъ предстояла иная участь (напримѣръ, солдатская служба на Кавказѣ), но которые съ дороги бѣжали, и были пойманы; приходили и такіе, которые увлеклись европейскими смутами 1848 года и бѣжали за границу. Присылали и за оставленіе отечества, и за оборону себя оружіемъ при арестѣ, и за покровительство эмиссарамъ; и въ 1855 году тѣхъ, которые отбили рекрутовъ и намѣревались вмѣстѣ съ ними бѣжать къ французамъ въ Крымъ. Нѣкоторые явились въ Сибири просто за политическіе замыслы; другіе—за перевозъ корреспонденцій заговорщикамъ. Послѣдней преступности люди были бо́льшей частію (по сравнительно въ ничтожномъ количествѣ) изъ еврейскаго населенія Царства Польскаго и западнаго края Россіи *). Вмѣстѣ съ ними за польскую справу ушолъ одинъ только русскій—прапорщикъ Караваевъ (чрезъ нѣсколько лѣтъ пересланный изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ ему снова позволено было вступить въ военную службу), одинъ французъ Карлъ де-Люсенэ, также, какъ и Караваевъ, участвовавшій въ заговорѣ Конарскаго въ Вильнѣ, и одинъ латышъ (Анна Реке), сосланный за повстаніе 1831 года также въ перчинскіе рудники. За участіе въ заговорѣ Михаила Воловича изъ Слонима (намѣревавшагося поднять народъ, напасть на Слонимъ, отбить арестантовъ и возвѣстить повстаніе); присланы въ Сибирь, между прочимъ, нѣсколько крестьянъ бѣлоруссовъ. Малороссы юго-западнаго края явились въ Сибири за повстаніе въ видѣ дворовыхъ хлоповъ и иныхъ чиновъ панскихъ экономій; были даже торбанисты и пѣсенники.

Прапорщикъ Кузьминъ-Караваевъ служилъ въ Новоингерманландскомъ полку, квартировавшемъ въ Вильнѣ. Въ заговоръ замѣшался

---

*) Изъ числа ссыльныхъ въ Сибирь евреевъ только одинъ былъ сосланъ за политическое дѣло: Робертъ Файнбергъ, родомъ изъ Митавы, докторъ. За дѣятельное участіе въ берлинской революціи 1848 года выданъ былъ пруссаками и высланъ на работы въ Екатерининскій заводъ подъ Тарой. Когда его товарищи были уволены на родину, а онъ нѣтъ,—Файнбергъ отъ тоски впалъ въ сумасшествіе и, перевезенный изъ Тары въ Тобольскъ, умеръ тамъ въ 1860 году, въ лазаретѣ. Изъ небольшаго числа евреевъ, замѣшавшихся въ послѣднемъ возстаніи, всѣ уличены въ тайномъ провозѣ оружія изъ-за границы, стало быть, увлеклись коммерческими барышами, а вовсе не политическими теоріями.

онъ по любви къ полькѣ (дѣвицѣ графинѣ Олизаръ), требовавшей этой жертвы съ его стороны. Руководился онъ тѣми же желаніями и планами, которые внушены ему были послѣдователемъ Конарскаго, Гильдебрантомъ. Вмѣстѣ съ собою увлекъ Караваевъ офицеровъ Эстляндскаго полка, вступившаго въ караулъ, когда уже Караваевъ сидѣлъ подъ арестомъ: прапорщика Герасимова и Делюсенэ. Всѣ они помогали Гильдебранту и Мошинскому, арестованнымъ въ кляшторѣ Базиліановъ, выходить по ночамъ въ городъ, давали имъ свои мундиры, сами одѣваясь въ арестантское платье; допускали къ нимъ дамъ и между прочими Синдецкую—одну изъ пламенныхъ патріотокъ, изступленную послѣдовательницу пропаганды Конарскаго. Делюсенэ искалъ даже бумагъ для побѣга Гильдебранта съ Мошинскимъ. Караваевъ содержась на арсенальной гауптвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ вмѣстѣ съ караульными офицерами, дѣятельно велъ свою пропаганду и вызвалъ участіе къ своей судьбѣ: прапорщикъ Герасимовъ нѣсколько разъ выпускалъ его ночью въ городъ, Баривицъ велъ по польски переписку. Судъ рѣшилъ смотрѣть на все это вмѣшательство въ дѣла польскія русскихъ людей—вмѣшательство, выразившееся главнымъ образомъ въ покровительствѣ арестованнымъ послѣдователямъ Конарскаго, какъ на затѣю сумасшедшихъ. По этой причинѣ положено было заключить ихъ въ домъ умалишонныхъ; имѣнія отобрать въ казну, пока выздоровѣютъ, а потомъ для испытанія послать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Такъ и было поступлено съ Караваевымъ и Делюсенэ. Остальныхъ офицеровъ рѣшено было послать на покаяніе на Кавказъ и не повышать ихъ чиномъ, пока не образумятся (поручикъ Огонь-Догановскій, прапорщики Баривицъ и Герасимовъ, потворствовавшіе арестованнымъ и прислушивавшіеся къ урокамъ ихъ пропаганды).

Во всякомъ случаѣ, громадное большинство политическихъ ссыльныхъ принадлежало кровнымъ полякамъ, наибольшею частію уроженцамъ Царства Польскаго, преимущественно шляхетскому роду и исключительно людямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія *).

*) Для примѣра отношеній царства къ другимъ шляхетскимъ окрайнамъ его приводимъ нѣсколько цифръ. Изъ 59 случаевъ ссылки за бунтъ и госу-

Почти $^2/_3$ всего числа сосланныхъ за политическія преступленія принадлежитъ дворянству; на долю ихъ приходится 10% изо всего числа ссыльныхъ этого сословія, и большинство всегда остается за шляхтою западныхъ губерній (смѣшанною въ сибирскихъ табеляхъ подъ общею и неопредѣленною рубрикою дворянъ неслужащихъ). Послѣ дворянъ сильнѣйшая наклонность къ преступленіямъ этого

дарственную измѣну въ 1839 г.: 31 принадлежитъ кіевской, 11 виленск., 1 гродн. 16 городу Варшавѣ, въ 1846 г. изъ 28 случаевъ 23 принадлежатъ г. Варшавѣ; въ 1847 изъ 24—23 г. Варшавѣ (т. е. царству Польскому), и т. д. Точно также за эмиграцію эмиссаровъ («за оставленіе отечества», какъ сказано тобольскими табелями), наибольшее число сослано изъ Варшавы (26 въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846; 12 изъ Бессарабіи, 7 изъ губ. Виленской, 6 изъ Волынской, 3 изъ Подольской, по 1 изъ Ковенск., Гродн., Витеб.). Наибольшее число эмиссаровъ пришло въ Сибирь въ 1834 г. (34 чел.) въ 1839 (18), въ 1840 (15), въ 1838 (8), въ 1841 только одинъ, въ 1845 и 1846 ни одного. Двадцатилѣтняя цифра убѣждаетъ въ томъ же, что кромѣ Царства, наибольшее число эмигрантовъ оказалось въ Бессарабіи и губ. Волынс., Виленс. и Подол. Соображенія цифръ за 20 лѣтъ въ тѣхъ же семи губерніяхъ западныхъ (Вил., Грод., Минс.. Могил., Кіевс., Волын., Подол. и Бѣлосток. обл.) убѣждаютъ въ томъ, что число сосланныхъ отсюда въ Сибирь за преступленія государственныя составляетъ почти $^2/_3$ всего числа остальныхъ 39 губ. русскихъ; что изъ числа послѣднихъ 16 губ. не дали ни одного подобнаго сорта преступника, что послѣ западныхъ губ. наибольшимъ числомъ ссыльныхъ отличались двѣ губерніи столичныя (и въ особенности Петербургская) и что изъ западныхъ шляхетскихъ губерній всего больше прислано въ Сибирь изъ губ. Вилен., Гродн., Кіевс. и Бѣлосток. обл. Наивысшая наклонность къ государственнымъ преступленіямъ по возрастамъ обнаруживалась въ первомъ періодѣ возмужалости, т. е. послѣ 30-ти лѣтняго возраста. Въ числѣ другихъ Грузія выслала 1 въ 1842 г., 1 въ 1845 и 3 въ 1846 году.

По губерніямъ политическія преступленія и эмиграція въ сибирскихъ цифрахъ выразилась такою таблицею.

	Государст. преступл.		Оставленіе отечества.			Государст. преступл.		Оставленіе отечества.	
	м.	ж.	м.	ж.		м.	ж.	м.	ж.
Виленская . .	45	4	17	3	Волынская . .	11	—	29	4
Гродненская .	39	—	3	—	Подольская. .	10	—	14	—
Кіевская . . .	38	—	2	—	Могилевская .	9	—	—	—
Бѣлост. об. .	26	—	2	—	Витебская . .	3	—	3	—
Минская . . .	12	—	—	—	Бессарб. обл.	1	—	39	—

рода замѣчается у солдатъ, но и здѣсь процентъ ссыльныхъ почти въ 20 разъ меньше процента дворянъ. Такъ говорятъ цифры 20-ти лѣтъ (съ 1827 по 1846 г.).

Тѣ же двадцатилѣтнія цифры увѣряютъ и въ томъ, что сильная наклонность къ преступленіямъ противъ власти и въ особенности политическимъ составляетъ отличительную черту католиковъ, для которыхъ вѣроятіе ссылки несравненно сильнѣе, чѣмъ для лицъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій (въ этомъ случаѣ католики къ православнымъ, напримѣръ, относится какъ $29^1/_2$: 1).

Въ подчиненіи различнымъ степенямъ наказанія и разрядамъ ссылки политическіе изгнанники втораго періода размѣщались въ Сибири въ такихъ категоріяхъ: одни сосланы были на два, на пять и болѣе лѣтъ подъ надзоръ полиціи безъ потери достоинствъ и имущества, при томъ съ надеждой на возвращеніе подъ родную стрѣху или по крайней мѣрѣ въ ея сосѣдство. Такихъ было очень мало; изъ таковыхъ нѣкоторымъ приводилось выѣзжать изъ Сибири, до возврата на родину, въ русскія губерніи менѣе отдаленныя (Владимірская, Калужская, Рязанская и другія).

Вторая категорія изгнанниковъ, сосланныхъ на поселеніе, сравнительно бо́льшая первой, не представляла собою наибольшей количественной величины и съ наименьшею надеждою на возвратъ (хотя нѣкоторому числу удалось дослужиться до чиновъ и поступить на государственную службу), эта вторая категорія находилась въ самомъ худшемъ житейскомъ положеніи. Политическіе поселенцы, происходившіе изъ шляхты и приговоренные къ конфискаціи имуществъ, получали помощь отъ правительства въ размѣрѣ 57 руб. на годъ; старикамъ и калѣкамъ доставалось ежегодно 114 руб. Тѣ, которые происходили изъ класса мѣщанъ, либо крестьянъ и также приговорены были къ конфискаціи имуществъ, не имѣли права на правительственное вспоможеніе. Въ Западной Сибири имъ не позволяли—по силѣ закона—выѣзжать за предѣлъ 10 верстъ отъ деревни или города, въ которыхъ указано ихъ водворить. Въ Восточной Сибири имъ предоставлена была бо́льшая свобода; тамъ политическіе поселенцы, съ дозволенія властей, могли разъѣзжать по всей Восточной Сибири. Само собою, тутъ и тамъ дѣти поселенцовъ принад-

лежали къ сословію крестьянскому, до 17 лѣтъ освобождены отъ податей и не отбывали рекрутской повинности. Сами отцы въ первые два года не платили подушнаго, и если въ теченіе 10 лѣтъ не нарушили права благонамѣренности, не провинились передъ начальствомъ, не были штрафованными, они могли черезъ 10 лѣтъ записываться въ крестьяне или купцы. Само собою разумѣется, болѣе счастливый поселенецъ — изъ людей простыхъ, и самый несчастный—изъ высшихъ слоевъ общества.

Третья категорія поляковъ была назначена въ арестантскія роты и работала (тоже не въ большомъ количествѣ) въ крѣпостяхъ сибирскихъ, всего чаще по границамъ Сибири Западной. Положеніе ихъ немногимъ рознилось отъ каторжнаго, хотя по степени взысканія между крѣпостнымъ и каторжнымъ состояніемъ законъ установлялъ розницу; кое-кому удавалось освобождаться и поступать либо въ писцы при канцеляріяхъ, либо въ домашніе учителя на условіяхъ вольнаго и весьма дешоваго найма.

Четвертый разрядъ ссыльныхъ предназначенъ былъ въ полковую службу, т. е. въ сибирскіе батальоны простыми солдатами либо на всю жизнь, либо на 15 и 20 лѣтъ безъ выслуги, но съ надеждой возврата на родину, не иначе какъ на такую же солдатскую службу до самой смерти. Несмотря на то, что солдатскій разрядъ полагался слабѣйшею мѣрою взысканія изо всѣхъ видовъ сибирской ссылки, онъ на практикѣ оказался однимъ изъ тягчайшихъ. Наибольшимъ количествомъ побѣговъ (и притомъ большими шайками, скопомъ и заговорами) отличился передъ другими этотъ разрядъ; наибольшую тяжесть наказанія выдержали поляки въ этомъ разрядѣ. При безцѣльной жизни, безъ будущаго и надеждъ, солдаты-поляки предавались въ Сибири безграничному пьянству. Многіе изъ нихъ казались до такой степени деморализованными и потерянными, что утратили какъ чувствованія и впечатлѣнія сердца, такъ благородство вида и игру физіономіи. Нѣкоторымъ удалось опиваться до смертельныхъ апоплексическихъ ударовъ, не смотря даже на то, что товарищество поляковъ умѣло внимательно слѣдить за таковыми и считало своею обязанностію удерживать ихъ отъ окончательнаго паденія. На бѣду товарищество не всегда доводило своего участія до конца: трудно

исправимыхъ оно исключало изъ своей среды и предоставляло самимъ себѣ и полному вліянію надломленной испорченной воли *).

Самая строгая категорія каторжныхъ, сосланныхъ на 2, на 3, 5, 15 лѣтъ, либо на цѣлую жизнь, самымъ учрежденіемъ своимъ показываетъ всю тяжесть взысканій, невыносимую для людей развитыхъ и образованныхъ (каковыми оказались наибольшая часть присужденныхъ къ самымъ тяжкимъ каторжнымъ работамъ). До Тобольска такихъ везли еще въ кибиткахъ съ жандармами **). По Сибири ссыльные уже шли въ партіяхъ со всѣми другими преступниками, и въ кандалахъ.

Когда ссыльные 1831 года въ 33-мъ году пришли на Нерчинскіе рудники, тогдашній горный начальникъ велѣлъ представить ихъ

---

*) Такъ, между прочими, за Байкаломъ поступили съ Марціевскимъ, человѣкомъ весьма независимаго характера и образа мыслей.

**) Жандармы обязаны были не давать ссыльнымъ въ руки ни ножа, ни другой какой либо острой вещи, а потому они на станціяхъ разрѣзали мясо и отбирали даже кости. Обязаны были не отходить отъ ссыльнаго ни на шагъ, не позволять никому изъ посторонннихъ подходить и разговаривать. Обязаны были смотрѣть, чтобы не убѣжалъ и стараться живымъ доставить на мѣсто назначенія. Если ссыльный заболѣетъ въ дорогѣ, жандармы обязаны стараться всякими средствами довезти до ближайшаго губернскаго города, а если болѣзнь острая и сильная, то до ближайшаго уѣзднаго города. Если болѣзнь продолжается дольше мѣсяца, тогда жандармы отдаютъ арестанта подъ надзоръ мѣстныхъ властей, отъ которыхъ берутъ письменное свидѣтельство и возвращаются къ мѣсту служенія. На паромахъ, на мостахъ, при переѣздахъ черезъ рѣки не позволялось вылѣзать изъ телѣги и даже сами жандармы должны были сидѣть въ это время по бокамъ. Одно изъ этихъ правилъ нарушалось въ Сибири, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ для разговоровъ, утѣшеній и напутственнаго успокоенія собирались бывалые изгнанники съ совѣтами, и наставленіями вновь прибывающимъ. Судьба сближаетъ людей у почтовыхъ станцій: на встрѣчу политическимъ ссыльнымъ изъ поляковъ собирались не одни только поляки. По приходѣ въ Иркутскъ польскіе солдаты, — повстанцы 1831 г., приняты были дружески тѣми изъ гвардейскихъ солдатъ—семеновцовъ, которые за бунтъ 1825 года сосланы были въ Сибирь и разсортированы по тамошнимъ батальонамъ. Семеновцы и поляки составили двѣ дружескія группы; защищали другъ друга, не позволяли, безъ своей воли, ни одного солдата наказывать; негодяевъ исключали изъ своей среды. На первыхъ шагахъ поляковъ въ солдатской неволѣ семеновцы были истинными благодѣтелями.

къ себѣ. Принявши строгій видъ, сильнымъ, отрывистымъ и повелительнымъ голосомъ онъ сказалъ имъ:

— Ежели и здѣсь будете мыслить противъ правительства, то ожидаетъ васъ не веревка, не пуля, но палки, которыми прикажу васъ заколотить.

Слова эти были произнесены такимъ тономъ, что одинъ изъ прибывшихъ поляковъ, не воздержавшись отъ смѣха, улыбнулся. Начальникъ это замѣтилъ и пришолъ ещо въ большій гнѣвъ: топалъ ногами, брызгалъ и кричалъ:

— Знайте разъ на всегда, что вы пришли въ страну, гдѣ смѣяться не позволено.

Затѣмъ быстро возобладавши собой и не давъ въ соотвѣтствіи тону своему хорошенько размыслить пришельцамъ о тяжести будущей жизни въ рудникахъ, горячій начальникъ перешолъ въ тонъ мягкой и спокойной. Онъ кротко разспрашивалъ каждаго о занятіяхъ и лѣтахъ, о ремеслѣ и знаніяхъ. Узнавши въ Подгородзинскомъ богатаго человѣка и опросивши уже ученаго Бопрэ, говорилъ первому, указывая на втораго,—въ такомъ смыслѣ:

— Если бы ты былъ ученымъ, какъ этотъ, я бы не удивился, что ты принадлежалъ къ союзу. Но чего же ты хотѣлъ? Конечно при богатствѣ твоемъ тебѣ было и безъ этого хорошо. Вотъ-то глупость, настоящая глупость!

И начальникъ качалъ головой, и долго не могъ совмѣстить обѣ мысли въ одну и, послѣ различныхъ вопросовъ, снова возвращался къ тому же недоумѣнію и удивленію своему.

Между прочимъ обратилъ онъ вниманіе на европейской, городской костюмъ ссыльныхъ, приказалъ нѣкоторымъ обрить бороды, какъ неприсвоенныя людямъ каторжнаго состоянія; велѣлъ оголить бакенбарды и подбородки, замѣтивъ, что такое украшеніе принадлежитъ людямъ честнаго званія. Долго потомъ муштровалъ, осматривалъ, ласкалъ и бранился въ одно время и на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ отпустилъ.

Разославши ссыльныхъ поляковъ по различнымъ нерчинскимъ рудникамъ, начальникъ объѣзжалъ ихъ потомъ. Въ одномъ мѣстѣ кричалъ на чиновниковъ за то, что посылаютъ поляковъ на работы,

заставши многихъ изъ нихъ при разбиваніи руды и дивился, что подчиненные его не умѣютъ уважать людей съ образованіемъ и отдѣлять ихъ отъ остальныхъ преступниковъ. Ревизуя рудники во второй разъ, призывалъ чиновниковъ горныхъ и сердился на нихъ за то, что послабляютъ столь опаснымъ людямъ, что не назначаютъ ихъ на рудниковыя работы, и проч.

Но этотъ начальникъ былъ послѣднимъ изъ могиканъ. Въ немъ уже боролись два направленія, два противоположныхъ взгляда на ссыльныхъ въ томъ разногласіи, что дѣлали изъ него чудака. Въ послѣдующихъ начальникахъ гуманный взглядъ и мягкія отношенія взяли перевѣсъ. Подобному чуду превращенія гнѣва на милость всѣ ссыльные обязаны вліянію декабристовъ на ихъ коменданта Лепарскаго, который къ тому же былъ самъ полякомъ. Когда поляки начали прибывать за Байкалъ, вліяніе декабристовъ на комендатское управленіе было уже на столько сильно, что поляки встрѣтили самый мягкій пріемъ, и комендантъ не препятствовалъ декабристамъ подать имъ помощь значительными деньгами, вещами и книгами. Такимъ образомъ первое пособіе поляки получили не отъ своихъ и не изъ Польши, а изъ каземата декабристовъ. Не забудемъ, что заводы въ отношеніи ко всѣмъ ссыльнымъ, а тѣмъ болѣе относительно «политическихъ» были подчинены вѣденію Лепарскаго—коменданта Нерчинскихъ рудниковъ. «Послѣ стало легче» (свидѣтельствуетъ одинъ изъ поляковъ, жившихъ на каторгѣ, вообще недружелюбный къ Россіи и озлобленный противъ Сибири, сохранившій приведенное нами преданіе о первой встрѣчѣ поляковъ за Байкаломъ *). «Болѣе человѣчными сдѣлались отношенія (говоритъ онъ дальше); тиранія и варварство въ тѣхъ рудникахъ стали уменьшаться. Старики, помнящіе старыя времена, говорятъ о тогдашнихъ начальникахъ, какъ о грубыхъ тиранахъ, поступавшихъ съ людьми звѣрски. Нынѣшное обращеніе — терпѣливое, отношеніе къ польскимъ ссыльнымъ милостивое, деликатное и мягкое. Но за-

*) Агатонъ Гиллеръ, написавшій за границей три тома: Описаніе Забайкальской украйны въ Сибири (Лейпцигъ 1867: Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberyi).

кому ни одна категорія поселенцовъ, даже политическихъ, не освобождена отъ тѣлеснаго наказанія, но не было ни одного примѣра, чтобы наказали политическаго поселенца безъ суда (какъ это дѣлается съ прочими) и чтобы котораго нибудь изъ нихъ записали въ цѣхъ слугъ».

Другой полякъ въ Западной Сибири зналъ и также за границей писалъ, что «сосланныхъ въ Нерчинскъ обыкновенно въ рудникахъ не заставляли работать, т. е. ихъ не опускали во внутрь шахты, но въ рабочіе часы должны они выходить съ тачками и возить въ нихъ землю, либо добытую руду; однако трудъ имъ былъ не черезъ силу». «Поляковъ охотно принимали въ избранныя общества; имъ дозволялись сходки для увеселеній. Совершенно нельзя вѣрить тому, что въ нерчинскихъ заводахъ политическихъ ссыльныхъ называютъ только нумерами и что они носятъ только арестантскую форму. Въ самомъ дѣлѣ называютъ ихъ настоящими именами, и они носятъ такое платье, какое могутъ» *).

«Съ ссыльными обходятся снисходительно и готовы раздѣлить съ ними послѣднюю копѣйку и кусокъ (пишетъ бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Броневскій, въ 1836 г., служившій до того долгое время и въ Западной) **). Ссыльные и живутъ, такъ сказать, на счотъ обитателей Сибири; никто не хочетъ доискиваться, что былъ ссыльный и что онъ за преступникъ: знаютъ всѣ его подъ общимъ именемъ «несчастный». Ни происхожденіе, ни религія, ни нація не имѣютъ различія въ обхожденіи съ ними, хотя и часто видимы были разительныя доказательства неблагодарности нѣкоторыхъ».

«Съ сосланными изъ дворянъ (говоритъ другой свидѣтель нерчинскихъ порядковъ, высланный по дѣлу Петрашевскаго) и вообще съ политическими преступниками обращались по большей части хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу, и если не было особаго предписанія, не содержали и въ тюрьмахъ (а на гауптвахтахъ). Начальство было съ ними вѣжливо, привѣтливо. Наши дво-

*) Руфимъ Піотровскій: «Pamiętniki z pobytu na Syberyi». Poznan, 1860.

**) Въ неизданныхъ рукописныхъ запискахъ о службѣ.

ряне далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ начальства (да того и сами не заслуживали)». Въ Култумѣ, напримѣръ, поляки жили въ особомъ большомъ домѣ, нарочно для нихъ построенномъ. «Большею частію они ссылались на короткіе сроки на каторгу и, выходя на поселеніе, занимались мелкой торговлей, подрядами и хозяйствомъ; большая часть — небогатая шляхта, всѣ набожные католики, всѣ мало сближались съ русскими, кромѣ подрядчиковъ. Въ послѣднее время (передъ освобожденіемъ по манифесту нынѣ Царствующаго Государя) нѣкоторые поляки по подрядамъ нѣсколько зарисковались, но у народа пользовались довѣріемъ. Для всѣхъ политическихъ преступниковъ было общее названіе поляковъ, и главною особенностію для распознаванія полагалось не нарѣчіе, а образованіе. Многіе серьозно занялись своимъ развитіемъ и успѣли образовать себя замѣчательно».

Въ Большомъ Нерчинскомъ заводѣ, на денежную складчину всѣхъ ссыльныхъ поляковъ, составлена была замѣчательная по составу сочиненій и по количеству томовъ (три тысячи) библіотека, часть которой временами отдѣлялась для пользованія ссыльнымъ другихъ рудниковъ (между прочимъ, одинъ изъ такихъ отдѣловъ библіотеки существовалъ въ Култумѣ). Основаніе библіотекѣ положили четыре поляка (Бопре, Машковскій, Боровскій и Чапскій), сосланные по дѣлу Конарскаго, они составили между собою за Байкаломъ товарищество, прозванное *Ogól*. Впослѣдствіи подъ этимъ именемъ долгое время существовала община забайкальскихъ изгнанниковъ, которая владѣла библіотекою, выписывала газеты, выдавала письма, и была хранительницей кассы, составлявшейся изъ добровольныхъ взносовъ имущими. Сессія для повѣрки отчотовъ и прошедшихъ тратъ и для соображенія будущихъ расходовъ происходила обыкновенно въ Большомъ заводѣ на праздникъ Рождества Христова. Власти знали о сессіяхъ и объ Огулѣ, и не преслѣдовали. Товарищеское согласіе и взаимная помощь, развиваясь подъ самыми благопріятными условіями, сложилось въ нѣчто такое, что достойно уваженія и подражанія. Въ участникахъ дѣла, и въ дѣятеляхъ по товариществу успѣли выясниться замѣчательные люди, стоявшіе къ товарищамъ самыми завѣтными сторонами прекрасной души и въ дѣлахъ помощи и благотворенія въ

нерѣдкихъ случаяхъ заявившіе энергію до самопожертвованій и самоотверженія. Въ особенности замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи Александръ Венжикъ, бывшій основатель варшавскаго товарищества св. Креста. Вотъ что говоритъ о немъ хорошо знавшій его Гиллеръ:

«Венжикъ былъ сосланъ на легкія работы въ рудникахъ. Посылаемый на луга для уборки сѣна, онъ, сидя въ шалашѣ со своимъ товарищемъ, зачитывался Гельвеція и другихъ философовъ XVIII вѣка. Въ нихъ однако онъ не нашолъ матеріаловъ для себя въ достаточной мѣрѣ, а между тѣмъ праздность не переставала мучить этого человѣка, нравственный организмъ котораго требовалъ труда и искалъ цѣлей, каковыя бы измѣнили все его существо. Онъ созданъ былъ для дѣятельности, для высокихъ цѣлей и для крупныхъ предпріятій, а не для полумѣръ. Безъ высшихъ занятій, въ недѣятельности, онъ не могъ быть покойнымъ и прійдти въ себя. Въ такомъ положеніи люди либо падаютъ, либо крѣпнутъ больше прежняго. Венжикъ также находился на пути къ паденію. Во время внутренной борьбы и душевныхъ тревогъ онъ узналъ красивую крестьянскую дѣвушку и, всей душой полюбивши ее, привязался къ ней. Еслибы она не была русскою, — онъ женился бы на ней: но ея вѣра стала преградою. Долго онъ боролся съ собой, долго колебался въ выборѣ средствъ, но въ концѣ превозмогъ любовь и пожертвовалъ ею для товарищей». «Мысли и начала свои онъ оторвалъ отъ исключительной, эксцентричной почвы и утвердилъ ихъ на твердомъ основаніи сильныхъ и широкихъ убѣжденій: не сдѣлавшись фанатикомъ,—онъ сталъ человѣкомъ религіознымъ». Съ этой поры всю жизнь свою Венжикъ посвятилъ товарищамъ по ссылкѣ, не раздѣляя политическихъ отъ присланныхъ за гражданскія и уголовныя преступленія,— лишь бы только были то́ поляки. Онъ розыскивалъ крайныхъ бѣдняковъ между ними, поддерживалъ колебавшихся, поднималъ упавшихъ и потерявшихся. «Не было селенія самаго отдаленнаго, гдѣ бы не являлся онъ, неся матеріальную помощь деньгами и нравственную въ словѣ Христовомъ. Чтобы соединить всѣхъ съ Богомъ, возбудить въ нераскаявшихся раскаяніе и исправленіе, онъ въ главнѣйшихъ селеніяхъ Дауріи устроилъ общія молитвы между католиками. Передъ алтарикомъ, устроеннымъ въ квартирѣ кого-либо изъ товарищей для

произнесенія молитвъ и литаніи, собирались, подъ предводительствомъ политическаго ссыльнаго, всѣ католики изъ рудника *). На Пасху и Рождество собиралъ онъ всѣхъ каторжныхъ поляковъ и дѣлился съ каждымъ узникомъ освященнымъ яйцомъ, либо оплаткою; разспрашивалъ о нуждахъ и всегда помогалъ, неизбѣжно имѣя на устахъ слово Божіе, подкрѣпляющее въ несчастіяхъ и несущее надежду упавшимъ. Образъ его въ рудникахъ представляется намъ образомъ миссіонера! »Этотъ видъ богослуженія (особое набоженьство), эти молитвы устояли за Байкаломъ и послѣ смерти Венжика въ 1853 году. На могилу его товарищи положили доломитовый камень и, найдя въ имуществѣ 1 тыс. злотыхъ, постановили увеличить эту сумму добровольными взносами для того, чтобы возможно было въ околицѣ его родины купить землю, основать колонію и отдать ее во владѣніе родственнику какого-либо заслужоннаго въ бою или отличившагося въ ржондѣ крестьянина. Прожилъ Венжикъ, отказывая себѣ во многомъ и ничего не жалѣя для другихъ; держалъ себя скромно, не хвастливо, бѣгалъ въ убогой одеждѣ, писать не любилъ: дѣятельная жизнь совершенно оторвала его отъ пера. Временами, въ веселомъ настроеніи духа, въ кучѣ пріятелей, импровизировалъ либо писалъ стишокъ, куплетикъ, который потомъ, пропѣтый товарищами, служилъ приправой бесѣдъ и поводомъ къ веселымъ шуткамъ товарищескихъ собраній.

Большой Нерчинскій заводъ въ два великихъ праздника (въ Рождество и на Пасху) служилъ мѣстомъ обширнаго собранія всѣхъ поляковъ, и вообще заводъ этотъ можно было считать важнѣйшимъ и главнымъ пунктомъ польскаго изгнанія въ Сибири; его называли

*) Для уставщиковъ такого «набоженства» Венжикъ написалъ инструкцію, подъ названіемъ «Uwagi o potrzebach nabożeństwa bajkalskiej parafii». Впрочемъ, и само правительство строго требовало исповѣди у ксендзовъ, обязанныхъ составлять списки исповѣдникамъ. Кто не попадалъ въ нихъ, о тѣхъ наводились справки; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ строго наказывали. Забайкальскій католическій приходъ заключалъ въ себѣ въ 1860 году 1,635 прихожанъ; за пять лѣтъ до того ихъ было 758 и въ томъ числѣ 150 политическихъ преступниковъ. Приходъ этотъ устроенъ въ 1840 году по желанію и просьбамъ ссыльныхъ этого періода; до тѣхъ поръ Забайкалье принадлежало къ иркутскому приходу.

«столицею забайкальскихъ польскихъ изгнанниковъ». Изъ дальныхъ мѣстъ спѣшили къ этимъ днямъ всѣ ссыльные для свиданія съ товарищами и для исполненія на великіе дни богослужебныхъ и праздничныхъ обрядовъ, указанныхъ религіею и народными обычаями. Это были и времена заявленій каждаго о личныхъ нуждахъ, планахъ и намѣреніяхъ. Тогда начинала свои дѣйствія общественная касса.

Касса польская, образуемая изъ взносовъ самихъ ссыльныхъ и отъ присылокъ изъ Польши, всегда владѣла нѣсколькими тысячами рублей *). Наблюдалась она особымъ кассиромъ, ежегодно избираемымъ въ эту должность (Вежикъ безсмѣнно состоялъ таковымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ). Изъ кассы брали помощь старики, больные, либо остававшіеся безъ занятій; она же давала и займы для устройства быта и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. На вспомоществованіе ея имѣлъ право каждый членъ ссыльной колоніи, этой польской общины за Байкаломъ; не пользовались же этимъ правомъ только поляки, сосланные не за политическія преступленія, какъ не признанныя въ составѣ общины, не пользовались неплатившіе процентовъ (не вносившіе денегъ) и тѣ изъ политическихъ, которые успѣли жениться на сибирячкахъ, какъ добровольно исключившіе себя изъ нея чрезъ нарушеніе одного изъ коренныхъ правилъ колоніи. «Община была и есть утѣхою жизни поляковъ въ ссылкѣ: взаимная помощь и взаимный контроль уладили ссыльныхъ, облегчили имъ жизнь, спасли ихъ достоинство, возвысили помыслы и сдѣлали то, что поляки имѣли здѣсь неограниченный кредитъ, довѣріе и уваженіе, какіе выразились по отношенію къ нимъ мягкимъ и снисходительнымъ обращеніемъ властей, исканіемъ торговыхъ, товарищескихъ и иныхъ сношеній со стороны тамошняго народа». Кромѣ того, въ Большомъ заводѣ, черезъ браки поляковъ между своими, образовалось нѣсколько польскихъ семейныхъ

---

*) Сооруженію въ заводѣ каплички съ малымъ органомъ и снабженію ея всѣмъ необходимымъ способствовала много Грохольская, изъ Подольск. губ., высланная за то въ Ярославль. Впослѣдствіи на деньги, собранныя съ прихожанъ и на Волынѣ и Украйнѣ Раковскою, предположено было выстроить костелъ въ Читѣ съ тѣмъ, чтобы упразднить существовавшій въ заводѣ Нерчинскомъ. Костелъ иркутскій построенъ гр. Литтою.

домовъ, гдѣ изгнанники не мало встрѣчали утѣшенiй и помощи. Гостепрiимство, искренность и прелесть прiема, какими всегда отличаются польки, умѣли не одного изгнанника перенести воспоминанiями на далекую родину, тѣмъ болѣе, что и народные обычаи въ этихъ семействахъ свято соблюдались.

Такимъ же пунктомъ для сходокъ товарищескихъ и для обмѣна мыслей служилъ нѣкоторое время Акатуйскiй рудникъ, гдѣ ссыльные поляки группировались около Высоцкаго. Подъ вліяніемъ этого замѣчательнаго человѣка умѣла также уберегаться польская нацiональность, склонная не сдружаться съ русскою, несмотря на благопрiятныя условiя, предлагаемыя добровольно и безъ принужденiя и даже извѣстнаго рода необходимыя. Въ Акутай къ Высоцкому, во время житья его на поселенiи, изъ ближнихъ странъ нерчинской ссылки собирались товарищи изгнанiя, и здѣсь, въ его скромномъ жилищѣ, торжественно справляли памятную годовщину 29 ноября. Высоцкiй гостепрiимно встрѣчалъ всѣхъ званныхъ и незванныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; временами кто-нибудь запѣвалъ веселыя народныя пѣсни, всегда въ день св. Сатурнина раздававшiяся въ жилищѣ общаго любимца всѣхъ польскихъ изгнанниковъ *).

Этою тѣсною дружбою, этою готовностiю ко взаимной помощи и поддержкѣ прославились поляки между сибиряками въ видѣ поразительнаго исключенiя и замѣчательнаго образца. Въ Тобольскѣ встрѣчала ихъ помощь Петра Мошинскаго, сосланнаго туда на житье, и князя богача — Романа Сангушки, надѣлявшаго деньгами каждаго изъ приходившихъ въ этапной партiи, и проч. **). Всякiй вновь

---

*) Нѣкоторые поляки, какъ Петръ Сцѣгѣнный съ братьями (въ Александровскомъ заводѣ) пробовали жить товариществомъ на равныхъ, коммунистическихъ правахъ, но попытка ихъ не удержалась на практикѣ.

**) Романъ Сангушко числился солдатомъ въ тобольскомъ батальонѣ и жилъ на волѣ. Впослѣдствiи, по ходатайству родственниковъ, переведенъ въ кавказскiя войска съ дозволенiемъ выслуги. Когда дослужился, онъ уже очень мало видѣлъ и оглохъ. Глухимъ онъ встрѣтилъ, и глухимъ остался къ послѣднему польскому возстанiю, живя въ своихъ имѣнiяхъ въ Волынской губ. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ Тобольскѣ полковникъ Крыжановскiй, отличавшiйся въ наполеоновскихъ войскахъ въ Испанiи, другъ генерала Хлопицкаго, человѣкъ высокообразованный.

прибывшій въ рудники ссыльный находилъ у старыхъ пріютъ, обязательную помощь и необходимые совѣты на предстоящую жизнь, какъ бы родные братья, кровные друзья. Рѣдкій изъ ссыльныхъ поляковъ не зналъ или не имѣлъ понятія объ остальныхъ товарищахъ изгнанія: Высоцкій зналъ положительно каждаго, и ни одному изъ своихъ соотечественниковъ не отказывалъ въ гостепріимствѣ и совѣтахъ. Въ обязательствахъ такого всевѣденія предполагалась та возможность вліянія на упавшихъ духомъ, которая выражалась между прочимъ, въ стремленіяхъ не давать смѣшиваться польской крови съ русскою. Браки съ сибирячками считались измѣною отчизнѣ и незримый контроль и наблюденіе всегда являлись съ отговорами, мольбами и запрещеніями вездѣ и тотчасъ тамъ, гдѣ житейскія обстоятельства и сердечныя стремленія завязывали узы Гименея. «Такихъ общественное мнѣніе сурово карало, однако старанія товарищей не всегда были успѣшны». Сохраненіе національнаго чувства и патріотическихъ вѣрованій, съ самыми крайными и странными проявленіями, низведенными до тонкихъ мелочей—было одною изъ характеристическихъ особенностей и однимъ изъ главнѣйшихъ, сознательныхъ стремленій всѣхъ политическихъ ссыльныхъ этого втораго періода ссылки. Успѣхъ задался въ такой степени, что изо всего множества политическихъ ссыльныхъ Восточной Сибири, говорятъ, только 27 остались доживать здѣсь свой вѣкъ послѣ всемилостиваго прощенія. «Община (ògулъ) такъ устроила дѣла изгнанниковъ Восточной Сибири, что они вернулись на родину не сломивши духа и не уронивши характера представителей Польши»—свидѣтельствуетъ Аг. Гиллеръ.

Жили поляки, подъ вліяніемъ товарищества и при содѣйствіи общественной кассы, различными способами труда, приспособляемаго на большую часть по образцамъ и требованіямъ мѣстнымъ: по заказамъ, подрядамъ и при содѣйствіи купцовъ, по наймамъ и подъ руководствомъ чиновниковъ; поляки искали либо частной службы, либо казенной. Наибольшее число ихъ видѣла Сибирь либо мелкими торговцами, купеческими прикащиками, либо станціонными смотрителями и писарями; охотливѣе всего искали они выгодныхъ мѣстъ

волостныхъ писарей. Привиллегія грамотности и умѣнье писать составляли основную причину польскихъ успѣховъ во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ; близкія взаимныя связи, вслѣдствіе одноплеменности и соузничества, всегда (какъ и вездѣ на свѣтѣ) выражались тѣмъ, что тамъ, гдѣ удалось укрѣпиться одному, находилась возможность къ обезпеченію и другаго поляка. Исключенія являлись только въ силу неодолимыхъ препятствій, предусмотрѣнныхъ законами физики, или запрещеніями начальствъ, временами налагаемыми. Въ заводскихъ конторахъ писали обыкновенно трое, но и такому числу бумажныхъ работъ приходилось по горло, писали съ 8 до 12-ти, потомъ обѣдали; въ два часа опять садились писать и снова писали часовъ до 10 и 11-ти. Не было работы—ходили въ конторы сидѣть и снова писали уже отъ бездѣлья и сверхъ сыта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опытные и образованные люди умѣли вызнавать и приспособлять такіе новые способы производствъ, о которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ до того времени мало разумѣли или не догадывались. Особеннымъ успѣхомъ пользовались знатоки различныхъ техническихъ производствъ, распространенныхъ въ Польшѣ, а наибольшую пользу сибирской странѣ оказали тѣ, которые, занявшись земледѣліемъ, приспособляли различные способы раціональнаго сельскаго хозяйства.

Между первыми особенными выгодами въ матеріальномъ отношеніи воспользовались тѣ, которые обратили вниманіе на превосходное дерево сибирскаго кедра, рѣдко растущаго сплошнымъ лѣсомъ, но замѣчательно распространеннаго по цѣлой Сибири. Плоды его, шишки съ орѣхами, составляли только любимый кормъ бѣлокъ и любимое лакомство сибирячекъ, превратившихъ щолканье кедровыхъ орѣховъ въ обязательное и ежедневное препровожденіе времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ предѣлахъ Западной Сибири, орѣхи—меледа составляли предметъ торговли и въ сыромъ видѣ вывозились за Уральскій хребетъ, продавались на Ирбитской ярмаркѣ. За Байкаломъ масло кедровыхъ орѣховъ составляло продуктъ русскаго приготовленія. Масло было лучше, потому что орѣхи чистились лучше, но за то не могло быть предметомъ серьозной торговли. Грызли орѣ-

хи обыкновенно дѣвочки-подростки, и грызли они такъ искусно, что, раскалывая скорлупу, не касались зубами орѣховъ. За Байкаломъ нѣкоторые поляки основали небольшой заводъ для добыванія изъ орѣховъ масла, для очистки скорлупы и выжимки изъ мякоти продукта; одинъ изъ нихъ (Савичевскій) занялся усерднѣе другихъ, устроилъ даже и мыльный заводъ *). Кедровое масло изъ этой маслобойни тотчасъ обратило на себя вниманіе не столько какъ вещество новое, сколько какъ добротный продуктъ. Когда такой же опытъ произведенъ былъ Морачевскимъ въ Западной Сибири и масло дошло до Москвы, то, по свѣжести, цвѣту и другимъ качествамъ, оно найдено было соотвѣтствующимъ тому, на которое существуетъ въ православной Россіи такое огромное и повсемѣстное требованіе и громадный расходъ. Издавна, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ спросъ неизмѣримо превышаетъ фабрикацію привознаго продукта и деревянное или оливковое масло издавна приправляется всякими примѣсями другихъ маслъ, между которыми сурепному принадлежитъ первое мѣсто. При всегдашныхъ замѣшательствахъ по недостатку суррогатовъ,—кедровое масло, свѣтлое и сладкое, и близко подходящее къ привозному оливковому, показалось московскимъ оптовымъ торговцамъ рѣшительнымъ кладомъ. Замѣченный недостатокъ смолистаго вкуса отъ доставки его въ сосновыхъ бочкахъ вскорѣ устраненъ былъ сибирскими заводчиками-поляками тѣмъ простымъ способомъ, что кедровое масло стали доставлять въ кедровыхъ бочкахъ. Дѣла заводчиковъ быстро поднялись: продуктъ ихъ продолжалъ сдабривать деревянное масло вопреки православному обычаю зажигать въ лампадахъ елей чистый и безпримѣсный. Успѣхъ увѣнчалъ начинанія съ большею выгодою для поляковъ Западной Сиби-

*) Савичевскаго поддержалъ кяхтинскій купецъ Ив. Як. Спѣшиловъ. Предпріятіе было однако не совсѣмъ удачно. Масло стало горько оттого, что у крупныхъ орѣховъ скорлупа вдавливалась въ мякоть, а мелкіе проскакивали съ цѣлою скорлупою между жорновами. Грохоты и жерновъ придуманы въ казематѣ декабристами, отсюда и взяты И. Я. Спѣшиловымъ. Цѣна на масло не уменьшилась однако; масло ручнаго производства было такъ дешево, какъ никогда не бывало при машинномъ производствѣ, потому что избоина шла въ кушанье.

ри, съ наименьшею для заводчиковъ Забайкалья, уже по причинамъ географическимъ.

Въ Сибири—какъ извѣстно—нѣтъ вовсе въ лѣсахъ: вяза, клена и ясени; за Байкаломъ въ озерахъ и болотахъ—пьявокъ, въ лугахъ и лѣсахъ—пчолъ. На медъ, какъ на продуктъ, весьма дорого стоющій въ православной Сибири, которая соблюдаетъ посты и сильно потребляетъ чай и пряники, также обращено было вниманіе въ Западной Сибири. Разведенію пчолъ содѣйствовали также ссыльные поляки, исконные знатоки и любители этого промысла, сильно развитаго въ бѣлорусскихъ и литовскихъ лѣсахъ, содѣйствовали, по иниціативѣ начальника алтайскихъ заводовъ, полковника Аршеневскаго, богатаго человѣка и любителя сельскаго хозяйства. Въ 1790 году онъ выписалъ изъ Россіи два улья въ свой полковой штабъ. Съ легкой его руки воспитаны были пчолы около Семипалатинска, въ Усть-каменогорскомъ и Бухтарминскомъ краяхъ при содѣйствіи поляковъ и литовцовъ, поселенныхъ деревнями или опредѣленныхъ въ казачьи войска. Теперь пчоловодство сильно развилось и ворочаетъ сотнями тысячъ рублей на всемъ югѣ Томской губерніи, преимущественно въ Бійскомъ округѣ (медъ отсюда везутъ даже въ Иркутскъ); начинаютъ также разводить пчолъ и въ богатыхъ липовыхъ лѣсахъ по р. Тартасу въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи *).

На сибирское огородничество, вообще находящееся въ зачаточномъ состояніи, поляки вліяли главнымъ образомъ тѣмъ, что, выписывая изъ Польши сѣмена, ознакомили съ нѣкоторыми неизвѣстными и распространили лучшіе сорты овощей и плодовъ. Въ маленькихъ щеголеватыхъ огородахъ даже у самыхъ бѣдныхъ изгнанниковъ сибиряки увидѣли макъ, петрушку, селерей, порей, цвѣтную капусту, фасоль, арбузы и дыни и имѣли возможность, чрезъ подражаніе и при указаніяхъ, распространить возрастаніе ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ (макъ, напримѣръ, хотя и хорошо родится на сибирской землѣ, но весьма мало воспитывался). Сибиряки, между прочимъ, глубоко убѣждены были въ томъ, что арбузы и дыни, кромѣ парни-

*) Между прочимъ, сибирскій медъ — такого качества, что подобнаго ему трудно найти въ Россіи.

ковъ и оранжерей, нигдѣ родиться не могутъ. Воспитанные тамъ плоды эти продавались въ Иркутскѣ отъ 5 до 10 р. асс. Но Вл. Θед. Раевскій (декабристъ) сталъ разводить арбузы въ 80 вер. отъ Иркутска въ Олонкахъ на особыхъ грядахъ и безъ особенныхъ хитростей. Тамошнія бабы выучились, стали подражать; ихъ примѣру послѣдовали бабы въ Александровскомъ заводѣ, и теперь на иркутской рынокъ натаскиваютъ арбузовъ цѣлые воза, такъ что арбузъ стóитъ уже отъ 10 до 50 копѣекъ *).

Какъ ссыльные на мысѣ Доброй Надежды развели виноградъ, эмигранты французы основали въ восточныхъ предѣлахъ Лондона шолковыя фабрики и научили саксонцовъ выдѣлывать сукна и шляпы, — издѣлія, составлявшія до того времени монополію Франціи, такъ, между прочимъ, плѣнные шведы въ Орловской губерніи выучили косить пшеницу, а въ Сибири основали первыя школы **). Поляки кое-гдѣ за Байкаломъ и во многихъ мѣстахъ обѣихъ Сибирей познакомили съ плугомъ. Въ остальной Сибири съ плугомъ и литовками ознакомили туземцовъ добровольные переселенцы Малороссіи, казаки. Поселенцы косили косою и горбушею, смотря кто изъ какого мѣста былъ. Самая лучшая за Байкаломъ пшеница называется полька, а у семейскихъ старовѣровъ — кубанка выписана была впервые

---

*) Огородничество процвѣтало за долго до поляковъ у раскольниковъ Забайкалья и на Алтаѣ, и распространено въ лучшихъ видахъ у декабристовъ за долго до прибытья поляковъ, которые вначалѣ даже и семенами пользовались изъ каземата. Въ Иркутскѣ за долго до поляковъ были у губернатора Цейдлера, а особенно у купца И. И. Баснина образцовыя оранжереи, которыя были бы замѣчательны и вездѣ. Въ Минусѣ разводились арбузы издавна; а въ западной Сибири славились ташкентскіе огурцы, какъ въ восточной китайскіе, имѣвшіе ту выгоду, что можно было ихъ выращивать на окнахъ, на трельяжахъ.

**) Въ Тобольскѣ между прочимъ жили Дитмаръ, секретарь Карла XII и полковникъ Страленбергъ, успѣвшій объѣздить съ ученою цѣлію многія мѣста Сибири. По возвращеніи изъ плѣна въ Стокгольмъ, онъ написалъ книгу (на нѣм. яз.) «Сѣверо-восточная часть Европы и Азіи, содержащая въ себѣ географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Сибири и отчасти объ европейской Россіи съ картою Сибири». Татищевъ написалъ на эту книгу замѣчанія.

изъ Польши и прислана черезъ почту. Подъ Большимъ Нерчинскимъ заводомъ у изгнанниковъ былъ образцовый фольваркъ (хозяинъ его Бульдескуль). Нѣкоторые разводили лошадей, каковыхъ сибиряки охотно покупали, увѣренные въ томъ, что лошади, выхоленныя по европейскимъ образцамъ, крѣпки, красивы и быстры, и до сихъ поръ помнятъ, что между поляками Валецкій искусно способствовалъ улучшенію породы туземныхъ лошадей. Шведы и финны въ томъ же Забайкальѣ, какъ и въ остальной Сибири, познакомили крестьянъ съ приготовленіемъ чухонскаго масла, и тѣ же поляки основали фабрики сыровъ польскихъ и швейцарскихъ*). Была даже маленькая фабрика, приготовлявшая сигары изъ монгольскаго и нерчинскаго табаку.

Съ выѣздомъ поляковъ изъ Сибири упала добротность кедроваго масла, вызвавшая теперь въ Москвѣ сожалѣніе, къ тому же вывозъ масла уменьшился сверхъ того вслѣдствіе вздороженія за Байкаломъ и въ Сибири всѣхъ работъ, въ томъ числѣ и добыванія орѣховъ и особенно вслѣдствіе вздорожанія въ пять разъ и болѣе провоза. Исчезло безъ слѣда сыровареніе **). Не укрѣпился секретъ Валецкаго воспитывать лошадей, не пустила глубокихъ корней выдѣлка березовыхъ трубокъ, на которыя особенно охотливы и искусны были забайкальскіе поляки; не распространились по городамъ ремесла, несмо-

---

*) На Чикоѣ въ деревнѣ Шембеликъ полякъ Савичевскій имѣлъ два завода: мыльной и масляной (изъ кедровыхъ орѣховъ). Въ 1859 г. выработано имъ было масла на 12 тыс. руб. Савичевскій имѣлъ также чайную торговлю въ Кяхтѣ. Швейцарскіе сыры варили въ Петровскомъ заводѣ братья Карпинскіе. По возвращеніи ихъ въ 1857 г. на родину, сыроварня эта исчезла безъ слѣдовъ. Сыръ, какъ извѣстно, возятъ за Байкалъ изъ Москвы за 6 тысячъ верстъ; порядочное мыло, пригодное для стирки бѣлья, за 4½ - 5 тыс. верстъ изъ Казани; даже простыя сальныя свѣчи идутъ въ Иркутскъ и далѣе изъ Томска за 1½, 2, 2½ тыс. верстъ. Приготовленіе обыкновеннаго польскаго сыра составляло необходимую принадлежность всякаго хозяйства польскихъ поселенцовъ. Въ Александровскомъ заводѣ Пасербскій и Вокульскій имѣли свѣчной заводъ. Мыло варили за долго до поляковъ. Казанское привозили оттого, что оно было въ славѣ и провозъ за Байкалъ былъ необычайно дешовъ (напр. отъ Моря (Байкала) до Читы 45 коп. асс. съ пуда).

**) Впрочемъ сыръ польскій былъ очень плохого качества.

тря на то, что сапожниковъ и башмашниковъ прислано было изъ Польши много, несмотря на то, что между слесарями и кузнецами поляками находились истинные артисты своего дѣла, и вообще техническія производства и ремесла на городскую и дворянскую руку имѣли въ полякахъ замѣчательно хорошихъ представителей. Первая въ томъ краю вѣтреная мельница, построенная въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ, тоже недолго похлопала крыльями и не нашла покровителей: вѣтры не крѣпки. Крупнаго вліянія и сильнаго впечатлѣнія дѣла и затѣи ремесленниковъ изъ поляковъ не произвели на ссыльныя страны; не произвели и потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ желанія и цѣлей приспособлять свои ремесленныя знанія въ широкихъ размѣрахъ къ мастерству и школѣ—и потому, что всякій работалъ изъ-за насущнаго куска хлѣба. Воспользоваться ихъ знаніями и обратить ихъ на пользу туземцовъ никому и въ голову не приходило: омская весьма успѣшная и иркутская не совсѣмъ удачная попытка образовать поляками полковыхъ музыкантовъ, вмѣстѣ съ разведеніемъ пчолъ подъ Семипалатинскомъ, стоятъ одиноко и остались безъ подражателей *). Всякій работалъ самъ для себя и самъ про себя: и Высоцкій варилъ въ Акатуѣ мыло, но издѣлія его, въ маленькихъ квадратныхъ выпуклыхъ печаткахъ (съ надписью P. W. Akatuja), не употреблялись по назначенію, а раскупались для храненія на память обожавшими его земляками. Мыло поляка Хлопицкаго приманило было сначала своимъ бѣлымъ видомъ, но когда оказалось не мылко, то и потеряло скоро кредитъ. И братья Далевскіе лили сальныя свѣчи, и на р. Аргуни двое поляковъ основали кожевню, но издѣлія первыхъ во все время не расходились дальше хатъ Газимурскаго селенія, а издѣлія вторыхъ удовлетворяли только мѣстнымъ нуждамъ контрабандистовъ. Цезиковскія же глиняныя статуетки, вазы и трубочки весьма мало нашли себѣ подражателей и продолжателей. Съ большею охотою пускались поляки на мелкія работы: шили башмаки, дѣлали деревянныя чашки, ложки, ведра, кадушки, глиня-

*) Въ составъ иркутскаго оркестра вмѣстѣ съ поляками поступили, между прочимъ, ссыльные дворовые гр. Аракчеева, сосланные по дѣлу убійства извѣстной графской любовницы Настасьи.

ные горшки; на Шилкѣ и Аргуни занимались рыбной ловлей, охотой; у купцовъ жили въ поварахъ, въ прикащикахъ, бухгалтерами, учителями при дѣтяхъ (особенно большую помощь нашли поляки у богатыхъ купцовъ Кандинскихъ). Между прочимъ, поляки любили разносную торговлю коробейнымъ товаромъ; нѣкоторымъ при этомъ приходилось, по вызову и требованіямъ туземнаго населенія (какъ въ Западной Сибири), гадать за яица для пущаго успѣха на царѣ Соломонѣ, колдовать, ворожить и лечить всякими вѣдомыми и невѣдомыми снадобьями. Нѣкоторымъ удалось отъ торговли и различныхъ подрядовъ разбогатѣть до забвенія о родинѣ, а нѣкоторымъ послѣ того и разориться (какъ случилось въ Восточной Сибири—именно за Байкаломъ, когда переименовали крестьянъ въ казаковъ и въ вознагражденіе за пожертвованія при этомъ, воспретили имъ платить купцамъ долги.*).

Несомнѣнно прочнѣе и плодотворнѣе было вліяніе тѣхъ изъ поляковъ, которые посвятили себя обученію дѣтей грамотѣ, тѣмъ болѣе, что это занятіе принадлежало значительному числу ихъ, и притомъ въ такихъ далекихъ мѣстахъ и глухихъ захолустьяхъ, гдѣ безъ этихъ случайныхъ гостей дѣло грамотности коснѣло бы при старыхъ порядкахъ. Недовѣрчивость и упорство, высказавшееся на встрѣчу полякамъ на первыхъ шагахъ ихъ, удалось имъ осилить терпѣніемъ и настойчивостью, и во всякомъ случаѣ при обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ (въ городахъ, мѣщанскихъ и купеческихъ семействахъ), ссыльнымъ полякамъ удалось значительно предотвратить и восполнить недостатокъ воспитателей. Съ точностію опредѣлить ихъ услугу и найти ея границы невозможно только потому, что параллельно съ ихъ дѣятельностью на поприщѣ обученія шла таковая же готовная, неустанная, правильная и честная дѣятельность декабри-

*) Богатый домъ Кандинскихъ съ этого времени пошолъ быстро къ паденію и банкротству. Пострадали отъ этой мѣры и два извѣстные поляка: Гжовскій и Грушевскій. Послѣдній жилъ въ Култумѣ и велъ обширную торговлю, имѣя большое хозяйство; на р. Газимурѣ не было человѣка, который не состоялъ бы у него въ долгахъ. Самыми выгодными предпріятіями и спекуляціями считали поляки тѣ, которыя приводилось имѣть съ казною, по причинамъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ и не требующимъ объясненій.

стовъ *). Вліяніе этихъ общихъ усилій очевидно: количество грамотныхъ въ казачьемъ сословіи, между заводскими крестьянами и городскими мѣщанами несравненно выше соотвѣтствующихъ имъ сословій Россіи. Купечество сибирское вообще отличается наибольшею развитостью въ политическихъ взглядахъ, наибольшимъ такъ-называемымъ энциклопедическимъ образованіемъ, чѣмъ напр. тоже купечество, которое покупаетъ у нихъ чай и мѣха и отпускаетъ имъ ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготовляемые Москвою. Гостепріимно отворяя двери изгнанникамъ, — въ нравственномъ отношеніи сибиряки много выиграли, судя по личнымъ нашимъ наблюденіямъ и по свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣла и встрѣчи. Снисходительность и терпимость сибиряковъ, развитыя опытомъ и вызванныя необходимостью, даже сильнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ въ долготерпѣливой и незлопамятной Россіи. Этимъ-то свойствомъ обязаны сибиряки сближеніемъ съ политическими ссыльными и пріобрѣтеніемъ отъ нихъ возможныхъ услугъ и помощи. Во всякомъ случаѣ, политическіе изгнанники оставили въ Сибири слѣды глубокіе и примѣтные.

Полякамъ привелось, вслѣдъ за другими, будить мысль, поднимать самосознаніе и направлять самодѣятельность. Общими усиліями всѣ политическіе ссыльные главнымъ образомъ достигли до того уваженія у туземцевъ и до той сибирской терпимости, которая имъ

---

*) Яснѣе выражалось вліяніе поляковъ въ передачѣ знаній французскаго языка и другихъ иностранныхъ, на преподаваніе которыхъ они охотливѣе соглашались, чѣмъ на преподаваніе русскаго языка. Точно также сибиряки много обязаны полякамъ въ обученіи музыкѣ. Музыкѣ они учили также съ замѣчательною охотою. Въ Кяхтѣ они сильно распространили игру на фортепьяно. Уже въ 1836 году въ Иркутскѣ молодые купцы танцовали французскую кадриль и принимали самое живое участіе на балахъ, входившихъ въ моду, и на музыкальныхъ вечерахъ, начинавшихъ интересовать общество. У весьма многихъ купцовъ въ то же время существовали уже значительныя библіотеки съ хорошими книгами и имѣлись кабинеты съ рѣдкими и изящными вещами. «Жоны и купеческія дочери, по свидѣтельству самовидца, блистали богатыми нарядами, выходцами Кузнецкаго моста». Въ Кяхтѣ поляки весьма нерѣдко давали музыкальные концерты; одинъ изъ такихъ артистовъ остался директоромъ оркестра въ иркутскомъ театрѣ.

же самимъ послужила на пользу и пойдетъ вооружонная готовностію и на будущія времена. Мы не говоримъ уже о той пользѣ странѣ, которую принесли, между прочимъ, поляки, явившіеся съ врачебными знаніями, съ каковыми многіе (какъ Шокальскій), несмотря на запрещеніе имъ практики, шли на безвозмездную и готовную помощь сибирскимъ людямъ, предоставленнымъ судьбою въ пользованіе ламъ и шамановъ *).

Несомнѣнно почуствовала бы Сибирь ещо большую помощь и пользу отъ изгнанниковъ и сами они устремились бы въ эту сторону съ большею энергіею и готовностію, если бы не стояли на пути предвзятыя сепаративныя національныя стремленія соблюсти и сохранить себя послѣдовательными своимъ идеямъ. Поляки уронили себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что сдѣлались участниками всѣхъ злоупотребленій администраціи и увлекли снова на дурной путь евреевъ, которые въ Сибири начали было отставать отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Несомнѣнно поляки принесли бы большую пользу странѣ, если бы не замыкались въ свои товарищества, искали, а не сторонились отъ сибирскаго общества, если бы въ чужой странѣ между поляками (преимущественно высшихъ слоевъ и образованными) не развивалась жестокая болѣзнь тоски по родинѣ. Не мало силъ, не мало людей утратили въ средѣ своей политическіе ссыльные на борьбу съ частыми и сердитыми припадками этой болѣзни, особенно чувствительной въ промысловой и земледѣльческой Сибири для горожанъ, и особенно опасной для людей высшаго образованія, показавшихъ столько любви къ родинѣ и пожертвовавшихъ для нея своею свободой. Исканіе этой свободы, стремленіе достичь того положенія, при которомъ вѣроятна помощь и служба отчизнѣ, составляютъ одну изъ яркихъ и существенныхъ особенностей въ ссылкѣ втораго періода, предшествовавшаго настоящему, современному намъ. Несмотря на

---

*) Между прочимъ, нѣкоторые поляки, по примѣру Литвы и Жмуди, пробовали заводить на Ленѣ, въ окрестностяхъ Киренска, общества трезвости Попытка кое-гдѣ привилась. Въ Иркутскѣ подобная же попытка не имѣла успѣха, по несочуствію властей и духовенства; за Байкаломъ такихъ же приспособленій никто не пробовалъ дѣлать.

громадныя географическія препятствія, несмотря на неудачныя попытки прежнихъ временъ, могущія служить урокомъ, новыя попытки побѣговъ повторились съ замѣчательною настойчивостью, но съ тою же непрактичностью пріемовъ, однако съ тѣмъ же единодушіемъ и въ разсчотѣ надеждъ на ту же Францію.

Очутившись въ положеніи сказочнаго богатыря, передъ которымъ протянулись четыре дороги: «прямо ѣхать, — головы не снесть, направо ѣхать—коня сгубить», ссыльные поляки совѣтовъ бывалыхъ не спрашивались, указаній туземцовъ не доискивались; по волѣ личной фантазіи и по указаніямъ кое-какихъ учебныхъ географическихъ картъ, рисовали самые смѣлые планы, врачевали острую болѣзнь свою многоразличными призраками. Такъ одному изъ такихъ богатырей, руководившихся картою, представлялись различныя средства врачеванія. Пять дорогъ лежитъ передъ глазами, — изъ предѣловъ Западной Сибири:

Одна на востокъ въ глубь Сибири къ Охотску, тамъ море и корабли; на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соединенные Штаты, оттуда въ Европу—и во Францію!

Другая дорога на Киргизскую степь въ Бухару; черезъ Персію и Кабулъ до англійскихъ поселеній въ Индіи, либо черезъ Персію въ Турцію, въ Европу—во Францію!

Третья дорога на юго-западъ: дойдя до горъ Уральскихъ, взять налѣво, дойти до истоковъ рѣки Урала и плыть по ней до Каспійскаго моря (?!). Дойдя до черкесовъ, остаться у нихъ, либо черезъ Персію и Турцію,—опять въ Европу, во Францію!

Либо, перейдя Уральскія горы, не брать налѣво, а ставши на высотѣ г. Уфы Оренбургской губ., доплыть до Волги рѣкой, въ нее впадающей; потомъ Волгой доплыть до канала, соединяющаго ее съ Дономъ (?), и черезъ Новочеркаскъ до Таганрога, гдѣ сѣсть на корабль и Чорнымъ моремъ въ Европу до Франціи. Либо, если это не удастся, изъ Таганрога черезъ землю Донскихъ казаковъ, губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую, Молдавію и Валахію до Турціи,—и оттуда во Францію.

Наконецъ — прямо на западъ до Уральскихъ горъ; съ высоты Тобольска взять вправо на сѣверъ: рѣками Печорой и Вычегдой до-

плыть до Двины, а этой рѣкой до Архангельска. Тамъ, сѣвши на какой-нибудь европейскій корабль, достигнуть Швеціи либо Англіи, а оттуда—во Францію!

Всѣ эти пути одинаково смѣлы до дерзости, одинаково невѣрны и небезопасны.

Руфиму Пістровскому удалось бѣжать послѣднимъ путемъ, самымъ кривымъ и окольнымъ, и разсказать изумительныя подробности на любопытство постороннихъ и холодныхъ слушателей, на страхъ и сомнѣніе желающимъ подражать. Отъ бѣгавшихъ въ южную сторону на монгольскія и киргизскія степи изъ Восточной и Западной Сибири разсказы всѣ одни и тѣ же: кочевники, замѣтивъ идущаго въ степи вооружоннаго человѣка, не нападаютъ на него прямо и вовсе не имѣютъ намѣреній его убивать. Монголы или киргизы въ такомъ случаѣ, изъ боязни потерять кого-либо изъ товарищей во время стычки съ бѣглымъ, обыкновенно собираютъ облаву и издали замыкаютъ бродягу въ подвижную колонну. Отрядъ этотъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ идущаго и подвигается слѣдомъ за нимъ въ ту же сторону, въ которую направится онъ. Въ то же время они свой грозный кругъ стягиваютъ все болѣе и болѣе. Нѣсколько дней такая облава имѣетъ терпѣніе мучить бѣглаго, наблюдая за тѣмъ, чтобы онъ не могъ укрѣпиться. Уже совсѣмъ измученнаго и страшно оголодавшаго берутъ кочевники безъ бою и непремѣнно въ ближайшемъ пограничномъ караулѣ выдаютъ живьемъ военному русскому начальству. Начальство при этомъ обременяется значительными хлопотами и большою перепискою съ пограничными китайскими властями, иногда обязывается значительными платежами за все украденное въ десятеро, согласно мирному трактату.

На Киргизскую степь, на вторую невѣроятную дорогу, бросились поляки Западной Сибири по проекту ксендза Сироцинскаго, и жестоко поплатились за попытку. Она имѣла сильное и неблагопріятное вліяніе на судьбу всѣхъ сибирскихъ поляковъ, уже успѣвшую подчиниться большему хладнокровію и обычному равнодушію присяжныхъ приставниковъ и блюстителей. Вотъ что извѣстно объ этой попыткѣ.

Ксендзъ Сироцинскій, бывшій пріоръ базиліановъ въ Овручѣ (на Волыни), за участіе въ ноябрьскомъ возстаніи, лишонъ былъ капел-

лянскаго званія, и, сдѣлавшись изъ пріора простымъ казакомъ, очутился въ Омскѣ. Когда образовалось здѣсь казачье училище и понадобился учитель, — вспомнили, что Сироцинскій былъ профессоромъ и наблюдателемъ за школами. Ему дали мѣсто, а съ нимъ и наибольшую свободу. На свободѣ онъ сдружился съ ссыльнымъ докторомъ Шокальскимъ и составилъ большое тайное общество въ средѣ поляковъ, сосланныхъ въ линейныя и казачьи войска. Цѣль заговора: постараться оторвать Сибирь отъ Россіи; освободить всѣхъ «несчастныхъ» отъ тяжкихъ каторжныхъ работъ и поднять поселенцовъ на мѣстахъ водворенія. Омскъ съ артиллерійскими запасами, аммуниціей, оружіемъ, денежною казною и прочимъ возбуждалъ сильный соблазнъ. Къ этому обществу успѣли примкнуть и татары и русскіе: свободные и невольники. Положено было, въ случаѣ неудачи большаго бунта, бѣжать всѣмъ, вооружонною рукою, черезъ Киргизскую степь въ Ташкентъ, гдѣ предполагалось много католиковъ, и въ Бухару. Отсюда, если бы того потребовала окончательная необходимость, направиться въ англійскую Индію. Въ Омскѣ и его окрестностяхъ собралось поляковъ тысячъ до двухъ; Киргизская степь, тотчасъ по ту сторону Иртыша, манила неодолимымъ соблазномъ искателей сильныхъ ощущеній и приключеній.

На слѣдующій день вечеромъ должна была начаться революція. Но нашлось трое поляковъ, солдаты повстанія 1830 года (Кнакъ изъ Варшавы и Гаевскіе изъ конгресовой Польши), которые, явившись къ полковнику Дерраве, разсказали все: что заговоръ распространился по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири, что въ самыхъ глухихъ онъ встрѣтилъ сочуствіе, что если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, онъ обхватитъ всю страну и непремѣнно удастся. Они указали на Сироцинскаго, какъ на вождя, и на многихъ другихъ сообщниковъ, какъ на имѣвшихъ наибольшую власть, вліяніе и значеніе. Всѣ таковые, какъ жившіе либо въ Омскѣ, либо въ ближайшихъ его окрестностяхъ, были тотчасъ арестованы. Изданы были строжайшія приказанія и разосланы распоряженія по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы наискорѣйшимъ образомъ арестовать всѣхъ подозрительныхъ и вліятельныхъ лицъ: русскихъ, поляковъ, сибиряковъ, солдатъ, посе-

ленцовъ, крестьянъ. Нахватано было сначала до тысячи человѣкъ. Доктору Шокальскому съ полякомъ Зубчевскимъ и русскимъ Мелодинымъ удалось ускользнуть на первой день арестовъ и бѣжать на почтовыхъ по тракту въ Оренбургскую губернію. Шокальскій игралъ въ дорогѣ роль войсковаго доктора, Зубчевскій—фельдшера, Мелодинъ—лакея. Въ Прѣсновской станицѣ бѣглецы узнаны и, подъ сильнымъ конвоемъ, возвращены были въ Омскъ, гдѣ на то время слѣдствіе было въ полномъ разгарѣ. Аресты производились и въ концѣ 1834 г. и въ началѣ 1835. Дано было знать въ Петербургъ. Двѣ слѣдственныя коммиссіи одна за другой распутывали дѣло и разошлись, не постановивши никакого рѣшенія. Третья коммиссія была прислана изъ Петербурга: она работала три года и довела-таки слѣдствіе до конца. Нѣкоторыхъ, по невинности ихъ, выпустили на волю, признанныхъ виновными предали суду. Въ ожиданіи суда главный виновникъ не упадалъ духомъ: въ тюрьмѣ писалъ стихи, передъ судомъ ничего не повѣдалъ, на слѣдствіи также ничего не могли отъ него узнать. «Разъ родила мати,—разъ пропадати», говорилъ Сироцинскій всѣмъ свою украинскую поговорку. Стихи его были распространены между сибирскими поляками: ими онъ оживлялъ энергію, возбуждалъ надежды и укрѣплялъ патріотическій духъ невольниковъ. Дѣло было начато въ широкихъ размѣрахъ и наполнило страхомъ цѣлую Сибирь. Подъ вліяніемъ этого страха, и по окончаніи дѣла поляковъ подозрѣвали, преслѣдовали. Между прочимъ, въ Прѣсновской станицѣ заподозрили поляковъ въ поджогахъ и въ умыслахъ на продолженіе замысловъ Сироцинскаго: четверыхъ наказали ссылкою въ Устькаменогорскую крѣпость, гдѣ пять лѣтъ заставляли работать въ кандалахъ, въ 1845 г. послали солдатами въ Нерчинскъ. По окончаніи омскаго дѣла, съ заводовъ Западной Сибири стали переводить на заводы Восточной. Въ Иркутскѣ до такой степени боялись поджоговъ, что польскіе солдаты въ тамошнемъ гарнизонѣ окружены были самыми строгими наблюденіями. Ихъ товарищамъ—солдатамъ приказано было имѣть заряженныя ружья и вязать всѣхъ поляковъ въ казармѣ, лишь только послышится звонъ набатнаго колокола. Многихъ поляковъ, по подозрѣнію, успѣли запереть на гауптвахты; многихъ разослали по

забайкальскимъ городамъ: въ Верхнеудинскъ и Кяхту. Пирофобія въ Сибири никогда не была такъ повсемѣстна и столько опасна, какъ въ это время. Всякій пожаръ приписывался поджогамъ поляковъ; страхъ изъ Сибири успѣлъ даже перейти за Уральскій хребетъ и распространиться по Россіи. Положеніе политическихъ преступниковъ ухудшилось. Въ 1846 году особенно сильное движеніе между всѣми ссыльными произвело запрещеніе имѣть собственность. Ежели при увольненіи нѣкоторыхъ произошла неформальность, велѣно снова возвращать на каторгу. Такъ всѣ, пробывшіе 10 лѣтъ, но сосланные на 20, успѣвшіе жениться и обзавестись хозяйствомъ, обязаны были вернуться снова на каторгу доработывать 10 лѣтъ.

Приговоръ по омскому дѣлу былъ утвержденъ въ такомъ смыслѣ: шестерыхъ присудили къ 7,000 палокъ и затѣмъ велѣно на всю жизнь сослать въ тяжкія работы на Нерчинскихъ рудникахъ. Остальныхъ присудили къ 3-мъ, 2-мъ и 1-й тысячѣ палокъ, либо розогъ, а потомъ первыхъ на всю жизнь въ тяжкія работы, либо на ограниченное число лѣтъ, либо прямо на поселеніе. Послѣднихъ велѣно разослать въ разные отдаленные сибирскіе батальоны и отряды. День, назначенный для экзекуціи 7 марта 1837 г., былъ морозный: на площади за городомъ, засыпанной снѣгомъ, поставлены были два тысячные батальона солдатъ, вооружонныхъ палками такой толщины, чтобы три могли войти въ дуло ружья. Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки устава, въ широко-разставленныя шеренги, солдаты должны были стоять вольно въ тѣсныхъ рядахъ; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть отъ боку и не выставлять своихъ ногъ изъ рядовъ. Первымъ повели Шокальскаго съ обнажонной по поясъ спиной, съ привязанными къ прикладу, ружья руками, за которые держались два ундеръ-офицера. Находившійся при экзекуціи докторъ заступился за собрата и, идя сзади его, шепталъ солдатамъ бить легче, имѣть состраданіе: безсиленъ и хворъ, — не выдержитъ. Когда послѣ 5 тыс. палокъ Шокальскій упалъ, и когда на совѣтъ коллеги отходить послѣдную тысячу и разомъ кончить экзекуцію, не согласился, докторъ настоялъ на томъ, чтобы прекратили наказаніе и отправили больного въ лазаретъ. Послѣднимъ водили Сироцинскаго. Подходя къ рядамъ, крѣпительныхъ

капель онъ не принялъ, когда услышалъ приказъ начинать,—сталъ говорить нараспѣвъ покаянный псаломъ: Miserere mei Deus, secundam magnam misericordiam tuam и проч. Слабый, исхудалый въ заточеніи Сироцинскій наказанія не выдержалъ; не выдержали и другіе товарищи. Отдохнувшій въ лазаретѣ Шокальскій отходилъ потомъ послѣдную тысячу и на другой же день увезенъ былъ въ рудники нерчинскіе.

Здѣсь его не употребляли въ работы. Жилъ онъ на Карѣ, занимался торговлей и отъ нея кормился; лечилъ безвозмездно. Его коричневой самодѣльной сюртукъ съ воротникомъ, опушеннымъ собольимъ мѣхомъ, до сихъ поръ помнятъ тамъ, помнятъ потому, что видѣли его и въ подземныхъ норахъ каторжныхъ жилищъ на самомъ промыслѣ, и въ 7 и болѣе верстахъ отъ него (на сколько позволилъ законъ). Днемъ и ночью шолъ Шокальскій на помощь и избавленіе къ каторжнымъ и богатымъ, и особенно счастливъ былъ на леченіе ранъ всякаго рода. Радъ онъ былъ, если за практику получалъ отъ бѣдняковъ въ награду чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, но и получая подарки отъ богатыхъ на улучшеніе костюма — никакихъ измѣненій въ немъ не дѣлалъ; любя простоту, жилъ самымъ скромнымъ образомъ *).

«Это была натура крѣпкая, терпѣливая (говоритъ Гиллеръ со словъ знавшихъ его). Праздность была для него смертію. Ничѣмъ не сокрушонный, и на Карѣ онъ ещо успѣлъ составить цѣлый новый планъ побѣга. Всѣмъ товарищамъ сообщилъ онъ планъ общаго поголовнаго спасенія рѣкою Амуромъ до береговъ Великаго Океана. Всю свою душу отдалъ онъ на выработку этого плана, и когда планъ оказался невозможнымъ и рухнули всѣ надежды, докторъ впалъ въ тихую меланхолію. Сначала онъ заперся въ своей комнатѣ, и ходилъ по ней быстрыми шагами, развивая въ мысляхъ какія-то намѣренія. Одинъ изъ его товарищей, возвращавшійся домой,

*) Кромѣ Шокальскаго пользовались уваженіемъ и извѣстностью и оказывали врачебную помощь за Байкаломъ Левицкій и Бопре, сосланный по дѣлу Конарскаго. По рецептамъ послѣдняго аптеки выдавали лекарства безъ подписи (на каковую ссыльный не имѣлъ права); больныхъ возили къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

и подошедшій къ окну доктора, замѣтилъ его возбужденное состояніе, но, увидавши въ углу ружье, понялъ въ чемъ дѣло. Просилъ доктора отпереть двери, но получилъ отказъ; рѣшившись приподнять окно, слышалъ угрозы; когда побѣжалъ за помощію—докторъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

Ружье заряжено было изломаннымъ гвоздемъ. Когда чрезъ нѣсколько минутъ вошла полиція, выломавши двери, то нашла Шокальскаго растянувшимся на полу: изъ груди ручьемъ била кровь, а собака его, Филяръ, положивши морду на грудь въ предчувствіи смерти благодѣтеля, жалобно выла. Полиція хотѣла оттащить собаку, но, пришедшій въ себя, Шокальскій сказалъ: «не трогайте, прошу васъ, пусть простится со мною мой наивѣрнѣйшій товарищъ и другъ!»

Послѣ выстрѣла онъ жилъ еще съ недѣлю. На вопросы о поводахъ къ самоубійству, отвѣчалъ одно: «я стрѣлялъ въ себя отъ любви», и ничего больше не хотѣлъ говорить полиціи. Товарищамъ же своимъ сообщилъ, что выстрѣлилъ въ себя отъ тоски по родинѣ *).

---

*) Случаи самоубійствъ и сумасшествій между поляками рѣдки, несмотря на крутое положеніе ссылки, порождающей пессимизмъ. Кромѣ Шокальскаго, извѣстенъ еще самоубійца Василевскій, присланный въ 1831 году, польскій крестьянинъ, успѣвшій жениться на сибирячкѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ ходилъ по знакомымъ (чего никогда въ жизни не дѣлалъ) и просилъ: «дайте милостыню дѣтямъ,—просятъ одежды и пищи». Вскорѣ потомъ нашли его на сѣновалѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Кромѣ того, замѣчено за Байкаломъ нѣсколько случаевъ умопомѣшательства, характеризовавшихся глубокою меланхоліею, всѣдствіе тоски по родинѣ. Одинъ напр. весельчакъ и сказочникъ промолчалъ все время изгнанія на всѣхъ товарищескихъ бесѣдахъ и такимъ уѣхалъ на родину; другой ничѣмъ и ни у кого не хотѣлъ одолжаться даже пищей, не смотря на крайне-бѣдное и голодное житье свое, и возвратился изъ изгнанія окончательно помѣшаннымъ. Третьимъ доказанное помѣшательство, въ силу врачебныхъ удостовѣреній, помогло возвратиться, по ходатайству женъ и семействъ на родину, прежде сроковъ и въ видахъ исключенія.

На оловянно-серебряномъ рудникѣ «Тайна» (близъ газимурскаго завода) въ шахтѣ, два поляка и одинъ русскій разбивали кирками оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрой. Огонь, разведенный на днѣ шахты, вскорѣ наполнилъ удушливыми газами атмосферу всѣхъ корридоровъ. Поляки

Та же тоска неволи вызвала новое происшествіе уже въ предѣлахъ Восточной Сибири. Двумя годами позднѣе омскаго дѣла (въ 1836), когда ещо не былъ произнесенъ приговоръ надъ товарищами Сироцинскаго, и ещо не началось поголовное перемѣщеніе поляковъ изъ одной Сибири въ другую—задуманъ былъ поголовный побѣгъ тѣхъ поляковъ, которые находились на заводахъ Восточной Сибири. Началось движеніе на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ подъ Иркутскомъ. Начиналъ его бывшій полковникъ польскаго возстанія 29-го ноября 1830 года Петръ Высоцкій, сложившій исполинскій планъ бѣгства черезъ Сибирь, Саянскія горы, Джунгарію и Туркестанъ до Индіи, откуда надѣялся онъ на англійскихъ корабляхъ достигнуть Европы. Онъ предварительно нарисовалъ карту цѣлой Азіи, проложилъ по ней дороги черезъ лѣса, горы и степи между дикими народами, и рѣшился лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ несбыточнаго плана и дольше оставаться въ неволѣ. Сдѣлавши запасъ съѣстныхъ припасовъ, на сколько можно было запасти, Высоцкій въ семеромъ выбралъ моментомъ для побѣга тотъ, когда запирали ихъ тюрьму. Побѣгъ задался: они выскользнули изъ завода, и когда одинъ изъ нихъ захворалъ, товарищи вели его подъ руки, нѣсколько верстъ до Ангары. За нею, въ Иркутскомъ соловаренномъ заводѣ, они намѣревались соединиться съ тамошними земляками. Дойдя до рѣки, для переправы на другую ея сторону, они соорудили плотъ изъ лиственницы, но переѣхать не могли, потому что плотъ, сколоченный изъ свѣжаго дерева, тонулъ на водѣ. Тогда они одного изъ товарищей послали за лодкой. Явился крестьянинъ, спустилъ лодку на воду и управилъ ее въ самую середину облавы, которая уже поспѣла на погибель ихъ, по указаніямъ измѣнившаго имъ и намѣренно вызвавшагося за лодкой товарища. Быстрое теченіе Ангары давало бѣглецамъ нѣкоторую возможность на спасеніе, но

вышли на свѣжій воздухъ, но одинъ изъ нихъ, вспомнивъ о третьемъ товарищѣ, вернулся за нимъ, и назадъ не возвращался. Второй полякъ отправился за нимъ и, увидѣвъ въ безпамятствѣ, взялъ на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. На половинѣ пути дурнота заслѣпила ему глаза, силы оставили его и онъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, упалъ внизъ и разбилъ себѣ объ камень голову.

облава изъ команды и каторжныхъ, засѣвшая въ кустахъ на берегу Усольскаго острова, начала стрѣлять. Пули свистали надъ головами, и одна изъ нихъ попала Высоцкому въ руку. Лодки отъ берега придвинулись къ нимъ, и вблизи острова кругомъ ихъ оцѣпили. «Поляки, кромѣ оружія, имѣли другое дѣйствительное орудіе, то-есть, деньги, но ничто не помогло. Каторжные первыми ихъ связали и представили полковнику Злобину, обобравши ихъ, что-называется, какъ липку» *). Въ Иркутскѣ приковали ихъ къ тачкамъ и судили цѣлый годъ. Высоцкій получилъ одну тысячу палокъ (не плакалъ, не стоналъ); Багуньскій—500; остальные были наказаны розгами, и всѣ переведены въ нерчинскіе рудники—въ Акатуй.

Въ Акатуѣ Высоцкій прикованъ былъ къ тачкѣ, ходилъ съ товарищами въ теченіе двухъ лѣтъ на работу въ горы копать руду и жилъ сначала въ одиночномъ заключеніи. Выпущенный изъ тюрьмы онъ жилъ при рудникѣ, на поселеніи, и изъ Акатуя никуда не выѣзжалъ. Къ концу изгнанія и его сильную натуру постигла болѣзнь меланхоліи: онъ часто хворалъ до того, что нерчинское начальство принуждено было ходатайствовать въ Петербургѣ объ освобожденіи его изъ тюрьмы (но разрѣшенія не получило). Высоцкій сталъ задумчивъ, избѣгалъ товарищества, не хотѣлъ никого знать, ни съ кѣмъ не говорилъ. Недовѣріе къ людямъ овладѣло его душой до того, что онъ запирался въ квартирѣ, и казалось, что всѣ чувства въ немъ окаменѣли. Одинъ изъ товарищей его (Хлопицкій) преданъ былъ ему до самоотверженія: о себѣ не думалъ, думалъ только о Высоцкомъ, его славою и добродѣтелями жилъ, его страданіями и несчастіями болѣлъ. Въ то время, когда ещо Высоцкій содержался въ тюрьмѣ и былъ прикованъ къ тачкѣ, этотъ Хлопицкій съ четырьмя товарищами сговорился отбить Высоцкаго изъ каземата и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать черезъ Монгольскую степь и Китай на англійскіе корабли. Такъ-какъ всѣ заговорщики были самые бѣдные люди (шили женскіе башмаки чиновничьимъ женамъ; кое-кто, запасшись лошадкой, возилъ дрова въ казну), а предпріятіе требовало денегъ,—то и рѣшились они предварительно надѣлать фальшивыхъ бумажныхъ ассигнацій, на нихъ накупить мунгальскихъ товаровъ, запасаемыхъ

*) Изъ записокъ современника, С. Б. Броневскаго.

на монгольскую руку нерчинскими купцами; закупить лошадей, намѣнять серебра и по возможности золота; подкупить сторожей. Затѣмъ, когда все будетъ заготовлено «и денегъ въ массѣ до ста тысячъ рублей, ночнымъ временемъ надобно подкрастись къ часовому во фронтѣ, схватить его за горло и отдать нашимъ прочимъ товарищамъ на руки, а самимъ взять съ фронта ружья и подойти тихими стопами къ дверямъ, сбить замокъ и выпустить арестантовъ, а вмѣстѣ схватить Высоцкаго, посадить на почтовыхъ и отправиться» *). При обыскахъ найдено и поличное: прессъ, фланелевыя лоскутья, вымытая бумага, обтянутыя кожей колодки, мяльная машинка, квашня съ мятой бумагой, отпечатки на кожѣ и бумагѣ ассигнаціи 25 руб. достоинства. При допросахъ: очевидные доносы одного изъ заговорщиковъ (Бирона) и безпощадные взаимные оговоры остальныхъ участниковъ. Показанія дѣлались обширныя, разнорѣчивыя. Очныя ставки показывали боязливыя и усердныя стремленія одной стороны съ цѣлію выгородить себя, не щадя прочихъ товарищей. Выдавались самыя сокровенныя тайны, заусловленныя страхомъ смерти на случай измѣны; но въ то же время, во время производства самаго преступленія, замѣчательное терпѣніе и единодушіе, и при этомъ изумительная осторожность съ настойчивостію дойти до конца, несмотря на громадныя затрудненія.

Показанія участниковъ и взаимные оговоры накопили огромный томъ запутаннаго дѣла, въ трущобахъ котораго съ большою ясностію выясняются слѣдующія обстоятельства (на пунктахъ единогласныхъ показаній, подтверждонныхъ и очными ставками и слѣдствіемъ).

Задуманная цѣль настойчиво преслѣдовалась въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцовъ, несмотря на всѣ препятствія, зависѣвшія и отъ административнаго надзора, и отъ географическихъ причинъ: одинъ жилъ на Благодатскомъ рудникѣ, другой — на Кадаинскомъ, третій—въ Акатуйскомъ. Для свиданія и дѣйствій отпрашивались то за покупкой хлѣба въ Аргунскій острогъ (на 15 дней), то за покупкой товаровъ въ г. Нерчинскъ (на цѣлый мѣсяцъ), то подъ видомъ исполненія казеннаго подряда на покупку дровъ. Двое признались

*) Дѣло 1839 года, хранящееся въ архивѣ Нерчинскаго Большаго завода.

въ томъ, что вступили въ бракъ съ сибирячками для того, чтобы «отклонить подозрѣніе начальства отъ обдуманнаго заранѣе побѣга на родину». Одинъ, узнавшій во время слѣдованія въ Сибирь по этапамъ, что сѣтка для ассигнацій дѣлается изъ самой тонкой проволоки, каковая бываетъ на канительныхъ струнахъ или офицерскихъ эполетахъ, жертвуетъ для покупки эполетъ собственнымъ капотомъ, полученнымъ сукномъ отъ купца, для котораго сдѣлалъ планъ мельницы. Другой составляетъ фальшивое письмо отъ имени польскаго магната, жившаго въ Тобольскѣ — письмо съ обѣщаніемъ высылки 400 руб. денегъ, и на это письмо беретъ у имущихъ товарищей въ долгъ деньги: «и всѣ высосалъ: у нихъ теперь ни копѣйки не осталось». Третій пользуется лопадью съ сѣдломъ товарища, пріѣхавшаго повидаться, и закладываетъ ее цаловальнику. Сдѣлавши денежный запасъ на покупку необходимыхъ предметовъ и уговорившись, что «хотя и попадемся трое или четверо, прочіе останутся лишить жизни докащика»—принялись за работу. Александрійскую бумагу купили въ Нерчинскомъ заводѣ въ кабакѣ за простую. Желѣзный винтъ для пресса пріобрѣли въ числѣ прочаго желѣзнаго лома; дерево къ прессу, гайки и пунсонъ сдѣлали сами; рѣзцомъ и пилой запаслись ещо раньше; лайку (каковая долго задерживала работы) купили у татарина, сосланнаго за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій. На покупку лайки употребили даже такую драгоцѣнность, какъ компасъ, пріобрѣтенный для того, чтобы, во время побѣга, не блуждать дорогой. Прежде лайки пускали въ дѣло (хотя и неудачно) лоскутки отъ брюкъ и бѣлаго сукна; для пріобрѣтенія фланели изрѣзали собственную фуфайку; винтъ «достали съ великою опаспостію».

Производилась фабрикація въ Кадаинскомъ рудникѣ, въ домѣ Хлопицкаго, женившагося передъ тѣмъ на сибирячкѣ. Вещи отъ нея прятали подъ половицу въ чуланѣ, и когда она увидала разъ ручной прессъ, и спросила: «для чего это?» — мужъ отвѣчалъ: «для того, чтобы любопытнымъ отвертывать головы». Работа шла неудачно: измѣнили гитарные баски—потребовались эполеты; печатныя формы нѣсколько разъ принуждены были передѣлывать: орелъ хорошъ, но имѣлъ возвышенныя крылья; по отпечатаніи другой ассигнаціи маленькій орликъ подъ большимъ орломъ на концѣ ски-

петра оказался неправильнымъ». А рѣзалъ опытный и умѣлый рѣщикъ Броновскій: и гербъ у штемпеля, и украшенія небольшими рѣзцами, а сѣтку съ обѣихъ сторонъ чеканилъ стальнымъ пудономъ. Пробовалъ сначала на свинцѣ, но «какъ оный по мягкости оказался негоднымъ, то *послѣ* сдѣлали форму изъ мѣди, вырѣзанной изъ стараго мѣдняка: наложенной свинцовой штемпель подъ прессомъ испортился, и никакого оттиска не далъ». Наконецъ наладились. Для приготовленія бумаги поступили такъ: не найдя почтовой, пустили въ ходъ случайную александрійскую, раздирая ее на мелко и размачивая въ горшкѣ, изъ котораго выливали потомъ въ приготовленной бочонокъ. Въ немъ «стоячимъ валикомъ съ пальцами размѣшивали бумажную мякоть до жидкости, похожей на сливки; потомъ растворъ наливали на четвероугольные фланелевые лоскутья такъ, чтобы бумажки выходили величиною въ ассигнацію, для чего по краямъ фланели прикладывали мѣдную четвероугольную рамку. Когда же вода сквозъ фланель процѣживалась, то мѣдную рамку накладывали на другой лоскутъ фланели, а тотъ, который съ растворомъ назначался для ассигнаціи, накрывали простой бумагой. Сдѣлавши 5 или 6 листовъ, сжимали ихъ прессомъ, потомъ сушили и отдѣляли отъ простой бумаги, между которой эти листы прослоены. Бумага выходила грубою и толстою. Въ прессъ сначала клали штемпель, намазавши краской изъ сажи, тщательно растертой на олифѣ, потомъ клалась бумага, на нее лайка, наконецъ, кожаная подушка, которая нажималась. Не могли мы никакимъ образомъ подписать руку кассира, хотя на справедливой ассигнаціи по чертамъ подписи проводили чернилами и на чистую бумагу накладывали, гдѣ и оставалась, хотя неправильная, но похожа на подпись кассира. Поправивши перомъ, прикладывали на фальшивую, и увидѣли, что довольно хорошо. Брали трехъ сортовъ чернила, но ещо оказались слишкомъ чорны, и дѣлаютъ большое подозрѣніе. Теперь приготовлено къ другому отпечатанію 10 тыс. руб., въ которыхъ постараемся наблюдать всю правильность при печатаніи». «Хороши ли эти?» спрашивалъ одинъ у другого.

— Довольно хороши и искусно сдѣланы.

«При этомъ онъ вынулъ изъ ящика на 6 тыс. руб. бумажекъ

25-ти рублеваго достоинства. Я, увидѣвши ихъ, началъ присматриваться, хвалилъ ихъ искусство, не подавая никакого виду, и оказывалъ большую радость».

Единодушіе ихъ выручало: «для товарищей тысячи рублей не пожалѣю», только и слышалось ото всѣхъ. Доносъ и на этотъ разъ сгубилъ ихъ всѣхъ (женѣ Хлопицкаго удалось, однако, припрятать самыя главныя и опасныя изъ вещественныхъ доказательствъ). Виновные, по суду, были приговорены къ наказанію, которое и приведено въ исполненіе въ Большомъ Нерчинскомъ заводѣ: двое наказаны кнутомъ, одинъ плетьми. Впрочемъ, положеніе Высоцкаго вскорѣ было облегчено: онъ выпущенъ на свободу, и могъ заняться хозяйствомъ и мыльнымъ заводомъ. Нѣкоторые изъ его товарищей умерли, не дождавшись освобожденія. Высоцкій возвратился на родину въ 1857 г., гдѣ вскорѣ и умеръ.

Неудачная попытка друзей Высоцкаго къ освобожденію себя и товарищей изъ неволи далеко не была врачующимъ средствомъ для поляковъ, мучившихся тоскою по родинѣ. Въ томъ же Акатуѣ, далеко потомъ зародился новый планъ бѣгства, имѣвшій цѣлію воспользоваться временемъ восточной войны 1854 и 1855 годовъ и крейсерствомъ англо-французскихъ кораблей на водахъ Восточнаго Океана. Бѣглецы, руководимые однимъ изъ братьевъ Далевскихъ, предполагали въ солдатскихъ шинеляхъ добраться до Аргуни, чтобы на лодкахъ выплыть по ней на Амуръ до его устьевъ, сжечь тамъ всѣ магазины и казенныя сооруженія, приготовленныя противъ непріятеля, а потомъ, на тѣхъ же лодкахъ, дойти до англійскихъ и французскихъ кораблей. Старые и бывалые ссыльные старались противодѣйствовать планамъ и отклонить отъ исполненія проэктъ увлекавшихся молодыхъ авантуристовъ, но напрасно. Приготовленія производились самымъ дѣятельнымъ образомъ: припасена была лодка, сплетены рыболовныя сѣти; закуплено довольное число солдатскихъ шинелей и заготовлены ружья. Но въ это время пришло извѣстіе о мирномъ парижскомъ трактатѣ, разрушившемъ планы ссыльныхъ поляковъ на соединеніе съ англичанами.

Эта попытка была послѣднею по времени въ большомъ скопѣ ссыльныхъ, но одиночные побѣги были безпрерывны (и также не-

удачны), а побѣги партіями не останавливались ни передъ какими препятствіями, не опускалось изъ виду ни малѣйшихъ поводовъ и случаевъ къ тому, даже безъ предварительной оглядки и подготовки. Такъ извѣстенъ случай побѣга (ещо изъ первыхъ лѣтъ этого втораго періода польской ссылки) съ этапной дороги изъ Томской губерніи. Достаточно было обнадеженія на успѣхъ предпріятія, выраженнаго хлѣбосольными татарами, довольно было увѣренія со стороны ихъ въ томъ, что Бухара приметъ бѣглецовъ гостепріимно, чтобы 240 поляковъ изъ польскихъ войскъ 1831 года, шедшихъ въ Иркутскъ, повѣрили и серьозно принялись выработывать планъ побѣга. Все дѣло остановилось только затѣмъ, что не нашлось достаточнаго количества оружія.

Не только урочища и разныя мѣстности передаютъ преданія о неудачныхъ попыткахъ поляковъ, даже надгробные камни на польскихъ кладбищахъ въ Сибири краснорѣчиво и настойчиво говорятъ о томъ, что побѣгами испещрена исторія польскихъ изгнанниковъ, что на нихъ истрачено понапрасну не мало силъ и времени не только въ Сибири, но и въ Россіи. Въ Нерчинскомъ (Большомъ) заводѣ одинъ такой надгробной камень прикрываетъ могилу Альбины Мигурской—истинной героини во всей исторіи польской неволи. Эта молодая женщина презрѣла всѣ общественныя связи, богатство родителей, и не обратила вниманія на совѣты родныхъ и друзей, на невзгоды дальняго пути, на грустную будущность—и поѣхала въ городъ Уральскъ къ своему жениху, сосланному въ тамошной линейной батальонъ солдатомъ. Здѣсь она вступила съ нимъ въ бракъ, и сдѣлалась для него дѣйствительною усладою и путеводною звѣздою въ сумрачной ночи неволи. Она родила двухъ дѣтей, но дѣти вскорѣ умерли, оставивъ матери старую тоску на сердцѣ и усиленное желаніе освобожденія себя и мужа отъ неволи. Однажды казаки принесли къ ней съ берегу Урала платье мужа и письмо его, въ которомъ онъ проситъ у ней прощенія за то несчастіе, которому подвергъ ее, бросившись въ воду отъ тоски по отчизнѣ, и оставивъ ее на чужой сторонѣ въ неизвѣстности положенія. Печаль и слезы несчастной женщины были столько искренни и сильны, что въ Мигурской приняли самое сердечное участіе

всѣ уральскія дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны, и въ концѣ начали уже мучить ее, потому что мужъ, спрятанный въ сосѣдней комнатѣ, могъ ежеминутно выдать ее чиханьемъ, кашлемъ, какимъ либо безвременнымъ движеніемъ. Адскія пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволеніи ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена; даже служанка, привезенная изъ Польши, съумѣла свято соблюсти ее. Когда получено было разрѣшеніе на отъѣздъ, Мигурская заявила желаніе вырыть изъ казачьей земли трупы дѣтей и увезти ихъ кости въ польскую землю. Сложила она эти кости въ одинъ гробъ и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали въ проводники казака. Гробъ съ живымъ Мигурскимъ поставленъ былъ подъ козла, и такимъ образомъ благополучно выѣхалъ изъ предѣловъ уральскаго войска. Въ Саратовской губерніи казаку удалось подслушать разговоръ супруговъ и донести по начальству. Въ Саратовъ явились супруги уже плѣнными, и тамъ ещо до сихъ поръ помнятъ тотъ потрясающій моментъ, когда супруги Мигурскіе вошли въ костелъ и пали на колѣна передъ гробомъ дѣтей своихъ: она—въ траурѣ, онъ—въ кандалахъ. Мигурская сдѣлалась предметомъ разговоровъ; тамошніе поляки смотрѣли на нее, какъ на святую, на колѣняхъ испрашивая у нея благословенія. Манифестъ по поводу бракосочетанія Царствующаго Государя Императора освободилъ Мигурскаго отъ наказанія. Его отправили не въ работу, а только въ сибирскія войска, и помѣстили въ Нерчинскомъ заводѣ. Здѣсь Мигурская впала въ чахотку и умерла *).

Бо́льшими удачами воспользовался Піотровскій, бѣжавшій изъподъ Тары, съ Екатерининскаго винокуреннаго завода **). Послѣ

---

*) Побѣгъ уральскій подробно описанъ В. И. Далемъ въ разсказѣ: «Небывалое въ быломъ и былое въ небываломъ» («Отеч. Зап.» 1846, т. XCVI).

**) За то Розанскій, несчастливо бѣгавшій съ дороги въ Минскъ и сосланный въ Нерчинскіе заводы, снова бѣжалъ оттуда; счастливо прошолъ половину Сибири, но въ Тарѣ былъ узнанъ и схваченъ. Его снова возвратили въ рудники, но, кромѣ ареста, другихъ наказаній не налагали, и Розанскій, никому не вѣдомый, скромно исполнялъ обязанности сторожа кухни каторжныхъ.

многихъ неудачныхъ попытокъ, ему удалось ускользнуть изъ завода переодѣтымъ въ парикѣ и въ мѣстномъ нарядѣ. Пѣшкомъ по льду Иртыша, глубокими снѣгами и въ сильные морозы, добрался онъ до г. Тары. Здѣсь въ первомъ домѣ нанялъ лошадей по тракту въ Ирбитъ, сказываясь купеческимъ прикащикомъ изъ Томска, нагоняющимъ своего хозяина. На дорогѣ, въ одномъ кабакѣ, его обокрали. Въ другомъ мѣстѣ заблудившійся ямщикъ вывезъ его обратно туда же, гдѣ онъ его нанялъ. Послѣ многихъ страховъ вблизи завода и опасностей въ окрестностьяхъ его, Піотровскому удалось добраться черезъ Ишимъ и Тюмень до Ирбити на бойкихъ сибирскихъ лошадкахъ: въ трое сутокъ сдѣлать тысячу верстъ. Въ Ирбитѣ солдатъ у заставы первымъ потребовалъ паспортъ, но удовольствовался вмѣсто бумаги двугривеннымъ. Изъ Ирбити онъ вышелъ пѣшимъ, съ мѣшкомъ за плечами. Въ спопутныхъ деревняхъ паспорта, разумѣется, не спрашивали; въ крайныхъ избахъ онъ старался разспрашивать о дорогѣ. На ночь уходилъ онъ съ дороги въ лѣсъ, и тамъ, по обычаю остяковъ, выгребая въ снѣгу яму, дѣлалъ постель и ложился спать. Укрывался полушубкомъ, обращая шерсть его наружу; просыпался съ тяжолымъ чувствомъ, на ходу согрѣвался, становился снова веселымъ. Еловыя лапки указывали дорогу прямо на Верхотурье. Въ деревняхъ сказывался рабочимъ, идущимъ на казенные Богословскіе заводы. Имѣя на тѣлѣ три рубашки: двѣ бѣлыхъ, одну красную, и снимая ихъ на ночь, въ одной деревни возбудилъ подозрѣніе. Мужики потребовали паспортъ и, получивши фальшивый, успокоились. Пошолъ снова пѣшкомъ, и воспользовался на ночь тѣмъ улучшеніемъ, что придумалъ ложиться спать не въ снѣжную яму, а въ тѣ, которыя образуются около древесныхъ пней. Въ снѣгъ зарывался совсѣмъ, и только палкой пробивалъ отдушину. Ноги, которыя всего скорѣе зябли, сталъ также зарывать въ снѣгъ; стало тепло и удобно. Чуя въ тѣлѣ ознобъ, вскакивалъ и шолъ, не разбирая ночи. Встрѣчая извощиковъ, возвращавшихся изъ Ирбити съ ярмарки, подсаживалси къ нимъ на облучокъ, или, идя сторонкой распросами добирался до необходимыхъ ему свѣдѣній: о дорогѣ о мѣстныхъ обычаяхъ, о городахъ. За Верхотурьемъ встрѣтилъ коноваловъ-

мезенцовъ, шедшихъ на заработки въ Сибирь. Встрѣча эта рѣшила ему дорогу на Архангельскъ. Въ одной деревнѣ ночью узналъ онъ, что находится уже въ заводѣ Павдинскомъ и сказывался, что идетъ въ Соликамскъ въ работу на соловарню по письму пріятеля. Перешолъ Уралъ. Подсѣлъ къ ямщикамъ, ѣхавшимъ изъ Ирбити въ Чердынь. Отсюда чрезъ Соликамскъ, Кай и Лальскъ, узенькими лѣсными дорогами, гдѣ двоимъ санямъ нельзя разъѣхаться, добрался до Великаго Устюга, въ качествѣ богомольца, идущаго въ Соловки. Отъ Кая шолъ онъ уже въ толпѣ настоящихъ богомольцовъ. По лѣсамъ лѣсныя избушки, гдѣ всегда оставляютъ много огня, выручали отъ бѣдъ голодовки и замерзанія. Подъ Устюгомъ нашолъ рѣки покрытыми льдомъ, но уже вѣяло весной. Въ Устюгѣ толпа богомольцовъ увеличилась; наняли лодку до Архангельска и поплыли Двиной. Прикащикъ отобралъ паспорты, и, взглянувши на фальшивый и увидѣвъ печать, смѣшалъ его съ сотней другихъ.

Побывалъ Піотровскій въ Соловецкомъ; переплылъ въ городъ Онегу и по рѣкѣ Онегѣ пошолъ пѣшкомъ на Каргополь, рекомендуясь соловецкимъ богомольцомъ, возвращающимся черезъ Петербургъ въ Новгородъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда добраться до Кіева. Плылъ по Вытегрѣ, Онежскому озеру, Свирью, Ладожскимъ каналомъ, Невою. Вошолъ въ Петербургъ съ коробкомъ, и въ сопровожденіи двухъ корелокъ, прямо на Невской проспектъ. Надъ корелками проходящіе посмѣялись; Піотровскій погулялъ дня четыре по Петербургу, поглядѣлъ на него, кое съ чѣмъ ознакомился. На Сѣнной приняли безъ паспорта, и когда показалъ, сказали, что не надо ходить въ полицію: «все равно черезъ три дня уѣдешь». Доискался онъ судна, уходившаго въ Ригу; опять сунулся предъявить паспортъ и началъ доставать, развязывая платокъ, въ который, по крестьянскому обычаю, паспортъ былъ спрятанъ. Паспорта не смотрѣли, велѣли приходить завтра получать билетъ на пароходъ. Тогда явился на помощь менторъ, взялъ деньги, паспортъ, купилъ билетъ, и послѣ третьяго звонка пихнулъ на палубу. Поплыли 3-го іюля 1846 года. Въ Ригѣ купилъ бритву: обрился, продалъ полушубокъ, обзавелся одеждой ливонскаго крестьянина, размѣнялъ деньги на иностранныя. Черезъ Митаву и Полангенъ добрался до прусской границы, сталъ выбирать

мѣсто для прохода. Купаясь съ солдатомъ таможеннымъ, узналъ о контробандистахъ, о слабыхъ мѣстахъ границы, о слабостяхъ солдатъ. Зная прусскій обычай вездѣ въ домахъ и корчмахъ первымъ вопросомъ спрашивать: haben sie Pass? — рѣшился нигдѣ въ домахъ не ночевать; ночевалъ, по-сибирски, на поляхъ и въ лѣсахъ. Въ Кролевцѣ (Кёнигсбергѣ), выдавая себя за француза, попался. За скверный нѣмецкій выговоръ посадили подъ арестъ, допрашивали: гдѣ паспортъ?—потерялъ. Чѣмъ занимаетесь?—Ouvrier en coton (фабричный съ бумагопрядильной фабрики). Послали во Францію за справками—самого посадили въ тюрьму. Упорно отстаивая свое французское происхожденіе, онъ не хотѣлъ указывать на Россію; но объявившись полякомъ, получилъ совѣтъ поскорѣе выбираться изъ Пруссіи. Случайной снисходительности нѣмецкихъ властей Піотровскій обязанъ былъ тѣмъ, что 22 октября 1846 г. онъ былъ уже черезъ четыре года снова въ Парижѣ, въ томъ городѣ, изъ котораго выѣзжалъ въ Польшу эмиссаромъ, побывалъ въ Сибири и сталъ въ настоящее время эмигрантомъ, живя гдѣ-то учителемъ.

Вступленіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора ознаменовано было въ 1855 и 1856 годахъ прощеніемъ и освобожденіемъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ втораго періода ссылки поляковъ. Кромѣ тѣхъ, которые новыми преступленіями увеличили для себя сроки ссылки, кромѣ тѣхъ, которые поступили на государственную службу, или, увлекшись потокомъ сибирской жизни, обзавелись семействами, хозяйствомъ, коммерческими дѣлами, и проч., всѣ остальные поляки возвратились на родину. Немногіе вернулись въ Сибирь за участіе въ новомъ повстаніи. Нѣкоторые, побывавши на родинѣ, возвратились въ Сибирь, увлеченные соблазнами промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій.

Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи. — Участіе иностранцовъ. — Сосланные на житье и для водворенія. — Причины замкнутости ссыльныхъ и необезпеченность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцовъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импровизованные земледѣльцы. — Благопріятныя данныя. — Разсѣяніе шведовъ. — Запорожцы. — Шляхта.

Съ весны 1863 года стали направляться въ Сибирь и прибывать въ Тобольскъ передовыя, значительныя партіи ссыльныхъ поляковъ. Съ того времени по 20 декабря 1866 года всего поступило въ Сибирь, со включеніемъ и добровольно пришедшихъ за ссыльными женъ и дѣтей, 18,623 обоего пола:

Въ 1863 году . .	524	чел.
» 1864 » . .	10,649	»
» 1865 » . .	4,671	»
» 1866 » . .	2,829	»

Изъ этого числа ушло на каторгу 3,894, на поселеніе 2,153, прислано на житье 2,254 и для водворенія 8,491 (добровольно пришедшихъ 1,830 чел. *).

Стало быть: присужденные къ тяжкимъ наказаніямъ составляютъ почти $^1/_4$ ч.; присужденные къ легкимъ (на житье и водвореніе) болѣе $^1/_2$. Изъ нихъ всего больше распредѣлено въ Западной Сибири (10,407), чѣмъ въ Восточной (8,199) съ тою разницею, что въ первую пришли съ легчайшею виновностію, во вторую ушли приговоренные къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ (на каторгу и поселеніе) **).

*) За пять лѣтъ съ 1854 по 1859 г. за государственныя преступленія всего и изъ цѣлой Россіи сослано было 83 муж.

**) Въ такомъ числовомъ отношеніи: по Тобол. 4,101, Томс. 6,306, Енис. 3,719, Иркут. 4,424, по Якутс. обл. 56. При этомъ надо замѣтить, что все эго люди, приговоренные военно-судными комиссіями прямо въ Сибирь. Между ними нѣтъ тѣхъ, которые первоначально водворены были въ Россіи, а потомъ переведены въ Сибирь. Эти послѣдніе присылались въ Тобольскій приказъ безъ всякихъ документовъ. Наводить же справки о нѣсколькихъ

Сосланные на каторгу, поселеніе и житье распредѣлились по сословіямъ въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:

Дворянъ	4,252 чел.
Духовенства . . .	226 »
Горожанъ	1,148 »
Крестьянъ . . .	849 »
Солдатъ	249 »
Иностранцовъ . . .	385 »

Изъ водворенныхъ почти всѣ принадлежатъ къ низшимъ сословіямъ; дворянство составляетъ $^1/_4$ ч. (около $25^0/_0$), не смотря на то, что въ общей массѣ народонаселенія дворяне составляютъ не болѣе $^1/_{20}$ ч., т. е. $5^0/_0$. Такимъ образомъ ссылка лишила Царство и Западныя губерніи (за вычетомъ дѣтей и женщинъ) въ дворянскомъ сословіи $^1/_{50}$ ч., въ рабочихъ силахъ $^1/_{20}$ ч. и въ духовенствѣ $^1/_{35}$ *). Распредѣляя уменьшеніе дворянства по губерніямъ мы увидимъ, что всего больше (почти $3^0/_0$) своихъ силъ потеряли литовскія губерніи и на $2^0/_0$ уменьшилось дворянство изъ юго-западнаго края въ Волынской губерніи. Произошло это уменьшеніе, стало быть выразилось и участіе въ мятежѣ лицъ дворянскаго сословія въ такомъ видѣ:

Въ Ковенской губ.	на $^1/_{36}$ ч.	Въ Могилевск.	» $^1/_{65}$ ч.
» Виленской	» $^1/_{30}$ »	» Волынской	» $^1/_{45}$ »
» Гродненск.	» $^1/_{40}$ »	» Кіевской	» $^1/_{50}$ »
» Витебской	» $^1/_{60}$ »	» Подольской	» $^1/_{44}$ »
» Минской	» $^1/_{50}$ »		

На каторгу изъ всего числа сосланныхъ дворянъ (4,252) ушло— 1,699 чел., т. е. $^1/_5$ ч. или $40^0/_0$. Пропорція эта по мѣстностямъ распредѣляется такимъ образомъ:

Изъ Царства Польск.	сослано 1,244;	на каторгу 506,	т. е. $40^0/_0$.
» Сѣвер.-Зап. края	» 2,092;	» 590,	или $28^0/_0$.
» Юго-Западн.	» 916,	» 603,	» $66^0/_0$.

тысячахъ подобнаго люда въ горячее время ссылки, не было никакой возможности. И безъ того Приказъ едва успѣвалъ принимать, распредѣлять и снаряжать ссыльныхъ.

*) Принимая все населеніе въ 15½ милл., и считая количество духовныхъ римско-катол. испов. въ 9 запад. губ. въ 3,952 чел.

Стало быть, не смотря на то, что въ Юго-Западномъ краѣ мятежъ не развился шире польскаго и Сѣверо-Западнаго края и при меньшей числительности дворянства, сослано лицъ этого сословія въ каторжную работу не только не менѣе, но даже больше.

Изъ каждыхъ ста дворянъ Сѣв.-Западн. края ушло только 28%.

Изъ каждыхъ же ста Юго-Зап. края на ту же каторгу ушло 66%.

Слѣдовательно одно изъ трехъ: либо на югѣ приговоры дѣлались строже, либо на сѣверѣ мѣстныя средства возмездія умѣли парализовать число присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ въ сибирской каторгѣ, либо наконецъ содѣйствіе сельскаго населенія къ арестованію и представленій по начальству своихъ взбунтовавшихся пановъ въ средѣ малороссійскаго народа выразилось фактически-сильнѣе и ярче, чѣмъ таковое же народное участіе къ подавленію мятежа въ средѣ бѣлорусскаго народа. Само собою разумѣется, сибирскія данныя окончательнаго опредѣленія каждой причины и разграниченія всѣхъ трехъ между собою дать намъ не могутъ.

Изъ 3,399 человѣкъ, присужденныхъ къ тяжкимъ работамъ на каторгѣ, сословія встали въ такихъ отношеніяхъ по абсолютнымъ цифрамъ и по пропорціямъ:

Дворянъ	1,699 чел.	или 50%
Духовныхъ	98 »	» 3%
Мѣщанъ	676 »	» 20%
Крестьянъ	705 »	» 21%
Солдатъ	212 »	» 6%

Стало быть городскія сословія приняли участіе въ мятежѣ гораздо сильнѣе обывателей сельскихъ; мѣщанамъ и крестьянамъ принадлежитъ почти равная степень участія, не смотря на громадное числовое превосходство послѣднихъ передъ первыми. Дворянству между всѣми принадлежитъ половинное число.

По вѣроисповѣданіямъ изъ сосланныхъ на каторгу, поселеніе и житье, кромѣ католическаго, всѣмъ остальнымъ принадлежитъ только около 3% или 221 чел. въ такихъ отношеніяхъ: православныхъ 124, уніатовъ 17, протестантовъ 37, евреевъ 43. Въ 124 православныхъ замѣщалось 47 дворянъ бѣлорусскихъ юго-западныхъ губерній, 4 лица

духовнаго сословія, 6 мѣщанъ, 10 крестьянъ и 57 солдатъ (преимущественно изъ дезертировъ).

Всего сослано на каторгу:	Высшихъ сословій	Низшихъ сословій.
Изъ 1785 ч. Царст. Польск.	565 ч. т. е. 32%	1220 ч. т. е. 68%
Изъ 927 ч. Сѣверозап. кр.	625 » » 67%	302 » » 33%
Изъ 687 ч. Югозапад. кр.	607 » » 88%	80 » » 12%

Такимъ образомъ низшія сословія увлеклись сильнѣе въ Царствѣ, чѣмъ въ Сѣверозападномъ краѣ, а здѣсь гораздо сильнѣе югозападнаго, указывая на разницу литовскаго племени Жмудяковъ — католиковъ отъ православныхъ малороссовъ, помнящихъ угнетенія за свою вѣру отъ того же католичества. Ничтожное количество евреевъ (всего 43 человѣка) достаточно свидѣтельствуетъ о той холодности и равнодушіи, съ какими отнеслось къ дѣламъ Польши это многочисленное племя, облѣпившее всѣ деревни, мѣстечки и города всего края, поднявшаго возстаніе. Большая часть изъ всего числа 43 евреевъ, судя по статейнымъ спискамъ ихъ, высланы были въ Сибирь за содѣйствіе мятежу посредствомъ провоза оружія изъ-за границы, и другія подобныя преступленія, т. е. скорѣе за увлеченія коммерческими разсчотами, чѣмъ политическими планами.

Иностранные подданные, угодившіе въ Сибирь, въ общемъ числѣ 385-ти распредѣлились въ такихъ размѣрахъ:

Австрійскихъ (преимущественно изъ Галиціи — поляковъ).	259
Прусскихъ (преимущественно изъ Познани — поляковъ). . .	102
Итальянцовъ (Гарибальдійцовъ).	10
Французскихъ подданныхъ (коренныхъ французовъ). . . .	10
Англійскихъ подданныхъ	2
Гессенъ-Дармштадтскихъ нѣмцовъ	1
Саксонскихъ нѣмцовъ	1

Исторія Россіи не представляетъ другаго примѣра административной и судебной высылки по политическимъ преступленіямъ въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь. Поэтому само собою разумѣется и въ законодательствѣ остались не предусмотрѣнными и достаточно не разрѣшонными тѣ условія, въ какія должны встать сосланныя и переселенныя лица въ новыхъ мѣстахъ ихъ жительства. Рядъ административныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ въ разное время, ка-

зался удовлетворительнымъ и не представлялъ особыхъ затрудненій тогда, когда число лицъ опредѣлялось десятками и едва доходило до сотни. Теперь когда высланныхъ считаютъ тысячами, прежнія распоряженія являются далеко не полными и недостаточными. Это естественнымъ образомъ влечетъ за собою цѣлой рядъ затрудненій и стѣсненій какъ для мѣстной администраціи, такъ и для самихъ ссыльныхъ.

Не останавливаемся долѣе на сосланныхъ въ тяжкія работы, отношенія которыхъ къ самимъ ссыльнымъ неизбѣжно должны были выражаться въ старыхъ, нисколько не измѣненныхъ, рамкахъ до подробностей тѣхъ же поголовныхъ стремленій къ свободѣ (въ родѣ исторіи на Круго-Байкальской дорогѣ), хорошо извѣстныхъ всѣмъ по недавнымъ газетамъ. Обратимся къ тѣмъ, которые высланы на житье и для водворенія. Для примѣра беремъ Тобольскую губернію, какъ такую, гдѣ въ разсматриваемые нами года лишонныхъ всѣхъ правъ состоянія — только 50 человѣкъ, всѣ же остальные лишены только нѣкоторыхъ правъ.

Вотъ чѣмъ выразилось въ этой губерніи положеніе новыхъ ссыльныхъ:

Въ Тобольской губерніи лишонныхъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ оказалось 591; лицъ, находящихся подъ надзоромъ — 1175 чел. Въ числѣ послѣднихъ болѣе 35% (419 чел.) принадлежало молодымъ людямъ отъ 16 до 25 лѣтъ; между ними оказались сосланными даже такіе, которые въ Тобольскѣ съ увлеченіемъ пускали бумажнаго змѣя играли мячикомъ и однако считались и называли себя политическими преступниками. Въ Тобольской губерніи такихъ оказалось 27 человѣкъ (сверхъ 61 дѣтей при родителяхъ*). Въ числѣ первыхъ 591 чел. присланныхъ для водворенія на казенныхъ земляхъ оказались большею частію горожане; между ними находились хорошіе музыканты, живописцы и танцоры. Всѣмъ имъ предстояла одинаковая участь съ польскими крестьянами взять клочокъ земли и заниматься хозяйствомъ.

Общія черты сходства для людей обѣихъ этихъ разрядовъ вы-

*) Между прочимъ 110-ти лѣтній старикъ—ксёнзъ.

разилось тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ они пришли не только безъ приличнаго, но даже и достаточнаго одѣянія (нанчаще въ томъ самомъ, въ какомъ были взяты къ суду): нищета въ самыхъ крайныхъ ея проявленіяхъ возбуждала всеобщее состраданіе. Не имѣя возможности достать хлѣба на предстоящій день, безъ дневнаго пріюта, безъ языка, не зная за что приняться — люди эти, выпущенные изъ тюрьмы, представлялись на первыхъ порахъ брошенными рѣшительно на произволъ судьбы съ семью копѣйками суточного пособія, расчитывающаго на квартиру, пищу, одежду и удовольствія.

Общія черты различія для обоихъ разрядовъ выразились, при практическомъ примѣненіи, тѣмъ, что судьба слабѣе наказуемыхъ оказалась худшею, чѣмъ судьба лицъ, обреченныхъ на сильнѣйшія мѣры взысканія: положеніе сосланныхъ для водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ сдѣлалось сравнительно лучшимъ, чѣмъ положеніе сосланныхъ собственно подъ надзоръ. Этотъ «надзоръ», при возможности наблюденія только внѣшняго, хлопочетъ лишь объ томъ, чтобы такой-то не выѣзжалъ изъ предѣловъ указаннаго района, не производилъ наружныхъ безпорядковъ; полицейской надзоръ имѣетъ право быть довольнымъ собою, если ему удается достигнуть только однихъ этихъ цѣлей. Въ практическомъ примѣненіи къ судьбамъ политическихъ ссыльныхъ этотъ надзоръ въ Сибири выразился такимъ явленіемъ: запрещеніе отлучекъ уничтожило почти всякую возможность къ прочному устройству жизни и къ пріисканію какого-либо рода дѣятельности, при 2 р. 10 коп. ежемѣсячнаго казеннаго содержанія. Чтобы сдѣлаться промышленникомъ — нужны коекакія права состоянія, чтобы стать торговцемъ необходимо чтобы разъѣздамъ не полагались границы одною мѣстностію; службѣ у частныхъ лицъ суровой контроль мѣшаетъ тѣмъ, что поселяетъ и поддерживаетъ въ послѣднихъ недовѣріе и затрудняетъ ихъ входить съ ссыльными въ какія-либо соглашенія или приглашать ихъ для какихъ-либо торговыхъ занятій. Письменныя занятія по вольному найму разрѣшонныя впослѣдствіи, при множествѣ политическихъ ссыльныхъ, оказались мѣрою паліативною. Занятія же ремесленныя и земледѣльческія не обезпечены никакими средствами. Отсюда механическая связь пришельцовъ съ

туземцами и безнадежность полнаго органическаго слитія. Между тѣмъ общество готово, безъ предразсудковъ, отдѣлять ихъ отъ остальныхъ ссыльныхъ и обезпечивать работами. Временныя пособія со стороны правительства (безвозвратныя), дробясь между сотнями лицъ, для каждаго въ отдѣльности столько ничтожны, что не достигаютъ никакой цѣли. И современные ссыльные поляки принуждены дѣлать складчины, не только добровольныя, но и обязательныя, т. е. для богатыхъ взносы имѣли значеніе подати. Таже замкнутость и отдѣльность отъ общей жизни, безпомощное положеніе невозможность существованія единичными средствами, наконецъ простое человѣческое сочувствіе,—естественно выразили это благотворительное дѣло, направленное для поддержки крайне-бѣдныхъ товарищей. Эти товарищества составляли продолженіе тѣхъ, которые устанавливались между ссыльными самими начальствами, во всей Россіи во время пути слѣдованія поляковъ въ Сибирь. Начальства избирали старостъ и отдавали партіи въ полную ихъ зависимость, внутренно сознавая при недостаткѣ воинскихъ командъ, невозможность двигать въ порядкѣ эти громадныя толпы. На этапахъ и въ тюрьмахъ были сотни примѣровъ наказанія товарищей самими старостами и выборными за малѣйшіе проступки. Этотъ самосудъ или собственно контроль удержался и на мѣстахъ водворенія, помогая ссыльнымъ воздерживать преступныя наклонности и устранять, ослабляя, тѣ подозрѣнія туземцовъ, которыя между прочимъ и на этотъ разъ выразились подозрѣніями въ поджогахъ. Общинный надзоръ во многомъ сослужилъ службу полицейскому.

Вотъ какъ типируетъ одинъ изъ мѣстныхъ администраторовъ положеніе ссыльнаго, воспитавшагося подъ надзоромъ и неосвобожденнаго отъ него по требованіямъ мѣстныхъ условій быта:

«Политическій ссыльный приноситъ убѣжденіе, что весь итогъ прожитой жизни утраченъ безвозвратно, и потому: или кажется совершенно равнодушнымъ ко всему окружающему, или является раздражительнымъ, безпокойно-нервнымъ. Если онъ ещо лелѣетъ надежду возврата, то тѣмъ не менѣе эта надежда, оживляя его мѣшаетъ труду, прочной осѣдлости: Сибирь—почтовая станція, минутная остановка жизни; не стоитъ и браться ни за что серьозное. Это вре-

мя для политическихъ ссыльныхъ — время утопій, несбыточныхъ надеждъ и идеаловъ; всѣ уроки, всѣ ошибки прошлаго забыты, утратили поучительное значеніе свое. Съ постепенною потерею практическаго смысла, всякой жизненный вопросъ обобщается до чего-то безусловного; примиренія съ настоящимъ нѣтъ, оттого или всегдашная болѣзненная раздражительность, или невозмутимое равнодушіе. Но по мѣрѣ того, какъ года идутъ впередъ, ослабляя надежду и силу,— эти люди становятся сумрачнѣе; раздражительность, при бездѣйствіи, усиливается, недовольство внѣдряется ещо глубже и переходитъ въ злобу. Продолжительный надзоръ, ежеминутный страхъ контроля не прошли даромъ: они выучили удивительному умѣнью владѣть собой: ни одно слово не пропадаетъ даромъ, ни одинъ мускулъ движеніемъ своимъ не измѣняетъ внутреннему сердитому настроенію духа. Сдержанность и замкнутость остаются навсегда характерными чертами этихъ людей во всѣхъ ихъ сношеніяхъ съ остальными.»

«Кому изъ политическихъ ссыльныхъ не удалось столкнуться съ практическою жизнію,—тѣ казались наблюдателю изношенными, обнаруживали страшную нравственную пустоту, которая, при узкихъ взглядахъ и пониманіи, характерна была лишь однимъ упорствомъ въ отстаиваніи своихъ утопій, мелкимъ самолюбіемъ и болѣзненною раздражительностію. Тѣ же, которые вталкивались въ промышленную и торговую дѣятельность, отрезвлялись сразу: теряли свой исключительный оттѣнокъ, понятія постепенно космополитизировались, жизнь со всею мелочностью охватывала ихъ всецѣло. Искавшіе утѣшенія въ прошедшемъ доживали до консервативнаго упорства, выходъ изъ замкнутаго круга считался у нихъ слабостью и даже измѣною. Въ силу такихъ соображеній, главною задачею правительства должна быть забота о томъ, чтобы дать ссыльнымъ занятія, облегчить возможность труда и приспособленія способностей.»

Въ Тобольскѣ въ послѣднее время (съ 1864 по 67 г.) сдѣланы были *) опыты учрежденія мастерскихъ. Несмотря на недоброжелательство и происки рутины или невѣжества, устроены были: прачешная, столярная, сапожная, слесарная, котельное производство, куз-

*) Губернаторомъ А. И Деспотъ-Зеновичемъ..

ницы, швейная, булочная, открытъ пивоваренный заводъ, заведены мелочныя лавки, общая столовая для стариковъ и хворыхъ на 140 чел. (между ними на 70 поляковъ). Въ этихъ заведеніяхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ мѣстнымъ требованіямъ, занято было большинство ссыльныхъ. Городское населеніе привѣтливо ихъ встрѣтило. Сосланные начали мало-по-малу заручаться надеждами на будущее, привыкать къ настоящему своему положенію, примиряться съ нимъ и даже выписывать оставленныя на родинѣ семейства. Въ результатѣ отъ всего этого, изъ числа 220 человѣкъ, оставленныхъ въ Тобольскѣ на жительствѣ, только 35 человѣкъ стариковъ пользовались казеннымъ пособіемъ, всѣмъ остальнымъ доставлена возможность работать и честнымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ средства для жизни. Изъ Тобольской губ., во все это время бѣжалъ только одинъ, изъ Томской бѣжали десятками. Конечно на всю губернію такое вліяніе не могло распространиться; конечно, оно подвержено такимъ же случайностямъ, какъ и самая человѣческая личность и — стало быть— не прочно.

Эти начинанія въ особенности замѣчательны тѣмъ, что они сдержали безполезный наплывъ на сибирскія деревни польскихъ горожанъ—принужденныхъ импровизованныхъ земледѣльцовъ; въ то же время эти начинанія служили единственнымъ радикальнымъ средствомъ при безвыходномъ положеніи; нѣкоторая безтактность мѣръ репрессивныхъ обнаруживалась, внѣ этихъ условій и пріемовъ, во всей своей наготѣ. Всѣ опыты насильнаго водворенія горожанъ на землѣ внѣ доброй воли и правильныхъ экономическихъ комбинацій, всегда приводили къ отрицательнымъ результатамъ. Въ той же Западной Сибири земледѣльцами сдѣлались люди, пришедшіе по волѣ, а за Байкаломъ — порочные нижніе воинскіе чины, приписанные въ крестьяне, указали на полную безнадежность мѣръ подобнаго рода. Бродяжество, наймы по городамъ, на суда, на золотые пріиски— вотъ результаты подобныхъ начинаній. Къ тому же и сами польскіе ссыльные наотрѣзъ отказались, въ послѣднее время, принять участки земли, заявивъ категорическій отвѣтъ, что такимъ путемъ они рѣшительно не въ состояніи обезпечивать свое существованіе. Конечно, вмѣстѣ съ безнадежностью совладать съ землею, много мѣ-

шала въ данномъ случаѣ и боязнь закрѣпостить себя на землѣ и потерять, такимъ образомъ, надежду возвратиться на родину. Понудительныя мѣры тутъ безсильны: польскіе крестьяне и безъ того встали въ болѣе или менѣе удовлетворительное положеніе: они почти всѣ нашли заработки у крестьянъ, несмотря на то, что въ Сибири спросъ на личную услугу, во время полевыхъ работъ, невеликъ, наемъ рабочей силы невыгоденъ и замѣняется искони усиленнымъ семейнымъ трудомъ. Для желающихъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, Сибирь представляетъ богатый и неисчерпаемый рудникъ. Страна эта замѣчательна тою своею оригинальностію, что въ ней нѣтъ частной поземельной собственности и общинныя начала сохранились въ цѣлости. Огромныя, пустыя и незаселенныя пространства земель даютъ возможность каждому крестьянину пахать землю тамъ, гдѣ онъ захочетъ и найдетъ болѣе удобнымъ. 15 десятинъ земли — въ правахъ каждаго, даже изъ ссыльныхъ. Пастбища при селеніяхъ для всѣхъ общія и лежатъ обширныя огороженныя пространства (поскотина), спеціально предназначенныя для пастьбы скота. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ каждый, безъ всякаго дозволенія, можетъ накосить столько травы, сколько захочетъ. Лѣса также общинная либо казенная собственность, не дѣлятся и никому не принадлежатъ; каждый можетъ рубить деревья безъ контроля, когда ему понадобится, (въ казенныхъ только платятъ попенныя). Позволенія на торговлю и промыселъ, производимые мѣстно, никто не спрашиваетъ, за патенты никто не платитъ: въ этомъ отношеніи по Сибири больше свободы, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Человѣкъ имѣетъ тутъ больше свободы, чѣмъ въ Россіи (въ трудѣ и его примѣненіяхъ). Поземельныхъ податей никто не платитъ, кромѣ мѣщанъ, обязанныхъ земскими повинностями, которыя къ тому же общинная свобода значительно ограничила. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими правами, ужи-ваются права бюрократіи и чиновничій произволъ, и нападенія на слабыя мѣста сопровождаются нерѣдкими и губительными притѣсненіями. Если недостатокъ средствъ и незнакомство съ мѣстными условіями на первыхъ порахъ затрудняютъ польскихъ крестьянъ и замедляютъ улучшеніе ихъ быта, то тѣмъ не менѣе положеніе ихъ

въ сибирскихъ деревняхъ далеко выгоднѣе положенія горожанъ, назначаемыхъ не въ города, а въ селенія *).

Боязнь опасныхъ послѣдствій отъ измѣненія существующихъ формъ напрасна и исторически не оправдывается примѣрами той же самой Сибири (въ Россіи подобные примѣры безчисленны). Не только поляки и малороссы, но и шведы изъ войскъ Карла XII слились съ славянскою народностью Сибири до тождества съ нею и поглощены безъ слѣда. На память о шведахъ остались въ Тобольскѣ только такъ-называемый «Прямскій взвозъ» съ каменной аркой и стѣной надъ нимъ; стѣна же кремля, построеннаго плѣнными, давно уже разсыпалась и разобрана, да по дорогѣ въ Якутскъ станція Усть-Ордынская сохранила прозваніе «шведомъ», можетъ быть, по имени одного, можетъ быть, отъ имени многихъ поселенныхъ тутъ шведовъ. Въ Сибири евреи, въ особенности молодые, измѣняются на столько, что можно ихъ смѣло назвать сибирскими, какъ особенный типъ, значительно непохожій на тотъ, который господствуетъ въ западной половинѣ Имперіи, и весьма близко подходящій къ настоящимъ сибирякамъ: тотъ же языкъ, костюмъ, обычаи и даже иногда вѣра.

Тамъ, гдѣ исчезли безъ слѣда и тѣ 138 запорожскихъ казаковъ, которые присланы были въ 1770 году за причиненныя въ Польшѣ разворенія,—свободно и скоро превратились въ сибиряковъ тѣ изъ поляковъ, которымъ удалось личными интересами согласно соединиться съ требованіями страны и ея интересами. Особенно счастливыхъ результатовъ обрусѣнія достигали съ того времени, когда поляковъ стали приселять къ казачьимъ войскамъ большими группами, и одиночками. Та же участь ожидаетъ и новыхъ пришельцовъ, если успѣютъ благоразумно устранить все то, что до сихъ поръ мѣшало сближенію вслѣдствіе стремленій видѣть въ ссыл-

*) Въ Томской губ. горожанъ-поляковъ старались селить въ деревняхъ, ближайшихъ къ городамъ, чтобы ремесленники и вообще люди, неспособные къ земледѣлію, не сдѣлавшись настоящими деревенскими пролетаріями, могли сбывать въ городахъ произведенія своихъ трудовъ. Тамъ имъ были дозволены и отлучки въ эти города для обезпеченія себя заработками.

тѣ одну только карательную сторону. Въ Сибири становится дѣятелемъ только тотъ, кто пересталъ чувствовать себя наказуемымъ. Законъ этотъ неизмѣнно выразился для всѣхъ національностей. Сначала, плѣнившись сходствомъ роднаго языка съ русскимъ, забываютъ отечественную рѣчь; потомъ, увлекшись дѣвицей-сибирячкой, женятся и подъ вліяніемъ среды и обаяніемъ жены отстаютъ и отъ обычая: въ итогѣ—сынъ поляка уже человѣкъ православной вѣры и коренной сибирякъ, а самъ отецъ на склонѣ дней человѣкъ національно-обезличенный. Въ особенности искусно дѣйствовала на обрусеніе поляковъ государственная служба.

Сибирь съ своими крупными особенностями, съ исключительными требованіями, умѣла превращать въ сибиряковъ безразлично инородцовъ и иноземцовъ. Такъ, напримѣръ, на пространствѣ между Усть-Каменогорскою крѣпостью и Змѣевскимъ рудникомъ, однимъ изъ старинныхъ на Алтаѣ, въ настоящее время живутъ выселенцы временъ Екатерины, потомки шляхты изъ Сѣверозападнаго края, и помѣщичьи люди и крестьяне, выведенные изъ Польши въ 1764 году и опредѣленные въ Сибирскія войска. Они уже не уберегли никакихъ воспоминаній о прошломъ и потомки ихъ только съумѣли сохранить нарядъ, рѣзко оттѣняющійся отъ обычнаго сибирскаго. Въ особенности замѣчателенъ нарядъ женщинъ, умѣющихъ щегольевато и искусно вышивать бумагой и шолкомъ полотенца, нагрудники, оплечья на рубахахъ; дѣвушки до сихъ поръ уберегаютъ въ косахъ старинные пятачки чеканки временъ Екатерины—послѣдніе остатки ихъ національныхъ особенностей.

На подобную участь слится съ туземнымъ населеніемъ впослѣдствіи, во второмъ или третьемъ поколѣніи, обречены были, во время ближайшаго къ намъ польскаго возстанія, тѣ болѣе десяти тысячъ обитателей западной части Имперіи, которые присланы въ Сибирь.

Пойманные съ оружіемъ, и за то приговоренные по суду, изъ которыхъ впереди была рѣчь наша, составляютъ отдѣльный контингентъ отъ тѣхъ, которые присланы не на каторгу и поселеніе, а на такъ называемое водвореніе. Сюда впослѣдствіи поступили многіе и изъ тѣхъ, которые были судимы и приговорены къ арестантскимъ ротамъ на сроки. По окончаніи сроковъ арестантскихъ

ротъ и они включены въ число водворяемыхъ, если только не принадлежали къ привиллегированнымъ сословіямъ. Это—большею частію земледѣльцы, обыватели деревень и шляхта западныхъ губерній, обыватели такъ называемыхъ застѣнковъ и околицъ. Вмѣстѣ съ шляхтичами пришли и воспитавшіеся въ значительно-одинаковыхъ съ ними условіяхъ экономическаго и общественнаго быта: мѣщане — исключительно обыватели городовъ и мѣстечекъ, отставные солдаты, однодворцы и такъ называемые панцырные бояре—потомки родовъ въ древности принадлежавшихъ Россіи и занятыхъ службою по крѣпостямъ, взысканіемъ податей и развозкою писемъ: тотъ классъ, изъ котораго свободно выдѣлялись люди въ шляхетство, мѣщанство, въ классъ свободныхъ крестьянъ, и, при особенныхъ подвигахъ, во дворянство. Причина высылки ихъ безразлично заключалась: либо въ косвенномъ участіи въ мятежѣ посредствомъ укрывательства бѣжавшихъ и спасавшихся при разгромѣ бандъ, либо въ томъ (какъ случалось нерѣдко), что въ деревняхъ этихъ останавливались банды, мимо околицъ этихъ случайно проходили они въ лѣсъ и изъ лѣсу, либо около нихъ скрывались эти банды и искали здѣсь средствъ для временной вещественной поддержки своей на стоянкахъ. Система переселенія на правахъ водворенцовъ внѣ правъ свободнаго и добровольнаго выбора мѣстъ и способовъ передвиженія и осѣдлости, съумѣла уравнять эти толпы высланныхъ изъ родины, несмотря на несходство проступковъ. Административный способъ ссылки на этотъ разъ успѣлъ достигнуть болѣе крупныхъ (и суровыхъ) послѣдствій, въ противоположность требованіямъ суда и болѣе или менѣе доказаннаго обвиненія въ виновности. Когда присужденнымъ на каторгу и поселеніе съ опредѣленіемъ сроковъ и съ правами на милостивое прощеніе, представлялась и осуществлялась возможность возврата изъ Сибири, — для этихъ, такъ называемыхъ водворенцовъ, чрезъ прикрѣпленіе къ землѣ, на всегда отнималось это право. Переселеніе, со всѣми его нравственными условіями и задачами на вѣчную утрату родины, приняло такимъ образомъ значеніе наивысшей мѣры наказанія для людей наименьшей виновности. Разница на этотъ разъ заключалась можетъ быть лишь только въ томъ, что одни изъ шляхты водворены были въ предѣлахъ Россіи, но за то другіе уведены за

Уральской хребетъ. Для шляхетскихъ околицъ Могилевской губерніи Рогачовскаго уѣзда (Антуши, Сѣножатки, Тертежъ), снятыхъ съ мѣста въ цѣломъ составѣ *), новою родиною оказалась Оренбургская губернія; для другихъ губерній ближайшія къ Сибири съ свободными казенными землями; для околицъ болѣе глубокихъ мѣстностей западной окрайны мѣста для водворенія выбраны въ Сибири: сначала губерніи Енисейская и Томская, а потомъ, когда кончено въ ней водвореніе и мѣста, назначенныя здѣсь были заняты, и губернія Тобольская. И сюда въ Сибирь явился этотъ живой народъ шляхетской природы немного беззаботный, разгульный, задорной до сварливости и хвастливой, но въ тоже время словоохотливой и хлѣбосольной. Пришолъ онъ на свободныя земли, къ обязательствамъ усидчиваго тяжолаго земледѣльческаго труда на первобытной нетронутой почвѣ,— и надо сознаться пришолъ не туда, куда влечотъ людей призваніе, гдѣ находятъ люди свое мѣсто и прилагаютъ свои способности. Онъ даже по внѣшному виду не похожъ на того, отъ котораго можно требовать исполненія подневольныхъ заказныхъ трудовъ. Въ сибирскихъ деревняхъ долженъ поселиться меньше всего земледѣлецъ, а скорѣе горожанинъ, обрившій бороду и отпустившій классическіе усы, одѣтый въ городской чорной камзолъ въ родѣ однобортнаго длиннаго сертука, въ широкіе шаровары, въ неизмѣнный чорный картузъ во свидѣтельство своихъ наклонностей бѣлоручки, успѣвшаго отшатнуться отъ роли земледѣльца и лишь съ сохраненіемъ званія землевладѣльца, съумѣвшаго и въ деревнѣ жить съ городскими привычками и обстановкой. На родинѣ онъ успѣлъ отбоевать родовитость и гоноръ и оставить за собою стремленія въ противоположную сторону отъ работъ, которыя награждаютъ мозолями на рукахъ. На родинѣ они бросались на государственную службу, учились грамотѣ, кончали гимназическій курсъ, искали мѣстъ управляющихъ, поступали въ

*) На мѣстѣ этихъ трехъ околицъ — какъ извѣстно — выстроено новое селеніе подъ названіемъ Царской Слободы изъ отставныхъ солдатъ. Правильно распланированное, по нормальнымъ чертежамъ, съ форменнымъ видомъ слободка эта замѣнила собою прежнія неправильно раскиданныя околицы, всегда имѣющіе видъ отдѣльныхъ хозяйствъ съ кривыми улицами, закоулками и переулками.

чиновники, иные богатѣли и дѣлались панами; изъ шляхты этой образовалось почти все мѣстное православное и католическое духовенство. Расчитывать на такихъ сельскихъ хозяевъ, у Сибири мало правъ, дожидаться отъ нихъ вѣрнаго и твердаго земледѣльческаго населенія нѣтъ никакихъ основаній. Шляхтичъ и на родинѣ очень часто не владѣвшій собственными угодьями, вѣкъ кочевалъ, переходя съ земли одного владѣльца къ другому. Ему нѣкогда было привыкнуть къ усидчивому труду, сдѣлаться земледѣльцомъ; онъ стоялъ на перепутьѣ между деревенскимъ и городскимъ жителемъ и возымѣлъ наклонность болѣе къ городскому быту. Онъ только потому не дворянинъ, что не доказалъ своихъ правъ, утерявши документы или прогоняемый поднятой платой съ воздѣланнаго имъ уволока земли предпочолъ записаться въ крѣпостные. Есть много достаточныхъ основаній предполагать, что эта шляхта, жившая на наемныхъ земляхъ. Въ городахъ элементъ наиболѣе безопасный при облегчонномъ надзорѣ и заработкахъ. И проживши въ деревнѣ, онъ не утратилъ характера горожанина. Земледѣльцы они были плохіе и на мѣстахъ родины, гдѣ приходилось имъ перемѣнять мѣсто, хозяйство ихъ было скудно, неряшливо. Вмѣсто обыкновенныхъ шляхетскихъ горенокъ они жили въ клѣтушкахъ съ земляным поломъ, безъ оконъ, если только можно считать за окна узенькія, продолговатыя щели съ осколками стеколъ; крыша прорвалась, заборъ разсыпался, ворота покосились; нагорожено—наляпано. Въ деревнѣ онъ живетъ (что въ томъ краю величайшая рѣдкость), на деревянныхъ полахъ съ красными окнами, уставленными бальзаминами, еранью и гортензіями. Настоящія городскія горенки служили обыкновеннымъ жилищемъ шляхты. Шляхтянки наряжаются въ бѣлыя какъ снѣгъ юбки, щеголяютъ въ перчаткахъ, въ праздничное время распускаютъ зонтики; они не поютъ народныхъ пѣсенъ и употребляютъ всѣ силы, чтобы, какъ масло на водѣ, отдѣлаться отъ крестьянокъ всѣмъ и во всемъ. Шляхтичи, въ сношеніяхъ съ сосѣдями-крестьянами, оказывались всегда людьми высшей породы. Шляхтичъ въ корчмѣ требуетъ почота, говоритъ громко, не прочъ и подраться (бѣлоруссъ ему уступаетъ, старовѣръ споритъ), но за то шляхтичъ владѣетъ всѣмъ тѣмъ искусствомъ выиграть передъ высшимъ городскимъ обществомъ —

искусствомъ, въ которомъ у него мало соперниковъ. Для сибирскихъ городовъ у него всѣ блестящіе задатки. Но не то судила ему безрасчотная и слѣпая судьба. Для Сибири обстоятельствъ этихъ не взвѣсили и, несмотря на указанія и предостереженія свѣдущихъ и опытныхъ людей, поступили иначе.

Сибирскіе города, находящіяся вообще на низкомъ промышленномъ уровнѣ, въ виду представлявшейся возможности при помощи этихъ людей подняться въ вопросѣ промышленности обработывающей, сибирскіе города не надѣлены этимъ полезнымъ классомъ водворенцовъ, стоящихъ на степени высшаго развитія. Въ то время, когда эти люди, въ массѣ которыхъ преобладаютъ ремесленники, могли бы найти средства въ два-три года сдѣлаться полезными гражданами,— ихъ безполезно и безслѣдно прикрѣпили къ деревнямъ. Между ними оказались получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже воспитавшіеся въ высшихъ, и стало быть поставленные въ обидную, чуждую и безнадежную среду крестьянской обстановки и деревенскаго быта. Шляхтичъ, сидѣвшій на приготовленной землѣ, очутился такимъ образомъ въ Сибири на новыхъ участкахъ, требующихъ—какъ извѣстно—долговременнаго опыта, громаднаго терпѣнія и необычайныхъ трудовъ, при росчискѣ вѣковыхъ залежей, такъ называемыхъ новей. Только такія мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ и осинникомъ сибирскія общества приняли за обычай выдѣлять прибылымъ и готовыхъ земель для нихъ не отрѣзываютъ. — «Новый пришелецъ долженъ занимать и новый участокъ» — таково старожилое правило, съ которымъ въ Сибири нѣтъ никакой возможности спорить. Два года тяжолыхъ усилій для того, чтобы воспользоваться только первымъ плодомъ трудовъ своихъ представляются обязательными даже для того замѣчательнаго меньшинства, которое владѣетъ привычкою и умѣньемъ воздѣлывать землю. Плодоносная земля лежитъ въ Сибири подъ лиственнымъ лѣсомъ; его надо срубить, оставить пенья сохнуть, чтобы на будущій годъ имѣть силы и возможность ихъ выкорчевать, пройтись сохой, посѣять и лишь на третій годъ получить жатву. Такимъ образомъ для водворенцовъ польскихъ, ссудный хлѣбъ на три года (и лишь по малой мѣрѣ на два) сталъ для казны обязательнымъ.—Прибавилась лишная тягость.

Переселенцовъ, для успѣха водворенія, казна сочла нужнымъ снабдить пособіями. Эти пособія состояли: въ выдачѣ 55 руб. на семейство,—суммы, обыкновенно опредѣляемой переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ 35 руб. на обзаведеніе домомъ и 20 на пріобрѣтеніе замѣчательныхъ орудій, въ снабженіи одеждою (въ случаѣ надобности) и подводами до самыхъ мѣстъ водворенія. Въ дорогѣ взрослые получали по 16 коп. въ день, малолѣтніе по 8 (всѣ эти расходы отнесены на 10% сборъ въ западныхъ губерніяхъ и на суммы Царства Польскаго). Для водворенія указаны волости съ свободными казенными землями и въ нихъ положено водворять либо образованіемъ изъ переселенцовъ отдѣльныхъ деревень. Въ томъ и другомъ случаѣ сдѣлано обязательнымъ избѣгать сосѣдства городовъ и большихъ трактовъ, но принято водворять въ мѣстностяхъ, изобилующихъ свободными и удобными угодьями, годною для пользованія водою, не ощущающими недостатка въ лѣсѣ для строеній. Таковы были распоряженія общія.

Частныя распоряженія по водворенію, каковыя сдѣланы были по Тобольской губерніи (судя по напечатанной инструкціи) заключались между прочимъ въ заблаговременномъ обезпеченіи продовольствія, въ заготовленіи подводъ; въ стараніяхъ и хлопотахъ установить мирныя и кроткія отношенія между пришельцами и старожилами, въ домахъ которыхъ размѣщались на первое время прибылые водворенцы. По водвореніи уступлено было гуманное право отлучекъ на рынки и торжки и другихъ округовъ губерніи для сбыта ремесленныхъ издѣлій или сельскихъ произведеній. Одиночкамъ дозволено соединяться по двое на первое время *), признанные неспособными къ устройству самостоятельнаго хозяйства (старики и малолѣтки) назначены для призрѣнія съ семейства самихъ переселенцовъ или къ старожиламъ, съ выдачей за взрослаго 10 руб., за малолѣтняго до десяти-лѣтняго возраста по 5 руб. въ годъ съ правомъ занимать посильными работами. Изъ ближайшихъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ выдавался хлѣбъ и для продовольствія и для обсѣмѣненія полей; въ первомъ

*) Потомъ по устройствѣ хозяйства они обязаны были раздѣлиться жить хозяйствами отдѣльными.

случаѣ на каждые три мѣсяца впередъ. Тотъ и другой хлѣбъ выдавался заимообразно. Частныя распоряженія съумѣли облегчить уплату займа на болѣе продолжительные сроки (въ четыре года послѣ первыхъ шести необходимыхъ для знакомства съ требованіями новой страны). Переселенцы домохозяева наравнѣ съ прочими крестьянами пріобрѣтали право участія въ мірскихъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ, и проч.

Но не всѣ волости и угодья, назначенныя для водворенія, оказались удобными и соотвѣтствующими требованіямъ Западнаго Комитета. Томская коммиссія, водворявшая этихъ переселенцовъ нашла, что пособіе, вообще недостаточное и для переселенцовъ изъ государственныхъ крестьянъ, для польскихъ выходцовъ ещо сильнѣе и безвыходнѣе усиливало затрудненія. Переселенцы внутреннихъ губерній приходили совершенно обезпеченными, приводили скотъ (лошадей) или приносили деньги, вырученныя отъ продажъ его и назначенныя для той же цѣли на новыхъ мѣстахъ: водворенцы польскіе ничего этого не имѣли. Рабочую лошадь—основное подспорье земледѣлія, должны они покупать, истрачивая не менѣе 25 руб. изъ 55, и въ то время, когда пріобрѣтеніе топора, заступа, пилы, телѣги, саней и для земледѣлія сохи и бороны (непремѣнно съ желѣзными зубьями по требованіямъ первобытной сибирской земли), а также и сбруи—по сибирскимъ цѣнамъ на 30 руб. пріобрѣсти нѣтъ никакой возможности. Увеличеніе денежнаго пособія по крайней мѣрѣ на цѣну непредусмотрѣнной лошади должно было сдѣлаться, при практическомъ осуществленіи проэкта, неизбѣжнымъ и настоятельнымъ. Затѣмъ осуществленіе въ Сибири правилъ о попенныхъ деньгахъ и вслѣдствіе того примѣтное уменьшеніе лѣсной промышленности и высокія цѣны на лѣсъ дѣлаютъ невозможною покупку готоваго сруба за 15 руб., а чрезъ это укрѣпляютъ необходимость увеличенія пособій ещо на лишнія прибавки денегъ до ста рублей на лѣсистыя мѣстности и свыше ста на южныя безлѣсныя.

Подъ такими-то крупными и неблагопріятными условіями приводилось селить польскихъ водворенцовъ по цѣлой Сибири, и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Сибири достигнута только одна цѣль: переселенцы водворены въ округахъ, наиболѣе дающихъ благопріят-

ныя данныя для земледѣльческаго труда, если не принимать въ разсчотъ того, что на этотъ благородный, но тяжолый трудъ приглашены люди, невладѣющіе достаточными способностями, на большую часть безъ призванія, безъ охоты, что называется безъ рукъ. Приведены они въ Сибирь или отдѣльными партіями, или въ общихъ арестантскихъ партіяхъ на устройство быта по случайнымъ законамъ, которые обыкновенно на практикѣ говорятъ всегда на-двое. Размѣщались они до распредѣленія или въ особыхъ казармахъ, или на правахъ обыкновенныхъ ссыльныхъ, при тѣснотѣ и по невозможности въ самыхъ тюремныхъ замкахъ въ соединеніи съ прочими преступниками. На мѣста водворенія ихъ переправляли также на правахъ пересыльныхъ арестантовъ: подъ багажъ 12 человѣкъ полагалась одна одноконная подвода, подъ слабыхъ и дряхлыхъ одна на двухъ, одна же для пяти малолѣтковъ и по одной подводѣ для двухъ женщинъ съ грудными дѣтьми. Пришли они большею частію безъ семействъ, оставшихся на родинѣ въ разсчотѣ, что высылка ихъ— только временная мѣра наказанія. Несмотря на всѣ внушенія начальствъ, они сначала ни подъ какимъ видомъ не хотѣли выписывать своихъ семей, говоря, что не желаютъ подвергать ихъ тому же неизвѣстному будущему, какому они сами подвергнуты. У всѣхъ твердо укрѣплена была вѣра, что со временемъ возвратятся на родину и трудиться считали здѣсь лишнымъ. Когда ослабла подобная вѣра и исчезла надежда, они стали выписывать семьи; болѣе другихъ упорные и залѣнившіеся высланы въ Восточную Сибирь. Однако на мѣстахъ они получили категорическое заявленіе о томъ, что приведены сюда для водворенія на казенныхъ земляхъ и для занятій земледѣліемъ, что они зачислены въ сословіе государственныхъ крестьянъ, что имъ не только воспрещена приписка къ городскимъ состояніямъ и житье въ городахъ, но даже отлучки далѣе черты той волости, въ которой водворены. Все это внушало имъ земское начальство съ предвореніемъ, что нерадивые и пренебрегающіе земледѣліемъ будутъ безъ всякаго послабленія подвергаться наказаніямъ, какъ то: назначеніямъ въ общественныя работы, арестамъ, тѣлесному наказанію и, наконецъ, удаленію изъ обществъ для неисправимыхъ въ отдаленныя мѣста Сибири. Для того, чтобы водво-

ренцы не имѣли возможности распространять здѣсь какія-либо вредныя идеи и затѣвать опасные замыслы, — надъ ними установленъ надзоръ. На сколько послѣдній затруднителенъ и мало ведетъ къ цѣли, мы уже имѣли случай объяснить выше по поводу сосланныхъ на поселеніе. На сколько затруднительна система принудительнаго земледѣльческаго труда доказываютъ сами водворенцы стремленіями своими въ ту среду городской жизни, гдѣ не безъ точнаго основанія мелькаютъ для нихъ надежды на вѣрное и практическое примѣненіе ихъ ремесленныхъ и научныхъ знаній. Въ городахъ—наибольшая сумма врачующихъ средствъ противъ той болѣзни, которую на этотъ разъ предположено лечить ссылкой и водвореніемъ, но которую то и другое ещо болѣе раздражаетъ.

Во всякомъ случаѣ изъ высланныхъ водворенцовъ въ Тобольской губерніи поселены въ семи многоземельныхъ волостяхъ Ишимскаго округа, въ Тарскомъ, какъ непредставляющемъ также особенныхъ неудобствъ, въ Омскомъ и Тобольскомъ: въ послѣднемъ на тѣхъ немногихъ удобныхъ земляхъ, которыя остались свободными.

Теперь опытъ указалъ на подобныя неудобства и они мало по малу устраняются.

Къ числу благотворныхъ мѣропріятій, каковыя привелось испытать новѣйшей системѣ политической ссылки, должно отнести прежде всего многочисленныя случаи прощенія, имѣвшаго послѣдствіемъ значительную сумму облегченій и не остановившагося передъ дарованіемъ полной свободы тамъ, гдѣ это имѣло возможность.

Прежде всего освобождены всѣ тѣ молодые люди, не достигшіе 20 лѣтняго возраста, для которыхъ облегченіе участи нашло оправданіе въ уступкахъ неопытной молодости, склонной къ увлеченіямъ, но далекой отъ закоренѣлой и опасной преступности. Во вторыхъ получили свободу всѣ иностранные подданные, замѣшавшіеся въ мятежѣ, всѣ эти искатели приключеній, большею частію люди безъ крова и опредѣленныхъ профессій, ненужные и безполезные въ ссыл-

кѣ; за исключеніемъ тѣхъ, которые успѣли закрѣпить связи въ одно время посредствомъ браковъ и при обезпеченіи себя какимъ-либо ремесломъ и занятіемъ. Таковыхъ примѣтное число осталось, по доброй ихъ волѣ, въ Сибири. Болѣе двухъ тысячъ иностранцовъ (считая въ томъ числѣ по тяжкой преступности попавшихъ въ Сибирь) освободили Россію, возвратясь на попеченія своихъ правительствъ.

Все число приговоренныхъ къ каторжной работѣ, начиная съ 1866 года постоянно ослабѣвало чрезъ уменьшеніе сроковъ, которыми облегчалась участь ихъ сначала на половину, потомъ на $^{1}/_{3}$ до значительно ускореннаго права выхода на поселеніе. Тѣ же неоднократныя распоряженія и въ то же время сокращали сроки для приговоренныхъ на поселеніе къ выходу ихъ на житье и къ поступленію въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Для другихъ категорій, сосланныхъ съ меньшею виновностію, льготныя послабленія простирались до дозволеній приписки къ городамъ изъ селеній, къ выѣзду изъ Сибири въ Россію и наконецъ къ праву житья въ Царствѣ Польскомъ. Изъ таковыхъ ссыльныхъ въ Сибирь или отдаленные города Россіи около двухъ тысячъ получило свободу изъ арестантскихъ ротъ и до пяти тысячъ изъ сосланныхъ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ можно расчитывать еще на большія льготы и ожидать новыхъ прощеній, когда кончитъ свои работы особая коммиссія для лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, о назначеніи которой мы читаемъ въ 106 № «Правительственнаго Вѣстника».

ГЛАВА II.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Древніе способы исканія правды.—Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ.—В. Н. Романовъ и его страданія.—Матвѣевъ. — Распопа-Лазарь. — Растрига Ѳедосъ (Ѳеодосій Яновскій).—Ссыльной колоколъ.—Тюрьмы для великоважныхъ преступниковъ.—Остроги.—Монастырскія каюты.—Ссылка во время Междуцарствія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ.—Ссылка малороссовъ.— Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрѣшной. — Самойловичъ.—Серко.—Войнаровскій.—Зализнякъ. — Діятьевъ. — Самозванцы 17 и 18 столѣтій.—Громадная ссылка стрѣльцовъ.—Враги Петра I-го.—Сообщники Галицкаго, царевича Алексѣя.—Ссылка при наслѣдникахъ Петра.—Враги Ѳеофана Прокоповича въ ссылкѣ.—Бироновщина. — Слово и дѣло.— Радищевъ.— Уральской казакъ Пугачовецъ-Марушка.—Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ.—Старецъ Никонъ.—Каурой-—Тверской крестьянинъ Ермолаевъ.—Ссыльный Артамоновъ.—Грузинскіе дворяне.—Семеновцы—Экспедиторъ Степановъ.—Коцебу.—Измѣнникъ отечеству.

Древняя Русь, для удовлетворенія законовъ справедливости, считала неизбѣжнымъ: разбойниковъ и татей бить кнутомъ, а пущихъ заводчиковъ поднимать на висѣлицы по одному человѣку въ городѣ; зажигателей также вѣшала; дѣлателямъ фальшивой монеты отсѣкала обѣ ноги и лѣвую руку; жонъ, за убійство мужей, закапывала живыми въ землю; бунтовщиковъ въ страхъ прочимъ вѣшала на плотахъ и спускала внизъ по рѣкѣ. Отступниковъ отъ вѣры, религіозныхъ мыслителей, заурядъ съ колдунами, ставили въ деревянные срубы и сожигали живьемъ. Государственныхъ преступниковъ колесовали, четвертовали или клали ихъ буйны головы на плахи липо-

выя (по словамъ пѣсенъ), отрубали буйны головы по могутныя плечи, или: брали лопаты желѣзныя, копали двѣ ямы глубокія, становили два столба дубовыхъ, забивали два крюка желѣзныхъ, клали жордочку кленовую, накладывали двѣ петелки шелковыя; выводили добра молодца, очи ясныя чорной тафтой ему завѣшивали; рѣзвы ноженки въ тяжолыя желѣзы заковывали, и проч. *). Въ большинствѣ же случаевъ къ нимъ примѣняли ссылку въ самыя глухія и скудныя мѣста въ разсчотѣ на медленныя муки нравственной тоски и одиночнаго заключенія и на вѣроятіе мучительной смерти отъ голода. Здѣсь копали погребы глубокіе—по словамъ народныхъ пѣсенъ: задергивали рѣшотками желѣзными, жолтымъ пескомъ презасыпывали, сѣрымъ хрящомъ-каменемъ призаваливали. Досиживались же въ земляныхъ тюрьмахъ до того, что проростали тѣльные кресты во бѣлы груди.

Такими путями гонялись за правдой и полагали ее удовлетворенной во все время, пока неизвѣстна была Сибирь и мѣстами ссылки и заточеній могли служить сѣверные монастыри и пограничные остроги, но къ мѣрамъ короткой расправы прибѣгалъ еще и тотъ московскій царь, который впервые сталъ титуловаться сибирскимъ. Потухающими глазами одряхлѣвшаго старика, измучившій всѣхъ и самаго себя до острой и смертельной болѣзни, взглянулъ Иванъ Грозный на

*) Во время пребыванія нашего въ Архангельскѣ мы имѣли случай найти свидѣтельство о слѣдующемъ обращикѣ стариннаго судопроизводства и наказаній. Елисеевъ, солдатъ гайдуцкаго полка, пущенный на ночь сосѣдомъ своимъ и сослуживцомъ Костогоровымъ, ночью ножомъ кололъ хозяина и тоже сдѣлалъ съ женою его, прибѣжавшею на помощь. Оправдывалъ себя тѣмъ, что будто-бы жена Костогорова изурочила сына его 13-ти-недѣльнаго младенца; сверхъ того надѣялся найти деньги, а самаго хозяина не застать дома. Убоясь криковъ израненаго Костогорова: «царевъ» (т. е. караулъ), что ты вздумалъ, за что рѣжешъ?—Елисѣевъ засунулъ раненому руку въ ротъ, а когда тотъ выхватилъ у него изъ рукъ ножъ, выскочилъ въ окно и побѣжалъ въ городъ, а Костогоровы «рѣзаные отъ него остались еще живы. Убійца былъ пойманъ въ одной рубашкѣ, окровавленный, безъ сапогъ. За это произвели пытку (дали 42 удара кнутомъ), да 12 стрисокъ и семикратно сжонъ каленными клещами и обливанъ водой горячей, ставленъ въ пристѣнокъ и наконецъ, по царскому Петрову указу 28 окт. 1712 г., четвертованъ, т. е. попеременно отрублены руки, ноги и наконецъ голова. Вины его всенародно читаны и былъ прибитъ къ столбу листъ.

соболей, привезенныхъ атаманомъ Кольцомъ отъ Ермака; успѣлъ выговорить казнь завоевателямъ цѣлаго татарскаго царства, за разбои и грабежи на Волгѣ, за своеволія на Камѣ, но за приращеніе московской земли новымъ громаднымъ косякомъ плодородныхъ земель на Иртышѣ и Тоболѣ, усталый и изнеможонный царь послалъ Ермаку съ своихъ надломленыхъ плечъ бархатную шубу и охотливо выговорилъ прощеніе на этотъ разъ, — во всю жизнь не терпя никакихъ своеволій. Затѣмъ едва успѣлъ онъ послать въ Сибирь своихъ воеводъ, годъ одинъ повеличался въ московскихъ соборахъ царемъ сибирскимъ, въ началѣ марта 1584 года, тяжело занемогъ и, едва успѣвъ уже полумертвымъ постричься въ монахи, скончался. Сыну его досталась готовою страна во всѣхъ соблазнительныхъ условіяхъ лучшаго ссыльнаго мѣста въ цѣломъ свѣтѣ: въ 1592 основанъ одинъ изъ первыхъ сибирскихъ остроговъ Пелымъ, и для заселенія его употреблены огуломъ первые ссыльные люди за государскія вины — угличане, сосланные по дѣлу царевича Дмитрія. Черезъ десять лѣтъ въ городкѣ этомъ сидѣлъ уже новый сибирскій ссыльный В. Н. Романовъ, сосланный за государственное преступленіе «за намѣреніе отравить ядомъ царя Бориса». Съ этихъ поръ возмездіе за государственныя преступленія стало считаться удовлетвореннымъ съ удаленіемъ виновныхъ людей въ самыя глухія мѣста Сибири въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ. Оставляя преступниковъ за приставами въ тяжолыхъ желѣзахъ, возмездіе находило предѣлъ собственному успокоенію въ лишеніи ссыльныхъ общенія съ людьми, облегчоннаго урѣзываніемъ языковъ. Виновные стали получать патенты на ссыльное право съ вырѣзанными ноздрями, ушами и при иныхъ способахъ искалѣченія. Справедливость считалась отысканною и месть удовлетворенною, если ссылка умѣла подвергнутыхъ ей измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, какъ непремѣнная принадлежность ссылки, на томъ же основаніи, какъ обязательно было до сихъ поръ это голодное право для всѣхъ, подвергавшихся монастырскому и острожному заточенію еще до предѣловъ Уральскаго хребта.

Молодой юноша Василій Никитичъ Романовъ, сосланный въ 1607 году по доносу холопа, къ утѣшенію тосковавшихъ «объ московскомъ

винѣ и табакѣ» приставовъ, истаялъ отъ голоду въ одинъ годъ и умеръ въ душной землянкѣ въ оковахъ, несмотря на то, что — по преданію — пелымскіе жители выучили дѣтей своихъ, играя возлѣ тюрьмы, носить узнику въ дудочкахъ квасъ, молоко и подобные припасы. Приставъ поступалъ съ нимъ круто: держалъ скованнымъ въ избѣ, мимо которой прохожей дороги не было. Василій былъ боленъ все время «чуть живой на цѣпи; ноги опухли: «я цѣпь спялъ (пишетъ приставъ). Сидѣлъ у него братъ Иванъ, и дѣтина (слуга) Сенька. И я ходилъ и попа пускалъ». Когда умеръ, — похоронилъ: далъ по немъ тремъ попамъ да дьячку да пономарю 20 рублевъ. Иванъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ (Ивана Никитича перевели потомъ въ Уфу и поверстали на службу въ Нижній). Старшій братъ его, любимецъ московскаго народа, посаженный въ земляную тюрьму въ селѣ Ныробѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Чердыня Пермской губерніи), не прожилъ въ заточеніи и одного года, несмотря на то, что владѣлъ громадною физическою силою, о которой слава ушла въ преданіе, обладалъ высокимъ ростомъ и весьма плотнымъ тѣлосложеніемъ. Пока копали яму для тюрьмы и ссыльный стоялъ у саней, на которыхъ привезли его (говоритъ народное преданіе), и когда завалило его снѣгомъ, М. Н. Романовъ схватилъ обѣими руками сани и отбросилъ ихъ шаговъ на десять въ сторону, а сани едва трогали съ мѣста пять человѣкъ. До сихъ поръ въ Ныробской церкви показываютъ однихъ желѣзъ его на два пуда вѣсомъ: такъ называемый стулъ или плечныя желѣза въ 39 фун., ручныя желѣза въ 12 фун., кандалы или ножныя въ 19 и замокъ въ 10 фунтовъ. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными съѣстными припасами, приставъ не замедлилъ шесть человѣкъ отослать въ Москву за крѣпкимъ карауломъ: при царѣ Шуйскомъ, изъ нихъ вернулись домой только двое; остальные, послѣ жестокихъ пытокъ, умерли въ московскомъ заточеніи.

«Не постыдился бы я (пишетъ позднѣйшій заключеникъ вблизи устьевъ Печоры въ Пустозерскѣ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ) не постыдился бы я,—свидѣтель мнѣ Господь Богъ,—именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ, и не можетъ подать ради нужды. Жители гладомъ таютъ и умираютъ. Избенка дана мнѣ,

а другая червю моему сынишку, ей-ей! — обѣ безъ печи и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало что не замерзнемъ, а отъ угару безпрестанно умирали. А въ подклѣтишкѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ. Таемъ гладомъ, а хлѣбъ привезли: мука что отруби, и той не продаютъ». Сынъ страдальца, подкрѣпляя слова отца, свидѣтельствуетъ, что бывали времена, когда у нихъ оставалось только три сухаря; приставъ (Тухачевскій) удѣлилъ имъ изъ своего запаса половину, самъ получая всего шесть пудовъ ржаной муки—и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти.

«А хлѣба даютъ намъ по полутору фунту на сутки (пишетъ въ посланіи царю Алексѣю другой пустозерскій заточникъ, товарищъ Аввакума, распопа Лазарь) да квасу нужное даютъ: ей ей,—и псомъ больши сего пометаютъ, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же: ходимъ срамно и наго». Впрочемъ, четыре товарища по ссылкѣ за государственныя и религіозныя преступленія отъ голодной смерти избѣгли смертью въ срубѣ и огнѣ, уже въ царствованіе Алексѣева сына—Ѳедора.

«Мучаемъ животъ свой (пишетъ В. В. Голицынъ — любимецъ Софіи изъ ссылки съ Пинеги) и скитаемся христовымъ именемъ; всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И помереть будетъ намъ томною и голодною смертію».

Уходя изъ XVII въ начало прошлаго столѣтія, мы видимъ, что на той же окрайнѣ (на устьяхъ Двины въ Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ) надъ однимъ ссыльнымъ (новгородскимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ), разыгрывается продолженіе древней русской драмы, оканчивавшейся въ послѣднемъ актѣ тою же голодною смертію. Этому сопернику и врагу Ѳеофана Прокоповича, сосланному за дерзость противъ Екатерины I, и за бранныя слова на дворцовой караулъ, удалось прожить въ заточеніи всего 7 мѣсяцовъ и 11 дней. Получалъ онъ только хлѣбъ и воду. Архангельскій губернаторъ (Измайловъ), навѣстившій «растригу Ѳедоса» чрезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что онъ еще живъ. Ему отвѣчали: «когда придетъ крайная нужда къ смерти чернецу Ѳедосу», губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тю-

ремной кельѣ, двери которой послѣ того «по прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить накрѣпко», а придетъ смерть похоронить въ томъ же монастырѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ церкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Ѳедосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее,— его перенесли на рукахъ. Старецъ успѣлъ проговорить на переносѣ: «ни я черецъ, ни я мертвецъ: гдѣ судъ и милость?» Губернаторъ сказалъ ему «съ сердцемъ, дабы онъ лишнаго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душѣ своей милости». Измайловъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? «И на тотъ вопросъ ничего онъ, Ѳедосъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камилавкою, не открылъ». Съ тѣмъ губернаторъ и уѣхалъ. 3-го февраля получилъ онъ отъ фендрика рапортъ, что «оный Ѳедосъ, по многому клику для поданія пищи, отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ». Велѣно фендрику еще покричать въ окно, какъ возможно громко и ежели по многому крику отвѣту онъ не дастъ, то на другой день тюрьму, распечатавъ, отпереть и его, Ѳедоса, осмотрѣть. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ и 5-го февраля съ нарочнымъ солдатомъ прислалъ губернатору объявленіе, что «оный Ѳедосъ умеръ». Не удалось примѣнить первое столичное предписаніе (предусмотрѣть близость смерти и причастить узника) — попробовали исполнить второе: похоронили тѣло при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ; но петербургская тайная канцелярія этимъ не удовольствовалась! Велѣно «учинить анатомію, изъ Ѳедосова тѣла внутренности вынуть», а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещьми». Указъ о томъ послѣдовалъ 20-го февраля; 2-го марта писано: мертвое тѣло не возить,—но было поздно. Кабинетскій курьеръ встрѣтилъ тѣло Ѳедоса въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, на единѣ: «не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ—и того не явилось». 12-го марта 1726 года тѣло похоронено въ Кириловомъ бѣлозерскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ новый вѣкъ выступалъ только съ тѣмъ но-

вымъ прогрессомъ, что перестали ссылать колокола *) и земляныя тюрьмы стали смѣняться надземными. Въ Ныробѣ въ каменной часовнѣ, подлѣ инконостаса, показываютъ въ каменномъ полу четырехугольное отверстіе, служившее окномъ для свѣта и мѣстомъ, чрезъ которое подавали узнику Романову пищу. Налѣво отъ входа въ часовню по спуску, устроенному позднѣе, и по каменнымъ ступенямъ вводятъ въ яму вышиною въ $2^1/_2$ аршина. И теперь въ подземельѣ такъ мало свѣта, что глазъ съ трудомъ успѣваетъ разглядѣть мокрыя и мрачныя стѣны, выведенныя сводомъ въ одинъ кирпичъ на фундаментѣ изъ дикаго камня и налѣво чуть-примѣтные остатки печи. Печь эту сложили — поясняетъ преданіе — вскорѣ, какъ привезли узника, когда морозы стали крѣпнуть. Народъ чтитъ желѣзныя оковы за святыя и надъ землянкой мученика выстроилъ каменную часовню, намѣсто деревянной и древней, въ 1793 году, по указу Екатерины II. Въ теплой церкви на мѣстѣ, сгорѣвшей вмѣстѣ съ церковью, деревянной гробницы хранится сдѣланная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума съ товарищами, при благодушномъ царѣ Алексѣѣ, велѣно было рубить лѣсъ на Ижмѣ и сплавлять внизъ по Печорѣ въ Пустозерскъ: тамъ срубили четыре избы, пригодныя для человѣческаго жилья (судя по прописаннымъ въ указѣ размѣрамъ). Однако и послѣ Петра, при заточеніи Ѳеодосія Яновскаго, ещо хлопо-

*) До сихъ поръ въ Тобольскомъ Кремлѣ, подлѣ архіерейскаго дома, въ особенномъ, огороженномъ, мѣстѣ виситъ ссыльный углицкій колоколъ, въ который били набатъ послѣ убіенія царевича Дмитрія. Ссыльный колоколъ виситъ въ товариществѣ другихъ четырехъ, подобранныхъ подъ тонъ, и отличается отъ нихъ урѣзанными (отломанными) ушами, но съ цѣлымъ языкомъ, за то съ обгрызанными краями. Уши его надломлены и края обиты — по русскому народному преданію,—въ наказаніе за преступленіе: билъ въ набатъ, звукъ давалъ, народъ собиралъ; народъ возмутился и злодѣйство учинилъ—кровь пролилъ въ самосудѣ. На колоколѣ надпись: «сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку во градъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на Торгу (теперь на яру, на берегу Иртыша), а потомъ на Софійской (соборной) колокольнѣ былъ часобитный». На вопросъ нашъ встрѣчныхъ туземцовъ: за что колоколъ сосланъ? Мы получили въ отвѣтъ: «пожаръ гдѣ-то былъ,—такъ гулку онъ не давалъ: за то и сослали».

тали борисовымъ обычаемъ о томъ, чтобы и наземная тюрьма походила на подземную. Борисъ Филарета Никитича Романова выдерживалъ въ Антонія-Сійскомъ монастырѣ въ подцерковной кельѣ въ $2^1/_2$ аршина длины и $1^1/_2$ аршина ширины. Посланный при Екатеринѣ I ревизоръ изъ Петербурга нашолъ, что у Ѳедосовой кельи окно велико. Ревизоръ этотъ велѣлъ окошко закласть кирпичомъ, такъ что новое имѣло $^1/_4$ аршина въ вышину и $^1/_2$ аршина въ ширину. Мостъ (т.е. половицы) изъ той кельи были выбраны: узникъ покинутъ на сыромъ и холодномъ полу. Платья при немъ оставлено только что́ на немъ да постеля; денегъ ему ничего не дано. Пріобщать его заказано разъ въ годъ въ великой постъ, не въ церкви, а въ темницѣ. Въ темницѣ сидѣлъ онъ «за тремя дверьми и замками и за печатьми и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ—одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ. Показалось, что и тутъ близко люди ходятъ,—велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили мимо люди и тутъ построить другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и наслать деревянный полъ, и печь топить съ надворья «и устье печное чтобъ близъ караула было».

Въ этомъ вѣкѣ, и именно въ началѣ его (въ 1724 году) въ Березовѣ былъ выстроенъ изъ зданія Воскресенскаго монастыря острогъ,—спеціально предназначенный для государственныхъ преступниковъ: въ 1727 году вошолъ въ него А. Д. Меньшиковъ съ семействомъ, а тотчасъ по выходѣ его и слѣдомъ за нимъ (въ 1730 году) князья Долгорукіе, потомъ въ 1743 году графъ Остерманъ. Послѣ него острогъ былъ заброшенъ и снесенъ на другое мѣсто подъ присутственныя мѣста: вмѣсто Березова полюбилась Камчатка. Уже Петръ не придерживался окраинъ Западной Сибири, и радѣя о портахъ приморскихъ, сдѣлавшій изъ Рогервика (Балтійскаго порта) и Петербурга каторжныя мѣста, посылалъ государственныхъ преступниковъ въ Охотской портъ.

До Петра тюрьмами для государевыхъ лиходѣевъ служили ещо остроги и острожки, одинъ за другимъ, какъ грибы, выроставшіе въ лѣсныхъ мѣстностяхъ дикой и новой Сибири. Въ остроги эти явились государственные преступники въ числѣ первыхъ обновлять тюрьмы и справлять новоселья. Въ 1666 г. основанъ былъ за Байкаломъ

Селенгинскій острогъ, и пока укрѣпляли его дубовымъ частоколомъ, пока внутри ограды успѣли построить церковь и деревянныя избы съ застѣнками—по московскимъ образцамъ—для пытокъ простыхъ ссыльныхъ, поспѣшили срубить и избу съ «темными каютами» для великоважныхъ преступниковъ. Въ селенгинской секретной избѣ въ 1673 г. сидѣлъ уже малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшной. Около 1630 года отстроенъ былъ Кузнецкой острогъ, и долго подвергался опасностямъ отъ нападеній татаръ и киргизъ, но лишь смирились послѣдніе и стало безопасно—въ Кузнецкой острогъ привезли нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку, и т. д. Въ началѣ XVII вѣка такихъ остроговъ въ Сибири было уже много: на «Великой рѣкѣ Ленѣ» стоялъ острогъ Якутскій; въ дальныхъ Даурахъ — Нерчинскій, и Селенгинскій и даже «на великой рѣкѣ Амурѣ» — Албазинскій, гдѣ пѣлъ первый молебенъ государственный ссыльный—протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Сверхъ того такія же сырыя и темныя тюрьмы стояли готовыми и въ монастыряхъ Туруханскомъ (Троицкомъ), Киренскомъ (Троицкомъ), Иркутскомъ (Вознесенскомъ), Селенгинскомъ (Троицкомъ, близъ Байкала), Нерчинскомъ (Успенскомъ) и даже въ Якутскомъ (Спасскомъ). Для женщинъ выстроены были особыя тюрьмы съ желѣзными рѣшотками въ монастыряхъ женскихъ богородицкихъ (Тобольскомъ и Енисейскомъ Рождественскихъ, Долматовскомъ Успенскомъ и Иркутскомъ Знаменскомъ).

Семнадцатый вѣкъ, кончившійся вспышками неудовольствій по поводу присоединенія Малороссіи, распрями съ раскольниками, нашедшими опору въ своевольныхъ стрѣльцахъ, передалъ новому вѣку много нерѣшонныхъ споровъ государственной важности. Восемнадцатый вѣкъ къ тому же начинался для Россіи громадною ломкою всего стараго отечественнаго и народнаго, распадавшагося подъ ударами тяжолой руки, направляемой и воспособляемой иноземцами. Сильно хлынувшая волна схватывала отсталыхъ и, изуродовавши тѣла ихъ, выкидывала на пустынныхъ далекихъ берегахъ Сибири. Въ числѣ отсталыхъ и погибшихъ первыми и на большую часть оказались лица духовнаго званія: больше монаховъ, чѣмъ людей изъ бѣлаго духовенства. Второй напоръ волнъ потопилъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія и руководившихъ судьбами обновляемаго государства,

потопилъ ихъ во время споровъ за престолонаслѣдіе и во время борьбы съ нѣмцами. Волна была неразборчива: съ равнымъ хладнокровіемъ хватала она противниковъ новизны, потащила слѣдомъ за ними и заводчиковъ новыхъ порядковъ. За ними впослѣдствіи понесла волна и мелкихъ людей, горожанъ и сельчанъ, людей слободскихъ и черносошныхъ, купцовъ и крестьянъ, злоупотребившихъ государевымъ «словомъ и дѣломъ», т.-е. объявившихъ ихъ за собою и не доказавшихъ одного изъ слѣдующихъ къ тому пунктовъ. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать исключительно такимъ, когда за государственныя преступленія ссылались преимущественно люди русскаго происхожденія, и ссылались въ такомъ множествѣ, подобное которому можно найти только въ Испаніи и во Франціи. Въ отмѣну отъ текущаго прошедшій вѣкъ въ частностяхъ представлялъ еще ту особенность, что наибольшее количество нѣмцовъ сослано въ Сибирь въ тѣ времена опредѣленной и энергической борьбы съ ними. Въ нынѣшномъ вѣкѣ нѣмцы въ ссылкѣ — поразительная рѣдкость, и нашъ вѣкъ, по роду государственныхъ преступленій, объявилъ перевѣсъ ссыльныхъ поляковъ надъ всѣми національностями, входящими въ составъ разноплеменнаго русскаго царства. Семнадцатый вѣкъ былъ безразличенъ.

Слѣдомъ за угличанами и Романовыми—ссыльными Бориса Годунова, въ молодую страну изгнанія и пущихъ страданій стали прибывать тѣ, которыхъ милости царевы избавляли отъ смертной казни: Борисъ прислалъ Богдана Бѣльскаго, предварительно выщипавъ ему по волоску густую длинную бороду. Съ главными заводчиками все-таки продолжали еще разсчитываться въ Россіи: Шуйскій Болотникова съ атаманомъ Нагибой утопилъ въ Каргополѣ; Лжепетра повѣсили, Заруцкаго посадили на колъ въ Москвѣ; Марина умерла въ тюрьмѣ, но сына Марины повѣсили, Шаховского «всей крови заводчика» заточили на Кубенскомъ озерѣ въ пустынѣ. Если Дмитрій Самозванецъ и вызвалъ изъ ссылки всѣхъ Романовыхъ, тѣла умершихъ въ Сибири перевезъ въ Москву и съ почестями похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, то онъ же отправилъ въ Сибирь изъ Галича дядю Отрепьева, гласно объявлявшаго о настоящемъ происхожденіи царя; дворянина Петра Тургенева и калачника Ѳедора, толко-

вавшихъ народу, что царь — обманщикъ и орудіе сатаны, Дмитрій казнилъ въ Москвѣ на той же площади, гдѣ о ни все это разсказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимофеева, дерзнувшаго уличать царя съ очей на очи.

При царѣ Михаилѣ отправили въ Сибирь изъ Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшаго войску, что не надо признавать новаго царя, такъ какъ онъ избранъ безъ совѣта съ царствомъ Казанскимъ. Сослали Салтыковыхъ за то, что государевой радости (женитьбѣ) причинили помѣху измѣною, когда царь, хотѣлъ жениться на Марьѣ Хлоповой, и она занемогла, и несмотря на то, что дядя невѣсты Гаврило приписывалъ болѣзнь племянницы неумѣренному употребленію сладкихъ яствъ на радостяхъ. Въ 1634 году услали въ Сибирь остальцовъ отъ казненныхъ смоленскихъ воеводъ, позволившихъ въ городѣ укрѣпиться полякамъ и говорившихъ о смерти Филарета Никитича много непригожихъ воровскихъ словъ «чего и написать нельзя»: Семена Прозоровскаго и Михайлу Бѣльскаго безъ жонъ и дѣтей. Одного сына Измайлова (Василья) простили; другаго били кнутомъ и сослали въ сибирскую тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ съ литовскими людьми, съѣзжался и говорилъ многія непригожія слова и литовскихъ людей дарилъ. За то же самое и туда же пошли Гаврило Бакинъ и Любимъ Ананьевъ (послѣдній жилъ во дворѣ у Шеина въ шишахъ и подслушивался, и ссорилъ воеводу). Въ концѣ царствованія Михаила появленіе двухъ новыхъ претендентовъ, оспаривавшихъ у царя московскій престолъ, вызвало толпу довѣрчивыхъ людей, изъ которыхъ часть поплатилась за свою простоту ссылкою въ Сибирь, хотя и на этотъ разъ съ главными заводчиками успѣли раздѣлаться домашними средствами казней и Сибири имъ не судили. При сынѣ Михаила, Алексѣѣ, злое дѣло противъ государя обрекало на смертную казнь уже по прямому смыслу законовъ, собранныхъ въ Уложеніе. Самъ царь принялъ на себя право судебнаго приговора и въ томъ случаѣ, когда «кто учнетъ извѣщати великое государево дѣло, а свидѣтелей никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ, и сыскивати будетъ нечѣмъ», и въ томъ случаѣ, когда «кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ». Обо всѣхъ

такихъ велѣно извѣщать государя или его бояръ, или ближнихъ людей, а въ городахъ воеводъ и приказныхъ людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажутъ за собою государево дѣло)—не вѣрить и пытать за татьбу, а послѣ пытки уже разспрашивать.

При царѣ Алексѣѣ сибирскіе остроги, слѣдомъ за гилевщиками (ходившими къ царю въ Коломенское смутой и толпой съ жалобою на упадокъ мѣдныхъ денегъ), увидѣли новыхъ довѣрчивыхъ людей, повѣрившихъ новымъ самозванцамъ: Стенькѣ Разину на Волгѣ и самозванцу царевичу Симеону Алексѣевичу въ Запорожьѣ. Анкудинова (Тимошку), выдававшаго себя за сына Василія Шуйскаго въ Швеціи и не успѣвшаго найти сообщниковъ въ Россіи, четвертовали въ Москвѣ; но товарищей донскаго казака Ѳедьки Шелудяка сослали въ Сибирь. Сибирскіе остроги въ это царствованіе начали, мало по малу, пріобрѣтать значеніе государственныхъ тюремъ, и въ концѣ царствованія этого государя обладали большимъ запасомъ политическихъ ссыльныхъ. На послѣднее обстоятельство въ значительной степени повліяло присоединеніе Малороссіи и тѣ замѣшательства, какими сопровождались непривычныя и неопредѣлившіяся отношенія добровольно присоединившагося края по смерти Богдана Хмѣльницкаго. Въ 1671 году малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго за то, что писалъ хульныя рѣчи на государя и государство, и обѣщалъ отдаться турецкому султану и служить ему, привезли въ Москву съ сообщниками: протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, Грибовичемъ и есауломъ Гвинтовкой. Бояре присудили имъ смертную казнь, привезли на Болото за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислалъ гонца: пожаловалъ, по упрошенію дѣтей своихъ, велѣлъ Демку, да Ваську (брата его), Грибовича и Гвинтовку сослать въ дальные сибирскіе города на вѣчное житье. На другой день велѣлъ дать имъ въ милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвинтовкѣ по 5-ти; и отдать гетману всю его рухлядь. Бояре приговорили отпустить съ ними ихъ жонъ и дѣтей: съ Демьяномъ отправились жена его Настасья, сыновья Петръ и Иванъ, дочь Елена, племянникъ Михайло Зиновьевъ и двѣ работницы. Съ Гвинтовкой жена и двое сыновей (Ефимъ и Ѳедоръ). Въ Тобольскѣ указано ихъ держать за крѣпкимъ карауломъ скованными, но сибир-

скія крѣпи не сдержали Василья Грибовича: онъ изъ Сибири бѣжалъ, схоронился отъ ссылки въ Запорожьѣ, но усугубилъ тѣмъ муки неволи для товарищей. Велѣно было разослать ихъ по дальнымъ острогамъ въ пѣшую казачью службу и держать скованными въ тюрьмахъ: Демьяна Многогрѣшнаго съ женою и однимъ сыномъ—въ Якутскѣ (гдѣ онъ потомъ жилъ на свободѣ и оттуда, по просьбѣ, переведенъ въ Селенгинской острогъ); брата гетмана, черниговскаго полковника—въ Красноярской острогъ, нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку съ семействомъ—въ Кузнецкой острогъ. Въ томъ же году и по тѣмъ же городамъ разосланы изъ боярскихъ дѣтей пять человѣкъ съ женами и дѣтьми, каковые всѣ—послѣ бѣгства Павла Грибовича—въ Туринскѣ разсажены были по тюрьмамъ, и когда изъ нихъ успѣли нѣкоторые также бѣжать—пойманныхъ бѣглецовъ велѣно бить кнутомъ въ Тобольскѣ и отослать въ дальные сибирскіе города. Въ Якутскъ, на мѣсто Многогрѣшнаго, присланъ былъ въ ссылку другой малороссійскій гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ съ сыномъ Яковомъ, гдѣ оба и умерли (одинъ въ 1692, другой въ 1695 г.). Къ нимъ не допускали людей, не давали ни чернилъ, ни бумаги; невѣстка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была въ Рождественскомъ енисейскомъ монастырѣ, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращенъ изъ Сибири и знаменитой запорожецъ Сѣрко, страшный Крыму, но показавшійся опаснымъ тѣмъ, что казаки хотѣли его выбрать на мѣсто Многогрѣшнаго. Впослѣдствіи въ Якутской острогъ, послѣ разныхъ казачьихъ смутъ, присланы были: полковникъ Конюховскій, андрусовскій полковникъ Деценъ, кіевскій Семенъ Третьякъ, ирклеевскій Маляшъ, много казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. При Петрѣ въ Енисейской острогъ былъ посаженъ полковникъ Семенъ Палѣй, какъ измѣнникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и загубленный Мазепою *). Въ 1708 году онъ былъ возвра-

*) Въ 1708 г. при Петрѣ ушли въ Сибирь избавленные отъ висѣлицы сообщники Булавина (успѣвшаго застрѣлиться). Пострадали казаки; казачеству нанесенъ былъ сильный ударъ. Въ 1709 году разгромлена была Запорожская Сѣчъ и нѣкоторые изъ запорожцовъ примкнули къ составу слу-

щонъ изъ Сибири, но слѣдомъ за нимъ отправленъ былъ въ Якутской острогъ племянникъ Мазепы, Андрей Войнаровскій, расплатившійся этою ссылкою за бѣжавшаго за границу дядю.

Такимъ образомъ, передовыми, выборными людьми отъ народа и его любимцами проторенъ былъ путь въ Сибирь изъ Малороссіи, начатый при царѣ Алексѣѣ, незаброшенный и при его трехъ преемникахъ до времени самаго меньшаго изъ его сыновей — Петра. Этими ссылками Великая Россія заявила свои владѣльческія права; въ нихъ Малая Россія получила первые уроки подданнической вѣрности и крупными жертвами искреннихъ и устойчивыхъ патріотовъ низведена была до того уровня, гдѣ ея права очутились въ зависимости и подчиненіи правамъ и стремленіямъ централизующей Москвы. Сибирь, посреди этихъ разсчотовъ двухъ главныхъ и основныхъ племенъ своей территоріи, нашла для себя несомнѣнную выгоду въ томъ, что сторожевая казачья служба въ молодой странѣ выиграла пріобрѣтеніемъ людей опытныхъ и способныхъ, встала въ наилучшія условія боевой жизни. Черкасскіе люди, пріуроченные къ сибирской странѣ навѣчно и принужденные слить интересы личной безопасности съ государственными выгодами страны,—не помня зла, пособили кореннымъ сибирскимъ казакамъ отбить набѣги враждебныхъ инородческихъ племенъ. Тотъ же Демьянъ Многогрѣшной, на долю котораго выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальнаго заточенія, съумѣлъ отстоять забайкальскія страны отъ набѣговъ самаго воинственнаго изъ сибирскихъ народовъ монгольскаго племени— бурятовъ. Подъ тѣмъ же Селенгинскомъ, гдѣ онъ нашолъ конецъ своимъ мученіямъ, до сихъ поръ сохраняется въ памяти народа гора

жилыхъ людей сибирскихъ остроговъ. Въ Селенгинскѣ, въ старомъ городѣ, хранится подъ навѣсомъ деревянный крестъ съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя, и съ надписью назади тропаря: «Кресту твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста соблюдается надпись: «строилъ ятманъ (гетманъ) Діятьевъ $\frac{3}{1690}$ (1690)», вѣроятно, одинъ изъ множества запорожскихъ казаковъ, поселенныхъ за Байкаломъ. Крестъ вырытъ въ песчаныхъ буграхъ стараго города, гдѣ былъ старинный острогъ и гдѣ теперь вѣтеръ насыпалъ высокіе бугры и заставилъ перенести городъ на новое мѣсто. Народное преданіе называетъ Діятьева знахаремъ, лечившимъ народъ отъ болѣзней; крестъ почитается чудотворнымъ.

убіенная, названная такъ потому, что здѣсь на свиту посла Ѳ. А. Головина, ѣхавшаго въ 1689 году въ Нерчинскъ для переговоровъ съ китайцами, напали буряты, били его людей, тѣснили войска; самому послу грозили великою опасностію, но изъ селенгинской крѣпости вышелъ тамошній гарнизонъ подъ начальствомъ Многогрѣшнаго. Умѣлый гетманъ разбилъ бурятъ на-голову; отразилъ впослѣдствіи набѣги монголовъ и табунгутскихъ сойотовъ, и, исполняя такія дворянскія службы, успѣлъ сдѣлать то, что съ тѣхъ поръ, бурята—мирные сосѣди русскаго города. За службу отца, сына Сергѣя, родившагося уже въ Сибири, пожаловали въ сыны боярскіе. 180 человѣкъ запорожскихъ черкасъ, выселенныхъ при царѣ Михаилѣ на Лену за Киренскъ вмѣстѣ съ чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости, состоящей изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія, завѣщанныя на память о родинѣ: Чугуевка, Гребенская, и проч. Жители поражаютъ всѣхъ наивною простотою, патріархальностію, и теперь въ новомъ поколѣніи представляютъ смѣсь русскихъ, тунгусовъ и запорожцовъ. То же явленіе — и на сибирской линіи, населенной 138 запорожцами, присланными за участіе въ набѣгахъ Максима Зализняка съ Гонтою и Швачки. Гонту поляки четвертовали, Зализняка судила Россія: по наказаніи кнутомъ, его сослали въ Сибирь. За ними ушли всѣ тѣ, которые уцѣлѣли отъ ужаснаго польскаго суда въ Кондѣ, рубившаго руки и ноги, вѣшавшаго, четвертовавшаго и пускавшаго ползать по міру и внушать тѣмъ народу страхъ и повиновеніе.

По скольку малороссійскому казачьему элементу удавалось оживлять, освѣжать и усиливать старожилое сибирское казачество, и вмѣстѣ съ нимъ служить всякія службы, по стольку (если даже не больше) тому же старожилому населенію сибирскихъ остроговъ послужили новые выселенцы изъ Россіи—московскіе стрѣльцы въ тѣхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ многочисленныхъ казней и многообразныхъ разселеній по отдаленнымъ пунктамъ Россіи. При Алексѣѣ началось и при Екатеринѣ II, разрушившей сѣчъ, на 138-ми запорожскихъ казакахъ въ 1700 году кончилось вліяніе малороссовъ, высылаемыхъ за государственныя преступленія: при Петрѣ Сибирь начала заручаться стрѣльцами и увидѣла ихъ въ такомъ множествѣ, подобнаго

которому ни до того, ни послѣ Сибирь не видала. Петромъ же, положившимъ конецъ крамольному войску, кончена была и стрѣлецкая высылка, ознаменовавшаяся тѣмъ, что не стало безъ ссыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ удскій, анадырскій, колымскій, охотскій, братскій, илимскій, балаганскій, тункинскій. Стрѣльцами положено было основаніе первымъ изъ нихъ; на стрѣльцахъ въ прошломъ вѣкѣ завершились крупныя высылки ссыльныхъ огромными толпами за преступленія государственныя.

Первые 30 стрѣльцовъ, замѣшанные въ дѣлѣ Ѳедора Шакловитаго, послѣ его казни, явились въ различныхъ сибирскихъ острогахъ на вѣчное житье «за злодѣйское покушеніе на жизнь малолѣтняго царя Петра»,—послѣ того, какъ въ Москвѣ клали ихъ головы на плахи, урѣзывали языки и били кнутомъ. Слѣдомъ за этими (въ 1690 г.) 13 менѣе виновныхъ сообщниковъ съ женами и дѣтьми прибыли въ Сибирь на службу и поступили въ какую погодились. Нѣкоторымъ удалось бѣжать изъ Москвы и объ нихъ по разнымъ городамъ посланы были памяти о сыску: трехъ человѣкъ стремяннаго полка, двухъ Жукова полка, одного Сухарева, одного Циклерова полка. Всѣ замышляли мать-царицу, святѣйшаго отца Іоакима, бояръ и близкихъ людей побить до смерти. Въ 1697 году объявлена, вмѣсто казни, политическая смерть, и послѣ нещаднаго битья на козлѣ кнутомъ и урѣзанья языковъ — ссылка на вѣчное житье въ сибирскіе города съ женами и дѣтьми сообщникамъ Ивана Циклера, составившаго второй заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ окольничимъ Соковниным и стольникомъ Ѳедоромъ Пушкинымъ. Главные злоумышленники четвертованы; второстепенные приговорены въ ссылку; между прочимъ уполъ туда ни въ чемъ не повинный отецъ казненнаго Матвѣй Степановичъ Пушкинъ со всѣмъ семействомъ. Старика лишили въ Москвѣ боярской чести, въ Сибири — заключили въ тюрьму въ Енисейскѣ, жену и дѣтей его въ тамошномъ Рождественскомъ женскомъ монастырѣ. По праздникамъ дозволялось имъ свиданіе; впослѣдствіи Пушкина поверстали въ городовую службу.

Въ 1698 году начались въ Москвѣ казни, направленныя къ наказанію возмутившихся стрѣлецкихъ полковъ во время пребыванія

царя за границей; одновременно съ ними производилась высылка стрѣльцовъ въ отдаленные сибирскіе остроги, имѣвшая цѣлію въ корень истребить мятежное старорусское войско. До пріѣзда царя бояре успѣли сослать главныхъ застрѣльщиковъ: одного въ Дауры, двухъ въ Западную Сибирь. По розыску Шеина 74 человѣка были въ іюлѣ 1698 повѣшены, 140 ч. наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, 26 малолѣтковъ оставлены безъ наказанія, 1,965 ч. разосланы по русскимъ городамъ съ провожатыми въ тюрьмы. Осенью этого года, началась расправа, начались новыя казни въ присутствіи самого царя. 19 сентября изъ 341 приговоренныхъ къ смерти, приговоръ исполненъ надъ 201 человѣкомъ; сто малолѣтковъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) наказали кнутомъ, заклеймили въ правую щоку и погнали въ сибирскіе города. Съ 3 по 18 октября изъ приговоренныхъ къ смертной казни только 93 несовершеннолѣтнимъ дарована пощада. Трупы казненныхъ 5 мѣсяцовъ валялись неприбранными. Въ началѣ 1699 года начались новыя казни: изъ 508, оставленныхъ для розыска, 137 колесованы, четвертованы и повѣшены, 285 малолѣтковъ, по наказаніи кнутомъ, сосланы на каторгу; 86 опять оставлены для новыхъ розысковъ. 9-го февраля 1700 года изъ этого числа отобраны 40 человѣкъ для казней, 25 частію отправлены на каторгу, частію въ Сибирь (9 оправданы). Въ 1707 произошла расправа съ послѣдними: Маслова, за вѣроятное сокрытіе царевнина письма, казнили; Жукова и Михляева сослали въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Въ 1705 году пошли въ Сибирь астраханскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ тамошными казаками за бунтъ, поднятый ими за русскую старину, противъ государя. Сибирь стрѣльцовъ не смирила: затѣвались попытки соединиться всѣмъ ссылочнымъ въ полки и идти на Москву; угомонили тѣмъ, что, размельчивъ стрѣлецкія группы, разослали одиночками ихъ въ самыя неудобныя и дальныя мѣста, носившія названія зимовьевъ: колымское, анадырское, удское. Поселенные здѣсь отъ крайныхъ лишеній голодовки сбивались въ шайки и изыскивали пропитаніе грабежами каравановъ и обозовъ торговыхъ людей и разбоями по рѣкамъ и дорогамъ. Много урочищъ сохранило память объ этихъ подвигахъ. Грабежи и разбои прекратились съ тѣхъ поръ, когда стрѣльцы переселены были южнѣе и когда острожную службу

смѣнили на пашенную, какъ сдѣлали это съ стрѣльцами Братскаго и Балаганскаго остроговъ, водворенными на р. Ангарѣ (въ нынѣшней Яндинской волости). При лучшихъ условіяхъ климата и почвы стрѣльцамъ удалось выродиться въ здоровое, рослое и даровитое племя коренныхъ сибиряковъ; при данныхъ, менѣе благопріятныхъ, привелось переродиться въ племя вялое, мелкое, глуповатое и безпечное, по подобію жителей Орленской волости, отличающейся зобами иногда такъ, что одинъ зобъ наростаетъ на другомъ (особенно въ деревняхъ Дядиной, Голой и Шамановой). За то въ началѣ теченія Лены и особенно ниже (Витимской волости) народъ боекъ, смѣтливъ, богатъ: до сихъ поръ носитъ московскую шапку, коротенькій армякъ до колѣнъ и, называя его свысока шемелью (шинелью), до сихъ поръ отличается мягкимъ говоромъ, особенно рѣзко выдающимся среди крутаго новгородскаго говора — кореннаго для цѣлой Сибири. Въ дальныхъ Даурахъ стрѣлецкіе слѣды замело налетомъ ссыльныхъ, а въ Западной Сибири пробиваются они такъ рѣдко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствованіе Петра, ослабившаго ссылку въ Сибирь обычныхъ преступниковъ и восполнившаго этотъ недостатокъ высылкою цѣлыхъ сотенъ государственныхъ преступниковъ въ видѣ стрѣльцовъ, осталось памятнымъ для Сибири между прочимъ и тѣмъ, что слѣдомъ за стрѣльцами и вмѣстѣ съ ними ссылались за государственныя вины различныя отдѣльныя лица разныхъ служилыхъ сословій. Въ 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы въ Сибирь единомышленники типографщика Григорія Талицкаго, печатавшаго воровскія письма и называвшаго въ нихъ Петра антихристомъ: 7 человѣкъ и вмѣстѣ съ ними 5 вдовъ, оставшихся послѣ смертной казни мужей ихъ, въ дальные города, выбитые кнутомъ и запятнанные. Въ 1715 г. оказались виновными въ такихъ же дѣлахъ Левинъ, керженскіе раскольники и многіе другіе. Въ 1718 году, за подобныя же тетради, колесовали на смерть подъячаго Ларіона Докукина и сослали тѣхъ, которые прислушивались и вѣрили его разговорамъ и подметнымъ письмамъ, вызывавшимъ противъ царя возмущеніе въ народѣ. Этими десятками ссыльныхъ, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря усердной разработкѣ матеріаловъ той эпохи, опредѣляются сотни та-

кихъ лицъ, которыя поплатились Сибирью за недовольство нововведеніями и исторія которыхъ обрѣтается еще подъ спудомъ въ архивныхъ грудахъ. Крутая расправа со стрѣльцами въ началѣ Петрова царствованія не предотвратила недовольства народнаго и ссылка, вмѣсто прежнихъ массъ располагавшая единицами, въ концѣ Петрова царствованія стала карать безразлично людей всѣхъ сословій — отъ монаховъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ монастырей до приверженцовъ заточенной царицы Евдокіи и казненнаго царевича Алексѣя *). По той же мѣрѣ, въ какой укрѣплялись нововведенія, измѣнявшія старый порядокъ, возрастало число недовольныхъ, распространялись въ народѣ подметныя тетрадки, сочиняемыя и старовѣрами и монахами. Самая подозрительность въ концѣ Петрова царствованія возростала прогрессивно, свидѣтельствуя о великихъ опасностяхъ, мнимыхъ и дѣйствительныхъ. «Слово и дѣло» до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію изъ ревности къ царю, государству, вѣрѣ. Съ Петра, при усилившемся требованіи на слово и дѣло, съ увеличеніемъ важности значенія словъ и дѣлъ, начались злоупотребленія, стали объявлять ихъ за собою изъ личной мести, вражды, спьяна и по другимъ личнымъ видамъ. Главнѣйшимъ же образомъ въ народѣ воспиталась страсть къ доносамъ и отъ этой страсти увеличилось количество ссыльныхъ, какъ новое и неожиданное явленіе въ жизни народной. Въ 1713 году царскій указъ предписывалъ смертную казнь всѣмъ преступникамъ и повредителямъ интересовъ государственныхъ; въ 1714 году Петръ принужденъ былъ ограничить значеніе слова и дѣла, опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и измѣны. Сказавшіе или написавшіе государево слово или дѣло, помимо этихъ причинъ, застращивались великимъ наказаніемъ, раззореніемъ и ссыл-

*) По дѣлу царевича Алексѣя сослано было въ Сибирь много и между прочими въ Соликамскъ фельдмаршалъ Вас. Влад. Долгорукій за слишкомъ вольныя осужденія дѣйствій царя; дальше за Камень: псаломщикъ Семенъ Ивановъ, битый батогами вмѣсто кнута «по малолѣтству»; подъячій Анфимовъ, зять царевичева духовника Якова Игнатьева съ женою и дѣтьми, и проч.

кою на каторгу. Въ 1715 году указъ облегчалъ доносчикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а этотъ уже представлялъ челобитную самому царю; но доносчики продолжали во множествѣ докучать царю «не давая покою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ», не смотря на страхъ жестокихъ наказаній. Дѣла о словѣ и дѣлѣ изъ суднаго приказа переведены были въ Преображенскій приказъ, поручены были вѣдѣнію крутаго и немилосерднаго князя-папы Ромодановскаго, рѣшались имъ безъ апелляціи,—но страсть къ доносамъ была уже такъ глубока въ народѣ, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать въ возможно-доступныхъ предѣлахъ. Страхи Преображенскаго приказа никого не смущали; съ тѣхъ же поръ, какъ доносчику въ Пензѣ въ 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать безпошлинно и велѣно его охранять отъ всякихъ обидъ, — доносчики стали появляться въ великомъ множествѣ. Въ томъ же году священниковъ обязали объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ государственными великими дѣлами дозволено принимать и во время божественнаго пѣнія и чтенія. Значеніе слова и дѣла стало возрастать съ годами до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно явилось при Аннѣ Ивановнѣ и Биронѣ, и возростало соотвѣтственно вызову различныхъ обстоятельствъ. При Петрѣ, въ 1722 году, «нѣкоторый человѣкъ, пришедъ въ г. Пензу, кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести царя, на которой крикъ сошлось людей немалое число». Послѣ Петра, при Екатеринѣ, въ 1726 году «явились противники устава о престолонаслѣдіи, избравшіе наслѣдника и мечтавшіе выслать государыню за границу: Антоній Девіеръ, Толстой съ сыномъ, Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ». Въ сущности же, всѣ пятеро разговаривали о воспрепятствованіи браку молодаго императора съ дочерью Меншикова въ ослабленіе возраставшаго могущества Меншикова. Послѣдній поторопился судомъ и приговоромъ и докладъ о мнимыхъ преступникахъ поднесъ къ подписи въ самой день кончины императрицы Екатерины. Докладъ говорилъ, что эти лица осмѣлились по своему желанію опредѣлить наслѣдника престола и замышляли противиться преднамѣренному по волѣ ея величества супруже-

ству великаго князя. Обвиненныхъ услали въ Сибирь: зятя Меншикова, Девіера, со Скорняковымъ — въ Охотскъ (Елизавета ихъ возвратила): Девіера освобожденнаго отъ смертной казни, Писарева высѣченнаго кнутомъ (Толстой заточонъ въ Соловкахъ съ сыномъ, велѣно ихъ пускать только въ церковь и довольствовать братскою пищею; Бутурлина послали въ дальную деревню; Долгорукаго написали въ полевые полки, и проч. Въ 1728 г. (17 іюня) велѣли сибирскому губернатору возвратить араба Авраама—крестника Петра. Тогда же и тѣмъ же Меншиковымъ отправленъ былъ въ Сибирь бывшій оберъ-церемоніймейстеръ графъ Де-Санти, «явившійся въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ». Въ слѣдующемъ году, за пять мѣсяцовъ до смерти государыни, объявились въ разныхъ городахъ, уѣздахъ, селахъ и деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ покойнаго царя и владѣющей императрицы. Въ 1728 г., при Петрѣ Второмъ, за непристойныя слова, послали въ Сибирь морскаго капитанъ-поручика Казанцова, гренадера Алексѣева, солдата Кроткаго, прядильщика Лобанова и матроса Чапынскаго. Въ то же время боярская партія Долгорукихъ низвергла временщика князя Меншикова и вмѣстѣ съ дочерью, невѣстою молодаго императора, сослала въ Березовъ. При Аннѣ въ свою очередь пострадала партія верховниковъ, особенно князья Долгорукіе, когда Биронъ сталъ временщикомъ и свирѣпо сокрушалъ противниковъ. Въ 1731 году Анна услала въ ссылку Долгорукихъ, Барятинскаго, Столѣтова за то, что «не только полезныя государству учрежденія непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли». Слѣдомъ за ними и вскорѣ (въ томъ же 1731 году) схватили Алексѣя Алексѣевича Шубина, сержанта семеновскаго полка, первое лицо при дворѣ цесаревны Елизаветы, за то. что онъ, любя царевну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и, съ помощію ихъ, возвести на престолъ Елизавету. Его пытали, заключили въ каменной мѣшокъ, потомъ наказали кнутомъ, вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ. Въ слѣдующемъ году (1732) привезенъ былъ въ Якутскъ бывшій любимецъ Петра I, президентъ каммеръ-коллегіи ст. сов. Фикъ, названный въ бумагѣ великоважнымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи

на престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны. Въ 1735 г. привезли смоленскаго губернатора князя Алек. Анд. Черкасскаго за зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные противъ государыни умыслы въ Джигайское зимовье. Съ нимъ вмѣстѣ высланы были управитель Алек. Пребышевскій, поручикъ Ив. Аршеневскій и шляхтичъ шуринъ Чечерскаго Семенъ Корсакъ съ женой (въ Гижигу). Десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны такимъ образомъ является (по отношеніямъ къ исторіи русской ссылки за государственныя вины) однимъ изъ обильныхъ количествомъ жертвъ. Оно соперничаетъ со временемъ Петра и не уступаетъ своего значенія ни одному изъ послѣдующихъ царствованій всего XVIII столѣтія. Не только Биронъ, но и Ѳеофанъ Прокоповичъ, содѣйствовавшій низложенію и гибели верховниковъ, присоединилъ свое дѣятельное участіе къ населенію Сибири государственными преступниками. Личныхъ враговъ своихъ онъ, по увлеченію духомъ времени, умѣлъ обвинять въ государственныхъ дѣлахъ и всѣми правдами и неправдами, въ силу своего громаднаго вліянія на церковныя дѣла, успѣвалъ завинять до ссылки въ отдаленные сибирскіе монастыри лицъ духовныхъ, а друзей и приверженцовъ ихъ до ссылки въ самыя далекія каторжныя мѣста. Архіерея Георгія Дашкова, заподозрѣннаго въ косвенномъ участіи въ устраненіи Анны отъ престола (затѣянномъ Родышевскимъ), сослалъ Ѳеофанъ въ Нерчинской монастырь и не велѣлъ слушать никакихъ отъ него объявленій, хотя бы о государевомъ словѣ и дѣлѣ. Слѣдомъ за ними отправилъ Ѳеофанъ роспопу Родіона въ Охотской монастырь на вѣчные и неисходные труды, братьевъ Никитиныхъ съ женами и дѣтьми туда же на житье вѣчно за карауломъ; Яковлева съ тѣми же правами въ Охотской портъ; печерскаго старца Исаію, роспопу Васильева, Морозова — туда же, Горбунова на серебрянные заводы: всѣхъ за какія-то недоказанныя и неопредѣленныя подметныя письма, нѣкоторыхъ за дѣйствительные пасквили на государыню и Ѳеофана. Между прочими подвернулся заѣзжій грекъ Серафимъ Аріонъ — шпіонъ, продававшій себя всякому правительству и явившійся въ Россію для спекуляцій на имя угнетенныхъ турками грековъ; его сослали въ Охотской острогъ. Вся дѣятельность Ѳеофана

такимъ образомъ, при Аннѣ, поглощена была тайной канцеляріей. Ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть самому, или обороняться тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ стояли на готовѣ его противники. Онъ выбралъ послѣднее, и на этомъ основаніи неустанно запугивалъ государыню бунтами и революціями: указывалъ на своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ и подъ своею властію всѣхъ министровъ. Болтинъ такъ рисуетъ бироновское время: «въ городахъ бряцаніе кандаловъ, жалобные гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многіе тысячи крестьянъ, не менѣе 250 тысячъ, бѣжавъ съ жонами и дѣтьми, поселились въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи, и даже за Дунаемъ въ Булгаріи». Тобольской лѣтописецъ увѣряетъ, что въ теченіе 10 лѣтъ по 9 ноября 1740 г. сослано въ Сибирь дворянъ и чиновниковъ 20 тысячъ. Въ это страшное время для несчастнаго народа, пожертвовавшаго сотнями сосланныхъ въ Сибирь — кабинетъ-министръ Артемій Волынскій, дерзнувшій возстать на временщика, поплатился за свою попытку головою. Дочь и сынъ его были сосланы въ Сибирь; туда же сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ, кабинетъ-секретарь Эйлеръ и Сойминовъ, наказанные кнутомъ, и секретарь Волынскаго, Зуда, битый плетьми (въ Камчатку) за переводъ историческихъ книгъ для Волынскаго. Когда фельдмаршалъ Минихъ, по смерти Анны Ивановны, провозгласилъ принцессу брауншвейгскую, Анну Леопольдовну, правительницей, Эрнстъ Бирономъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ братьями, Густавомъ и Карломъ, и генераломъ Бисмаркомъ и всѣ сосланы въ Пелымъ съ жонами и дѣтьми. За приверженность къ Елизаветѣ, Анна Леопольдовна успѣла ещо сослать въ Камчатку Петра Калачова, капитана азовскаго полка. Когда въ свою очередь, провозглашена была императрицей дочь Петра Елизавета: Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Менгденъ, Тимирязевъ, устранившіе отъ престола Елизавету, были сосланы въ Сибирь. Въ 1742 году прапорщика преображенскаго полка, Ивашкина, сослала Елизавета въ Камчатку, въ Большерѣцкой острогъ, товарищей его, сержанта Сновидова и камеръ-лакея, бывшаго камердинера правительницы, Ал. Дм. Гурчанинова— перваго въ Нижнекамчатскъ, второго въ Охотскъ; всѣхъ троихъ за

дерзкія рѣчи противъ Елизаветы, выговоренныя въ трактирѣ. Всѣхъ троихъ наказали кнутомъ, всѣмъ вырвали ноздри, а камеръ-лакею, сверхъ того, за произнесенныя имъ великоважныя, непристойныя слова, отрѣзали языкъ. Ивашкинъ повинился въ томъ, что намѣревался ночью умертвить императрицу Елизавету, по возшествіи ея на престолъ, а съ нею вмѣстѣ и великаго князя Петра Ѳедоровича, а лейбъ-компанію заарестовать. Гурчаниновъ сознался, что, слыша о томъ не донесъ, а самъ совѣтовался какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ, говоря, что сдѣлали-де Елизавету государынею лейбъ-компанцы за винную чарку, да и Екатеринѣ I быть государынею не надлежало, а сдѣлалъ ее тѣмъ генералъ Ушаковъ, котораго министры устрашились. Сновидовъ оказался участникомъ обоихъ. Въ 1743 году, за злые умыслы на особу императрицы, туда же отправлены были: Ст. Лопухинъ съ женою и сыномъ, граф. Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошковъ, кн. Ив. Путятинъ, Александръ Зыбинъ, Софія Лиліенфельдъ — желавшіе избрать императоромъ Ивана Антоновича Ульриха. За ними приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ деревню канцлеръ Бестужевъ «за оскорбленіе величества». Въ 1749 году поручикъ бутырскаго полка, Іосафатъ Батуринъ, посланъ былъ въ Камчатку за то, что предложилъ свои услуги великому князю Петру Ѳедоровичу возвести его на престолъ при жизни тетки.

Екатерина II, въ самый годъ вступленія своего на престолъ, сослала въ Сибирь оскорбителей величества, совершившихъ умыселъ къ общему возмущенію: Петра Хрущова и трехъ Гурьевыхъ; затѣмъ сообщниковъ различныхъ самозванцовъ, начиная съ казака Пугачова (18 человѣкъ *), казака Ханина, крестьянина Іова Мосякина до сол-

*) Двоихъ пугачовскихъ друзей четвертовали, одному отсѣкли голову; восьмерымъ вырвали ноздри и сослали на каторгу; десятерыхъ, послѣ кнута, на поселеніе. Но и послѣ того ссылка не прекращалась. По свидѣтельству одного указа «подозрительные люди продолжали обнаруживать тѣ же наклонности». Въ Нерчинскихъ рудникахъ осталось въ памяти преданіе о пугачевскомъ приверженцѣ уральскомъ казакѣ Марушкѣ. Онъ жилъ еще въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; въ Култумѣ имѣлъ собственной домикъ,

дата Кремнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышова, изъ которыхъ три послѣдніе сами, вмѣстѣ съ сообщниками, отправились въ вѣчную работу въ Нерчинскъ (Пугачовъ четвертованъ, Мосякина указано повѣсить, если онъ производилъ убійства, или, наказавъ кнутомъ, содержать въ заточеніи, если онъ убійства не совершилъ). Казакъ Богомоловъ, наказанный кнутомъ, умеръ на дорогѣ въ Сибирь. Во время путешествія Екатерины по Россіи, разъигралось въ Шлиссельбургѣ извѣстное дѣло Мировича, желавшаго воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости. Мировичъ кончилъ жизнь на эшафотѣ; ему отсѣкли голову и, «оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сожгли оное потомъ купно съ эшафотомъ». Сообщниковъ его сослали въ Сибирь въ вѣчные солдаты (около 50-ти человѣкъ) и на вѣчныя работы (3 солдата и три капрала, прогнанные сквозъ строй черезъ тысячу человѣкъ десять разъ, а одинъ болѣе виновный двѣнадцать). Екатерина же сослала въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на десятилѣтнее безъисходное пребываніе, по лишеніи орденовъ и дворянства, Александра Радищева, за книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (въ 1790 г.). А. Н. Радищевъ, прожившій въ Тобольскѣ 7 мѣсяцовъ, въ ожиданіи семейства, (свояченицы

жилъ холостымъ, давалъ подъ заклады деньги и въ цѣлой окрестности слылъ за богатаго человѣка. Марушка, не смотря на почти столѣтній возрастъ, отличался необыкновенною физическою силою. Когда слухъ о богатствахъ привлекъ въ его домъ разбойника и онъ, спускавшійся съ чердака по лѣстницѣ, упалъ оглушенный ударомъ косы въ голову, злодѣю не удалось его задушить. Подъ тяжолымъ кулакомъ убійцы, Марушка успѣлъ очнуться и, почуявъ свою силу, сбить съ себя разбойника, повалить на̀ земь, связать и представить въ полицію. Богатой скряга, Марушка сохранилъ и ревность къ старой вѣрѣ и вѣру въ старыя убѣжденія, послужившія причиною несчастій. Онъ любилъ разсказывать о бунтѣ Пугачова, о которомъ такъ толковалъ: «не пытали мы кто былъ Пугачовъ и знать того не хотѣли. Бунтовали же потому, что хотѣли побѣдить, а тогда заняли бы мѣсто тѣхъ, которые насъ утѣсняли. Мы были бы господами, а вѣра свободной. Проиграли мы: что жъ дѣлать? Ихъ счастіе, наше—несчастіе. Выиграй мы—имѣли бы своего царя, произошли бы во всякіе ранги, заняли всякіе должности. Господа теперь были бы въ такомъ угнетеніи, въ какомъ и насъ держали».

съ тремя дѣтьми) и припятый во всѣхъ лучшихъ домахъ города и обласканный губернаторомъ Алябьевымъ, въ Илимскомъ острогѣ помѣщонъ былъ въ обширномъ воеводскомъ домѣ, со службами и садомъ. Когда домъ оказался холоднымъ и былъ исправленъ плотниками, прибывшими изъ Иркутска, онъ на полномъ просторѣ имѣлъ возможность заняться науками, обученіемъ дѣтей и гончарнымъ ремесломъ и начать опыты оспопрививанія. Опытъ Радищева, если вѣрить сибирскому преданію, былъ не только первымъ въ Сибири и Россіи, но нѣсколькими годами предупредилъ даже изобрѣтеніе знаменитаго Дженнера, начавшаго привитіе оспы въ 1799 году (Радищевъ возвращонъ изъ Сибири императоромъ Павломъ, и 1797 г. былъ уже въ Россіи; извѣстно также, что Дженнеръ началъ свои изслѣдованія надъ оспою ещо въ 1776 году). Въ Сибири къ Радищеву пріѣзжали сибиряки для леченія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ свободные часы отъ занятій со своими и чужими дѣтьми, А. Н. Радищевъ успѣлъ написать въ Сибири: «Разсужденіе о человѣкѣ и смертности его и о безсмертіи души», «Письмо о китайскомъ торгѣ»; началъ «Исторію покоренія Сибири» и историческую повѣсть «Ермакъ». Сочиненія эти, написанныя въ Сибири и конченныя по возвращеніи въ Россію, въ деревнѣ, изданы Бекетовымъ въ Москвѣ въ 1807—1811 г. Въ Сибири онъ женился на свояченицѣ своей. Въ 1794 г. ушолъ въ вѣчную каторжную работу черноморскій капитанъ-лейтенантъ Монтагю за государственную измѣну («за шпіонство»).

Екатерина вторая въ указѣ 19-го октября 1762 г. поспѣшила высказаться такъ: «ненавистное израженіе, а именно «слово и дѣло» не долженствуетъ значить отнынѣ ничего, и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А если кто употребитъ отнынѣ въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники».

Если до сихъ поръ «слово и дѣло» въ Россіи представлялось желаннымъ для усердствовавшихъ и выгоднымъ для охотниковъ къ доносамъ, то слово и дѣло на мѣстахъ ссылки въ Сибири явилось соблазномъ для каторжныхъ въ томъ отношеніи, что выговоренные гдѣ бы то ни было освобождали на время отъ тяжести каторжныхъ ра-

ботъ. Объявившаго за собою государево слово немедленно отдавали сержанту и наказывали везти пѣшкомъ въ Иркутскъ, изъ другихъ каторжныхъ мѣстъ—въ ближайшіе большіе города, держать крѣпко и только въ случаѣ изнеможенія сажать на подводу. Тамъ допрашивали доносчика, потомъ оговоренныхъ имъ; въ случаѣ разногласія, давали очную ставку, затѣмъ пытали доносчика, если объявляемый не сознавался; пытали обвиняемыхъ, если доносчикъ продолжалъ обвиненіе. Обыкновенно каторжные сознавались въ томъ, что клепали напрасно или со зла, или съ пьяну; наичаще признавались въ томъ, что поступали такъ, отбывая наказанія прочихъ штрафовъ, желая получить награду и, во всякомъ случаѣ, воспользоваться предварительнымъ отдыхомъ, и возможною утечкою съ дороги. Слово и дѣло съумѣли государевы ссыльные превратить въ особаго рода спекуляцію. Спекулировали этимъ съ тѣхъ поръ, когда заводились на Руси первыя и настоящія каторги. Такъ въ указѣ Петра слышатся жалобы на то, что, при основаніи Петербурга, каторжные этого города то и дѣло сказываютъ за собою слово и дѣло и объявляютъ до тайной канцеляріи нужду. Тѣ же жалобы на тоже самое, на неуспѣхъ въ работахъ, на воровство и побѣги осужденныхъ слышатся на петербургскую каторгу и гораздо позднѣе, при Елизаветѣ (какъ видно по указу ея 1756 года 12 апр.) *). По сенатскому указу 20-го сентября 1723 г. видно, что въ Тобольскѣ каторжные непрестанно кричатъ на командировъ государево слово, «коихъ командировъ и выслано въ Москву скованныхъ немало». По архивнымъ дѣламъ Западной Сибири видно, что въ «слово и дѣло» входили и такія заявленія,

*) Указъ этотъ, составляющій характерную черту изъ исторіи Петербурга, какъ каторжнаго мѣста, говоритъ между прочимъ: «Будучи на работахъ, за слабостію караульныхъ солдатъ, ссыльные у прохожихъ и проѣзжающихъ просятъ милостыню, чѣмъ немалое безславіе здѣшнему резидирующему городу наносятъ, ибо между тѣмъ нерѣдко случается, что и чужестранныя персоны мимо ихъ проѣзжаютъ. Имѣя же при семъ на работахъ ломы и желѣзныя пѣшни и другіе вредные инструменты, они даже разбойничаютъ на улицахъ: въ 1754 г. у одного каторжнаго Никиты Алексѣева найдено въ мѣшкѣ ядро чугунное, которымъ онъ билъ за Синимъ мостомъ въ переулкѣ по головамъ трехъ купцовъ, съ двухъ сорвалъ шапки, у третьяго отнялъ шапку и рукавицы, хотѣлъ также убить маіора Тют-

которыя прямо свидѣтельствовали о невинныхъ цѣляхъ отдыха и ничего другаго не искали: ссыльная дѣвка Петрова объявляетъ слово и дѣло на крестьянку Иванову, и на допросѣ въ Усть-Каменогорскѣ оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промыселъ развратомъ, сказала ей: «у васъ, де, у ссыльныхъ деньги дешовы— вы, де, монетами и г... подтираете». Послѣ очныхъ ставокъ Петрова объявила, что, по злобѣ на Иванову, хотѣла обвинить ее въ оскорбленіи монеты и герба. Въ 1731 году нотебургскаго полка солдатъ Пермяковъ выкричалъ такое слово и дѣло: «въ бытность мою за акіяномъ моремъ нашолъ я мѣста рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпазныя». Въ Якутскомъ монастырѣ старецъ Никонъ говоритъ за собою такое великихъ государей и святительское дѣло: «поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убился человѣкъ; промышленный человѣкъ привезъ съ моря руду серебряную, и тое руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро». На судѣ оказалось, что руда, взятая въ Индигиркѣ рѣкѣ, у бору, на камнѣ, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, «чтобы впредь не повадно было инымъ такія затѣйныя слова говорить и никакихъ великихъ государей дѣлъ не заводить» и проч. Нѣкоторымъ слово и дѣло помогало: помогло проходимцу Козыревскому, котораго взбунтовавшіеся въ 1711 г. камчатскіе казаки выбрали атаманомъ, и подъ его руководствомъ натворили много бѣдъ. Лихой удалецъ этотъ выстроилъ на грабежныя деньги судно, провѣдалъ курильскіе острова, награбилъ новую добычу, но и ясакъ не спасъ: онъ сѣлъ въ тюрьму,—ясакъ соблазнилъ самого воеводу. Въ 1717 г. онъ съ горя сдѣлался монахомъ, а для этого самъ и монастырь основалъ въ Камчаткѣ (Успѣнскій). Пожилъ не долго, монастырь ограбилъ и со вкладами ушолъ въ Якутскъ, гдѣ подрядился выстроить желѣзодѣлательной заводъ. Завода не построилъ и въ 1724 году опять сѣлъ

чева, смотрѣвшаго за работами. Въ 1752 г. тотъ же Алексѣевъ, у Адмиралтейской крѣпости, близъ Невскаго проспекта, вынялъ изъ полисадника балясину и другую отъ Зимняго дворца, иноземку ударилъ въ лобъ и содралъ съ нее атласную голубую юбку съ серебряною сѣткою. Съ этого года каторжныхъ стали отправлять въ Рогервикъ, а полиція стала производить свои работы вольнонаемными людьми.

въ тюрьму. Изъ тюрьмы ушолъ, попалъ въ закадышные друзья къ якутскому воеводѣ; опять нашалилъ и опять сѣлъ въ тюрьму, пойманный съ фальшивымъ паспортомъ на пути въ Тобольскъ. Но Козыревскій сказалъ государево слово на якутскаго архимандрита и дѣло объ островахъ, будто бы открытыхъ имъ противъ устьевъ Лены. Острововъ поискали, никакихъ не нашли. Однако Козыревскій, вмѣсто висѣлицы, очутился въ Москвѣ и тамъ начиналъ новый рядъ разнообразныхъ приключеній. Въ Нерчинскихъ заводахъ тянулся нескончаемый рядъ секретныхъ дѣлъ о словѣ и дѣлѣ Анны Ивановны, и въ нихъ указанія на такія измышленія каторжныхъ: «непріятель идетъ на Россію: у китайцовъ войска собираются; мунгалы ружья приготовляютъ» (окажется, что монголы облаву на лосей дѣлали).

Вчинались въ Нерчинскѣ дѣла и такого рода: съ горяча и съ сердцовъ бранятъ ссыльные каторжную работу. Напримѣръ, одинъ забылъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать ее отыскивать. Приставникъ замѣтилъ: «ты исправь прежде государеву работу, а потомъ ищи мужичью лопату». У оговореннаго сорвалась съ языка брань—и начались допросы, пытки, судъ и осужденіе. На фабрикѣ Дучарскаго завода канатный подмастерье Лоншаковъ разсказываетъ прочимъ ссыльно-каторжнымъ слѣдующее (24-го ноября 1805 г.): «поднимается на нашего государя иноземецъ; у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего императора до 250-ти тысячъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Кандальники были посажены за рѣшотки въ тюрьму, но вечеромъ продолжали толковать о выслушанномъ. Одинъ изъ нихъ (ссыльный въ оковахъ), Иванъ Коурой, говорилъ: «Дай Богъ, чтобъ тотъ иноземецъ своею силою завоевалъ наше государство, для того, что чорнымъ людямъ никакой милости не предвидится».—Что ты, дуракъ, рачишь (sic), чтобъ бусорманъ завоевалъ нашу землю—и не дай Богъ!—замѣтилъ на это ссыльный Аѳанасій Анцыферовъ. Но Коурой отъ ругательныхъ рѣчей не отсталъ. Двое служителей «показали во всемъ сходственно»; показанія, сверхъ того, утвердили одинъ ссыльный и одинъ канатный подмастерье; но Коурой заперся какъ въ личномъ своемъ одиночномъ показаніи, такъ и на очной ставкѣ. На третьемъ спросѣ обозвалъ онъ Анцыферова воромъ за то, что утаи-

валъ подаваемую въ тюрьму милостыню, «за что-де и имѣлъ Коурой съ нимъ ругательства». Начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, Эллерсъ, велѣлъ, во время производства слѣдствія, держать Коураго въ особенномъ мѣстѣ въ оковахъ и подъ строгимъ карауломъ, безъ употребленія въ работы. 7-го іюля 1807 года сибирской губернаторъ Пестель далъ знать, что министръ юстиціи (кн. П. В. Лопухинъ) сообщилъ ему, что на докладъ его, по донесенію правительствующаго сената, Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: Коураго освободить отъ законнаго наказанія, подтвердя ему, чтобъ впредь постарался исправиться; въ противномъ же случаѣ не избѣгнетъ онъ строгаго наказанія по законамъ.

Взгляды на дѣла о словѣ и дѣлѣ въ нынѣшномъ вѣкѣ измѣнились. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губерніи Ермолаевъ, за непристойныя рѣчи про государя, приговоренъ былъ палатою къ наказанію кнутомъ 40 ударами; рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернаторъ Всеволожскій, извиняя крестьянина пьянствомъ, присудилъ побить виновнаго на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. Сенатъ сдѣлалъ губернатору выговоръ, но утвердилъ рѣшеніе палаты, исключая только вырѣзанія ноздрей, такъ-какъ указомъ 25-го декабря 1817 года наказаніе такое было отмѣнено. Государь въ 1819 году соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: «быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявя ему приговоръ, простить». 9-го апрѣля 1818 года ссыльный Семенъ Артамоновъ, бывшій въ работѣ при Уровскомъ казенномъ зимовьѣ у разбивки конопля, придя въ зимовье, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку, и изругался. Будучи спрошенъ, кого ругаетъ? — отвѣчалъ: «тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ». Государь рѣшилъ: оставить Артамонова въ нынѣшномъ положеніи, но безъ наказанія. Вообще должно сказать, что уже при восшествіи на престолъ Александра I замѣтно сильное движеніе въ дѣлахъ Нерчинскихъ заводовъ: многіе были возвращены, о многихъ наводились справки къ возвращенію, выдавались подорожныя и паспорты.

Въ царствованіе Александра I, за государственныя преступленія сосланы были (въ 1819 году) грузинскіе дворяне, изобличен-

ные въ измѣнѣ и размѣщены на поселеніи большею частію въ окрестностяхъ г. Селенгинска. Въ 1820 въ октябрѣ солдаты лейбъ-гвардіи семеновскаго полка забыли долгъ присяги и дерзнули самовольно собраться въ позднее вечернее время для принесенія жалобъ на своего командира (полковника Шварца) и когда за это буйство рота отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ повиновенія. Восемь рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ, въ примѣръ другимъ, указано было прогнать шпицрутенами сквозъ батальонъ, по шести разъ съ отсылкою въ рудники. 3-ю роту назначили въ полки кавказскаго корпуса; 172 человѣка въ Оренбургской корпусъ. 164 человѣка 1-й фузелерной роты и 52 человѣка 2-й, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость,—указано распредѣлить безъ наказанія въ полки и батальоны Сибирскаго корпуса. Въ спискахъ Нерчинскихъ заводовъ за государственное преступленіе въ 1807 году числился всего одинъ: коллежской ассесоръ Степановъ, бывшій экспедиторомъ военно-походной канцеляріи. «Онъ выдалъ еврею Мейровичу нѣкоторые важнаго содержанія документы для списанія съ нихъ копій. Онъ подлежалъ смертной казни, но «какъ въ жалованной дворянству грамотѣ сказано: тѣлесное наказаніе да не подлежитъ до благороднаго, то лишонъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу» *).

Печальное происшествіе 14-го декабря 1825 года, омрачившее

---

*) Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при Тосканскомъ дворѣ колл. асс. Дрозда-Боначевскаго, предавшагося французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что имя и дѣянія измѣнника прибиты были къ висѣлицѣ. При Павлѣ же заподозрѣнъ былъ въ измѣнѣ плодовитый драматургъ Августъ Коцебу. Арестованный на границѣ, на возвратномъ пути изъ Вѣны въ Петербургъ, онъ сосланъ—въ Курганъ. Отсюда его вскорѣ возвратили въ Петербургъ, гдѣ Коцебу нѣсколько времени управлялъ нѣмецкимъ театромъ. Прощонъ онъ былъ — какъ извѣстно — за драму «Der Leibkutscher Peters des Grossen», которую Павелъ I получилъ въ русскомъ переводѣ. Пребываніе свое въ ссылкѣ Коцебу описалъ въ 2 томахъ (1801 г.) подъ заглавіемъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, вызвало слѣдственную коммиссію. Слишкомъ пять мѣсяцовъ коммиссія ежедневно занималась ввѣреннымъ ей дѣломъ, повѣряла каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе. Оказавшіеся виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, «въ замыслахъ долголѣтныхъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ»—преданы были верховному уголовному суду, составленному изъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода съ присоединеніемъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. 13-го іюля 1826 года объявленъ былъ именной указъ о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ различнымъ казнямъ и наказаніямъ «за умыселъ на потрясеніе Имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка». 15-го іюля изданъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками; 9-го августа объявленъ сенатской указъ объ офицерахъ черниговскаго полка, судженныхъ въ Кіевѣ за участіе въ мятежѣ. Слишкомъ сто человѣкъ отправлено было въ Сибирь на каторгу и на поселеніе.

Этими ссыльными завершается для насъ рядъ государственныхъ преступниковъ, отдавшихъ свою судьбу сибирской странѣ и, въ свою очередь, поставленныхъ въ обязательство удѣлять ей свою долю вліянія. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вліянію этому противодѣйствовалъ самый способъ ссылки, предполагавшій темную каюту, ограниченныя дачи провіанта, строгой надзоръ, хлопотливо стремившійся къ тому, чтобы ссыльные не имѣли никакого сношенія съ посторонними. Для этихъ ссыльныхъ Сибирь предлагала тѣ же тюрьмы, по подобію монастырскихъ и городскихъ, русскихъ тюремъ, и оставалась внѣ всякаго вліянія пришлыхъ людей, до тѣхъ поръ, пока царская милость не отворяла тюремъ, не снимала желѣзъ. Демьянъ Многогрѣшный, при такихъ льготахъ, показалъ наилучшій примѣръ незлобивыхъ отношеній къ странѣ собственныхъ несчастій, и является едва-ли не единственнымъ лицомъ, которому удалось принести свою долю участія тамъ, гдѣ этого требовали. Да и ка-

кую пользу могли приносить странѣ изгнанія, тѣ люди, которые побывали на правежѣ подъ кнутомъ, повисѣли на дыбахъ; чѣмъ могли послужить тѣ руки, которыя вывихнуты были на встряскахъ, руки, которыя связывались близъ ладоней длинной веревкой, подтягивались посредствомъ ворота къ самому потолку застѣнковъ и при быстромъ опусканіи внизъ ручныя кости выскакивали изъ чашекъ, потому что, падая, тѣла испытуемыхъ висѣли на воздухѣ, не доставая ногами до полу. Нѣкоторымъ доставалось такихъ встрясокъ и различныхъ пытокъ цѣлые десятки. Наибольшая часть непроизводительно исчезла безъ слѣда въ сырыхъ тюрьмахъ, на желѣзныхъ стѣнныхъ цѣпяхъ, служившихъ неизбѣжною принадлежностію не только колдуновъ, находящихся «въ тайномъ богомерзкомъ общеніи съ нечистою силою», но и для преступниковъ государственныхъ, располагавшихъ иными тайными, но видимыми силами *). Осьмнадцатый вѣкъ располагалъ небольшими знаніями и не отличался мягкостію отношеній къ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ цивилизующій государственный переворотъ сопровождался даже наибольшими жестокостями и вся первая половина прошлаго вѣка представляетъ такіе образцы крутаго обращенія съ ссыльными, какіе съ трудомъ можно находить въ дѣяніяхъ предшествовавшаго ему столѣтія. Несмотря на то, что въ серединѣ XVIII вѣка уничтожена была указами смертная казнь, несмотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному разсужденію—и смертная казнь и пытки продолжали существовать съ тѣмъ же значеніемъ. Заботы объ уменьшеніи кровопролитія при пыткѣ, начатыя еще въ 1751 году, не привели ни къ чему. Счастливая доля уничтоженія ихъ принадлежитъ уже къ начальному году нынѣшнаго столѣтія: въ 1800 году императоръ Александъ I уничтожилъ пытки.

---

*) Извѣстно, наприм., что сосланному въ Якутскъ колдуну на вѣчное заточеніе не велѣно было давать воды, ибо-де онъ, Максимъ Мельникъ, многажды уходилъ въ воду.

Участь ссыльныхъ. — Кормовая дача. — Меншиковъ съ семействомъ.—Долгорукіе.—Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерманъ.—Минихъ.—Головкинъ.—Ужасная участь ссыльныхъ: Де-Санти, Менгдена, Фика, Ивашкина.—Стряпчій Копытовъ.—Левшутинъ. — Соймановъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышовъ).—Секретные арестанты.—Анадырскій изгнанникъ Аѳанасій Петровичъ.—Дѣти Волынскаго.—Великоважность преступниковъ. — Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ ссыльнымъ.

Во все продолженіе прошлаго вѣка несчастные продолжали выплакивать свои глаза до неизлечимой слѣпоты и вдумываться въ свою несчастную участь до острыхъ припадковъ бѣшенаго сумасшествія. Опредѣленныхъ правилъ и пріемовъ для ссыльныхъ въ тѣ времена не существовало: не столько степени личной виновности, сколько произвольныя измышленія казней обвинителями полагали предѣлы возмездію ссыльныхъ за государственныя вины. Кормовая дача наиболѣе испытывала на себѣ вліяніе подобнаго произвола. Какъ въ XVII вѣкѣ А. С. Матвѣевъ жаловался на то, что ему дали на день по три деньги въ то время, когда Аввакуму, сосланному съ семействомъ въ Мезень, дали по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки («плачу, что вѣтхій сѣдиною, древенъ работами—сверстанъ кормомъ съ единолѣтнымъ»), такъ и въ XVIII вѣкѣ кормовыя дачи не подчинялись никакому правильно выработанному и установившемуся закону. Войнаровскому положено было въ сутки $1^1/_2$ копѣйки, Петру Шафирову—33 коп. на день, Меншикову 2 рубля съ женою—сумму уже довольно значительную по тому времени, по рублю каждому изъ дѣтей и по 10 коп. на каждаго слугу (а такихъ отпущено съ нимъ 10 человѣкъ). Долгорукіе стали сначала получать по 25 коп. въ день на человѣка, потомъ только по двѣ, и по два пуда муки въ мѣсяцъ. Сыну Волынскаго Петру давали въ день по 10 коп.; за то канцлеру Бестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысячъ рублей въ годъ пенсіону. Минихъ получалъ 3 руб. въ день. Бирономъ и Бисмарка велѣно было довольствовать безъ оску-

дѣнія (какъ сказано въ указѣ). Декабристы оставлены были въ кормовомъ довольствіи на общемъ положеніи 6-ти коп. мѣдью въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ. Нѣкоторыхъ отправляли даже и безъ кормовыхъ, такъ напримѣръ, Ивашкина и Гурчанинова, говорившихъ дерзкія рѣчи противъ императрицы Елизаветы.

Въ самомъ способѣ содержанія и надзора была та же непослѣдовательность, замѣчалось произвольное неравенство. Кн. Меншиковъ, сдѣлавшись временщикомъ при Екатеринѣ, съумѣлъ сослать графа Де-Санти безъ суда, по ордеру, такъ, что ссыльный даже не сразу нашолъ себѣ мѣсто заточенія. Его привезли сначала въ Якутскъ и семью солдатами стерегли отъ утечки подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не пускали, чернилъ и бумаги не давали, но для бо́льшаго успокоенія сильнаго вліяніемъ, мстительнаго и жестокосердитаго герцога Ижорскаго, сочли за нужное перевести Де-Санти въ Верхоленской острогъ. Отсюда какими-то судьбами сталъ появляться онъ въ Иркутскѣ и пользоваться нѣкоторою свободою по снисхожденію вице-губернатора, и даже успѣлъ жениться на дочери тамошнаго подъячаго, но въ Петербургѣ узнали про это: въ 1734 году, де-Санти перевели въ Усть-Вилюйское зимовье. Жена за нимъ не поѣхала; участь его раздѣлялъ попрежнему старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать съ господиномъ, но позволяли ходить для покупокъ для него на базаръ, каковаго, какъ извѣстно, въ пустынныхъ зимовьяхъ не бывало и въ поминѣ, и при этомъ запрещали также и слугѣ съ кѣмъ-либо разговаривать. Ужасное положеніе жертвы слѣпаго и безграничнаго мщенія въ подлинныхъ краскахъ описалъ его приставъ такимъ образомъ: «Живемъ мы, онъ, Сантій, я и караульные солдаты, въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та вѣтхая. А находимся съ нимъ Сантіемъ во всеконечной нуждѣ: печки у насъ нѣтъ и въ зимное холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ испечь, а безъ печонаго хлѣба претерпѣваемъ великой голодъ, и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны и содержать караулъ некѣмъ. А колодникъ Сантій

весьма дряхлъ и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ» *).

Судьба же самаго Меншикова въ ссылкѣ обставлена была наибольшими льготами. Главные и тяжолые удары онъ перенесъ ещо въ Россіи: тщеславію его, допустившему золотыя кареты, сто подводъ и множество экипажей въ поѣздѣ въ ссылку, нанесенъ былъ первый ударъ тѣмъ, что пересадили его въ простыя повозки, и вмѣсто Раненбурга велѣли ѣхать въ Сибирь, въ Березовъ. На дорогѣ, около Казани, въ Услонѣ, онъ потерялъ жену, но въ Березовъ привезъ необходимыя вещи и всѣ деньги, и остался подъ надзоромъ офицера, которому дана была самая снисходительная инструкція **). Живя на свободѣ, онъ могъ на собственныя деньги выстроить деревянную церковь Рождества Богородицы съ придѣломъ Иліи Пророка, подлѣ острога, вмѣщавшаго въ себѣ окружонное тыномъ невысокое, но длинное деревянное зданіе съ закругленными окнами, оставшееся отъ упраздненнаго Воскресенскаго монастыря. Меншикова смирили несчастія до того, что онъ ежедневно съ дѣтьми ходилъ молиться въ собственную церковь, при сооруженіи которой самъ бралъ въ руки топоръ и пилу. Онъ на столько пользовался свободой, что, выходя лѣтомъ изъ острога, далеко до начала обѣдни, садился на крутомъ берегу Сосвы и бесѣдовалъ съ стариками березовскими о тщетѣ міра и о подвигахъ различныхъ святыхъ мучениковъ. За обѣдней въ собственной церкви исправлялъ должность дьячка; первымъ входилъ, послѣднимъ уходилъ. Время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Это обстоятельство дало поводъ народу, незнавшему объ его прежней тяжкой грѣховности, считать его за праведника. Таковымъ же въ понятіи березовцовъ онъ считается до настоящаго времени, когда открыли его гробъ и нашли останки его (въ 1821 г.) нетлѣнными чрезъ 92 года. Смиреніе свое онъ довелъ до того, что надѣлъ армякъ, отпустилъ бороду и отдѣлялся отъ про-

*) Елисавета Петровна его однако освободила вмѣстѣ съ другими ссыльными предъидущихъ царствованій.

**) У Меншикова, какъ извѣстно, было во владѣніи 91 тысяча душъ крестьянъ и 7 мил. тогдашними деньгами, бриліантами и банковыми билетами.

чихъ крестьянъ только бархатною на ватѣ шапочкою. Религіозное смиреніе и покорность судьбѣ успѣлъ онъ завѣщать и дѣтямъ, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершаго въ 1729 году) и впослѣдствіи устроили изъ своей церкви богадѣльню. Жили они уже въ собственномъ домѣ внѣ острога: старшей дочери удалось выдти замужъ за Ѳедора Долгорукова, явившагося въ Березовъ тайно подъ чужимъ именемъ съ заграничнымъ паспортомъ, но вскорѣ умерѣть отъ родовъ. Другая дочь, Александра, и сынъ Александръ въ 1731 году возвращены были въ Россію. Могилу отца ихъ подмыла Сосва, оборвавшая берегъ, и давно сгладила слѣды ея. Въ 1825 г. нашли лишь могилу Маріи Александровны Долгоруковой въ кедровомъ гробѣ, въ шолковомъ атласномъ платьѣ и съ тѣми атрибутами, которые свидѣтельствовали о весьма безбѣдномъ существованіи изгнанниковъ на мѣстахъ дальной ссылки.

Далеко не такая участь въ томъ же Березовѣ, въ томъ же самомъ острогѣ, ожидала семейство князей Долгоруковыхъ, свергнувшихъ Меншикова и въ свою очередь поплатившихся ссылкой при новомъ государственномъ переворотѣ и въ тотъ же самый годъ, когда семейство Меншикова возвращено было въ Россію. Престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ съ женою (Прасковьею Юрьевною) не вынесли тяжести ссылки и умерли черезъ три года по пріѣздѣ. Молодыя силы 4 сыновей и 3 дочерей и невѣстки старшаго брата Ивава (воспѣтой поэтомъ Козловымъ Натальи Борисовцы, урожденной Шереметьевой) устояли отъ невзгодъ суроваго климата и съ успѣхомъ боролись противъ суровыхъ невзгодъ, исходившихъ отъ злаго временщика Бирона. Преслѣдованія его не знали устали и мѣры. На худомъ, продыравленномъ суднѣ, которое едва узниковъ не потопило, привезли ихъ въ Березовъ, кормили ихъ тамъ такимъ хлѣбомъ, что «часто зубы не брали и давали щи, которыя, пока ѣшь, мерзли». Пищу подавали всегда въ одинъ разъ на нѣсколько дней. Когда княжна Елена вздумала въ день своего ангела заказать обѣдню,—протопопа (Авдѣя Михайлова) сослали за то подъ Иркутскъ въ Илимской острогъ. Когда подъячій Тишинъ донесъ, что Долгорукіе говорятъ нескромныя рѣчи про Анну и Бирона, Долгорукихъ разлучили: Ивана посадили въ холодномъ амбарѣ (жена его Наталья

Борисовна съ трудомъ выплакала позволеніе видѣться тайно ночью сквозъ оконцо и носить ему пищу). Князя Алексѣя съ его крѣпостнымъ дядькой заключили въ тѣсномъ холодномъ хлѣвѣ. Здѣсь нельзя было сдѣлать больше двухъ шаговъ и узники въ темнотѣ потеряли счотъ днямъ и ночамъ. Выпросивъ горсть гороху за послѣдній бриліантовый перстень, князь Алексѣй придумалъ съ дядькою особую игру. Разъ, во время этой игры въ горохъ, они оба, словно сговорившись, въ голосъ запѣли: «Христосъ воскресе» и такъ-какъ пѣніе было строго запрещено, то на Ѳоминой недѣлѣ въ среду обоимъ дали по 15 розогъ и записали въ штрафной журналъ колдунами: по гороху-де узнали о времени Пасхи. На этомъ мученія Долгорукихъ не кончились: ихъ увезли въ Тобольскъ; здѣсь судили и приговорили къ новой ссылкѣ. Князя Алексѣя услали въ Камчатку матросомъ; Николая, выбивъ кнутомъ и урѣзавъ языкъ, угнали—въ Охотскъ; Александра, послѣ такихъ же истязаній, въ Камчатку; трехъ дѣвицъ-княжонъ заточили въ женскихъ монастыряхъ *); князя Ивана увезли въ Новгородъ и тамъ колесовали и отсѣкли голову въ одно время съ двумя его дядями (Васильемъ Лукичомъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ). Елизавета простила Долгорукихъ: княжонъ освободила отъ монашескихъ обѣтовъ и выдала замужъ. Не такъ легко было простить и возвратить братьевъ. По обычаю того времени, начальства постарались забыть объ ихъ именахъ и мѣстахъ нахожденія. Сами они, увлечонные и поглощонные потокомъ ссыльной жизни, скрылись безслѣдно между туземцами и считались мертвыми.

*) Екатерину въ Томскомъ Рождественскомъ, Елену въ Тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ Верхотурскомъ Покровскомъ. Всѣхъ трехъ постригли въ монахини; пищею и одеждою велѣно содержать, по обыкновенію тѣхъ монастырей равномѣрно противу монахинъ, безъ всякой отмѣны: «Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ такожъ и дѣвокъ освободить и разослать въ разные сибирскіе города на вѣчное житье». «Имѣющуюся мѣдную и оловянную посуду и платье, оставя потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать. Содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ничѣмъ писать не давать, и посторонних никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать и чтобъ никакихъ шалостей и непотребствъ отъ нихъ не происходило».

Алексѣй, только черезъ два года по воцареніи Елизаветы, случайно узналъ въ Камчаткѣ о своемъ прощеніи. Съ купцомъ Спиридоновымъ онъ явился въ Иркутскъ. Одѣтый въ армякъ и обросшій бородой, онъ не признанъ былъ губернаторомъ и самъ уже своевольно отправился пѣшкомъ въ Москву. Точно также одинъ изъ его братьевъ, вывезенный въ Иркутскъ и забытый въ острогѣ, былъ выпущенъ на волю для пропитанія. Когда прислано было предписаніе розыскивать политическихъ секретныхъ арестантовъ, къ губернатору явился старикъ, сторожъ церкви св. Харлампія, выдававшій себя за князя Долгорукова (Николая?).

Освободивъ Долгорукихъ, Елизавета, какъ извѣстно, прислала въ Березовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана и выслала въ Пелымъ—фельдмаршала графа Миниха, въ Собачій острогъ кабинетъ-министра Мих. Гавр. Головкина, въ Нижнеколымскъ (ещо сѣвернѣе) президента комерцъ-коллегіи барона Менгдена.

Старикъ Остерманъ, измученный жестокой подагрой, привезенъ въ Березовъ съ женой и остался тамъ въ памяти жителей своими бархатными сапогами и костылемъ: изъ бархата сапоговъ его мѣстные жители надолго потомъ сохраняли головные шамшуры и дѣтскія подвязки. Остерманъ прожилъ все время отшельникомъ въ своей комнатѣ, не выходя въ другія, наполненныя сторожами. Говорятъ, что березовскій климатъ ослабилъ припадки подагры къ концу его жизни. Въ 1747 году, черезъ три года, онъ умеръ здѣсь и легъ въ дубовой гробъ, обитой тафтой внутри, шолковой матеріей съ позументами снаружи. Иной памяти по себѣ не оставилъ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла въ глубокой старости.

Минихъ поселился въ Пелымѣ вмѣстѣ съ женою и пасторомъ Мартенсомъ въ двухэтажномъ домѣ съ балкономъ; изъ дому не выходилъ, казался нелюдимымъ; но на балконѣ нерѣдко видали старика сухаго, крѣпкаго и бодраго. Днемъ онъ писалъ, чертилъ планы, ночной огонекъ показывалъ, что старикъ молился или продолжалъ ещо заниматься военными историческими науками (между прочимъ писалъ гимны). Лѣтомъ заводилъ онъ небольшой огородъ, зи-

мой обучалъ дѣтей грамотѣ, всегда казался веселымъ, и затосковалъ лишь тогда, когда потерялъ вѣрнаго друга, пастора Мартенса, пробуждавшаго въ его душѣ чувства набожности и охоту къ мирнымъ трудамъ писателя. Воеводы — говоритъ преданіе — боялись Миниха, боялись его доносовъ ко двору и давали ему нѣкоторую свободу, меньшую однако той, которою пользовался до него и въ томъ же Пелымѣ Бирономъ *) (сосланный при Аннѣ Леопольдовнѣ регентомъ Минихомъ). Передъ Бирономъ воевода стоялъ безъ шапки; герцогъ имѣлъ верховыхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту, держалъ многочисленную прислугу, ходилъ въ бархатномъ зеленомъ полукафтаньѣ, подбитомъ и опушонномъ соболями. Народъ помнитъ, что онъ былъ высокаго роста и очень красивъ. Минихъ выжилъ въ Пелымѣ 20 лѣтъ, и въ 1762 былъ возвращонъ изъ ссылки императоромъ Петромъ III.

Въ Собачьемъ острогѣ — несчастномъ зимовьѣ, послужившемъ впослѣдствіи основаніемъ Среднеколымску, не болѣе счастливому селенію, Головкинъ съ женою понесъ болѣе тяжкую участь, чѣмъ остальные его товарищи, несмотря на меньшую степень виновности и вѣроятно вслѣдствіе его наименьшаго ранга. И въ пустынномъ мѣстѣ его выпускали изъ дому не иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями, а ночью небольшой домикъ его всегда оцѣпляли часовыми. По праздничнымъ днямъ этого стараго и больнаго чело-

*) Бирономъ, какъ извѣстно, жилъ въ Пелымѣ въ особенномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Бирономъ жилъ здѣсь не долго (пять недѣль), успѣлъ оставить въ народной памяти преданіе о своемъ гордомъ и недоступномъ поведеніи; въ 1742 г. его перевела Елизавета въ Ярославль вмѣстѣ съ братомъ Густавомъ (послѣдній даже не доѣхалъ до Пелыма и возвращонъ назадъ изъ Тобольска). Въ Сибири не осталось объ нихъ преданія, осталось таковое въ Москвѣ: когда везли регента съ братомъ и своякомъ въ трехъ закрытыхъ каретахъ черезъ этотъ городъ, чернь кинулась на нихъ и хотѣла растерзать; да въ Казани сохранилось всѣмъ извѣстное преданіе, что на мосту черезъ Булакъ встрѣтились два врага и, молча, раскланялись: Бирономъ, возвращавшійся изъ Сибири, и Минихъ, ѣхавшій туда на обогрѣтое мѣсто. Третье преданіе сибирское утѣшаетъ себя тѣмъ урокомъ въ превратностяхъ судьбы, что Минихъ зажилъ въ томъ же домѣ, планъ котораго онъ сочинилъ для Бирона.

вѣка заставляли ходить въ церковь и слушать, какъ священникъ послѣ обѣдни произносилъ надъ нимъ анаѳему.*). Въ изгнаніи своемъ онъ прожилъ почти 25 лѣтъ, слушая чтеніе разныхъ книгъ изъ устъ жены и впослѣдствіи, когда усталъ доворъ, занимался рыбною ловлею въ р. Колымѣ. Въ 1766 году онъ умеръ на мѣстѣ изгнанія, и жена, получившая дозволеніе возвратиться, увезла его трупъ съ собою, заливши его—по народному преданію—воскомъ.

Менгденъ привезенъ былъ въ Нижній Колымскъ съ женою, дочерью, свояченицей, со служанкою и служителемъ. Сынъ съ теткой и слуги вернулись въ Россію, но баронъ умеръ съ женою на мѣстѣ ссылки, пользовавшись нѣкоторою свободою. Ему удалось послужить краю тремя службами, изъ которыхъ одна состояла въ отраженіи набѣга дикихъ Чукчей, другая—въ разведеніи рогатаго скота и лошадей въ подспорье собакамъ и оленямъ, и третья — въ торговлѣ, которою занимался Менгденъ, выписывая товары изъ Якутска для ограниченныхъ потребностей бѣднаго и неподвижнаго мѣстнаго населенія.

Тоже странное распредѣленіе ссыльныхъ жеребьевъ отразилось какъ на судьбѣ этихъ четырехъ товарищей по изгнанію, такъ и на судьбѣ пятаго ихъ товарища, невѣстки канцлера Анны Бестужевой. Въ то время, когда братъ ея Мих. Гавр. Головкинъ испытывалъ многообразныя стѣсненія въ Собачьемъ острогѣ, она, живя въ Якутскѣ, на полной свободѣ, ѣздила по гостямъ, играла въ карты, обворожала всѣхъ пріятностью въ обхожденіи, жила роскошно, одѣвалась богато **). Хотя ей и былъ отрѣзанъ языкъ, но, по народному преданію, въ такой степени, что разговоръ Бестужевой могли понимать слушатели.

Въ тоже время для другихъ также ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика — любимца Петра—цѣлую жизнь таскали изъ одного мѣста въ другое, намѣренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его въ Тобольскѣ

---

*) По другому мѣстному преданію, ему однажды въ годъ читали какую-то бумагу, которую онъ обязанъ былъ слушать, скрестивши на груди руки, къ каковой въ то же время солдаты приставляли ружейные штыки.

**) Въ Петербургѣ она пользовалась славой лучшей танцовщицы.

въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцовъ, потомъ перевезли въ Иркутскъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Иркутска въ прежнихъ тяжолыхъ цѣпяхъ въ Якутскъ. Якутскъ показался слишкомъ удобнымъ и веселымъ городомъ: отослали Фика за двѣ тысячи верстъ въ Зашиверскъ, но и эта крайная глушъ и отчаянная даль оказались въ Петербургѣ слишкомъ видными и людными. Фика перетащили въ Среднее зимовье на Вилюѣ, въ такое мѣсто, которое злому врагу и супостату могло бы показаться вполнѣ удовлетворительнымъ и безопаснымъ: убѣжать можно было только до первой трясины въ тундрѣ, говорить только съ приставниками; якуты, кромѣ своего языка, другаго не понимали; кромѣ своихъ узкихъ звѣроловныхъ интересовъ другихъ не признавали. И дѣйствительно Фикъ прожилъ здѣсь десять лѣтъ, но лишонъ былъ свободы, выдерживался въ одиночномъ заточеніи безъ поддержки жены, родныхъ и привычныхъ слугъ, окруженный приставниками, озлобляемыми его несчастіемъ и живучестью. Въ 1742 году нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, къ довершенію его несчастій не вдругъ: тобольская канцелярія не знала о мѣстѣ его жительства, наводила справки; узнавъ, отписывала въ Петербургъ о своей находкѣ, спрашивала, что дѣлать и какъ теперь поступить: несчастный Фикъ принужденъ былъ сидѣть и даже лишонъ былъ удовольствія товарищества съ Де-Санти, когда послѣднему назначено было помѣщеніе въ томъ же зимовьѣ. «Понеже тамъ находится великоважный преступникъ Фикъ, то будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ преступниковъ въ одномъ мѣстѣ»—отвѣчали безжалостные люди разжалобившейся судьбы.

Смирялись государственные люди: Скорняковъ-Писаревъ, слѣдомъ за Меншиковымъ, занимался хозяйствомъ, ловилъ рыбу, охотился за медвѣдями и сохатыми; Головкинъ далъ 50 рублей казаку, отобравшему верши изгнанника, поставленныя въ рукавѣ рѣки Колымы, и оговорилъ, что, еслибы поступилъ казакъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, онъ затравилъ бы его собаками. Князя Долгорукова смирила ссылка до пономарской должности, Меншикова до работъ плотничьихъ съ топоромъ, и проч. Не смирились крутые нравомъ, какъ Девіеръ (напускавшій страхъ на цѣлой Охотскъ), какъ Минихъ (напускавшій страхъ на воеводу); не смирялись распо-

лагавшіе надеждами на остатки силъ своихъ въ Петербургѣ, какъ Биронъ, предъ которымъ стоялъ воевода безъ шапки, какъ Прасковья Ѳедоровна Салтыкова— невѣста царя Ивана Алексѣевича, заставлявшая въ енисейскомъ монастырѣ своего дядю воеводу стоять у косяка дверей и проч. Не смирился Батуринъ въ Камчаткѣ, увлекшись планами бунта и побѣга, составленными конфедератомъ Беневскимъ, но Ивашкинъ предупреждалъ объ этомъ заговорѣ коменданта Нилова. Не смиряла духомъ ссылка людей молодыхъ и въ особенности не оказала она предполагаемой пользы исцѣленія надъ тѣми паціентами, которые вышли изъ простого народа. Доказательствъ много; приводимъ наиболѣе крупныя и характерныя; на первой разъ два: одно изъ начала прошлаго вѣка; — другое изъ конца его; одно по великому государеву слову и дѣлу, другое по самозванству—по этимъ двумъ основнымъ и главнымъ государственнымъ преступленіямъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь въ прошломъ вѣкѣ довѣрчивые простые люди — сообщники людей «продерзностныхъ» и «самозванцовъ».

При царѣ Ѳедорѣ присланъ былъ въ Сибирь по царственному дѣлу, по приказу бояръ, стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Васильевъ Копытовъ. Въ 1712 году его отправили изъ Тобольска по назначенію въ Нерчинскъ на судахъ. Въ Нарымѣ колодники зазимовали. Здѣсь Копытовъ разсказалъ товарищамъ, что онъ уже побывалъ въ Нерчинскѣ, узналъ тамъ многія царственныя дѣла и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкричалъ тамъ слово и дѣло, былъ потребованъ въ Тобольскъ, просилъ отправить его въ Петербургъ передъ царское величество, но губернаторъ, все то утая, продержалъ его въ тюрьмѣ два года и вотъ теперь обратно шлетъ на старое мѣсто. «Хотя-де мы (говорилъ бывшій стряпчій) и въ Москву писали, да тамъ все воля боярская: что они, бояре хотятъ, то и дѣлаютъ. Нынѣшный царь не печотся о народѣ, а печотся о нѣмцахъ, потому что онъ и самъ ихной породы, а не царскаго кореня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человѣкъ 12, и мы ночи сиживали надъ святыми книгами, а съ нами бесѣдовалъ верховой священникъ и сказывалъ мнѣ и товарищамъ моимъ: «какъ-де воцарился государь царь и великій князь

Алексѣй Михайловичъ и совокупился съ царицею Натальею Кириловною и она де государыня рожала царевенъ. И близъ рожденія онъ, государь, изволилъ ей, царицѣ, говорить: «ежели-де будетъ царевна, я-де тебя постригу». И она, государыня царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матвѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ. И когда родила царевну, Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокровенно — взялъ изъ нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто той царевны, а царевну отдалъ въ нѣмецкую слободу, вмѣсто того младенца, и понынѣ она въ нѣмецкой слободѣ жива, и по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣевичу, великое время стало отъ нея царицы за такое умышленіе». Слѣпой старикъ Копытовъ разсказалъ эту сплетню сначала одному (дозорщику Левшутину) потомъ и другимъ колодникамъ, приглашеннымъ Левшутинымъ въ свидѣтели тайно. Левшутинъ объявилъ нарымскому воеводѣ за Копытовымъ слово и дѣло, но получивъ въ отвѣтъ: «пожалуйста помолчи здѣсь немного, мнѣ такихъ дѣлъ вѣдать не дано», — сталъ искать случая отправиться въ Москву. Съѣхалъ онъ изъ Тобольска съ государевымъ желѣзомъ; послѣ сдачи его въ сибирскомъ приказѣ получилъ пропускъ, но остался въ Москвѣ ожидать государя. Не дождавшись, пошолъ онъ въ Низовые города для свиданія съ родными, а по пути зашолъ въ Керженскіе лѣса къ раскольникамъ. Здѣсь онъ натолкнулся на новыхъ недовольныхъ: говорили ученые керженскіе старцы, что царь—антихристъ, архіереи—еретики, а всѣ господа по милости государевой—антихристовы слуги и грабители. Для подкрѣпленія своихъ словъ показывали и тетрадки разныя и книжки. На пыткахъ и допросахъ не отреклись отъ своихъ словъ, когда Левшутинъ снова выкричалъ на нихъ и въ Нижномъ и въ Москвѣ государево великое слово. Левшутинъ также устоялъ на доносѣ; и при мукахъ четырехъ пытокъ, и въ хомутѣ на подъемѣ, а на дыбѣ подъ кнутомъ; двое оговоренныхъ на пыткахъ померли; третій устоялъ и былъ сосланъ на каторгу. Левшутина отпустили на волю шататься по лицу земли родной и только теперь можетъ быть выучили заграждать уста и не сказывать князю-папѣ Ромодановскому про тѣ тайныя дѣла, которыя слышали уши. Можетъ быть, въ Левшутинѣ и пропала страсть къ сплетнямъ на государево имя и угомо-

нилась въ немъ пытливость въ сомнѣніяхъ на счотъ заслугъ Петра передъ народомъ. Не угомонила каторга другихъ убѣжденныхъ. Не въ нихъ была сила, не въ ихъ личномъ характерѣ поддержка, смѣлость и устойчивость, по въ общемъ предубѣжденіи, въ народной довѣрчивости, воспитанной духомъ времени и поддерживаемой стоустой молвой.

Самозванца солдата Кремнева, выдававшаго себя за Петра III, поддерживалъ мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ, и не только (какъ сказано въ указѣ) самъ тому вѣрилъ, «но и всѣхъ вообще совсѣмъ вѣроятія недостойными и развращонными доказательствами подкрѣплялъ и увѣрялъ». За такую довѣрчивость его наказывали кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ чинилъ увѣренія и подписи; возили его съ привязанною на груди доскою, гласившею: «помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и свидѣтель»; выжгли ему на лбу знаки двухъ словъ, означавшихъ «ложный свидѣтель», и сослали въ Нерчинскъ въ работу вѣчно. Въ Нерчинскѣ Евдокимовъ присталъ къ новому самозванцу и снова довѣрчиво ему покорился, во всемъ помогалъ и всѣмъ о его ложномъ увѣреніи разсказывалъ. Въ свою очередь и этотъ самозванецъ сдѣлался на каторгѣ таковымъ не впервые и также не былъ вразумленъ дальною ссылкою и тяжолыми работами.

Этотъ самозванецъ (ускользнувшій отъ вниманія изслѣдователей замѣчательнаго явленія въ русской жизни, представляемаго самозванствомъ) былъ солдатомъ брянскаго пѣхотнаго полка, и назывался Петромъ Чернышовымъ. Въ Изюмскомъ уѣздѣ въ домѣ попа Иванецкаго, при немъ, при попадьѣ и дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и потомъ увѣрялъ въ томъ же крестьянъ, и при этомъ плакалъ. Чернышовъ избавленъ былъ отъ смертной казни, но жестоко наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно. За нимъ отправился туда же и распопа Иванецкій. Въ 1763 году Чернышовъ, съ именемъ секретнаго арестанта, заключонъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Днемъ его выпускали на работу вмѣстѣ съ прочими колодниками,—на ночь запирали въ секретной казематъ одного. На работахъ съ нимъ видались многіе, но говорили не всѣ. Ссыльный попъ Левъ

Евдокимовъ пришолъ съ осьминой водки, подпоилъ виномъ сторожа, и отъ секретнаго арестанта узналъ, что онъ — бывшій императоръ Петръ Третій. Двое другихъ ссыльныхъ (Карповъ и Ѳирсовъ) подтверждали тоже самое: одинъ разсказывалъ, что въ бытность его въ услуженіи въ Москвѣ у грузинскаго царевича Егора, Петра III видалъ, и что секретной арестантъ имѣетъ съ нимъ поразительное сходство; другой ссыльной сказывалъ, что Петра III видалъ въ 1763 году въ Петербургѣ въ тайной канцеляріи, и что Чернышовъ на лицо таковъ же, какъ и императоръ. Самъ же Чернышовъ разсказывалъ всѣмъ, что «бывши въ Воронежской губерніи для осмотру состоявшихъ въ оной полковъ, подъ видомъ солдата, былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ». Успѣхъ разсказовъ превзошолъ всякія ожиданія: не только повѣрили всѣ на заводѣ, но и изъ дальныхъ мѣстъ стали приходить крестьяне взглянуть на царя и принести ему всякіе подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины; наконецъ, лошадей съ наказомъ, чтобы «какъ можно старался бѣжать, а хлѣбомъ не оставятъ». Подалъ о себѣ голосъ и расопа Иванецкій, жившій въ Уровской деревнѣ, приславшій Чернышову письмо такого содержанія: «Премилосердый мой государь, Петръ Ѳедоровичъ! желаю вамъ здравствовать на многія лѣта.... Чрезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда, или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться?»... Евдокимовъ за Чернышова написалъ такой отвѣтъ: «О чемъ вы изволите писать и слышать хочете о благополучіи, пріѣзжалъ генерала комисенской отъютантъ, ходилъ въ тюрьму, осмотрѣлъ Петра Ѳедорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ, и писалъ къ Петру Ѳедорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе прилагать»... Дѣйствительно, адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышова и опозналъ его императоромъ. Самъ генералъ Ивашовъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ и осматривалъ Чернышова. Молва неслась все дальше и выше, и успѣла поднять сильныхъ войсками тунгузскихъ князей Гантимуровыхъ. Одинъ изъ братьевъ наказывалъ передать Чернышову о готовности своей собрать тунгусовъ и взять его изъ тюрьмы разбоемъ: «пріѣдемъ въ

заводъ: у меня ни одинъ человѣкъ и въ окно выглянуть не смѣетъ». Чернышовъ, заручившійся обѣщаніями помощи, гвоздемъ отперъ замокъ цѣпи, на которую былъ посаженъ, увилъ платкомъ ножные кандалы, чтобы не бряцали, и по кушаку, съ помощію друзей, вышелъ на волю. Бродилъ онъ по окрестностямъ долго, заблудился, 11 дней шолъ голодомъ, пришолъ въ безсиліе, и на 12-й день, выйдя изъ всякаго терпѣнія, добровольно отдался въ руки судей. Въ Нерчинскомъ заводѣ началось слѣдствіе, собрали всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, дѣлали допросы и очныя ставки, путались въ трущобахъ разнорѣчивыхъ показаній и уловокъ; но не могли приступить къ суду за недостаткомъ твердыхъ убѣжденій. Къ тому же, и князь Гантимуровъ сдержалъ свое слово, привелъ въ заводъ свою команду, болѣе ста вооруженныхъ тунгусовъ. Въ коммиссію онъ не пошолъ, ссылаясь на то, что не принадлежитъ къ горной командѣ; отвѣтовъ никакихъ не давалъ, и продолжалъ свободно гостить у генералъ-майора Ивашова. Однако, дѣло кое-какъ довели до конца. Въ 1770 году изъ Петербурга было написано оставить сообщниковъ безъ вниманія, кромѣ Өирсова, котораго велѣно наказать плетьми, но изъ-подъ караула освободить. Чернышова же указано наказать кнутомъ публично при заводскихъ жителяхъ, повѣрившихъ его разглашенію, потомъ заклеймить, какъ человѣка дерзкаго и злаго, и сослать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣть употреблять его въ тяжкихъ работахъ. Въ 1771 году приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чернышовъ до Мангазеи не доѣхалъ: онъ умеръ по дорогѣ въ Енисейскѣ, оставивъ послѣ себя собственные пожитки: войлокъ, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрышки, «а и ещо имѣлась при оном арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта подъ него подстилана, и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила, и затѣмъ брошена» *).

Это событіе, со включеніемъ участія ссыльнаго въ Камчатку Батурина въ смѣломъ побѣгѣ Бенёвскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ во

*) Подробный разсказъ объ этомъ событіи, см. ниже въ статьѣ: «Исторія каторги: Нерчинскіе рудники и промыслы».

всей Европѣ, служитъ дополненіемъ весьма немногихъ другихъ, оживляя однообразную жизнь изгнанниковъ за государственныя преступленія и освѣщая мрачную ночь неволи. Остальные изгнанники остались для страны невѣдомыми, безполезными и лишними. Съ одинаковымъ удобствомъ ихъ могли бы довести до ускоренной смерти въ монастыряхъ и тюрьмахъ русскихъ, и, конечно, старинному воззрѣнію на людей этихъ вовсе не нужно было такихъ героевъ, какъ Ивашкинъ, проживший въ Камчаткѣ (въ Большерѣцкѣ) тридцать-пять лѣтъ, и когда ему разрѣшена была свобода, не только не принявшій права, но и неимѣвшій никакого интереса въ возвратѣ. Онъ, какъ милости, просилъ дозволенія остаться въ странѣ, гдѣ выучился ловить себѣ рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обученіемъ дѣтей грамотѣ и исправленіемъ должности дьячка. Въ 1770 г., за 15 лѣтъ до того, его еще интересовало возвращеніе, и онъ писалъ о томъ просьбу къ губернатору; когда же ему перевалило за 60 лѣтъ— онъ могъ отвѣчать на милость только такими словами: «куда мнѣ ѣхать при такой дряхлости! Я чувствую, что не переживу моего переселенія и умру на дорогѣ». Такихъ героевъ жестокосердый до утонченности вѣкъ не желалъ; симпатіи его обращались въ другую сторону, изъ которой доносились рапорты комендантовъ и отписки монастырскихъ настоятелей, что такой-то нумеръ (такой-то безъименной секретной арестантъ) умеръ. До этого извѣстія, утѣснителямъ пріятно было назначать для жительства самыя голодныя мѣста (зимовья), самые глухіе остроги, которые до настоящаго времени представляютъ крайнее безхлѣбье и безлюдье. Старымъ вершителямъ человѣческихъ судебъ пріятно было забыть не только о событіяхъ, но и о лицахъ, по примѣру того, какъ на 35 лѣтъ забытъ былъ Ивашкинъ, сказавшій, по увлеченію молодости и въ пьяномъ видѣ, своимъ товарищамъ неосторожное слово про Елизавету. Такъ же забытъ былъ нѣкто Родіонъ Ковалевъ, 25 лѣтъ просидѣвшій на цѣпи въ Селенгинскомъ монастырѣ до того времени, когда, по уничтоженіи тайной канцеляріи, отворили монастырскія тюрьмы и выпустили заточниковъ. Ковалевъ, конечно, оказался сумасшедшимъ, какъ и всѣ другіе, остававшіеся въ живыхъ, но онъ, сверхъ того, разучился уже говорить до нѣмоты. Одна бумага сохранила его прежнее зва-

ніе, и объявила, что онъ былъ подпоручикомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка, но не было другой, которая сказала бы объ его винахъ, а въ жизни настоящей не было, конечно, ни единаго штриха, который бы могъ свидѣтельствовать о степени его вреднаго вліянія и великой важности преступленія. Многіе погибли безвѣстно: такъ между сотнями таковыхъ сосланныхъ при Аннѣ Биромъ—одному усердному изслѣдователю ссыльной старины Сибири (Л. С. Сельскому) извѣстенъ одинъ изъ такихъ защитниковъ, сосланный въ Анадырской острогъ безъ означенія имени и виновности. «Когда возникла переписка о всѣхъ, находящихся въ Камчаткѣ и Охотской области (говоритъ г. Сельскій *), то изгнанникъ анадырской отмѣченъ умершимъ». Какая-то секретная арестантка (безъ означенія имени) числилась въ 1753 году въ Селенгинскѣ и осталась неизвѣстною въ описи дѣлъ, видѣнныхъ нами въ архивѣ бывшей ратуши этого города. Генералъ-прокуроръ Вяземской принужденъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ настояніямъ, чтобы отыскивали заключениковъ и оказывали имъ милость, но на большую часть предписаній получалъ въ отвѣтъ, что узнать имена ссыльныхъ и мѣста заточенія нѣтъ никакой возможности. Иные являлись съ перемѣннымъ именемъ изъ Россіи, другихъ переименовывали на мѣстахъ ссылки. «Иногда (свидѣтельствуетъ Манштейнъ въ своихъ мемуарахъ) приказывали дѣлать такую перемѣну, не увѣдомляя о томъ и тайную канцелярію». Исчезли всякіе слѣды въ народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветой, о Толстыхъ, Бутурлинѣ и проч. Объявлялись неизвѣстные, въ родѣ бывшаго флигель-адъютанта Де-ла-Тосоньера и проч., и оставались неизвѣстными ссыльные въ родѣ Афанасія Петровича, извѣстнаго въ Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Помнятъ, что онъ былъ старъ и бодръ, и отличался хорошимъ платьемъ. Въ народѣ ходили различные толки **). Какъ въ прошломъ, такъ и въ предшествововшемъ ему вѣкѣ отнимали у ссыльныхъ всякую возможность

---

*) Въ статьѣ своей «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ».

**) Считали его бояриномъ, сосланнымъ Павломъ. Говорили, что когда везли его въ Петербургъ обратно и на день остановились въ Тобольскѣ,

свободнаго употребленія своихъ силъ и способности на пользу страны, и въ исполненіе основной и существенной идеи всякой колонизаціи. Лишь только тамъ, гдѣ, по случайнымъ привиллегіямъ, предоставлялась какая либо свобода и оставался хотя малѣйшій просторъ для малѣйшей самодѣятельности ссыльныхъ, полезное вліяніе ихъ не медлило обнаруживаться. Впрочемъ, разведеніе Меншиковымъ огорода въ холодномъ и безплодномъ Березовѣ, учрежденіе богадѣльни его осиротѣлымъ семействомъ тамъ же, заведеніе школы Миних омъ въ пустынномъ Пелымѣ, школа Ивашкина въ Камчаткѣ, опыты разведенія лошадей и рогатаго скота въ тундрахъ Нижнеколымска — единственные памятные слѣды ссыльной жизни государственныхъ преступниковъ прошлаго вѣка *). Обезпеченіе границъ съ Китаемъ услугами гетмана Демьяна Многогрѣшнаго за Байкаломъ — единственное крупное явленіе въ исторической жизни ссыльныхъ, но и оно принадлежитъ ко временамъ болѣе глубокимъ, къ событіямъ XVII вѣка. Въ XVIII на преступниковъ «секретныхъ» смотрѣли, какъ на людей, преисполненныхъ презѣльнаго яда; боялись допускать ихъ до сношенія съ людьми даже въ случаяхъ необходимости, при недостаткѣ кормовыхъ, ходить по міру и просить подаянія, «чтобы колодники не разсказали въ народѣ тѣхъ словъ, за что они были сосланы».

«Великоважность» преступниковъ понималась приставниками или такъ, что поступали съ ними круто и безсердечно,—или опасливостью, великими затрудненіями на крайные случаи болѣзни и при необходимости подать какую-либо помощь и оказать содѣйствіе. Долгорукіе въ Березовѣ получили 15 розогъ за игру въ горохъ и видали своего пристава, ходившаго на бесѣду съ ссыльными

онъ, при видѣ губернатора Канцевича, стоявшаго у полуотворенной двери, сказалъ ему: «Ну, Канцевичъ, гатчинскій любимецъ! Ты еще не узналъ меня?»

*) Опытъ Менгдена не былъ удаченъ: лошадей развести ему не удалось въ неудобныхъ колымскихъ тундрахъ. Въ этомъ отношеніи былъ счастливъ другой ссыльный въ архангельскую тундру, В. В. Голицынъ, положившій основаніе крѣпкой породѣ мезенокъ, долгое время пользовавшихся большою извѣстностію на всемъ сѣверѣ Россіи.

дамами въ солдатской епанчѣ, накинутой на рубашку, и въ туфляхъ на босую ногу. «Дай Богъ (говоритъ Нат. Бор. Долгорукая въ своихъ запискахъ), дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глупый офицеръ былъ! Ему казалось подло съ нами говорить; однако со всею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Я была всѣхъ моложе и невоздержна, не могу терпѣть, чтобы не смѣяться, глядя на его смѣшную позитуру. Онъ, это видя, что я ему смѣюсь, какъ-то разъ ему пришлось примѣтить, говоритъ: «теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ. Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала невинность наша». Когда пересылаемый въ Сибирь Ивашкинъ на дорогѣ заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ донесъ рапортомъ, что онъ не перенесетъ дороги изъ Иркутска и умретъ,— врачъ Ваксманъ не рѣшился ему помочь, хотя и нашолъ, что Ивашкинъ весь распухъ отъ внутренной болѣзни и имѣетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ.

Болѣе счастливы были тѣ узники, которые, съ перемѣною правленія, считались оправданными и успѣвали дожить до воцаренія своихъ благодѣтелей. Въ такихъ случаевъ нѣкоторыя милости не ограничивали себя тѣсными предѣлами: возвращонные (какъ Долгорукіе) приглашались снова на поприще государственной дѣятельности; ссыльныя женщины, обрекавшіяся на монастырское заточеніе и на монашеское постриженіе, разстригались. Такъ съ постриженныхъ дочерей Артемія Волынскаго (Анны въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ и Маріи въ енисейскомъ Рождественскомъ) сняли монашескій чинъ и отпустили на житье въ Москву *). Өед. Ив. Сойминовъ, любимецъ Петра I, успѣвшій однажды спасти ему жизнь, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, первый составившій карту Бѣлаго моря и описавшій впервые берега Каспійскаго, изъ вице-президентовъ адмиралтействъ-коллегіи въ 1740 году попалъ въ Сибирь за участіе въ дѣлѣ Волынскаго, на-

*) Анна вышла замужъ за Нарышкина, Марія осталась монахиней въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей.

казанъ кнутомъ и сосланъ былъ Бирономъ въ каторжную работу на Охотской соловаренной заводъ. Сосланъ онъ былъ съ вырванными ноздрями, которыя однако—по преданію—искусный лекарь въ Сибири заростилъ кускомъ мяса, вырѣзаннымъ изъ лѣвой руки невиннаго страдальца. Елизавета Петровна, тотчасъ по восшествіи на престолъ, признала его невиннымъ, возвратила шпагу и позволила жить, гдѣ пожелаетъ. Сойма новъ однакожъ все-таки ещо 16 лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибири безъ всякаго званія, но не безплодно воспользовался свободою: въ 1753 году онъ измѣрялъ фарватеръ Шилки и развѣдывалъ первымъ пути по Амуру. Въ 1757 году, именнымъ указомъ, онъ изъ ссыльнаго, жившаго на пропитаніи, сдѣлался сибирскимъ губернаторомъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой должности, оставили глубокіе слѣды признательности въ преданіяхъ старожиловъ и крупныя доказательства его знаніямъ и службѣ странѣ. Въ Миллеровомъ журналѣ «Ежемѣсячныя сочиненія» сохранились замѣчательные ученые труды бывшаго изгнанника («Сибирь—золотое дно, Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ и Письмо россійскаго навигатора къ молодому Зейману»). Въ Охотскѣ устроена была имъ морская школа, при Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ маякъ и гавань; имъ же уничтоженъ анадырскій острогъ для облегченія несчастныхъ коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ непосильною перевозкою туда провіанта и разныхъ припасовъ. Имъ положено начало устройству главнаго сибирскаго тракта чрезъ Барабу, раздѣлявшую обѣ Сибири, и Сойма новымъ оживленную населеніемъ ямщиковъ. Въ 1759 г. при немъ Омская линія была устроена такъ, что съ этого времени набѣги киргизовъ сдѣлались рѣже и южные округи края могли идти впередъ по пути развитія. Въ 1763 г. Сойма новъ, сдѣланный сенаторомъ, уступилъ свое мѣсто знаменитому и памятному сибирскому народу «батюшкѣ Денису» (Д. Ив. Чичерину). Послѣ безполезнаго для края Салтыкова, сосланнаго въ Сибирь воеводою вмѣстѣ съ племянницею (впослѣдствіи женою царя Ивана Алексѣевича *), ссыльный Сойма новъ

*) Салтыковой изо всѣхъ ссыльныхъ женщинъ жилось лучше и свободнѣе: она пріѣхала со штатомъ дѣвицъ, уѣхала съ великою честію. Могла

былъ единственнымъ административнымъ лицомъ въ мѣстѣ изгнанія и послѣ Многогрѣшнаго—вторымъ по времени,—оказавшимъ несомнѣнныя услуги ссыльному краю.

Для всѣхъ другихъ ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ, намъ извѣстныхъ, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участіемъ и помощію простыхъ сердецъ, видѣвшихъ мученія жертвъ и спѣшившихъ на помощь, на сколько это было возможно. Многихъ изъ далекихъ зимовьевъ губернаторы брали на себя смѣлость переводить на житье въ губернскіе города. Камчатскій губернаторъ Козловъ уважалъ Ивашкина за отца и обязанъ былъ ему многими полезными совѣтами по дѣламъ управленія, въ чемъ лично убѣдился и о чемъ свидѣтельствуетъ знаменитый Лаперузъ. Впрочемъ, и здѣсь мщеніе издалека не медлило налагать свою тяжолую руку: одинъ изъ провожатыхъ казаковъ, доставившій письмо отъ Гурчанинова кому-то въ Якутскѣ, высѣченъ нещадно кнутомъ, «дабы для другихъ было неповадно». Одинъ изъ жиганскихъ жителей, передавшій князю Черкасскому (сосланному въ 1734 г.) псалтырь, также наказанъ былъ кнутомъ и переселенъ въ дальное зимовье. 31 человѣкъ изъ жителей Березова и Обдорска, приверженныхъ къ Долгорукимъ, темною и дождливою ночью, были схвачены, посажены на судно и сплавлены въ Тобольскъ. Не смотря на личное ходатайство сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго, священнику Кузнецову вырвали ноздри, лишили сана и наказали кнутомъ; священниковъ Прохорова и двухъ Васильевыхъ и дьякона Кокоулина выбили плетьми и, безъ лишенія сана, сослали на каторгу въ Охотской портъ. Елизавета ихъ возвратила; Долгорукіе пригласили ихъ съ собою: березовскіе священники не согласились, рѣшившись дожить вѣкъ въ Березовѣ, но обдорскій священникъ и дьяконъ выѣхали въ Москву, въ домовую церковь Долгорукихъ.

Во всякомъ случаѣ, молва о страданіяхъ, о набожности, о смиренной покорности службѣ ссыльныхъ ушла въ преданіе. Разрыхли-

---

держать себя гордо: не допускала къ себѣ никого, удостоивала честью посѣщенія только игуменью, и не позволяла передъ собою садиться даже дядѣ-воеводѣ. Содержалась она въ Енисейскомъ монастырѣ.

лась почва, предназначенная для будущихъ несчастныхъ этого рода въ такой мѣрѣ, что въ туземномъ населеніи приготовились иныя воззрѣнія на этихъ людей, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ секретныхъ. При неусыпномъ надзорѣ они исторгли уваженіе даже среди униженій и страданій. Туземное населеніе, вопреки увѣреніямъ противной стороны и при видѣ частыхъ перемѣнъ судьбы этихъ ссыльныхъ къ лучшему и къ полному прощенію, воспиталось въ наибольшей готовности содѣйствія и помощи и укрѣпилось въ этомъ обязательствѣ въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и крупныхъ добродѣтелей многихъ изъ ссыльныхъ. Настоящій вѣкъ, хвастливый своими гуманными доблестями, увидѣлъ это явленіе въ характерѣ сибиряковъ въ самыхъ яркихъ чертахъ и убѣдился въ его существованіи многочисленными ясными и безспорными доказательствами. «Мы видѣли—говоритъ одинъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года—сибирскихъ мужиковъ, стоявшихъ на дорогѣ на холодѣ (въ зиму 1826 г.), подъ открытымъ небомъ. Это былъ обычай жителей собираться изъ окрестныхъ деревень на большую дорогу и дожидаться «несчастныхъ», чтобы продать имъ съѣстные припасы, теплые чулки и т. под. Бѣднѣйшіе получали эти предметы даромъ. Это бываетъ по два раза въ недѣлю. Я узналъ послѣ, что это христіанское обыкновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ». Между петровскимъ временемъ, когда за плѣнныхъ шведовъ сибиряки гнушались выдавать своихъ дочерей и вызвали насильственныя мѣры, и настоящимъ вѣкомъ, обильнымъ ссылкою поляковъ, лежитъ уже цѣлая бездна. Томскіе жители, не принимавшіе къ себѣ на квартиру декабриста Батенкова, представляютъ единственный примѣръ, обладающій всѣми свойствами исключительнаго и страннаго явленія.

Ссылка декабристовъ. — Путь ихъ по Россіи и Сибири. — Фельдъегери. — Встрѣчные. — Губернаторы. — Каинскій городничій. — Судьба первыхъ восьми. — Жизнь до Читы. — Волконскій. — Трубецкой. — Оболенскій. — Братья Борисовы. — Якубовичъ. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Броневскій. — Благодатскій рудникъ. — Свиданія. — Столкновенія. — Прапорщикъ Рикъ. — Приставъ Лепарскій. — Прибытіе остальныхъ декабристовъ. — Встрѣча. — Пребываніе въ Читѣ. — Помѣщеніе. — Казематы. — Поэтъ Одоевскій. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Болѣзнь неволи. — Исторія Сухинова. — Бунтъ въ Кличкинскомъ рудникѣ. — Судъ и казни. — Новыя правила. — Строгости. — Дубининская исторія. — Инструкція караульнымъ. — Смольяниновъ и его жена. — Штабъ Лепарскаго. — Клубъ. — Переписка съ родными. — Ослабленіе строгостей. — Общій столъ. — Домашныя занятія и самовоспитаніе. — Корниловичъ. — Мухановъ. — Никита Муравьевъ. — Пушкинъ. — Д. И. Завалишинъ. — Докторъ Вольфъ. — Арт. Зах. Муравьевъ. — Кюхельбекеръ. — Лунинъ. — Юшневскій. — Музыка. — Бороды. — Недекабристы. — Религіозность. — Женщины героини. — Трубецкая. — Губернаторъ Цейдлеръ. — Волконская. — Правила для женъ. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонъ-Визина. — Давыдова. — Анненкова. — Янтальцова. — Розенъ. — Дѣти.

—

Представляемыя здѣсь свѣдѣнія собраны на мѣстахъ, въ самомъ источникѣ, какъ и всѣ тѣ, которыя вошли въ составъ этого сочиненія и которыя провѣрены подлинными документами, какъ очевидно это для внимательнаго читателя. На этотъ разъ возможность повѣрки матеріаловъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, обезпечивалась наибольшимъ успѣхомъ. Автору этой статьи привелось ознакомиться съ записками и сказаніями десяти узниковъ, на большую часть говорящихъ въ одно и тоже время объ однихъ и тѣхъ же предметахъ: стало быть при столь частыхъ противорѣчіяхъ, когда многимъ измѣнила память или индивидуальныя воззрѣнія, можно было доискиваться истины въ сопоставленіи различныхъ мнѣній и придерживаясь мнѣнія большинства. Сверхъ лично добытыхъ свѣдѣній, черезъ разспросы и справки въ архивахъ, авторъ дополнилъ и провѣрилъ свѣдѣнія по запискамъ слѣдующихъ декабристовъ: по печатнымъ — А. П. Оболенскаго, М. А. Бестужева, И. Д. Якушкина, автора книги «Мемуары декабриста»; по рукописнымъ запискамъ: Н. В. Басаргина, барона Соловьева, Д. И. Завалишина, бар. Штейнгеля; по разсказамъ И. И. Горбачевскаго и по собственно-ручнымъ письмамъ Н. А. Бестужева. Сверхъ того въ рукахъ автора этой статьи были рукописныя записки ген.-губ. Восточной Сибири С. Б. Броневскаго, многія печатныя свѣдѣнія (напр. Е. П. Ковалевскаго «Графъ Блудовъ и его время», мелкія

замѣтки, разбросанныя по журналамъ) и сверхъ того многочисленные разсказы туземцовъ-современниковъ, собранные во время двухгодичной поѣздки автора по Сибири въ 1859—1861. Наиболѣе другихъ въ этомъ исправленномъ и значительно дополненномъ изданіи авторъ пользовался матеріалами и данными, готовно и радушно переданными Дм. Ирин. Завалишинымъ.

Тоже состраданіе къ участи обреченныхъ въ ссылку, исходящее изъ непосредственныхъ чувствъ богатаго русскаго сердца, тоже беззавѣтное участіе всѣхъ случайныхъ свидѣтелей встрѣтило и провожало до крайныхъ предѣловъ изгнанія и этихъ новыхъ ссыльныхъ 1826 года, получившихъ по дорогѣ въ Сибирь и въ самой странѣ изгнанія прозваніе «князей». На этотъ разъ это состраданіе и участіе, составляющія привиллегію русскаго народа, выразились съ большею полнотою и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Если обыкновеннымъ «несчастнымъ» успѣваютъ пособлять только встрѣчные— и «милостивцы» являются въ видѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, то на этотъ исключительный разъ тѣ же чувства готовно высказались и со стороны высшихъ сословій, людей большаго образованія, способныхъ сознавать и давать отчотъ въ собственныхъ поступкахъ. На этотъ разъ христіанскія чувства успѣли обнаружиться даже на самыхъ первыхъ шагахъ въ неволѣ. Петръ Николаевичъ Мысловской, протоіерей Казанскаго собора, избранный въ духовные отцы заключеннымъ и въ видахъ содѣйствія слѣдственной коммиссіи, сталъ единственнымъ и беззавѣтнымъ ихъ другомъ. Изъ постояннаго собесѣдника и утѣшителя онъ превратился для нихъ въ коммиссіонера, умѣвшаго, среди опасностей риска, съ осторожностью, находившею силы въ искренности чувствъ христіанской любви, быть посредникомъ между заключенными и ихъ родными. Его содѣйствію, между прочимъ, обязаны были жены ссыльныхъ тѣмъ, что за день узнавали о тщательно скрываемыхъ срокахъ отправленія мужей своихъ и имѣли возможность видѣться съ ними на дорогѣ. Ему, въ благодарность за благодѣянія, завѣщалъ Рылѣевъ одну изъ своихъ золотыхъ табакерокъ.

Комендантъ объявляли приговоры о ссылкѣ со слезами на глазахъ; обращались учтиво, такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ приводилось выслушивать самую искренную и сердечную благодарность. Плацъ-адъютантъ крѣпости, адъютанты военнаго министра (Татищева), посланные быть свидѣтелями отправленія приговоренныхъ въ Сибирь и обязанные слѣдить, чтобы ссыльные не имѣли при себѣ денегъ, передаютъ въ руки деньги свои собственныя, и довѣренныя имъ родными приговоренныхъ, и отобранныя при арестѣ. Передавая деньги, люди эти усердно просили дать имъ новую коммиссію, предлагали услуги передать какое-либо порученіе роднымъ. Прощаясь, они обнимали и плакали. Солдаты и всѣ приставники сильно мирволили; одинъ офицеръ, водившій гулять на берегъ Невы у крѣпости, рекомендовалъ даже иностранное судно для побѣга за границу и обязывался устроить побѣгъ на 2 тыс. руб. для всѣхъ заключенныхъ.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытія поѣзда (съ четырьмя тройками назади, на которыхъ сидѣли ссыльные по одному въ экипажѣ, съ однимъ жандармомъ на каждаго), гнали во всю прыть только по Петербургу; за заставой ѣхали обычною рысью, на станціяхъ намѣренно медлили во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для свиданія встрѣчались съ путешественниками ихъ жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цѣпи на ночь позволяли снимать съ ногъ; служили поварами, завозили, къ помѣщикамъ въ гости, когда заѣхали въ глушъ Вятской и Пермской губерніи; были покорными слугами. Жандармы также прислуживали съ готовностью и радѣніемъ, оправдываясь тѣмъ, что приказано-де обходиться вѣжливѣе и беречь здоровье. Смотрители на станціяхъ старались угодить, чѣмъ могли, накормить и напоить всѣмъ, что имѣли.

Одну партію (4-хъ человѣкъ) на станціи за Шлиссельбургомъ встрѣтила со слезами кучка женщинъ, предлагавшихъ деньги, бѣлье, платье: это была случайно проѣзжая помѣщица, ѣхавшая изъ имѣнія съ дочерьми въ Петербургъ. Другая партія (также изъ 4 человѣкъ) на почтовой станціи въ Рыбинскѣ, получившая дозволеніе отдохнуть, нашла одну изъ двухъ комнатъ съ диваномъ и кроватью, занятою проѣзжими, и потому размѣстилась на полу первой. Но

лишь только они успѣли лечь, отворилась дверь сосѣдней комнаты и проѣзжій вышелъ оттуда съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одинъ несъ подушку, другой— узелъ. На извиненіе о безпокойствѣ, причиненномъ бряцаньемъ кандаловъ, проѣзжій учтиво отвѣчалъ: «Прошу васъ, господа, въ мое помѣщеніе: оно теплѣе и вы тамъ лучше отдохнете. Вашъ путь великъ, а мой только до Петербурга». Незнакомецъ этотъ былъ адмиралъ съ георгіевскимъ крестомъ, ѣхавшій отдавать сыновей своихъ въ Петербургѣ въ кадетской корпусъ. Пока эта партія собиралась обѣдать въ гостинницѣ, въ городѣ Ярославлѣ, на площади собрался народъ. Въ $^1/_4$ часа площадь переполнилась народомъ такъ, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло мѣры предосторожности: у воротъ извнѣ поставлены были съ обнажонными саблями жандармы; на тройки въ сани усаживались при запертыхъ воротахъ и, едва лишь послѣднія были отперты, съ быстротою птицы тройки полетѣли черезъ площадь. Одинъ изъ ѣхавшихъ едва успѣлъ поднять руку, чтобы снять шапку, какъ уже вся толпа обнажила головы и всѣ кланялись съ чувствомъ самаго искренняго участія. «О народной мести — замѣчаетъ одинъ изъ свидѣтелей этой сцены — и рѣчи быть не могло». Слѣдовавшую за этой партію народъ продолжалъ убѣждать въ противномъ: толпясь около телѣгъ и повозокъ, онъ бросалъ свои мѣдные гроши. Одну копѣечку, полученную отъ нищей старухи, Ник. Вас. Басаргинъ хранилъ, какъ драгоцѣнность. Въ Ярославлѣ одной партіи разрѣшено было губернаторомъ пробыть 6 часовъ и все время провести въ свиданіи съ родными; фельдъегерь не противился проводомъ родныхъ этихъ до слѣдующей станціи и не мѣшалъ сдѣлать книжные запасы. Когда случайно съѣзжались двѣ партіи, нѣкоторые фельдъегери не задумывались согласиться ѣхать вмѣстѣ и не мѣшали обмѣну мыслей долго невидавшихся другъ съ другомъ товарищей, въ теченіи не одного дня (въ Иркутскѣ давалось прожить въ тѣсномъ кружкѣ товарищей болѣе недѣли). Въ городахъ чиновники, на станціяхъ этапные офицеры — всѣ относились съ участіемъ; во всѣхъ это участіе было неподдѣльно. Ямщики привязывали къ саннмъ кибитки, бережно обкладывали ноги сѣномъ. Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи проѣзжихъ сдѣлали обѣдъ и

балъ; другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщонныя окна и соблазнившись долетавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегеря нарядиться «ряженными»; въ видѣ медвѣдя съ козой и проводниками пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ пришлыхъ танцорахъ, опять надѣли кандалы и поѣхали дальше на каторгу.

Дорогою путешественники избѣгали говорить по-французски, зная, что фельдъегерямъ дано право, въ случаѣ нарушенія этого приказанія, оставлять безъ обѣда. Тобольскій гражданскій губернаторъ, Бантышъ-Каменскій (издатель извѣстнаго въ литературѣ «Словаря»), дарилъ двухдневнымъ отдыхомъ, заботливо разспрашивалъ о нуждахъ, о здоровьѣ; полиціймейстеръ отлично угощалъ, предлагая до 12 сортовъ всякихъ рыбъ, живущихъ въ сибирскихъ рѣкахъ. Отъ Тобольска въ проводники выдавались уже чиновники, и Бантышъ, прощаясь съ проводниками, говорилъ послѣднимъ: «Примите арестантовъ, но помните, что вы имѣете дѣло съ благовоспитанными людьми». Въ Тарѣ тѣмъ же гостепріимствомъ встрѣчалъ полиціймейстеръ Степановъ, кавказскій воинъ временъ Ермолова, который, будучи привлечонъ къ отвѣту, умѣлъ отвѣчать коротко, что руководился заповѣдью христіанской любви. Въ Красноярскѣ жители спорили за право чести принять у себя проѣзжихъ и угостить ихъ: угощалъ хлѣбосольно самъ губернаторъ, Алек. Петр. Степановъ (авторъ «Постоялаго двора» и «Описанія Енисейской губерніи»). Купцы, добившіеся чести накормить «несчастныхъ», принимали въ лучшихъ комнатахъ, угощали по-русски всѣмъ, что было въ печи, топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. Въ Иркутскѣ самую первую партію приняли съ тою же ласкою, какою пользовались остальныя. Исправляющій должность губернатора поговорилъ съ каждымъ съ участіемъ, но особенное вниманіе оказалъ чиновникъ, бывшій свидѣтелемъ разговора. Когда старшіе удалились, онъ остался: со слезами на глазахъ, едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, молилъ каждаго изъ четырехъ не отказаться принять отъ него по 25 руб., не сдаваясь на убѣжденія, что въ деньгахъ путники не нуждаются. Одну изъ позднѣйшихъ

партій въ Каинскѣ городничій, бывшій фельдъегерь, встрѣтилъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, несшихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода, и также убѣдительно приглашалъ принять деньги, говоря: «Ради Бога, примите! Нажилъ не совсѣмъ чисто—взятками. Возьмите: на совѣсти легче станетъ... Семейства у меня нѣтъ, беречь некому; избавите меня — сдѣлаете доброе дѣло». Прочіе чиновники и купечество, по возможности, старались успокоить и доставить развлеченія во время короткаго пребыванія въ городахъ и «никакимъ словомъ, никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, которое неизмѣнно нами сохранилось».

Первую партію обвиненныхъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года, первыхъ восемь отправили въ Сибирь черезъ 11 дней послѣ исполненія приговора верховнаго уголовнаго суда надъ пятью, приговоренными къ лишенію жизни. Сначала повезли четырехъ: Евг. Петр. Оболенскаго, Алек. Иван. Якубовича, Артам. Зах. Муравьева, Вас. Львов. Давыдова; потомъ остальныхъ четырехъ; Сер. Петр. Трубецкаго, Сер. Григ. Волконскаго, и двухъ братьевъ Борисовыхъ (Петра Иван. и Андр. Иван.). По пріѣздѣ: двухъ первыхъ (Оболенскаго и Якубовича) отправили въ Иркутское Усолье, на солеваренный казенный заводъ (за 68 верстъ отъ города), двухъ вторыхъ (Муравьева и Давыдова) въ Александровскій винокуренный (также вблизи Иркутска). Къ этимъ присоединили потомъ братьевъ Борисовыхъ, а Трубецкаго и Волконскаго отправили въ Николаевскій винокуренный заводъ. Поселили на заводахъ Иркутскаго округа потому, что не было предписанія отправить непремѣнно въ Нерчинскіе рудники. Тюремщики, на сколько возможно было, старались облегчать ихъ участь: не запирая въ тюрьму и не смѣшивая съ преступниками, они позволили имъ жить на вольныхъ квартирахъ, но невидимый полицейскій надзоръ наблюдалъ за ними. Надзоръ этотъ давалъ себя чувствовать въ видимыхъ знакахъ осторожныхъ

шаговъ, приближавшихся въ дому, и двухъ глазъ, которые можно было замѣчать сквозъ щели въ ставняхъ. Глаза эти видѣли немногое: либо обѣдъ и ужинъ, довольно впрочемъ сытные, хотя и нероскошные, иногда видѣли шашечную доску и шахматы; уши слышали: либо разсказы о прежней жизни, либо горячіе споры по поводу послѣднихъ событій, послужившихъ причиною несчастія.

Начальники старались быть не только ласковыми, но и внимательными, уступчивыми, снисходительными. Обязанные употреблять ссыльныхъ въ работу, старались заказывать ее только для формы; никакихъ притѣсненій не дѣлали. Съ казенными топорами ссыльные обыкновенно отправлялись на дровосѣки. Въ слухъ приказывалось нарубить дровъ по заводскому положенію, — и въ слѣдъ за тѣмъ на ухо и шопотомъ объявлялось, что должны ходить туда для прогулки и что урокъ, вмѣсто нихъ, исполненъ будетъ другими. Особенно отрадны были эти утѣшенія для тѣхъ, которые попались на солеваренной заводъ и передъ ихъ глазами проходили настоящіе рабочіе, съ ногъ до головы покрытые соленными кристаллами, засохшими на бородѣ, на вискахъ и на платьѣ. Солеварщики работали безъ рубашекъ, по причинѣ необычайной жары, наполнявшей варницу съ накаленнымъ до красна чреномъ (сковородою) и подвергались всѣмъ опасностямъ ревматизмовъ, отсутствія аппетита и проч. и всѣмъ тяжестямъ труда, требовавшаго выливать изъ соленаго источника большое число ушатовъ разсола въ варницу ежедневно, безъ праздничныхъ дней. Передъ поселенными на винокуренныхъ заводахъ стараго допотопнаго дѣла такіе-же живые люди цѣлые дни стояли въ удушливомъ жару въ жиганахъ около печей, или въ заторщикахъ у квашни, когда намоченныя руки зябнутъ ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, а вся одежда покрывается инеемъ, куржавѣетъ, показывая въ перспективѣ лихорадки, постоянную дрожь во всемъ тѣлѣ и то же отсутствіе аппетита. Эта чаша прошла мимо. Особенно искусно отстранялъ ее Крюковъ — начальникъ Усолья, съумѣвшій вызвать благодарность слова на память потомству отъ обоихъ лицъ, довѣренныхъ его дозору и воспользовавшихся его вполнѣ-гуманнымъ обращеніемъ. Такимъ льготамъ суждено было продолжаться недолго, срокъ перваго на-

значенія тянулся лишь одинъ мѣсяцъ съ нѣсколькими днями: всѣхъ восьмерыхъ свезли снова въ Иркутскъ и порадовали только взаимнымъ свиданіемъ. Успѣли ихъ угостить чаемъ, завтракомъ — и на свѣжихъ тройкахъ немедленно отправили въ нерчинскіе рудники, черезъ Байкалъ. Однихъ успѣли перевезти на двухмачтовомъ низенькомъ суднѣ, другихъ по такъ-называемой «кругоморской дорогѣ» сухопутьемъ, и подъ дозоромъ тѣхъ же добрыхъ людей казаковъ, «готовыхъ оказать всякую помощь и всякую услугу», привезли всѣхъ въ Благодатской рудникъ. На дорогѣ ссыльные успѣли воспользоваться еще кое-какими знаками участія: въ одномъ мѣстѣ, за Верхнеудинскомъ на перевозѣ, и на ночлегѣ получили хлѣбъ-соль отъ одного старика старожила; въ другомъ мѣстѣ (въ селѣ Бянкинѣ) тамошній богачъ (знаменитый въ Сибири Кандинскій) угостилъ роскошно съ полнымъ радушіемъ, и только опасность не ввести проводниковъ — казачьихъ офицеровъ — въ отвѣтственность помѣшала проѣзжимъ воспользоваться радушіемъ богатыхъ хозяевъ вполнѣ.

Въ Благодатскомъ рудникѣ оказалась для пріѣзжихъ новая казарма, нарочно для нихъ приготовленная. Здѣсь ожидало ихъ грубое обращеніе начальника нерчинскихъ заводовъ, сожалѣвшаго о томъ, что ему приказано было заботиться о здоровьѣ государственныхъ преступниковъ; однако три дня дали отдохнуть и оглядѣться. Казарма оказалась строеніемъ, состоящимъ изъ двухъ избъ: передняя — для караульныхъ, задняя — тюрьма съ огромной русской печью налѣво и съ тремя чуланами направо, отдѣленными другъ отъ друга досчатыми перегородками. Въ чуланы вели двѣ ступеньки, каждый снабженъ былъ дверью. Двери не запирались; обѣдали, пили чай и ужинали всѣ 8 вмѣстѣ; въ чуланахъ размѣстились такъ, какъ дозволяла тѣснота и неудобства. Въ этихъ конурахъ своихъ они съ трудомъ могли двигаться и испытывали тѣ муки, какія доставляютъ тюремныя насѣкомыя, буквально покрывавшія ихъ въ новомъ зданіи съ ногъ до головы. По разсказамъ этихъ страдальцовъ они доставали скипидару, натирали имъ все тѣло и лишь добивались новыхъ мукъ, когда все тѣло горѣло и кожа лоскутьями сходила прочь. Внутренній караулъ изъ горнаго унтеръ-офицера съ тремя рядовыми назначенъ

былъ для безсмѣннаго наблюденія. На работахъ были раздѣлены: всѣхъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ тотчасъ, какъ кончился срокъ трехдневнаго отдыха. Дали каждому по каторжному въ товарищи и руководители, на каждую такую пару по сальной свѣчкѣ въ фонарѣ: одному кирку, другому товарищу—молотъ. «Работа предлагалась нехитрая и была не тягостна—увѣряетъ одинъ изъ 8-ми: — подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молотъ и скоро согрѣвался». Руководители и наставники превратились въ помощниковъ, и за глазами дозорщиковъ, не разъ, въ порывѣ усердія, исполняли за нихъ урочную работу: и все это дѣлали безъ надежды возмездія. Знаменитой разбойникъ, красивой богатырь Орловъ, всякій разъ при приближеніи «князей», запѣвалъ съ товарищами звучнымъ и серебристымъ голосомъ заунывную пѣсню, предугадывая мысли и перенося слушателей въ далекую покинутую родину *). «Въ одинадцать часовъ звонокъ возвѣщалъ окончаніе работы, и мы возвращались въ казарму (выходя изъ нея въ 5 часовъ утра). Начинались приготовленія къ обѣду, артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части». Изъ отобранныхъ денегъ выдавали часть на нужды и требовали отчоту. «Денегъ осталось весьма мало: всякій отдавалъ изъ своихъ, что хотѣлъ, и никто не требовалъ бо̀льшаго противъ того, что́ было нами показано». «Большое утѣшеніе для насъ было то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, впродолженіе столькихъ лѣтъ, мѣняться мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ петербургскихъ палатъ въ нашу убогую казарму. Все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило ещо болѣе узы дружбы, насъ соединявшей». Весь вечеръ для заключонныхъ былъ свободенъ.

Сюда же вслѣдъ за мужьями прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ, съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась

*) Князьями называли по тому, что во многихъ партіяхъ были князья: Оболенскій, Барятинскій, Щепинъ-Ростовскій, Трубецкой, Волконскій, Шаховскій, Одоевскій, Оболенскій.

связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ 6-ти чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда и «недопеченый хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника»); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. «Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны впродолженіе столькихъ лѣтъ, которые ими посвящены были попеченіямъ о своихъ мужьяхъ,—а вмѣстѣ съ ними и объ насъ;словомъ—здѣсь, въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя («высокія по сердцу и по характеру») русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы, способной на человѣколюбіе и помощь до жертвы, на любовь до самоотверженія. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ; душевныя качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ присутствіемъ своимъ оживляли тѣсныя и душныя клѣтки; въ другіе свободные часы имъ выносили два стула на улицу: онѣ садились противъ единственнаго окна и проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Екат. Иван. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ, истертыхъ ботликахъ и, въ трескучій морозъ, зазнобила ноги оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сшила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, снабдивъ уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія, поучительныя въ жизни нашихъ ссыльныхъ: и высокая миссія женщинъ, поднявшая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполнѣ обезпечившая матеріальной бытъ,—съ наибольшою полнотою и въ совершенной законченности обнаружились позднѣе на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ. До этого соединенія участь первыхъ восьми, до извѣстной степени облегченная въ началѣ, къ концу времени пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, вопреки законамъ

укрѣпленія и возрастанія гарантій, сдѣлалась болѣе тягостною. Произволъ одного изъ горныхъ офицеровъ, Рика, назначеннаго для ближайшаго надзора, прекратилъ сношенія товарищей тѣмъ, что заперъ чуланы и запретилъ общій столъ и ужинъ. Отчаяніе одиночества въ душныхъ клѣткахъ (по 3 аршина длины и по 2 ширины) вынудило рѣшительную мѣру: заключенники рѣшились не принимать пищи. Это рѣшеніе принято было за бунтъ; горячій приставникъ велѣлъ уже солдатамъ пустить въ дѣло штыки и приклады. Въ глазахъ горнаго начальника (Бурнашова) представлялась цѣлая опасная бездна отвѣтственности, но находчивость и благоразуміе взяли верхъ. Горной начальникъ поспѣшилъ показаться грознымъ въ виду свидѣтелей, но чуланы отперъ, а вскорѣ поспѣшилъ удалить и виновника непріятности, давъ ему другую командировку. Мужьямъ облегчено свиданіе съ женами въ ихъ собственной квартирѣ, весной дано позволеніе всѣмъ на прогулки въ окрестностяхъ завода, даже на 9 верстъ до береговъ Аргуни, но работа измѣнена и сдѣлалась болѣе тягостною и трудною. На мѣсто подземной назначена новая на поверхности горы въ рудораздѣльной свѣтлицѣ: вечеръ пересталъ быть свободнымъ. Ссыльные обязаны были носить въ уродливыхъ и тяжолыхъ носилкахъ руду съ мѣста раздѣла на складочное. Надо было проходить шаговъ 200, перетаскать до 30 носилокъ и, считая по пяти пудовъ въ каждой, полтораста пудовъ могли казаться возможными только для привычныхъ и сильныхъ. Не всѣ были въ состояніи исполнить урокъ: въ 11 часовъ работа кончалась, но въ часъ звонокъ призывалъ на новую до 5 или 6 часовъ вечера. Прогулки на Аргунь прекратились: на ихъ мѣсто всталъ обязательно-необходимый отдыхъ. Когда назначенъ былъ для всѣхъ государственныхъ преступниковъ новый комендантъ Лепарскій, — ихъ свели въ кузницу и заковали въ ножныя кандалы. Военный караулъ былъ усиленъ: изъ 3 казаковъ стало 12; горный начальникъ и чиновники стали бояться оказывать снисхожденіе; казаки почувствовали ту же самую необходимость. Между военными и горными властями установился такимъ образомъ взаимный контроль, отразившійся на узникахъ наибольшими стѣсненіями, хотя Лепарскій, посѣтившій Благодатской рудникъ, былъ учтивъ и ласковъ и далъ надежду на улучшеніе уча-

сти. Такъ текли дни за днями, пока строился новый острогъ въ Читѣ и наполнялся товарищами, свозимыми туда изъ разныхъ крѣпостей Россіи. Въ то время, когда этихъ 8 препроводили въ Сибирь, — нѣкоторыхъ другихъ изъ переполненной Петропавловской крѣпости перевезли въ крѣпостныя тюрьмы въ Шлиссельбургъ, въ Роченсальмъ, Свеаборгъ, Нейшлотъ, Швортгольмъ, Выборгъ и на Аландскіе острова *). Оставлены были въ крѣпостяхъ, въ видѣ милости, четверо: Батенковъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ—поэтъ, Іосифъ Поджіо, В. Норовъ и Диковъ, послѣдній въ крѣпости и умеръ; первый пробылъ въ одиночномъ заточеніи 20 лѣтъ; три другіе около 10-ти **). Они свидѣлись съ товарищами уже въ Сибири. Въ Читѣ имъ жить не привелось.

Послѣ коронаціи учрежденъ былъ особенный комитетъ (Чернышовъ, Дибичъ, Бенкендорфъ и др.) для составленія устава относительно заключенія и содержанія государственныхъ преступниковъ. Мѣстомъ для заключенія былъ избранъ Акутуйской серебряной рудникъ; въ немъ былъ уже заложенъ фундаментъ острога, но такъ-какъ постройка тюрьмы должна была продолжаться года два или три, а потому и назначили на время Читу. Мыслью помѣститься всѣмъ вмѣстѣ обязаны были товарищи—какъ думаютъ они — гене-

---

*) Такъ, между прочими: Ив. Дмит. Якушкина, Матв. Ив. Муравьева-Апостола, Алек. Алек. Бестужева (Марлинскаго), Антона Петр. Арбузова и Тютчева перевезли въ Роченсальмъ. Здѣсь ихъ содержали въ фортѣ Слава, весьма дурно, въ сырыхъ, темныхъ казематахъ; кормили гнилой ветчиной, хлѣбъ давали не всегда выпеченный; вѣтеръ съ моря солонилъ воду единственнаго колодца. У Бестужева и Муравьева оттого появились солитеры. Когда Бестужевъ угорѣлъ до обморока, рѣшились не запирать казематы. Въ Выборгѣ Мих. Серг. Лунинъ отъ скорбута потерялъ всѣ свои зубы, кромѣ одного. Вмѣстѣ съ Луниным содержались въ Выборгѣ: Митьковъ и Муханов; въ Кексгольмѣ: Поджіо, Вадковскій, Барятинскій, Горбачевскій, Вил. Кюхельбекеръ; въ Шлиссельбургѣ: Юшневскій, Н. и М. Бестужевы, Диковъ, Пестовъ и Пущинъ. Изъ форта «Слава», по случаю рожденія Великаго Князя Константина Николаевича, освободили А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Муравьева и увезли сначала Бестужева (въ Якутскъ) на поселеніе вмѣсто каторги, потомъ Матвѣя Иван. Муравьева-Апостола.

**) Г. С. Батенковъ не отправленъ въ Сибирь, потому что имѣлъ тамъ связи, какъ сибирякъ и какъ служившій тамъ.

ралъ-губернатору Лавинскому, случайно бывшему въ Петербургѣ. Лавинской умѣлъ объяснить необходимость сосредоточенія всѣхъ въ одномъ казематѣ для лучшаго надзора. Разъединенные по заводамъ, какъ первые 8, при недостаткѣ и трудности наблюденія, они — по мнѣнію Лавинскаго — могли быть не безопасными для всего края. Та же коммиссія выработала правила для содержанія государственныхъ преступниковъ, каковыя и переданы были вызванному въ Москву Лепарскому, только что произведенному въ генералъ-майоры.

Станиславъ Романовичъ Лепарскій былъ назначенъ комендантомъ съ большими уполномочіями. До того времени онъ былъ командиромъ конно-егерскаго Сѣверскаго полка, котораго шефомъ былъ императоръ Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ. Онъ лично зналъ Лепарскаго за человѣка, отличавшагося образованностью и теплымъ сердцемъ: если въ какомъ-либо полку случались непріятности, вынуждавшія переводъ офицеровъ, то всегда такъ называемыхъ безпокойныхъ головъ переводили къ нему въ полкъ: онъ со всѣми умѣлъ ладить, никого не оскорбляя, и не имѣлъ враговъ. Лепарскій былъ уже очень старъ: при Кагулѣ онъ былъ на ординарцахъ у Румянцова, въ конфедератскую войну былъ уже майоромъ. Полякъ по происхожденію, человѣкъ знатной фамиліи по рожденію, онъ воспитывался въ Полоцкой іезуитской школѣ и былъ человѣкомъ ловкимъ и образованнымъ: зналъ латынь, свободно выражался по-французски и по-нѣмецки. Ещо въ молодости ему поручено было вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ и онъ такъ ловко исполнилъ это порученіе, что извѣстность его въ этомъ отношеніи была именно такова, что не приводилось дѣлать выбора помимо его. «Въ Сѣверскомъ полку онъ былъ извѣстенъ, какъ кроткій, снисходительный начальникъ и вообще былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными». «Несмотря на то, что всю жизнь провелъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ, онъ все-таки шолъ впередъ, благодаря своему хорошему образованію». «Несмотря на преклонность лѣтъ и на странность пріемовъ, онъ былъ человѣкъ очень не глупой и умъ у него былъ ещо свѣжъ, а что и того лучше: сердце у него было совершенно на мѣстѣ, нисколько не стариковское». Излишную, иногда мелочную придирчивость—ему прощали; прощали и грубость, которую не-

рѣдко позволялъ онъ въ отношеніяхъ съ бѣднѣйшими изъ товарищей. Это многимъ дало поводъ находить, что онъ мало заботился о матеріальномъ положеніи массы и былъ либеріятенъ лишь къ избраннымъ, сильнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Самъ онъ не имѣлъ надобности корыствоваться, будучи 80 лѣтъ, не имѣя семьи и получая содержаніе больше генералъ-губернаторскаго, но не умѣлъ преграждать злоупотребленія своихъ приближенныхъ. При постройкѣ Петровскаго каземата въ его глазахъ произведено самое безцеремонное воровство. Въ Россіи его узнали за такого исполнителя, который не отступитъ ни передъ чѣмъ, не задумается привести въ исполненіе никакого предписанія. Такъ было онъ пробовалъ дѣлать сначала, осуществляя правило: какъ много меньше дѣлать для массы, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣлать исключенія для нѣкоторыхъ. Вполнѣ устоять ему въ этомъ не удалось. Такъ понимали его люди, зависѣвшіе отъ него, и такъ характеризовалъ его бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ С. Б. Броневскій: «онъ прослужилъ въ кавалеріи 50 лѣтъ, извѣстенъ всей арміи отличными заслугами, честностью и добротой. Лучшаго выбора невозможно было сдѣлать. Это была эмблема доброты и кротости при твердомъ и непоколебимомъ исполненіи долга. При сдѣланномъ ему предложеніи ѣхать въ такую даль, нисколько не колебался. При бремени лѣтъ (ему было болѣе 75-ти), при бремени ранъ и болѣзней, онъ хладнокровно говорилъ, что ему кости свои суждено сложить за Байкаломъ, и за нѣсколько лѣтъ до кончины на горѣ, висѣвшей надъ казематомъ (въ Петровскомъ заводѣ), приготовилъ себѣ могилу и утвердилъ крестъ. Предчувствіе не обмануло его *). Онъ получалъ порядочное содержаніе и частыми черезъ годъ наградами онъ и его штатъ забыты не были».

Снабженный строгими предписаніями отъ комитета, Лепарскій былъ отправленъ въ Читу, чтобы распорядиться тамъ помѣщеніемъ декабристовъ. Въ Иркутскѣ, по его требованію, была сформирована команда съ приличнымъ числомъ офицеровъ; назначенъ священникъ собственно для этихъ ссыльныхъ и команды и врачъ. Черезъ три дня, чтобы не задерживать почтовыхъ лошадей и не затруднять со-

*) Онъ кончилъ жизнь въ 1837 году.

держателей и проѣзжихъ, стали отправлять новыя партіи, черезъ семь мѣсяцовъ послѣ отправки первыхъ двухъ партій. Партіи эти снова состояли изъ пяти троекъ и четырехъ человѣкъ обвиненныхъ.

Съ тѣми же подробностями разъ установившихся пріемовъ отправляли коменданты крѣпостей каждую партію, объявляя приказаніе исполнить приговоръ Верховнаго Суда и отправить въ Сибирь, но безъ заявленія о мѣстѣ назначенія. До Иркутска ссыльные не знали о послѣднемъ, и только тамъ объявилась имъ Чита, и то при содѣйствіи людей, расположившихся въ ихъ пользу и рѣшавшихся тайно объявить имъ объ этомъ секретѣ. Сообщали офицеры, солдаты—семеновцы, высланные за извѣстную исторію этого полка (осенью 1821 года), мѣстные чиновники, казаки и сами приставники. Сажали въ сани (была уже зима), надѣвъ предварительно кандалы, которые для удобства позволяли подвязывать бичовками, снятыми съ перьевъ *). Неимущимъ выдавали казенное бѣлье, тулупы и чемоданы съ 2 парами шерстяныхъ носковъ, теплыми сапогами, шапкой, перчатками и тремя довольно толстыми рубахами. На нѣкоторыхъ оказался жиденькій тулупчикъ, покрытый нанкой, куртка и брюки изъ толстаго солдатскаго сукна; на другихъ, богатыхъ, собственные франтовскіе сюртуки, фраки отъ перваго портнаго (Бату), теплыя медвѣжьи шубы, на ногахъ овчинныя одѣяла и проч. Везли съ особенною поспѣшностью, и скупились на отдыхъ въ той мѣрѣ, на сколько позволяли силы невольниковъ, ставшія въ тѣ же условія съ силами провожатыхъ. На личномъ произволѣ фельдъегерей лежали тѣ или другія льготы, изъ которыхъ главныя состояли въ томъ, что по дорогѣ перестали разсаживать товарищей въ отдѣльные экипажи. Изъ личныхъ

*) Способъ препровожденія послужилъ предметомъ долговременныхъ несогласій; предпочли почтовыя тройки потому, что предполагали ослабить надежду и вѣроятіе побѣговъ, разсчитывали избавить отъ дальняго похода; другіе полагали спасти отъ народной мести; многіе одобрили этотъ быстрѣйшій способъ въ разсчотѣ предотвратить распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей. Тѣмъ не менѣе офицеры черниговскаго полка, члены южнаго общества, отправлены были въ Сибирь пѣшкомъ, по этапамъ. Такъ между прочимъ шли по этапу Игельстромъ, Вигелинъ и полякъ Рукевичъ. Они прибыли въ Читу передъ отправленіемъ 7-го разряда на поселеніе.

разсчотовъ фельдъегери сокращали число троекъ до четырехъ: прогоны за пятую опускали въ собственной карманъ. Не мало загнали лошадей по дорогѣ; не мало избили ямщиковъ, не мало надѣлали непріятностей содержателямъ и смотрителямъ, хотя губернаторы продолжали спрашивать о томъ, какъ ведутъ себя фельдъегери. Многіе отличались жестокостію и сребролюбіемъ; не рѣдко препровождаемые ими платили за то, чтобы не замучивали фельдъегери крестьянскихъ лошадей. За деньги же они служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости, и проч. Особенно отличался фельдъегеръ Черновъ: прогонъ не платилъ, кормилъ однимъ молокомъ и простоквашей, нигдѣ не давалъ отдохнуть, гоня въ хвостъ и гриву, такъ что наконецъ путники потребовали у него инструкцію и ежели въ ней нѣтъ положительнаго приказанія убить, то обѣщались жаловаться въ первомъ же городѣ. При угрозахъ онъ на одинъ день стихалъ, но потомъ снова принимался за свое, и проч. Исключеніе составлялъ Воробьевъ, неизвлекавшій себѣ выгоды изъ порученія и непродававшій свои заботы за деньги. Народъ продолжалъ оказывать сострадательное участіе, власти — вниманіе, умѣвшее переходить изъ общаго мѣста оффиціальныхъ вопросовъ въ самые факты благотворной помощи.

Первымъ партіямъ, прибывшимъ въ Читу, въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1827 *), досталось старое строеніе, очень низкое, темное и сырое; послѣдующимъ—маленькій тѣсный домикъ на другомъ концѣ селенія. Оба дома были обнесены высокимъ частоколомъ. По мѣрѣ прибытія новыхъ партій изъ финляндскихъ крѣпостей въ августѣ 1827 года, помѣщеніе въ этихъ домикахъ сдѣлалось очень тѣсно; казематъ ещо не былъ готовъ. Новый казематъ оказался недоста-

*) Прибыли въ Читу сначала сидѣвшіе въ отдаленныхъ крѣпостяхъ, потомъ содержавшіеся въ Петропавловской. Вотъ отчасти партіонное сотоварищество, въ составѣ котораго везли узниковъ въ Сибирь. Одна партія: Якушкинъ, Арбузовъ, Бестужевъ (Марлинскій), Тютчевъ, М. Муравьевъ. Другая: Пущинъ, Поджіо, Мухановъ; третья: М. А. Бестужевъ, Н. А. Бестужевъ, Барятинскій, Горбачевскій: четвертая: Фонъ-Визинъ, Вольфъ, Басаргинъ, Фроловъ; пятая: Нарышкинъ, Лореръ, два брата Бѣляевы и Розенъ; шестая: Рѣпинъ, Глѣбовъ, Кюхельбекеръ, и т. д.

точно помѣстительнымъ, такъ что и прежніе дома оставались все время занятыми. Лазаретъ былъ устроенъ сначала въ маленькомъ домѣ крестьянина Голубева, на одной половинѣ. Онъ состоялъ изъ одной комнаты и не могъ служить болѣе, какъ для двухъ человѣкъ. Въ него ходили по очереди, чтобы отдохнуть, отъ тѣсноты и шума. Такимъ образомъ подъ конецъ въ Читѣ были три каземата № 1, 2 и 3 и лазаретъ съ аптекой въ особо-выстроенномъ домѣ, уже въ слѣдующемъ году. Здѣсь помѣстился отдѣльно отъ прочихъ товарищей докторъ Вольфъ.

Прибывавшихъ въ Читу принимали: капитанъ линейнаго батальона, плацъ-адъютантъ, писарь и нѣсколько караульныхъ. Они отбирали деньги, драгоцѣнности, свидѣтельствовали вещи, мѣшки, книги—и все записывали и сдавали въ канцелярію. При разспросахъ старались обходиться грубо:

— Что тамъ у тебя на пальцѣ?—грубо кричалъ линейной капитанъ одному изъ прибывшихъ.

— Обручальное кольцо.

— Долой его!

Пріѣзжій учтиво возразилъ, что ему дозволялось носить кольцо въ Зимнемъ дворцѣ, въ крѣпости и что вообще носить его не запрещено.

— Долой его: говорю тебѣ!

— Возьмите кольцо вмѣстѣ съ пальцомъ!

Этотъ же человѣкъ, нагрубивши другой партіи пріѣзжихъ, ввелъ въ комнату, приставилъ къ ней караулъ и комнату заперъ, оставивъ всѣхъ безъ огня. Слыша за стѣною знакомые голоса товарищей, ихъ разговоръ, ничѣмъ не могли укланять свиданія съ ними.

Къ стѣсненіямъ извнѣ вскорѣ не замедлила присоединиться тѣснота внутри жилищъ, изъ которыхъ одно наскоро превращено было въ казематъ изъ наемной крестьянской избы, огороженной высокимъ заборомъ. Между нимъ и избою оставался двухсажонной промежутокъ, съ трудомъ исполнявшій роль мѣста для прогулокъ, затрудненныхъ сверхъ того неуклюжими кандалами. Въ одной комнатѣ въ 8 аршинъ длины и въ 5 ширины жило 16 человѣкъ; въ другой такого же размѣра—то же число; въ маленькой третьей—чет-

веро. Всѣ курили табакъ, воздухъ былъ тяжолый и становился невыносимымъ, когда послѣ солнечнаго заката запирались двери и окна. Спали на нарахъ, на войлокахъ, подъ которыми прятали свои чемоданы и сапоги; на нарахъ каждому приводилось не болѣе $^3/_4$ аршина, такъ что перевертывавшійся съ боку на бокъ толкалъ и будилъ сосѣдей. Цѣпи оставались на ногахъ, и снимались только на то время, когда водили въ баню и къ причастію. Въ казематахъ шумъ отъ нихъ мѣшалъ разговорамъ. Когда въ концѣ мая оттаяла земля и могли приступить къ работамъ, земляныя работы на свѣжемъ воздухѣ показались истиннымъ блаженствомъ, удвоеннымъ еще сверхъ того возможностью свиданія съ товарищами, сидѣвшими въ тѣснотѣ и духотѣ второй тюрьмы. Свиданіе повторялось по два раза въ день: утромъ отъ 8 час. до 12-ти, и вечеромъ отъ 2-хъ до 5-ти. На работы изо всѣхъ казематовъ отправляли подъ конвоемъ по 16-ти человѣкъ. Заставили рыть фундаментъ для новой тюрьмы и частоколъ, и ямы для погребовъ. Когда не всѣхъ привезли, работы не было послѣ обѣда въ субботу для бани, когда же число работниковъ увеличилось, то ходили въ баню по очереди, по четыре человѣка и въ пятницу и въ субботу *). Приносили заступы, тачки, носилки, лопаты, молоты и проч., и такъ-какъ работа эта напоминала ту, которою обязаны были швейцарцы, нѣкогда принужденные строить для самихъ себя тюрьму, то и печальное читинское зданіе получило названіе Цвингъ-Ури. Только воскресенье и пятница были днями свободными отъ этихъ работъ. Когда былъ вырытъ фундаментъ и ямы для ограды, заставили закопать оврагъ на большой дорогѣ пескомъ и землею. Но такъ-какъ Чита, вслѣдствіе своего исключительнаго, возвышеннаго положенія, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ и почти постоянно яснымъ небомъ, отличается августовскими грозами съ проливными дождями, то и земляная работа въ рытвинахъ могла казаться безконечною: въ нѣсколько часовъ дождь затоплялъ улицы; вода, несшаяся по скату горы, на которой была неладно прилажена эта Чита, разрывала глубокія лощины и уносила послѣдніе слѣды трудовъ цѣлаго лѣта. Чтобы обезпечить ихъ, принуждены были вы-

*) Баня была наемная въ крестьянской губѣ.

строить бревенчатую плотину. Это мѣсто оврага получило на языкѣ ссыльныхъ прозваніе Чортовой могилы. Съ мая до сентября зарывали эту могилу; съ сентября до мая водили по два раза въ день въ особенное строеніе, гдѣ прилажены были ручныя жернова: на нихъ каждый обязанъ былъ смолоть два пуда муки; нежелавшіе сами работать нанимали сторожей. Чтобы спорилась работа, чтобы не надрывала сердце шуркотня жернововъ, пѣли пѣсни подъ руководствомъ товарища, отличавшагося капельмейстерскими способностями. Лучше всего удавалось пѣніе церковныхъ композицій Бортнянскаго, но Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный въ литературѣ поэтъ, на голосъ русской пѣсни: «Во саду ли въ огородѣ», придумалъ особенную, спеціально прилаженную къ этому невинному, но и нелегкому занятію; пѣли итальянскую пѣсню «Un pescator del onde, и проч.» съ темпомъ тихаго марша, и проч.

Въ сентябрѣ 1827 года окончена постройкою новая тюрьма и въ нее переведена была наибольшая часть заключонниковъ: изъ ближняго перенесли вещи на рукахъ, изъ дальнаго (впослѣдствіи № 3) привозили вещи на телѣгахъ. Перешли безъ всякой церемоніи, переходили порознь, каждый при своихъ вещахъ. Вскорѣ присоединены были къ этимъ и тѣ восемь, которыхъ привезли изъ Благодатскаго рудника. Ихъ принималъ плацъ-майоръ, племянникъ Лепарскаго,— часовые дали свободный путь въ ворота и они бросились въ объятія друзей и товарищей. Теперь оказались всѣ на лицо и всѣ вмѣстѣ; ихъ распредѣлили по пяти отдѣленіямъ тюрьмы, но не по порядку категорій, а уже по произволу коменданта. Въ одной комнатѣ сгруппированы были всѣ, прибывшіе изъ Благодатска; ее назвали Псковомъ — пригородомъ Новгорода: жильцы ея заранѣе отказались отъ голоса и объявили себя согласными во всемъ съ Новгородомъ; другую назвали Москвой или барской комнатой, по-

*) Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ оставлено было 15 человѣкъ; другой старый казематъ или губа, состоящая изъ двухъ большихъ комнатъ, вмѣщала за перегородкой аптеку. Въ средней маленькой поселился докторъ Вольфъ. Въ немъ же дозволялись свиданія женъ съ мужьями, что, впрочемъ, вскорѣ дозволено было на собственныхъ квартирахъ женъ, куда мужья отсылались подъ конвоемъ.

тому что большая часть въ ней жильцовъ были богатые, съ барскими наклонностями; третью назвали Новгородомъ, за то, что въ этомъ казематѣ столько же говорили и шумѣли о политическихъ вопросахъ, какъ нѣкогда на вѣчахъ и сгруппировались люди независимые. Четвертая комната названа была Вологдой: въ ней жили изъ общества соединенныхъ славянъ—люди наименьшаго образованія сравнительно съ прочими товарищами. Новыя помѣщенія стали опрятнѣе, но не были просторными: мѣсто наръ заступили кровати, сдѣланныя на собственной счотъ заключонными: можно было подметать полъ, но между столомъ и кроватями было такъ тѣсно, что когда шолъ на улицѣ дождь, и загонялъ всѣхъ въ комнату—имъ приходилось сидѣть на своихъ мѣстахъ. Большой казематъ былъ невообразимо-дурно построенъ: рамы съ желѣзными рѣшотками были непосредственно вставлены въ стѣну и стекла зимой покрывались всегда толстымъ слоемъ льду, увеличивавшимъ полумракъ казармы. Она состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ темными сѣнями; каждая половина изъ двухъ большихъ комнатъ, неимѣвшихъ сообщенія помимо корридора. Пятая комната была собственно столовая, но для облегченія тѣсноты позволили и въ ней помѣститься. Въ каждой помѣщалось отъ 15 до 20 человѣкъ, у каждаго — особая кровать и столикъ, въ серединѣ—большой столъ и скамейки. Всѣ эти неудобства оправдывали тѣмъ, что читинскіе казематы строены неумѣлыми руками плохихъ сибирскихъ плотниковъ, къ тому же недобровольно принявшихся за топоръ, а по вызову и приказу начальниковъ. Въ сущности казематъ этотъ не возбуждалъ серьозныхъ заботъ начальства потому, что онъ также былъ временной. Въ это же время строили большой и новой въ другомъ мѣстѣ. По донесеніямъ и настояніямъ Лепарскаго о неудобствахъ заточенія въ Акатуѣ, мысль объ этомъ была оставлена. Акатуйская яма показалась Лепарскому и страшною и нездоровою. Самому коменданту предоставленъ былъ выборъ мѣста: онъ остановился на Петровскомъ желѣзномъ заводѣ, и постройка каземата началась тамъ въ годъ прибытія ссыльныхъ въ Читу, и окончилась лѣтомъ 1830 года. Къ несчастію выборъ мѣста произведенъ былъ Лепарскимъ издали, съ горы:

зеленый лугъ оказался мокрымъ болотомъ. Такимъ образомъ большинству привелось прожить въ Читѣ три года и 7 мѣсяцовъ. Чита изъ бѣдной деревушки, носившей въ оффиціальныхъ бумагахъ названіе острога, а на языкѣ мѣстныхъ жителей имя плотбища *), превратилась въ порядочное селеніе, обязанное своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ личнымъ трудамъ декабристовъ, прорывшихъ канавы, засыпавшихъ оврагъ; а внутреннимъ, замѣтно поднявшимся благосостояніемъ жителей—бѣдныхъ заводскихъ крестьянъ, тѣми денежными пособіями, которыя переливались къ нимъ за удовлетвореніе насущныхъ нуждъ и различныхъ потребностей заключонниковъ. Селеніе это найдено было послѣдними состоящимъ изъ 300 душъ, жившихъ въ маленькихъ избахъ и занимавшихся кое-какъ и про себя земледѣліемъ и рыбною ловлею; за казенную землю они обязаны были жечь уголь и сплавлять его въ Нерчинской заводъ. Все населеніе тѣсно и бѣдно помѣщалось въ 26-ти лачугахъ, которыми командовали три порядочные дома, занятые горными чиновниками и пригодившіеся потомъ коменданту и плацъ-майору. Мѣстечко на рисункахъ одного изъ декабристовъ (Ник. Александ. Бестужева) является уже довольно красивымъ городкомъ, съумѣвшимъ собрать и употребить на собственную пользу значительныя средства изъ тѣхъ, которыя отпускались временнымъ читинскимъ гостямъ отъ казны и присылались богатыми родственниками. Одна улица города успѣла сохранить за собою даже до настоящаго времени прозваніе Дамской, т.-е. такой, на которой поселились въ частныхъ домахъ и до извѣстной степени способствовали приличному виду и внутреннему устройству пріѣхавшія за мужьями жоны. Впослѣдствіи это мѣстечко не задумались избрать главнымъ городомъ для вновь организованной Забайкальской области и передать ему первенство, принадлежавшее городу Нерчинску.

*) За то, что сюда, на эту низменность или долину, образовавшуюся при сліяніи рѣки Читы съ Ингодою, стаскивался вырубленный лѣсъ и изъ бревенъ сбивались плоты для сплавовъ по рѣкамъ Ингоодѣ и Шилкѣ. Для Шилкинскаго завода (дрова, уголь) или въ Баикину для нерчинскихъ заводовъ (провіантъ, желѣзо и проч.).

Читинская жизнь заключенниковъ тянулась въ безутѣшномъ разнообразіи: книгъ сначала было очень мало; писать строго воспрещалось; шахматная игра была единственнымъ развлеченіемъ между работою и сномъ. Въ хорошую погоду играли на дворѣ въ городки и бары, не смотря на то, что ножныя казенныя украшенія мѣшали во многомъ этому гимнастическому упражненію. Хотя можно было достать еще карты, но игру эту зауслонились изгнать и, положивши строгій запретъ на нее, съумѣли на томъ устоять со всею твердостью героизма. Въ большомъ казематѣ стало веселѣе и разнообразнѣе уже по той причинѣ, что всѣ, соединившись вмѣстѣ, могли направить соединенныя силы на того опаснаго врага, который называется тоскою заточенія, лишеніемъ свободы и выходитъ на оплошныхъ съ помощью такого сильнаго товарища, который зовется тоскою по родинѣ. Противъ этихъ враговъ читинское товарищество вышло на борьбу, опираясь на тѣ общія силы, которыми красно и крѣпко всякое товарищество и—побѣда одержана была блистательнымъ образомъ. Въ этой борьбѣ и въ этой побѣдѣ и женскія силы, признаваемыя слабыми, оказали геройскія чудеса храбрости и стойкости. Товарищи успѣли вызнать себя и сблизиться въ дружескіе кружки, изъ которыхъ выдѣлились два: одинъ, названный въ шутку конгрегаціей, заключилъ въ себѣ людей, обратившихся къ чтенію религіозныхъ книгъ и группировавшійся около набожнаго, отличавшагося многосторонниимъ умомъ П. С. Бобрищева-Пушкина и другой кружокъ изъ членовъ славянскаго общества, во главѣ котораго оказался П. И. Борисовъ. «Бывали и другіе кружки, составлявшіеся безъ опредѣленныхъ цѣлей, по личнымъ симпатіямъ. Небольшія ссоры прекращались охотливымъ посредничествомъ товарищей и никогда соръ изъ избы не выносили».

Первые симптомы острой болѣзни неволи и заточенія, выражающіеся для всѣхъ лишенныхъ свободы исканіемъ ея, называемымъ на оффиціальномъ языкѣ побѣгомъ, выразились до нѣкоторой степени и на этихъ несчастныхъ, помѣщенныхъ совершенно отдѣльно, внѣ всякихъ связей и сношеній съ тѣми, у которыхъ не захваченные во время первые припадки превращаются въ хроническую болѣзнь бродяжества. Сначала много толковали о возможности освободиться

по Амуру до Сахалина; тамъ предполагали выстроить судно и отправиться въ Америку. Другимъ рисовался путь на югъ, въ Китай. Для исполненія плана казалось необходимымъ: задержать на время коменданта и офицеровъ, а для успѣха его представлялся вѣрный разсчотъ на 70 молодыхъ, здоровыхъ силъ, способныхъ обезоружить караулъ и выдти изъ каземата. Тамъ, за стѣнами его, остальные солдаты представляли отрядъ изо ста человѣкъ, расположонныхъ къ заключоннымъ. «Пока бы дали знать въ Иркутскъ, мы бы успѣли и судно выстроить, и нагрузиться, и уплыть». Читинскіе казенные склады обезпечивали дальнѣйшія надежды «пылкой молодежи, надъ которою взяли верхъ осторожные товарищи», видѣвшіе невозможность подобнаго предпріятія и не обращавшіе на затѣи особеннаго вниманія. «Вскорѣ и молодежъ отступила передъ необходимостью прибѣгать къ силѣ оружія, брать на свою совѣсть пролитіе крови», наконецъ, подвергнуть отвѣтственности оставшихся товарищей и ихъ жонъ, успѣвшихъ уже обнаружить огромные запасы силъ, способныхъ ослабить крѣпость узъ и тяжесть неволи. Чтобы достигнуть Амура, понадобится помощь бурятъ: самая ненадежная и опасная помощь. На границѣ Китая поставлено 50 казаковъ съ исключительною цѣлью преслѣдованія бѣглыхъ днемъ и ночью. Третій путь черезъ 4,000 верстъ выводилъ въ европейскую Россію; четвертый — въ мертвыя тундры сѣвера, гдѣ вязнетъ нога даже легкаго на ходу оленя. «Хотя мы и знали, что нѣкоторымъ ссыльнымъ черкесамъ удалось счастливо бѣжать въ родныя горы чрезъ Аральское море и Каспій, но намъ ничего не оставалось, какъ только подчиниться закону необходимости». Побѣгъ казался возможнымъ: подговоры шли постоянно отъ самихъ солдатъ и отъ поселенцовъ, которые говорили, что расположеніе къ побѣгу всего населенія таково, что если бы «китаецъ» принималъ, а не выдавалъ бѣглыхъ, то въ Забайкальѣ не осталось бы никого. Они говорили, что съ такими господами всѣ готовы идти, зажмуря глаза. Разстроилось же предпріятіе потому, что въ основѣ его лежали у разныхъ лицъ совершенно разныя побужденія. Одни считали дозволеннымъ побѣгъ только для того, чтобы имѣть возможность продолжать служеніе дѣлу, нисколько не заботясь о своей личности, о своихъ страданіяхъ; другіе же рѣшились на него,

потому, что положеніе было невыносимо, и они говорили, что все равно ужь умереть: въ тюрьмѣ ли навѣрное, или при освобожденіи. Женатые въ особенности употребляли силу своего вліянія, чтобы отклонить отъ побѣга рѣшительныхъ и пылкихъ. Къ тому же средства денежныя не были въ рукахъ заключенныхъ: утаить что либо было трудно, потому что все не только осматривали, но и распарывали. Добыть ихъ однако можно было переводомъ на артель, выписывая на имя купца за припасы (болѣе всего за сахаръ, кофе, чай и проч.) въ артель. О побѣгѣ перестали думать и толковать—въ Читинскомъ острогѣ, но независимо и вдалекѣ отъ него та же дума подняла на дѣло и погубила другихъ. Жертвою увлеченія палъ одинъ изъ членовъ южнаго общества, бывшій офицеръ Черниговскаго полка, Ив. Ив. Сухиновъ.

Послѣ стычки подъ Бѣлою Церковью, когда главные члены общества (Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе) отправлены были въ Петербургъ, надъ остальными наряжена была военно-судная коммиссія въ Кіевѣ. Военный судъ приговорилъ виновныхъ къ четвертованію, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ политическою смертію. Приговоръ исполненъ былъ въ Васильковѣ: виновные приведены были закованными и разставлены впереди войска на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда прочли приговоръ, палачъ бралъ каждаго поочередно за руку, велъ черезъ площадь къ висѣлицѣ и, обойдя ее три раза, передавалъ казненныхъ въ команду внутренней стражи. Въ Сибирь эти осужденные (Быстрицкій, Соловьевъ, Мазалевскій и Сухиновъ) отправлены вслѣдъ за петербургскими тройками и товарищами пѣшкомъ, по этапамъ: шли годъ и 7 мѣсяцовъ *). Въ Читѣ ихъ, вмѣстѣ съ единомышленниками, не оставили. Препроводивъ въ Большой Нерчинской заводъ, разослали по ближайшимъ рудникамъ: троихъ послѣднихъ поселили въ 15 верстахъ отъ Большаго завода, въ Зерентуйскомъ рудникѣ. Здѣсь они

*) Шолъ также пѣшкомъ, по этапамъ, баронъ Штейнгель. Слѣдомъ за офицерами Черниговскаго полка сосланы и солдаты, бывшіе подъ Васильковымъ и виновные въ возмущеніи этого полка. Такъ, напримѣръ, въ Екатерининскомъ Заводѣ, близъ Тары, содержался унтеръ-офицеръ Шутовъ.

наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ солдатъ Семеновскаго полка; потомъ купили себѣ собственной домъ и перешли въ него. Съ участью своею они успѣли примириться, исключая Сухинова, который ещо дорогой по этапамъ успѣлъ убѣдить товарищей, что несчастіе съумѣло зародить въ его сердцѣ жажду мщенія. На дорогѣ же онъ успѣлъ сообщить объ этомъ тѣмъ дамамъ, которыя ѣхали къ мужьямъ и догнали ихъ. Упорнымъ молчаніемъ отвѣтилъ онъ на просьбы другихъ дамъ, встрѣтившихъ ихъ у тюрьмы въ Читѣ, и умолявшихъ Сухинова не приводить намѣренія въ исполненіе. Въ Зерентуйскомъ рудникѣ онъ поспѣшилъ познакомиться съ Голиковымъ, казарменнымъ старостою, бывшимъ фельдфебелемъ учебнаго карабинернаго полка, Бочаровымъ – сыномъ астраханскаго купца, Бондаревымъ—бывшимъ фельдфебелемъ гвардейскаго полка, и Птицынымъ—цѣловальникомъ, бывшимъ юнкеромъ гусарскаго полка. Съ помощію ихъ доставалъ себѣ вооруженіе, порохъ и свинецъ. Лили пули, надѣлали до тысячи патроновъ. Совѣты товарищей не помогли. Сухиновъ продолжалъ ласкать ссыльныхъ, и особенную довѣренность и любовь къ себѣ возбудилъ въ семеновцахъ: солдаты ежедневно ходили къ нему; съ ними ежедневно же уходилъ онъ на охоту, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, но за глазами товарищей успѣлъ завести дѣло далеко. Пренія съ товарищами доходили до ссоры, бесѣды съ соумышленниками довели до опредѣленнаго плана освобожденія всѣхъ заключонныхъ въ ближайшихъ рудникахъ: Зерентуйскомъ и Кличкинскомъ. Намѣревались напасть на казармы и, завладѣвъ оружіемъ, идти на Благодатской рудникъ ($1^1/_2$ версты), на Большой заводъ и на другіе заводы, какъ для обезоруженія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія ссыльныхъ. Намѣревались прекратить почтовыя сношенія, послать отрядъ для отобранія оружія по всѣмъ казеннымъ карауламъ; потомъ идти на Нерчинскъ, завладѣть артиллеріею, оттуда на Читу, освободить государственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Намѣренія эти Сухиновъ велѣлъ скрывать отъ сожителей своихъ до послѣдней минуты, приказалъ въ присутствіи ихъ быть осторожными, говоря, что во время бунта онъ самъ ихъ увѣдомитъ, и если согласятся, то присоединитъ ихъ; если нѣтъ, они первые бу-

дутъ убиты. Товарищамъ—Черниговцамъ продолжалъ говорить одно: «оставьте дѣйствовать мнѣ по своей волѣ, я васъ не замѣшаю». Цаловальникъ Птицынъ, на случай возстанія, обѣщалъ нѣсколько бочекъ водки, а до того времени подпаивалъ главныхъ заговорщиковъ, которые въ пьяномъ видѣ успѣли до нѣкоторой степени обнаружить свои намѣренія: въ какой-то праздничной день на могильныхъ памятникахъ написали угрозы начальству. Полякъ Тиръ, сосланный изъ виленскихъ студентовъ, успѣлъ объявить управляющему рудникомъ, что это дѣло государственныхъ преступниковъ, и изъявилъ свои подозрѣнія на заговоръ. Произведенные осмотры и дознанія не оправдали подозрѣнія. На радости команда Сухинова начала пить непомѣрно, безпрестанно шаталась мимо оконъ квартиры товарищей, десятками не выходили изъ кабака и произносили разныя неумѣстныя выраженія. Въ это время нѣкто Козаковъ, проходя въ пьяномъ видѣ мимо квартиры управителя, объявилъ ему, что многіе готовы къ бунту и что въ этомъ участвуютъ секретные (т.-е. госуд. прест.). О доносѣ Алексѣя Козакова передано было заговорщикамъ и двое изъ нихъ (Голиковъ и Бочаровъ) взяли водки, пригласили Козакова въ лѣсъ, напоили его и убили. Бочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ произведено слѣдствіе, назначена коммиссія, дано было знать въ Петербургъ. Въ Благодатскомъ рудникѣ возстаніе такимъ образомъ успѣли предупредить: въ Кличкинскомъ же рудникѣ ссыльнорабочіе успѣли уже произвести буйство и оказать сопротивленіе военной и горной командамъ. 19 іюня 1828 г. въ лагерѣ при Шумлѣ Николай I изволилъ написать собственноручно на докладной запискѣ о кличкинскомъ вооружонномъ возстаніи: «всѣхъ судить военнымъ судомъ, что и впередъ исполнять съ ними, когда будутъ противиться военной силѣ». Комендантъ Лепарскій получилъ высочайшее повелѣніе, данное въ Одессѣ 13-го августа 1828 г., въ которомъ между прочимъ было сказано: «Я повелѣваю вамъ приказать отыскать непремѣнно Василія Бочарова и всѣхъ предать, немедля, военному суду», и впредь въ подобныхъ случаяхъ разрѣшаю руководствоваться симъ же правиломъ». Подъ стражу взято было 22 человѣка; слѣдствіе шло неудачно; Сухиновъ ни въ чемъ не сознавался; другіе, что показывали сегодня, то отвергали завтра. Допросы начали побоями,

продолжали жестокостями. Одна коммиссія смѣняла другую, и главная и послѣдняя открыла не больше первоначальной. Случилось, что собака принесла человѣчью руку и такимъ образомъ открыла убійство Козакова. Въ то же время случайно былъ пойманъ бѣжавшій Бочаровъ. Кончался второй мѣсяцъ: слѣдственное дѣло не подвигалось. Горная экспедиція отозвала членовъ и назначила въ Большомъ заводѣ третью коммиссію. Виновныхъ перевезли туда. Товарищамъ Сухинова позволили видѣться съ нимъ, и «еслибы — говоритъ одинъ изъ нихъ — у насъ были деньги, то могли бы дать совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи». Читинскіе товарищи присылали нарочнаго съ обѣщаніемъ денежной помощи, но письмо не дошло и военной судъ состоялся. Сухинова судъ приговорилъ къ 400 ударамъ кнута, слѣдующимъ девяти—кнутъ, остальнымъ — плети; но потомъ это рѣшеніе измѣнилось: Сухинова и пятерыхъ съ нимъ велѣно разстрѣлять. Сухиновъ, во время слѣдствія, два раза принимавшій ядъ, и, не достигнувъ цѣли, разстроившій свое здоровье, казался спокойнымъ и веселымъ. Въ ночь, предшествовавшую экзекуціи, онъ упросилъ одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязалъ ремень отъ кандаловъ, привязалъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ наръ и почти въ лежачемъ положеніи удавился. Кто-то изъ арестантовъ наткнулся на него въ потьмахъ: зажгли огня и тотчасъ послали за ключами отъ цѣпей къ батальонному командиру и за лекаремъ. Сухиновъ оставался въ петлѣ. Къ жизни его не возвратили. Товарищи его (Соловьевъ и Мазалевскій) были привлечены къ слѣдствію, закованы, посажены въ тюрьму, но оправданы и освобождены, какъ непричастные къ дѣлу. Ихъ, послѣ экзекуціи, сочли за необходимое соединить съ прочими товарищами и перевели въ Читинскую тюрьму. Вмѣстѣ съ ними перевели въ Читу всѣхъ, кто былъ въ заводѣ изъ дворянъ, хотя бы и не былъ политическимъ преступникомъ. Комендантъ не хотѣлъ принимать ихъ отъ испуганнаго горнаго начальства и одного изъ присланныхъ, который былъ осужденъ за намѣреніе поджечь городъ для грабежа, долго держалъ отдѣльно. Этотъ наплывъ съумѣлъ не разъ вредить потомъ доброй славѣ каземата.

Лепарскій, по вызову сухиновскаго дѣла, принужденъ былъ издать новую инструкцію. За всею командою, особенно за карауломъ, велѣлъ имѣть особенное смотрѣніе; за людьми наблюдать «не есть ли они въ непозволительныхъ сношеніяхъ съ жителями и арестантами». «Государственные преступники не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакого свиданія, и для того, кромѣ караульныхъ, никого къ нимъ не допускать. При нихъ долженъ быть днемъ въ передней комнатѣ изъ рядовыхъ одинъ за сторожа безъ аммуниціи для смотрѣнія за ними и котораго при смѣнѣ караула всякій день смѣнять другими, избирая для сего людей надежныхъ. На ночь арестантская, чуть станетъ смеркаться, должна быть заперта замкомъ, а ключъ отъ онаго долженъ имѣть при себѣ караульный старшій унтеръ-офицеръ въ карманѣ, котораго никому не повѣрять. По утру же, какъ сдѣлается видно, онъ, взявъ съ собою гефрейтора и двухъ караульныхъ, отпираетъ арестантскую и повѣряетъ арестантовъ. Ночью же, ни подъ какимъ предлогомъ, не долженъ отпирать и выпускать арестантовъ, развѣ если случится близъ пожаръ, тогда весь караулъ идетъ къ арестантамъ и, построивъ карэ, беретъ ихъ въ середину, отводя на безпечное мѣсто. Осматривать лично поутру и ввечеру ежедневно палаты арестантскія; при чемъ велѣть повѣрять подъ нарами и посмотрѣть: въ цѣлости ли полы въ палатѣ и оковы на арестантахъ, а также повѣрить во всемъ караульныхъ, т. е. нѣтъ ли пьяныхъ и всѣ ли на лицо». «Преступниковъ никуда и днемъ даже изъ арестантской не выпускать, кромѣ подъ присмотромъ часоваго или сторожа для натуральной нужды. Буде кто изъ преступниковъ тяжко заболитъ, то онаго отдѣлить отъ арестантовъ въ особую палату для пользованія, и при больномъ быть днемъ и ночью особому часовому и сторожу, и ночью имѣть въ оной палатѣ свѣчу. Хотя государственные преступники должны быть посылаемы на работы по распоряженію горнаго начальства, но оныхъ, вмѣстѣ съ прочими ссыльными, не водить, а водить особо подъ приличнымъ конвоемъ». Тогда же издано наставленіе и унтеръ-офицеру: «люди не ложились, не раздѣвались и не валялись на полу и всегда готовы бѣжать по крику часоваго: «вонъ». На ночь быть свободно одѣтымъ». «Въ случаѣ бунта арестантовъ долженъ имъ угрожать, что если не уймутся ве-

лѣть колоть и тотчасъ посылаетъ гефрейтора дать знать начальству. Если же арестанты будутъ усиливаться и вступать въ драку съ караульными, то, не дожидаясь повелѣнія, приказываетъ колоть зачинщиковъ или болѣе упрямыхъ и дерзкихъ безъ всякой пощады, не опасаясь подвергнуть себя и тѣхъ солдатъ за убитыхъ и раненыхъ какой-либо отвѣтственности» *).

Новыя строгости съ наибольшею настойчивостію устремлены были на тотъ пунктъ, который казался самымъ щекотливымъ. Свиданія дамъ съ мужьями, по общему положенію, были ограничены двумя разами въ недѣлю и всякій разъ не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ. Обычай установилъ свиданія эти ежедневными: всякій день жены подходили къ частоколу, чтобы взглянуть на своихъ супруговъ и простоять съ ними нѣсколько часовъ. Новое предписаніе, дававшее широкія права вмѣшательству часовыхъ, успѣло сдѣлать опасными свиданія, установленныя обычаемъ. Нерѣдко случалось, что часовой, исполняя приказъ, отгонялъ прикладомъ; встрѣчая упорство со стороны дамъ, прицѣливался. Одна изъ дамъ разговаривала съ мужемъ по-французски; пьяный офицеръ Дубининъ потребовалъ русскаго разговора и грубо изругалъ. Дама (А. Г. Муравьева)

---

*) Изъ дальнѣйшихъ подробностей болѣе интересны слѣдующія наставленія: «караульные и всѣ часовые отъ арестантовъ ничего не должны принимать, даже изъ съѣстнаго отъ нихъ солдатамъ ничего не брать, ибо были примѣры, что арестанты отравливали караульныхъ, другихъ обкармливали дурманомъ, подмѣшивая въ пищу порошокъ, отчего весь караулъ безъ чувствъ засыпалъ, а между тѣмъ арестанты всѣ уходили». «Никакихъ напитковъ хмѣльныхъ, какъ-то вина, ренскаго, меду, пива не допускать къ нимъ; если же кто, по доброй волѣ, доставитъ имъ какую пищу или квасъ, то караульному унтеръ-офицеру, осмотрѣвъ строго, отдать въ цѣлости чрезъ караульныхъ преступникамъ, объявя имъ: кто имъ что прислалъ». «Не дозволяется собираться народу въ караульню: если кто имѣетъ дѣло къ караульнымъ, то долженъ часовой остановить того при входѣ и кричать: «гефрейторъ вонъ!» Онъ не допускаетъ никому говорить, разсуждать, забавляться съ арестантами ни постороннимъ людямъ, ни своимъ солдатамъ». «По пробитіи зори караульнымъ помыться, опрятно одѣться, подтянуть штаны на помощи, оправить аммуницію и людей, построивъ въ караульнѣ, все осмотрѣть». Остальныя приказанія отличаются общимъ мѣстомъ и хлопочутъ о внѣшномъ лоскѣ.

бросилась бѣжать, — онъ за ней; на дорогѣ бѣжавшая упала въ истерикѣ. Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали укорять Дубинина. Этотъ съ крикомъ: «бунтъ» велѣлъ караулу сомкнуть штыки. Плацъ-адъютантъ, услыхавъ шумъ, остановилъ солдатъ и прекратилъ опасную исторію. Лепарскаго не было въ Читѣ. Возвратившись, онъ велѣлъ не пускать всѣхъ на работы, чтобы прекратить всякія свиданія, но передъ обиженной извинился, просилъ всѣхъ на будущее время быть осторожными; Дубинина перевелъ въ другую команду; племяннику своему (плацъ-майору) намылилъ голову: дѣло замялось,—о происшествіи никто не узналъ. Благополучнымъ исходомъ вся исторія обязана была начальнику горнаго округа Семену Иван. Смольянинову, человѣку замѣчательной честности и пользовавшемуся ото всѣхъ глубокимъ уваженіемъ (ещо за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ, по собственному побужденію, отпустилъ своихъ крестьянъ на волю). Онъ одинъ во все время, отъ начала до конца, былъ ровенъ въ обхожденіи съ государственными преступниками, обращаясь съ ними съ полною учтивостію и готовностію къ услугамъ, когда другіе были грубы и не исполняли даже слѣдующаго по закону. Вообще весь подборъ штаба былъ самый неудачный: и не при одной постройкѣ Петровскаго каземата были злоупотребленія. Молодые люди самымъ безчестнымъ и самымъ нахальнымъ образомъ корыствовались отъ своихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія.

Вскорѣ, по обычному закону, и всѣ другія предписанія пошли въ разладъ съ дѣломъ. Предписаніе говорило: «преступники ни къ кому писемъ писать не могутъ, потому не должны имѣть бумаги, чернилъ, карандашей, для чего строго ихъ осматривать, и буде впослѣдствіи времени у нихъ что найдется, равно деньги и вещи, коихъ прежде не было, то строго изслѣдовать, отъ кого что они получили; если будутъ къ нимъ присланы письма, то, не отдавая ихъ, оставить у себя и оныя представить г. начальнику заводовъ». Обыски дѣлались безпрерывно. Особенно часто подвергался имъ Д. И. Завалишинъ по своимъ ученымъ занятіямъ. Такъ-какъ не давали ни бумаги, ни карандашей, онъ сдѣлалъ карандашъ изъ куска свинца отъ чайнаго цибика, а писалъ на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ. Все это отбиралось, но при новомъ обыскѣ находили все

возобновленнымъ. Наконецъ удалось убѣдить коменданта, что эти занятія для образованныхъ людей составляютъ такую существенную потребность, что будутъ искать удовлетворенія ей во что бы то ни стало, тогда-какъ для него она не составляетъ никакой опасности. Коменданту не разъ приводилось выслушивать упреки, иногда очень жосткіе; но онъ умѣлъ говорить со вспыльчивыми: «позвольте! мнѣ теперь нѣкогда, приходите лучше ко мнѣ: мы затворимъ двери, и тогда браните меня, сколько будетъ угодно». Опытъ и практика переломали дѣло такъ: сначала Лепарскій принужденъ былъ дозволить грифельныя доски; потомъ появилась бумага и карандаши. Затѣмъ Лепарскій, входя въ казематы, и видя чернильницы, бумагу и перья, сталъ со снисходительной улыбкой говорить всякій разъ: «я этого не вижу». Огромное лишеніе писать письма къ роднымъ сначала восполнено было участіемъ дамъ (черезъ три мѣсяца стали получать отвѣты и денежныя пособія), потомъ приспособленіемъ различныхъ хитростей при участіи случайныхъ сторонникъ пособниковъ. Одинъ изъ соузниковъ — Дружининъ, отправленный на поселеніе, повезъ изъ Читы табакъ для доставленія въ Иркутскъ въ ящикѣ съ двойнымъ дномъ, подъ верхнимъ дномъ огромное количесво писемъ для отправленія въ Россію. На дорогѣ табакъ пересыпалъ онъ въ бумагу, а ящикъ подарилъ священнику для сбора денегъ въ церкви; узнавши о своей ошибкѣ, онъ досталъ ящикъ обратно и доставилъ по назначенію *). Наконецъ, передатчиками корреспонденцій читинскихъ въ Россію являются на сторонѣ: жена горнаго начальника (Фелицата Осиповна Смольянинова), присылавшая на работы своей стряпни завтраки, принимала участіе и въ пересылкѣ писемъ. Она замѣчательна была глубокимъ участіемъ и всякаго рода услугами заключеннымъ и ихъ дамамъ. Она безплатно снабжала казематы всѣмъ изъ своего хозяйства. Разъ она отправила одно письмо въ Москву, но письмо тамъ было вскрыто, въ письмѣ нашлось указаніе на нее,

*) Этотъ Дружининъ приселенъ былъ къ декабристамъ впослѣдствіи изъ нерчинскихъ заводовъ, куда сосланъ былъ изъ Оренбурга вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, составившими тамъ тайное общество и осужденными по доносу одного изъ товарищей, и именно того самаго, который организовалъ это общество.

и Лепарскій получилъ приказаніе посадить ее на недѣлю подъ арестъ. Разъ самъ комендантъ сдѣланъ былъ, противъ воли, передатчикомъ радостнаго извѣстія о соединеніи всѣхъ въ одной тюрьмѣ, отправленнаго отъ дамъ, находившихся въ Благодатскомъ рудникѣ, къ читинскимъ дамамъ. Письмо это комендантомъ было прочитано, найдено невиннымъ, сообщавшимъ описаніе природы красивой и дикой Аргуни, виды которой заставляли припоминать стихъ Байрона (стихъ былъ приведенъ въ подлинникѣ на англійскомъ языкѣ). На другой день по прочтеніи письма, коменданту доложено было о необыкновенно-веселомъ и радостномъ настроеніи духа заключенныхъ, о томъ, что причиною этого общаго оживленія послужило извѣстіе о присоединеніи благодатскихъ товарищей. Тщательные розыски и дознанія обидѣвшагося пристава не привели ни къ чему. Далеко позже, когда дѣло стало прошлымъ, узналъ онъ, что извѣстіе, тщательно скрываемое имъ, привезъ самъ же онъ, и что стихъ Байрона не принадлежалъ поэту, а заключалъ въ себѣ прозаическое извѣстіе, «in a fortnight we leave this dreodful place», т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Это обстоятельство, когда объяснилось потомъ, послужило поводомъ Лепарскому требовать особливаго чиновника для чтенія писемъ на тѣхъ языкахъ, которыхъ онъ не зналъ.

Работа на ручныхъ мельницахъ въ нѣсколько жернововъ, обязывавшая перемолоть 4 пуда ржи ежедневно всѣмъ (т.-е. по 10 фунтовъ на каждаго), производилась сначала посмѣнно, такъ какъ у каждой мельницы могли работать только два человѣка. Впослѣдствіи стали молоть сами сторожа и конвойные наблюдатели. Обязательные рабочіе въ сосѣдней компатѣ (шинельной) курили, играли въ шахматы. Здѣсь, мало-по-малу, образовался маленькій клубъ: обмѣнивались мыслями и чувствами, читали газеты, съ жадностью слѣдя за политическими событіями Европы, и въ особенности за дѣйствіями нашихъ войскъ въ персидскую войну, въ которой принимали участіе многіе изъ прежнихъ товарищей и друзей читинскихъ тюремныхъ сидѣльцовъ. Нѣкоторые достигли такого искусства въ быстротѣ просмотра газетъ (какъ Д. П. Завалишинъ), что, успѣвая пробѣгать нумера газетъ прежде другихъ, умѣли сообщать собравшемуся клубу

самыя крупныя новости немедленно. Комендантъ пріучонъ былъ смотрѣть на это сквозъ пальцы; работать усиленно не заставлялъ и, при засыпкѣ рва Чортовой могилы, рабочіе, успѣвши свезти нѣсколько тачекъ для моціону, бросали лопаты, и тутъ же составляли новой подвижной клубъ съ тѣми же бесѣдами и чтеніемъ иностранныхъ газетъ, выписываемыхъ и доставляемыхъ дамами *). Впослѣдствіи и урядники, входя въ казарму, говорили: «Господа, не угодно ли кому на работу»—и въ самомъ дѣлѣ, шли только тѣ, которые охотились и искали разнообразія. Лѣтомъ, когда стало тепло, раза два въ недѣлю водили заключенниковъ купаться въ очень маленькомъ притокѣ рѣчки Читы и притомъ загороженномъ частоколомъ. Купались безъ кандаловъ; водили человѣкъ по 15-ти за одинъ разъ. Потомъ и это оставили; стали водить на Ингоду, версты за двѣ отъ каземата.

Строго-ограниченное и сильно-стѣсненное въ началѣ свиданіе съ жонами въ самыхъ казематахъ смѣнено было дозволеніемъ ходить съ конвоемъ въ собственныя квартиры дамъ и послѣ дубининской исторіи безъ постороннихъ свидѣтелей. Дозволили получать письма отъ родныхъ—и почтовый день сдѣлался днемъ праздничнымъ, несмотря на то, что письма шли чрезъ коменданта и доставлялись распечатанными и прочитанными. Тѣмъ же путемъ дозволялась и отправка отвѣтовъ, которые писали дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ было угодно и обыкновенно въ такой формѣ: «такой-то просилъ меня сообщить вамъ», и проч. Въ этомъ случаѣ, каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, переписывая передаваемыя ей черновыя письма и прибавляя въ началѣ приведенную выше общую фразу. Трудъ

*) Изъ иностранныхъ: Journal des Debats, Constitutionnel, Journal de Francfort, Revue encyclopedique, Revue Britannique, R. des deux Mondes, R. de Paris, Preussische Staatszeitung, Гамбургскій Корреспондентъ, Аугсбургская Газета и почти всѣ русскіе журналы и газеты. Изъ ученыхъ журналовъ выписывались. J. des savants, Annales de Chimie, An. des vogages, Bibliotheque universelle de Genève и проч. Однако сначала Лепарскій выдавалъ, только подъ большимъ секретомъ, получаемые имъ Телеграфъ и Инвалидъ, но разъ пересталъ посылать послѣдній по самому невинному поводу.

дамъ въ этомъ случаѣ былъ немаловаженъ: «одна княгиня Трубецкая еженедѣльно переписывала и отправляла къ коменданту болѣе десяти писемъ; ему самому передъ каждымъ отправленіемъ, и послѣ каждаго прибытія почты, приходилось прочесть писемъ до ста».

Установившаяся при содѣйствіи дамъ связь съ покинутымъ міромъ, съ любимыми и любящими, это — по выраженію М. А. Бестужева — политическое существованіе за предѣлами политической смерти», — существеннымъ образомъ выразилось помощію отъ родныхъ. Къ несчастію — по разсказамъ того же свидѣтеля — почта обижала ихъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Онъ говоритъ, что вмѣсто прекрасныхъ золотыхъ часовъ, завѣщанныхъ ему съ братомъ (Н. А.) и посланныхъ послѣ смерти ихъ брата Александра (Марлинскаго) они получили какое-то подобіе часовъ. Алек. Муравьевъ разъ вмѣсто бобровой получилъ изношенную шапку. Бѣлье часто получали сдѣланное по казеннымъ подрядамъ для лазаретовъ; дамскія шляпки и головныя уборы подмѣняли поношенными, нерѣдко въ однихъ верескахъ и лоскутьяхъ. Ивашовъ давно ожидаемую имъ посылку съ дамскими дѣтскими уборами и лентами, получилъ въ одномъ ящикѣ съ избитыми и измятыми крымскими яблоками: отполовинили изъ обоихъ ящиковъ и сложили въ одинъ. Въ утѣшеніе обиженныхъ почтовая оговорка гласила одно и тоже: «разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просятъ взыскать и выслать слѣдующія деньги» *).

---

*) Особенно оригинальна была впослѣдствіи переписка товарищей, жившихъ на поселеніи, между собою и съ заключонниками, прибѣгавшая къ помощи оффиціальной почты. Письмо, прежде назначенія по адресу, шло въ Петербургъ; тамъ прочитывалось и отправлялось обратно въ Сибирь. Письмо Рѣпина къ Розену пропутешествовало съ Лены въ Петровскій заводъ 12 тысячъ верстъ и принесло извѣстіе о здоровье и надеждахъ на будущее, когда сгорѣвшій Рѣпинъ былъ давно уже похороненъ. Само собою въ случаяхъ важныхъ прибѣгали къ оказіямъ, имѣли возможность заручиться постоянными комиссіонерами, готовно и охотно исполнявшими порученія на огромное большинство случаевъ безвозмездно. Впрочемъ эти средства не всегда были непрерывными. Мы слышимъ жалобу одного въ такихъ выраженіяхъ: «наши письма, писанныя въ духѣ самой строжайшей осторожности, были такъ цензурованы, что наконецъ вывели насъ изъ терпѣнія и мы рѣшились не писать болѣе другъ къ другу».

Съ одной стороны просили одного: не оскорблять дерзкимъ обращеніемъ, и за этимъ ультиматумомъ обѣщали исполнять все съ покорностію и безропотно; съ другой стороны, говорилось нѣкоторымъ наединѣ и по секрету: «что обо мнѣ напишутъ въ Европѣ? назовутъ меня безсердечнымъ тюремщикомъ, палачомъ, притѣснителемъ; приравняютъ Гудзонъ-Лоу. Я берегу мѣсто единственно для васъ, господа, чтобы избавить васъ отъ притѣсненій и несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Что мнѣ отъ того, что ношу кресты и ленты, которыхъ даже и смотрѣть здѣсь некому! Я желалъ бы освободиться отсюда, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами». Съ третьей стороны за комендантомъ былъ строгій контроль со стороны читинскихъ дамъ, умѣвшихъ отстаивать его въ Петербургѣ и говорившихъ ему въ глаза самыя жосткія и колкія слова. «Пожалѣйте меня — говаривалъ Лепарскій дамамъ: вы требуете того, чтобы меня разжаловали».—«Ну, что-жъ? Будьте лучше солдатомъ, генералъ: но будьте честнымъ человѣкомъ». Послѣ экзекуціи надъ Сухиновымъ и его сообщниками, Лепарскій долгое время избѣгалъ встрѣчи съ дамами и нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Послѣ того, какъ его вылечили отъ смертельной болѣзни казематскіе доктора, Лепарскій рѣшился написать въ Петербургъ. «Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ». Имѣя обыкновеніе отвѣчать на всѣ просьбы «не могу» (за что и былъ прозванъ въ шутку «г-номъ не могу»), онъ началъ кончать тѣмъ, что исполнялъ просьбы, хотя и послѣ долгой «комбинаціи» (какъ онъ самъ выражался) справки съ законами и инструкціей. Онъ любилъ говорить часто: «я увѣренъ, что имѣю дѣло съ благородными людьми, — поберегите меня». Въ силу такихъ взаимныхъ уступокъ, такихъ строгихъ и неизбывныхъ отношеній, значительно ослаблено было вліяніе съ четвертой стороны—и читинское заточеніе стало принимать видъ обыкновенной человѣческой общины, и мало-по-малу приближаться къ тому идеалу ея, гдѣ нѣтъ мѣста для искусственныхъ и непрочныхъ скрѣпленій. Взаимныя уступки и обоюдная помощь съумѣли сдѣлать то, чего бы ни въ какомъ случаѣ не удалось достигнуть при стѣсненіи свободной воли человѣка. Совершилось большое чудо: сотня людей разнообразныхъ ха-

рактеровъ и наклонностей сплотилась въ тѣсное, согласное и дружное товарищество, и при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ быта ни разу не измѣнило себѣ и ни на одну іоту не потребовало измѣненій въ предварительномъ ультиматумѣ. Всѣ сдержали слово съ тѣмъ достоинствомъ, что ни одинъ изъ безчисленныхъ доносовъ не оправдался, ни одинъ петербургскій ревизоръ не нашолъ ничего новаго, на чемъ бы онъ могъ выслужиться, и чѣмъ бы въ состояніи былъ повредить приставу и дозираемому имъ товариществу. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири С. Б. Броневскій въ своихъ запискахъ оставилъ сильные слѣды восторга, полученнаго имъ при посѣщеніи тюрьмы государственныхъ преступниковъ, и о честныхъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и коменданта со штабомъ его свидѣтельствовалъ лично передъ Государемъ Императоромъ *). Бывшій генералъ-губернаторъ Сулима вынесъ тѣ же отличныя впечатлѣнія. Когда Государь повелѣлъ снять оковы съ болѣе достойныхъ и вполнѣ заслуживающихъ такую милость, Лепарскій, явившійся въ полной формѣ, съ крестами и въ лентѣ, объявилъ, по прочтеніи бумаги, что онъ находитъ всѣхъ того достойными. Оковы были сняты и спрятаны, но нашлась возможность потомъ доставать ихъ, чтобъ дѣлать изъ нихъ браслеты и кольца и отсылать эти издѣлія на память роднымъ, оставшимся въ Россіи. Отсылали съ тѣмъ нарочнымъ, который ежегодно увозилъ изъ нерчинскихъ рудниковъ серебро. Разъ такая посылка открыта была въ Петербургѣ и Смольяниновъ, хранившій желѣза, былъ посаженъ на гауптвахту.

*) Самъ С. Б. Броневскій такъ говоритъ объ этомъ: «Каково ведутъ себя политическіе преступники? спросилъ меня Государь Императоръ въ Зимнемъ Дворцѣ». Я отвѣчалъ: «Очень одобрительно: ни одинъ ни въ чомъ предосудительномъ не замѣченъ, а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ сокрыто. Осмѣлился доложить, что простаго народа изъ осужденныхъ Сибирь можетъ принять ещо болѣе теперешняго. Они, дѣлая преступленія по различнымъ побужденіямъ, иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ предержащей власти. Но политическихъ преступниковъ нужно бы водворять въ другіе края Россіи. Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и отвѣчалъ: «Да, это такъ, но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ на Иркутскъ въ этомъ родѣ); ихъ близко держать невозможно, но мнѣ ещо этого никто не говорилъ».

Съ этого времени самое заточеніе стало наименѣе строгимъ, и тюремная община декабристовъ ещо сильнѣе укрѣпилась въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Къ казеннымъ работамъ присоединились свои собственныя, вызванныя требованіемъ взаимной помощи и содѣйствія. Загорожено было большое мѣсто подъ огородъ и всѣ, каждый день, съ наступленіемъ весны, ходили туда работать на нѣсколько часовъ. Въ первой годъ урожай былъ плохой, но все-таки, осенью и зимой въ артельной похлебкѣ оказалось по нѣскольку своего картофеля, рѣпъ и моркови. Это особенно имѣло значеніе въ Читѣ, до прибытія декабристовъ не имѣвшей достаточнаго числа огородовъ и довольствовавшейся привозными овощами или дико растущими въ лѣсахъ и лугахъ кореньями и цвѣточными луковицами. На слѣдующій годъ урожай на огородѣ былъ до того обиленъ, что на зиму заготовленъ былъ весь нужный запасъ овощей и посолено въ большихъ винныхъ бочкахъ до 60,000 огурцовъ—продукта до того времени весьма мало извѣстнаго за Байкаломъ *). Избытками запасовъ товарищество, сверхъ того, могло подѣлиться съ неимущими читинскими бѣдняками, а картофелемъ съумѣли въ значительной степени подспорить скудную трапезу горныхъ крестьянъ, издавна пользовавшихся, за недостаткомъ хлѣба, всевозможными суррогатами его.

Въ читинской тюрьмѣ стала налаживаться та общинная артель, которая съ такимъ совершенствомъ выработалась окончательно въ Петровскомъ заводѣ. Въ Читѣ—столъ былъ общій: къ обѣду приносили огромную латку артельныхъ щей, на другой латкѣ—накрошенную говядину. Хлѣбъ приносили нарѣзанный ломтями, такъ-какъ—по тюремнымъ положеніямъ — не давали ни ножей, ни вилокъ (и отобрали даже свѣчные щипцы). Всякой имѣлъ свою ложку: костяную, оловянную или деревянную; серебряныя ложки запрещались. Недостатокъ тарелокъ дополнялся чайными деревянными китайскими чашками. Обѣденный столъ приготовлялся изъ козелъ, приносимыхъ въ казематъ на то время и накрываемыхъ доскою. Супъ или щи,

*) Точно также и дыни, взрощонныя въ парникахъ декабристами, были первыми на забайкальской почвѣ, какъ и огурцы.

каша съ масломъ приносились въ деревянныхъ ушатахъ и разбирались прямо отсюда каждымъ отдѣльно въ собственныя китайскія чашки. Пища была проста и здорова: одна и та же для тѣхъ, которые привыкли въ походахъ къ сытной и обильной трапезѣ богатой Малороссіи, и для тѣхъ, которыхъ не всегда удовлетворяла въ Петербургѣ французская изысканная кухня съ ежедневнымъ шампанскимъ. «Между нами было много гастрономовъ; всѣ они были согласны въ томъ, что не терпѣли въ Читѣ голода, но и не были совершенно сыты». На столъ и содержаніе, сверхъ казенныхъ 6 копѣекъ мѣди въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ, въ содѣйствіе тѣмъ, которые были безъ средствъ, или забыты помощію, получали общій столъ и денежныя пособія отъ богатыхъ товарищей и дамъ.

Эти взносы, сдѣлавшіеся впослѣдствіи для всѣхъ обязательными,—въ Читѣ послужили основаніемъ артельнаго капитала, который и расходовался на общія потребы. Дамы присылали кофе, шоколадъ и кушанья, какъ лакомства. Для завѣдыванія суммами на каждые три мѣсяца избирался староста, получившій на языкѣ декабристовъ названіе хозяина, и другое лицо, завѣдующее артельнымъ огородомъ — огородникъ. Хозяина выбирали въ первой разъ въ 1828 по причинамъ дурнаго состоянія кухни. Первымъ хозяиномъ былъ Ив. Сем. Повало-Швейковскій, но онъ кормилъ довольно плохо, молодежъ была имъ недовольна. Онъ просилъ освобожденія, выборы пали на И. Д. Якушкина, но онъ отказался. Согласился быть хозяиномъ Розенъ и дѣла по хозяйству пошли лучше. Въ 1829 году на мѣсто Розена избранъ былъ Пушкинъ, при которомъ объявились даже излишки огородныхъ запасовъ. Хозяинъ (одинъ только) имѣлъ право выходить изъ каземата для посѣщенія разныхъ лавокъ, изъ которыхъ иныя помѣщались въ жилыхъ домахъ (какъ напр. всѣ еврейскія). Въ Петровскѣ эта заманчивая обязанность перенесена на вновь созданную должность закупщика, не представлявшую особеннаго труда и отвѣтственности.

О читинскомъ хозяйствѣ декабристовъ у насъ имѣются слѣдующіе документы первоначальнаго дѣйствія по устройству общины. Передаемъ ихъ съ буквальною точностію. Протоколъ о результатахъ.

Мая 23-го 1829 года.

П. В. Аврамовъ просилъ вчерашняго числа о назначеніи изъ каждой горницы большаго каземата, изъ казематовъ № 2 и 3 уполномоченныхъ для принятія отъ него нѣкоторыхъ сообщеній касательно хозяйственной должности.

Получившіе на сіе довѣріе своихъ товарищей, собрались въ числѣ пяти человѣкъ, изъ коихъ трое за свои комнаты, а двое, каждый за двѣ; и хотя нѣкоторые изъ нихъ были отправлены не отъ полнаго числа *); но по повѣркѣ всѣ вмѣстѣ оказались соединяющими довѣріе большинства голосовъ.

Имъ г. Аврамовъ сообщивъ всѣ бумаги, касавшіяся какъ до опредѣленія обязанностей хозяина, такъ и до выбора новаго (хозяина) просилъ:

1) Относительно опредѣленія условій хозяйства разсмотрѣть и представить для общаго свѣдѣнія на которой сторонѣ большинство голосовъ.

2) Опредѣливъ по поданнымъ голосамъ кандидатовъ **) и представивъ на балотировку, увѣдомить его кто будетъ утвержденъ, для сдачи ему хозяйства къ 1-му числу іюня.

Самъ же г. Аврамовъ совершенно отказался, какъ отъ разсмотрѣнія голосовъ по симъ двумъ пунктамъ, такъ и отъ извлеченія слѣдствій изъ оныхъ.

Назначенные отъ товарищей, исполнивъ все возложенное на нихъ, представляютъ при семъ къ общему свѣдѣнію:

Протоколъ о составѣ коммиссіи.

Члены коммиссіи.

Съ правомъ двухъ голосовъ:

Дм. Завалишинъ 1—за казематъ № 2 и за горницу большаго каземата № 4 или аристократическую.

Н. Бестужевъ за горницы № 2 и 3.

Съ правомъ одного голоса:

А. Бюляевъ за горницу № 1.

---

*) По причинѣ того, что многіе вовсе отказались отъ подачи голосовъ.

**) Разумѣется въ должность хозяина.

Игельштромъ, за горницу № 5.

Мухановъ, за казематъ № 3.

По повѣркѣ полномочій выбраны: предсѣдателемъ коммиссіи Дм. Завалишинъ 1. Секретаремъ Мухановъ.

Протоколъ о результатахъ подачи голосовъ о новомъ устройствѣ общины:

По разсмотрѣніи голосовъ и мнѣній, поданныхъ касательно правилъ хозяйства (при чемъ были спрашиваемы всѣ тѣ, коихъ мнѣнія могли быть не очень поняты — для отклоненія всякаго недоразумѣнія *) оказалось:

1) Желающихъ чтобы все осталось на прежнемъ основаніи—32.

2) Желающихъ поясненія или опредѣленія обязанности хозяина и проч. 20.

(Остальные 20 не подавали голоса, или потому что не участвовали въ артели или отказались отъ подачи голосовъ).

При семъ когда большинство голосовъ оказалось на сторонѣ желавшихъ остаться на прежнемъ положеніи г. Басаргинъ отказался отъ артели, причомъ, по его просьбѣ, прилагается (къ дѣлу) объясненіе его собственной руки о причинахъ его къ сему побудившихъ. Сверхъ того отказался отъ артели г. Барятинской по причинамъ поясненнымъ въ прилагаемой здѣсь копіи его мнѣнія.

Примѣч. (Барятинскій худо писалъ и потому просилъ снять копію съ его подлинника, *чтобы удобнѣе* могли прочитать его мнѣніе).

Протоколъ о протестахъ противъ нѣкоторыхъ послѣдствій прежняго порядка.

Поелику большинство голосовъ осталось за удержаніе прежняго порядка, то приступая къ изложенію дѣла касательно выбора новаго хозяина, на прежнемъ основаніи, коммиссія долгомъ считаетъ предувѣдомить имѣющаго быть избраннымъ въ сію должность, что имѣются нѣкоторые голоса, желающіе, дабы если хозяинъ будетъ что-либо говорить отъ общества съ начальствомъ, то если бы это было и по

*) Всё заключающееся въ скобкахъ находится въ такомъ видѣ въ текстѣ протокола, а нето чтобы здѣсь только представлялось для поясненія.

большинству голосовъ, но если они не давали на то своего согласія, въ такомъ случаѣ въ сношеніи съ начальствомъ исключить ихъ поимянно.

На каждую комнату назначалось двое дежурныхъ, обязанныхъ мыть и прибирать посуду, наблюдать за чистотой, накрывать столъ, приносить кушанье, ставить самовары, разливать чай. Разливавшіе чай постоянно избавлялись отъ обязанностей очередныхъ дежурствъ. Дежурнымъ помогали нанятые мальчики (по одному на комнату). Всѣмъ дѣлились между собою по-братски: деньгами и лишеніями. Платьемъ и бѣльемъ запасались сами, но богатые покупали необходимые предметы и дарили бѣднѣйшимъ. Для облегченія запаснаго артельнаго капитала, предназначеннаго преимущественно на столовые припасы, въ товариществѣ нашлись готовые мастера. Переплетнымъ мастеромъ и картонажемъ занимались: Д. И. Завалишинъ, М. А. Бестужевъ и Ан. Ив. Борисовъ. Лучшими портными были: Павелъ Пушкинъ, Павелъ Мозганъ, Антонъ Арбузовъ. Чулки штопалъ лучше всѣхъ Трубецкой; лучшій токарь былъ Артам. Зах. Муравьевъ, столяръ—Громницкій, закройщикъ—Евг. Оболенскій. Лучшія фуражки шили: братья Бестужевы (Ник. и Мих), Петръ Фаленбергъ; они же вязали носки и чулки, а Ник. Алек. Бестужевъ, сверхъ того, снабжалъ всю артель отличными, крѣпкими башмаками, для чего комендантъ дозволилъ устроить ему въ родѣ антресолей полати съ маленькимъ окномъ на верху. Здѣсь, подлѣ свѣта, этотъ надѣленный богатыми и разнообразными талантами человѣкъ завелъ самую многосложную мастерскую: починялъ сапоги, рисовалъ портреты товарищей, училъ шить башмаки, исполнялъ для дамъ обязанность ювелира, чинилъ часы дамамъ и коменданту, снималъ виды окрестностей, точилъ изъ дерева различные подарки дамамъ въ отплату за лакомства, занимался слесарнымъ мастерствомъ: разослалъ между прочимъ, всѣмъ знакомымъ въ Россіи, по желанію ихъ, желѣзныя кольца, кресты и браслеты собственной работы изъ тѣхъ кандаловъ, которые выносили товарищи его на ногахъ въ теченіе двухъ лѣтъ (а нѣкоторые и долѣе). Кольца подкладывались золотомъ и вошли въ Сибири въ такую моду, что требованіе усилилось, и въ удовлетворе-

ніе его объявилась поддѣлка, началась торговля подложными кольцами.

Черезъ своего старосту государственные преступники передавали о своихъ личныхъ нуждахъ коменданту; при этомъ почитали неприличнымъ вмѣшивать начальство въ свои частныя дѣла. Староста распоряжался денежными суммами, покупалъ запасы, но не имѣлъ ни копѣйки въ рукахъ; его расходы выплачивались комендантскою канцеляріею. Онъ имѣлъ дозволеніе въ теченіе дня ходить на кухню столько разъ, сколько ему было нужно. Въ 50-ти шагахъ отъ тюрьмы находилась кухня и запасныя кладовыя. По истеченіи каждыхъ трехъ мѣсяцовъ, при избраніи новаго старосты, ходилъ по рукамъ листъ, на которомъ каждый обозначалъ свои средства для общаго расхода. На общую же пользу устремлены были всѣ нравственныя силы товарищей: всѣ, за малымъ исключеніемъ, учились и учили другихъ. Всѣ выучились по-французски; другіе по-англійски; немногіе занимались даже древними языками, несмотря на-то, что тѣснота помѣщенія, шумъ отъ кандаловъ, требовавшій привычки, мѣшали отдѣльнымъ занятіямъ. «Хочешь заняться, унесешься мыслями на родину, вдругъ распахнется дверь и молодежъ съ топотомъ влетитъ въ комнату, танцуя мазурку и брянча кандалами. Кто искалъ уединенія для занятій, тѣ имѣли лѣтомъ маленькія палаточки во дворѣ у частокола. Въ предотвращеніе помѣхъ установлены были общія чтенія и занятія: въ тюрьмѣ нашлись и на это дѣло приготовленные и готовые дѣятели. Корниловичъ, вмѣстѣ съ Куницынымъ, имѣвшій свободный доступъ къ государственному архиву и въ особенности успѣшно изучившій исторію Россіи прошлаго вѣка, въ длинные зимніе вечера занималъ товарищей чтеніемъ публичныхъ лекцій объ эпохѣ царствованія императрицъ. Петръ Мухановъ, на правахъ его адъюнкта, развивалъ слушателямъ предшествовавшія картины русской исторіи прежнихъ вѣковъ *). Никита Муравьевъ, имѣвшій въ собственной библіотекѣ (послужившей основаніемъ ар-

*) Черезъ полгода тотъ же фельдъегерь, который привезъ изъ Шлиссельбурга Ватковскаго, увезъ изъ Читы Корниловича, снова въ Петропавловскую крѣпость для допросовъ о тайномъ польскомъ обществѣ. Корни-

тельной библіотеки) прекрасныя военныя карты и планы, читалъ стратегію и тактику; онъ же хорошо зналъ греческій языкъ. Пушкинъ 2-й преподавалъ математику, Д. И. Завалишинъ высшую математику, астрономію, по сочиненіямъ Лапласа каждый четвергъ отъ 6 до 8 часовъ астрономію же—Вадковскій, греческой языкъ Лунинъ, Оболенскій и П. Борисовъ. Лучшими математиками были А. И. Барятинскій, Ѳ. И. Вадковскій, Бобрищовъ-Пушкинъ и Басаргинъ. Алек. Ив. Одоевскій преподавалъ русскую литературу (онъ же нѣмцовъ училъ русскому языку); Фердинандъ Вольфъ, штабъ-докторъ 2-й арміи, читалъ изъ химіи и анатоміи и онъ же, помимо назначенаго чиновнаго врача, былъ врачомъ нетолько для товарищей, но и для коменданта, для офицеровъ коменд. штаба и для пріѣзжихъ изъ Кяхты, Иркутска и Нерчинска; такъ велика была его слава *). Когда въ девять часовъ, по положенію, запирались двери казематовъ и тушились свѣчи, на мѣсто правильно-организованныхъ бесѣдъ выступали импровизованныя, въ содѣйствіи которыхъ наиболѣе выдѣлялся бывалый М. К. Кюхельбекеръ, объѣхавшій кругомъ свѣта.

Всѣ эти чтенія, весь этотъ постоянный обмѣнъ умственнымъ богатствомъ, имѣли огромное вліяніе на тѣхъ изъ товарищей, ко-

---

ловича въ Читу уже не возвратили, а отправили на Кавказъ солдатомъ, гдѣ ему довелось участвовать въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и черезъ два года умерѣть отъ злокачественной лихорадки.

*) Комендантъ дозволялъ ему свободно выходить изъ тюрьмы во всякое время съ конвойнымъ. Вольфу удалось спасти Лепарскаго отъ близкой и неизбѣжной смерти. Впослѣдствіи въ Петровской тюрьмѣ въ сосѣднемъ нумерѣ съ нумеромъ Вольфа помѣщена была артельная аптека съ лекарствами, инструментами и лучшими медицинскими сочиненіями, которыя выписывались и доставлялись дамами. Аптекою завѣдывалъ Арт. Зах. Муравьевъ по составленію и отпуску лекарствъ. Онъ же и устроивалъ аптеку. Фроловъ помогалъ въ чорныхъ работахъ, мылъ посуду и проч.; помощникомъ Вольфа по хирургическимъ операціямъ былъ Артамонъ Захар. Муравьевъ, охотно вызвавшійся на это дѣло. Онъ рвалъ зубы, пускалъ кровь, перевязывалъ раны и слѣдомъ за Вольфомъ и впереди конвойнаго имѣлъ право свободнаго выхода изъ тюрьмы на помощь страждущимъ. Вообще заключенники, какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, пользовались здоровьемъ, благодаря здоровому климату и регулярной жизни при простой умѣренной пищѣ.

торые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ на развитіе себя въ научномъ отношеніи. Особенно рѣзко выдѣлился изъ прочихъ Д. И. Завалишинъ, изучившій, кромѣ греческаго и латинскаго, еще до восьми языковъ европейскихъ. Въ особенности онъ былъ очень свѣдущъ въ Священномъ Писаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ чрезвычайною энергіею стремился пріобрѣтать наибольшія познанія. Для облегченія себѣ занятій онъ шолъ къ изученію языковъ съ помощью Библіи—этого легкаго ключа и всеобщаго словаря; съ фонъ-деръ-Бригеномъ читалъ латинскихъ классиковъ и переводилъ Тацита, съ Луниным — латинскихъ отцовъ церкви; съ Вольфомъ и Ал. Крюковымъ (воспитанникомъ петербургской Peterschule) прочолъ всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ. 18 часовъ въ сутки употреблялъ онъ на занятія, подчинивъ себя необычайной діетѣ. Отрывался отъ ученія только тогда, когда довѣріе товарищей призывало его къ общественной дѣятельности. Кромѣ латин. и греч. языковъ онъ зналъ еврейскій такъ, что перевелъ съ еврейскихъ и греческихъ подлинниковъ все Свящ. Писаніе и прочолъ въ подлинникахъ всѣхъ Отцовъ церкви и весь кругъ богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторые въ казематѣ изучили иностранные языки, какъ Бечасновъ, неимѣвшій возможности выучиться имъ ни дома, ни въ казенномъ заведеніи. Онъ сдѣлался лучшимъ знатокомъ французскаго языка, такъ что къ нему же обращались и тѣ, которые научились только салонной болтовнѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобы правильно написать что нибудь дѣльное по-французски. Нѣкоторымъ удалось выучиться играть на музыкальныхъ инструментахъ подъ руководствомъ умѣлыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе оказались виртуозами: А. П. Юшневскій, отличный игрокъ на рояли, съ Ватковскимъ, отличнымъ скрипачомъ, и двумя віолончелистами, Н. А. Крюковымъ и П. Н. Свистуновымъ, составляли квартетъ. «30-го августа 1828 года, когда мы справляли одновременно 16 именинъ, нашъ оркестръ въ первой разъ игралъ въ тюрьмѣ». Сыгрывались и учились музыкѣ въ особенномъ домикѣ съ тремя отдѣльными комнатами, которыя позволили выстроить на тюремномъ дворѣ черезъ годъ по прибытіи въ Читу. Въ одной комнатѣ стояли рояль я фортепьяно для акомпанимента игрокамъ на флейтѣ, чеканѣ, скрипкѣ и гитарѣ. Въ другой

комнатѣ поставлены были токарный и столярный станки и прессъ для переплета книгъ къ услугамъ искусниковъ по этимъ работамъ (братьевъ Бестужевыхъ, Борисова, Фролова, Пушкина). Переплетали книги богатой библіотеки Никиты Муравьева, дополненной книгами, привезенными слѣдомъ за Трубецкимъ и Волконскимъ изъ ихъ домашныхъ библіотекъ и потомъ освѣжаемой новыми присылками. Новыя книги поступали въ пользованіе по просмотрѣ комендантомъ и съ его надписью, которая нерѣдко гласила: «читалъ» на греческихъ и латинскихъ лексиконахъ, и потомъ замѣнена была болѣе вѣрною и близкою къ дѣлу отмѣткою: «видалъ».

Въ церковь водили только одинъ разъ въ годъ, въ великомъ посту, для причащенія св. таинъ *) (для чего снимались кандалы). Наканунѣ большихъ праздникомъ приходилъ священникъ въ тюрьму и служилъ всенощную. «Я никогда не забуду (говоритъ одинъ изъ заключенниковъ, лютеранинъ), какъ трогательно и торжественно совершена была служба въ великую субботу 1828 года, когда въ 9 часовъ, передъ зарею, раздался со всѣхъ сторонъ возгласъ: «Христосъ воскресе!» и когда бросились въ объятія другъ другу товарищи, загремѣвъ цѣпями. Мысленно мы обнимали въ то время нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, которыхъ мы вспоминали въ молитвахъ». «Нѣкоторые (говоритъ Броневскій, навѣстившій узниковъ въ Петровскомъ казематѣ) стали носить бороды, не по требованіямъ юной Франціи, а такъ... изъ смиренія и предались религіозности, употребляя свое время главнѣйше на молитву и хожденіе въ церковь Божію» **). Въ Читѣ каждое воскресенье узники читали религіозныя сочиненія, оригинальныя и переводныя, сдѣланныя линг-

---

*) Говѣли поочередно на 3, 4, 5, 6 и 7 недѣляхъ, предварительно составляя списки говѣльщикамъ. Въ Петровскомъ заводѣ артель положила отъ себя священнику, пасторамъ и на церковь 200 руб. Здѣсь уже дозволялось говѣть всякій постъ, а потомъ и просто ходить въ церковь къ обѣднѣ, — только съ тѣмъ, чтобы стоять на хорахъ или въ алтарѣ.

*) Бороды носили вовсе не по смиренію, а потому что сначала не позволяли самимъ бриться; послѣ многіе оставили бороды: кто для удобства, чтобы не хлопотать съ бритьемъ, кто отъ простуды, какъ К. П. Торсонъ; кто для красы, какъ Александръ Виктор. Поджіо.

вистами-товарищами; воскресный и праздничный день кончали чтеніемъ главъ изъ Евангелія и Посланій апостольскихъ. Лучше всего удавалось церковное пѣніе по композиціямъ Бортнянскаго; пѣніе ирмосовъ и тропарей встало на мѣсто пѣнія свѣтскихъ романсовъ и пѣсенъ. Религіозное настроеніе можно было назвать общимъ у всѣхъ; для нѣкоторыхъ выразилось оно крайностями мистицизма, успѣвшаго увлечь двухъ дамъ, отличавшихся наибо́льшею набожностью. М. С. Лунинъ жилъ отдѣльно, не принималъ участія въ общемъ столѣ и держалъ постъ, по обычаямъ католической вѣры, въ которую онъ перешолъ, служивши въ гусарахъ въ Варшавѣ и сдѣлался ученикомъ и приверженцемъ извѣстнаго Мейстера. Одну треть комнаты его отдѣляла занавѣска, позади которой, на возвышеніи въ нѣсколько ступенекъ, стояло освященное папою распятіе, присланное ему сестрою изъ Рима. Днемъ изъ его комнаты доносились до слуха товарищей его латинскія молитвы; но во всякомъ случаѣ, онъ не былъ ханжею и въ общество товарищей входилъ остроумнымъ и шутливымъ *). Едва-ли, впрочемъ, и нужны были наружные знаки и новыя вещественныя доказательства христіанскихъ чувствъ тамъ, гдѣ подробности самаго образа жизни сложились такъ, что старый знакомецъ заключенниковъ, протоіерей Мысловскій, назвалъ эту жизнь апостольскою и плѣнялъ ея деталями, полученными отъ Корниловича, всѣхъ тѣхъ женъ, которыя не успѣли отправиться за мужьями.

Въ религіозномъ отношеніи, должная мѣра была опредѣлена и на казематскомъ опытѣ, оправданъ извлеченный изъ изученія исторіи законъ, что истинная должная мѣра и въ религіи, какъ и во

*) Такой же оригинальный образъ жизни велъ онъ и въ деревнѣ Урикѣ подъ Иркутскомъ на поселеніи: вокругъ домика выстроилъ высокій заборъ; двери постоянно держалъ на запорѣ, довѣрялся одному только слугѣ буряту. Здѣсь его арестовали во второй разъ за напечатаніе статей въ англійской газетѣ (журналистъ продалъ тайну) и за разборъ Донесенія Слѣдственной Комиссіи (по оплошности переписчика) и сослали въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Ксендзъ Тибурцій Павловскій, бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его капелланомъ, съ другими ссыльными проводилъ его гробъ до могилы, на которой впослѣдствіи сестра М. С. Лунина поставила каменный памятникъ.

всемъ не можетъ быть результатомъ внѣшней сдѣлки, а есть только внѣшное проявленіе правильности внутренней силы, которая одна можетъ опредѣлять правильность рѣшеній въ приложеніи къ даннымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вотъ почему, когда мистически-фанатическое настроеніе, такъ называвшей сама себя, религіозной партіи, усиливаясь и увлекаясь, дошла до того, что не хотѣла уже удовлетвориться возможностію безпрепятственнаго удовлетворенія личной, душевной религіозной потребности, — задумана была постройка церковь внутри казематской ограды. Это произвело одно изъ самыхъ сильныхъ движеній въ казематскомъ обществѣ. Послѣ ожесточонныхъ споровъ, религіозная партія и ея противники пришли наконецъ къ такому соглашенію:

Справедливость не позволяетъ дѣлать ничего, что можетъ имѣть невыгодное послѣдствіе не только для настоящихъ, но и для будущихъ заключенныхъ въ казематъ. Постройкою церкви въ казематѣ, мы можемъ съ одной стороны упрочить самое существованіе государственной тюрьмы, а съ другой, лишить заключонныхъ единственной связи съ живымъ міромъ, которую теперь составляетъ церковь. Но что хуже всего, мы можемъ дать начальству поводъ къ полицейскому надзору въ дѣлѣ религіи, и къ понужденію къ лицемѣрному исполненію внѣшной обрядности, что́ совершенно противорѣчитъ понятію объ истинной вѣрѣ. Наконецъ, такъ какъ многія лица обвиняются прямо въ томъ, что основываясь на сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ на постройку церкви, заранѣе считаютъ себя какъ бы хозяевами и распорядителями въ ней, то это неминуемо сдѣлается источникомъ большихъ неудовольствій и соблазна.—А потому и будетъ гораздо благоразумнѣе, отказавшись отъ постройки церкви въ казематѣ, пожертвовать собранныя деньги на постройку новой церкви въ Петровскомъ заводѣ,—такъ какъ настоящая церковь очень ветха, а заводъ собственныхъ средствъ для постройки своей церкви не имѣетъ. Это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для завода и для окрестныхъ деревень. Рѣшеніе это было принято большинствомъ 27 голосовъ противъ 11, и собранныя деньги были отданы на новую церковь въ заводѣ, которая и была построена безъ замедленія.

Другое благоразумное рѣшеніе общины въ религіозномъ отношеніи относилось къ присланнымъ изъ Петербурга книгамъ религіознаго содержанія, для раздачи «наиболѣе религіознымъ» изъ заключенныхъ. Коменданту объявили, такъ какъ религія есть дѣло совѣсти, то было бы несправедливо съ его стороны взять на себя опредѣлять: кто религіозенъ. На предложеніе же его, чтобы взяли «желающіе», отвѣчали, что кто желалъ имѣть религіозныя книги, давно ужъ пріобрѣлъ ихъ или черезъ родителей, или черезъ товарищей, и ни въ какихъ даровыхъ не нуждается.

Наконецъ, когда одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ пожелало посѣтить казематъ по обязанности «посѣщать темницы для утѣшенія и участія», то просили каменданта отклонить это посѣщеніе, по самому уваженію къ этому духовному лицу, чтобы онъ не очутился въ неловкомъ положеніи и чтобы не вышло изъ этой непріятности. Комендантъ такъ и отвѣчалъ ему словами казематскаго общества: «въ утѣшеніи они не нуждаются, и оно можетъ показаться имъ смѣшнымъ. Въ религіозномъ отношеніи они сами знаютъ все, что имъ могутъ сказать; и если увѣщанія касаются политики, это можетъ повести къ спорамъ и непріятностямъ, при которыхъ легко можетъ нарушиться уваженіе къ духовному сану».

Пріѣхавшія за своими мужьями жены совершили тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женихами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты; если къ восьми другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, за то тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожительства въ Сибири, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ пріобрѣли то прозваніе ангеловъ-хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ соузниковъ. Уже въ 1829 году Алексан. Иван. Одоевскій писалъ въ альбомъ кн. М. Н. Волконской (въ день ея рожденія 25-го декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всѣмъ дамамъ безразлично:

Былъ край слезамъ и скорби посвященный
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей

Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозъ нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули, —
Не сбросили покрова своего.

Первыми дамами, отправившимися за мужьями, были: кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная гр. Лаваль, и Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Трубецкая проторила первую дорогу, по которой съ неменьшею безбоязненностью прошли слѣдомъ за нею и другія. На Трубецкую пали всѣ тѣ неудобства, которыя выпадаютъ на долю передовыхъ піонеровъ. Желаніе ея слѣдовать за мужемъ, тотчасъ же по его высылкѣ въ Сибирь, встрѣтило наибольшія испытанія на томъ главномъ обстоятельствѣ, что начальствамъ приказано было всѣми мѣрами стараться отклонить женъ слѣдовать за мужьями. Е. И. Трубецкую, воспитанную въ роскоши при нѣжной любви отца (эмигранта) и матери (изъ богатой фамиліи уральскихъ мѣдныхъ заводчиковъ Казицкихъ), постигли тяжолыя испытанія уже въ Иркутскѣ. До него добралась она среди различныхъ дорожныхъ неудобствъ: въ Красноярскѣ заболѣлъ ея проводникъ (секретарь ея отца) — она отправилась одна; на дорогѣ сломался дорожной экипажъ, — она пересѣла въ перекладную почтовую телѣгу. Въ Иркутскѣ она уже не нашла мужа, — онъ былъ отправленъ въ Николаевской заводъ. Въ Иркутскѣ ей сказали, что его ско-

ро привезутъ въ этотъ городъ, но никто не рѣшился ей объявить правды объ окончательномъ назначеніи мужа. Когда привезли его въ Иркутскъ, начальство не хотѣло допускать свиданія: наскоро приготовили тройки. Сколько ни медлили товарищи — лошади тронулись: «въ это время пріѣхала Е. И. на извощикѣ, успѣла соскочить и закричать мужу. С. Н. въ мгновеніе ока соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ жены; слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полиціймейстеръ суетился около нихъ; просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ: напрасны были его просьбы. Наконецъ однакожъ послѣднее «прости» было сказано и вновь тройки умчали насъ съ удвоенною быстротою». Оставшись въ неизвѣстности о судьбѣ мужа, Трубецкая обратилась съ требованіемъ дозволенія слѣдовать дальше. Иркутскій гражданскій губернаторъ (Б. И. Цейдлеръ) поспѣшилъ сначала представить ей страшную картину жизни среди 5,000 закоренѣлыхъ преступниковъ, въ одной казармѣ, безъ собственной прислуги, на правахъ жены ссыльнокаторжнаго. Говорилъ, что «вмѣстѣ съ тѣмъ она принимаетъ на себя обязанности переносить все то, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, когда даже само начальство не въ состояніи будетъ защищать ихъ отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ, какъ будто нѣкоторое право считать жену преступника, несущаго равную съ ними участь, себѣ подобною. Оскорбленія могутъ быть даже насильственныя: закоренѣлымъ злодѣямъ не страшно наказаніе». Эти страхи не смутили Трубецкую. На слѣдующій день ей объявлено было, что она должна дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается отъ всѣхъ правъ дворянства на движимыя и недвижимыя имущества, принадлежащія ей теперь и могущія достаться ей по наслѣдству; съ отъѣздомъ въ Нерчинскъ уничтожится право на крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ нею. Трубецкая согласилась и на это. Нѣсколько дней сряду губернаторъ отказывалъ ей въ пріемѣ, ссылаясь на нездоровье. Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ М. Н. Волконская: «обѣ соединились въ одной мысли и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Терпѣливо выждавъ время пріема, Трубец-

кая снова слышала отъ Цейдлера совѣты покинуть намѣреніе. Онъ говорилъ, что заводское начальство можетъ даже требовать отъ нея и личной услуги, какъ-то: мытья половъ и тому подобнаго, — наконецъ объявилъ, что если такъ твердо ея намѣреніе, то она можетъ отправиться къ мужу, но не иначе, какъ съ ссыльно-каторжными, отправляемыми еженедѣльно, связанная веревкою и по этапамъ. Трубецкая приняла и это условіе. Тогда Цейдлеръ, не съумѣвъ овладѣть собою, заплакалъ и объявилъ, что она *поѣдетъ* къ мужу. Самъ Лепарскій, проѣзжавшій въ это время черезъ Иркутскъ, такъ былъ тронутъ рѣшимостью Трубецкой, что постарался предупредить дальнѣйшія затрудненія для нея и для Волконской.

Трубецкую отклоняла мать, Волконскую отецъ — герой 12-го года (Н. Н. Раевскій), страстно ею любимый. Сверхъ того у нея былъ грудной сынъ — первенецъ. Сына оставила она у бабушки; отцу объявила, что ѣдетъ только повидаться, но въ Иркутскѣ выказала рѣшительное намѣреніе слѣдовать за мужемъ и не усомнилась утвердить своею подписью, слѣдомъ за Трубецкою, тѣ условія, которыя были ей предложены. Въ числѣ этихъ условій заключились, между прочими правилами, два такого рода: «дѣти, прижитыя въ Сибири, поступятъ въ число казенныхъ заводскихъ крестьянъ». «Ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собою взять не дозволяется; равно воспрещается имъ получать оныя отъ кого-либо и впослѣдствіи. Собственныхъ денегъ онѣ могутъ имѣть столько же, сколько дозволено имѣть и мужьямъ имъ, т.-е. до 2,000 руб. на первое обзаведеніе и до 1,000 руб. ежегодно на содержаніе себя, и то не иначе, какъ чрезъ посредство коменданта Нерчинскихъ рудниковъ и который будетъ выдавать имъ оныя по частямъ по мѣрѣ надобности». Кромѣ того, съ каждой требовалась особая подписка. Вотъ въ чемъ заключалась эта подписка, которую впослѣдствіи отбиралъ Лепарскій въ Читѣ со всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за мужьями: «желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токмо въ назначенные для того

дни и не чаще, какъ чрезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта или офицера. Равнымъ образомъ не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять моихъ писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ токмо чрезъ г. коменданта, равно если будутъ присланы чрезъ родныхъ или посторонихъ людей, должна я ихъ ему же коменданту при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и коихъ регистръ имѣется у коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную записывать всѣ мои издержки, сохраняя между тѣмъ сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучиненный проступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ хмѣльныхъ напитковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да и тѣ доставлять ему чрезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, коимъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ *); 6) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, а не говорить съ нимъ ничего излишняго и паче чего-либо не принадлежащаго. Вообще имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себѣ никакихъ иныхъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ: одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ и вообще за ихъ поведеніемъ **); 8) наконецъ давши

*) Водку носили пить для здоровья фельдшера. Комендантъ самъ посылалъ ее Арт. Муравьеву и Вольфу для аптеки.

**) Этотъ § относился особенно къ тѣмъ дамамъ, которыя не привезли съ собою крѣпостныхъ людей. За богатыми послѣдовали ихъ крѣпостные

таковое обязательство, не должна и сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда-нибудь слугъ моихъ по произволу моему безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера» *).

Женщины съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ поколебались бы, могли бы замедлить дѣло перепискою съ петербургскими властями (сначала не было подробной инструкціи для сибирскихъ начальствъ), могли бы такимъ образомъ неблагопріятно повліять на рѣшимость другихъ; но Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская поселились съ мужьями въ Зерентуйскомъ рудникѣ, вытерпѣли недостатки во всемъ необходимомъ, нѣсколько мѣсяцовъ переносили холодъ и голодъ, довольствовались однимъ блюдомъ, сами стирали бѣлье. Въ Читѣ положеніе ихъ улучшилось: стала на людяхъ и смерть красна. Въ Читу за мужомъ (Никитой Мих. Муравьевымъ) послѣдовала третья героиня, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышова. Въ Читѣ она была первою и первою приняла на себя всѣ невзгоды непривычнаго положенія, невыясненнаго въ достаточной степени и для острожнаго начальства. Въ Россіи она оставила сына и двухъ до-

слуги, на которыхъ онѣ теряли владѣльческое право. Въ правилахъ для женъ государственныхъ преступниковъ сказано между прочимъ: § 3: изъ числа крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ ними, позволяется имъ оставить при себѣ одного человѣка или одну женщину, и то въ случаѣ собственнаго ихъ послѣднихъ на то согласія, что̀ они обязаны подтвердить подпискою за собственноручнымъ подписаніемъ; въ случаѣ же незнанія грамоты таковой оставляемый слуга долженъ объявить о томъ лично въ присутствіи мѣстнаго начальства. Прочіе люди могутъ возвратиться въ Россію. Отсюда изъемлются однако тѣ изъ женъ преступниковъ, кои, рѣшившись раздѣлить участь мужей своихъ, пожелаютъ жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ: таковыя не могутъ уже имѣть при себѣ никого для прислуги. § 5: тѣ изъ крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ женами преступниковъ, кои не захотятъ долѣе оставаться съ ними, могутъ возвратиться въ Россію, но дѣти ихъ, въ Сибири родившіяся, должны оставаться тамъ».

*) Однако эти отпуски не были легки для Лепарскаго. Ему довелось получить строгій выговоръ за то, что онъ смѣлъ отпустить Волконскаго на минеральныя туркинскія горячія воды съ офицеромъ. Впослѣдствіи Ребиндеръ испросилъ напередъ разрѣшеніе на подобные случаи и отпустилъ на воды четверыхъ.

черей на попеченіи бабушки, смѣнивъ заботу объ нихъ на заботу о мужѣ: въ Читѣ она была жестоко разочарована, когда комендантъ показалъ ей инструкцію, строго воспрещавшую совмѣстную жизнь и допускавшую свиданіе не болѣе часа по два раза въ недѣлю и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Свиданіе она восполняла тѣмъ, что ежедневно смотрѣла въ окно, когда, мимо ея квартиры, водили мужа и брата (Зах. Григ. Чернышова) на работу. Ей было 24 года; для всѣхъ она была поразительна своей красотою внѣшною, но ещо болѣе привлекла къ себѣ общую любовь красотою душевною, и своими несчастіями. «При мужѣ она была покойна, даже весела съ цѣлію не печалить его, но какъ скоро оставалась одна, то тотчасъ же у ней являлась тоска по дѣтямъ». Черезъ годъ послѣ разлуки съ ними предчувствія ея сбылись: умеръ единственный ея сынъ, а дочери растеряли здоровье въ постоянной тоскѣ и ожиданіи свиданія. Три года строго соблюдали въ Читѣ правила затрудненныхъ свиданій съ мужьями, и хотя въ Петровскомъ заводѣ они были упрощены и облегчены, но Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой - Апостоловой недолго удалось пользоваться этимъ правомъ, составлявшимъ главную цѣль послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Сдѣлавшись беременною, она крѣпко простудилась, оставаясь долго на дворѣ, гдѣ пили чай, затѣмъ не слушалась совѣтовъ Вольфа и ходила легко одѣтою изъ каземата на свою квартиру, послѣ неудачныхъ, преждевременныхъ родовъ: она скончалась, оставивъ четырехлѣтную дочь. Потеря ея была для всѣхъ тяжолымъ ударомъ: наиболѣе всѣхъ другихъ, она отличалась дѣлами благотворенія. Ея кошелекъ былъ открытъ для всѣхъ. Когда для больныхъ, по ея мысли и при ея помощи, прочія дамы выстроили больницу,—«незабвенная и праведная» Александра Григорьевна выписала изъ Москвы превосходную аптеку и разные хирургическіе инструменты. Товарищи почтили ея память на могилѣ неугасимою лампадою; Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ ей деревянный гробъ со всѣми винтами и украшеніями и даже вылилъ свинцовой ящикъ, въ которой и былъ поставленъ гробъ.

Въ ту же Читу и слѣдомъ за А. Г. Муравьевой прибыла Елизавета Петровна Нарышкина и Александра Васильевна Янтальцова —

обѣ бездѣтныя, но за то послѣдовавшія за ними (въ 1828 г.) Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина и Александра Ивановна Давыдова также оставили для мужей своихъ дѣтей въ Россіи *). Обязательство это вмѣнено было имъ въ Россіи на томъ основаніи, что «въ законѣ указано на дозволеніе слѣдовать за осужденными родителями дѣтямъ только крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ и дозволеніе не можетъ быть распространено на дворянскихъ дѣтей, какъ по точному смыслу законовъ, такъ и по тому уваженію, что дѣти его, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе для вступленія современемъ въ службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но ещо могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности».

Въ Читу же пріѣхала невѣста П. А. Анненкова, Прасковья Егоровна дочь эмигранта-полковника, убитаго въ Испаніи гверильясами. Передъ отправкою жениха она успѣла снабдить его деньгами, вырученными отъ продажи шалей, чтобы купить ему все, необходимое для дороги. Рѣшившись ѣхать сама, въ Вязьмѣ она на маневрахъ подала просьбу Императору о дозволеніи слѣдовать за женихомъ. Государь принялъ ее съ участіемъ, далъ разрѣшеніе и 3,000 рублей изъ собственныхъ денегъ на прогоны. Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Читу она была обвѣнчана съ женихомъ, съ котораго на время обряда сняли желѣза, но, по совершеніи его, надѣли опять и увели мужа въ тюрьму, поставивъ въ общее положеніе со всѣми, т.-е. дозволяя свиданіе только два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжолой крестъ, добровольно ими на себя принятой, и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали какія-либо уклоненія въ сторону отъ согласно нала-

*) Нат. Дм. Фонъ-Визина, урожденная Апухтина, недавно умерла въ Москвѣ. Она въ молодости послужила идеаломъ Пушкину для Татьяны въ Онегинѣ: сначала хотѣла идти въ монастырь, — потомъ вышла за генерала Фонъ-Визина. По возвращеніи изъ Сибири въ Россію и по смерти мужа, вышла за мужъ за Ив. Ив. Пущина, товарища ея по изгнанію. Ив. Ив., какъ извѣстно, былъ также другомъ и товарищемъ А. С. Пушкина по Лицею.

женнаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія. Въ предшествіи ихъ, подъ ихъ охраною и защитою, отправилась товарищеская семья на новое мѣсто жительства, изъ Читы въ Петровской заводъ, гдѣ та же спасительная и живительная помощь съ ихъ стороны укрѣпилась ещо болѣе и усилилась новыми сотрудницами *). Когда новые казематы въ Петровскомъ заводѣ оказались очень темными и въ нихъ позволено было жить заключоннымъ съ жонами, товарищи одного отдѣленія говорили: «Зачѣмъ намъ окна, когда у насъ четыре солнца» **). Лѣтомъ 1830 г. кончена была эта новая тюрьма, и въ іюлѣ начались приготовленія къ переселенію въ нее.

---

*) На дорогѣ декабристовъ изъ Читы въ заводъ встрѣтили: жена Розена — Анна Васильевна и жена Юшневскаго — Марья Казиміровна. Жена И. Д. Якушкина (Настасья Васил.) на нѣсколько просьбъ получила отвѣтъ, что ѣхать нельзя, опустила срокъ,—своевременно не воспользовалась. Вѣра Гр. Чернышова, сестра Алек. Г. Муравьевой, просила жену Розена взять ее съ собой подъ видомъ горничной, чтобы она могла помочь своей сестрѣ въ Сибири. Къ Вас. Петр. Ивашову пріѣхала невѣста, Эмилія Петровна Ледантю. Въ Сибири же вступили въ бракъ: Ник. Вас. Басаргинъ съ Ольг. Ив. Мендель, Дм. Ирин. Завалишинъ съ Аполинаріею Семеновною Смольниниовою — дочерью горнаго полковника, М. А. Бестужевъ, Е. П. Оболенскій, А. М. Муравьевъ, Сутгофъ, П. Н. Свистуновъ, оба брата Кюхельбекеры, Мазалевскій, Муравьевъ-Апостолъ, Александръ Викторов. Поджіо.

**) Исключеніе было сдѣлано для тѣхъ, которыя имѣли дѣтей. Такъ-какъ дѣтей не дозволялось приводить съ собою, и послѣ вечерней зори нумера запирались и гасили огонь (дѣти оставлялись внѣ всякой помощи со стороны), то имѣвшія дѣтей уходили на ночь въ квартиры. Дни проводили съ мужьями. Всѣ эти передвиженія, лишенія и неудобства, а также и заточеніе мужей не прошли даромъ,—многіе роды были несчастливы: изъ 25 родовъ въ Читѣ и заводѣ было 7 выкидышей, за то изъ 18 живорожденныхъ умерли только 4. На послѣднее обстоятельство имѣло вліяніе искусство врача (Вольфа) и климатъ. «Въ Читѣ мы всѣ поздоровѣли», свидѣтельствуютъ сами заключонники. Въ Петровскомъ Заводѣ умеръ Александръ Семеновичъ Пестовъ. Съ вередомъ на спинѣ онъ сходилъ въ баню:

Переходъ изъ Читы въ Петровской заводъ.—Н. А. Бестужевъ.—Фонъ-Визинъ.—Шахматы.—Дамская улица.—Жизнь въ Петровскомъ заводѣ.—Новый казематъ.—Община и артели.—Занятія.—Обязанности хозяина, закупщика, казначея и огородника.—Выборы.—Бечасновъ.—Взносы.—Положеніе холостыхъ и семейныхъ.—Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія.—Жизнь ихъ на поселеніи.—Декабристы на Кавказѣ.—Марлинскій въ Якутскѣ.—Сгорѣвшіе.—Занятія на поселеніи.—Изобрѣтеніе декабристовъ.—Послѣдующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ.—Основанныя ими школы.—Горбачевскій.—Братья Бестужевы.—Торсонъ.—Всепрощеніе.

По предварительному распоряженію коменданта, всѣ декабристы были росписаны на двѣ партіи. Первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-майора (подполковника Лепарскаго, племянника коменданта) и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ плацъ-адъютанта К.; вторую партію черезъ три дня послѣ вывелъ самъ старикъ-комендантъ съ плацъ-адъютантомъ Р.

7-го августа по утру выступила первая партія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди одного изъ товарищей въ круглой шляпѣ, съ величайшими полями и въ какомъ-то чорномъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія, похожаго на квакерской. «Въ правой рукѣ выше его палка, въ лѣвой—книга, которую онъ читалъ. Другой въ курткѣ à l'enfant; третій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долго-

---

карбункулъ и антоновъ огонь развились такъ быстро, что больной черезъ два дня умеръ. Всѣ товарищи проводили его на заводской погостъ, неся его тѣло до церкви на рукахъ, перемѣняясь поочередно. Организовавшаяся окончательно на то время артель похороны А. С. Пестова приняла на свой счотъ (издержала 21 р. 84 к.) и сверхъ того со всѣхъ собрана была сумма (100 руб.) на сооруженіе ему памятника. Всѣ вещи покойнаго комендантъ предоставилъ въ полное распоряженіе общества товарищей, но всѣ отказались. Выдѣлили награду двумъ служителямъ, а когда кое-какія вещи (книги, очки, самоваръ, серебряную ложку) нѣкоторые изъявили желаніе купить на память о покойномъ, то вырученныя деньги постановили употребить въ пользу мальчиковъ, находившихся въ обученіи у товарищей. Всѣ вещи, годныя къ употребленію отправлены къ находящимся на поселеніи (Веденяпину и Шимкову).

полыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ испанскихъ мантіяхъ, иные въ блузахъ. Проѣзжій французъ подумалъ бы, что это изъ дома съумасшедшихъ вывели погулять. Это насъ забавляло».

Вторая партія выступила 9-го августа по утру, въ 9-мъ часу, тихо и въ стройномъ порядкѣ. «Взводъ солдатъ въ авангардѣ, другой въ аріергардѣ, конвойные по сторонамъ: всѣ съ примкнутыми штыками и, сверхъ того, нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками (и бурятъ съ луками и стрѣлами); мы въ серединѣ около своихъ возовъ. Для перевозки поклажи были наняты фургоны, на которыхъ позволялось ѣхать тѣмъ, у кого были раны или кто былъ слабаго здоровья». Отправляясь въ путешествіе, всѣ поспѣшили запастись карандашами, перьями и записными книжками для записыванія впечатлѣній: у большей части книги и бумаги пришли въ Петровской заводъ безукоризненно чистыми; у другихъ заполнены самыми свѣжими впечатлѣніями. Послѣднія сохранили свою живость и вѣрность у барона Штенгеля, у Басаргина и у Розена. Послѣдній не полѣнился, на сколько было возможно, запастись свѣденіями и о бурятахъ и семейскихъ старообрядцахъ.

Провожая ту и другую партію, народъ толпился у воротъ; служившіе прощались и плакали, провожая до перевоза, дальше 3-хъ верстъ отъ селенія. Ту и другую партію провожала ненастная погода, но, несмотря на дождь и грязь, почти всѣ шли пѣшкомъ, предполагая выпить чашу, не проронивъ ни капли. Впереди предстояло 700 верстъ; походъ объявленъ былъ пѣшій: разсчитывали на 48 дней; принимали, послѣ тюремнаго сидѣнья, походъ за прогулку.

На каждую партію полагался одинъ выборной староста-хозяинъ (въ первой Александръ Никол. Сутгофъ, во второй Розенъ). Хозяева, подъ присмотромъ солдатъ, выѣзжали за день впередъ, обязываясь заготовлять самовары, обѣды и ужины. Переходъ на каждый день полагался въ 20 — 30 верстъ. Съ мѣста выходили въ 3 часа утра, къ 8-ми и 9-ти часамъ пополудни кончали переходъ, стараясь становиться около рѣчекъ. Отдохнувъ, шли купаться, затѣмъ *ложились* пить чай и бесѣдовать до обѣда. Одинъ изъ пятерыхъ дежурилъ, т.-е. разливалъ чай, убиралъ посуду. Обѣды разносила съ кухни прислуга. Послѣ обѣда часа 2 — 3 отдыхали, а когда спадалъ жаръ, шли

гулять по ароматнымъ лугамъ роскошной Братской степи. Черезъ три дня назначался суточной отдыхъ; черезъ 12 - 15 верстъ — на часъ отдыхъ для завтрака, съ рюмкой водки, кускомъ курицы или холодной телятины: все это держали въ запасѣ дамы, все время слѣдовавшія вмѣстѣ съ партіями. На ночлегахъ и дневкахъ находили бурятскія юрты — конусообразныя, войлочныя палатки, вмѣщавшія въ себѣ не болѣе 4-5 человѣкъ. Въ каждой юртѣ полагался каморникъ мужчина. Всѣ десять юртъ ставили въ одинъ рядъ и на равномъ другъ отъ друга разстояніи; крайная занималась командою; 11-я назначалась для офицера, 12-я ставилась поодаль для коменданта. Кругомъ цѣпь часовыхъ; зажжонные костры, сторожевая перекличка: все это дѣлало стоянки декабристовъ похожими на военной лагерь. Въ полчаса всѣ были готовы къ походу. Проводниками служили бурята, которыхъ исправникъ успѣлъ предувѣдомить въ томъ, что идутъ злые люди, знающіеся съ шайтаномъ и за то сосланные въ неволю, но не снабдилъ бурятъ необходимымъ: не имѣя ни хлѣба, ни другихъ съѣстныхъ припасовъ, они два раза въ день партіями уходили въ лѣсъ и тамъ въ полчаса утоляли свой голодъ брусникою. Во всякое другое время эти бурята исполняли должность слугъ.

Пищу себѣ путешественники варили подъ открытымъ небомъ, въ дождь накрывали котлы крышкою изъ хвороста съ переплетомъ. Вообще дорожное продовольствіе было гораздо лучше, чѣмъ въ Читѣ. На привалахъ затѣвались шахматы и шашки; на дневникахъ чтеніе газетъ и книгъ. Читинская жизнь перенесена была на кочовку сначала по горамъ и долинамъ, потомъ по гладкой степи до Верхнеудинска; отъ Верхнеудинска по берегамъ разнообразной и красивой Селенги на богатыя и сытыя селенія *семейскихъ* старовѣровъ. Когда дорога отъ дождей испортилась, проложили другую, прорубивши лѣсъ. Дорогой этой Нарышкина успѣла проѣхать въ каретѣ. На этомъ пространствѣ юрты были покинуты; стали ночевать въ избахъ хлѣбосольныхъ и тароватыхъ хозяевъ. Въ концѣ пути физическое утомленіе взяло перевѣсъ: дамы начали выходить изъ терпѣнія и, мало по малу, уѣзжали впередъ. Дорога становилась все труднѣе и непривлекательнѣе: красивая видами стала утомлять мелкими подробностями. Впечатлѣ-

ній немного; развлеченій ещо меньше, хотя о послѣднихъ временами хлопоталъ Лепарскій, по привычкѣ и опыту заботившійся въ этомъ отношеніи о походныхъ людяхъ, дѣлающихъ такой длинной переходъ. На первой половинѣ ихъ интересовали кочевники-буряты, на второй поразили путниковъ домовитые и богатые старовѣры.

Степныя впечатлѣнія начались съ того, что близъ станціи Домно-Ключевской, въ тонкомъ мѣстѣ, ихъ встрѣтили верхами посланные тайшею бурята и перевозили ихъ на лошадяхъ. «Вездѣ мостки: видна заботливость, чтобы не подмочили ногъ, — это насъ забавляло». На одной дневкѣ привезли шамана: «но какъ тутъ былъ тайша самъ, то онъ повидимому и не смѣлъ развернуться. Немножко поскакалъ, пропѣлъ: «менду-менду»; постучали его ассистенты въ бубны, какъ въ лукошки, и тѣмъ этотъ глупой фарсъ кончился. Примѣтно, что тайша смѣялся такъ, чтобы видѣли, что онъ шаманству не вѣритъ». Когда двое шахматныхъ игроковъ (Трубецкой и Вадковскій) садились за столъ, ихъ окружала толпа бурятъ: восклицаніями и указаніями убѣждали въ томъ, что эта игра имъ хорошо извѣстна. Въ Домнинскомъ зимовьѣ Ив. Александр. Фонъ-Визинъ, узнавши, что одинъ зайсанъ изъ свиты тайши хорошо играетъ, пригласилъ его на партію и былъ побѣжденъ: бурятъ игралъ бѣгло и разсчотливо, и объяснилъ, что игра перешла къ нимъ отъ китайцовъ. Переправа черезъ рѣку Ону подъ наблюденіемъ самого коменданта дала послѣднему случай припомнить и сказать, что въ девяностыхъ годахъ онъ также велъ и переправлялъ черезъ рѣки конфедератовъ. «Это насъ позабавило дорогой». М. С. Лунинъ, имѣвшій право за ранами ѣхать въ фургонѣ, обилъ его клеенкой, спалъ ночью и никогда не оставлялъ днемъ: любопытство бурятъ не имѣло предѣловъ: таинственный незнакомецъ не показывался и представлялся имъ главнымъ преступникомъ, рисовался въ воображеніи ихъ чудовищомъ. Съ неменьшимъ любопытствомъ встрѣчали путешественниковъ и въ русскихъ селеніяхъ, умѣя присоединять къ тому вещественныя доказательства состраданія и участія. Многіе приносили посильныя жертвы: снабжали мясомъ, провизіей, предлагали баню, служили чѣмъ могли и смѣли.

Впечатлѣнія горныхъ мѣстностей начались подъ Верхнеудинскомъ

тѣмъ, что на привалѣ за 5 верстъ до города появились на дрожкахъ тамошнія дамы зѣвать на прохожихъ; онѣ же смотрѣли вмѣстѣ съ верхнеудинскими денди съ галлереи, когда партія шла черезъ городъ. Передъ городомъ «прочли намъ словесное приказаніе коменданта, какъ идти завтра черезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ; трубокъ бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ же приказано не разговаривать и показывать *свирѣпый видъ*. Намъ это дало случай посмѣяться». Передъ городомъ встрѣтила полиція; по возвышеніямъ кучами толпился народъ; комендантъ стоялъ у моста въ позѣ полководца, ведущаго армію. На пути по берегамъ Селенги вся эта парадность была снова оставлена. «Комендантъ, ѣхавшій впередъ, насъ оставилъ. Ник. Бестужевъ далъ совѣтъ хозяину спопутной мельницы, какъ устроить плотину. Семейскіе радушно насъ встрѣтили». Въ ихъ селеніяхъ позволялось ходить изъ избы въ избу, съ квартиры на квартиру, но разъ позволеніе это было отмѣнено по случаю фельдъегеря. «Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмо къ Марьѣ Никол. (Волконской) вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности». «Узнали, что фельдъегерь уѣхалъ обратно, но не слышно, чтобы онъ привезъ что либо поважнѣе дозволенія Марьѣ Ник. видѣться дорогою съ мужемъ*). Пріѣхала она показать полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее». «При выступленіи изъ Харауза фонъ-Визинъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило». «Достали гдѣ-то двѣ-три бутылки шипучаго и выпили по бокалу». «Это было для нашего новоселья хорошимъ предзнаменованіемъ». Къ заводу приближались веселыми. Дамы, уѣхавшія впередъ, выѣхали на встрѣчу мужей. При посредствѣ коменданта и содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ дамы успѣли уже обезпечить себя въ заводѣ постройкою собственныхъ домовъ, образовавшихъ улицу, до сихъ поръ также носящую названіе «Дамской».

---

*) Вѣрнѣе: «фельдъегерь привезъ разрѣшеніе оставить въ Читѣ С. Г. Волконскаго, пока не родитъ его жена, а какъ она родила преждевременно, то и выѣхала вмѣстѣ съ мужемъ».

«Дорога вела въ междугоріе и тѣснины: все какъ бы предвѣщало приближеніе къ мрачной тюрьмѣ; но всѣ шли съ веселымъ духомъ. На половинѣ сдѣлали привалъ». «Послѣднія версты дорога вилась лѣсомъ, рѣдѣвшимъ по мѣрѣ приближенія къ Петровску; за лѣсомъ слѣдовала опушка—кустарники — и болото; на сѣверѣ и востокѣ потянулись высокія горы. Въ глубокой долинѣ намъ показалась большая деревня: церковь, фабричное строеніе съ многочисленными трубами, ручей и — позади его красная крыша тюрьмы: неуклюжее зданіе на каменномъ фундаментѣ, выстроенное въ формѣ висѣлицы съ большимъ количествомъ кирпичныхъ трубъ; стѣны же были безъ оконъ». «Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть ранцы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель, и — шутили! При вступленіи въ заводъ множество народа высыпало насъ смотрѣть. Насъ встрѣтилъ заводскій полиціймейстеръ и поѣхалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подъ которой надо было проходить, стояло также множество зрителей чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвающихъ. У дома Алекс. Григ. (Муравьевой) наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей *). Весело вошедъ въ стѣны своей бастиліи, бросились въ объятія товарищей, съ коими 48 дней были въ разлукѣ; сдѣлали 31 переходъ и 15 было дневокъ».

«Вскорѣ насъ размѣстили. Мы вступили въ тюрьму какъ въ преддверіе гроба, но сердца были спокойны, душа тверда. Товарищи разсказывали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться. Правила возбудили между нами всеобщій хохотъ и всѣ твердили: «отъ запертія до отпертія», а поэтому вѣроятно намъ никакихъ правилъ уже не показывали. Не только мы, но даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которыя имъ читали на гауптвахтѣ. Во всякое отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ. Совершенно темные нумера, желѣзные запоры, четырехъ-сажонный тынъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть каждаго, но таково слѣдствіе

*) Изъ дамъ впередъ уѣхали тѣ, которыя имѣли дѣтей, другія тянулись за партіями въ собственныхъ экипажахъ.

привычки; мы были равнодушны ко всему. Я вспомнилъ Зайцовскаго ямщика, который въ 1819 году, подъѣзжая къ Бронницамъ, на вопросъ мой: «начинаютъ ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни?»—отвѣчалъ: «Да, батюшко—баринъ: велятъ, такъ и въ аду привыкнешь». Какъ сильно и какъ справедливо! Я тогда не воображалъ, что опытомъ узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предузнать, что ещо впередъ испытать предназначено?... да будетъ воля Твоя!... *)»

Балегинскій Петровскій желѣзный заводъ оконченъ былъ постройкою въ 1789 и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представлялъ людное селеніе, оживленное ссыльными рабочими всякаго рода, которые тянули проволоки, ковали шинное желѣзо, отливали разныя желѣзныя вещи. Стояла ещо при заводѣ пильная мельница съ водянымъ приводомъ, но стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла: механизмъ испортился и всѣ считали его уже вовсе неисправимымъ. Но прыбыли новые жильцы, въ средѣ которыхъ нашлись два замѣчательные механика: Н. А. Бестужевъ и К. П. Торсонъ, съѣздили на мельницу, посмотрѣли и, черезъ нѣсколько часовъ, — къ удивленію чиновниковъ, мастеровъ и фабричныхъ — мельница начала пилить снова. Эта мельница и сама желѣзная фабрика остались въ сторонѣ и внѣ другихъ правъ и вліяній новыхъ пришельцовъ: тутъ и тамъ работали каторжные, сосланные не за государственныя преступленія. Для нихъ и тюремное помѣщеніе издавна существовало особо. Для новыхъ заводскихъ обывателей выстроена была новая ручная мельница на подобіе читинской и новый казематъ, имѣвшій видъ покоя (II). На такой-же точно сырой и болотистой почвѣ, на которой приладилась новая *Дамская* улица **), на самомъ низменномъ мѣстѣ

*) Комендантъ Лепарскій получилъ за походъ Владиміра 2 степени со звѣздою.

**) Изъ дамъ имѣли собственные дома: Трубецкая, Волконская и Анненкова. Муравьева, Нарышкина и Давыдова нанимали дома, которые сами же и выстроили на собственной счотъ. Дома были большею частію двухэтажные, со свѣтелками.

всей той впадины между горами, въ которой помѣстился заводъ, выстроено было одно-этажное зданіе съ кордегардіями на главномъ фасѣ. Въ стѣнахъ кордегардой были узенькія щели бойницъ, сквозъ которыя выстрѣлы предполагались быть перекрестными. Эти кордегардіи, выдвинутыя нѣсколько впередъ главной линіи имѣли по обѣимъ сторонамъ амбразуры, чрезъ которыя предполагалось обстрѣливать разомъ оба фаса зданія на случай побѣга заключонныхъ.

Въ срединѣ главнаго и передняго фаса помѣщалась единственная гауптвахта и былъ единственный входъ въ казематы. Крытыя ворота приводили на дворъ прямо къ особому зданію съ кухней, кладовой и обширной столовой. Вся внутренность двора, обстроенная съ трехъ сторонъ зданіемъ казематовъ и забранная съ четвертой тыномъ *), представлялась разгороженною такими же отвѣсными бревнами на 8 отдѣльныхъ дворовъ съ особыми воротами. На эти дворы выходили двери 12-ти отдѣленій каземата прямо изъ корридора, на которой вели двери уже изъ самыхъ 64-хъ нумеровъ. Къ каждому отдѣленію принадлежало пять нумеровъ. Такихъ отдѣленій было 8 съ 5-ю комнатами, въ 4 отдѣленіяхъ (угольныхъ) было до 6 комнатъ, выходившихъ въ общій корридоръ своего отдѣленія. Слѣдующіе пять нумеровъ, образующихъ сосѣднее отдѣленіе, отдѣлялись толстой капитальной (деревянной) стѣной съ тяжолою дверью, которая запиралась замкомъ. На ночь узники запирались уже четырьмя замками. Ключъ отъ дверей отдѣленій хранился у коменданта, и эти двери отпирались только передъ нимъ и другими вліятельными лицами (какъ Сулима, Броневскій, адъютанты военнаго министра и пр.): тогда все зданіе можно было обойдти кругомъ—корридоръ прерывался только караульной и воро-

*) По первоначальному проекту и эту сторону предполагали застроить казематами, но убыль ушедшихъ на поселеніе по различнымъ милостивымъ манифестамъ остановила это дѣло. Такимъ образомъ петровскіе казематы вмѣстѣ съ огороднымъ мѣстомъ составляли прямоугольный равнобедренный четырехъугольникъ. Пустое огорожонное пространство служило мѣстомъ для прогулокъ. Тутъ зимою устраивались горы и катки для катанья на конькахъ.

тами. Отмежованный для каждаго отдѣленія внутри двора небольшой четвероугольный дворикъ, забранный тыномъ, преслѣдовалъ ту же мысль отдѣленія товарищей другъ отъ друга. Здѣсь однако узники успѣли завести зайцовъ, козуль, журавлей. Какъ по отдѣленіямъ въ корридорахъ могли видаться только жильцы пяти сосѣднихъ нумеровъ, выходившихъ дверями въ корридоръ, такъ точно на внутреннихъ дворикахъ встрѣчались жильцы или того же отдѣленія или трехъ сосѣднихъ. Такимъ образомъ для четырехъ отдѣленій 1, 2, 11 и 12 (считая съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы: для 3, 4, 5—одинъ общій, для 8, 9 и 10—тоже общій, а для двухъ среднихъ (6 и 7), находившихся по бокамъ входныхъ воротъ, одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ. Каждое отдѣленіе, не сообщаясь съ другимъ въ корридорѣ, имѣло особый входъ со двора, по единственной лѣстницѣ, поднимавшейся съ дворика и приводившей въ корридоръ отдѣленія, имѣвшій сажени $1^1/_2$ ширины, и саженъ 5 длины. Корридоръ былъ теплый, изъ него топились печи (одна на два нумера). Каждая келья имѣла 7 шаговъ длины и 6 ширины (нумера, очутившіеся на углахъ, были побольше; срединные, шедшіе по фасу — меньше, но одинаковой величины между собою). Кельи были высоки, казались просторными, когда на каждую назначалось по одному человѣку, но имѣли тотъ недостатокъ, который сначала неожиданно и мучительно поразилъ пришельцовъ: кельи были почти вовсе темны, получая свѣтъ изъ корридора чрезъ рѣшотчатое стеклянное оконцо надъ дверями. Въ свѣтлой день нельзя было не только читать, но и разобрать цифры на часовомъ циферблатѣ. Къ тому же близилось время зимнее и осеннее, обязывавшее или сидѣть въ потьмахъ, или жечь свѣчи цѣлый день; нѣкоторымъ приводилось прожить такимъ образомъ еще 12 лѣтъ срочныхъ, назначенныхъ приговоромъ. Комендантъ, внѣдряя жильцовъ, входилъ въ нумеръ, запиралъ дверь, вынималъ бумагу, читалъ и говорилъ: «очень темно». Когда ему возражали, что можно привыкнуть,—онъ устаивалъ на своемъ «очень темно» и устоялъ фактически въ представленіи своемъ, посланномъ въ Петербургъ. Въ представленіи этомъ онъ выставлялъ

опасность умопомѣшательствъ и простодушно увѣрялъ, что есть уже и замѣчена нѣкоторая наклонность къ тому. До времени разрѣшенія онъ дозволилъ отворять въ корридоръ двери и приставлять къ дверямъ столы для занятій. Нѣкоторые ухитрялись, какъ Н. А. Бестужевъ, пристраивать подмостки, чтобы воспользоваться скуднымъ количествомъ свѣта, достигавшаго изъ окна корридора черезъ наддверную скважину, называвшуюся окномъ. Такіе подмостки прилажены были всѣми, кто желалъ заниматься. Въ корридорѣ съ обыкновенными окнами, обращенными на улицу, было свѣтло, но зимою стало невыносимо холодно: начали заниматься въ нумерахъ при свѣчахъ и въ теченіе зимы многіе успѣли разстроить зрѣніе и прибѣгнуть къ помощи очковъ. Читинскія дамы, вліятельныя въ Петербургѣ своими связями, написали о темныхъ жилищахъ къ роднымъ; комендантъ съ своей стороны прибавилъ по начальству, что темнота каютъ разслабляетъ здоровье и предрасполагаетъ къ меланхоліи: въ апрѣлѣ 1831 года вышло разрѣшеніе прорубить окна. Объявлено было всѣмъ собраннымъ заключеннымъ, какъ о милости, чрезъ военнаго министра (Чернышова) и между прочимъ напоминали о первой милости: о кандалахъ, снятыхъ въ Читѣ. Окна прорубили подъ крышей наружнаго фаса такъ высоко, что человѣкъ большаго роста (какъ Якубовичъ) могъ видѣть одно только небо. Въ казематахъ происходили, почти впродолженіе цѣлаго года, безпрестанныя поправки: многія печи пришлось сломать и сложить новыя. Наскоро сложенное зданіе, отъ сырости и неумѣлой постройки, сѣло по угламъ, сдѣлавши угловые нумера и сосѣдніе съ ними холодными, неудобными для жилья. Отъ дурной постройки (вслѣдствіе воровства) стѣны состояли изъ коротенькихъ обрубковъ. Былъ случай, что одинъ такой обрубокъ руками вынули совсѣмъ изъ стѣны; стѣны корридора выпучило наружу; ничѣмъ не отдѣленныя отъ печей нѣкоторыя стѣны не разъ загорались. Вмѣсто одного стали жить въ нумерахъ подвое (братья Анд. и Петръ Ив. Борисовы, Бестужевы, Бѣляевы, Крюковы)., Основаніе распредѣленія вышло отъ самаго казематнаго общества, которое настояло на отмѣнѣ росписанія коменданта и требовало предоставить самимъ размѣститься по

справедливости. Помѣстили по-двое тѣхъ, которыхъ сроки были меньше и которымъ, стало быть, недолго приходилось переносить неудобства помѣщенія вдвоемъ. Старшій разрядъ весь жилъ поодиночкѣ. Когда начали штукатурить коридоръ и казематы, то привелось жить еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи. Прежде въ каждомъ нумерѣ полагались въ одномъ углу нары,—теперь и другой уголъ стѣсненъ былъ этимъ неуклюжимъ ложемъ; въ третьемъ углу добавляла тѣсноту печь. Желѣзныя рѣшотки новыхъ оконъ ослабляли свѣтъ и не давали его въ желаемомъ и необходимомъ количествѣ. Товарищи считали для себя стѣсненіе обязательнымъ и пріятнымъ лишь на то время, когда дамамъ позволено было жить съ мужьями въ казематахъ. Женатые стали жить въ двухъ нумерахъ, за то по вечерамъ устраивалась семейныя бесѣды. Это продолжалось около года. Когда начались передѣлки, дамы выбрались, и мужья съ ними. Дамы уже не переходили въ тюрьму; мужьямъ позволено ходить, когда пожелаютъ и только ночевать должны были въ камерахъ. Подъ конецъ разрѣшено постоянно жить съ жонами на квартирахъ и женатые даже ночевать не приходили въ тюрьму, сначала Нарышкинъ, жена котораго занемогла простудной горячкой, потомъ Ник. Муравьевъ, который самъ занемогъ гнилой горячкой. Дамы страдали неволей: одна отъ скуки разсыпанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ въ разныя коробочки подбирала цвѣтъ къ цвѣту и приводила тѣнями въ порядокъ, отъ мучительной скуки. Лѣтомъ въ надворныхъ садикахъ устроили дорожки, по которымъ можно было гулять во всякую погоду; развели гряды съ огурцами; къ наружнымъ дверямъ корридора, вмѣсто лѣстницы, приладили насыпь съ откосами, покрытыми булыжникомъ. На среднемъ дворѣ отгорожено было мѣсто для сада, но садъ никогда не былъ засаженъ. Въ большой комнатѣ у кухни, назначенной для богослуженія, скоро приладился читинскій клубъ, съ тѣмъ же удобствомъ переносимый на мельницу. Въ Петровскомъ заводѣ страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе были у каждаго почти настольными книгами. Изъ современныхъ писателей пользовался наибольшимъ уваженіемъ Бальзакъ. Библіотека состояла изъ ученыхъ книгъ, спеціальныхъ журналовъ и сочиненій. На мельницѣ, по прежнему, зимою продолжали вымалы-

вать нѣсколько фунтовъ такой муки, которая потомъ никуда негодилась; а лѣтомъ занимались проложеніемъ дорогъ и огородничествомъ. Столярная установилась по старому *). Торсонъ приготовлялъ модели машинъ: пильной, жатвенной и молотильной. Сверхъ того изготовлялись стулья, столы, кресла, комоды сколько для себя въ нумера, сколько и для дамъ, на квартиры. Въ нумерахъ: у братьевъ Борисовыхъ собиралась ботаническая коллекція сибирской флоры, начатая въ Благодатскомъ рудникѣ, дополнявшаяся въ Читѣ и обогащонная экскурсіями по Братской *степи*, и по дорогѣ изъ Читы въ Петровскъ. У Андр. Ив. приготовлялась энтомологическая коллекція, возбудившая собою впослѣдствіи въ Москвѣ серьезный интересъ въ спеціалистахъ; Петръ Ив. составилъ коллекцію рисунковъ Забайкальской флоры и орнитологію. Снятіемъ видовъ занимались М. А. и Н. А. Бестужевы, а П. И. Фаленбергъ производилъ топографическія съемки и самъ сдѣлалъ для этого планшетъ. Андреевичъ въ своемъ нумерѣ написалъ масляными красками огромрый запрестольный образъ для Читинскаго собора. Занятіе литературой можно считать однимъ изъ основныхъ и любимыхъ; въ казематѣ жили признанные поэты (Одоевскій), извѣстные авторы и издатели журналовъ (Корниловичъ—издатель журнала «Русская Старина, Лунинъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ и друг. Большая часть явилась сюда литературно - подготовленною съ любовью къ ней и съ знаніемъ (И. Д. Якушкинъ, случайно встрѣтившись съ А. А. Бестужевымъ въ Иркутскѣ въ банѣ нѣсколько минутъ случайнаго свиданія посвящаетъ разговору о вышедшихъ тогда Цыганахъ Пушкина). На досугѣ подъ вліяніемъ товарищей и впечатлѣніями заточенія обратились къ литературнымъ занятіямъ даже и тѣ, которые считали до тѣхъ поръ это дѣло для себя чуждымъ и постороннимъ, и на сво-

*) Въ Читинской столярной Н. А. Загорѣцкій, съ помощію простаго столяра, изготовилъ прекрасные стѣнные часы изъ кострюль и картона, съ помощію однаго ножичка и пилочки, и подъ мракомъ таинственности. Всѣ острыя орудія были запрещены: не давали ни ножей, ни вилокъ и даже обламывали кончики щипцовъ. Н. А. Бестужевъ всѣми неправдами добылъ себѣ ножъ и маленькій подпилокъ, устроилъ токарный станокъ и сдѣлалъ часы, которые и подарилъ А. Гр. Муравьевой. Комендантъ — какъ извѣстно—разрѣшилъ ему впослѣдствіи пользоваться инструментами.

бодѣ ничего не писали. Авторство успѣло увлечь многихъ и свидѣтельство о томъ мы встрѣчаемъ почти въ каждой изъ завѣщанныхъ узниками запискѣ, — относящихся разумѣется къ тому времени, когда въ Петровскомъ казематѣ окончательно отвоеваны были чернила и бумага. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, при глубокой вѣрѣ сохранившій до конца жизни свѣтлый и многосторонній умъ, писалъ остроумныя басни и переводилъ псалмы и посланія апостольскія. Ивашевъ написалъ эпосъ «Стенька Разинъ», Одоевскій писалъ пѣсни, посланія и проговаривался остроумными эпиграммами; Лунинъ—критическія статьи, а многіе другіе узники воспоминанія о прожитой жизни, и о событіи, увлекшемъ въ заточеніе. М. А. Бестужевъ написалъ цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія— по его свидѣтельству — были сожжены Мухановымъ при домовомъ обыскѣ полиціи на поселеніи, по доносу одного чиновника. Н. А. Бестужевъ написалъ Записки моряка и критическія статьи, между которыми выдается своими достоинствами разборъ книги Н. И. Тургенева и сохранившійся въ письмахъ къ С. Г. Волконскому.

Конст. Петр. Торсонъ на свободѣ, до ссылки составившій проектъ о преобразованіи флота, также возстановлялъ свои воспоминанія о морскомъ путешествіи и впечатлѣніяхъ въ литературно-отдѣланной формѣ. «Житье въ Петровскомъ заводѣ была самая цвѣтущая эпоха стихотвореній, повѣстей, разсказовъ и мемуаровъ» — свидѣтельствуетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ запискахъ.

Въ это же время изготовленъ былъ тотъ существенный и весьма важный трудъ политической исповѣди въ объясненіе цѣлей и намѣреній, послужившихъ причиною 14-го ноября. Этотъ самый важный литературный трудъ, т. е. описаніе событій, относящихся къ роковому дню, составленъ былъ по словеснымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ казематскихъ узниковъ. Все это въ готовомъ видѣ передано было М. С. Лунину, который хотѣлъ переслать сестрѣ и чрезъ ея посредство напечатать за границей, а копію долженъ былъ хранить. Эту копію переписывалъ Громницкій и зарылъ ее гдѣ-то въ лѣсу. Но Лунина посадили въ Акатуй; Громницкій скоропостижно скончался, а съ нимъ умеръ и секретъ, гдѣ была зарыта его рукопись. Хотя многіе послѣ и надували заключениковъ, выпраши-

вая деньги, чтобы указать мѣсто, но все-таки дѣло уже было навсегда потеряно. Н. А. Бестужевъ вычисленіями додумывался до усовершенствованія хронометра съ ничтожной девіаціей (но привелъ свою мысль въ исполненіе уже въ Селенгинскѣ — на поселеніи). «Комендантъ любилъ нами хвастаться передъ пріѣзжими и обыкновенно возилъ ихъ на гору, съ которой можно видѣть расположеніе казематовъ». Когда пріѣхалъ изъ Петербурга адъютантъ военнаго министра и разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлалось, особенно о содержаніи въ казематахъ, — хитрый старикъ «очень ловко предложилъ ему сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія объ насъ и нашихъ женахъ и тѣмъ прекратилъ тайные розыски». Генералъ-губернатора Броневскаго (какъ младшаго чиномъ) даже и не провожалъ онъ самъ по казематамъ, поручивъ это дѣло плацъ-майору. «Генералъ-губернаторъ заходилъ въ иные нумера, а въ другіе только заглядывалъ съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно заглядывали въ желѣзныя клѣтки посѣтители, осматривающіе никогда невиданной ими звѣринецъ». Тѣмъ не менѣе Броневскій написалъ въ запискахъ своихъ такія строки: «замокъ—деревянное квадратное строеніе съ обширнымъ дворомъ, имѣющее со внутренней стороны галлереи, а съ внѣшней — комнаты преступниковъ, для каждаго по одной. Сообщеніе ихъ между собою, прогулки въ галлереяхъ и на дворѣ — свободны. Столъ изъ общей артели сытный. Платье не скудное: у всякаго по состоянію; у нѣкоторыхъ убранство комнатъ весьма пристойное. Такъ-какъ Лепарскому трудно было прожить въ глуши свое содержаніе, то онъ употреблялъ его на устройство сада, въ видахъ общей пользы. Садъ занималъ большое пространство, украшенъ быстрою рѣчкою, дороги, мосты, бесѣдки съ затѣйливымъ разнообразіемъ; капризы, гроты и цвѣтники были роскошные. Не пощажено ни денегъ, ни искусства, въ которомъ нѣтъ тамъ недостатка, и все это единственно для одной прогулки всѣмъ и каждому. Хозяйственной разсчотливости отъ садовъ сибирскихъ, гдѣ не родятся никакіе фрукты, быть не можетъ. Еще и та бѣда, что старикъ гулять не могъ по слабости ногъ. Онъ проѣзжалъ иногда верхомъ по дорожкамъ и радовался, видя, что другіе у него гуляютъ». Комендантъ, и при ухудшеніи тюремнаго помѣщенія, не измѣнилъ и

не ухудшилъ своихъ отношеній: посѣщалъ нерѣдко и обращался вѣжливо: «никогда не войдетъ въ затворенную комнату, не постучавшись и не спросивши позволенія». «Всѣ просьбы исполнялъ съ удовольствіемъ и если былъ недоволенъ какимъ-либо поступкомъ, то никогда не выговаривалъ виновному, а принималъ какую-нибудь общую противъ всѣхъ мѣру, чтобы дать знать виновному, что онъ вредитъ не только себѣ, но и товарищамъ. Плацъ-майоръ ежедневно обходилъ и принималъ просьбы обыкновенно выдти куда нибудь изъ замка; и не только былъ ласковъ, но и почтителенъ». «Работы были неутомительны и очень часто прекращались на мѣсяцъ и на два подъ самыми пустыми предлогами: или по случаю мороза, сильнаго жара, дурной погоды или эпидиміи».

При гарантіяхъ извнѣ, обезпеченное уже многими завоеванными правами, читинское товарищество, успѣвшее хорошо спознать другъ друга, въ Петровскомъ заводѣ устремилось на развитіе внутренней силы своей общины. Въ читинской жизни, сплотившей всѣхъ въ одну семью, было то главное неудобство, что бѣднѣйшіе товарищи становились въ зависимость отъ богатыхъ: не имѣя своего, они все нужное получали отъ другихъ до тѣхъ поръ, пока эти полученія не задерживались, пока не видѣлось иныхъ средствъ для выхода. Возникли неудовольствія, образовался кружокъ протестовавшихъ, видѣвшихъ, что общинному устройству съ равномѣрными правилами для каждаго грозитъ опасность подчиненія небольшому кружку аристократовъ, ихъ произволу. По сохранявшимся долгое время письменнымъ документамъ, которые намъ удалось видѣть, оказывается, что развитіе общественнаго устройства въ казематскомъ обществѣ, на сколько это развитіе выражалось во внѣшнихъ актахъ, происходило слѣдующимъ образомъ: сначала, подъ вліяніемъ горячаго чувства и соотвѣтственно тѣмъ внѣшнымъ условіямъ, въ которыхъ находились заключонные, все было общее. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, когда и женатые и богатые жили въ одной комнатѣ со всѣми остальными. Никакое отдѣльное пользованіе не было тогда и возможно. Присылали ли жоны мужьямъ кушанье, негдѣ было его ѣсть особливо, некуда было даже поставить, какъ на общій столъ. Присылались ли вещи, ихъ выдавали въ присутствіи другихъ. При-

носили ли книги и газеты, ихъ и читать было невозможно иначе, какъ всѣмъ вмѣстѣ. Нельзя было ничѣмъ пользоваться отдѣльно отъ другихъ, потому что и неловко было выказывать свое преимущество, находясь постоянно съ другими, когда ихъ лишенія кололи бы глаза привилегированнымъ. Понятно, что при такомъ общемъ владѣніи, никакое особенное и опредѣленное устройство не казалось нужнымъ, а всякое сомнѣніе въ прочности дружескаго чувства считалось оскорбленіемъ обществу.

Однако, и съ самаго начала были люди предусмотрительные, которые считали нужнымъ установить какія-нибудь правила, во первыхъ, для упроченія самаго дружескаго чувства, удаленіемъ и предупрежденіемъ всѣхъ поводовъ къ искаженію отношеній между товарищами. Съ другой стороны, это было необходимо и съ точки зрѣнія экономической, потому что общее пользованіе было самое безрасчотное и ставило, отъ недостатка предусмотрительности, въ зависимость отъ случайности, не только прочное обезпеченіе выходящихъ на поселеніе, но и удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей самаго казематскаго общества. Не разъ случалось, что и самые богатые были безъ гроша, а огромные запасы терялись отъ расхищенія прислугою. Не смотря на это, мы увидимъ, какъ долго продолжалось сопротивленіе всѣмъ попыткамъ къ переходу отъ патріархальныхъ, такъ сказать, отношеній къ положительно выраженнымъ постановленіямъ, потому что и казематскому обществу, по наблюденію одного изъ его участниковъ, неизбѣжно было пройти всѣ фазисы, которые проходитъ всякое живое, саморазвивающееся общество.

Первый поводъ къ проявленію общественной дѣятельности въ осязаемой, такъ сказать, формѣ, въ приложеніи ко внутреннему устройству, подало одно необдуманное дѣйствіе одного изъ хозяевъ, бывшихъ въ началѣ. Надо сказать, что при назначеніи перваго хозяина не имѣлось въ виду ничего болѣе, какъ наблюденіе надъ кухнею, бывшею до тѣхъ поръ въ завѣдываніи унтеръ-офицера и гдѣ нечистота и расхищеніе припасовъ дошли до крайней степени. Поэтому, не было даже никакого правильнаго выбора, а назначеніе сдѣлано было возгласомъ (par acclamation), какъ бываетъ въ началѣ

развитія всякаго общества. Никакого другаго порученія на хозяина и не возлагалось; это не былъ даже староста, какъ у простыхъ ссыльныхъ. Къ сожалѣнію, первый хозяинъ неосторожно принялъ на себя передачу обществу приказанія коменданта, относившагося ко внутреннимъ распоряженіямъ общества. Общество встревожилось, видя приближавшуюся опасность вмѣшательства во внутреннія дѣла. Рѣшено было составить коммиссію, которая разсмотрѣла бы и обсудила дѣйствія виновнаго хозяина и предложила бы мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ въ будущемъ. Очень понятно, что при этомъ случаѣ возникли всѣ обычные вопросы по отношенію къ праву голоса, къ порядку выбора, къ правамъ коммиссіи и пр., и пр. Въ коммиссію выбраны были съ правомъ двухъ голосовъ: Д. И. Завалишинъ, за комнату Москву большаго каземата и казематъ № 2-й, и Н. Бестужевъ, за двѣ малыя комнаты большаго каземата, и съ правомъ одного голоса: Мухановъ, за казематъ № 3-й, А. Бѣляевъ, за комнату № 1-й, и Игельштромъ, за комнату № 5-й. Коммиссія же избрала предсѣдателемъ Д. И. Завалишина и секретаремъ Петра Ал. Муханова.

Но едва была назначена коммиссія, какъ произошла реакція на возвратъ къ патріархальности. Люди, которые обыкновенно благодушествуютъ по отношенію ко всему, начали говорить: къ чему все это? Другіе осмѣивали «эту игру въ конституцію»; третьи опасались созданія какой-то судебной власти и говорили, что достаточно для огражденія въ будущемъ нравственнаго урока, который получилъ одинъ изъ первыхъ хозяевъ. Потому, когда коммиссія, по разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла, предложила или уполномочить ее или созвать новую коммиссію для составленія нѣкоторыхъ правилъ, то община большинствомъ 32-хъ голосовъ противъ 20-ти рѣшила все оставить по старому. Однако же предсѣдатель коммиссіи успѣлъ заявить и коммиссія единогласно приняла его заявленіе, что «необходимо установить положительныя правила, какъ для пользованія всѣмъ въ казематѣ, начиная отъ денегъ, пищи, одежды и пр. до книгъ и газетъ, такъ и для обезпеченія выходящихъ на поселеніе и состоящихъ на поселеніи, а для распоряженія всѣмъ этимъ

назначить должностныхъ лицъ, со строго опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія.

Между тѣмъ измѣненіе внѣшныхъ условій и положенія происходило въ такомъ видѣ, что вело неминуемо къ усиленію до очевидности малозамѣчаемыхъ прежде злоупотребленій общаго пользованія и личныхъ отношеній. Прежде всего опредѣлилось положеніе женатыхъ, которыхъ стали отпускать въ дома ихъ жонъ, и которые нашли тамъ возможность пользоваться отдѣльно своими богатыми средствами и менѣе замѣчать недостаточность и нужды товарищей, которыя не кидались уже имъ въ глаза, потому что не имѣли ихъ постоянно на виду. Потомъ стали давать позволеніе (подъ предлогомъ уменьшенія тѣсноты) богатымъ строить отдѣльные домики внутри казематской ограды, что̀ допустило также пользованіе своими средствами отдѣльно отъ товарищей и, сверхъ того, образовало кружки около привилегированныхъ личностей. Наконецъ, съ переходомъ въ Петровскій казематъ, когда каждый, получивъ отдѣльную комнату, могъ слѣдовать своимъ привычкамъ, и стали вставать, ложиться, пить чай и обѣдать когда кто хотѣлъ, рушились само собою, мало-по-малу, и общій чай и общій столъ. Съ другой стороны, когда можно было уже и не видѣть товарищей и имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ нуждъ, пособіе богатыхъ бѣднымъ деньгами и одеждою зависѣло уже отъ прямой просьбы бѣдныхъ; при чемъ, разумѣется, болѣе всего терпѣли наиболѣе деликатные. Самое пользованіе журналами и книгами дошло до того, что у иного накоплялись цѣлыя груды ихъ, которыхъ ему за другими развлеченіями нѣкогда было и читать, а другіе по цѣлымъ недѣлямъ не могли достать ничего, подвергаясь непріятности ходить выпрашивать и слышать непріятный отвѣтъ, что самъ-де ещо не читалъ.

Между тѣмъ, тюремное заключеніе лишало недостаточныхъ возможности извлекать средства изъ своего труда и искусства, а было очевидно, что 1 рубля 98 к. асс. деньгами и пайка 2 п. муки въ мѣсяцъ недостаточно для пищи и одежды. Слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: или найти опредѣленное обезпеченіе всѣмъ внутри себя, или требовать содержанія и одежды отъ казны. Но послѣднее осуждалось, какъ унизительное, а всякое принужденіе богатыхъ къ

опредѣленному взносу въ общину представлялось какъ посягательство на собственность. Изъ такого положенія не представлялось, повидимому, никакого выхода, и раздраженіе между богатыми и неимѣвшими ничего дошло до крайней степени.

Тогда очевидно стало, что средство соглашенія можетъ выйти только отъ такихъ лицъ, которые независимы по своему положенію, или отъ такъ-называемой средней партіи, т.-е. отъ такихъ, которые получали столько отъ родныхъ, сколько необходимо было для нихъ самихъ. Они не нуждались, слѣдовательно, въ пособіи другихъ, но и сами могли удѣлить другимъ, развѣ только лишая ужъ самихъ себя необходимаго. Они, стало быть, не могли ни выиграть, ни проиграть ни при какомъ устройствѣ, а потому и могли быть безпристрастными судьями и посредниками. И дѣйствительно, отъ такихъ людей и вышло удовлетворительное разрѣшеніе вопроса.

Иванъ Сем. Повало-Швейковскій, Александръ и Николай Александровичи Крюковы, Александръ Иван. Вегелинъ, жившіе въ одномъ отдѣленіи съ Дм. И. Завалишинымъ, а также нѣкоторые другіе, пришли къ послѣднему съ просьбою отложить на время свои ученыя занятія и, взявъ общественное дѣло въ свои руки, отыскать справедливое основаніе для общаго соглашенія.

Для человѣка безпристрастнаго найти его было не трудно. Такимъ основаніемъ представлено было имъ слѣдующее: такъ-какъ по общему правилу правительствомъ допускается получить одиночному только 500 р., а женатымъ только 2,000 р., сверхъ же этого позволяется получать болѣе только подъ условіемъ, что это назначается для вспоможенія товарищамъ, неимѣющимъ ничего отъ родныхъ, то это вспоможеніе является уже обязательнымъ и нѣтъ никакого посягательства на собственность въ требованіи обязательнаго взноса *). Если же они не желаютъ употреблять получаемое сверхъ положенія на вспоможеніе товарищамъ, то не имѣютъ и права дѣлать

---

*) Объ этомъ обязательномъ ограниченіи сообщалъ самъ комендантъ. Это же послужило основаніемъ и для опредѣленія артельнаго довольствія; это же ограниченіе установлено было потомъ и для вышедшихъ изъ каземата на поселеніе.

предлогъ для полученія излишка изъ такого дѣйствія и условія, которое ими не исполняется. Потому, въ случаѣ отказа ихъ, неимѣющіе ничего имѣютъ право объявить коменданту, что не получаютъ вспоможенія отъ товарищей и требовать казенное содержаніе.

Какъ ни ясно было дѣло, получившее такое выраженіе, но и тутъ сначала высказалось съ одной стороны сильное сопротивленіе, а съ другой нерѣшительность—прежде возбудили сильную бурю, и поспѣшнымъ удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ, изъ наибилѣе шумѣвшихъ неимущихъ успѣли отвлечь отъ настоятельнаго требованія казеннаго содержанія. Но справедливость высказаннаго основанія для рѣшенія дѣла до такой степени была очевидна, необходимость прочнаго соглашенія и обезпеченія, которымъ обусловливались спокойствіе общины и душевное состояніе каждаго были до такой степени настоятельны, что послѣ нѣкотораго, кратковременнаго колебанія, сдѣлалось слишкомъ ясно, что дѣло никакъ нельзя отлагать надолго. Проникая постепенно въ убѣжденіе высказаннаго выше основанія, пришли, наконецъ, къ избранію коммиссіи для составленія устава артели: Въ коммиссію были избраны между прочими: Д. И. Завалишинъ, Пав. Сер. Бобрищевъ-Пушкинъ, П. А. Мухановъ, Александръ И. Одоевскій и др. Къ ней присоединили, для объясненій по части хозяйства, череднаго въ тотъ годъ хозяина. Дѣлопроизводителемъ коммиссіи былъ избранъ Дм. Ив. Завалишинъ. Засѣданія коммиссіи были публичны, и привлекали огромное число слушателей не только изъ товарищей, но даже изъ дамъ и изъ служащихъ. Самъ Лепарскій два раза слушалъ разсужденія, заходя въ залу, гдѣ собиралась коммиссія, и останавливаясь мимоходомъ за ширмами *).

*) Коммиссіи дано было полномочіе «учредительнаго собранія (constituante). Рѣшенія ея были окончательныя, и впослѣдствіи уставъ могъ измѣняться только по правиламъ, опредѣленнымъ въ самомъ уставѣ. Коммиссія однако пользовалась своимъ полномочіемъ очень либерально: не только засѣданія были гласныя, но и внѣ засѣданій члены коммиссіи въ своихъ отдѣленіяхъ обсуждали со всѣми каждый пунктъ. Можно сказать, что обсужденіе было общее и каждый пунктъ устава былъ несомнѣнно выраженіемъ большинства мнѣній.

Комендантъ до такой степени испугался доведенія до правительства требованія казеннаго содержанія, и слѣдовательно допущенной имъ неправильности въ полученіи излишнихъ денегъ на пособіе товарищамъ (которое не производилось и такимъ образомъ только обманывалось правительство), что самъ всѣми средствами ускорялъ установленіе внутренняго устройства добровольнымъ рѣшеніемъ. Онъ не только официально дозволилъ употребленіе бумаги, чернилъ и перьевъ для занятія коммиссіи, но и разрѣшилъ ночныя засѣданія ея въ общей залѣ.

Коммиссія занималась буквально безъ отдыха и быстро окончила свое порученіе. Когда уставъ былъ составленъ и подписанъ членами коммиссіи, всѣ собраны были вечеромъ въ общую залу, гдѣ и былъ онъ прочитанъ членами коммиссіи. Уставъ не подлежалъ голосованію и получилъ окончательную силу отъ коммиссіи. Общее примиреніе отпраздновано было празднествомъ, продолжавшимся всю ночь.

На другой же день произошли выборы должностныхъ лицъ на основаніи новаго устава *).

Когда такимъ образомъ каждый членъ общины получилъ обезпеченныя денежныя средства, то можно было приступить къ устройству учрежденія для обезпеченія выходящихъ на поселеніе въ родѣ страховаго общества. Поэтому вскорѣ послѣ учрежденія общей артели, для обезпеченія на время пребыванія въ казаматѣ, Дм. Ир. Завалишинъ, Ив. Ив. Пущинъ и Петръ Ал. Мухановъ учредили артель для обезпеченія на время поселенія. Эта артель обыкновенно называлась малою, для отличія отъ общей, получившей съ тѣхъ поръ названіе большой. Желающіе участвовать въ малой вносили извѣстный процентъ съ получаемыхъ ими денегъ, за что имъ обезпечивалась выдача извѣстной суммы при отъѣздѣ на поселеніе. Капиталъ малой суммы увеличивался кромѣ того пожертвованіями, и коммерче-

*) Мы видѣли подлинникъ этого Устава съ собственноручными подписями членовъ учредительной коммиссіи: Бобрищевымъ—Пушкинымъ, Бечасновымъ, Завалишинымъ 1-мъ, Миньковымъ, Мухановымъ, Одоевскимъ и Поджіо. Послѣдній подписалъ уставъ на правахъ очереднаго хозяина, участвовавшаго въ коммиссіи для объясненій по хозяйственной части.

скими оборотами, составляя ссудный банкъ. Записки должностныхъ лицъ обѣихъ артелей имѣли въ заводѣ значеніе кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ для введенія правильности и справедливости въ распредѣленіи чтенія газетъ и журналовъ, Д. И. Завалишинъ, Мих. Фотіевичъ Митьковъ и Сергѣй Григ. Волконскій составили журнальную артель. Желающіе участвовать въ чтеніи вносили ежегодно опредѣленную сумму, на которую дѣлалась общая выписка, и сверхъ того доставляли въ артель журналы, получаемые ими на собственное лицо. Выписываемые журналы и газеты артелью доставлялись немедленно по полученіи съ почты къ распорядителю чтенія; получаемые лично — чрезъ извѣстный срокъ. Въ чтеніи наблюдалась очередь, а въ распредѣленіи соблюдалось, чтобы очередь чтенія разныхъ газетъ началась съ разныхъ лицъ, чтобъ доставить чтеніе разомъ большому числу, и чтобы разные журналы не пришлись въ одно время одному и то му же лицу. На чтеніе газеты опредѣлялось два часа, для книжки журнала назначалось два дня. Можно было просить выдачи по прочтеніи всѣми. Газеты и книжки пришивались къ папкѣ, къ которой пришивали и списокъ очереди. Въ полученіи расписывались; распорядителемъ чтенія избранъ былъ Д. И. Завалишинъ. Онъ для скорѣйшаго удовлетворенія любопытныхъ, тотчасъ, по полученіи газетъ, приносилъ ихъ въ общую залу, и пока составлялъ списки и производилась пришивка, дозволялось всѣмъ просматривать газеты. Случалось, что если находили въ какой газетѣ что либо особенное, то отправлялись гурьбой къ тому, съ кого въ тотъ день начиналось чтеніе этой газеты.

Большая артель такъ вѣрно обезпечила матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что «никто во все время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ». «Каждый становился на свое мѣсто; артель нравственно уравняла тѣхъ, которые имѣли средства, съ неимѣвшими таковыхъ, и не дозволяла первымъ смотрѣть на товарищей, какъ на людей низшихъ». Все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Артель установила прежде всего общій столъ; обѣдать въ назначенную столовую не ходили: обѣдали по отдѣленіямъ въ корридорѣ; сторожъ прислуживалъ и тутъ

же кормился и самъ. Женатые, не имѣя права на общій столъ, получали кушанья изъ квартиръ жонъ и гораздо лучше и болѣе разнообразныя *). Богатыя дамы могли снабжать отъѣзжавшихъ товарищей такими дорогими винами, какъ венгерское и токайское, и притомъ хорошо выстоявшееся въ петербургскихъ погребахъ богатыхъ и роскошныхъ домовъ.

Такъ-какъ при первоначальномъ начертаніи постановленій для артели служили теоретическія соображенія, время же и опытъ показывали до какой степени послѣднія согласовались съ возможностію и удобствомъ исполненія, то товарищеская община нѣсколько разъ принуждена была измѣнять и дополнять артельныя правила. Въ основаніе устава артели положены нижеслѣдующіе поводы и причины:

«Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ необходимости имѣть всегда на лицо опредѣленную сумму денегъ, которая могла бы служить, какъ для обезпеченія общественныхъ потребностей, такъ и для удовлетворенія потребностей каждаго лица. Положительное назначеніе суммы на наступающій годъ: во 1-хъ доставляетъ хозяину возможность располагать оною съ большею выгодою для артели и сдѣлать годовыя и срочныя закупки, во 2-хъ можетъ нѣкоторымъ образомъ отвратить затруднительное положеніе, въ какомъ артель и каждый участникъ иногда находились отъ замедленной присылки денегъ. Для этой цѣли составлялась годовая общественная сумма (§ 2) подпискою на взносы (§ 3), жалованьемъ отъ казны, суммою отъ продажи экономической муки; подписка оканчивалась (§ 4) къ 1 февраля.

Сумма изъ 500 руб. (§ 5) принята необходимою на полное годовое содержаніе (и не было ни одного года, въ который бы не доставалась каждому члену артели вся эта сумма сполна). На основаніи этого правила подписка производилась троякимъ образомъ: 1, всѣ

*) Процедура снабженія пищею женатыхъ производилась такъ: въ обѣденный часъ поваръ или кухарка приносили кушанье въ караульную, оттуда часовые приносили въ корридоры отдѣленій; корридорные сторожа ставили на столъ. Приходили жоны и обѣдали вмѣстѣ; дѣтямъ не дозволялось; слугъ заключеннымъ не показывали. Впослѣдствіи, когда все перемололось — все и переломалось и измѣнилось на лучшее и болѣе упрощенное.

участники, получающіе 500 р., подписывали ихъ сполна; 2, получающіе менѣе отдавали всѣ присылаемыя имъ деньги; 3, получающіе болѣе подписывали непремѣнно 500, а свыше этой суммы по желанію. На практикѣ послѣднее исполнялось такъ, что получавшіе болѣе 500 р. вносили въ $1^1/_2$—2 раза противъ получаемаго изъ артели: кто 800, а кто и тысячу руб. Женатые ничѣмъ не пользовались изъ артели, и между тѣмъ подписывали значительные ежегодные взносы: Трубецкой отъ 2 до 3 тыс., Волконскій до 2 тыс., Муравьевы отъ 2 до 3 тыс., Ивашовъ, Нарышкинъ и фонъ-Визинъ до 1 тыс. При подпискѣ (§ 6) означались вѣроятнѣйшіе сроки взносовъ.

Подписная сумма обращалась въ дѣйствительную слѣдующимъ образомъ: подписавшіе 500 руб. и менѣе вносили деньги немедленно по полученіи; подписавшіе больше вносили, если возможно, въ срокъ, ими назначенной (§ 7). Сложность общественной суммы раздѣлялась на три части: хозяйственную, частную и экономическую. Хозяйственная сумма, предназначавшаяся на продовольствіе всѣхъ участниковъ артели (§ 8), опредѣлялась (§ 9) наибольшимъ количествомъ денегъ, назначаемыхъ на годовое продовольствіе одного лица помноженнымъ на число потребляющихъ лицъ, и обращалась (по § 16-му) единственно на хозяйственныя закупки. Частная сумма, слѣдовавшая на удовлетвореніе потребностей каждаго лица, составлялась (по § 10-му) изъ остающейся отъ опредѣленной на полное годовое содержаніе по вычетѣ всей хозяйственной суммы; дѣлилась (по § 17) на ровные участки по числу лицъ, состоящихъ въ артели, и поступала навсегда въ неприкосновенную собственность каждаго участника. Экономическая (§ 11) составлялась изъ 5% общей суммы, немедленно отдѣляемыхъ по переводѣ денегъ изъ собственности подписчиковъ въ общую сумму; 2, изъ избытка дѣйствительной суммы, опредѣленной въ полное годовое содержаніе артели, и 3, изъ экономіи хозяйственной суммы. Экономическая дѣлилась на закупную и запасную. Первая (§ 12) опредѣлялась изъ 5% подписной, изъ половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на годовое содержаніе и изъ половины экономіи хозяйственной суммы. Закупная назначалась заимообразно на хозяйственные обороты и должна была состоять въ наличности къ 1 февр. каждаго года; она

образовывалась изъ другой половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе и изъ другой половины сбереженія хозяйственной суммы. Запасная назначалась для выдачи отъѣзжающимъ изъ острога на поселеніе, а потому всегда была въ наличности *).

Всякая подписная сумма, поступившая въ наличность, становилась безвозвратно общественною собственностію (§ 13). По поводу раздѣленія всей общественной суммы, артельный уставъ говорилъ: «§ 14: раздѣленіе наличной суммы общества бываетъ правильнымъ и неправильнымъ. Правильное должно быть соразмѣрено опредѣленному въ смѣтѣ годовому раздѣленію суммъ, а именно на 32 части (по исключеніи 5% въ экономическую сумму), 237 руб. на каждаго участника въ хозяйственную и 248 въ частную (плюсъ 80 коп. въ частную же). Неправильное раздѣленіе есть несоразмѣрное годовому раздѣленію суммъ. § 15: если на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей достаточно будетъ суммы, отчисляемой по правильному раздѣленію, то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то въ такомъ случаѣ оно становится неправильнымъ и производится сообразно съ таблицею, составленною на текущій годъ».

Годовое управленіе и обороты общественныхъ суммъ зависѣли отъ двухъ коммиссій: *временной*, дававшей суммамъ годовое направленіе, т.-е. утверждавшей смѣту, составленную хозяиномъ на наступающій хозяйственный годъ (съ 1 марта по 1-е марта), и *постоянной* коммиссіи, наз. *хозяйственной*, которая завѣдывала

---

*) Впослѣдствіи §§ 11 и 12 замѣнены были такимъ образомъ:

§ 11. Если по дѣйствительномъ сборѣ всей подписной суммы за вычетомъ хозяйств. и част. изъ общественной, будетъ какой либо остатокъ, то оный обращается въ остаточную сумму. Сверхъ того въ составъ оной входитъ все, что, по окончаніи года, остается отъ суммы хозяйственной.

§ 12. Сія сумма считается дѣйствительно остаточною, если новая подписка удовлетворительна для полнаго годоваго содержанія. Въ противномъ случаѣ вся она или часть оной обращается на пополненіе новой годовой подписки. Если же будетъ нужна только часть, то все остальное обращается въ остаточную сумму. Вновь предложенный §: «для опредѣленія выдачи денегъ изъ запасной суммы отъѣзжающимъ на поселеніе, собирается временная коммиссія» — отвергнутъ былъ большинствомъ голосовъ (въ 1832 г.).

распредѣленіемъ и движеніемъ суммъ на основаніи смѣты, утвержденной временною коммиссіею.

Временная коммиссія состояла изъ 5-ти избранныхъ членовъ, собиралась обыкновенно передъ выборами хозяина и казначея. Она повѣряла общественныя счотныя книги, разсматривала уставъ и предлагала необходимыя въ немъ измѣненія на общее разрѣшеніе, распоряжалась при выборахъ въ общественныя должности и передавала хозяйство новоизбраннымъ лицамъ. Исполнивъ эти обязанности, эта коммиссія расходилась *).

Хозяйственная коммиссія (постоянная) состояла изъ 3 лицъ: *хозяина*, *закупщика* и *казначея*, не терявшихъ права голоса и во временной коммиссіи при составленіи и утвержденіи смѣты. Она распредѣляла общественную сумму на хозяйственную и частную, обращала часть этой суммы на гуртовыя закупки, разрѣшала ссуды изъ запасной суммы; предварительно разсматривала условія и контракты, заключаемые хозяиномъ и закупщикомъ; ежемѣсячно повѣряла счотныя общественныя книги (по окончаніи повѣрки хозяинъ и закупщикъ подписывали счоты). Этой же коммиссіи вмѣнено было въ обязанность заботиться о размѣнѣ звонкой монеты, если она будетъ прислана на имя кого-либо изъ участниковъ. Предъ истеченіемъ хозяйственнаго года она дѣлала оцѣнку припасамъ, оставшимся отъ годоваго содержанія, и причисляла ихъ цѣнность къ экономической суммѣ. Составъ ея изъ трехъ членовъ уравновѣшивался тѣмъ, что хозяинъ былъ блюстителемъ общественныхъ нуждъ; закупщикъ—нуждъ частныхъ, а казначей—посредникомъ между ними.

Хозяинъ избирался на годъ; принималъ по описи отъ предмѣстника все, входящее въ составъ общественнаго хозяйства; составлялъ смѣту на наступающій годъ и представлялъ на утвержденіе временной коммиссіи. Если цѣны возрастали и превосходили смѣтную, онъ недостатокъ суммъ имѣлъ право восполнять соразмѣрнымъ уменьшеніемъ выдачи сахару и чаю; но ни въ какомъ случаѣ

*) На всѣ три года, пока казематъ и артель были въ полномъ составѣ, Д. И. Завалишинъ выбирался постоянно членомъ Временной Коммиссіи (даже когда былъ и самъ хозяиномъ), и былъ всегда дѣлопроизводителемъ.

не могъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ смѣтой. Приступая къ закупкѣ чая и сахара, обязанъ былъ спросить: не желаетъ ли кто выписывать эти припасы на собственныя деньги, или: не желаетъ ли кто, вмѣсто чая и сахара натурою, получить на свою долю деньгами. Выдавалъ чай и сахаръ въ общественной комнатѣ (подлѣ кухни) въ день, имъ предварительно объявленный *. На обязанности хозяина лежалъ выборъ выгоднаго времени года для продажи экономической муки изъ казенной дачи. О количествѣ вырученныхъ денегъ онъ письменно извѣщалъ казначея. Хозяинъ велъ воловую домашную книгу прихода и расхода и тому же казначею сообщалъ для выписки; велъ очередь наблюдающимъ за чистотою на кухнѣ и увѣдомлялъ за недѣлю того, чье дежурство наступало. Всѣ служители при кухнѣ и банѣ находились въ полномъ его распоряженіи. Онъ обязывался, при наймѣ служителей, объявлять имъ, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказаніе, имѣющее цѣлью услугу для внезапно заболѣвшаго въ ночное время кого-либо изъ участниковъ артели. Каждый хозяинъ обязывался представлять временной коммиссіи къ первому засѣданію, по открытіи ея, подробный отчотъ обо всѣхъ бывшихъ закупкахъ: въ какое время, къ какомъ количествѣ, какіе товары, по какимъ цѣнамъ и на какія деньги: займомъ ли добытыя или инымъ образомъ; были ли закупки выгодны или невыгодны и по какимъ причинамъ. У него хранился подлинный уставъ артели (двѣ копіи выдавались въ частныя руки). Въ случаѣ кратковременной болѣзни хозяина исправлялъ его должность казначей. Въ случаѣ продолжительной болѣзни того или другаго приступали къ новымъ выборамъ.

Закупщикъ имѣлъ дозволеніе нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ каземата для покупки всего нужнаго для частныхъ лицъ и имѣлъ на посылки въ своемъ распоряженіи сторожа. Онъ обязывался предварительно спросить у каждаго объ его надобностяхъ и

*) Чай и сахаръ оказались продуктами наиболѣе дорогими и раззорительными для артели. По бюджету 1832 года видно, что пшеничная мука стоила 900 руб., говядина по $4\frac{1}{4}$ пуда въ день—2,335 руб. въ годъ, а одинъ сахаръ 2,850 и чай на 1,456 р. въ годъ же.

справиться съ книгами о наличности частной суммы (этотъ § впослѣдствіи уничтожили). Никто не имѣлъ права требовать отъ него покупки товаровъ въ долгъ. Артельный уставъ возлагалъ на него слѣдующія обязанности: § 38: вести книгу всѣмъ закупкамъ; показывать и раздавать вещи въ общественной залѣ, въ извѣстный день и часъ, имъ самимъ назначенный, единожды на цѣлый годъ (§ 39). Покупающій обязанъ былъ выдавать ему уплатныя записки. Вести очередь всѣмъ выходящимъ на работу (§ 40): если дежурный офицеръ объявитъ ему, что не всѣ вышли — онъ представляетъ ему списокъ очереди находящихся на работѣ. Если потребуется большее число рабочихъ, онъ отсчитываетъ изъ слѣдующей очереди требуемое число лицъ по порядку списка и повѣщаетъ ихъ о томъ. На другой день очередь начинается уже съ перваго, оставшагося въ этой очереди. Какъ скоро какая нибудь очередь дошла до мѣста работы, она на слѣдующій день не выходитъ, по какой бы причинѣ ее ни воротили (новый § устава 1831 г., единогласно утвержденный 8 мая 1832 г.). Закупщикъ (по § 41) обязанъ былъ имѣть въ конторѣ свой столъ для отправленія дѣлъ и храненія товаровъ и ящикъ подъ замкомъ для записокъ о покупкѣ товаровъ. При кратковременной болѣзни сто (§ 42) исправляетъ должность хозяинъ; въ случаѣ продолжительной — новые выборы.

Казначей начиналъ отправленіе должности собираніемъ подписки на наступающій годъ и представлялъ ее временной коммиссіи на разсмотрѣніе для утвержденія по ней смѣты. Онъ переводилъ подписанныя деньги изъ собственности лицъ въ общественную сумму, немедленно по присылкѣ, получивъ предварительно согласіе подписавшихся на сумму свыше 500 руб. и менѣе; впрочемъ во всякомъ случаѣ онъ извѣщалъ о томъ подписчика. По раздѣленіи наличной частной суммы на участки, казначей каждое 25-е число объявлялъ каждому лицу о суммѣ, причитающейся на мѣсячную долю, означая ее на чорной доскѣ въ общественной залѣ. Никто, кромѣ казначея, не имѣлъ права выписывать изъ общественныхъ суммъ, и только по этимъ суммамъ онъ входилъ въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ. Онъ дѣлалъ выписки изъ всѣхъ суммъ, входящихъ и невходящихъ въ составъ общественной суммы (т.-е. хозяйст., участк., эконом.,

и личной). Выписку по частнымъ издержкамъ онъ производилъ три раза въ недѣлю: изъ хозяйственной — по запискамъ хозяина, изъ участковой наличной — по запискамъ закупщика и частныхъ лицъ, обязанныхъ доставлять ему эти записки по крайней мѣрѣ за два часа до выписки. Такъ-какъ никто въ казематѣ денегъ не могъ имѣть у себя на рукахъ и всѣ частные расходы производились чрезъ казначея, то три раза въ недѣлю приходилъ писарь горнаго вѣдомства съ особой книгой. Въ ней, со словъ казначея, онъ записывалъ, кому и за что слѣдовало заплатить и обозначалъ: изъ чьихъ денегъ, подписанныхъ въ артель, слѣдовало произвести уплату. Если кто желалъ не расходовать своего участка, но оставлялъ его временно въ общественной частной суммѣ, то казначей обязанъ былъ требовать отъ того лица означенія положительнаго срока, когда онъ хочетъ получить свой участокъ въ общественное распоряженіе (а ранѣе казначей не могъ ему выдавать участокъ). Для отвращенія застоя въ одной суммѣ и задержки выдачи изъ другой, казначей могъ переводить изъ кредита одного счота въ дебетъ другаго, съ тѣмъ однакожъ, чтобы сумма, поступающая въ дебетъ, была совершенно обезпечена подпиской; но онъ не могъ переводить денегъ изъ одного участка въ другой безъ письменнаго согласія самого участника. Казначей не обязывался входить въ личныя сдѣлки и записывать кто кому долженъ. Хозяинъ снабжалъ его переплетенными счотными книгами; казначей обязывался вести ихъ по двойной бухгалтеріи, соотвѣтственно установленной формѣ подъ № 1-мъ — книги общественной подписки, № 2 — книги общественнаго прихода и расхода, № 3 — книги хозяйственной, № 4 — частной (составленной изъ тетрадей по числу участниковъ подъ № и при алфавитномъ спискѣ именъ) и № 5—книги кассоваго журнала. Онъ обязывался имѣть 6 и 7-ю книгу, когда образовалась запасная и закупная сумма. Каждую субботу счотныя книги (за исключеніемъ № 4 алфавитной) выкладывались, на время отъ 3 до 6 часовъ пополудни, въ общественной залѣ для желающихъ сдѣлать справки *). Книгу подъ № 4 казначей обязанъ былъ давать для справокъ каждую недѣлю два раза въ тѣ дни и

*) Зала состояла подъ наблюденіемъ хозяина и раздѣлялась на 2 части:

часы, которые онъ самъ назначитъ однажды на цѣлой годъ. Показывать, впрочемъ, обязанъ былъ только тѣ тетради изъ прихода и расхода, которыя принадлежатъ лицамъ, желающимъ справляться. Въ конторѣ у него былъ столъ для храненія артельныхъ книгъ и ящикъ подъ замкомъ для уплатныхъ записокъ.

Огородникъ избирался, по установленному порядку, хозяйственною коммиссіею. На обязанности его, по уставу, лежало составленіе смѣтъ огородныхъ издержекъ. По утвержденіи ея хозяйственною коммиссіею онъ получалъ назначенную ему сумму. При посѣвѣ соглашался съ хозяиномъ: какихъ и сколько овощей требовалось на общественное продовольствіе. Пока овощи были на грядахъ, огородникъ располагалъ ими независимо отъ хозяина, но увѣдомлялъ за нѣсколько дней до снятія съ грядъ: сколько и какихъ овощей можно было собрать для общественнаго стола. Въ Петровскомъ казематѣ на артельномъ огородѣ никогда не было обильнаго урожая: рѣзкій годъ даже кортофель не побивало морозомъ. Впрочемъ, всѣ овощи доставлялись въ обиліи окрестными крестьянами. Впослѣдствіи опытъ убѣдилъ въ томъ, что овощи въ заводѣ покупать было выгоднѣе, чѣмъ по деревнямъ, гдѣ крестьяне прижимали. На бѣду въ заводъ не привозили въ достаточномъ количествѣ, и, къ тому же, въ богатый казематъ ничто почти дешовое не доходило, развѣ совершенно случайно. Поэтому артель всегда находилась въ необходимости закупать часть овощей по деревнямъ и дороже заводскаго *).

Относительно всѣхъ другихъ закупокъ, Петровскій заводъ оказался несостоятельнымъ. Общихъ правилъ старые хозяева въ руководство новымъ извлекать не могли. Цѣны подвержены были слу-

---

въ меньшей была устроена контора хозяйственной коммиссіи; большая оставалась для общественныхъ нуждъ: богослуженія, баллотировки, для учебныхъ классовъ и проч.

*) Сверхъ должностей хозяина, закупщика, казначея и огородника, на членахъ артели лежали обязанности дневальныхъ на кухнѣ. По читинскому положенію, это дѣлалось за вознагражденіе желающими, въ Петровскомъ заводѣ установлена была воловая очередь понедѣльно. Читинское дежурство вознаграждало избавленіемъ отъ казенныхъ работъ; въ Петровскомъ заводѣ это было отмѣнено.

чайностямъ; выгоднѣе были закупы внѣ завода, но и тамъ съ каждымъ годомъ становились труднѣе, какъ по причинѣ переторжки, такъ и образа уплаты. Въ началѣ хозяйства потребность суммъ была очень велика: необходимо было дѣлать займы. На нихъ должна была производиться бо́льшая часть закуповъ, а такъ-какъ взносъ былъ довольно медленный, то и впослѣдствіи, въ теченіе опытнаго года, должны были производить займы. Вслѣдствіе того, въ Петровскомъ заводѣ общественный сборъ очень увеличили. Все, что прежде тратилось на частныя вспоможенія, въ Петровскѣ подписывалось въ артель *). Опредѣливъ то, что приходилось каждый мѣсяцъ на каждаго человѣка, за общимъ расходомъ на чай, сахаръ и обѣдъ, опредѣлившаяся сумма, предоставленная въ распоряженіе участниковъ, прекратила зависимость однихъ лицъ отъ другихъ. «Чтобы каждый изъ участниковъ имѣлъ болѣе денегъ въ своемъ распоряженіи, обѣдъ очень ограничился: на мѣсяцъ выдавалось на каждаго человѣка по $^1/_3$ ф. чая и по 2 ф. сахару, и по двѣ, не болѣе, пшеничныхъ булки на день. Обѣдъ состоялъ изъ тарелки щей и очень небольшаго куска жареной говядины. Сколько нибудь того и другаго необходимо было удѣлять для сторожа, который питался отъ нашихъ крохъ. Ужинъ былъ еще скуднѣе обѣда, и случалось очень часто вставать отъ трапезы полуголоднымъ. Нѣкоторые за столъ, чай и

*) Сверхъ смѣтнаго расхода, предназначаемаго въ артель, временами собиралась съ каждаго подписка на единовременные добровольные взносы, напримѣръ, на памятникъ Пестову, на вспоможеніе ссыльнымъ полякамъ, на помощь исключонному изъ артели и общества товарища. Въ общество, сверхъ декабристовъ, приняты были присланные изъ Оренбурга за составленіе тамъ тайнаго общества Ипполитъ Завалишинъ, Дружининъ, Колесниковъ и Таптыновъ. Въ Петровскомъ заводѣ Завалишинъ былъ принятъ въ артель. Тамъ же приселили къ нимъ слѣпого старика Сосиновича, изъ поляковъ, и какого-то разжалованнаго майора Кучевскаго. Ихъ не спросили, кто они, и приняли въ артель на общемъ положеніи. Они пользовались выгодами этого учрежденія, выгодами вещественными, но не были дѣйствительными членами, то-есть не пользовались никакими правами членовъ артели, Сосиновичу отчасти помогалъ Лепарскій (Сосиновичъ одинъ изъ всѣхъ эмиссаровъ, судившихся въ Гроднѣ по дѣлу Воловича, былъ приговоренъ на каторгу).

обѣдъ получали деньги изъ артели, и сами пеклись о своемъ продовольствіи». Весь этотъ порядокъ существовалъ все время; недовольныхъ было меньшинство. Большинство же, стараясь дѣлать уступки и измышляя различныя исправленія и дополненія въ уставѣ, довело артель до конца, и воспользовалось всѣми выгодами ея, жертвуя частностями общему.

Общія привила артели состояли въ нижеслѣдующемъ: артель управлялась по правиламъ, составленнымъ временною коммиссіею и утвержденнымъ положительнымъ большинствомъ голосовъ, но никакія предложенія, хотя бы и принятыя большинствомъ голосовъ, если были сдѣланы не черезъ посредство временной коммиссіи, не имѣли обязательной силы для лицъ несогласныхъ. Всѣ участники имѣли равныя права на общественную сумму. Всѣ общественныя заведенія учреждались и поддерживались общественными суммами; хозяину возбранялось всякаго рода подписка на общественныя издержки. Всякій почитался обязаннымъ нести общественныя должности, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя не пользовались выгодами, доставляемыми артели отправленіемъ этихъ должностей. Несшіе однажды общественную должность по выбору имѣли право отказываться отъ подобной должности въ теченіе трехъ лѣтъ. Немедленно по открытіи временной коммиссіи всѣ лица, занимавшія въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, и занимавшія какія либо должности въ истекшемъ хозяйственномъ году, если не желали вновь подвергнуться избирательству, извѣщали о томъ временную коммиссію письменными объясненіями; въ противномъ случаѣ, ихъ молчаніе принималось за согласіе снова принять какую либо изъ должностей, и тогда всякой былъ вправѣ подавать имъ свой голосъ, а они не могли уже отказываться отъ избранія *). Каждому изъ отъѣзжающихъ артель обязывалась выплатить все, что, за исключеніемъ употребленныхъ на него издержекъ, останется отъ полнаго годоваго содержанія. Когда запасная сумма сдѣлалась дѣйствительною, выдача отъѣзжающимъ назначалась по единогласному опредѣленію хозяйственной коммиссіи; на случай внезапнаго отъѣзда кого-либо изъ

*) Этотъ § былъ пріобщонъ къ уставу впослѣдствіи, въ 1835 году.

участниковъ, она уполномочена была выдавать изъ запасной суммы до 300 руб. *). Плата за мытье бѣлья, по причинѣ разности въ количествѣ, выдѣлялась изъ хозяйственной суммы, и возлагалась на каждаго участника.

Всякому предоставлялось право дѣлать замѣчанія на уставъ артели и на исполненіе общественныхъ обязанностей; эти мнѣнія хранила хозяйственная коммиссія до передачи во временную; если же число замѣчаній по одному и тому же предмету возрастало до $^1/_3$ всѣхъ участниковъ, то немедленно собиралась временная коммиссія. Предложенія свои коммиссіи всѣ обязаны были писать и выражать такъ, чтобы можно было отвѣчать словами: «да или нѣтъ». Замѣчанія и оговорки членовъ писались на особомъ листѣ. Если предложеніе состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, то каждый пунктъ писался отдѣльно **).

Выборы извѣщались записками съ вопросомъ: кто будетъ подавать голосъ на предстоящее избраніе временной коммиссіи ***). Затѣмъ число избирателей дѣлилось на 5 отдѣловъ по порядку нумеровъ, и остатокъ, если случался, причисляли къ послѣднему отдѣлу. Хозяинъ, закупщикъ и казначей, каждый порознь, ходили по отдѣленіямъ съ особеннымъ пакетомъ для каждаго и съ числомъ билетовъ по числу избирателей. Послѣдніе подъ своими именами писали имя лица избираемаго и вкладывали билетики эти въ пакетъ своего отдѣла. Члены хозяйственной коммиссіи разсматривали билеты: получившій положительное большинство въ своемъ отдѣлѣ (въ чотномъ числѣ избирателей половину этого числа плюсъ одинъ голосъ), объявлялся членомъ временной коммиссіи. Послѣ третьяго неопре-

*) Впослѣдствіи изъ большой артели выдѣлилась малая, предназначенная исключительно для пособія отъѣзжавшимъ на поселенія.

**) Впослѣдствіи временной коммиссіи предоставлено было право предлагать на общее утвержденіе только тѣ предложенія, которыя найдетъ полезными, а безполезныя оставлять безъ представленія къ общему свѣдѣнію. Это представленіе, вызвавшее безусловное и общее согласіе, внесено было въ уставъ новымъ параграфомъ.

***) Избирательные листы посылались по нумерамъ казематовъ съ надписью наверху просьбы: передавать дальше безотлагательно.

дѣленнаго выбора члены какого либо отдѣла выбирали уже между кандидатами другихъ отдѣловъ. Если ни одинъ изъ нихъ не получилъ положительнаго большинства въ этомъ отдѣлѣ, тогда предлагали имъ на выборъ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ большее число голосовъ. Если же и въ этомъ случаѣ голоса дѣлились поровну, то выборы рѣшалъ уже жребій. На слѣдующій день члены временной коммиссіи повѣряли свои уполномочія въ общественной залѣ, и распоряжались при выборѣ и баллотировкѣ хозяина и казначея (хозяйственная распоряжалась выборомъ и баллотировкою закупщика и огородника, если выборы этихъ послѣднихъ не совпадутъ съ выборами первыхъ). Когда всѣ выбирались въ одно время, тогда наблюдалась очередь: сначала выбирали хозяина, потомъ казначея, далѣе закупщика и, наконецъ, огородника. Коммиссіи за два дня извѣщали всѣхъ, въ какую должность предстоятъ выборы; собирали голоса: недача голоса означала согласіе съ большинствомъ. Если никто не имѣлъ положительнаго большинства, то два лица, соединившія большее сравнительно число голосовъ, становились кандидатами и баллотировались. Если по причинѣ равенства голосовъ два кандидата не будутъ опредѣлены, то баллотировка рѣшала между имѣющими равенство. Наканунѣ ея коммиссія объявляла имена кандидатовъ и порядокъ избранія. Всѣ, подавшіе голоса при избраніи, обязывались находиться и при баллотировкѣ; кто не приходилъ, тотъ располагалъ своими шарами письменно чрезъ одного изъ членовъ коммиссіи. Баллотировались только тѣ, которыхъ избирали. Въ залѣ, въ день баллотировки, одинъ изъ членовъ коммиссіи раздавалъ шары, выдавая каждому на каждаго избираемаго порознь бѣлый и чорный; получившій шары, подходилъ къ двумъ ящикамъ; другой членъ коммиссіи, стоявшій при нихъ, объявлялъ, который сосудъ для кого назначенъ. Когда всѣ шары были положены, коммиссія считала число бѣлыхъ и чорныхъ каждаго кандидата. Получившій положительное число голосовъ въ отношеніи къ числу баллотирующихъ и сравнительное относительно къ другому кандидату, объявлялся избраннымъ. Если оба имѣли положительное большинство, но равное между собою, то баллотировались снова. По третьей неопредѣленной бал-

лотировкѣ рѣшалъ жребій. Если оба не получали большинства бѣлыхъ шаровъ, то избиратели приступали къ новымъ выборамъ.

Заботливо хлопоча объ увеличеніи ручныхъ участковъ, артель усиленно стремилась къ возрастанію запаснаго капитала, понуждаемая тѣми страхами, которые рисовались въ самомъ непривлекательномъ видѣ для всѣхъ, выходившихъ на поселеніе и неимѣвшихъ собственныхъ средствъ. Съ этою цѣлію прибѣгали ко всевозможнымъ сокращеніямъ въ бюджетѣ расходовъ: когда количество хлѣба и квасу превысило личную потребность, опредѣлили ограниченную выдачу по $1^1/_4$ фун. на день на человѣка; квасъ опредѣлили двумя бутылками на день. Ограниченіе выдачи хлѣба вызвано было не недостатками, а для учота, потому что начали злоупотреблять требованіемъ и расходомъ хлѣба. Такъ державшіе особливую лично для себя прислугу стали кормить ее изъ общей артели; Мазалевскій занимавшійся и получавшій за то деньги кормилъ двухъ портныхъ изъ солдатъ изъ общей артели. «Артель тѣмъ и выгодна, говоритъ Н. А. Бестужевъ на особомъ листѣ, долженствовавшемъ выразить его голосъ при собираніи мнѣній—артель тѣмъ и выгодна, что излишество потребленія одного человѣка вознаграждается меньшею потребностію другаго, слѣд. если поставить вѣсъ (хлѣба) на каждаго и каждому отпускать, по положенію, то выйдетъ что всѣ лишатся выгодъ, доставляемыхъ артелью, потому что лишнее количество надобно будетъ покупать, тогда какъ у другихъ избытокъ будетъ пропадать безъ пользы. Увѣренъ, что среднимъ числомъ хлѣба вообще не выйдетъ по $1^1/_4$ ф. на человѣка, но увѣренъ также, что раздача каждому по такому участку большей половины будетъ онаго не достаточно, и думаю, что вниманіе хозяина при надлежащемъ присмотрѣ лучше опредѣлить потребность каждаго, не стѣсняя всей артели этой общей мѣрой». Мнѣніе это подано на нижеслѣдующій запросъ временной коммиссіи: «количество расходуемаго хлѣба и кваса превышаютъ личную потребность артели и съ другой стороны раздѣленіе расхода на сіи предметы не въ точной мѣрѣ соотвѣтствуетъ потребленію каждаго лица и какъ сверхъ того не малая часть хлѣба и квасу расходится на прислугу, не равно распредѣленную на лица, хотя и равно платящія», то и предлагаетъ временная коммиссія на общее разрѣ-

шеніе: «1) постановить ли опредѣленную выдачу хлѣба по 1¹/₄ фунта на день на человѣка, на каждаго изъ насъ, предоставляя желающимъ имѣть большее сего количество получать оное за деньги (какъ напр. получали прежде излишнюю, а нынѣ одну булку) и перенести вслѣдствіе сего содержаніе прислуги на счотъ тѣхъ, коимъ находящіеся въ личномъ услуженіи люди будутъ служить, и 2) опредѣлить выдачу квасу по 2 бутылки на человѣка въ день или оставить то и другое по прежнему положенію?» Желавшій получать бо́льшее количество, обязанъ былъ платить деньги. Содержаніе прислуги перенесли на счетъ тѣхъ, которые ее держатъ, оставили заботу только о нищѣ солдатъ, такъ какъ ихъ услуга была общая, а не частная. Исключили изъ хозяйственнаго бюджета жалованье брадобрѣю, потомъ расходы на мыло для бани *). Отмѣнены булки и жареное на нѣкоторое время, и успокоили себя тою лишь заботою, чтобы умѣренность пищи вознаграждалась качествомъ и опрятностію приготовленія, чтобы хлѣбы пеклись лучше, супы были чище и квасъ не такъ дуренъ. Для поощренія служащихъ на кухнѣ и для чистоты самой кухни нашли выходъ въ томъ, что выдавали сверхсмѣтныя деньги, по желанію, въ распоряженіе хозяина. Убавили однимъ служителямъ къ банѣ, распредѣливъ жалованье сообразно труду каждаго: инымъ надбавили, другимъ уменьшили, и во всякомъ случаѣ, достигли той цѣли, что въ отношеніи расходуемыхъ денегъ произошло значительное уменьшеніе **). Подобныя сокращенія были неизбѣжны въ виду того, что съ отъѣздомъ третьей категоріи число людей и средства значительно сократились, но и снабженіе отъѣзжающихъ потребовало излишнихъ расходовъ.

Когда нѣкоторые отдѣлились отъ общаго стола и вмѣсто кушанья стали получать деньгами, они уже не могли требовать артельнаго ку-

*) Баня топилась еженедѣльно въ субботу; по постамъ — въ пятницу. Кто желалъ заказывать для себя на другой день недѣли, тотъ платилъ въ артель: если заказчиковъ было менѣе 5-ти, одинъ рубль; пять и болѣе — 1½ руб.

**) На жалованье служителямъ петровская артель тратила ежегодно 774 руб. на содержаніе бани 15 руб., на содержаніе кухни 100, на соль 100 р., на масло 630, на бумагу для книгъ и счетовъ 30, на овощи 400, на праздники 150, на огородъ 310, на крупу 100, молочные скопы 75, и проч.

шанья въ теченіе года, и не иначе могли заставлять людей, нанятыхъ для общей кухни, работать, какъ по добровольному согласію. Хозяева не обязывались снабжать артельными припасами тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, хотя за долгъ поставляли себѣ стараться по возможности ихъ удовлетворять. Временная коммиссія разрѣшила таковымъ выдачу артельной муки на дрожжи для булокъ. Для улучшенія общественнаго стола и соблюденія экономіи нѣкоторые предлагали личныя услуги (какъ Тютчевъ), состоявшія въ томъ, что вызвавшіеся сами занимались приготовленіемъ кушаньевъ. Впослѣдствіи для улучшенія пищи прибавили къ отпускаемымъ 2 пуд. 20 ф. мяса еще 8 ф., и постановили, чтобы хозяинъ непремѣнно избѣгалъ экономіи удержаніемъ изъ положеннаго количества припасовъ, а старался бы достигать цѣли посредствомъ дешовыхъ закупокъ. Когда оказались артельныя свиньи невыгодными для хозяйства—ихъ уничтожили. Сахаръ стали покупать въ Иркутскѣ и на верхнеудинской ярмаркѣ, а не въ заводѣ, чай стали брать изъ первыхъ рукъ и у богатыхъ купцовъ; соль запасали гуртовымъ пріобрѣтеніемъ и проч. *).

Чтобы окончательно утвердиться на мысли, посредствомъ собраннаго капитала, предупредить и даже обезпечить нужды тѣхъ членовъ общины, которые будутъ вывезены изъ тюрьмы, составилась новая артель, *маленькая*. Она, не вредя главной цѣли, стремилась также къ достиженію членамъ выгодъ, какія только можно извлечь изъ подобнаго учрежденія. Въ нее могъ поступить всякій, желавшій внести 25 руб., принятыхъ за минимумъ и вносимыхъ въ 11 мѣсяцовъ по

*) Самыми дѣятельными хозяевами были Д. И. Завалишинъ и В. А. Бечасновъ. Нѣкоторые рѣшительно отказывались на новые выборы. Бывали случаи отказовъ и отъ артели, но по просьбамъ товарищей оставались, доказывая доброе расположеніе къ обществу. Должность хозяина сопряжена была съ большими затрудненіями: каждому желалось угодить товарищамъ, соблюсти общіе интересы и удовлетворить вмѣстѣ съ тѣмъ и частнымъ. Не мало затрудняло измышленіе кушаньевъ для разнообразія, раздѣленіе стола въ постные дни и въ особенности выгодный закупъ, чего не могли они достигнуть, поднявши петровскія цѣны своимъ крупнымъ запросомъ. Такъ между прочимъ коровье масло принуждны были выписывать изъ Читы: тамошнее оказалось лучше и съ провозомъ дешевле петровскаго.

2 руб. Третья *журнальная артель* выписывала журналы и газеты, общимъ числомъ до 22-хъ, и давала за небольшую плату для чтенія (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ). Въ ней участвовали лица, не бывшія ни въ большой, ни въ малой, какъ напримѣръ, Анненковъ, Давыдовъ и друг. Маленькая давала займы. Займы наличными деньгами отдавались таковыми же; въ противномъ случаѣ, платился лишній 1%. При займѣ принадлежащихъ артели лицъ полагался 1% со ста въ мѣсяцъ, а съ непринадлежащихъ—2% *). Капиталомъ и оборотами завѣдывалъ казначей, избиравшійся положительнымъ большинствомъ голосовъ на цѣлый годъ. Онъ заботился, чтобы капиталъ артели, за исключеніемъ сохранной суммы, находился въ безпрестанномъ оборотѣ; превращалъ капиталъ въ наличныя деньги. Такъ-какъ артель-

---

*) При выдачѣ занимаемой суммы за первый же мѣсяцъ вносились проценты наличными или купономъ на Большую Артель; за слѣдующіе же мѣсяцы всегда къ 1 числу каждаго мѣсяца; ему проценты платились всегда за цѣлый мѣсяцъ, несмотря на меньшій срокъ займа. За желаніе промѣнять выписныя на всякаго рода наличныя платился $1\frac{0}{0}$. Въ обезпеченіе представлялся или купонъ, или свидѣтельство поручителя. За положительную цѣнность купона принимались $\frac{1}{3}$ годоваго ручнаго участка, объявляемаго Большой Артелью. Мѣсячный купонъ былъ вообще $\frac{1}{12}$ часть объявляемаго годоваго и подобно ему цѣнилась также въ $\frac{1}{3}$. Лица, несостоящія въ Большой Артели, имѣли право на заемъ только $\frac{1}{4}$ части ежегодно получаемой ими суммы и представляли въ обезпеченіе росписку, дающую право казначею Бол. Арт. вычесть по ней сполна изъ первыхъ, получаемыхъ ими по займу, денегъ. Если кто изъ членовъ постоянной (хозяйств.) комиссіи Большой Артели желалъ сдѣлать заемъ для оборотовъ касательно ввѣренной ему должности, то представлялъ въ поручительство подпись всѣхъ трехъ членовъ своей комиссіи. Тѣ, которые занимали сумму, превышающую сумму, обезпеченную купонами, равно и лица, не состоящія въ Бол. Арт., въ случаѣ просрочки, платили: за 1 мѣс. одинъ добавочный процентъ, за 2-ой два и т. д. до окончательной уплаты занятой ими суммы. Разъ случилось такъ, что потребовалось удовлетворить отъѣзжающихъ, между тѣмъ за нѣкоторыми членами оставались невнесенными подписныя деньги,—поступили такимъ образомъ: такъ-какъ деньги (652 руб.) не могутъ быть скоро внесены, а съ другой стороны получены сверхъ подписки, невходившіе также въ разсчотъ 299 руб., то за вычетомъ ихъ, остающіеся 253 руб., не достающіе до полной подписки, должны быть разложены на всѣхъ получающихъ купоны. 5 р. 6 к., причитающіеся на одного, должны быть вычтены изъ слѣдующихъ каждому изъ отъѣзжающихъ добавочныхъ денегъ.

ный годъ для бюджета начинался вмѣстѣ съ большой артелью, т.-е. 1-го марта, то казначей обязывался представлять списки о выборахъ 3 членовъ въ коммиссію; самъ въ ней не засѣдалъ. Вносившій ежегодно 25 руб., считался дѣйствительнымъ членомъ съ правомъ на равную долю со всѣми. Единовременные вклады вещами и деньгами, считаясь чистыми приношеніями въ пользу артели, не давали своему вкладчику права участія въ раздѣлѣ капитала. Желавшій выдти, получалъ на руки 25 руб., т. е. минимумъ ежегоднаго вклада; остальныя же деньги, причитавшіяся по раскладкѣ, пребывали его собственностію, оставаясь, между тѣмъ, въ капиталѣ артели. Остатокъ съ процентнымъ приращеніемъ единственно изъ собственнаго его оборота не иначе выдавался въ руки владѣльца, какъ по отъѣздѣ его изъ тюрьмы. Отъѣзжавшій могъ отказаться отъ своего участка только въ пользу общественнаго капитала, а не лица. Такая сумма умножила капиталъ послѣдующаго года, и отнюдь не служила приращеніемъ уже объявленнаго участка лицъ, входящихъ въ одно и тоже время въ жертвователемъ. Пожертвованныя вещи казначей оцѣнивалъ съ двумя членами по очередному списку; затѣмъ повѣщалъ о продажѣ,

---

сверхъ того отъ нихъ слѣдуетъ вычесть и жалованье за мѣсяцъ, входившее въ разсчотъ при бюджетѣ (въ 1833 году).

Сохранилась слѣдующая таблица, показывающая степень обезпеченія.

Мѣсяцъ.	Годовое обезпеченіе.	Мѣсячное обезпеченіе.	Максимумъ займа
Апрѣль	177 руб.	14 руб. 50 коп.	29 руб.
Май	162 »	14 » 50 »	29 »
Іюнь.	132 »	14 » 50 »	29 »
Іюль	118 »	14 » 50 »	58 »
Августъ	107 »	14 » 50 »	58 »
Сентябрь	88 »	14 » 50 »	58 »
Октябрь	64 »	14 » 50 »	58 »
Ноябрь.	59 »	14 » 50 »	58 »
Декабрь	44 »	14 » 50 »	43 руб. 50 к.
Январь.	30 »	14 » 50 »	29 »
Февраль	15 »	14 » 50 »	14 » 50 »

Мартъ, смотря по присылкѣ въ большую Артель денегъ и по соображеніямъ цѣнности купона, который былъ объявляемъ. Сверхъ означенныхъ обезпеченій каждый членъ общества могъ представить на втотъ предметъ 5 руб. — т. е. минимумъ своего вклада.

и если не находилось покупщиковъ, онъ продавалъ кому бы то ни было, но не дешевле оцѣнки. Всякій, ввѣрявшій артели для ея оборотовъ деньги, получалъ за то ежемѣсячно 1% на сто и въ томъ случаѣ, когда ввѣренная сумма дѣйствительно находилась въ оборотѣ (могли удостовѣриться въ томъ изъ казначейскихъ книгъ). Вкладчикъ напередъ долженъ былъ объявлять срокъ: если надобились ему деньги ранѣе, въ такомъ случаѣ онъ обязывался предупредить казначея за мѣсяцъ. На первый годъ по учрежденіи артель отвѣчала не болѣе 800 руб., и свыше этой суммы въ оборотъ ничего не принимала.

Маленькая артель получила свое начало въ 1832 г., когда уже нѣкоторые разряды ссыльныхъ уѣхали на поселеніе. Въ Читѣ въ апрѣлѣ 1828 г. истекъ срокъ послѣднему, седьмому разряду (осужденнымъ на два года каторги коронація сбавила срокъ на годъ). 11 человѣкъ оставили тюрьму и отправились на поселеніе единственно при содѣйствіи читинскихъ дамъ, снабдившихъ ихъ бѣльемъ, платьемъ, книгами и деньгами. Лѣтомъ 1831 года въ Петровскомъ заводѣ семья заключонныхъ снова испытала потерю товарищей, вышедшихъ на поселеніе изъ 5-го разряда. Этимъ помогала еще большая артель; маленькая вышла ей на помощь уже въ то время, когда приблизились сроки въ 1833 г. четвертому разряду, въ 1836 г. второму, и въ 1839 году первому разряду. Съ перваго марта 1833 г. до 1834 смѣтный разсчотъ артели составляся уже на 38 порцій. Обѣ артели обоюдными силами и средствами въ состояніи были удѣлять на временное пособіе отъѣзжающимъ по 600 до 800 руб. асс. на каждаго. Библіотека неимовѣрно увеличилась: для научнаго и серьознаго образованія она начала давать большой просторъ: ученый отдѣлъ ея былъ богатъ *). Кромѣ того, впослѣдствіи могли положить пособіе и тѣмъ изъ прислуги, которые все время не оставляли своими услугами за-

*) Для чтенія газетъ существовалъ порядокъ и очередь; установлена строгость и правильность: для чтенія газеты предоставлялось два часа, для чтенія журнала 2 и 3 дня. Сторожа безпрестанно разносили изъ № въ № газетные листки, на которыхъ каждый отмѣчалъ время полученія и отправки.

ключенниковъ *). Въ 1836 году обѣ артели кончили свое существованіе, когда петровскій казематъ значительно опустѣлъ и въ немъ остались доживать по большей части люди достаточные. Въ 1840 г. петровскій казематъ былъ уже совершенно свободенъ отъ тѣхъ жильцовъ, ради которыхъ совершено было его сооруженіе: послѣ отправленія въ 1839 году первой категоріи декабристовъ оставались нѣкоторое время въ работѣ, хотя уже и не заключенные въ казематѣ Черниговцы, Соловьевъ и Маралевскій да изъ оренбургскихъ Ипполитъ Завалишинъ. Всѣ остальные были уже на мѣстахъ поселенія. Въ Петровскомъ заводѣ оставался доживать свой вѣкъ сначала въ званіи ссыльнаго поселенца, потомъ потомственнаго дворянина—только Горбачевскій, скончавшійся тамъ въ прошломъ году въ должности мироваго посредника.

Одновременно съ первыми восемью, посланными въ нерчинскіе рудники и слѣдомъ за ними, отправлены были на поселеніе всѣ тѣ 14 человѣкъ восьмой категоріи, которымъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда присудилъ этотъ родъ наказанія **). Ихъ увозили по

---

*) Такъ, между прочимъ, для банщика скопилось въ артели 480 руб. Когда распустили казематы, онъ получилъ деньги эти на руки; могъ бы жить безбѣдно: баня подарена была ему также въ собственность и казематскій быкъ, возившій воду. Ссыльный не выдержалъ: бѣжалъ. На дорогѣ его обокрали товарищи, тогда онъ явился съ повинной.

**) Увезенные впередъ поселенцы имѣли возможность при свиданіи съ послѣдующими объяснять имъ отчасти то, что ихъ впередъ ожидаетъ, и помогать имъ различными услугами. Въ Верхнеудинскѣ встрѣчалъ ихъ Ал. Ник. Муравьевъ съ женой и свояченицей; въ Иркутскѣ, въ банѣ успѣлъ свидѣться съ братьями А. А. Марлинскій-Бестужевъ, увозимый въ Якутскъ на поселеніе и переведенный въ 1829 г. на Кавказъ въ солдаты, съ правомъ выслуги, гдѣ онъ и погибъ. Передъ Иркутскомъ встрѣчалъ Владим. Ѳеодосеев. Раевскій, принадлежавшій къ южному обществу, но раньше товарищей своихъ сосланный изъ дивизіи Мих. Орлова (2 арміи), гдѣ В. Ѳ. завѣдывалъ школою взаимнаго обученія, заведенною впервые въ Россіи по иниціативѣ М. Орлова. Раевскій слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ и на поселеніе въ Олонки.

четверо, но поселяли по одиночкѣ въ самыхъ сѣверныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, на пространствѣ между Обдорскомъ и Средне-Колымскомъ. Когда они пробыли здѣсь годъ—ихъ перевели южнѣе на пространствѣ по линіи между Якутскомъ и Березовымъ. Первое время они были совершенно одни: «ихъ не согрѣвали ни солнечные лучи, ни присутствіе друзей». Бестужеву-Марлинскому удалось отвести душу при встрѣчѣ въ Якутскѣ съ докторомъ Эрдманомъ, пріѣзжавшимъ наблюдать силу земнаго магнетизма. Впрочемъ одиночное житье въ Якутскѣ не прошло для этого талантливаго человѣка безслѣдно. Онъ изучалъ языки, между прочимъ латинскій, для чего Н. И. Гречъ высылалъ ему классиковъ, изучалъ край, нравы жителей; отъ скуки писалъ стихи. Въ полномъ собраніи его сочиненій 1832 года видны результаты его наблюденій во время житья въ Якутскѣ, въ статьяхъ: «Отрывки изъ разсказовъ о Сибири» и «Сибирскіе нравы Исыхъ». Якутскіе стихи А. А. Бестужева также были напечатаны, но уже послѣ его смерти. Отсутствіе товарищеской семьи и дружеской поддержки, которыя такъ благотворно подѣйствовали на заключонныхъ вмѣстѣ, для многихъ изъ этихъ одиночекъ выразилось самыми несчастными крайностями: одни предались отчаянію, ускорившему смерть (Шахиревъ, Фохтъ и Фурманъ въ Сургутѣ), другіе сошли съ ума (Шаховской въ Енисейскѣ и Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ въ Туруханскѣ, Варницкій и Янтальцевъ въ Ялуторовскѣ*). М. А. Назимова увезли въ Средне-Колымскъ на собакахъ при 30° морозѣ. Казаки, получивъ предписаніе держать его подъ строгимъ карауломъ, и въ то же время беречь его здоровье, не знали, что съ нимъ дѣлать. Они заперли его въ одну изъ юртъ и отправили гонца въ Якутскъ съ донесеніемъ, что «секретный» заболѣлъ и имъ нечѣмъ его кормить, а вяленую рыбу онъ не ѣстъ. Черезъ нѣсколько времени вышло разрѣшеніе перевезти Назимова въ небольшую деревушку на Ленѣ, гдѣ стало лучше, но больной долгое время страдалъ жестокимъ ревматизмомъ обѣихъ конечностей, отъ котораго впослѣдствіи едва могъ избавиться. Чижовъ также былъ переведенъ изъ Гижиги въ другое мѣсто. Осво-

*) Въ Петровскомъ заводѣ изъ 50-ти сошли съ ума двое: Андреевичъ и Андрей Борисовъ; на поселеніи изъ 14-ти — пять.

бодившіеся въ апрѣлѣ 1828 г., изъ Читы 11 человѣкъ седьмой категоріи также вывезены были въ сѣверные города: Чернышовъ одинъ отправился въ Якутскъ, Кривцовъ и Загорѣцкій вдвоемъ—на Лену, Нв. Абрамовъ и Лисовскій—въ Туруханскъ, Выгодовскій—въ Нарымъ, Тизенгаузенъ—въ Суртугъ, Черкасовъ—въ Березовъ, фонъ-Бригенъ — въ Пелымъ, и Лихаревъ — въ Кондинскъ (оба послѣдніе потомъ переведены были въ Курганъ). Толстой изъ Читы былъ отправленъ прямо на Кавказъ солдатомъ къ товарищамъ, присужденнымъ къ этому наказанію приговоромъ суда изъ послѣднихъ четырехъ категорій (8, 9, 10 и 11-ой). Изъ этихъ же категорій нѣкоторые поступили въ крѣпостныя работы и по Сибири. Ихъ отправляли послѣ приговоренныхъ на поселеніе. Изъ поселенцовъ седьмой категоріи нѣкоторымъ разрѣшено было впослѣдствіи вступить въ службу солдатами на Кавказъ; другихъ перевели по южнѣе, Тизенгаузена и А. Ѳ. Янтальцова въ Ялуторовскъ и т. д.: при отправленіи на поселеніе читинскія дамы успѣли облегчить имъ своими пособіями дорогу и первое время поселенческаго житья *).

Лѣтомъ 1831 года изъ Петровскаго завода выѣхали на поселеніе двое изъ пятаго разряда: Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ въ Баргузинъ и Н. И. Рѣпинъ въ деревушку Манзурку (на Ленѣ) **). Лѣнивый Кюхельбекеръ, весь преданный товарищамъ

---

*) Передъ отправленіемъ 7-го разряда прибыли въ Читу Игельштромъ, Вигелинъ и Рукевичъ, отъ Тобольска шедши пѣшкомъ въ цѣпяхъ съ этапными партіями. Пѣшкомъ же шли—какъ сказано, Соловьевъ, Сухиновъ, Мазалевскій, Быстрицкій.

**) Одинъ изъ 6-го разряда, А. Н. Муравьевъ, присужденный на 7 лѣтъ каторги, сосланъ на житье въ Иркутскъ, потомъ перемѣщенъ былъ въ Верхнеудинскъ, потомъ снова въ Иркутскъ на службу полиціймейстеромъ; затѣмъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. Впослѣдствіи, въ недавнее время, былъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; скончался въ 1863 году въ Москвѣ уже въ званіи сенатора. Шестой разрядъ составлялъ еще другой ссыльный Люблинскій, присужденный къ каторгѣ тоже на 5 лѣтъ, но не прощенный. Двухъ изъ 7-го разряда, вмѣсто двухлѣтней каторги, сослали въ крѣпостныя работы на 2 года (полк. Берстеля и поруч. Булгари, послѣдняго по молодости лѣтъ). Изъ 8 разряда лейтенантъ Бодиско, вмѣсто поселенія, написанъ былъ въ матросы; изъ 5-го братъ его мичманъ

во время житья въ казематахъ, на поселеніи принялся трудиться для своего пропитанія. Въ первые годы онъ собственными руками расчистилъ и распахалъ нѣсколько десятинъ и засѣялъ хлѣбомъ. Но такая дѣятельность не спасла его отъ искушеній. Сблизившись съ одной баргузинской мѣщанкой, онъ сперва крестилъ у нея ребенка, а потомъ на ней женился. Крестникъ его умеръ, но обыскъ включенъ былъ въ метрику, изъ-за чего, по доносу дьячка, синодъ призналъ бракъ незаконнымъ. Кюхельбекеръ, разлученный съ женою, переведенъ былъ въ Смоленскую волость подъ Иркутскомъ (за 500 верстъ отъ Баргузина). Тутъ онъ написалъ отчаянное письмо къ сестрѣ съ жалобами на жестокость. Это письмо его возвратило въ Баргузинъ, но обязали не жить съ женою, а жить съ дочерьми отъ нея прижитыми, которыхъ было семь. Рѣпинъ недолго жилъ на поселеніи. Когда везли Андрева на Кавказъ въ солдаты, онъ заѣхалъ къ другу своему и остановился на ночь въ его помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ домѣ одной крестьянки (въ Манзуркѣ за 200 верстъ отъ Иркутска). Бесѣда была праздникомъ, свиданіе длилось далеко за полночь. Служанка, разбужонная запахомъ дыма, осмотрѣла избу хозяйки и, не найдя ничего, вмѣстѣ съ нею отправилась въ помѣщеніе Рѣпина черезъ сѣни, постоянно наполнявшіяся дымомъ. Стучали въ дверь, колотили окна, и когда вошли въ комнату, увидѣли уже два обгорѣлые трупа. Несчастныхъ похоронили въ одномъ гробѣ на сельскомъ погостѣ. Самъ гражд. губернаторъ Цейдлеръ пріѣзжалъ произвести слѣдствіе, но ничего опредѣлительнаго не нашолъ, виновныхъ разыскивали народные слухи. Слѣдствіе находило причину пожара и въ незагашенной свѣчѣ, и въ невыкалаченной трубкѣ съ табакомъ, но народные слухи увѣряли, что поджогъ товарищей сдѣланъ слугою Рѣпина — поселенцемъ, надѣявшимся поживиться деньгами обоихъ. Поселенецъ этотъ къ тому же успѣлъ убѣжать, какъ увѣряетъ преданіе.

Бодиско, вмѣсто 8 лѣтъ каторги, сосланъ въ крѣпостныя работы. Изъ 1-го разряда Тургеневъ скрылся за границу; за границей спаслись Яковъ Толстой и Чаадаевъ; Булатовъ и Поливановъ сошли съ ума еще въ Петровской крѣпости. Пассекъ умеръ еще въ 1825 году.

Изъ освободившихся отъ тюремнаго заточенія въ 1834 году четвертаго рязряда ссыльныхъ: Розенъ, Нарышкинъ и Лореръ, отправились въ Западную Сибирь, въ Курганъ, остальные 11 — по деревнямъ Восточной Сибири (Глѣбовъ въ Кабанское и проч.). Тогда уже было позволено селиться по двое. Впослѣдствіи перевели въ Красноярскъ и Павла Бобрищева-Пушкина для соединенія его съ сумасшедшимъ братомъ (помѣшательство религіозоманія и пріапизмъ). Въ этомъ разрядѣ Александру Муравьеву дозволено пробыть на каторжной работѣ весь срокъ, назначенный его брату Никитѣ Михайловичу. Волконскаго изъ 1-го разряда, въ уваженіе просьбы статсъ-дамы кн. Волконской (его сестры и супруги министра), Государь приказать соизволилъ послать на поселеніе. Волконскій просилъ, какъ милости, позволенія остаться въ Петровскѣ, гдѣ слабая здоровьемъ жена и дѣти могли имѣть врачебныя пособія (отъ Вольфа), тогда какъ въ Баргузинѣ, куда онъ былъ назначенъ, не было ни аптеки, ни доктора и никакихъ удобствъ для жизни. Дозволеніе было дано. Отъѣзжавшихъ товарищей остающіеся снабжали, помимо артелей, всѣмъ своимъ наличнымъ отъ трудовъ и сбереженій. Женѣ Розена Ал. Гр. Муравьева подарила складной дорожный стулъ, предложила тысячу разныхъ предметовъ и, между прочимъ, корову для ребенка во время переѣзда на суднѣ черезъ Байкалъ. Оболенскій сшилъ искусно пальто ребенку; Конст. Петр. Торсонъ устроилъ ребенку парусинную койку, Ник. Алек. Бестужевъ винты и ремни съ пряжками, которыми прикрѣпилъ койку, назначенную для жены во время переѣзда, къ верхней части коляски. Насколько они умѣли внушить къ себѣ уваженіе, можетъ коротко и ясно доказать то обстоятельство, что за однимъ изъ уѣзжавшихъ въ Верхнеудинскѣ бѣжалъ, стараясь догнать, Визгуновъ, георгіевскій кавалеръ, бывшій въ Читѣ и Петровскѣ караульнымъ, и теперь умолявшій взять съ собою хоть на край свѣта. Остановился онъ лишь на томъ, что и самому уѣзжавшему мѣсто назначенія было неизвѣстно. Подобный случай не послѣдній.

При отправленіи 18-ти человѣкъ въ 1836 году въ іюнѣ мѣста для поселенія не были извѣстны. Отправлявшіеся сбились въ товарищества и выпросили позволеніе жить вмѣстѣ. Братья Никита

и Александра Михайловичи Муравьевы, Вольфъ и Ив. Дм. Якушкинъ согласились-было такимъ образомъ, но ихъ раздѣлили. Семейные не могли тотчасъ отправиться. Муравьевы (Алек. и Ник. Мих.) поселились въ Урюкѣ близъ Иркутска и когда Никита Мих. умеръ и дочь его увезли въ Россію, то Александръ перешелъ въ Тобольскъ; Артамонъ же Захаровичъ Муравьевъ поселенъ былъ въ Разводной, близъ Иркутска, гдѣ умеръ. Торсонъ послѣ срока недолго оставался въ Петровскомъ заводѣ,—онъ поселился сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, гдѣ умеръ. Торсонъ поселился въ Селенгинскѣ, куда къ нему пріѣхали мать и сестра; Торсонъ тамъ и умеръ. Близъ Иркутска поселенъ былъ Ѳ. Ѳ. Вадковскій. Ал. Муравьевъ остался съ братомъ, Вольфъ съ товарищами въ заводѣ для врачебныхъ пособій. Десять человѣкъ отправлены въ Иркутскъ на перемѣнныхъ подводахъ, при офицерѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ. Холостые ѣхали всѣ вмѣстѣ, женатые особо. Ив. Дм. Якушкинъ поселился въ Ялуторовскѣ, Ник. Васил. Басаргинъ съ Васильемъ Петровичемъ Ивашовымъ въ Туринскѣ Тобольской губерніи, Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ подъ Иркутскомъ въ деревушкѣ и т. д. На уменьшеніе сроковъ наказанія вліяли какія-либо событія въ царственной семьѣ; въ день рожденія великаго князя Михаила Николаевича сбавлены были пять лѣтъ; во второй разъ по 2 года, при исполненіи десятилѣтія съ 14-го дек. 1818 года. Въ память путешествія по Сибири Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора, послѣдовали, по Его милостивому ходатайству новыя облегченія. Между прочимъ, жившіе на поселеніи переведены на Кавказъ рядовыми въ отдѣльный корпусъ, на положеніи инвалидовъ. Кривцовъ, Цебриковъ, Валер. Голицынъ, А. А. Бестужевъ дослужились до офицеровъ. Нарышкинъ, Розенъ, Одоевскій, Мих. Назимовъ, Захаръ Чернышевъ, Оржицкій, Коновницынъ, и проч. оставались на Кавказѣ солдатами; потомъ выпросились въ отставку и получили дозволеніе жить на родинѣ подъ присмотромъ полиціи. Одоевскій же на Кавказѣ и умеръ отъ жолчной горячки, на рукахъ Н. А. Загорѣцкаго. На житьѣ на родинѣ, подъ присмотромъ полиціи, кончалась судьба всѣхъ декабристовъ, оставшихся живыми въ Сибири и на Кавказѣ: для однихъ раньше, для другихъ позже.

Кавказская жизнь декабристовъ, въ полнѣйшей контрастѣ съ сибирскою, прошла безъ слѣдовъ той осязательной общественной пользы, которая задержана была самымъ способомъ обязательствъ. Солдатская служба задана была имъ со всею строгостію боевыхъ обязанностей, съ тою разницею, что для однихъ лямка натянута была туже, для другихъ она ослаблялась уступчивостію, которая, однако, была произвольна и для исполнителей вовсе необязательна. Въ то время, когда Бестужевъ-Марлинскій въ Дербентѣ и въ ежовыхъ рукахъ гарнизоннаго подполковника «бурбона» съ тяжолымъ ранцомъ выстаивалъ на часахъ до изнеможенія силъ подъ палящимъ кавказскимъ солнцомъ, — нѣкоторымъ другимъ товарищамъ удалось изъ солдатскихъ казармъ и лазаретовъ попасть и въ солдатской шинелѣ въ общество офицеровъ. Генералъ Раевскій, жившій на правахъ отряднаго начальника въ Тифлисѣ, бывшій членъ тайнаго общества и другъ А. С. Пушкина, наполнилъ свой штабъ большею частію изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. На это сдѣланъ былъ доносъ въ Петербургъ. Раевскому присланъ строгой выговоръ и приказъ разослать всѣхъ по разнымъ крѣпостямъ и подвергнуть обязанностямъ гарнизонной службы. Въ числѣ прочихъ пришлось поплатиться своей судьбой одному изъ братьевъ Бестужевыхъ — Петру Александ. Въ силу этого обстоятельства кавказская ссылка оказалась строже сибирской, всѣмъ ссыльнымъ въ тревожно-воинственной странѣ досталась добрая доля походовъ противъ горцевъ, походовъ, на которые въ то боевое время такъ охотливы были всѣ командиры. Нѣкоторые походы вызывали людскія жертвы для выслуги какого-либо матушкина сынка, снабженнаго крупною протекціею въ Петербургѣ, для чиновъ и славы котораго ходили въ рядахъ и ссыльные декабристы. Нерѣдко для послѣднихъ другіе командиры избирали малѣйшіе поводы для того, чтобы дать отличиться и заслужить милость. Въ то время, когда всѣ были уже унтеръ-офицерами, Толстой въ 1835 г. произведенъ въ офицеры. Дольше всѣхъ не везло Марлинскому, который произведенъ въ офицеры, въ 1836 г. вмѣстѣ съ бывшимъ лейтенантомъ Акуловымъ. Марлинскій въ 1837 году убитъ былъ въ отрядѣ охотниковъ во время десанта въ цѣпи. Въ Дагестанѣ со многими другими умеръ отъ враждебнаго лихорадочнаго климата историкъ

Корниловичъ. Братъ Бестужевыхъ Петръ Александровичъ, сосланный на Кавказъ разжалованнымъ въ солдаты послѣ шестилѣтней солдатской службы, обязавшей его участіемъ во многихъ экспедиціяхъ, особенно же послѣ тяжолой раны, сошолъ съ ума. Ему разрѣшено было въ этомъ положеніи возвращеніе на родину на попеченіе матери и сестеръ. На попеченіе родныхъ выѣхали потомъ и всѣ другіе, за исключеніемъ лишь Сутгофа, который кажется одинъ изъ всѣхъ остался жить на кавказѣ, находясь тамъ и по настоящее время. Только для Марлинскаго Кавказская жизнь не прошла безслѣдно, обогативъ его темами для повѣстей, литературною славою и деньгами на помощь ссыльнымъ петровскимъ братьямъ и матери. Тревожная боевая жизнь преимущественно увлекла его до сочиненія походныхъ солдатскихъ пѣсенъ, до крайней непосѣдливости на извѣстныхъ боевыхъ пунктахъ восточнаго и западнаго Кавказа. Начиналъ онъ ссыльную жизнь въ горахъ у Каспійскаго моря, нашолъ свою смерть на берегу Чорнаго моря. Съ замѣтнымъ намѣреніемъ «вывести себя въ расходъ» въ натурѣ его живой и впечатлительной выродилась твердая рѣшимость искать смерти, чтобы избавиться отъ тяжестей жизни и тоски неволи. Однако и въ немъ неисчезло то стремленіе къ самообразованію, которое столь было присуще всѣмъ его товарищамъ. Бестужевъ-Марлинскій овладѣлъ языкомъ татарскимъ до свободнаго объясненія на немъ, изучилъ языкъ арабскій и принялся было уже за персидской. Въ этомъ отношеніи живые люди не потерялись и на Кавказѣ.

Прощаясь съ комендантомъ, уѣжавшіе старались выразить ему благодарность теперь, не считая умѣстнымъ свидѣтельствовать ее прежде. Ленарскій, прослезившись, отвѣчалъ: «вы вели себя такъ, что еслибы на вашемъ мѣстѣ были все Вашингтоны, то они не могли бы лучше сдѣлать это. Мнѣ ни разу не случалось прибѣгать къ мѣрамъ, несогласнымъ съ моимъ сердцемъ, и вся моя заслуга состоитъ въ томъ, что я понялъ васъ и, вполнѣ на васъ надѣясь, слѣдовалъ его внушеніямъ». «Мы обнялись и въ послѣдній разъ простились. Черезъ годъ онъ скончался». Назначенъ новый командиръ, полковникъ Ребиндеръ, новый плацъ-майоръ Казимірскій и другіе

плацъ-адъютанты. Прежніе офицеры возвратились въ Россію, получивъ большія награды. Ребиндеръ уравнялъ всѣхъ, соединилъ на общихъ правахъ. При немъ всѣ ходили изъ каземата, куда кто хотѣлъ и онъ приглашалъ къ себѣ безъ различія всѣхъ.

Въ 1839 году оставили казематъ и заводъ остальные изъ первой категоріи, въ каковую попали двое изъ второй (братья Бестужевы, Н. А. и М. А.), какъ вмѣстѣ съ четвертой былъ освобожденъ одинъ (Розенъ) изъ пятаго разряда *). Бестужевы выбрали для себя городъ Курганъ, но оставлены въ Селенгинскѣ за Байкаломъ, вблизи Петровскаго завода, гдѣ соединились съ К. П. Торсономъ. Въ заводѣ остался И. И. Горбачевскій. Д. И. Завалишинъ уѣхалъ въ Читу; въ деревнѣ Оекъ подъ Иркутскомъ С. П. Трубецкой, въ Разводной также близь Иркутска — Алексан. Ив. Якубовичъ; близъ Иркутска въ Смоленской волости — Бечасной; около Иркутска: С. Г. Волконской, А. П. Юшневскій, Алекс. Виктор. Поджіо; въ Тобольской губерніи—Ив. Алек. Анненковъ пробывши нѣкоторое время въ Бельскѣ. Петръ Никол. Свистуновъ **), Ив. Александ. фонъ-Визинъ,

---

*) Третій разрядъ составляли двое: Штейнгель и Гаврило Семен. Батенковъ. Первый уѣхалъ на поселеніе къ Тару (Тоб. г.) въ іюнѣ 1836 г. вмѣстѣ съ четвертымъ разрядомъ, а Г. С. Батенковъ, просидѣвъ въ петропавловской крѣпости 12 лѣтъ, вывезенъ былъ въ Томскъ, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ считался, былъ также отправленъ на поселеніе изъ каземата. Въ этомъ городѣ онъ былъ поселенъ одинъ и первымъ, и когда явился съ именемъ секретнаго, всѣ отъ него сторонились, никто не хотѣлъ пускать на квартиру. Велъ онъ сначала цыганскую жизнь. Нашолся сердобольный гостинщикъ съ красными вѣками, показывавшій себя въ Россіи за альбиноса, выпросившій 100 руб. въ мѣсяцъ только за квартиру, тогда какъ Батенковъ получилъ въ видахъ исключенія отъ товарищей 1200 р. асс. Наконецъ нашлось доброе семейство старожиловъ: одинъ братъ служилъ и умеръ при Коряковскихъ соляныхъ промыслахъ, оставившій семейство свое на рукахъ другаго брата на клятву не покидать. На бѣду этотъ братъ полюбилъ дѣвушку и клятва встала препоной. Батенковъ принялъ на себя клятву и заботился о вдовѣ и сиротахъ, живя на собственномъ хуторѣ за чертою г. Томска. Выселившись въ Россію, Гаврило Семеновичъ взялъ туда съ собою и это семейство.

**) Свистуновъ и Анненковъ вступили въ Тобольскѣ въ службу. Бригенъ поступилъ канцеляристомъ въ Кургенскій окружной судъ и черезъ десять лѣтъ получилъ первый чинъ.

Краснокутскій, Барятинскій, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (поэтъ, умершій въ Тобольскѣ отъ чахотки), В. К. Вольфъ, Мухановъ въ Братскомъ острогѣ на Ангарѣ. Въ Туруханскѣ (Енис. губерніи): И. А. Абрамовъ и Лисовскій убиты были въ дорогѣ, ѣдучи по торговымъ дѣламъ по довѣренностямъ отъ купцовъ. Въ Иркутской губерніи умеръ отъ паралича одинъ изъ Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ: сумасшедшій братъ (Андрей Ивановичъ) пробовалъ возвратить его къ жизни, пуская бритвой кровь. Всѣ бумаги предварительно сжогъ, и когда на дымъ сбѣжались люди, нашли Борисова повѣсившимся. Александръ Ивановичъ Якубовичъ (въ Енис. губерніи) умеръ, плывя по рѣкѣ; А. П. Юшневскій отъ удара, идя за гробомъ товарища Вадковскаго; Пик. Алексѣев. Пановъ—отъ сахарной мочи. Въ Ялуторовскѣ умеръ Янтальцевъ съ женой, въ Красноярскѣ: Тютчевъ, Вас. Львов. Давыдовъ, Спиридовъ, Митьковъ. Въ Тобольской губерніи умерли: Краснокутскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. М. Муравьевъ, Барятинскій, Башмаковъ, Вольфъ, Семеновъ. Въ Иркутской губерніи умерли: Никита Мих. Муравьевъ, Θед. Θ. Вадковскій, Юшневскій, Бечасной, Поджіо, М. Н. Глѣбовъ, Артам. Зах. Муравьевъ, Мих. Кар. Кюхельбекеръ, Мазалевскій, оба Борисовыхъ. За Байкаломъ въ Селенгинскѣ: К. П. Торсонъ и Ник. Ал. Бестужевъ. Въ Туринскѣ Ивашевъ съ женой, въ Акатуѣ — М. С. Лунинъ. Затѣмъ, по возвращеніи въ Россію: въ Москвѣ Мих. Алек. фонъ-Визинъ, въ Бронницахъ—Ив. Ив. Пущинъ, въ Костромѣ—Дмитрій Александ. Щепинъ-Ростовскій, въ Москвѣ—Иванъ Дмитр. Якушкинъ. Въ Калугѣ А. С. Батенковъ и А. П. Оболенскій; въ Орлѣ Алек. Иванов. Черкасовъ; Кривцовъ, въ Орловс. губ.; Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ въ Москвѣ, и т. д., до 7-ми или 8-ми, остающихся въ живыхъ по настоящее время.

Наибольшая часть читинскихъ и петровскихъ заключенниковъ на мѣстахъ поселенія принуждена была обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя указывала самая цѣль поселенія. Они принуждены были заняться хозяйствомъ, и въ устройствѣ его искать тѣхъ средствъ къ жизни, которыя въ тюрьмѣ доставлялись общиной, а теперь, при болѣе свободномъ состояніи были затруднены для нихъ крупными причинами, лежащими въ основаніи ихъ первоначальнаго

воспитанія. Новое общественное положеніе на поселеніи стало несравненно тяжелѣе, и еслибы не нравственные запасы въ тюрьмѣ, облегчившіе до нѣкоторой степени приступы къ практическимъ занятіямъ — положеніе ихъ было бы безъисходнымъ. Сенатскій указъ 29 мая 1827 г., по представленію бывшаго Сиб. ген. губ. Сперанскаго, позволявшій выдавать крестьянамъ изъ посельщиковъ свидѣтельства на торговлю, не распространялъ этого дозволенія разъѣздовъ внѣ мѣстъ ссылки на тѣхъ, которые ей подвергнуты по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда. Правила для жизни были стѣснительны и противорѣчивы. Такъ для отлучки далѣе 6 верстъ требовалось испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга, и въ тоже время дозволялось ѣздить по своей волости, которая въ иныхъ мѣстахъ тянулась въ одну сторону на 200 верстъ. Значительно облегчилось положеніе новыхъ поселенцовъ также и тѣмъ, что они поселены были по трое и даже до шести въ одномъ мѣстѣ. На этомъ взаимномъ, живомъ обмѣнѣ мыслей, а также при письменныхъ совѣтахъ болѣе даровитыхъ и опытныхъ товарищей, кое-какъ улаживалась поселенческая жизнь декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, она преисполнилась наибольшихъ затрудненій и лишеній, чѣмъ даже въ самыхъ казематахъ.

Поселенные въ маленькихъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ, всѣ взяли назначенныя имъ по закону 15 десятинъ земли, и занялись сельскимъ хозяйствомъ. Нѣкоторымъ удалось довести свое домашнее хозяйство до высокой степени совершенства (какъ Д. И. Завалишину въ Читѣ); очень многіе, въ восполненіе лишеній городской жизни, прибѣгли къ тому способу существованія, который обезпечивался для нихъ въ Сибири скудною платою за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ этомъ отношеніи государственные преступники принесли краю несомнѣнную и громадную пользу, поднявъ уровень сибирскаго образованія значительно выше того, какой имѣется для Россіи. Особенными способностями на этомъ поприщѣ отличались между прочими: А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо въ Иркутскѣ, Д. И. Завалишинъ—въ Читѣ, И. Д. Якушкинъ въ Ялуторовскѣ. Послѣдній устроилъ двѣ школы (одну мужскую въ 1842 году, другую для дѣвочекъ въ 1846 г.). Обучалъ онъ въ ней дѣтей по системѣ

Ланкастеровской въ теченіи 14 лѣтъ, не смотря на привязчивость и доносы штатнаго смотрителя училищъ и благодаря снисходительности власти, школа эта успѣла приготовить не только грамотныхъ, но приготовила и учителей. Одна изъ дѣвицъ воспитываавшихся въ школѣ, имѣла возможность поступить въ нее преподавательницей. Въ теченіи 14 лѣтъ (съ 1842 по 1856) въ школѣ, основанной И. Д. Якушкинымъ, перебывало1,600 человѣкъ учениковъ. Восточной Сибири, въ этомъ и другихъ отношеніяхъ посчастливило наиболѣе Сибири Западной, по случайности поселенія въ ней болѣе даровитыхъ и способныхъ людей. Въ то время, когда въ Западной наибольшая часть принуждена была прибѣгнуть къ содѣйствію купцовъ и, въ качествѣ ихъ коммисіонеровъ и прикащиковъ, изыскивать кое-какія средства для жизни, — въ Восточной Сибири дѣятельность декабристовъ явилась въ болѣе разнообразной и практической формѣ.

Въ Западной Сибири Тизенгаузенъ поселился въ Ялуторовскѣ, построилъ домъ, но домъ подожгли; онъ выстроилъ второй — его опять подожгли; выстроилъ третій, но и этотъ сожгли. Въ четвертомъ ему удалось укрѣпиться на пожарищѣ большихъ домовъ прежнихъ въ маленькомъ. Здѣсь онъ прилежно занялся садомъ и воспитывалъ такіе плоды и ягоды, которые до него никогда не созрѣвали. Онъ постоянно жаловался на слабое здоровье и бездѣльную жизнь, и, въ самомъ дѣлѣ, казался поврежденнымъ въ умственныхъ способностяхъ, что примѣтно было и въ способѣ домовыхъ построекъ, и въ самомъ образѣ жизни. Въ Курганѣ Назимовъ, Нарышкинъ, Лихаревъ, фонъ-Бригенъ, Розенъ, Лореръ и Фохтъ получили по 15-ти десятинъ земли и занимались хозяйствомъ *). Нарышкинъ въ подспорье занятіямъ имѣлъ возможность выписать изъ Москвы дорогихъ и крѣпкихъ лошадей. Остальные товарищи передали Розену свои участки, и онъ занялся хозяйствомъ, удобряя неплодородную землю золой, которую безплатно получалъ изъ тамошныхъ мыловаренъ, и въ два года показалъ туземцамъ, какъ можно этимъ способомъ дѣлать землю плодородною. При помощи безплатнаго труда

*) Изъ нихъ фонъ-Бригенъ, почему-то не получавшій права ѣхать вмѣстѣ съ товарищами на Кавказъ солдатомъ, впослѣдствіи поступилъ писцомъ въ Курганскій судъ и черезъ 10 лѣтъ получилъ первый гражданскій чинъ.

помочами или утолоками, требовавшими за работу только угощенія, Розену удалось справиться со всею массою земли, хотя и не привелось извлечь изъ земледѣлія выгоды. Если онъ не получалъ барышей отъ хлѣба, неимѣщаго цѣны въ томъ плодородномъ краѣ, если ему не удалось вырастить ни картофеля, ни гималайскаго ячменя, за то хозяйственные труды его съ достаткомъ вознаградилъ горохъ, имѣвшій цѣну на заводахъ, въ посты, и доставлявшій траву для корма скота. Скотоводство малоопытнаго курганскаго поселенца поддержало и доставило ему наибольшія выгоды. Жена ему во всемъ помогала: пекла и варила кушанья для приходившихъ на «утоколоки», заготовляла пиво, закупала кедровые орѣхи для дѣвушекъ, угощала виномъ. Въ Олонкахъ, близь Александровскаго завода и въ 8-ми верстахъ отъ Иркутска, Влад. Ѳедос. Раевскій на особыхъ грядахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ: теперь на иркутскомъ базарѣ арбузъ стоитъ 10—50 копѣекъ, тогда какъ прежде оранжерейные продавались отъ 5—10 руб. ассиг. за штуку. Предубѣжденіе сибиряковъ исчезло. Остаткомъ отъ прихода поселенцы дѣлились съ неимущими. Эта сторона характера наиболѣе рельефно выдавалась надъ всѣми другими, и матеріальная помощь доставила помогавшимъ всеобщее уваженіе, которое перешло и въ потомство. Имя благотворителей этихъ стало народнымъ преданіемъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не имѣла предѣловъ: съ равнымъ участіемъ и готовностію выходили они съ помощію и къ свободнымъ несчастнымъ и къ ссыльнымъ: въ Ялуторовскѣ, у почтоваго двора ссыльныхъ поляковъ, привозимыхъ въ нерчинскіе рудники, встрѣчали жившіе въ этомъ городѣ декабристы и спѣшили повидаться, чтобы утѣшить и успокоить напутственными совѣтами. Въ Петровскомъ заводѣ Ив. Ив. Горбачевскій приспособлялъ свои благотворенія къ лучшимъ изъ поселенцовъ тѣмъ, что выстраивалъ домикъ, высматривалъ добродѣтельнаго и стоющаго изъ ссыльныхъ, выходившихъ на пропитаніе, бралъ его къ себѣ (иногда двухъ и трехъ вмѣстѣ), подъ видомъ личныхъ услугъ, но собственно на испытаніе. Если послѣдніе задавались, выборъ былъ удаченъ, Ив. Ив., убѣдившись въ честныхъ правилахъ поселенца, передавалъ

ему домикъ въ собственность, самъ для себя строилъ другой, третій до десятаго; эту десятую хатку, на нашъ пріѣздъ въ январѣ 1861 г. онъ приготовилъ также для исправившихся ссыльныхъ. Занимался онъ исполненіемъ различныхъ не крупныхъ подрядныхъ лѣсныхъ работъ для завода. Въ началѣ нынѣшняго года онъ скончался мировымъ посредникомъ, среди всеобщаго уваженія. Такъ дѣйствовали недостаточные. Въ Тобольскѣ богатые съумѣли организовать даже цѣлое благотворительное общество, оставившее самые яркіе слѣды въ преданіяхъ, и оказавшее несомнѣнныя заслуги тамошнему населенію. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина, съ молодыхъ лѣтъ, отличавшаяся набожностію, въ зрѣлыхъ лѣтахъ эту религіозность примѣнила въ Тобольскѣ исключительно къ дѣламъ христіанскаго милосердія. Съ помощью Прасковьи Егоровны Анненковой она успѣла дѣла благотворенія поставить на широкую ногу (участіе послѣдней весьма памятно также и тѣмъ ссыльнымъ «петрашевцамъ», которыхъ провезли въ Нерчинскъ черезъ Тобольскъ въ 1849 году). О благотворительности Батенкова въ Томскѣ мы имѣли случай разсказать. Среди трудныхъ опытовъ личнаго обезпеченія хозяйственными трудами поселенцы не покидали науки, и, по мѣрѣ силъ, старались служить ея интересамъ. И. Д. Якушкинъ устроилъ въ Ялуторовскѣ галваническій аппаратъ и весьма удачно занимался галванопластикой. Онъ же содѣйствовалъ много къ развитію научныхъ свѣдѣній о физикѣ и механикѣ въ самоучкѣ—мѣщанинѣ Росмановѣ, который подъ руководствомъ И. Д. устроилъ электрическую машину, гальваническую бунзеновскую батарею, пружинный термометръ, гигрометръ, изящной работы стѣнные часы и вѣтромѣръ, заказанный руководителемъ. Много времени Ив. Дм. истратилъ на переписку своего огромнаго труда Учебникъ Географіи, составленный по особому плану, и имѣлъ возможность составить гербарій ялуторовской флоры.

Въ Восточной Сибири также значительная часть государственныхъ преступниковъ, при поступленіи на поселеніе, принуждена была для своего пропитанія выпросить себѣ законный надѣлъ 15-ти десятинъ земли. Бечасновъ въ Смоленщинѣ — селеніи на рѣкѣ Ушаковкѣ (впадающей въ Ангару въ Иркутскѣ) приспособилъ впервые опыты посѣвовъ конопли—продукта своей плодородной родины (Ма-

лороссіи), и добился тѣхъ результатовъ, что въ настоящее время вся Смоленская волость—одна изъ самыхъ производительныхъ мѣстностей подъ Иркутскомъ, воздѣлывающая пеньку въ большомъ количествѣ. Онъ же въ компаніи съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельныхъ сибирскихъ купцовъ (покойнымъ Андреемъ Васильевичемъ Бѣлоголовымъ) устроилъ маслобойку и Сибирь впервые увидѣла свое мѣстное масло не привозное черезъ всю Сибирь изъ Ирбита, и Россіи. Между сельскими хозяевами Восточной Сибири наиболѣе выдѣлились братья Бестужевы (Н. А. и Мих. Ал.), поселившіеся около г. Селенгинска. Въ особенности замѣчательна была дѣятельность старшаго брата (Ник. Алек.). «Хотѣли-было завести мельницу, пріобрѣтя въ собственность при домѣ толчею, бывшую при кожевенномъ заводѣ, но отложили до времени; задумались-было надъ возстановленіемъ самой кожевни, но дознались, что какъ ни велико селингинское скотоводство — Кяхта поглощаетъ всѣ кожи на обшивку чаевъ, и платитъ за нихъ очень дорого, такъ что выдѣлка становится очень дорога для заводчика, обязаннаго покупать кожи кяхтинскою цѣною». Забайкальскія кожевни Бестужевыхъ (и Колесова) шли до тѣхъ поръ, пока тарскіе, тюменскіе и кунгурскіе заводы не разсчитали, что ихъ хожи и съ провозомъ будутъ отправляться заграницу дешевле забайкальскихъ. Какъ скоро опытъ былъ сдѣланъ и оправдалъ расчотъ, кожи Западной Сибири пробили себѣ вѣрную дорогу на востокъ и въ Китай. «Съ тѣхъ поръ наши заводы упали (пишетъ Н. А. Бестужевъ). Осталось для насъ земледѣліе и скотоводство». Зуевская падь (долина), доставшаяся Вестужевымъ, отъ неправильнаго народнаго хозяйства пришла въ то состояніе, что новые поселенцы принуждены были прибѣгнуть къ искусству, и, съ помощію его, успѣли сохранить на землѣ траву и получить отличныя пастбища для скота. Овцеводство оказалось самымъ выгоднымъ занятіемъ по хозяйству вслѣдствіе требованій китайцами забайкальской мерлушки предпочтительно передъ русскою. Весною послѣ жестокихъ зимъ, у мѣстныхъ хозяевъ, послѣ недостаточнаго зимняго корма, овцы, переходя на траву, падали цѣлыми стадами отъ насморковъ, поносовъ и катарровъ,—у Бестужевыхъ и Торсона, къ удивленію всѣхъ, стадо уцѣлѣло по простой причинѣ

заготовленія сѣна, какъ красноугольнаго камня, на которомъ зиждется основаніе хозяйства. Стадо товарищей состояло изъ 300 барановъ; въ хозяйствѣ, сверхъ того, находились 4 лошади и 2 коровы. На пастьбищѣ поставлена была маленькая избушка съ овчарнями (чтобы не держать овецъ въ городѣ при домѣ, что, по разсчотамъ, не приносило никакой выгоды): туда переселился даровитый хозяинъ, и жилъ философомъ, пасъ овецъ и заготовлялъ сѣно для ихъ поддержанія, а не для содержанія всего скота (какъ дѣлали рутинные хозяева). Хлѣбъ у нихъ былъ свой и свой домъ, купленный въ долгъ, но раціонально веденное хозяйство дало возможность вскорѣ заплатить долгъ. Другимъ многочисленнымъ затѣямъ, на которыя былъ такъ скоръ и богатъ многосторонній умъ Н. Алек., обогащенный обширными свѣдѣніями, помогали сестры (Елена и Марья Алек., вскорѣ пріѣхавшія изъ Россіи и, по смерти матери, переселившіяся къ братьямъ въ Селенгинскѣ*). Торсонъ въ это же время знакомилъ туземцовъ съ улучшонными хозяйственными машинами, поставилъ

*) Когда въ 1848 г. сестры Бестужевыхъ пріѣхали въ Селенгинскъ, все населеніе города вышло съ нимъ на встрѣчу. Пріѣзжія съ большими усиліями могли пробиться сквозъ густую толпу въ объятія братьевъ, выбѣжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Въ лицѣ одной изъ сестеръ братьевъ Бестужевыхъ (Еленѣ Александровнѣ) является новый благодѣтельный геній, дополняющій циклъ тѣхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай разсказать выше. Съ молодыхъ лѣтъ, когда она потеряла пятерыхъ братьевъ, она заступила ихъ мѣсто для младшихъ сестеръ и больной матери. Любовь къ братьямъ Ел. Алек. сначала выразила свиданіями и посѣщеніями ихъ, не смотря на массу препятствій, въ страну изгнанія посылала все необходимое, исполняла всѣ порученія. Для брата Александра (Бестужева-Марлинскаго) она была коммиссіонеромъ во всѣхъ его авторскихъ сношеніяхъ со Смирдинымъ и другими издателями; для лишившагося разсудка брата Павла она испросила прощеніе и вмѣстѣ съ ролью страдалицы, приняла на себя заботы о послѣдующій судьбѣ его. Когда Елена Алек. похоронила братьевъ и мать, когда исполнилась ея миссія въ Россіи, она распродала все свое и съ двумя сестрами поѣхали въ Сибирь отдать свою жизнь, любовь и силы двумъ остальнымъ братьямъ, оставшимся въ живыхъ и какъ бы для того, чтобы закрыть глаза на вѣки ещо одному, кровному другу. «Отрадно быть братомъ этой души высокой» справедливо говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Бестужевъ-Марлинскій объ этой «хлопотальницѣ за всѣхъ», объ этомъ «образцѣ сестеръ».

мельницу и устроилъ молотилку. Торсоновская мельница и молотилка конная съ веревочнымъ приводомъ, требовавшія одной только лошади, потребовали двухъ для приведенія машины въ дѣйствіе: Н. А. Бестужевъ долго задумывался надъ такой разностію, и, предположивъ, что приводная веревка очень тонка и много растягивается (черезъ что́ лошадь теряла часть своей силы), приспособленіемъ толстой бичевы устранилъ погрѣшностъ. Мих. Алек. Бестужевъ придумалъ двуколку, удобную для поѣздокъ по горнымъ дорогамъ, и завѣщалъ ее въ повсемѣстное употребленіе туземцамъ подъ именемъ сидѣйки. До сихъ поръ подобныя сидѣйки пользуются такимъ же предпочтеніемъ по всему гористому Забайкалью, какъ знаменитая долгуша по всему востоку Россіи. Въ то же время Ник. Алек., въ свободные часы отъ хозяйственныхъ занятій, занимался приготовленіемъ астрономическихъ часовъ безъ компенсаціи, выработкою самаго вѣрнаго морскаго хронометра, надъ которымъ и производилъ пробы въ чуланѣ высокою и низкою температурою. Завѣщавъ флоту, еще во время службы на немъ, способъ значительнаго упрощенія въ уборкѣ и вооруженіи корабля *, онъ намѣревался снабдить еще астрономическими часами и хронометромъ съ самою ничтожною дивіаціею. «Одно желаніе быть полезнымъ бѣднымъ мореходцамъ, которые не въ состояніи платить по 2 и по 4 тысячи за хронометры, а отъ того самаго на половину, а можетъ быть, и болѣе гибнутъ, не имѣя вѣрнаго счисленія—руководило Н. А. Бестужевымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы хронометръ по бо́льшей мѣрѣ стоилъ не болѣе 300 или 400 руб. асс., и для этого придумывалъ самое простое устройство. Онъ былъ уже близокъ къ осуществленію мысли. Онъ разобралъ хронометръ въ послѣдній разъ, но смерть прекратила работу, и разобранный хронометръ ни одинъ механикъ, не обладая секретомъ изобрѣтателя, собрать не могъ. Одни часы ходили у него уже четыре года хорошо; другіе выдержали въ чуланѣ двѣ жестокія зимы, идучи не останавливаясь, и хотя суточное измѣненіе, при замерзаніи ртути, не пре-

*) Бестужевскій способъ давалъ просторъ командѣ и сокращалъ издержки. Впервые примѣненъ былъ этотъ способъ при вооруженіи корабля Эмгейтена.

вышало 4°, однако, изобрѣтатель оставался ими недоволенъ: сталъ добиваться суточной разности въ десятыхъ доляхъ секунды. Отличный портной, башмачникъ, столяръ — онъ былъ хорошимъ слесаремъ, портретистомъ, рисовальщикомъ: имъ написанъ для селенгинскаго Покровскаго собора для царскихъ дверей масляными красками образъ Благовѣщенія. Онъ написалъ очень много статей и книгу «Записки моряка», сочиненіе съ крупными литературными достоинствами. Домашніе опыты надъ неудачными печами привели его къ изобрѣтенію такой печи, которая поразила своею практичностію лучшаго знатока этого дѣла, извѣстнаго архитектора И. И. Свіязева. Бестужевская печь при 30° R. морозу при 15 футахъ дровъ, сохраняла на другое утро тепла еще 10°; 30 футовъ при той же температурѣ, впродолженіе дня, почти не дозволяли дотрогиваться и печь сохраняла 15°. Когда у всѣхъ валились трубы и трескались печи, у Бестужевыхъ оказались экономическія, невиданнаго и незнаемаго устройства**). Состоя и на поселеніи и живя на свободѣ, товарищи не переставали сноситься другъ съ другомъ и оказывать другъ другу услуги и совѣтомъ и дѣломъ. Намъ удалось читать интересную переписку Дм. Ир. Завалишина съ Ник. Алек. Бестужевымъ. У Ник. Алек. спрашивалъ совѣтовъ относительно разведенія дынь и арбузовъ читинскій товарищъ его, Дм. Ирин. Завалишинъ, самъ отличный хозяинъ и садовникъ, и получалъ цѣлыя тетради практическихъ совѣтовъ, основанные на опытныхъ успѣхахъ удачнаго приспособленія. Въ свою очередь Н. А. Бестужевъ просилъ Д. И. Завалишина пріискать теоретическія формулы высшихъ вычисленій математики для оправданія и научнаго основанія своихъ практическихъ соображеній. Зажигая парники и возрощая на изученіе другимъ арбузы, дыни и китайскіе огурцы, Н. А. Бестужевъ не покидалъ научныхъ опытовъ, и, между прочимъ, воспользовавшись вулканическою

---

*) Огонь пропускался изъ горнила вверхъ, оттуда оборотами книзу и потомъ снова оборачивался колодцомъ кверху; такимъ образомъ, труба приходилась надъ этимъ послѣднимъ колодцомъ, вопреки общимъ пріемамъ сибирскихъ печниковъ. Устройство печи стало проще и дешевле. «Самъ я былъ и есмь бѣденъ — говаривалъ Н. А. — а потому знаю, каково бѣднякамъ на свѣтѣ».

мѣстностію Селенгинска, производилъ опыты надъ направленіемъ землетрясеній частыхъ, хотя и незначительныхъ. Онъ повѣсилъ на проволокѣ 20-фунтовое ядро со шпилькою внизу, которая, будучи опущена концомъ въ ящикъ съ мелкимъ пескомъ, при каждомъ землетрясеніи, чертила его направленіе, и затѣмъ шолъ къ выводамъ и къ улучшенію самаго инструмента. Хозяйство не задавалось долгое время по причинѣ постоянныхъ засухъ, преслѣдовавшихъ начинанія и заставлявшихъ выходить изъ границъ должныхъ экономій. Выпросивъ себѣ позволеніе (въ 1840) на разъѣзды по округу (въ Кяхту, Верхнеудинскъ и Петровской заводъ), даровитый Бестужевъ нашолся въ томъ, что въ Кяхтѣ сталъ заниматься живописью за деньги. Деньги употребллъ на поддержку упадшаго хозяйства, полагая про себя, что «остановиться въ хозяйствѣ—все равно, что бросить его совсѣмъ». Съ такимъ человѣкомъ разнымъ несчастіямъ бороться было мудрено.

На поселеніи, само собою разумѣется, литературныя занятія, столь любимыя въ казематѣ, многими оставлены не были, но наступила пора разочарованій, строгаго отношенія къ себѣ — этихъ честныхъ порывовъ самосознанія, въ которыхъ слѣдуетъ искать причинъ тому, что многіе литературные труды декабристовъ не появились на свѣтъ «погрузились въ Лету», какъ выразился одинъ изъ нихъ. Къ этому примѣшивалось еще воспрещеніе публиковать свои сочиненія: поселенцы по закону не имѣли этого права. Во взаимной товарищеской перепискѣ мы не разъ выслушивали эту грустно-настроенную, и безъ раздраженія ноту трезваго, спокойнаго отношенія къ себѣ. Многіе высказывались такими откровенными исповѣдями: «въ 25 лѣтъ тюремной нашей жизни свѣтъ очень далеко подвинулся впередъ и мы остановились на одномъ мѣстѣ. Ни по языку, ни по интересу изложенія, ни по скудости фактовъ записки (одного изъ товарищей) не могутъ увлечь публику; а въ теперешную эпоху одно увлеченіе и можетъ играть роль. Тяжело, а должно было ему дать понять и приготовить его къ неудачѣ. Кажется онъ согласился, если не измѣнилъ своихъ мыслей послѣ», и проч. «Сколько событій совершилось въ 30 лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта (пишетъ другой) и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти. Теперь мы въ 5 лѣтъ

болѣе проживаемъ, нежели прежде во сто». «У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей (сознается третій), но они уже потеряли цѣну современнаго колорита». Устоялъ на своихъ литературныхъ занятіяхъ больше другихъ А. А. Бестужевъ (Марлинскій) и успѣлъ въ свое время воспользоваться—какъ извѣстно—неслыханнымъ до того времени литературнымъ успѣхомъ при крупномъ и несомнѣнномъ вліяніи на читающую русскую публику. Онъ имѣлъ возможность литературнымъ гонораріемъ помогать братьямъ и отложить 50 тыс. руб. асс. въ банкъ.

Товарищи изъ богатыхъ, поселившіеся близъ Иркутска, благодаря своимъ столичнымъ связямъ, привлекли къ себѣ вниманіе одного изъ губернаторовъ Восточной Сибири. По указаніямъ первыхъ удалось послѣднему отмѣтить для своей дѣятельности не одинъ слабый пунктъ, требовавшій ремонтовъ или капитальныхъ перестроекъ. Вліянію иркутскихъ поселенцовъ не мало обязана Восточная Сибирь въ преобразованіяхъ, затѣянныхъ энергическимъ дѣятелемъ: и эта служба ссыльныхъ памятна мѣстному населенію и передается подробно и охотно всѣмъ желающимъ про то слышать и вѣдать. Эта заслуга тѣмъ болѣе важна была въ Сибири—страна, гдѣ злоупотребленія всякаго рода превосходили мѣру вѣроятія. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы на угнетеніе и мольбы о пощадѣ. Не одинъ Селенгинскъ, избавленный отъ притѣсненія кляузнаго и безсердечнаго городничаго, но и многія другія мѣстности почувствовали на себѣ участіе людей высоко образованныхъ, возбудившихъ уваженіе мѣстныхъ властей и хорошо успѣвшихъ познакомиться со страною, пріютившею ихъ, и съ людьми, встрѣтившими ихъ съ любовью и гостепріимно. Тѣми же административными заслугами отблагодарилъ хлѣбосольному и гостепріимному краю другой товарищъ декабристовъ, отличавшійся наибольшими свѣдѣніями о краѣ въ томъ же Забайкальѣ, гдѣ началъ онъ ссыльную жизнь, продолжалъ долгое время и свободную. Когда Чита назначена областнымъ городомъ — Д. И. Завалишинъ приложилъ немало труда, заботъ и личныхъ способностей къ ея устройству при новомъ назначеніи; опытные совѣты его, основанные на знаніи тамошняго народа, у всѣхъ на глазахъ (при первомъ забайкальскомъ наказномъ атаманѣ Запольскомъ) превращались въ живое

дѣло при устройствѣ области и казачьяго быта. Ему же удалось сдержать безразсчотныя увлеченія при заселеніи Амурскаго края, вновь пріобрѣтеннаго, и прежде всѣхъ опредѣлить настоящее его значеніе далеко не въ смыслѣ обѣтованнаго рая, чѣмъ силились увѣрять общество мѣстные поэты, призванные и непризванные. И теперь, когда, по случайности, этой сибирской общественной службѣ положенъ былъ предѣлъ, Д. И. Завалишинъ, на мѣстѣ иной своей дѣятельности (въ Москвѣ) не перестаетъ дѣлиться запасомъ образованія, опытности и энергіи въ разнообразныхъ дѣлахъ благотворенія, отъ вспоможенія бѣднымъ до обученія неимущихъ, независимо отъ тѣхъ порученій, которыя возлагаетъ на него довѣріе разныхъ ученыхъ обществъ. Въ настоящее время онъ состоитъ членомъ и секретаремъ Московскаго комитета грамотности и проч.

Вотъ съ какою просьбою обращался М. А. Бестужевъ къ С. Г. Волконскому, жившему въ Иркутскѣ: «вамъ можетъ быть извѣстно, что за низкая креатура нашъ городничій, назначенный къ намъ въ градоначальники изъ жалкаго сословія иркутскихъ квартальныхъ... Онъ далъ торжественное обѣщаніе намъ и всѣмъ гражданамъ нашего города жить миролюбиво, но снова началъ низкое поприще кляузъ (приводятся примѣры). Мы теперь такъ стѣснены, что не имѣемъ права перестроить бани или поставить новый курятникъ безъ разрѣшенія иркутской строительной коммиссіи, мы, которые живемъ внѣ всякаго гражданскаго міра, въ степи, въ притыкѣ неприступныхъ горъ... Если вы будете имѣть возможность представить все это на видъ г. губернатору, то я свидѣтельствую о благодарности всѣхъ нашихъ согражданъ, ежели избавите городъ отъ этой язвы, отравляющей нашу атмосферу». На письмо это послѣдовалъ отвѣтъ: «сдѣлано распоряженіе къ освобожденію Селенгинска отъ городничаго, что и будетъ сдѣлано въ теченіе не болѣе двухъ недѣль, чрезъ что городъ можетъ быть спокоенъ.»

Н. А. Бестужевъ пишетъ къ Д. И. Завалишину (20 мая 1852 года): «Матушка Торсона имѣетъ теперь 88 лѣтъ отъ роду и получаетъ пенсію въ 325 руб. асс. послѣ покойнаго мужа. Пенсія эта переходитъ на дочь послѣ ея смерти. Сверхъ того они обѣ получаютъ ежегодно вспомоществованія 500 руб. асс. Но этой помощи да-

леко для ихъ существованія недостаточно, особенно потому, что болѣзненное состояніе покойнаго, вовлекло ихъ въ долги и разстроило кое-какъ заведенное хозяйство. Сверхъ того постоянные неурожаи впродолженіе 10-ти лѣтъ до прошедшаго года были раззорительны для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, а для нихъ ещо болѣе по недостатку нужной мужской помощи. Нынѣ же, по увеличивавшемуся здѣсь военному народонаселенію, цѣны на все удивительно какъ возвысились. Вотъ вкратцѣ тѣ нужды, которыя представляются на благоусмотрѣніе великодушію его п—ва (Запольскаго). Къ этому прибавить должно, что желательно очень, чтобы земля отведенная покойному, осталась за его матушкой и сестрой. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ указѣ о надѣленіи насъ землей сказано, что это дѣлается по примѣру государственныхъ крестьянъ: а какъ у нихъ земли, по согласію мірскому, у вдовъ не отбираются, если всѣ на то согласны, то кажется и въ этомъ случаѣ можно поступить такимъ образомъ».

Отъ 22 апрѣля 1854: «я не перестаю тебя безпокоить своими письмами, но что же дѣлать? бѣдной здѣшной народъ такъ напуганъ прежде бывшими здѣсь злоупотребленіями, что думаетъ и теперь безъ покровительства чьего-нибудь нельзя никакого дѣла сдѣлать (слѣдуетъ просьба о рекрутѣ при сдачѣ).

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 просьба о томъ же, но для новаго лица. Въ письмѣ отъ 11 марта 1854: «Старинной нашъ знакомый Хамба-Лама (толстякъ) непремѣнно хотѣлъ имѣть отъ меня къ тебѣ письмо, чтобы возобновить съ тобой знакомство, ежели вы были знакомы, и познакомиться, ежели не были. Какъ я ни увѣрялъ его, что это вовсе не нужно для такого предмета (на поѣздку Хамба-Ламы — главнаго Ламы бурятскаго въ Читу), но азіатцы крѣпко вѣруютъ во всякой лоскутокъ бумаги болѣе, нежели самымъ убѣдительнымъ словамъ, и вотъ по этому случаю снова безпокою тебя этимъ посланіемъ. Я всю эту зиму прохворалъ; пришла и моя очередь состарѣться и припадать къ постелѣ. Меня оживили добрыя извѣстія о славныхъ дѣлахъ нашихъ моряковъ, но горизонтъ омрачается. Не знаю удастся ли намъ справиться съ англичанами и французами вмѣстѣ, но крѣпко бы хотѣлось, чтобъ наши поколотили

этихъ вѣроломныхъ островитянъ за ихъ подлую политику во всѣхъ частяхъ свѣта. Надобно поскорѣе занимать Сахалинъ и ближайшіе къ нему берега, а иначе англичане влезутъ къ намъ въ карманъ. Будемъ ждать, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ — сказалъ Богданъ Хмѣльницкій. Жаль только, что новости до насъ достигаютъ только тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ они происходили, все уже перемѣнилось или давно уже сдѣлалось стариною.»

Еще письмо отъ 28 дек. 1840, съ отвѣтомъ на запросы Д. И. Завалишина о разведеніи дынь,—совѣты, обличающіе опытнаго хозяина и изложенные въ такой упрощенной формѣ, что такъ рѣдко пишутся для практическихъ хозяйствъ книги.

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 года онъ же (Н. А. Бестужевъ) пишетъ къ Д. И. Завалишину: «Покойный Рупертъ выхлопоталъ для нашего стараго города (Селенгинска) позволеніе переселиться на другой берегъ Селенги и далъ этому новому городу гербъ: феникса, возникающаго изъ своего пепла. Теперь, когда нашъ фениксъ состарѣлся, не достигши зрѣлаго возраста и даже умираетъ, думаю, что гербъ этотъ приличнѣе бы было перенести на вашу Читу. Я слышалъ, что точно читинскія развалины устроиваются прекраснымъ городомъ. Не будешь ли и ты строить себѣ новаго дома?... Прошу не забывать меня старика (я крѣпко состарѣлся»). и проч.

Конечно нѣтъ ничего, можетъ быть, труднѣе какъ прослѣдить во всѣхъ сферахъ, и представить въ наглядныхъ фактахъ то полезное вліяніе, какое имѣли такъ называемые декабристы на Сибирь; но что оно было и неизбѣжно должно было имѣть мѣсто,—это несомнѣнно. И мы очень рады что прежде нежели сообщимъ факты, намъ лично сдѣлавшіеся извѣстными, мы можемъ привести здѣсь извѣстное свидѣтельство Е. П. Ковалевскаго о декабристахъ (изъ его извѣстнаго сочиненія «Графъ Блудовъ и его время» *).

«Мы узнали декабристовъ уже въ то время, когда они, иску-

---

*) Кромѣ того есть ещо одно обстоятельство особенно характеризующее декабристовъ и подтвержденное общимъ свидѣтельствомъ: это—совершенное отсутствіе озлобленія противъ судьбы и людей. Въ этомъ отношеніи декабристы не были похожи на революціонеровъ другихъ странъ и не держа-

пивши свои заблужденія тяжолымъ испытаніемъ, жили на поселеніи, распространяя добро между окрестными жителями: или своими знаніями, особенно въ техническомъ отношеніи, или тѣми ограниченными матеріальными средствами, которыя иные изъ нихъ имѣли,— уважаемые и пользовавшіеся довѣріемъ и свободой.»

Что же касается до тѣхъ фактовъ, которые стали извѣстны намъ лично, то остановимся по крайней мѣрѣ на слѣдующихъ:

Для всѣхъ мѣстныхъ жителей, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было разумѣется никогда тайною, что въ Петровскомъ заводѣ существовала въ казематѣ большая школа, гдѣ дѣти мѣстныхъ жителей, начиная отъ достаточныхъ чиновниковъ до неимущихъ ссыльныхъ, получали, соотвѣтственно потребностямъ каждаго, приличное образованіе, начиная отъ высшаго классическаго до начальнаго и ремесленнаго; такъ что между тѣмъ какъ напр., Д. И. З. преподавалъ греческій и латинскій языки дѣтямъ духовнаго званія, приготовляя ихъ въ семинарію, Н. А. Бестужевъ и другіе обучали иныхъ дѣтей столярному, слесарному, портному, сапожному и проч. ремесламъ; тогда какъ одни изъ дѣтей чиновниковъ приготовлялись для поступленія въ высшія учебныя заведенія, другіе дѣти обучались грамотѣ, но разумѣется по усовершенствованнымъ методамъ и пр.

Поводомъ къ учрежденію школы, была необходимость составить хоръ пѣвчихъ для заводской церкви. И вотъ сначала стали обучать дѣтей пѣнію; потомъ явилась необходимость для лучшаго обученія самому пѣнію поучить дѣтей грамотѣ и т. д.—остальное пришло постепенно само собою. При совершенномъ отсутствіи въ заводахъ другихъ средствъ къ образованію, особенно въ приготовленіи къ высшему для дѣтей чиновниковъ, комендантъ вынужденъ былъ уступить неотступнымъ просьбамъ родителей, дозволить поучить дѣтей въ казематѣ, что для бѣдныхъ имѣло еще и то значеніе, что учив-

---

лись никогда правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и «все худо, что дѣлается на волѣ». Совершенно напротивъ они брались вездѣ исправлять зло, быть полезными вездѣ, гдѣ ни были невольно закинуты судьбою и содѣйствовать добру, хоть бы они дѣлались не чрезъ нихъ.

шихся въ казематѣ дѣтей—кормили тамъ и одѣвали. До того времени комендантъ отдѣлывался своимъ завѣтнымъ и неимѣннымъ «немогу» и, разрѣшивъ хоръ пѣвчихъ, сначала дозволилъ учить только читать. Пѣнію учили П. Свистуновъ и Н. Крюковъ, а грамотѣ два брата Бестужевыхъ.

Надо замѣтить, что обученіе дѣтей въ казематѣ, выдавалось рѣзко двумя особенно благотворными для нихъ послѣдствіями. Первое было то, что прежде въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, куда отвозились иныя дѣти для высшаго образованія, было предубѣжденіе противъ дѣтей Забайкальскаго края, относящее неуспѣхи ихъ въ наукахъ къ недостатку у нихъ способностей, тогда какъ это было просто слѣдствіемъ только плохой подготовки. Когда же былъ представленъ въ первой разъ въ одно изъ высшихъ заведеній въ Петербургъ воспитанникъ казематской школы, то онъ такъ удивилъ экзаменаторовъ и объемомъ и отчетливостію своего знанія, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, гдѣ и кѣмъ онъ могъ быть такъ приготовленъ. Предсѣдательствовавшій при экзаменѣ начальникъ, который самъ бывалъ въ Петровскомъ заводѣ, и самъ зналъ секретъ, остановилъ любопытствующихъ, сказавъ имъ: «Господа! наше дѣло оцѣнить его знанія, а не допытываться откуда онъ ихъ получилъ.»

Другая выгодная сторона казематскаго обученія заключалась въ томъ, что даже и тѣ, кому выпадала скромная доля вещественнаго труда, уважали свое занятіе, хотя по развитію умственному, вслѣдствіе полученнаго въ казематѣ образованія, могли бы имѣть притязаніе на рядъ дѣятельности, считающейся обыкновенно высшею. До какой степени эта цѣль была достигнута, можно судить по слѣдующему примѣру. Много, десятки лѣтъ спустя послѣ того, какъ съ отъѣздомъ послѣднихъ Декабристовъ изъ Петровскаго завода, прекратилось существованіе школы въ казематѣ, одинъ изъ рабочихъ, получившихъ и ремесленное и грамотное образованіе въ казематѣ, узнавъ изъ газетъ о пребываніи Д. И. З. въ Москвѣ, писалъ къ нему въ Москву и благодарилъ его за то уваженіе, которое вселили ему къ труду. Онъ говорилъ, что вотъ онъ давно уже женатъ, имѣетъ дѣтей, что Богъ благословилъ его достаткомъ такъ, что онъ въ состояніи не только давать образованіе дѣтямъ, но и выписы-

вать книги и даже газеты и журналы, но что при всемъ этомъ онъ не покидаетъ однако же своего тяжолаго (кузнечнаго) ремесла, и старается внушить и дѣтямъ такое же уваженіе къ труду, какое умѣли внушать и ему въ казематѣ. И конечно, примѣръ людей высшаго происхожденія и образованія, не пренебрегавшихъ никакимъ ремесломъ, никакимъ тѣлеснымъ трудомъ, лучше всего дѣйствовало на людей, чтобы и въ ихъ глазахъ облагородить тотъ трудъ, на которой привыкли смотрѣть только, какъ на тяжолую и часто безотрадную ношу.

То же дѣло образованія во всѣхъ его видахъ и распространеніе уваженія къ труду наглядным доказательствомъ собственнаго примѣра продолжали декабристы, когда разселились по всему пространству необъятной Сибири. Вездѣ заводились школы, вездѣ бѣдные получали образованіе безплатно; вездѣ являлся примѣръ раціональной хозяйственной дѣятельности, до тѣхъ поръ почти неизвѣстной въ Сибири. Вездѣ представлялся контрастъ дѣловой жизни высшаго происхожденія и образованія людей, съ невѣжествомъ и пустымъ препровожденіемъ времени большой части достаточныхъ выскочекъ и даже крупныхъ чиновниковъ. Декабристы являются вездѣ лучшими и практическими дѣятелями, лучшими наблюдателями и знатоками края, чѣмъ мѣстные старожилы; всегда дѣятельными, нетяготящимися никакимъ занятіемъ и облагороживающихся всякое. Всѣ видѣли напр. въ Читѣ, что одно и то же лицо обучало и высшимъ предметамъ учениковъ, готовившихся въ высшіе классы высшихъ учебныхъ заведеній, и не тяготилось обучать грамотѣ самыхъ маленькихъ дѣтей, доставляли этимъ самымъ уваженіе и всякому другому лицу посвѣщавшему себя на тяжолый трудъ начальнаго преподаванія.

У него и мальчики и дѣвочки, и дѣти чиновниковъ и крестьянскіе дѣти учились иностраннымъ языкамъ и по латынѣ; и дѣвицы кончили геометрію, тригонометрію, алгебру и всѣ получали понятія о механикѣ, физикѣ и химіи. Но въ то же время крестьянскія дѣти отпускались на полевыя работы въ деревни, о которыхъ по возвращеніи должны были давать обстоятельный отвѣтъ, а городскія дѣти должны были работать въ огородѣ, и всѣ знать средства разведе-

нія и приготовленія лѣкарственныхъ растеній. Его ученики нерѣдко бывали первыми въ корпусѣ, а ученицы первыми въ институтѣ. Далѣе: всѣ видѣли въ образцовомъ хозяйствѣ Д. Ир. въ Читѣ, хозяйствѣ, изумлявшемъ своимъ совершенствомъ не только мѣстныхъ жителей, но и пріѣзжихъ изъ Россіи, вполнѣ знакомыхъ съ раціональнымъ хозяйствомъ, всѣ видѣли наглядное доказательство, что не только не существуетъ никакого антагонизма между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ искусствомъ, но что напротивъ соединеніе того и другаго могучимъ образомъ содѣйствуетъ и тому и другому. Пріѣзжіе видѣли одного и того же человѣка, одинаково плодотворно занимавшагося и высшими предметами человѣческаго вѣдѣнія, и самыми тяжолыми работами хозяйственнаго труда, отъ сохи и косы въ полѣ, отъ обработки огорода и ухода за скотоводствомъ, до постройки образцоваго дома *), до всѣхъ подѣлокъ и исправленій плотничныхъ, столярныхъ, слесарныхъ и пр. по дому. Потому и должны были поневолѣ всѣ вѣрить, что разумная теорія всегда бываетъ плодотворна и въ практическомъ приложеніи; а разумная практическая дѣятельность, точность наблюденія, личный практическій опытъ, даютъ единственный надежный матеріалъ для правильныхъ выводовъ и теоріи.

Если мы перейдемъ теперь къ чисто нравственной дѣятельности въ видахъ пособія, нравственной поддержкѣ совѣтомъ и утѣшеніемъ, защитѣ и пр., то тутъ вліяніе декабристовъ въ Сибири является и еще въ болѣе очевидномъ и благопріятномъ свѣтѣ. Независимо отъ врачебнаго и всякаго другаго рода пособія, отъ посѣщенія больныхъ и страждущихъ, Декабристы являются защитниками народа противъ злоупотребленій администраціи двоякимъ дѣйствіемъ: или

*) Несмотря на сибирскіе морозы, доходящіе въ Читѣ до 35°, у Дм. Ир. въ домѣ не было зимнихъ рамъ на сѣверной сторонѣ, и совсѣмъ тѣмъ тепло держалось до 16°. На всѣхъ окнахъ стояли цвѣты, а на полу кадки съ деревьями представили изъ комнатъ видъ ранжереи. Подробное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породы скота, полеводству, огородничеству, цвѣтоводству; по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители издалека, заняло бы слишкомъ много мѣста.

предстательствомъ у высшей администраціи, которая всегда могла смѣло положиться на добросовѣстное ихъ указаніе, или обуздывая низшую администрацію нравственнымъ своимъ вліяніемъ, такъ какъ были примѣры, что люди самые закоренѣлыя въ злоупотребленіяхъ, совѣстились передъ ними, когда боялись, что дѣйствія ихъ будутъ открыты. И вотъ по такому нравственному значенію ихъ, они, внѣ всякаго официальнаго званія или положенія, были во многихъ мѣстахъ настоящими мировыми посредниками и судьями, какъ бы официально признанными самимъ главнымъ начальствомъ, и были во всякомъ случаѣ лучшими совѣтниками и покровителями народа, и даже людей стоящихъ выше его.

Постепенное улучшеніе быта декабристовъ, жившихъ на поселеніи, выражалось нѣкоторыми милостями. Между прочимъ, вдовы умершихъ, лишонныя права возвращенія въ Россію (такъ, напримѣръ, отказано было въ этомъ Юшневской и Янтальцовой *), впослѣдствіи получили дозволеніе вернуться на попеченіе родныхъ (какъ Нарышкина, урожденная Коновницына, когда мужа ея перевели на Кавказъ). Дѣти, прижитыя до ссылки, и оставленныя въ Россіи, поступали на попеченіе родственниковъ и другихъ людей, пожелавшихъ заняться ихъ воспитаніемъ (такъ, напримѣръ, сынъ Розена жилъ у полковника Валховскаго въ Тифлисѣ и отецъ, проѣзжавшій въ Бѣлые Колодцы, не могъ видѣть его изъ боязни подвергнуть воспитателя отвѣтственности). Дѣти, прижитыя въ Сибири, должны были вступить въ сословіе заводскихъ крестьянъ, но въ 1842 году Государь, по случаю бракосочетанія Государя Наслѣдника, соизволилъ обратить Высочайшее вниманіе на поступки жонъ, послѣдовавшихъ въ заточеніе, и рѣшился, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе къ дѣтямъ ихъ, родившимся въ Сибири. Комитетъ, изыскивавшій средства привести въ исполненіе волю Государя, положилъ: «По достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста, принять ихъ на воспитаніе въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны бу-

*) Послѣдняя прожила въ Ялуторовскѣ девять лѣтъ по смерти мужа въ 1846 г. Жена Юшневскаго не могла раздѣлить тюремной участи мужа.

дутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать ихъ по отчеству». Трубецкой далъ отвѣтъ, что дочерей онъ боится отдать, предполагая, что разлука съ матерью будетъ для нея смертельнымъ ударомъ. Въ 1845 году разрѣшено было женѣ Трубецкаго проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ до излеченія ея отъ болѣзни; а мужу по временамъ пріѣзжать къ ней на свиданіе «съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему съ должною осмотрительностью». 19-го іюня 1845 года Государь разрѣшилъ помѣстить въ учрежденной въ городѣ Иркутскѣ дѣвичій институтъ «двухъ внучекъ дѣйствительной тайной совѣтницы Лаваль, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи въ Иркутской губерніи въ селѣ Оёкъ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ».

Восшествіе на престолъ Государя Императора Александра Николаевича ознаменовалось въ сибирской исторіи государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ за возмущеніе 14-го декабря 1825 года, всеобщимъ прощеніемъ ихъ, забвеніемъ прошедшаго и возвращеніемъ правъ потомственнаго дворянства и права возвращенія на родину въ Россію. Низшимъ категоріямъ возвращены и титулы; изъ первой же категоріи только Тургеневу возвращены чинъ и ордена. Въ Сибири оставались только трое за неимѣніемъ средствъ къ выѣзду (Завалишинъ, М. Бестужевъ и Ив. Ив. Горбачевскій *). Многіе выѣхали въ разсчотѣ на помощь и содѣйствіе родныхъ. Другіе лишены были и того и другаго отъ корыстолюбивыхъ родственниковъ, воспользовавшихся ихъ достояніемъ: нѣкоторые принуждены были прибѣгнуть, попрежнему, къ личнымъ трудамъ и заботамъ. Между ними Андрей Быстрицкій не нашолъ въ живыхъ ни одного изъ род-

*) Ив. Ив. Горбачевскій остался потому, что иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя высланы были Горбачевскому, по завѣщанію его умершаго брата, для устройства на поссленіи, а также и потому, что не хотѣлъ встать въ зависимое отъ другихъ положеніе.

ственниковъ, и не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, ходатайствовалъ о продолженіи ему того пособія, которымъ пользовался въ Сибири, то-есть, 15 десятинъ пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и, сверхъ того, на одежду и паекъ отъ 18 до 30 рублей, сообразно существующимъ цѣнамъ на хлѣбъ (то-есть всего деньгами отъ 132—142 руб.).

Исторія пребыванія въ Сибири государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Петрашевскаго и сосланныхъ въ 1846 году, разсказана нѣкоторыми изъ самихъ ссыльныхъ по этому дѣлу. Ѳ. М. Достоевскій, о пребываніи своемъ и товарища его Дурова въ Омской арестантской ротѣ, разсказалъ въ «Мертвомъ Домѣ», извѣстномъ всей читающей русской публикѣ. Ф. Г. Толь о пребываніи своемъ на заводахъ Западной Сибири написалъ «Записки о К.... Заводѣ» и помѣстилъ статьи въ журналѣ «Вѣкъ» 1861 года. Ѳ. Н. Львовъ о житьѣ своемъ въ Нерчинскихъ рудникахъ напечаталъ нѣсколько статей въ «Современникѣ» (1861 № 9 и 1862 № 1).

ГЛАВА III.

ИСТОРІЯ КАТОРГИ.

I. НЕРЧИНСКІЕ СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ И ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Находка рудныхъ богатствъ.—Чужія работы.—Серебро.—Работы рудниковыя.—Исторія нерчинскихъ рудниковъ.—Побѣги рабочихъ.—Начальники: грекъ Левандіянъ, Суворовъ.—Самозванецъ Чернышовъ: дѣло объ немъ и послѣдующая судьба его.—Нарышкинъ.—Его безчиленныя чудачества и выходки.—Лекарь Томиловъ.—Купецъ Копосовъ.—Воинственный походъ Нарышкина.—Взятіе имъ Верхнеудинска.—Воевода Тевяшовъ.—Нѣмцовъ.—Аршеневскій, Барботъ-де-Марни, Черницынъ.—Народныя преданія о послѣднемъ.—Теодоръ Фришъ и его жена.—Тираны: Рычковъ, Аистовъ, Татариновъ.—Золотая лихорадка.—Добыча золота.—Богатства Нерчинскаго края.—Карійское золото.—Разгильдѣевъ.

Обскіе звѣроловы открыли старыя и заброшенныя копи рудъ на Алтаѣ. Два брата Тунгуса, въ 1601 году, нашли около р. Аргуни слѣды подобныхъ же работъ въ Нерчинскихъ горахъ.

По слѣдамъ Остяковъ направилъ свою горнозаводскую дѣятельность сынъ знаменитаго Никиты Демидыча Акинфій Демидовъ: находка братьевъ-Тунгусовъ объявлена была въ посольствѣ Головина, пріѣхавшемъ за Байкалъ для переговоровъ съ китайцами о мирѣ.

У Демидова оказались черезъ десять лѣтъ (въ 1739 году) въ собственности два завода, 17 рудниковъ мѣдныхъ, и 30 со свинцомъ и золотистымъ серебромъ (между прочими воскресенскій; изъ котораго выплавлено первое русское серебро). Въ 1744 году Деми-

довъ, выписанными изъ за границы саксонскими мастерами, добылъ 27 фун. 18 золотн. серебра и отправилъ его въ Петербургъ.

Нерчинскія руды прямо попали въ казенныя руки, вѣдались нерчинскимъ воеводой (Мусинымъ-Пушкинымъ) и управлялись грекомъ Левандіаномъ. Въ 1700 году греки на рѣкѣ Алтачѣ выстроили Нерчинскій заводъ и въ 1704 году съумѣла выплавить и отправить въ Москву только 1 ф. 24 зол., къ 1711 году Нерчинскаго серебра оказалось въ наличности только отъ 8 до 11 пудовъ въ то время, когда Демидовъ на Алтаѣ, черезъ тѣже 11—12 лѣтъ, въ состояніи былъ представить въ Петербургъ 44 пуда 12 фун. чистаго серебра, изъ котораго отдѣлено было 12 фун. и 32 золот. золота.

Работами у Демидова завѣдывалъ нѣмецъ (бригадиръ) Бееръ съ Булгаковымъ. Работы въ Нерчинскомъ заводѣ производили тѣже самые Греки съ Левандіаномъ, которые съумѣли отозваться убыточностію производства на Алтаѣ и негодностію руды тамъ, гдѣ въ настоящее время добывается ежегодно свыше тысячи пудовъ серебра и больше ста пудовъ золота.

Путеводителями и указателями въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ служили курганы и ямы, носившіе у русскихъ туземцовъ общее имя чудскихъ. Въ одномъ курганѣ на Алтаѣ (въ Змѣиногорскомъ рудникѣ) нашли цѣлаго *Чудака*, задавленнаго горною выработкою вмѣстѣ съ инструментами: кайломъ, похожимъ на нынѣшное, но круглымъ и оканчивавшимся на подобіе выгнутаго долота. Инструменты были либо мѣдные, либо каменные. При этомъ медь оказалась отличной чистоты; въ кожаномъ мѣшкѣ древняго, доисторическаго рудокопа сохранились богатѣйшія охры. При очисткѣ одной такой же древней копи попались двѣ мѣдныя гири съ руническимъ письмомъ и нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытый земляномъ пластомъ толщиною въ аршинъ.

Тѣже верховыя горныя выработки на подобіе ямъ или каменоломенъ (не глубже 5 саженъ), извѣстные у сибиряковъ подъ общимъ именемъ чудскихъ разносовъ, указывали на сокровища Нерчинскихъ горъ и вели по руднымъ признакамъ (землистой мѣдной

лазури) къ необходимости устройства фабричныхъ заводахъ на слѣдахъ чудскихъ работъ, называемыхъ култукскими (по имени горы). Отсюда добывались Нерчинскія руды и свозились на двѣ фабрики Нерчинскаго завода, устроенныя въ 1721 году вмѣсто пятичетвертовыхъ очковыхъ печей. Въ 1747 году такихъ рудниковъ имѣлось уже 6; между 1747 и 1765 присоединились еще 5, къ 1777 году открыты новые 4, къ 1801 году еще 4: въ 1834 считалось всего 12 рудниковъ. Въ 1792 году при нихъ было уже 8 заводовъ. Въ 1740 году открыты были агинскіе мѣдные пріиски; потомъ ртутные и сѣрные, затѣмъ оловянные и наконецъ съ 1850, въ три года, золотоносные розсыпи въ урочищахъ по рѣкамъ Куенгѣ и Курлычѣ на лѣвомъ берегу р. Шилки въ Гурбанишвирской долинѣ.

Въ горныхъ покатяхъ и отрогахъ, отдѣляющихся отъ главнаго хребта и достигающихъ одинаковой съ нимъ высоты, гранитъ поднялъ на себѣ и выдвинулъ извѣстковыя скалы. Пространство, находящееся между гранитомъ и извѣстнякомъ, заполнилось въ трещинахъ рудами оловянно-серебряными. Жилы съ такимъ осадкомъ представляютъ тотъ основной пунктъ, отъ котораго тянутся въ различныхъ направленіяхъ другія жилы. По такимъ жиламъ—дорогамъ доходятъ до рудныхъ залежей, нагроможденныхъ въ одномъ мѣстѣ значительною массою. Серебро обыкновенно находится въ рудѣ оловянной, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ желѣзной руды; но встрѣчается также и въ желѣзной рудѣ, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ олова. Послѣдняя порода жилъ принадлежитъ къ мало-процентнымъ, потому что такую жилу труднѣе добыть изъ скалы и труднѣе, чѣмъ изъ первыхъ, отдѣлять серебро. Слѣды оловянно-серебряныхъ рудъ въ верхнихъ пластахъ земли попадаются очень часто; присутствіе сребронос ныхъ рудъ открывается очень часто при пробытіи шахтъ и прорытіи штоленъ въ горахъ. Какъ только попадали на такую жилу, тотчасъ закладывали рудникъ, не справляясь ни съ направленіемъ, ни съ благодарностью жилъ: оттого въ Нерчинскихъ горахъ оказалось ихъ такъ много (до 40) и между ними напрасная трата времени, капиталовъ и тяжолаго людскаго труда при-

способлена была къ такимъ рудникомъ, въ которыхъ работы существовать могли одинъ только годъ.

Самою богатою рудою считается кристализованная, прозрачная и безцвѣтная, но на такія руды въ Нерчинскихъ рудникахъ попадаютъ рѣдко; чаще нерчинская серебряная руда встрѣчается въ смѣси большаго количества олова и плавится легко. Руда, соединенная съ охрою, имѣетъ кровянисто-желтый цвѣтъ и заключаетъ въ себѣ немного олова и ещо меньше серебра. Кромѣ этихъ руды оловянно-серебряныя попадаются ещо въ смѣсяхъ съ сѣрой, съ желѣзомъ, кварцомъ и мышьякомъ.

Выкопанныя и добытыя изъ рудника руды сортируются. Крестьяне и женщины, всѣ физически-слабые, толкутъ и разбиваютъ руды молотками. Пустыя породы, какъ кварцъ, бросаютъ прочь, а освобожденныя руды ссыпаютъ въ кучи. Убогія руды превращаются въ порошокъ въ толченхъ, потомъ провѣваются сквозъ сита и перевозятся въ жолоба, гдѣ вода отдѣляетъ и уноситъ обыкновенныя и легчайшія части, не содержащія въ себѣ металла и кромѣ того увеличиваетъ въ рудѣ пропорцію серебра. Сѣрнооловянные руды не подвергаются промывкѣ, но сушатся на огнѣ въ большихъ кучахъ.

Приготовленныя такимъ образомъ руды свозятся въ заводы, каковыхъ выстроено было въ Нерчинскихъ горахъ 8 *). Въ заводахъ руды ссыпаются слоями, пересыпаемыми мелкимъ просѣяннымъ углемъ въ печи, называемыя шахтовыми, сложенныя въ одинаковыхъ размѣрахъ изъ кирпича. Такихъ печей на заводѣ бываетъ по нѣскольку (въ Кутомарскомъ напр. ихъ было до 16-ти). Каждая печь обладаетъ собственными свойствами, причинъ кото-

*) Кромѣ большаго Нерчинскаго (давно уже недѣйствующаго), построеннаго въ 1704 г., были слѣдующіе заводы: на рѣкѣ Калукчѣ въ 40 верстахъ отъ Большаго, въ 1760 Кулукчинскій, названный потомъ Борзинскимъ и наконецъ Дучарскимъ; въ 1764 — Кутомарскій, въ 1769 — Шилкинскій; въ 1776 ниже Кутомарскаго Екатерининскій, первый водо-дѣйствующій; въ 1778 — Газимурскій: всѣ 7 казенные. Въ 1816 году пріобрѣтенъ въ казну и Воздвиженскій заводъ на сліяніи рѣки Записиной съ Аргунью, выстроенный въ 1776 г. частнымъ заводчикомъ Сибиряковымъ.

рыхъ выслѣдить не возможно, но каковыя знаетъ только работникъ, всегда работающей при одной печи: иныя печи скорѣе плавятъ руду, если въ нихъ разомъ насыплютъ много руды и угля въ меньшомъ количествѣ. Шахтовыя печи имѣютъ въ вышину двѣ сажени и наверху отверстіе. На одной изъ стѣнъ внутрь идетъ одно, а въ боковой стѣнѣ два отверстія одно надъ другимъ: нижнее во время плавки руды залепляется. Отъ стѣны передней насыпаютъ руду и уголь, отъ задней насыпаютъ самый уголь. Ссыпаютъ въ печь руду не одной породы, но внятой изъ разныхъ мѣстъ, и главная заслуга мастера заключается въ томъ, чтобы умѣть смѣшать руды такъ, чтобы онѣ легко плавились. Мѣхъ, воспламеняющій и увеличивающій печной огонь, двигается либо водянымъ, либо коннымъ приводомъ. Когда уже руда расплавится и придетъ въ жидкое состояніе, олово и серебро, какъ вещества тяжелѣйшія, сквозъ всѣ слои угля сплываютъ на низъ, а шлакъ или окалина, чрезъ верхнее отверстіе, выплываетъ изъ печи. Два раза на день нижнее отверстіе пробиваютъ и выпускаютъ чрезъ него олово въ формы, сдѣланныя изъ земли. Шахтовая печъ, разъ затопленная, не остуживается до тѣхъ поръ, пока не испортится, что обыкновенно бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ. Сообразно тому, сколько вытекаетъ окалины и олова, всыпаютъ въ печь, въ тоже время угля и руды.

Отдѣленіе серебра отъ олова производится въ плавиленныхъ печахъ, сложенныхъ куполомъ и обмазанныхъ внутри огнеупорною глиною; съ боковой печи имѣютъ нѣсколько отверстій, въ самой же серединѣ печи находится прямоугольная впадина глубиною въ $1^1/_2$ дюйма; средняя величина печи бываетъ 2 сажени. Тутъ же сбоку плавиленной печи находится обыкновенная печь, въ которой безпрестанно горятъ дрова; мѣхи же гонятъ изъ нее въ первую печь воздухъ и пламя, которыя въ ней неустанно, какъ въ аду, кружится и представляетъ эфектное зрѣлище.

Олово, добытое въ значительномъ числѣ въ шахтовыхъ печахъ кладется въ плавиленную и на него обращаютъ пламя. Олово растопляется скоро и жидкая масса его нескоро окисляется (т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха), а такъ какъ недокись олова есть

порс, а легчайшая, то уносится вверхъ чрезъ небольшой жолобокъ, твердѣя въ главныхъ дверцахъ, всплываетъ при помощи людей. Люди его вытаскиваютъ и переносятъ въ маленькую печку, имѣющую едва кубической аршинъ, плотно закрытую и наполненную горячими угольями, здѣсь недокись олова окисляется и затѣмъ уже получается чистое олово въ отвердѣломъ видѣ. Операція окисленія совершается въ плавиленной печи въ 3 либо 4 дня. Серебро, которое трудно соединяется съ воздухомъ, упадаетъ на низъ и осѣдаетъ во впадинѣ, о которой упомянуто выше. Признакомъ окисленія олова служитъ очень сильный блескъ серебра; когда уже олово совсѣмъ окислится и серебро получитъ чрезвычайный блескъ, гасятъ огонь и вливаютъ въ печь воды для скорѣйшаго охлажденія, а изъ впадины выдергиваютъ серебряную бляху, которая называетоя бликомъ. Каждый бликъ имѣетъ наверху различной величины пузырьки, изъ которыхъ, когда они лопнутъ, выливается серебро. При свободномъ охлажденіи печи бликъ встряхивается, и видно какъ на его поверхности появляется пузырьки. Въ серебрѣ попадается частицы золота, которое выдѣляютъ уже въ Петербургѣ.

Къ этимъ-то печамъ, наполненнымъ бѣлокалильнымъ жаромъ, въ эти-то штольни, идущія по направленію серебряныхъ жилъ, на яркой жаръ заводовъ и въ темной сумракъ рудниковъ начали посылать съ 1721 года преступниковъ изъ Россіи, приговоренныхъ въ каторжныя работы. 10 февраля 1722 года именной указъ, объявленный черезъ сенатъ, велѣлъ освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальные города «послать и впредь таковыхъ посылать съ жонами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы». До 1712 года правильной ссылки въ рудники не было и всѣ работы производились приписными крестьянами, переселенными изъ разныхъ мѣстъ Сибири въ видѣ рекрутъ *). Такъ между прочимъ при Нерчинскихъ рудникахъ въ 1708 году водворены были 104 человѣка крестьянъ съ рѣки Енисея, въ 1722 году 900 семей изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Въ 1759 году

*) Ссылка на Колывано-Воскресенскіе (т. е. Алтайскіе заводы) прекращена въ 1762 году (сенатскимъ указомъ 22 января).

такихъ заводскихъ рабочихъ считалось уже 2132 души, число которыхъ снова увеличено 3398 душами, переселенными изъ Томскаго, Енисейскаго, Иркутскаго и другихъ уѣздовъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ, не положенныхъ въ подушной окладъ и показанныхъ подъ именемъ посадскихъ и цѣховыхъ, а также не занимавшихся торгами и промыслами. Тогда же отъ Нерчинской канцеляріи приписаны къ заводамъ Удинская слобода и Аргунскій острогъ со всѣми жителями. Мастеровые изъ Екатеринбурга, въ видѣ рекрутовъ, дополнили число опытныхъ, знающихъ горное дѣло рабочихъ. Въ 1833 году число приписныхъ крестьянъ считалось уже 17,709 душъ мужскаго пола; сверхъ того 4,124 каторжныхъ мущинъ и женщинъ въ работахъ, 220 дѣтей въ счотѣ будущаго, 990 рабочихъ находилось на своемъ пропитаніи (изъ нихъ дѣтей 221), во временномъ увольненіи 116 (при нихъ дѣтей 8) и дряхлыхъ 96. Къ 1777 году выплавливали серебро отъ 500 до 600 пудовъ (изъ 330 т. руды отъ 35 до 200 пудовъ *).

Новоприбылые рабочіе крестьяне обязаны были рубить куренныя дрова, разламывать кучи и возить изъ куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжиганія флюсовъ, возить съ рудниковъ добытую готовую руду на заводы, также пески и всякіе флюсы потребныя къ поплавкѣ рудъ, дѣлать и починять плотины, поврежденныя наводненіемъ или пожаромъ. На рубку дровъ назначено были время съ

---

*) Въ Нерчинскомъ заводѣ 446 мущ. 7 жен.: при кожевенной фабрикѣ въ 17 верстахъ отъ завода, построенной на р. Аргуни въ 1789 г. ссыльныхъ рабочихъ 21; при суконной фабрикѣ въ томъ же селеніи, гдѣ и заводъ, устроенный въ 1832 г. и выдѣлывавшій шерстяную пестрядь или сукманину— 14 мущ. 21 жен.; въ Дучарскомъ заводѣ (въ 40 верстахъ отъ Нерчинскаго, въ 30 отъ Култумы, основ. въ 1760 г.) 279 м. 1 ж ; въ Кутомарскомъ (1764 г.) въ 70 вер. отъ Нерчинскаго и въ 3 отъ Екатер. зав. 330 м. 3 ж.; въ Газимурскомъ (1778 г.) въ 107 в. отъ Нерчин. 58 м. 1 ж. Въ Александровскомъ (1792 г.) 120 м. 1 ж.; въ Шилкинскомъ (1769 г. въ 170 в. отъ Нерчинска) 125 м. 1 ж. По рудникамъ работало ссыльныхъ 1931 м. 28 ж.: на воздвиженской дистанціи 373 м. 7 ж., на Благодатской 165 м. 2 ж., на Зерентуйской 255 м. 4 ж., на Михайловской 51 м. 1 ж., на Кадаинской 113 м. 4 ж., на Кличкинской мастеровыхъ и ссыльныхъ 363, на Алгачинской 238 м. 2 ж., на Газимурской дистанціи 297 м. 4 ж., Култуминской 41 м. 4 ж., Шилкинской 18 м., на Ононскихъ оловянныхъ пріискахъ 2 м.

15 февраля по 20 апрѣля. Подъ опасеніемъ пени запрещалось употреблять крестьянъ въ другія работы, но запрещеніе эти осталось на бумагѣ. Тягота состояла не въ этомъ, и въ не томъ, что, для противодѣйствіи пьянству запрещено было имѣть въ сибирскихъ заводахъ винные и пивные заводы и самую продажу производили только по праздникамъ,—нравственная тяжесть состояла въ томъ, что заводскіе крестьяне обязаны были работами вѣчными, безъ отдыха и награды и, освобожденные отъ подушнаго, они все-таки обязаны были предоставлять и дѣтей своихъ въ распоряженіе заводовъ. Рабочіе побѣжали вонъ, начали дѣлать мелкія проступки неповиновенія. Пробовали раздѣлить заводскіе селенія на кварталы и учредить непремѣнные денные и ночные караулы; построены были будки и сдѣланы при въѣздахъ въ селенія рогатки. Предполагали современемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить такими же рогатками, но бѣды не отвратили нисколько. Сталъ извѣстенъ начальству всякій новоприбылой, но не только не пресѣклись разныя злоумышленія развратниковъ, старавшихся склонить заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ, но и въ самыхъ селеніяхъ не было ни благоустройства, ни безопасности. У воротъ въ сторожахъ сѣли старики, ещо находившіеся въ силахъ, и во всякомъ случаѣ свой братъ. Прибѣгали ко всевозможнымъ крутымъ мѣрамъ, но заводскіе—противъ собственной вины — устояли на своемъ правѣ, отбились отъ рукъ и архивныя дѣла вскорѣ начинаютъ ясно убѣждать въ томъ, что о людяхъ перестали думать. Начальство преусердно занялось рудами на видъ, на славу и удовольствіе высшихъ начальствъ, и на приращеніе собственныхъ дырявыхъ кармановъ.

Въ тоже время подлѣ источниковъ богатствъ, обокъ съ рудниками выстроились селенія: такимъ образомъ сталось такъ, что тамъ, откуда бѣжали даже кочевники, какъ случалось на Алтаѣ и въ Яблоновомъ хребтѣ, новые люди съ готовностію и изумительною быстротою выстроили новыя, постоянныя и прочныя жилища.

Горныя начальства разработывали старыя руды, пріискивали новыя, распространяли развѣдки въ дѣйствующихъ рудникахъ, пріобрѣтали новые руды. Нашедшій руду имѣлъ право на полученіе (но невсегда получалъ) по полушкѣ съ пуда или по серебряному рублю

съ каждаго фунта выплавленнаго серебра. За каждый пудъ полученныхъ изъ рудъ: ртути по 5 руб., олова по 1 руб., мѣди по 1 руб., свинца по 50 коп. и желѣза по 15 коп. асс. По 2 р. 50 к. асс. съ фунта положено было за выплавки чистаго золота до тѣхъ поръ, пока весь рудникъ не будетъ выработанъ. За открытіе пріиска или рудника ближе 500 саженъ отъ начальныхъ работъ дѣйствующаго рудника установлено было единовременное вознагражденіе, смотря по благонадежности мѣстонахожденія. Начальство посылало за поискомъ рудъ и нарочныя команды, принимало и готовыя отъ разныхъ рудокоповъ съ товарищами; тратило большія деньги на покупку хлѣба для рабочихъ и оставило въ архивахъ множество дѣлъ, трактующихъ объ недостаткѣ хлѣба у того или другаго пристава, въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мѣстныя неурожаи иногда по нѣскольку лѣтъ сряду увеличивали бѣдствія голодовокъ и наполняли тяжолыми разсказами первыя страницы исторіи Нерчинскихъ заводовъ: то выпустятъ ссыльныхъ на поруки, то служащимъ лицамъ уменьшатъ пропорцію провіанта до половины: холостымъ до 1 пуда, женатымъ до $1^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ. Тянулась длинная война съ рабочими по вызову побѣговъ со стороны послѣднихъ безъ уступокъ и перемирій *). Затѣвалась изрѣдка борьба со своими по поводу тайной выплавки хищнической казенной руды (такъ напр.; песецъ Юренскій тайно плавилъ богатыя серебряныя руды при Кутомарскомъ заводѣ). Слышатся непристанныя жалобы на падежъ скота и преимущественно лошадей, истомленныхъ заводскими работами, не пользовавшимися еще въ тѣ времена приспособленіемъ водяныхъ машинъ. Начальство хлопотало о постройкѣ церквей при заводахъ, о засѣвахъ овса и конопли и о защитѣ заводскихъ работъ пушками отъ набѣговъ воровъ съ китайской стороны, **) прилагало

---

*) Высылали и 50 человѣкъ тунгузскихъ казаковъ для поимки бѣглыхъ, учреждали и цѣлой полкъ (Селенгинскій) между прочимъ для той же цѣли; высылали изъ Россіи и мещеряцкихъ казаковъ. Тунгузскіе казаки явились въ своемъ національномъ платьѣ изъ козлиныхъ кожъ съ луками, стрѣлами и при саблях, но ссыльныхъ не испугали и дороги имъ въ лѣсъ не преградили.

**) Въ 1759 году рекомендовалась нерчинскимъ заводамъ предосторожность; въ 1765 году прикомандирована была гарнизонная рота для охране-

стараніе и о пресеченіи появившейся между крестьянами французской болѣзни, но въ тоже время о наборѣ рекрутъ, о взысканіи съ крестьянъ небывшихъ у исповѣди штрафныхъ денегъ, — дѣла усложнялись, положеніе заводовъ ухудшалось. Пробовали освобождать колодниковъ на поручательство «по малоимѣнію хлѣба» — отчасти облегчали ихъ участь, какъ будто давали имъ возможность набираться силами, но казенные заводы на казенныхъ рукахъ съ обязательными подневольными работниками не улучшались, съ того самаго времени, какъ управлялъ ими грекъ Левандіанъ. Пробовали пересаживаться по способу крыловскаго квартета, но и этимъ не достигли цѣли во всѣ времена, и когда съ 1700 года управлялъ Нерчинскими (тогда называвшимися аргунскими) заводами Рудной Приказъ, съ 1711—Иркутское начальство, и когда съ 1115—1719 опять Рудной Приказъ, съ 1719 Государственная Бергъ-Коллегія, съ 1736 Беръ-Директоріумъ, а съ 1742 опять Бергъ-Коллегія. Въ дѣлахъ заводскихъ былъ полный неуспѣхъ; они текли медленно, заводы упали.

Въ 1761 году опредѣленъ былъ на заводы командиръ генералъ-майоръ Вас. Иван. Суворовъ, снабженный особою инструкціею Сената, отъ котораго онъ единственно и зависѣлъ. Инструкція эта давала полную свободу его дѣйствіямъ и затрудненія могли быть имъ скоро разрѣшаемы. 12 лѣтъ управлялъ онъ заводами и успѣлъ ихъ ожи-

---

нія заводовъ отъ Китайцовъ и непріятельскихъ набѣговъ. Впрочемъ опасливость была излишная и напрасная съ той поры, когда Головинъ, нерчинскимъ трактатомъ, прекратилъ несогласія съ Китаемъ, а ссыльный гетманъ Демьянъ Многогрѣшный разбилъ Бурятъ на голову и застращалъ ихъ до вѣчнаго подданства. Несогласія позднѣйшія вызывали мелкія набѣги и стычки со стороны мѣстныхъ жителей, вытѣсненныхъ съ Култукскихъ копей (вблизи большаго Нерчинскаго завода). Судя по оставленнымъ ими плавиленнымъ печамъ, Монголы знали цѣну нерчинскому серебру и унесли въ степь за Аргунь живыя преданія и серебряныхъ добродѣтеляхъ. Въ нынѣшномъ столѣтіи побаивались и венгерцовъ, явившихся со своими завѣтными и извѣстными на всю Русь ящиками съ контробандными товарами и лекарствами; велѣли имѣть осторожность и отъ поляковъ, пріѣзжавшихъ въ такой же обстановкѣ пѣше-бродячей торговли. Въ томъ и другомъ случаѣ боязнь имѣла характеръ политической предосторожности на случай государственныхъ измѣнъ и возмущеній.

вить и улучшить. Онъ былъ независимъ отъ губернатора, имѣлъ право производить въ чины до капитана, награждать и наказывать чиновниковъ. Такая обширная власть, по причинѣ большаго удаленія отъ столицы, легко могла быть употребляема во зло, но Суворовъ воспользовался ею въ той мѣрѣ, что остановилъ злоупотребленія горныхъ чиновниковъ и достигъ выработки серебра до 240 центнеровъ, При немъ возросло число рудниковъ; построены три самыхъ главныхъ и большихъ завода: Дучарскій, Кутомарскій и Шилкинскій; найдены новые пріиски: Калчинскій, Воздвиженскій, Шилкинскій, Екатерининскій, Тайнинскій. Частный предприниматель купецъ Сибиряковъ, жившій въ Нерчинскѣ, въ значительной степени развилъ производство, пріобрѣтя себѣ нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій. Въ 1774 году открыты были имъ рудные пріиски и построенъ заводъ, названный Воздвиженскимъ. По заключонному съ Беръ-Коллегій договору онъ имѣлъ на пріиски право собственности; работалъ на Михайловскомъ, Кильгинскомъ, Воздаянскомъ, Покровскомъ, Цаганъ-Зеренскомъ и друг. У Суворова онъ пользовался защитою и покровительствомъ *). Въ Нерчинскимъ краю, въ соотвѣтствіе алтайскому Демидову, Сибиряковъ въ то время былъ единственнымъ и дѣятельнымъ эксплуататоромъ рудныхъ богатствъ.

При командирѣ заводовъ Суворовѣ однообразная дѣловая жизнь горныхъ заводовъ подцвѣчена была однимъ событіемъ, выходившимъ изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ вскорѣ по его пріѣздѣ за Байкалъ и именно въ 1763 году.

---

*) Въ 1816 году какъ заводы, такъ и рудники съ пріисками, куплены у наслѣдниковъ Сибирякова въ казну. На все имѣніе до этого времени наложенъ былъ секвестръ.

I.

САМОЗВАНЕЦЪ ПЕТРЪ III.

Въ 1763 году въ Нерчинскіе заводы прибылъ, въ партіи арестантовъ, солдатъ Петръ Чернышовъ. Колодникъ этотъ, подъ темнымъ именемъ *секретнаго арестанта*, заключонъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Никто, конечно, не зналъ его прошедшаго, а въ настоящемъ видѣли въ немъ только такого колодника, который требовалъ болѣе или менѣе осторожнаго и бдительнаго надзора. Употребляемый днемъ въ рудниковыя работы, наравнѣ съ другими: на ночь онъ отводимъ былъ въ особой, такъ называемый секретной казематъ, гдѣ его и запирали. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступали съ нимъ въ первое время по прибытіи въ заводы. Однако, несмотря на всю бдительность надзора, Чернышовъ успѣлъ завести знакомства не только съ соузниками (что было конечно весьма легко), но и съ людьми посторонними—крестьянами. Изъ этихъ знакомствъ болѣе интересное свелъ онъ съ Иваномъ Серебрениковымъ, крестьяниномъ Уровской сотни, деревни Лежанкиной. Крестьянинъ этотъ, въ великомъ посту пріѣзжалъ въ Дучарской заводъ, крестить сына, и, для принятія новорожденнаго отъ купели, звалъ въ крестные отцы многихъ заводскихъ служителей: но всѣ они, за неимѣніемъ денегъ, отъ предложенной чести отказались. Серебрениковъ. вѣрный завѣтному прадѣдовскому обычаю, пошолъ по заводу искать въ кумовья перваго встрѣчнаго. Такимъ, по его словамъ, на его глаза показался солдатъ, стоявшій въ то время у заводской тюрьмы, съ двумя арестантами, изъ которыхъ Серебрениковъ не зналъ ни одного. Не зналъ онъ и солдата (Василія Шорохова), но тѣмъ не менѣе поспѣшилъ пригласить его въ кумовья; солдатъ однако, отказался, но указалъ на одного изъ стоявшихъ съ нимъ арестантовъ, примолвивъ: «зови-де вотъ Петра Чернышова». Чернышовъ согласился; солдатъ Шороховъ привелъ его въ домъ къ священнику

Павлу Федорову. Тамъ младенца окрестили; знакомство скреплѣно родствомъ, и Серебрениковъ недѣли черезъ три-четыре, въ первой день Пасхи, послѣ заутрени, придя въ заводъ и къ тюремному острогу, сквозъ тынъ, передавалъ уже своему куму-Чернышову десятокъ яицъ и, пользуясь отсутствіемъ часоваго, говорилъ ему:

— Если тебѣ намѣреніе будетъ бѣжать, то ты иди прямо ко мнѣ. Я тебя на дорогу хлѣбомъ не оставлю: только ты меня не оговаривай.

Воспользовавшись приглашеніемъ кума, Чернышовъ изъ тюрьмы бѣжалъ (но вскорѣ былъ пойманъ). Для поимки его посланы были во всѣ нерчинскія команды строгіе приказы, съ предписаніемъ о возможно-скорыхъ розыскахъ. Арестантъ опасный — секретный. При этомъ бывшій въ дучарской канцеляріи первымъ присутствующимъ, оберъ-бергмейстеръ Лодыгинъ, высказался въ слухъ очень многихъ тутъ бывшихъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «если бы кто онаго Чернышова сыскалъ, и, не убивъ до смерти, представилъ, то бы я того человѣка наградилъ деньгами, и прямой тотъ человѣкъ сынъ Божій». Словами этими особенно заинтересовался ссыльный распопа Левъ Евдокимовъ, который былъ опредѣленъ при томъ-же заводѣ къ обученію служительскихъ дѣтей грамотѣ.

Вмѣшательство Евдокимова имѣло на дѣло крупное вліяніе, повергнуло его на настоящую дорогу. Евдокимовъ въ подобныхъ дѣлахъ не новичокъ: онъ уже въ Россіи подчинялъ свою судьбу судьбѣ другаго самозванца бѣглаго солдата ландъ-милицкаго полка Кремнева. Обстоятельство это вынуждаетъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Когда Кремневу удалось подобрать на Дону свиту, увѣрить по пути многихъ «что рекрутъ и подушныхъ денегъ 12 лѣтъ брано не будетъ и винное куреніе будетъ вольное,» когда съ такими обнадеженіями явился онъ и въ Усмянской уѣздъ въ однодворческое село Приволоку, а потомъ въ село Новосолдатское, здѣсь мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ въ числѣ первыхъ повѣрилъ неграмотному солдату. Повѣрилъ онъ—какъ сказано въ указѣ—«безъ всякаго затрудненія паче первыхъ (т. е. выборнаго и десятскаго) по распутной и пьянственной жизни своей не только самъ, но всѣхъ еще во-

обще, хотя весьма ложными и совсѣмъ вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами, подкрѣпилъ и увѣрилъ» *).

Дѣло (по словамъ указа) происходило такъ: Евдокимовъ, пришолъ въ избу, гдѣ находился Кремневъ. Кремневъ говорилъ ему:

— Попъ, поминай государя Петра Ѳеодоровича!

— Дай Богъ ему здравствовать! — отвѣтилъ попъ и потомъ спросилъ:

— Гдѣ онъ обрѣтается?

— Онъ подлѣ тебя сидитъ! — не задумавшись, отвѣтилъ Кремневъ.

Евдокимовъ, при послѣднихъ словахъ, всталъ съ лавки и поклонился. Кремневъ снялъ со стѣны крестъ и велѣлъ Евдокимову цѣловать его, а ровно руку и ногу. Левъ безпрекословно повиновался, а затѣмъ—пѣлъ молебенъ о здравіи государя, поминалъ его на эктеніяхъ и на многолѣтіи, и потомъ разсказывалъ всѣмъ своимъ прихожанамъ, что когда онъ былъ еще въ Петербургѣ дворцовымъ пѣвчимъ, то зналъ императора маленькаго и нашивалъ его на рукахъ.

Увѣреніямъ священника изъ прохожанъ поддались до того, что стали приходить къ Кремневу, цѣловали у него руки и ноги и называли его императоромъ. Первыми поддались увѣреніямъ Евдокимова однодворецъ села Новосолдатскаго, Осипъ Ѳедюнинъ, дьяконъ того же села — Максимъ Игнатьевъ и дьяконъ Василій Ѳедоровъ, случайно пріѣхавшій въ село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа довѣрчиваго народа.

Толпа эта была велика. Въ ней, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, находилось весьма много и такихъ, которые пришли изъ окрестныхъ селъ и деревень. Были тутъ и крестьяне, были и отставные солдаты, и наконецъ даже лица духовнаго званія. Между крестьянами, или (какъ сказано въ указѣ) однодворцами, рѣзче другихъ

---

*) При этомъ нельзя не замѣтить того важного обстоятельства, что и разглашенію Чернышова о себѣ, какъ объ императорѣ, помогалъ также второй священникъ Иваницкій и первыми повѣрили также лица духовнаго званія.

выдавались пять выборныхъ, два десятскихъ. Изъ отставныхъ солдатъ отмѣчены указомъ три сержанта, вахмистръ, два капрала, фурьеръ, подпрапорщикъ и даже одинъ поручикъ (также отставной). Изъ лицъ духовнаго званія завинены въ сочуствіи къ дѣлу Кремнева три попа, три дьякона, трое поповыхъ дѣтей, два церковника, дьячокъ. Сверхъ того оказались причастными къ дѣлу двое цыганъ и одинъ купецъ воронежскій.

Примѣтная цифра лицъ духоваго званія давала право заключить положительнымъ образомъ, что всѣ они привлечены были къ самозванцу разглашеніями Льва Евдокимова, который дѣйствовалъ на нихъ не только личнымъ участіемъ, но и чрезъ посредство жены своей и жены однодворца Уколова *).

Къ собранной такимъ образомъ около квартиры Кремнева толпѣ вышелъ прежде всѣхъ одинъ изъ крестьянъ, прибывшихъ въ село Новосолдатское вмѣстѣ съ самозванцомъ. Выйдя къ народу, крестьянинъ этотъ закричалъ толпѣ: «становись на колѣна»! Всѣ повиновались. Затѣмъ вышелъ изъ избы самъ Кремневъ, держа въ рукѣ крестъ. Всѣ такимъ образомъ цѣловали этотъ крестъ, цѣловали у Кремнева руку и потомъ ногу, не исключая поповъ, отставныхъ солдатъ, поручика Саввы Романова и женщинъ. Всѣ они были искренни въ своихъ движеніяхъ, исключая подпрапорщика Алексѣя Внукова, который «хотя, по увѣренію распопы Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и цѣловалъ», однако въ то же время попу Евдокимову упомянулъ, что государь Петръ III умеръ, а выборному изъ однодворцовъ совѣтовалъ послать нарочнаго, чтобы повѣстить обо всемъ случившемся воеводу. Церковникъ Филиппъ Петровъ имѣлъ намѣреніе «испросить у самозванца пашпортъ и не болѣе только, какъ посмотря самозванцу въ рожу, — ушолъ въ домъ свой».

Устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и самостоятельнѣе въ личныхъ убѣжденіяхъ предъ всѣми другими былъ все-таки Левъ Евдокимовъ. Когда изъ Воронежа, для поимки самозванца, прислана

---

*) Уколова дала самозванцу шубу и потомъ ѣздила съ попадьей въ другое село, для разглашенія.

была воеводою Елинымъ гусарская команда, и пріѣхалъ потомъ самъ воевода — Евдокимовъ не только самозванца не отдалъ, но и народу приказывалъ не выдавать. Дѣятельными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были поповы сыновья, изъ которыхъ Иванъ Ѳоминъ (послѣ того, какъ воевода собственноручно связалъ Кремнева) говорилъ самозванцу:

— Если бы я тогда былъ, какъ тебя воевода вязалъ, тобъ я пятьдесятъ человѣкъ положилъ.

И затѣмъ не отставалъ онъ отъ самозванца до тѣхъ поръ, пока его взяли подъ караулъ. Точно такимъ же образомъ не покидалъ Кремнева и другой поповъ сынъ — Акимъ Поповъ. Онъ успѣлъ тайно уйти съ нимъ на другой дворъ, гдѣ обулъ его въ лапти.

Меньшее участіе къ судьбѣ Кремнева (послѣ того, какъ онъ потерялъ свое дѣло) оказали отставные: четверо изъ нихъ «хотя къ отдачѣ онаго Кремнева и не способствовали, однако совѣтовали другимъ, чтобы его отвести въ губернскую канцелярію» *). Отставной же капралъ Василій Пальчиковъ, не оказавши никакого сопротивленія при арестованіи самозванца, согласился отвести его въ Воронежъ, когда на другой день выборной сдѣлалъ ему это предложеніе («препозицію» — какъ сказано въ указѣ). Выборный Семенъ Чорной, когда пришла команда, Кремнева не только не выдалъ, но и взятый у офицера приказъ держалъ у себя, а выйдя потомъ къ народу, выговорилъ, что онъ за Кремнева кровь прольетъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣло самозванца было проиграно: онъ скованнымъ отвезенъ былъ въ Воронежъ. За нимъ послѣдовали туда же и подъ караулъ всѣ его сообщники, въ числѣ 69 человѣкъ. Указъ Екатерины рѣшилъ освободить Кремнева отъ смертной казни, но повелѣлъ: «въ страхъ другимъ такого отчаяннаго свойства людямъ, во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ показанныя ложныя разглашенія чинилъ, при собраніи народа, который ему безразсудно повиновался, и легкомысленно вѣрилъ, сѣчь кнутомъ въ каждомъ

*) Одинъ изъ нихъ Тибекинъ былъ въ числѣ другихъ, разглашавшихъ о томъ, что въ селѣ между ними находится императоръ.

селѣ по нѣскольку ударовъ. Въ обличеніе же явнаго его злодѣйства, привязать на грудь доску, съ надписью большими словами: Бѣглецъ и самозванецъ! а въ послѣднемъ селѣ, по наказаніи, выжечь на лбу Б и С и потомъ послать въ Нерчинскъ въ вѣчную работу».

«Евдокимовъ за всѣ возмутительныя преступленія, яко нарушитель присяги, народнаго блаженства и спокойствія, и нераскаявшій о содѣянномъ злѣ человѣкъ, по правамъ и законамъ государственнымъ, достоинъ неминуемо жесточайшей смертной казни. Но мы, однако, по прирожденному въ насъ человѣколюбію, и что онъ, распопъ, сіи всѣ злодѣянія чинилъ единственно отъ самаго вкоренившагося въ немъ пьянства и жадности къ оному, такъ и по распутной и развращонной жизни и невѣжеству, а сверхъ всего, что онъ въ ономъ своемъ злодѣяніи при распросѣ, безъ истязанія, признался также, что сіе учиненное имъ зло никоимъ образомъ съ разумомъ и человѣчествомъ соображаемо не было, — отъ смертной казни (оставляя ему единственно послѣдніе дни жизни его о содѣянномъ имъ злѣ на раскаяніе) всемилостивѣйше освобождаемъ, а повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ свои клятвопреступническія и измѣнническія чинилъ увѣренія и подписи, учинить наказаніе по нѣскольку ударовъ кнутомъ, привязавъ, на груди доску, съ надписью большими литерами: «Помощникъ Самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и лжесвидѣтель». А по наказаніи въ послѣднемъ селѣ выжечь на лбу знаки, двухъ словъ первыя литеры, то есть *ложный свидѣтель*, а потомъ послать въ Нерчинскъ, въ работу вѣчно *)».

---

*) Били кнутомъ ещо однодворца Федюнина (за то, что разглашалъ будто-бы онъ самозванца въ бытность въ Петербургѣ видалъ); били кнутомъ выборнаго Чорнаго, но оставили обѣихъ на прежномъ мѣстѣ жительства; били плетьми попова сына Попова, попова сына Фомина и обоихъ крестьянъ г. Кологриваго («яко помѣщичьихъ воровъ» — прибавлено въ указѣ). Поповъ, по наказаніи, освобожденъ, а крестьяне «отосланы на старое жилище, куда принадлежатъ.» Изъ числа 25 крестьянъ пять человѣкъ, по жеребью, также высѣчены были плетьми и потомъ всѣ распущены.» Четверо выборныхъ также наказаны были плетьми; восемь человѣкъ солдатъ изъ команды бывшаго фурьера Будинова велѣно, наказавъ каждаго предъ своею ротою батоги *слегка*, опредѣлить въ службу по прежному. Всѣхъ

Въ Нерчинскихъ рудникахъ имя Кремнева пропало безслѣдно; но Левъ Евдокимовъ не измѣнилъ себѣ и о себѣ напомнилъ, сдѣлавшись участникомъ подобнаго же рода дѣла въ самозванствѣ солдата Петра Чернышова.

Отправляемся слѣдомъ за нимъ за Байкалъ на Дучарской горной заводъ.

Евдокимовъ этотъ, по личному сознанію, началъ въ Дучарскомъ примѣчать «и подлинно онъ, Чернышовъ, не отличный ли какой великой человѣкъ». Разъ, когда Чернышовъ уже пойманъ былъ изъ бѣговъ, Евдокимовъ пришолъ въ мусорную, гдѣ на то время нашъ секретный арестантъ находился на работѣ. Съ нимъ изъ солдатъ никого не было: былъ только одинъ сторожъ изъ ссыльныхъ, Фекластъ. Евдокимовъ принесъ съ собой осмину вина, поилъ этимъ

лицъ духовнаго званія (поповъ, дьяконовъ и церковниковъ) приказано выдержать подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, нѣсколько недѣль на хлѣбѣ и на водѣ, а потомъ «отослать къ епархіальному архіерею, для свидѣтельствованія — способны ли они впредь остаться въ прежнихъ своихъ званіяхъ и мѣстахъ?» Тотъ же арестъ въ тюрьмахъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ присужденъ былъ и всѣмъ остальнымъ изъ обвиненныхъ: «такъ какъ они къ послушанію самозванца приведены ложнымъ увѣреніемъ и свидѣтельствомъ распопы Льва, такожъ будучи ослѣплены такимъ же презрѣннымъ послушаніемъ приходовъ сихъ причетниками, коихъ они, по своей глупости, не менѣе считаютъ какъ людьми во всемъ передъ собою знающими, такъ какъ необыкновенное оные надъ ними пріобрѣтаютъ начальство. Двѣ женщины освобождены, безъ всякаго наказанія, вмѣстѣ съ подпрапорщикомъ Внуковымъ, сержантомъ Колесниковымъ и дьячкомъ Иваномъ Поповымъ. Отставной поручикъ Савва Романовъ былъ лишонъ двухъ чиновъ, содержался на хлѣбѣ и на водѣ двѣ недѣли и потомъ освобожденъ. Воронежскаго батальона фурьевъ Иванъ Будиновъ, за то, что повиновался и исполнялъ приказанія самозванца (ѣздилъ по селамъ и разглашалъ о пріѣздѣ императора, привлекъ на свою сторону 8 человѣкъ ввѣренной ему команды и наконецъ пріѣхалъ въ Воронежъ для занятія Кремневу квартиры) — былъ прогнанъ сквозъ строй черезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и написанъ потомъ въ солдаты въ тотъ же батальонъ «для примѣру 'другихъ» какъ сказано въ указѣ. Пьянство, «жадность къ оному, необузданное, врожденное буйство, сопряженное съ глубокимъ невѣжествомъ; подлое несмысленное состояніе людей непросвѣщонныхъ, слабый смыслъ, недоразуміе и легкомысліе»—вотъ тѣ облегчающія причины, которыя были признаны указомъ къ смягченію приговора и объявлены всѣмъ обвиненнымъ.

виномъ сторожа, поилъ больше Чернышова и спрашивалъ (вѣрнѣе подговаривалъ, познавши, что Чернышовъ—человѣкъ одного закала съ Кремневымъ).

— Какой ты подлинно человѣкъ?

Чернышовъ, съ великою клятвою и со слезами на глазахъ, объявилъ, что онъ бывшій императоръ Петръ Третій, и при этомъ просилъ Евдокимова разглашать объ томъ подъ рукою всѣмъ, кого онъ признаетъ болѣе благонадежными и опасливыми, примолвивъ:

— Ежели ты будешь разглашать, то намъ обоимъ будетъ нажиточно.

Евдокимовъ, разумѣется, незамедлилъ воспользоваться совѣтомъ, и для этого поспѣшилъ заручиться товарищомъ. Попался бывалый и какъ разъ пригодный для дѣла. Одинъ ссыльный Иванъ Карповъ, разсказывалъ, что въ бытность его въ услуженіи у грузинскаго царевича Егора въ Москвѣ, Петра III видалъ, и что секретный арестантъ, Петръ Чернышовъ, имѣетъ съ нимъ поразительное сходство. Другой, приписной изъ ссыльныхъ Кузьма Фирсовъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствительно Петра III видалъ въ Петербургѣ, въ 1763 году, въ тайной канцеляріи, и что Чернышовъ «на лицо таковъ же, какъ и императоръ».

Согласившись и столковавшись такимъ образомъ, эти двое изъ ссыльныхъ начали распространять подъ рукою и подъ секретомъ, что Чернышовъ не простой человѣкъ, и разсказывали это сначала исключительно въ одномъ заводѣ между мастеровыми и рабочими. Первымъ повѣрилъ ихъ словамъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Въ началѣ 1768 года, находясь въ той же мусорной на работѣ, онъ, между прочими разговорами, спросилъ Чернышова:

— Какой ты человѣкъ бывалъ?

На что Чернышовъ отвѣчалъ, что онъ бывшій императоръ Петръ Третій.

— Какъ же ты попалъ сюда въ заводы?

— Бывши въ Воронежской губерніи, для осмотру состоявшихъ тамъ полковъ, подъ видомъ солдата, былъ пойманъ и посланъ въ

здѣшніе Нерчинскія заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великой человѣкъ.

То же самое сказывалъ Чернышовъ ещо шести человѣкамъ.

Нѣсколько дней спустя, пришолъ въ плавильную фабрику Кузьма Фирсовъ, и при тѣхъ же шести человѣкахъ долго и пристально смотрѣлъ на работавшаго Чернышова, и отойдя въ сторону, говорилъ мастеровымъ: «что-де этотъ колодникъ не Чернышовъ, но подлинно Петръ III».

Всѣ эти разсказы возымѣли желанный успѣхъ. Въ тюрьму къ Чернышову начали приходить многіе изъ заводскихъ сдужителей и дарить ему кто что могъ: одни приносили деньги, другіе — вещи. Всѣ эти подарки «чинены были единственно въ томъ чаяніи: ежели онъ освободится, то бъ ихъ не оставилъ и отъ заводскихъ работъ уволилъ». Въ этомъ же увѣрялъ ихъ и сообщникъ Чернышова— Евдокимовъ. Болѣе всѣхъ довѣрился обѣщаніямъ, какъ Чернышова, такъ и Евдокимова, заводскій служитель Бабинъ. Къ нему Чернышовъ хаживалъ неоднократно «чаю пить, обѣдать и получалъ другія вспомоществованія въ пропитаніи», всегда увѣряя Бабина въ томъ, что когда освободится, то сдѣлаетъ его генераломъ. То же самое обѣщалъ Чернышовъ и другимъ, и между прочимъ пробирному ученику Семену Бѣлому, пріѣхавшему въ то время изъ Большаго Нерчинскаго завода въ Дучарской на побывку къ отцу—«сереброраздѣлительному мастеру». Отецъ Семена Ѳедоръ Бѣлой уже держалъ сторону Чернышова, водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и помогалъ ему во всемъ, чѣмъ только могъ.

Устроивъ знакомства въ заводѣ, заговорщики стали дѣйствовать смѣлѣе и открытѣе, далеко на сторонѣ. Большую энергію въ этомъ дѣлѣ показывалъ конечно Евдокимовъ. Онъ водилъ въ тюрьму многихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ случайно въ заводъ и показывалъ имъ Чернышова. Между прочимъ привелъ онъ къ нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забѣлина, «называемаго, по народной модѣ, Шебаршою». Шебарша видѣлъ Чернышова; далъ ему два рубля денегъ, долго съ нимъ разговаривалъ и, уходя, обѣщалъ ему помогать во всемъ. Въ тотъ же день приходилъ къ Чернышову въ плавильную фабрику сынъ Шебарши, съ казакомъ Тарскимъ. Оба

они, «посмотря на Чернышова и не сказавши ему ничего, дали денегъ каждый по полуполтинникy» — и ушли.

Знакомство съ Шебаршою важно было для заговорщиковъ по тому обстоятельству, что Шебарша этотъ былъ крестьянинъ зажиточный самъ по себѣ и сверхъ того находился въ близкихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ тунгузскими князьями Гантимуровыми. Князья сильны были и богатствомъ своимъ и тою матеріальною поддержкою, которая заключалась въ войскахъ, находившихся въ командованіи и распоряженіи ихъ. Шебарша и въ заводъ Дучарской (когда свелъ знакомство съ Евдокимовымъ и Чернышовымъ) пріѣзжалъ именно по дѣлу одного изъ этихъ князей (Алексѣя) со скотомъ, который поставлялъ Гантимуровъ для заводскихъ людей. Кромѣ того Шебарша находился въ родственной связи съ крестьяниномъ Серебрениковымъ, первымъ повѣреннымъ самозванца Чернышова.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Евдокимовъ, съ вѣдома и по согласію съ Чернышовымъ, приходилъ къ нему въ 1768 году въ Филиповъ постъ, въ кузницу, гдѣ Чернышовъ находился въ шабашное время на работѣ, когда другихъ рабочихъ тамъ не было, и говорилъ ему о своемъ намѣреніи: послать нарочнаго съ письмомъ къ князю Гантимурову и къ крестьянину Шебаршѣ.

— Они—увѣрялъ Евдокимовъ—пришлютъ тебѣ, для пропитанія, денегъ и другихъ пожитковъ.

Чернышовъ согласился. Евдокимовъ привелъ къ нему приписнаго изъ ссыльныхъ въ Уровской сотнѣ Максима Косыхъ, который и писалъ эти письма подъ диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этотъ же Косыхъ—и доставилъ. Вернувшись въ тотъ же Филиповъ постъ, привезъ онъ къ этой же кузницѣ и отдалъ Чернышову 18 руб. деньгами, $1^1/_2$ пуда говяжьяго мяса, 35 фунтовъ масла коровьяго, двѣ туши бараньяго, бѣлой шерсти лошадь. При этомъ Косыхъ сказывалъ, что князь Гантимуровъ прислалъ 4 р. денегъ, тушу баранины, говяжье мясо и масло коровье безъ вѣсу; Шебарша—лошадь и 3 р. денегъ, остальное (по два руб. денегъ)—нерчинскіе казаки Григорій Тарской и Михей Курбатовъ и другіе люди. А князь-де Гантимуровъ приказывать сказать, чтобы

Чернышовъ,—«какая ему въ пропитаніи и одеждѣ нужда будетъ,—прислалъ къ нему нарочныхъ, съ коими-де онъ и будетъ присылать къ нему все, потребное для него и ни въ чемъ не оставитъ; ему-же (князю) самому присылать нельзя. Если онъ (т. е. Чернышовъ) хочетъ на волю, то бы прислалъ отъ себя письмо, почему онъ, Гантимуровъ, соберетъ команды своей тунгусовъ и возьметъ его изъ тюрьмы разбоемъ, и что́ онъ будетъ повелѣвать—туда и повезетъ. Если-же и въ заводъ бы пріѣхали—наказывалъ сказать Гантимуровъ—тамъ у меня-де ни одинъ человѣкъ и въ окно выглянуть не посмѣетъ *).

*) Князья Гантимуровы наводили страхъ на горныя и другія начальства и пользовались почетомъ въ тѣ времена, когда еще не остыло уваженіе къ государственнымъ и политическимъ заслугамъ ихъ предковъ. Вотъ коротенькая исторія этого княжескаго рода: Въ 17 вѣкѣ одинъ изъ князей Гантимуровыхъ владѣлъ въ Китаѣ землями и получалъ въ качествѣ вассала три слитка золота и 1,200 лаанъ серебра. Во время войны китайцовъ съ русскими его послали впереди китайскаго и тунгузскаго войска на завоеваніе Камарскаго острога на Амурѣ. Гантимуръ безъ боя возвратился домой и, боясь наказанія, съ жонами, родными, дѣтьми, въ количествѣ 500 душъ тунгусовъ, ушолъ въ Сибирь и принялъ русское подданство. Въ 1685 г. онъ крестился съ именемъ Петра, а сынъ его Катанъ назвался Павломъ. Его обезпечили имѣніемъ и дали власть надъ 12-ю тунгузскими родами и съ титуломъ князя внесли въ книгу княжескихъ родовъ. Впослѣдствіи царь вызвалъ его въ Москву. Гантимуръ съ двумя сыновьями и Сахалтуемъ, однимъ изъ тунгузскихъ старшинъ, получившимъ потомственное дворянство, пустился въ путь. На дорогѣ, въ Нарымѣ, старикъ Гантимуръ умеръ, а сынъ его Катанъ съ братомъ Чикулаемъ и Сахалтуемъ, благополучно прибыли въ Москву. Катанъ воротился въ Нерчинскъ и управлялъ тунгусами, а Чикалтуй вступилъ въ русскую службу и уже не возвращался въ Сибирь. Катанъ отъ крещоной жены имѣлъ сына Иларіона; онъ какъ царскій стольникъ, получалъ ежегодной пенсіи 40 руб. асс., 20 ведеръ водки, 40 четвертей хлѣба, 20 четвертей овса, соль и крупу. Богдыханъ, послѣ побѣга Гантимура, посылалъ къ нему пословъ, которые должны были склонить его къ возвращенію и привезли ему въ подарокъ золото, серебро, богатый поясъ и сбрую. Гантимуръ подарковъ не принялъ и не возвратился. Тогда выслано было войско схватить его. Китайское войско встрѣтилось съ Гантимуромъ на горѣ Умыкей въ 15 верстахъ отъ Нерчинска. Произошла битва: Гантуръ былъ раненъ; Китайцы разбиты. При заключеніи Нерчинскаго трактата 1689 г. китайскіе послы настойчиво требовали выдачи Гантимура, но его отстояли. Тунгусы Гантимура получили земли на Шилкѣ, Газимурѣ,

Косыхъ за эту комиссію получилъ денегъ 30 коп. да соврасую лошадь. Остальныя вещи Чернышовъ передалъ «для поклажи» двумъ заводскимъ кузнецамъ. У нихъ же пряталъ онъ и другіе подарки, которые поступали къ нему въ большомъ количествѣ. Великимъ постомъ того же (1772) года навѣстилъ Чернышова его кумъ Серебрениковъ и принесъ ему въ подарокъ крупы. Чернышовъ, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, просилъ Серебреникова сходить къ князю Гантимурову; на что тотъ согласился, и, вернувшись вскорѣ въ заводъ, принесъ три туши бараньяго мяса, шубу и 12 руб. денегъ; кромѣ того—5 фунт. коровьяго мяса и лисицу. Часть подарковъ шла отъ князя, часть отъ Шебарши и отъ неизвѣстныхъ. Чернышовъ отпуская кума, велѣлъ ему сказать казаку Тарскому, чтобы онъ разглашенія объ немъ дѣлалъ исключительно между богатыми. Напутственные совѣты эти имѣли успѣхъ: Алексѣй Гантимуровъ прислалъ мерлушчатую шубу, крытую китайкой; два другихъ его брата, вмѣстѣ сложившись, отправили семь рублей денегъ; братской лама прислалъ также деньги; нѣкоторые крестьяне подарили волковъ, шкуры которыхъ Серебрениковъ продалъ дорогой и деньги, а равно и всѣ вещи, отдалъ Чернышову. Чернышовъ въ свою очередь часть подарковъ продавалъ, другою подѣлился со своими друзьями, изъ которыхъ все-таки Евдокимовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и неусыпнѣе. Онъ тѣмъ же временемъ продолжалъ отъ имени Чернышова собирать подаянья, которымъ велъ счотъ, и счотъ этотъ записывалъ въ собственные свои печатные святцы вмѣстѣ съ именами «милостивцовъ». Милостивцовъ этихъ привелось ему записать въ эти святцы свыше десяти человѣкъ, а посчоту всѣхъ пожертвованныхъ денегъ оказалось на лицо болѣе 40 руб., кромѣ всякаго рода рухляди и живности.

Куенгѣ, на степяхъ аргунскихъ по Онону. Впослѣдствіи изъ тунгусовъ ононскихъ собрали казачій полкъ, который съ тѣхъ поръ и оставался подъ командою Гантимуровыхъ. Современный намъ князь тунгузскій служилъ въ военной службѣ, дослужился до капитанскаго чина и возвратился за Байкалъ въ деревню Урульгу, находящуюся на нерчинскомъ трактѣ за Читою въ 25 верстахъ отъ Кайдалова, — совершенно русскимъ человѣкомъ.

Ободренные такимъ неожиданнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которому они предвидѣли скорый конецъ, особенно послѣ того, какъ всѣхъ ихъ едва не предалъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой,—заговорщики завели дѣятельную переписку со всѣми своими благотворителями. Самъ Чернышовъ—какъ оказалось впослѣдствіи—не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя разъ и хвастался передъ кузнецами въ плавильной, что «умѣетъ по-нѣмецки, по-латыни и по-русски». Переписку за Чернышова вели другія лица: сначала самъ Евдокимовъ (который и пряталъ всѣ письма у себя въ школѣ подъ крышей), потомъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой и наконецъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Другой же Карповъ (изъ ссыльныхъ) читалъ всѣ присланныя письма Чернышову, и онъ же съумѣлъ склонить на сторону самозванца другаго богатаго и тароватаго крестьянина деревни Батаканской (Уровской сотни) Осипа Коренева, носившаго прозваніе *Дубленаго*. Явился къ нему Карповъ просить милостыни. Дубленой далъ ему 50 коп. на всѣхъ колодниковъ, содержащихся въ Дучарскомъ заводѣ. Получая деньги, выговаривалъ Дубленому:

— Для чего ты мало даешь, да и то на всѣхъ колодниковъ? Я прошу на одного только великаго человѣка, котораго я знаю и который не Чернышовъ, а подлинно императоръ Петръ III. Потому-то надо послать къ нему поболѣ, и при нынѣшныхъ случаяхъ его не оставить, а онъ, когда освободится, тогда ничѣмъ не оставитъ и покажетъ милость: освободитъ отъ заводскихъ работъ, и чѣмъ-нибудь наградитъ. Я, Карповъ, для него ѣзжу и прошу у многихъ людей на него для пропитанія, почему и есть отъ многихъ довольная подача».

Сказавши все это, Карповъ засвидѣтельствовалъ клятвою предъ образомъ. Кореневъ всему сказанному повѣрилъ и выдалъ для Чернышова 3 рубля денегъ. Чрезъ полгода Карповъ пріѣзжалъ къ Дубленому во второй разъ и, высказавши тѣ же обѣщанія, получилъ еще три рубля. Ещо черезъ полгода пріѣзжалъ къ нему же другой посланный изъ тюрьмы отъ Петра Чернышова, крестьянинъ Сереб-

рениковъ *), который обѣщалъ Дубленому ту же свободу отъ заводскихъ работъ. Дубленой, принимая въ соображеніе, что сынъ его находился въ Дучарскомъ заводѣ на службѣ счотчикомъ и въ чаяніи будущей свободы выдалъ Серебреникову ещо пять рублей; а чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ, самъ поѣхалъ въ заводъ повидаться съ сыномъ и посмотрѣть на Чернышова. На улицѣ въ заводѣ встрѣтился ему Карповъ, который тотчасъ же попросилъ у него на Чернышова хлѣба, и такимъ образомъ выговорилъ у Дубленаго пудовъ до 5 ярицы. Съ Чернышовымъ Дубленой видѣлся на единѣ; долго разговаривалъ; обѣщалъ и впредь помогать. Но чтобы все это дѣло оставалось втайнѣ, рекомендовалъ ему посредника въ лицѣ регистраторскаго человѣка. Регистраторъ самъ—какъ оказалось впослѣдствіи—принималъ косвенное участіе въ дѣлѣ: хлѣбъ принимали его люди, продавали потомъ (по 35 коп. за пудъ) и деньги приносили регистратору (одинъ Дубленой переслалъ такимъ образомъ до 25 пудовъ). Регистраторъ молчалъ, давая тѣмъ возможность сообщникамъ Чернышова разширить предѣлы ихъ заговора.

Въ домѣ кузнецовъ, у которыхъ складывали заговорщики лишную подарочную рухлядь, сходились они по временамъ для попоекъ. Вино покупалось въ Бянкинѣ. За нимъ ѣздили поочередно Карповъ (плавильный мастеръ) и Серебрениковъ (крестьянинъ). Серебрениковъ на одной изъ этихъ пирушекъ, обратившись къ Чернышову, говорилъ:

— Ты, Чернышовъ, какъ можно изъ тюрьмы бѣги и приходи ко мнѣ въ домъ; я хлѣбомъ не оставлю и провожу до князя Гантимурова, а онъ, по обѣщанію своему, тебя не выдастъ, и взять у него уже не кому. Князь наказывалъ мнѣ, чтобы ты прислалъ къ нему письмо своей руки, а чужимъ-де письмамъ онъ не вѣритъ.

---

*) Карповъ оказался впослѣдствіи неисправнымъ коммиссіонеромъ: денегъ не отдалъ, вещи распродалъ и полученное за нихъ расходовалъ лично на себя; Чернышову же и сообщникамъ его обо всемъ этомъ не давалъ знать. Ходилъ Карповъ за подаяніемъ по фальшивому увольнительному виду, написанному Львомъ Евдокимовымъ.

Тогда князь соберетъ тунгусовъ и казаковъ сотъ до трехъ, а можетъ и до пятисотъ, и тебя сильно возьметъ и увезетъ сперва къ себѣ въ домъ, а потомъ представитъ въ Петербургъ.

Послѣдніе совѣты спутали заговорщиковъ: во 1-хъ невозможно было послать къ Гантимурову собственноручное письмо Чернышова, а во 2-хъ, они опасались за крайній результатъ—именно представленіе самозванца прямо въ Петербургъ. Рѣшено было дѣйствовать иначе. Побѣгъ Чернышова признанъ былъ пока единственнымъ средствомъ къ приведенію въ исполненіе нѣкоторыхъ намѣреній, но не всѣхъ.

Ив. Карповъ (ссыльный), только что вернувшійся съ новыми подарками отъ Дубленаго (состоявшими изъ свѣжей рыбы, пшеничной муки и куриныхъ яицъ) совѣтовалъ прибѣгнуть къ посредству Дубленаго. Дубленаго онъ упросилъ скрыть ихъ на время въ безопасномъ мѣстѣ, на случай побѣга изъ завода. Дубленой обѣщался перевести ихъ черезъ Аргунь въ лодкѣ на китайскую границу, гдѣ найдетъ имъ такое мѣсто, что ихъ никто не найдетъ. Пищею также не оставитъ, только бы приходило ихъ съ Чернышовымъ немного. На тотъ конецъ сосѣдъ Дубленаго, приписной изъ ссыльныхъ Ѳедоръ Шулятевъ, въ ожиданіи ихъ прихода, обѣщался спать въ приготовленной для того лодкѣ. Денегъ этотъ Шулятевъ—по словамъ Карпова—прислать не могъ ни копѣйки, но письмо къ нему посланное получилъ.

— Потомъ, когда минется погоня,—говорилъ Карповъ по наказу Дубленаго,—Дубленой отвезетъ насъ къ Гантимурову на своихъ лошадяхъ, или куда бы Чернышовъ самъ похочетъ.

Эта вѣсть и особенно самое послѣднее обѣщаніе всѣмъ заговорщикамъ понравилось. Рѣшено было произвести побѣгъ изъ кузницы, тѣмъ болѣе, что всѣ почти кузнецы были ихъ единомышленниками. Случай къ тому вскорѣ представился.

Выбрали для побѣга такъ называемое шабашное время, а именно тотъ день, «когда всѣ кузнецы невѣдомо для чего повѣщены были къ конторѣ». Остались въ кузницѣ только Чернышовъ, кузнецъ Хромовъ и слесарной ученикъ Лебедевъ, «которые о побѣгѣ Чернышова какъ-то догадались и въ тотъ часъ

донесли управителю Протодьяконову». Управитель приказалъ Чернышова «къ ночамъ» приводить въ контору и содержать тамъ на стѣнной цѣпи, но слѣдствія о причинахъ къ побѣгу не производилъ.

Эта неудача Чернышова возымѣла успѣхъ съ другой стороны. Съ того времени приношенія къ нему сдѣлались чаще и обильнѣе; сообщники и помощники его—ретивѣе: одинъ Серебрениковъ успѣлъ сходить къ 12 человѣкамъ, и отъ каждаго изъ нихъ принести по подарку. Участіе къ судьбѣ Чернышова удвоилось съ той поры, какъ онъ вновъ былъ заключонъ въ секретную комнату дучарской тюрьмы, и когда посѣтилъ его адъютантъ генералъ-маіора Ивашова, Михайло Пановъ.

Пановъ этотъ пришолъ въ тюрьму вмѣстѣ съ шихмейстеромъ Грязновымъ и лекарскимъ ученикомъ Веснинымъ. Пришолъ онъ посмотрѣть на Чернышова, который въ то время содержался при тюрьмѣ «въ особомъ чуланѣ». Молча посмотрѣвши на Чернышова, они всѣ трое вмѣстѣ вышли вонъ. Но адъютантъ вернулся назадъ; потребовалъ Чернышова въ сѣни; караульнаго солдата Рудакова отослалъ прочъ; говорилъ съ Чернышовымъ много и долго, и вышелъ. По дорогѣ онъ спросилъ Грязнова:

— Можно-ль Чернышову подать милостыню?

На что Грязновъ ему отвѣчалъ, «что милостыню подать, кажется, противности никакой быть не можетъ». Адъютантъ послалъ съ Вешнинымъ три «двоегривенника».

Это пустое, повидимому, обстоятельство подѣйствовало на заговорщиковъ внушительно, но инымъ, неожиданнымъ образомъ. Кузьма Фирсовъ разсказывалъ всѣмъ, что-де адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышова и опозналъ его императоромъ; а потомъ и самъ генералъ Ивашовъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ, осматривалъ Чернышова и присылалъ къ нему потомъ (какъ самъ генералъ, такъ и его адъютантъ) письма. Больше другихъ повѣрилъ этому показанію пробирный ученикъ, Семенъ Бѣлой, котораго Фирсовъ просилъ, при отъѣздѣ въ Нерчинской заводъ, навѣдываться о дѣлѣ Чернышова и ихъ извѣщать. Бѣлой, по пріѣздѣ туда, хотѣлъ спросить самого генерала, «но не по-

смѣлъ, а подбросить письмо побоялся». Разъ остановилъ онъ (Бѣлой) адъютанта на улицѣ, и спросивши о Чернышовѣ, слышалъ слѣдующее: «Вотъ я нынѣ отправляюсь отъ комиссіи въ Петербургъ и объ этомъ колодникѣ представлено будетъ, а я и самъ видалъ, что онъ не Чернышовъ».

Все это было передано въ Дучарской заводъ и распространено между всѣми тѣми, кому о томъ надлежало вѣдать. Особенно горячее участіе показалъ въ этомъ дѣлѣ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, вернувшійся въ Дучарской заводъ изъ Большаго Нерчинскаго, куда былъ вытребованъ генералъ-маіоромъ Ивашовымъ, для граненія ему камней. Этотъ Карповъ разсказывалъ всѣмъ:

— Я голову свою къ генералу Петру Семеновичу носилъ и въ приполѣ, и объявлялъ ему о Чернышовѣ, что онъ подлинно Петръ Третій императоръ, чѣмъ его, генерала, увѣрилъ. Онъ обѣщалъ, ежели подлинно Петръ Третій, пожаловать меня поручикомъ и объ Чернышовѣ хочетъ отписываться въ Петербургъ и посылаетъ нарочно съ представленіемъ адъютанта своего, господина Панова.

Чернышову же говорилъ Карповъ, что Ивашовъ скоро будетъ за нимъ въ заводъ. Хотѣлъ-бы говорить ещо что-то, но разговору помѣшали караульные солдаты, которые Евдокимова и Карпова отъ тюрьмы отогнали, при чемъ солдатъ Иванъ Корелинъ ударилъ Карпова кулакомъ по затылку.

Какъ бы то ни было, но этотъ Карповъ съ той поры дѣлается повѣреннымъ всѣхъ тайнъ сообщниковъ Чернышова: онъ ѣздитъ по благотворителямъ ихъ и собираетъ милостыни, покупаетъ вино; вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ и снова ѣдетъ туда, куда его посылаютъ, безпрекословно, обязательно, хотя и не слишкомъ честно. Такъ напримѣръ, онъ пропилъ въ кабакѣ платокъ, посланный къ Чернышову какой-то женщиной; не отдалъ часть денегъ и не показывалъ писемъ: иныя изъ нихъ читалъ и не дочитывалъ Чернышову. Все это побудило заговорщиковъ не довѣрять болѣе Карпову и положиться во всемъ на Евдокимова.

Евдокимовъ, однако, не пошолъ дальше того, на чемъ уже было разъ рѣшено. Евдокимовъ и въ этотъ разъ остановился на побѣгѣ; а чтобы успѣшнѣе произвести его, подговаривалъ слесарнаго ученика Лебедева, кузнеца Тараканова и ссыльнаго Меншенина. Каждому изъ нихъ обѣщалъ онъ привести по лошади, а лошадей надѣялся достать отъ Шулятева и Дубленаго (Коренева). Шулятевъ на то время успѣлъ уже самъ побывать въ заводѣ, повидаться и поговорить съ Чернышовымъ и передалъ ему черезъ караульныхъ солдатъ 50 копѣекъ.

Число сообщниковъ увеличилось ещо нѣсколькими изъ дальныхъ крестьянъ, частію по письмамъ отъ Евдокимова, частію по стараніямъ и убѣжденіямъ Шебарши и Серебреникова. Серебрениковъ снова явился къ Чернышову и снова обѣщалъ ему содѣйствіе и совѣтовалъ безотлагательно бѣжать. Евдокимовъ настаивалъ на томъ же, но нѣсколько измѣнилъ планъ. По новымъ соображеніямъ, они должны были отправиться къ Гантимурову съ тѣмъ, «чтобы отъ него идти въ россійскіе города, куда кому случай допуститъ».

Между тѣмъ наступило теплое весеннее время, благопріятное для побѣговъ и любимое арестантами, рѣшившимися бѣжать въ лѣсъ. Чернышовъ сталъ учащоннѣе получать подарки отъ благотворителей своихъ, и въ большей части случаевъ, не вещами, а деньгами. Тѣ, которые посылали вещи, напр. Большаковъ — тулупъ, крытый шанхайской китайкой и два конца синей нелощоной китайки — совѣтовали своимъ довѣреннымъ вещи эти продавать и выдавать пособіе Чернышову деньгами. Тоже велѣлъ сдѣлать и Шебарша, пославшій съ Серебрениковымъ, въ милостыню Чернышову, лошадь, которая и была продана въ городѣ Нерчинскѣ купцу за три рубля.

Но — прошла весна и Чернышовъ, за бдительнымъ надзоромъ, не могъ выискать случая къ побѣгу. Случай этотъ представился ему уже въ то время, когда въ одномъ казематѣ съ нимъ заключены были два другихъ арестанта — Родіонъ Отопковъ и Андрей Пановъ. 29 іюня вечеромъ они рѣшились бѣжать вмѣстѣ и начать для этого нужныя приготовленія.

Отопковъ говорилъ: «у меня на Шилкѣ изготовлено хлѣба нечонаго: сухарей, пуда съ два».

Пановъ: «у меня на Селенгѣ живетъ братъ; онъ насъ отвезетъ на звѣриной или на рыбной промыселъ, гдѣ-де жить, хоть до смерти, можно».

А Чернышовъ: «Да и мнѣ обѣщалъ кумъ Серебрениковъ на дорогу хлѣба исправить».

— Ладно! рѣшилъ Отопковъ. — Вотъ мы до Шилки тѣмъ хлѣбомъ и дойдемъ.

При этомъ разговорѣ никого изъ постороннихъ не было.

На другой день (30 іюня) въ шестомъ часу по полудни, Пановъ пошолъ съ караульнымъ солдатомъ за водой, а Чернышовъ съ Отопковымъ остались одни. Отопковъ, пользуясь случаемъ, отодралъ съ гвоздей доску у «казенки» (куда Чернышова запирали одного на ночь) и приставилъ ее къ той же казенкѣ «налепомъ», чтобы караульный не усмотрѣлъ. Вернулся Пановъ — вернулся и караульный. Караульный пошолъ въ солдатскую за смѣной: всѣ три арестанта остались одни, и не медлили: общими силами они въ это время выломали доску около печи и заложили то мѣсто приготовленнымъ на тотъ конецъ войлокомъ. Тогда пришла новая смѣна: двое караульныхъ. Чернышова они увели въ казенку и — по обыкновенію — посадили на стѣнную цѣпь. Одинъ солдатъ легъ спать и заснулъ, другой сидѣлъ до полуночи и слушалъ сказки, которыя разсказывалъ ему Отопковъ. Подъ говоръ Отопкова и этотъ караульный также заснулъ. Замѣтивъ это, Пановъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ печи, началъ ломать казенку и произвелъ шумъ. Отопковъ молча оттолкнулъ его и, вынувъ заранѣе отодранную ими около печи доску, самъ пошолъ въ казенку. Здѣсь гвоздемъ отпиралъ у Чернышова цѣпной замокъ, въ то время, когда самъ Чернышовъ увивалъ платкомъ бывшіе на немъ кандалы, для того, чтобы они не звенѣли. Снявши такимъ образомъ цѣпи, они вышли изъ казенки. Отопковъ тѣмъ же гвоздемъ отперъ замокъ и снялъ, кандалы съ собственныхъ ногъ. Затѣмъ, чрезъ отверстіе подлѣ печи, они вылѣзли на дворъ, въ острогъ. Черезъ тынъ пересаживалъ ихъ Отопковъ, поддерживая сзади клюкой, по приставъ-

ленной въ палямъ драницѣ, обвязанной для большаго удобства поперегъ тряпками. По внѣшной сторонѣ острога, на землю, спускались они на кушакѣ, который укрѣпилъ Пановъ, взлѣзшій на верхъ прежде другихъ. Кончивши эту операцію: «оттолѣ, во 1-хъ пошли на гору мимо церкви, и взошедъ на гору и у имѣющихся на нихъ, Пановѣ и Чернышовѣ, желѣзъ расшибли кольца, а потомъ пошли по той горѣ вверхъ и, поверставшись прямо здѣшняго *гофшпитала*, тѣ желѣза бывшимъ у Отопкова долотомъ разбили и тутъ положили подъ камень. А оттолѣ пошли по хребтамъ и прочимъ лѣснымъ и пустымъ степнымъ мѣстамъ и по убѣгѣ на завтра (т. е. 1-го числа іюля) въ вечеру пришли въ падь Уровскія *покати*; какъ та падь называется — не знали: въ разстояніи отъ рѣки Урова напримѣръ версты съ двѣ, гдѣ у Отопкова (незадолго до этого времени бывшаго въ бѣгахъ) сдѣланъ былъ балаганъ, въ которомъ имѣлись его сухари съ полпуда примѣрно». Въ этомъ стану бѣглецы ночевали; весь слѣдующій день провели тутъ же. Вечеромъ пошли къ рѣкѣ Урову и, перейдя эту рѣчку въ бродъ, съ версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утромъ слѣдующаго дня пошли внизъ по рѣчкѣ Урову пустыми «прикрытыми» мѣстами и, въ виду деревни, но, не дойдя до ней, легли спать на сопкѣ. Между тѣмъ наступила ночь. Бѣглые, пользуясь темнотой, отправились прямо въ деревню, — для того, что Чернышовъ говорилъ имъ: «пойдемъ опознавать крестьянина Ивана Серебреникова — моего кума и друга!»

Когда бѣглые стали подходить къ этой деревнѣ, то «тутошные жители или невѣдомо какіе другіе люди стали ихъ ловить, почему они всѣ трое и разбилися врозь»: Пановъ побѣжалъ къ рѣкѣ Урову, Отопковъ за деревню на сопку, а Чернышовъ обратно тѣми же мѣстами, какими пришли къ деревнѣ. Тѣ же люди, которые ихъ ловили, всѣ бросились за Пановымъ (Отопкова же и слѣдъ былъ затерянъ). Чернышовъ между тѣмъ пошолъ далѣе хребтами, также пустыми и степными, «и иными мѣстами, не заходя никуда въ жилыя мѣста и шолъ 11 дней голодомъ, оттого весьма истощился и пришолъ въ безсиліе. На двѣнадцатой день вышелъ онъ Газимурской сотни въ деревню Шелопугину и «самъ собою»,

по доброй волѣ, явился къ смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслалъ его въ газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже онъ препровожденъ былъ въ Дучарскій заводъ.

Вотъ что показывалъ Чернышовъ въ дучарской заводской конторѣ, куда потребованъ онъ былъ изъ тюрьмы къ допросу. Въ заключеніе этихъ показаній по формѣ онъ свидѣтельствовалъ слѣдующее: «будучи какъ прежде, такъ и нынѣ въ побѣгахъ, воровства, разбоевъ, смертныхъ убивствъ и дворовыхъ пожоговъ не чинилъ и за другими ни за кѣмъ того не знаетъ; становщиковъ и пристанодержателей никого не знаетъ и ни отъ кого онъ не слыхалъ бѣглыхъ, подобныхъ ему нигдѣ и никого не видалъ, почевовъ и почлеговъ нигдѣ и ни у кого не имѣлъ».

Пановъ противъ показанія этого свидѣтельствовалъ, что Чернышовъ посылалъ караульнаго солдата за покупкой вина: солдатъ принесъ осмину. Водкой этой Чернышовъ поилъ его, Панова и Отопкова. О побѣгѣ сговаривался Чернышовъ съ Серебрениковымъ одинъ на одинъ въ тюрьмѣ, куда впускалъ крестьянина солдатъ Бубенщиковъ. Чернышовъ говорилъ: «отъ кума-де пойдемъ къ крестьянину Урульгинской слободы Максиму Плюшнину, а оттуда къ крестьянину Большакову: онъ-де меня знаетъ и мнѣ подарки присылалъ; а оттуда пойдемъ къ князю Павлу Гантимурову въ Городищенскую слободу: князь 12 рублей денегъ съ племянникомъ своимъ прислалъ и лошадь подарилъ. Деньги Чернышовъ отдавалъ купцу Батеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на тѣ деньги покупали вино, а Чернышовъ у нихъ гостилъ и тѣмъ виномъ товарищей подчивалъ. Серебреникъ въ чиненіи разговоровъ не сознался, но отъ подачи милостыни на допросѣ не отказывался».

Отобранный допросъ писанъ былъ начерно. Бывшій управитель Дучарскаго завода шихмейстеръ Казиміровъ показанію ссыльныхъ не давалъ особеннаго значенія и дѣло бросилъ безъ изслѣдованія: новый же управитель Протодьяконовъ, разбирая дѣла предмѣстника своего и найдя въ допросахъ ссыльнаго Андрея Панова важное показаніе, рѣшился дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Показаніе это заключалось въ слѣдующихъ словахъ: «ещо до побѣга Чернышовъ увѣрялъ Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указъ о

Петрѣ III, императорѣ, яко бы онъ умре, написанъ ложно, а я-де дѣйствительно Петръ III, императоръ, о чемъ онъ многихъ людей, а особливо кузнецовъ Данилова и Батенева, также и Зыкова склонялъ и приводилъ въ свою волю».

«Въ производствѣ этого дѣла—пишетъ Протодьяконовъ въ нерчинскую канцелярію—здѣшная дучарская контора приступить смѣлости не имѣетъ».

Такимъ образомъ, по случайному поводу, началось все это дѣло, подробностямъ котораго мы дали мѣсто.

Въ Нерчинской заводъ свезены были причастные къ дѣлу (хотя и не всѣ) и разсажены были за крѣпкимъ карауломъ по тюрьмамъ. Началось слѣдствіе, а за нимъ и та путаница, которая до сихъ поръ характеризуетъ всѣ дѣла о ссыльныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ крючкотворства и всѣхъ подъяческихъ увертокъ. По мѣрѣ усиленія слѣдствія, увеличивалось и число подсудимыхъ и арестованныхъ. Дошло наконецъ дѣло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдатъ въ командѣ для постояннаго и бдительнаго надзора за арестантами; самыя работы заводскія примѣтно ослабѣли и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дѣла слѣдствія шли въ бо́льшей части случаевъ неуспѣшно. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ не являлись къ допросу: такъ, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться заочнымъ его показаніемъ, которое онъ адресовалъ, въ видѣ жалобы, въ нерчинскую воеводскую канцелярію и все-таки не въ нерчинскую горную *). Но всѣ вмѣстѣ подсудимые старались—по обык-

*) Вотъ смыслъ прошенія Шебарши: «ко мнѣ пріѣзжали солдаты и вооружонные люди и хотѣли вести меня сильно. Я былъ на то время въ собственномъ полѣ, при посѣвѣ хлѣба. Солдаты ночевали у меня. На другой день требовали обѣда: и когда имъ дали постное, то разложили огонь на дворѣ, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь домъ. Уѣзжая, сильно грозились на меня; а дѣлали все это ради корыстолюбія, ибо-де онъ, Шебарша, съ заводскимъ начальствомъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ, а оно знаетъ его достатки и многихъ богатыхъ успѣло уже разорить поборами и взятками». Боясь вторичнаго нападенія начальства, Забѣлинъ (т. е. Шебарша) тайно выѣхалъ въ Нерчинскъ, подъ защиту воеводы.

новенію — притягивать какъ можно больше постороннихъ людей, съ единственною цѣлію затянуть дѣло на безконечные сроки и возможно затруднить слѣдователей. Ко всей этой путаницѣ допросовъ и переспросовъ, показаній на бумагѣ и изустныхъ присоединилось еще болѣе запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта завиняла многихъ новыхъ и, между прочими, указывала на одного, какъ на главнаго, но о которомъ до сихъ поръ всѣ другіе молчали. Этотъ новый былъ нѣкто Семенъ Иванецкій, также ссыльный, нѣкогда другъ и благодѣтель Чернышова, пришедшій въ ссылку вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи. Теперь обстрѣленный Иванецкій велъ дѣла съ большей осторожностію и не выказывалъ той энергіи, какая выразилась въ неустанномъ и неугомонномъ товарищѣ другаго русскаго самозванца, приставшемъ и къ этому. Этотъ Иванецкій жилъ въ Уровской деревнѣ и еще осенью 1768 года писалъ къ Чернышову письмо слѣдующаго содержанія: «Премилосердый мой государь, Петръ Ѳедоровичъ! Желаю вамъ здраствовать на многія лѣта, да притомъ же о себѣ увѣдомляю, что въ маломъ здравіи нахожусь отъ тяжкой печали и великой болѣзни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубахъ, ни одѣянія не имѣю. Отъ вашего здравія вѣдомости никакой не имѣю. Чрезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у васъ имѣются» *). Въ тѣхъ же бумагахъ слѣдователи нашли отвѣтъ, писанный рукою Евдокимова, слѣдущаго содержанія: «о чемъ вы изволите писать и слышать хочете о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій отютантъ ходилъ въ тюрму осмотрѣлъ Петра Ѳедорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ и писалъ къ Петру Ѳедорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе предлагать, какъ Богу такъ и тебѣ буди благонадеженъ и молись, проси у Создателя нашего: можетъ ваших молитвъ Господь да послушаетъ» **).

*) На подлинникѣ письма этого написано было рукою самого Иванецкаго: «Sub secreto».

**) Таково правописаніе подлинника. На немъ помѣтка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

Иванецкій потребованъ былъ къ допросу. На немъ отъ посылки двухъ писемъ: одного къ Петру Ѳедорычу, а другаго къ Евдокимову (которое, однакожъ, не найдено: спрятано-де было подъ половицу и закладено гдѣ-то мохомъ) не отказывался. Напротивъ,—указалъ даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возилъ эти письма. Кромѣ того Иванецкій показывалъ слѣдующее: пріѣзжавшіе въ Усть-уровскую деревню въ 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь ихъ Гантимуровъ посылаетъ въ подарокъ къ Петру Ѳедорычу, по письмамъ его, денегъ рублей по сту и по пятидесяти; дарилъ ему лошадей, шубы и другія потребныя для него вещи, и увѣряется и имъ сказываетъ, что то Петръ Третій, и хочетъ собрать ихъ, тунгусовъ, и Петра Ѳедорыча силой изъ тюрьмы взять. Нѣкоторые изъ тунгусовъ сказывали, что князь ихъ (но который?—Иванецкій не знаетъ) уѣхалъ въ Петербургъ, а другіе тунгусы приговаривали, что онъ-де ѣдетъ уже изъ Петербурга и съ нимъ для взятья Петра Ѳедорыча идетъ одинъ полкъ регулярнаго войска и велѣно-де его взять съ честью. И слышали-де (тунгусы), что и онъ, Иванецкій, присланъ съ тѣмъ колодникомъ вмѣстѣ и по одному дѣлу. На что Иванецкій тѣмъ тунгусамъ совѣтовалъ не вѣрить. «Чая, что у Чернышова много денегъ и другихъ пожитковъ, то о присылкѣ денегъ писалъ письмо въ томъ разсужденіи: вѣдая онъ объ немъ Иванецкомъ, что въ ссылку онъ посланъ за него Чернышова, то, можетъ, вспомня, къ нему изъ оныхъ пришлетъ. А честнымъ отцомъ распону (Евдокимова) называлъ для большаго успѣха въ дѣлѣ».

Наслѣдивъ такимъ образомъ главнаго двигателя заговора въ лицѣ князя Гантимурова, канцелярія Нерчинскаго завода и тутъ—при всѣхъ своихъ хлопотахъ и усиліяхъ—ничего не могла сдѣлать. Прибѣгла къ пыткамъ—и онѣ не помогли *). Требовала она отъ князя Степана показаній, но показаній онъ не давалъ, хотя и жилъ въ то

*) Такъ напр., били плетьми плавильнаго мастера Ив. Карпова и добились только того, что заставили его показать согласно съ Чернышовымъ. Относительно писемъ узнали только, что они дѣйствительно были присыланы и читались Чернышову у кузнечнаго горна. Но во всѣхъ письмахъ этихъ находили только намеки; всѣ они писаны съ великою осторожностію: въ нихъ заговорщики ни въ чемъ не промолвились.

время въ заводѣ, въ гостяхъ у главнаго члена коммиссіи, генералъ-маіора Ивашова. Просили его придти въ канцелярію—онъ съ грубостію говорилъ посланному унтеръ-офицеру, что находится у главнаго своего начальника. Въ то же время и самъ Ивашовъ сказалъ посланному, что Гантимуровъ состоитъ въ командѣ его и въ канцелярію и къ здѣшному командиру ходить ему не велитъ *). Взять силой князя Степана Гантимурова заводское начальство не рѣшилось изъ боязни, ибо Гантимуровъ выслалъ въ заводъ съ пограничныхъ карауловъ болѣе ста человѣкъ вооружонныхъ казаковъ, которыхъ и держалъ (съ вѣдома Ивашова) въ заводѣ по 20-е число апрѣля, какъ бы для защиты и охраны своей личности. «А тѣхъ казаковъ онъ вытребовалъ безъ всякаго увѣдомленія, вдругъ, нечаяннымъ образомъ, когда въ нихъ никакой надобности не состояло и представляло нѣчто чрезвычайное; а надъ оными казаками и кочующими тунгусами имѣетъ онъ начальство».

При такой запутанности дѣлъ и при тѣхъ трудностяхъ, какими обставилось слѣдствіе въ самомъ началѣ, слѣдственная горная коммиссія успѣвала дѣлать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло изъ ея рукъ и вѣденія. Главнаго узла всего этого дѣла она не нашла, а тѣмъ болѣе не могла его распутать. Евдокимовъ ловко отвертывался и далеко пряталъ концы. Остановившись на собранныхъ показаніяхъ, слѣдственная комиссія додумалась только до очныхъ ставокъ. Но и ставки эти поставили ей новую путаницу. Съ трудомъ она наконецъ могла наслѣдить только одно и рѣшить для себя два главныхъ вопроса:

Назывался ли солдатъ Петръ Чернышовъ императоромъ Петромъ Третьимъ?

— Назывался неоднократно и сказывался таковымъ всѣмъ, его знавшимъ и приходившимъ къ нему съ распросами.

Что побудило Чернышова на подобное разглашеніе о себѣ?

— Разглашалъ все это не для чего инаго, какъ только изъ желанія получать отъ довѣрчивыхъ людей деньги! Разглашать о себѣ

*) Командиръ нерчинскихъ горныхъ заводовъ генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Суворовъ, отецъ знаменитаго героя.

велѣлъ другимъ — также только для своего прибытка, чтобы «привести здѣшныхъ жителей въ сожалѣніе» (возбудить ихъ сочуствіе); а возбуждалъ это сочуствіе опять-таки исключительно для того, «чтобы подавали ему деньги, и къ пищѣ потребные припасы присылали».

На этихъ показаніяхъ слѣдственная коммиссія и успокоилась: признала дѣло съ своей стороны завершоннымъ *). А между тѣмъ вотъ что говорило прошедшее этого несчастнаго человѣка:

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго отпущенъ былъ въ отпускъ на родину въ Ябловскій уѣздъ, въ однодворческое село Васильевское, срокомъ на двѣ недѣли. Къ сроку этому рядовой Петръ Чернышовъ въ полкъ не явился. На родинѣ укралъ лошадь. Изъ полка посланы были за нимъ солдатъ и капралъ, но Чернышовъ, дойдя съ ними до слободы Куньи, бѣжалъ съ дороги и очутился въ Изюмскомъ уѣздѣ въ селѣ Купенкахъ. Здѣсь онъ сошолся съ попомъ (потомъ распопа и ссыльный) Иванецкимъ. Въ дому у этого Иванецкаго, Чернышовъ, разъ напившись пьянъ, при попадьѣ и при дьячкѣ, называлъ себя императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Объ этомъ же самомъ увѣрялъ онъ ихъ всѣхъ въ домѣ какого-то крестьянина и при этомъ притворно плакалъ. Сдружившись съ попомъ Иванецкимъ, онъ заставлялъ его пѣть молебны и всенощную; на эктеніяхъ упоминался какъ императоръ и, будучи въ церкви, ходилъ въ царскія врата. Вскорѣ, однако, онъ былъ пойманъ, отданъ подъ караулъ и отосланъ къ бригадиру Зоричу. Здѣсь, на допросахъ, Чернышовъ упорствовалъ въ сознаніи, много лгалъ, «а что императоромъ себя называлъ, то это-де въ пьяномъ видѣ, и замышлялъ выманить у Иванецкаго платье». Называться такимъ образомъ научилъ его одинъ солдатъ, который, за смертоубійство, отправленъ въ Сибирь въ ссылку. На этомъ же

*) Во всемъ остальномъ очныя ставки выводили наружу однѣ только мелочи: такъ подъ письмомъ, отосланнымъ къ Большакову, было подписано только Петръ Ѳедоровъ, а не добавлено Чернышовъ. Писемъ онъ не писалъ самъ по неумѣнью; подсудимые не говорили прежде многаго, изъ боязни наказанія, и тому подобное.

допросѣ сказывалъ, что разъ уже былъ наказанъ за воровство шпицрутенами и батожьемъ. Уличенный такимъ образомъ въ преступленіяхъ, Чернышовъ за ложно-вымышленное разглашеніе, «яко возмутитель блаженнаго народнаго спокойствія и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побѣгъ и за ложныя въ допросахъ показанія», избавленъ былъ отъ смертной казни. Вмѣсто нея велѣно было въ селѣ Купянкахъ наказать его жестоко кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно *).

Подробности этого событія сдѣлались извѣстны канцеляріи нерчинскаго горнаго начальства уже гораздо впослѣдствіи, чрезъ отношеніе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. До той поры слѣдователи смутно догадывались о дѣлѣ Чернышова и не могли дать себѣ яснаго отчота объ его разглашеніи. Эта неясность и запутанность взгляда и мнѣній перешла и въ самой докладъ, который изготовила коммиссія и представила въ сенатъ. Мы представляемъ теперь только начало и конецъ этого «доношенія» съ буквальною точностью, въ доказательство нашей мысли и въ образецъ того, какъ казенная форменность слога вообще могла затемнять способъ изложенія и безбожно искажать въ то же время живой, богатый и законченный родной языкъ нашъ.

«Понеже—пишетъ канцелярія нерчинскаго горнаго начальства—изъ производимаго въ здѣшной канцеляріи дѣла оказалось, что присыльной сюда Чернышовъ самъ выдумалъ, его сообщники разглашали объ немъ, яко бы онъ бывшій императоръ Петръ III, чѣмъ многихъ уже изъ находившихся здѣсь крестьянъ и другаго званія людей и увѣрили, которые по своему легкомыслію и давали ему великіе подарки и намѣревались его увезти: въ чемъ многіе и сами добровольно признались, а объ ономъ же про Чернышова важномъ разглашеніи знали и находящіеся въ нерчинскомъ вѣдомствѣ; тунгузскій князь Алексѣй да князь-Павла сынъ-Степанъ Гантимуровы, также крестьянинъ Забѣлинъ: онъ же и Шебарша и прочіе, а паче,

*) Тогда же и за то же, вѣроятно, сосланъ былъ и попъ Иванецкій въ сосѣдство къ Чернышову, по Нерчинскимъ заводамъ.

что всѣ тѣ, кои у нихъ съ тѣмъ ложнымъ разглашеніемъ были, показываютъ, что изъ нихъ князь Алексѣй Гантимуровъ хотѣлъ означеннаго Чернышова взять изъ-подъ караула, сильно увести и представить въ Санктъ-Петербургъ или отвести куда онъ велитъ; о чомъ и оный крестьянинъ Шебарша сообщнику Чернышова, ссыльному же Евдокимову, какъ онъ показываетъ, объявлялъ; также и казакъ Григорій Тарскій крестьянину Серебреникову объ томъ же, обще со онымъ Гантимуровымъ къ Чернышову приказывали, а его Серебреникова подучали, дабы онъ упоминаемаго Чернышова увелъ потаенно и къ нимъ доставилъ съ немалымъ обнадеживаньемъ; а сверхъ того оный же князь Алексѣй и объявленный князь-Павла сынъ-Степанъ Гантимуровъ посылали къ оному Чернышову письмо и какъ они тамъ и часто упоминаемый крестьянинъ Шебарша давали ему Чернышову великіе подарки, чего всего имъ какъ для ссыльнаго, когда бъ они заподлинно его Чернышова такъ не почитали—чинить никакой надобности не было по разсужденію, что оный Серебреникъ не подозрительный, то и болѣе показаніе его принять должно; да и самый оный Чернышовъ и всѣ его въ томъ сообщники и которые тѣ подарки отъ нихъ носили, объявляютъ согласно; почему бъ ими Гантимуровыми, Тарскимъ и Шебаршею, яко намѣревающимися произвести весьма противное и надлежало изслѣдовать, ибо ежели все оное справедливо, какъ на нихъ показано, то они конечно безъ тягчайшаго штрафа оставлены быть не должны; но хотя изъ оныхъ Шебарша чрезъ нарочнаго и требованъ былъ отъ Нерчинской воеводской канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой онъ состоитъ, но токмо и онъ самовольно выѣхавшею изъ здѣшнаго завода слѣдственною коммиссіею и за показаніемъ объ немъ, что онъ потребенъ для велико-важнаго дѣла удержанъ и ещо съ непринадлежащимъ на здѣшную канцелярію, яко бы она его требуетъ для своего корыстолюбія, поношеніемъ, то и воеводской канцеляріи, безъ всякихъ въ томъ основательныхъ причинъ, предписала. Чтожъ принадлежитъ до объявленныхъ князей Гантимуровыхъ и казака, то уже здѣшная канцелярія и требовать ихъ почитаетъ за единое въ рѣшеніи сего дѣла продолженіе, ибо когда означенная коммиссія прежде писаннаго

крестьянина Шебаршу удерживала, то уже конечно объявленныхъ князей Гантимуровыхъ безъ удержанія не оставитъ же *).

...Слѣдовало бы — говоритъ далѣе доношеніе — обратить бдительное вниманіе на адъютанта главнаго штаба и члена коммиссіи Панова, но сдѣлать этого канцелярія не можетъ: во 1-хъ потому, что за множествомъ дѣлъ, и за неимѣніемъ достаточнаго числа приказныхъ служителей, канцелярія съ трудомъ управляется и текущими дѣлами (а дѣло Панова, по важности его, не всякому можно довѣрить); а во 2-хъ, если всѣхъ оговоренныхъ людей забрать, то не хватитъ мѣстъ для помѣщенія, не достанетъ и людей для караула и теперь уже съ большимъ затрудненіемъ содержатся арестованные по этому дѣлу и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бъ ихъ и содержать не должно. По неимѣнію же военныхъ служителей употребляется въ караулъ «по крайной неминуемости» большая часть заводскихъ служителей. Многіе изъ нихъ отправлены въ Петербургъ съ серебромъ и ещо не возвратились и всѣ весьма потребны для заводскихъ работъ, а паче, что Именнымъ Ея Имп. Вел. указомъ, состоявшимся 1762 года о уничтоженіи тайной канцеляріи, повелѣно: буде доноситель имѣетъ и доказательства и свидѣтелей, что доносъ его правъ, и свидѣтели съ нимъ объявляютъ единогласно, то и доносителя и свидѣтелей и тѣхъ или того, на кого доносъ,— забрать подъ крѣпкой караулъ, тотчасъ доносить со всѣми обстоятельствами въ правительствующій сенатъ и ожидать указу. Объявленное дѣло касается и до обоихъ, изображонныхъ въ томъ указѣ пунктовъ, почему бы здѣшная канцелярія, въ силу онаго указу, и должна была изыскать о всѣхъ подробностяхъ того происшествія, но по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ болѣе производства по сему дѣлу чинить не можетъ.... Того ради и проч.

*) Слѣдуетъ запутанный разсказъ объ упорствѣ Гантимурова явиться въ канцелярію горнаго начальства и дать отвѣты, и изъясненіе опасеній канцеляріи дѣйствовать наступательно: «ибо у нихъ (Гантимуровыхъ) кочующихъ тунгусовъ подъ командою состоитъ немалая тысяча человѣкъ и народъ весьма легкомысленный и склонный къ продерзостямъ!»

Представленіе это послано было 3 іюля 1770 года съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ *).

Всѣ арестованные по дѣлу Чернышова (17 человѣкъ) размѣщены были по разнымъ тюрьмамъ: одни въ Кутомарѣ, другіе въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ, третьи въ Дучарскомъ, скованными за крѣпкимъ карауломъ. Нѣкоторыхъ назначено было употреблять въ заводскія работы, но также за крѣпкимъ и безопаснымъ карауломъ: до разговоровъ съ ними допущать никого не велѣно. Чернышовъ содержался въ Большомъ заводѣ отдѣльно ото всѣхъ. Къ нему также никого не допускали; кто имѣлъ до него нужду — тѣхъ подробно опрашивали; кто приносилъ подарки — тѣхъ задерживали. Чернышовъ никого не видалъ.

4 сентября 1770 года состоялся именной указъ императрицы Екатерины на имя главнаго командира нерчинскихъ сереброплавильныхъ заводовъ, генералъ-маіора В. И. Суворова:

«Нашему генералъ-маіору Суворову. Изъ присланнаго отъ васъ къ нашему генералъ-прокурору мая отъ 7 числа сего года репорта, Мы усмотрѣли, что сосланный по нашему указу на нерчинскіе заводы природою крестьянинъ Чернышовъ, который чинилъ о себѣ ложное и вымышленное между таковыми жь крестьянами разглашеніе, а нынѣ ещо оный Чернышовъ и на заводахъ чинилъ таковое жь ложное о себѣ разглашеніе. Чего ради повелѣваемъ онаго ссылочнаго Чернышова, если дѣйствительно отъ него то разглашеніе чинено было, за сію его дерзость наказать публично, при тамошныхъ заводскихъ жителяхъ, при коихъ онъ то о себѣ разглашеніе и дѣлалъ и

*) Прогоновъ назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до Спб.), а на обратный путь на 6624 версты 75 руб. 98 коп., «ибо лѣтнимъ путемъ отправленія быть неуповательно». Въ инструкціи, выданной посланному солдату, замѣчательны §§ 3 и 4-й. Въ нихъ сказано: «будучи въ ономъ нигдѣ пути, никакихъ обидъ, налоговъ и напрасныхъ прибытковъ не чинить и до взятковъ ни подъ какимъ видомъ и ни на едину полушку не касаться и поверстныя деньги ямщикамъ платить сполна, по указу, безъ малѣйшаго удержанія; въ волокиты также по непринадлежащимъ никому изъ живущихъ по пути обывателямъ, состоявшихся указовъ и собою вымышленныхъ лживыхъ и тебѣ того неизвѣстнаго не разсказывать. Ежели что въ государственныхъ дѣ-

кои ему, можетъ быть, по сущей простотѣ своей или лучше сказать малодушію, тому его ложному разглашенію повѣрили, кнутомъ и, заклеймя, какъ человѣка злаго и дерзкаго, послать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣть его употреблять въ тяжкихъ работахъ. Какъ же оное его разглашеніе, по здравому разуму, достойно сущаго презрѣнія, то и слѣдствія никакого о томъ не производить. Екатерина».

Въ то же время (5 сентября) и генералъ-прокуроръ (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) писалъ къ тому же Суворову: «Государь мой Василій Ивановичъ! Хотя изъ присланнаго къ вашему превосходительству Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа, по репорту вашему о наказаніи ссылочнаго Чернышова, ваше пр-во и можете увидать, что разглашеніе его достойно презрѣнія, и потому и слѣдствія никакого производить не повелѣно, но какъ изъ тогожь репорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во объ ономъ разглашеніи начали производить слѣдствіе, а потому и уповательно, что можетъ быть по оному дѣлу забраны люди подъ караулъ и содержатся, то Ея Имп. Вел. Высочайше повелѣть соизволила къ вашему пр-ву отписать, чтобъ, по полученіи сего, всѣхъ тѣхъ людей, кои по сему дѣлу къ слѣдствію были привлечены, изъ подъ караула освободить и освободя ихъ, а равно и кто именно забраны были по оному дѣлу подъ караулъ и по какимъ подозрѣніямъ, для донесенія Ея Имп. Вел-ву ко мнѣ отписать; при семъ же прилагаю изображеніе винъ помянутаго ссыльнаго Чернышова, которое, какъ онъ выведенъ будетъ на публичное мѣсто къ наказанію, изволите приказать, при собраніи народа, вслухъ ему прочитать и по тому повелѣнное наказаніе учинить, ибо чрезъ сіе самое народъ узнаетъ и прежнія его плутовства: — впрочемъ пребываю и проч.».

13 октября того же года и тотъ же генералъ-прокуроръ дѣлалъ дополнительное предложеніе и писалъ въ Петербургѣ, Суворову въ Нерчинскъ, совѣты *). Но уже было поздно: Суворовъ поспѣшилъ привести указъ Императрицы въ-исполненіе.

лахъ подлежать будетъ тайности,—онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже сюда, кромѣ настоящихъ донесеній.»

*) Вотъ что писалъ между прочимъ князь Вяземскій къ Суворову: «1. какъ уже о учиненіи означенному Чернышову, за показанную вину, нака-

2 ноября получили свободу всѣ тѣ изъ арестованныхъ по дѣлу Чернышова, которые содержались подъ карауломъ въ Большомъ Нерчинскомъ заводѣ; таковы: плавильный мастеръ Ив. Карповъ, ссыльные: Левъ Евдокимовъ, Кузьма Фирсовъ, Ѳедоръ Кореневъ (онъ же и Дубленой). Затѣмъ распущены были по домамъ и остальные люди, размѣщенные по тюрьмамъ: кутомарской и дучарской. Отъ каждаго изъ нихъ взяты были подписки, «дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашенію не вѣрили и объ оном, по чему они содержались, никому не сказывали, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго штрафа».

4 ноября совершена была въ заводѣ казнь надъ Чернышовымъ «при собраніи здѣшняго завода жителей, и изображеніе винъ прочитано и наказаніе кнутомъ учинено». На третій день (6 ноября) Суворовъ поспѣшилъ совершить надъ Чернышовымъ и второе наказаніе: дѣятельно озаботился отправкою его на мѣсто новой ссылки. Для сопровожденія Чернышова назначены были фурьеръ Лазаревъ и солдатъ Рудаковъ. Имъ выдано жалованье и аммуниція впередъ за цѣлой годъ (по 1 руб. $12^1/_2$ коп. на мундиръ и 1

занія, а равно и о свободѣ содержащихся по сему дѣлу людей, минувшаго сентября 5 го Высочайшій Ея Имп. Велич. указъ ген.-майору Суворову данъ, то нынѣ объ оном Чернышовѣ и резолюцію вновь нужды давать не остается; 2) изъ произведеннаго же слѣдствія усмотрѣно, что ссыльный Кузьма Фирсовъ, будучи столь безсовѣстенъ, что не только разглашалъ и утверждалъ это Чернышова разглашеніе за истинное, именно же тѣмъ, яко бы онъ самъ, будучи въ Петербургѣ, его видалъ, чего никогда въ самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло; однакоже самъ своимъ ложнымъ и вымышленнымъ увѣреніемъ показанныхъ по дѣлу людей довелъ до тюремнаго заключенія,—чего ради за таковой его умыселъ ложной, и что, чрезъ сіе самое, утвердилъ онъ и въ прочихъ болѣе вѣроятія; такъ же, дабы и впредь онъ таковыхъ ложныхъ плевелъ разсѣвать не отважился, — наказать его, Фирсова, публично плетьми и изъ подъ караула освободить. 3) Что же по оному слѣдствію открыто было хотя отъ недостойныхъ вѣры людей, яко бы генералъ-майоръ Ивашовъ, а равно и его адъютантъ о разглашеніи Чернышовымъ о себѣ были извѣстны, чего въ самомъ существѣ быть не можно, да и самые сіи оклеветатели въ томъ ложномъ разглашеніи признались, то и оное предать совершенному забвенію». Предложеніе это приведено было въ Нерчинскомъ заводѣ въ исполненіе 27 января 1771 года.

руб. 59³/₄ коп. за выплавленное серебро; всего по 2 руб. 72¹/₄ коп.) Чернышовъ получилъ шубу, рукавицы («голицы съ варегами»), и на чулки сермяжнаго сукна три аршина. Для дороги, на казенный же счотъ, заготовлено было двое саней («обшевней»). Фурьеру Лазареву—по формѣ—выдана была инструкція, въ которой, между прочимъ, приказано: «принять Чернышова скованнаго и вести таковымъ подъ крѣпкимъ карауломъ, съ коимъ никого ни до какихъ разговоровъ не допускать и самимъ о неподлежащемъ не разговаривать и отъ утечки хранить неослабно, а для пропитанія давать по двѣ копѣйки на день; звать въ Мангазеѣ въ воеводскую канцелярію» и проч.

При отправленіи Чернышова, нерчинское горное начальство встрѣтило весьма важное затрудненіе: оно не знало количества верстъ до мѣста назначенія Чернышова, смутно имѣя представленіе о томъ, что надо его везти по направленію къ Иркутску. Нерчинская канцелярія изъ этого недоразумѣнія и невѣденія выпуталась такимъ образомъ: она выдала прогонныя деньги до Иркутска, гдѣ просила губернатора (генералъ-майора Бриля) выдать прогоны до Мангазеи. Но и въ Иркутскѣ рѣшились выдать ихъ только до Енисейска (на 1137 верстъ), и уже енисейская провинціальная канцелярія должна была снабдить приставниковъ Чернышова деньгами до Мангезеи *).

18 февраля 1771 года канцелярія перч. горн. нач. рапортовала генералъ-прокурору Вяземскому слѣдующее:

«Чернышовъ, по учиненіи повелѣннаго наказанія, отправленъ

---

*) На рѣкѣ Тазѣ, около 1800 верстъ отъ рѣки Енисея, черезъ тундру, гораздо сѣвернѣе Туруханска, вблизи океана, существовалъ этотъ острогъ Мангазея. Названіе свое онъ получилъ отъ перваго русскаго хлѣбнаго магазина (магазеи), построеннаго въ прошломъ столѣтіи, тотчасъ по занятіи того края русскими и когда еще хлѣбъ въ сѣверную Сибирь доставлялся изъ Архангельска чрезъ Обскую губу. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Мангазея эта сожжена юраками, враждовавшими съ остяками и за то, что русскіе вступились за остяковъ. Вслѣдствіе этихъ несогласій, земли были разграничены: правые берега рр. Оби и Таза отданы были юракамъ, а лѣвые — остякамъ. Теперь на мѣстѣ Мангазеи не видать не только избъ русскихъ, но даже и юртъ инородческихъ.

былъ съ нарочнымъ въ Мангазею, который, по привозѣ въ городъ Енисейскъ отъ тамошней канцелярiи, за прилучившеюся ему болѣзнiю, и что отъ Енисейска до Мангазеи зимняго тракта нѣтъ,— удержанъ былъ до будущаго весною отправленiя во ономъ Енисейскѣ; а сего февраля 17 дня оная енисейская канцелярiя, присланнымъ репортомъ объявляетъ, что оный Чернышовъ, съ самаго въ Енисейскъ привозу, будучи содержанъ въ тюремномъ острогѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, находясь въ болѣзни, на 6 число минувшаго января сего 1771 года умре, который надлежащимъ порядкомъ и погребенъ».

Излишная ли скорость поѣздки, или излишное рвенiе мѣстныхъ начальствъ были причиною такой скорой смерти Чернышова—рѣшить мы не имѣемъ данныхъ. Знаемъ только, что ему было отъ роду всего только 36 лѣтъ, а по рапорту енисейской канцелярiи, что въ Енисейскъ онъ прибылъ безъ теплой одежды, и уже серьозно-больнымъ. Остановленъ онъ былъ въ тюрьмѣ сколько потому, что до Мангазеи нѣтъ зимняго пути (большую половину котораго ходятъ на лыжахъ или ѣздятъ на собакахъ), столько же и потому, что предполагали будущей ранней весной отправить Чернышова на казенныхъ баркахъ, которыя каждогодно отправляются съ казенной солью.

Чернышовъ погребенъ былъ за вечерней при енисейской Богородицкой церкви. Послѣ него остались собственные его пожитки: войлокъ, небольшая подушка и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрышки. Всѣ эти вещи опредѣлено распродать; «а и ещо имѣлась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена»— (темно и запутано, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво писала 19 января 1771 года енисейская провинцiальная канцелярiя въ канцелярiю нерчинскаго горнаго начальства) *).

*) Въ современномъ архивѣ современнаго нерчинскаго горнаго правленiя хранится все это дѣло о Чернышовѣ съ надписанiемъ: «Секретное дѣло о каторжномъ Петрѣ Чернышовѣ съ 1770 года (начато по рапорту Дучар-

По отъѣздѣ Суворова власть и административная сила въ рукахъ сумасброднаго, полупомѣшаннаго преемника его Нарышкина (Вас. Вас.) превратилась въ орудіе самаго безтолковаго и безобразнаго произвола. Командованіе Нарышкина до такой степени своеобразно что мы рѣшаемся говорить объ немъ подробнѣе.

II.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.

Черезъ четыре года послѣ разсказаннаго нами событія, на мѣсто знакомаго уже намъ генералъ-маіора В. И. Суворова, пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ нерчинскіе заводы новый главный командиръ ихъ—коллежскій совѣтникъ В. В. Нарышкинъ—бывшій прокуроръ коммерцъ-коллегіи. Суворова нашолъ онъ ещо въ заводѣ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, озаботился выдачею ему прогонныхъ денегъ на 10 подводъ (на 7009 верстъ—всего 544 руб. $97^1/_2$ коп.) до Петербурга, куда просплъ себѣ Суворовъ увольненія за болѣзнію.

2 мая 1775 года пріѣхалъ Нарышкинъ въ Большой Нерчинской заводъ—центральное мѣсто всего управленія, а 4 мая уже вступилъ въ командованіе заводами, и занялся его дѣлами съ изумительною ревностію. Ровно одиннадцать мѣсяцовъ не выходилъ онъ изъ квартиры своей и никто его, кромѣ должностныхъ лицъ и докладчиковъ, никогда и нигдѣ не видалъ. Какъ это все дѣйствовало на арестантовъ и заводскихъ служителей—по дѣлу о Нарышкинѣ—не видно; но, по дальнѣйшимъ его распоряженіямъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что затворничество главнаго командира не прошло для заводовъ безъ благодѣтельныхъ улучшеній и болѣе или менѣе разумныхъ распоряженій на первое время.

ской заводской конторы), преданное вѣчному забвенію». Въ ряду другихъ Чернышовъ — седьмой самозванецъ на одно и тоже имя.

«Разсматривая состояніе заводскихъ крестьянъ—писалъ онъ въ перчинскую заводскую контору — нашолъ я нѣкоторыя ихъ селенія утѣсненными и недостаточными въ земляхъ, а напротивъ того зная, что заводскіе офицеры (получая отъ казны съ жалованьемъ и раціоны: равно какъ и самъ я) пользуются землями для своихъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ, то дабы крестьяне получать могли возможныя выгоды и не терпѣли бы въ земляхъ недостатка, коимъ, по всей справедливости, они принадлежатъ больше всякаго состоянія людей, отнынѣ запрещается всякому офицеру или въ службѣ находящемуся человѣку, сверхъ своего опредѣленнаго жалованья, владѣть землями, что наблюдать при заводахъ и рудникахъ управителямъ; землю офицеры обязаны занимать повольно у крестьянъ; изъ сего правила исключаются мѣста, лежащія въ отдаленіи и въ совершенной пустотѣ».

Такимъ рѣшительнымъ распоряженіемъ началъ Нарышкинъ свое управленіе заводами, устремляя вниманіе преимущественно на крестьянъ, бытъ которыхъ его особенно заботилъ. Видя трудность ихъ положенія относительно платежа податей и исправленія заводскихъ работъ, онъ поспѣшилъ привести все это для себя въ ясность. По его соображеніяхъ и по разсчоту оказалось, что заводскіе крестьяне платили *впятеро* больше, чѣмъ сосѣдніе государственные крестьяне. Чтобы облегчить ихъ участь съ этой стороны, онъ отдалилъ сроки для сбора подушныхъ денегъ и вмѣсто мая назначилъ іюнь, и съ другой—упразднилъ право располагать крестьянскими работами, направленіе которыхъ до этого времени зависѣло отъ заводскихъ конторъ. Въ тоже время освободилъ онъ заводскихъ крестьянъ отъ излишныхъ работъ, назначаемыхъ тѣмъ изъ нихъ, за которыми осталась казенная недоимка. При этомъ Нарышкинъ высказался, во всеобщее извѣстіе, слѣдующимъ образомъ: «должность начальника не только въ томъ есть, чтобы пользоваться лестною при первомъ видѣ казнѣ выгодою, но примѣчать того: не ведетъ ли оная съ собою, на настоящее и будущее время, какого неудобства и, вмѣсто пользы, не можетъ ли произвести вредъ».

На основаніи этихъ убѣжденій, онъ поспѣшилъ сложить съ крестьянъ всѣ заводскія работы, опредѣленныя на 1777 годъ, и съ тѣмъ однакожъ, чтобы настоящія они исправили въ положенное

время «неотмѣнно», обѣщая неисправныхъ употребить въ каторжную работу. Возить руду со всѣхъ рудниковъ и во всѣ заводы дозволилъ каждому крестьянину, прибавивъ по два рубля на каждую тысячу пудъ, и деньги за возку приказалъ «выдавать стараться безъ малѣйшаго промедленія, чтобы этимъ самымъ больше вощиковъ пріохотить». Для устраненія злоупотребленія, назначилъ надежныхъ смотрителей.

«Для сохраненія лучшаго и добраго порядка между крестьянами», учредилъ, въ помощь старостамъ, должности двухъ судей, которыхъ выбираютъ сами крестьяне, а начальство только приводитъ къ присягѣ. 4 іюня того же 1776 года, указомъ своимъ, уничтожилъ въ селеніяхъ приказныя избы, переименовавъ ихъ въ земскіе суды. Судамъ этимъ далъ наставленія относительно земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ «наставленіяхъ» этихъ успѣлъ Нарышкинъ показать въ себѣ практическаго и знающаго человѣка. Говоря о хозяйствѣ входитъ въ мельчайшія подробности и обличаетъ въ себѣ большаго знатока дѣла и замѣчательнаго практика, хотя въ правилахъ о домообзаводствѣ разсыпалъ много утопій, но въ то же время высказалъ много дѣльныхъ замѣтокъ *). Наставленія и правила эти велѣлъ онъ читать крестьянамъ по церквамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церквей нѣтъ, предписалъ собирать крестьянъ въ земскіе суды.

---

*) Въ этихъ наставленіяхъ особенную заботу прилагаетъ онъ къ удобренію полей и посѣвамъ. Такъ: совѣтуетъ мочить семена черезъ ночь въ навозномъ соку и пересыпать лежалою на воздухѣ известью. Выжженныя поля и нови совѣтуетъ проходить нарѣзною сохою вдоль и поперегъ столько разъ, сколько потребно для разсѣченія корней, которые потомъ легко вывалятся. Мѣста, гдѣ хлѣбъ худо родится, предлагаетъ пахать на быкахъ, ибо-де, одна лошадь не имѣетъ силы противъ двухъ быковъ, а пара быковъ не дороже хорошей пахатной лошади. Сѣять хлѣбъ предполагаетъ мельче: «мельче сѣянный — говоритъ онъ — родился лучше глубоко-сѣяннаго»; самъ дѣлалъ опыты — и счастливый результатъ остался на его сторонѣ. Запахивать посѣянный хлѣбъ (какъ это дѣлаютъ крестьяне) не совѣтовалъ, но полагалъ срѣзывать стебли озимыхъ всходовъ даже до 4-хъ разъ. Даетъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ для леченія заболѣвшаго скота и нѣсколько гигіеническихъ для предотвращенія скота отъ болѣзней, и проч. и проч.

Уходя дальше въ заботахъ своихъ о земледѣліи, Нарышкинъ увеличилъ число запасныхъ магазиновъ, но хлѣбъ предполагалъ складывать только на одинъ годъ. Хлѣбъ закупалъ самъ и продавалъ его неимущимъ по казеннымъ цѣнамъ; нерѣдко отпускалъ въ долгъ. Заботился о разведеніи въ Аргунскомъ острогѣ конопли и собственноручно писалъ правила и руководства для мочки ея. Исправныхъ старшинъ, являвшихся въ канцелярію съ дѣльными, правдивыми и честными отчотами угощалъ у себя въ квартирѣ и обдаривалъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ обо всѣхъ таковыхъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе.

Въ Аргунскомъ острогѣ Нарышкинъ намѣревался построить для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ богадѣльню, а въ Нерчинскомъ заводѣ прилагалъ сильное стараніе къ тому, чтобы существовавшую тамъ школу привести въ лучшій порядокъ «колико возможно, и учоными людьми завестися». Всѣхъ учащихъ и учащихся собрано было до 77 человѣкъ. 21 апрѣля 1776 года училище было открыто и поручено въ дирекцію способнѣйшему человѣку, Николаю Иринархову *).

Таковъ краткій перечень всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя характеризуютъ заботливость новаго нерчинскаго командира о заводскихъ крестьянахъ. На сколько они имѣли успѣха въ практическомъ примѣненіи—по «дѣлу о Нарышкинѣ»—не видно. Извѣстно только то важное и характеристическое обстоятельство, что Нарышкинъ, черезъ полтора года послѣ своего пріѣзда въ заводъ, получилъ отъ крестьянъ Уровской сотни благодарственное письмо и двѣ «кормленыхъ коровы» въ подарокъ. Крестьяне писали ему: «мы отъ тебя наставленія получили: мы то узнали о Богѣ, Государѣ и ближномъ, чего не только не слыхали, но и никто намъ о сихъ вещахъ не сказывалъ. Вы всѣхъ своихъ—позвольте сказать—овецъ питаете собственнымъ обѣдомъ, не занимая отъ насъ ни фунта хлѣба съ разбрасываніемъ не мало намъ же денегъ, поя притомъ виномъ». На эти весьма замѣчательныя строки Нарышкинъ отвѣчалъ также по-

*) Въ учителя назначены: унтеръ-шихмейстеръ Хоппа и ссыльный, находящійся въ работѣ, Семенъ Лицкинъ.

дакромъ (двумя имперіалами) и письмомъ. Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ между прочимъ: «упоминаете вы, что въ бытность мою здѣсь, не требуя я отъ васъ хлѣба и всего, тому подобнаго даромъ, но собственно самъ угощаю васъ наивозможнымъ образомъ,—повѣрьте, друзья мои, что я здѣсь, по власти царствующей надъ нами государыни, не разорять пришолъ, но доставить каждому изъ васъ, колико могу, благополучную жизнь и добрую надежду».

Въ хвастливыхъ увѣреніяхъ своихъ Нарышкинъ, по своему, былъ правъ, правъ именно въ тѣхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ онъ пришолъ послѣ внимательнаго знакомства съ состояніемъ заводовъ и послѣ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, относящихся до общественнаго быта какъ крестьянъ, такъ и каторжныхъ. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришолъ Нарышкинъ, и вотъ что объявлялъ онъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ, во всенародное извѣстіе:

«Прежде нежели я вступилъ на степень здѣшняго правленія, земледѣльцы не имѣли способнаго для нихъ земскаго правленія, но всегда управляемы были посылаемыми отъ канцеляріи здѣшняго горнаго начальства управителями и прикащиками, изъ коихъ многіе (какъ мнѣ извѣстно по доходившимъ до меня просьбамъ), не какъ вѣрные рабы своей государыни и истинные сыны отечества, учреждали свои поступки къ пользѣ и спокойствію вручонныхъ имъ сограждан, но, предводительствуемы будучи однѣми страстями и порочнымъ самолюбіемъ, отягощали бѣдныхъ земледѣльцовъ гнуснымъ своимъ корыстолюбіемъ и взятками». Управители не только не старались поощрять крестьянъ къ работѣ и приводить земледѣліе въ цвѣтущее состояніе, но, «продолжая алчность богопротивнаго имеполюбія», отрывали крестьянъ отъ обыкновенныхъ работъ и тѣмъ доводили земледѣльца до унынія и нерадивости. «И какъ надлежало земледѣльцу чудныя натуры руководствомъ продолжать свое преполезное отечеству дѣланіе, т. е. пахать землю и сѣять хлѣбъ не пропустя времени, дабы оный успѣлъ къ своему созрѣнію въ удобное время»:—эти начальники находили для себя таковые дни золотою жатвою. Прицѣпившись несправедливымъ образомъ, они нагло «вымучивали деньги и скота, и считая, что крестьянинъ, имѣя нужное время въ своемъ земледѣліи, не пощадитъ отдать послѣдняго

имущества, дабы успѣть въ своемъ богоугодномъ предпріятіи.» Отъ этихъ проволочекъ, въ самое нужное для посѣву время, крестьяне остались безъ пропитанія, въ отягощеніе обществу; а истощивши послѣднее имущество на пищу, «не имѣли чѣмъ заплатить государственныя положенныя подати. «Отъ таковыхъ поступокъ столь далеко произросло все вышеписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьянъ, которые бъ не состояли за нѣсколько лѣтъ обыкновенныхъ податей подъ недоимкою. Отъ сего иногда государственная казна терпитъ недостатки и въ случаѣ нужныхъ для пользы отечества учрежденій—терпитъ остановки. Сверхъ того, ежели паче чаянія (чего Боже сохрани!), въ случаѣ недоимки, то не думаю, чтобъ во всемъ здѣшномъ вѣдомствѣ могло сыскаться таковыхъ сто семей, которыя бъ, чрезъ годичное время, могли пропитать свое семейство. Изъ чего ясно можно видѣть (въ разсужденіи отдаленности здѣшнаго мѣста отъ всѣхъ, обитаемыхъ земледѣльцами, мѣстъ) какая можетъ произойти гибель человѣческаго рода, а государству ущербъ».

Не щадя далѣе самыхъ льстивыхъ и мудреныхъ выраженій, чтобы возбудить къ себѣ народную привязанность и довѣріе,—Нарышкинъ не щадитъ заводскихъ чиновниковъ. Не щадитъ онъ ихъ и фактически, на самомъ дѣлѣ. Уставщика Семена Бѣлаго, который «отважился препятствовать хорошей плавкѣ рудъ и сдѣлалъ вмѣсто назначеннаго ему другую смѣсь, чтобы лучше прежняго не было — велѣлъ Нарышкинъ прислать «бездѣльника скованнаго». Такимъ образомъ, преслѣдуя взятки, похлѣбства и въ дѣлахъ понаровки, одного чиновника разжаловалъ въ рабочіе за то, что нашолъ у него *поклонное*: деньги, соболей, лошадей и штофъ французской водки. Прапорщика Тыркова, уличеннаго въ дѣланіи кредитныхъ билетовъ и въ распространеніи ихъ въ народѣ, заковалъ въ цѣпи. Шихмейстера Боршина лишилъ чиновъ и написалъ въ рудокопщики третьей статьи.

Открывши въ Шилкинскомъ заводѣ злоупотребленія по утайкѣ рудъ (когда пріемщики приписывали излишное количество рудъ и угля, а избытокъ записывали въ расходъ), Нарышкинъ рѣшился серьозно подумать объ искорененіи злоупотребленій. Мѣрою для этого

онъ предположилъ прибавку служителямъ и чиновникамъ жалованья, что и привелъ въ исполненіе *), но не имѣлъ успѣха. Вскорѣ онъ убѣдился въ томъ, что зло пустило корни гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому прибѣгнулъ къ другому средству. Въ секретари себѣ онъ выбралъ двухъ секретныхъ колодниковъ Алексѣя Исакова и Ивана Жихарева, назначивъ имъ обоимъ по 60 руб. въ годъ жалованья; и придалъ имъ въ помощники ещо трехъ человѣкъ и также изъ числа секретныхъ арестантовъ (Трифона Карпова, Матвѣя Семенова и Замятнина, и также съ приличнымъ жалованьемъ, хотя и на половину противъ прежнихъ двухъ **). Изъ остальныхъ ссыльныхъ 331 человѣка съ обыкновенной трехденежной платы въ день, свелъ въ окладное жалованье. Многихъ производилъ въ чины и опредѣлялъ въ писарскія и другія должности по своему усмотрѣнію. Вообще въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся; велъ себя какъ самовластный и неограниченный повелитель: далъ батожьемъ и не сказывалъ за что, «извѣстно-де мнѣ единому». Указомъ запретилъ ссыльныхъ называть *варнаками*, *храпами*, арканниками и чолдонами и «тѣмъ безъ нужды, напоминая колкія слова не отваживались бы, а кто сіе учинитъ, такой, яко не повинующійся, жестоко наказанъ будетъ, ибо ссыльные люди имѣютъ такое же чувство, какъ и всѣ прочіе, хотя они предъ Богомъ и государынею прегрѣшили». По поводу одного бѣглаго изъ Дучарскаго завода онъ писалъ: «я всякому, во всѣхъ командахъ имѣющимъ, отъ притѣсненій и неудовольствій бѣжать къ покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустѣйшей второй Екатерины и подъ покровъ ея всѣхъ страждущихъ, обижаемыхъ и стѣсняемыхъ пріемлю и дѣлаю справедливыя разбирательства. Всякій бездѣльникъ, ябедникъ и клеветникъ, не хотящій трудиться въ своей должности,

*) Получавшіе прежде 60 рублей, при Нарышкинѣ стали брать 96; получавшіе 48—84 руб., и проч. Прибавлялъ Нарышкинъ къ прежнимъ окладамъ отъ 36 руб. и до 2-хъ руб. въ годъ (ниже двухъ не спускался).

**) Нарышкинъ привезъ съ собою изъ Петербурга одного штабъ и шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и лекаря, сверхъ положенныхъ въ штатѣ до того времени. Чиновниковъ этихъ онъ взялъ не по выбору, но по вызову.

такъ какъ недостойный воззрѣнія императорскаго, не будетъ принятъ подъ покровительство, а какъ богоотступникъ, извергъ человѣческаго рода, по мѣрѣ своего преступленія, неупустительно накажется».

На сколько былъ Нарышкинъ искрененъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ—можно судить потому, что тотчасъ по пріѣздѣ быстро выстроилъ, по желанію императрицы, около Кутомарскаго завода вододѣйствующій заводъ; въ самомъ же заводѣ застроилъ храмъ во имя св. Екатерины, «въ честь великой и славной царствующей государыни»—какъ выразился онъ въ объявленіи, назначенномъ во всенародное извѣстіе.

Заводъ водяной оконченъ былъ къ 29 іюня — дню возшествія Екатерины на престолъ *).

Установляя собственные праздники **) и освобождая ссыльныхъ отъ работъ на недѣлю, на 10 дней и болѣе (съ сохраненіемъ жалованья), Нарышкинъ, въ оправданіе себя, говоритъ, что онъ дѣлаетъ это «дабы всѣ были въ великой радости и возсылали молитвы о многолѣтнемъ монархини нашей здравіи, пекущейся о тишинѣ и спокойствіи.»

Съ особенною торжественностью праздновалъ Нарышкинъ день рожденія Екатерины, 21 апрѣля 1776 года, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ рѣшился оставить свое уединеніе и показаться народу ***).

---

*) Уѣзжая до того времени въ Иркутскъ, Нарышкинъ писалъ къ управителю Губанову и бергъ-гешворену Казимирову: «ежели онаго завода я не получу, то долженъ буду терзать свою совѣсть и мучиться, и безъ шутокъ напишу обоихъ васъ въ рудокопщики».

**) Напр., установилъ праздникъ — «Открытіе новой благодати»: приказалъ, чтобы всѣ каялись во грѣхахъ, и для этого остановилъ всѣ заводскія работы.

***) Въ первый разъ, по пріѣздѣ въ Сибирь и послѣ 11-ти мѣсячнаго добровольнаго заключенія дома (при чемъ не приказывалъ отворять ставни), Нарышкинъ вышелъ въ первый день Пасхи, какъ увѣряетъ народное преданіе, вообще къ нему недружелюбное. Оно говоритъ, что Нарышкинъ заставилъ попа служить прежде заутрени обѣдню, и затѣмъ ходилъ потомъ въ церковь ежедневно. При этомъ двѣ чиновницы вели его подъ руки: онъ

Послѣ обѣдни въ заводской церкви сдѣлалъ производство въ классные чины: маркшейдера Головачова—въ коллежскіе ассесоры, четырехъ гиттенфервальтеровъ—въ секундъ-маіоры, четырехъ бергъ-гешвореновъ — въ премiеръ-маіоры, восемь шихтмейстеровъ — въ бергъ-гешворены (изъ которыхъ одного въ бергъ-гешворены и капитаны, и другаго—въ бергъ-гешворены и поручики); двухъ гиттенфервальтеровъ — въ бергъ-гешворены, трехъ унтеръ-шихмейстеровъ—въ шихмейстеры; нѣкоторыхъ канцеляристовъ—въ регистраторы, нѣкоторыхъ копiистовъ—въ канцеляристы, регистраторовъ—въ аудиторы, и проч. и проч. Всего такимъ образомъ произведено имъ 127 человѣкъ. Всѣ они, послѣ обѣдни, приведены были Нарышкинымъ къ присягѣ. Торжество это привлекло потомъ къ дому главнаго командира огромное количество окрестнаго народа и всѣхъ до единаго заводскихъ жителей. Нарышкинъ вышелъ къ народу, говорилъ ему рѣчь «о Богѣ, о государѣ, о должности къ ближнему, о повиновенiи къ начальникамъ». Послѣ этой рѣчи онъ всѣмъ собравшимся поднесъ по стакану вина, каждому далъ по три аршина тонкаго холста и посадилъ за столы, приготовленные на 600 человѣкъ. За малымъ столомъ, подлѣ обѣдалъ самъ Нарышкинъ и съ нимъ вмѣстѣ по два человѣка ссыльныхъ, заводскихъ служителей и солдатъ «самыхъ дурнѣйшихъ». «При чемъ услужены были (т. е. услуживали имъ) штабъ и оберъ-офицерами, достойными сей человѣколюбивой чести», какъ сказано въ описанiи, составленномъ по приказанiю Нарышкина и приложенномъ къ дѣлу о немъ, изъ котораго мы и беремъ всѣ эти подробности.

Послѣ обѣда Нарышкинъ, въ своихъ покояхъ, угощалъ на 90 кувертахъ «знатнѣйшихъ сего мѣста особъ» *). Всѣмъ обѣдавшимъ

шолъ, приплясывалъ и пѣлъ любимую свою пѣсню: «Батюшка богатъ — черевички купилъ» Такъ между прочимъ народъ еще сохранилъ изъ странностей и выходокъ Нарышкина одну также въ преданiи: спу его мѣшалъ голосистый и рѣтивый пѣтухъ. Нарышкинъ, чтобы избавиться отъ докучливаго сосѣда, въ силу присвоенной ему командирской власти, приказалъ пѣтуха заковать въ кандалы.

*) Описанiе прибавляетъ при этомъ: «за столомъ между прочими посажены были на верхнемъ мѣстѣ, достойный и ревностный шагинской сотни староста Шестаковъ, и беззаконно пострадавшiй и увѣченный сереброраздѣлительный подмастерье Шипуновъ».

а прочими столами, онъ выдалъ каждому по 10 копѣекъ денегъ, какъ служителямъ и солдатамъ, такъ равно и всѣмъ ссыльнымъ. Послѣ этой раздачи палили нещадно изъ пушекъ, стрѣляли изъ ружей. Вечеромъ въ домѣ главнаго командира открылся балъ, во время котораго также не мало выброшено было народу денегъ. Балъ кончился на разсвѣтѣ. «Приведенная изъ здѣшняго батальона рота производила чрезъ всю ночь пальбу» и получила за то награжденіе въ 350 руб. Послѣ пробитія вечерней зари зажжена была иллюминація.

Всѣ эти поступки Нарышкина, какъ растрата казенныхъ денегъ, такъ и униженіе чиновничьяго достоинства, естественнымъ образомъ вскорѣ же породили ему многихъ враговъ. Первымъ изъ нихъ заявился заводскій лекарь Томиловъ. Томиловъ, разъ поссорившись за что-то съ сыномъ своимъ, шихмейстеромъ Александромъ, началъ его бить. Александръ Томиловъ выговаривалъ отцу:

— Батюшка! что же ты меня бьешь, и для чего бранишь? Я— нынѣ офицеръ: пожалованъ главнымъ командиромъ Василіемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ.

— Главный командиръ,— отвѣчалъ на это лекарь,— пріѣхалъ сюда не дѣла дѣлать, а только казну расточать, да порохъ разстрѣливать и пьянствовать.

Рѣчи эти доложены были Нарышкину, признаны непристойными; лекарь посаженъ былъ въ тюрьму. Здѣсь вынудили у него сознаніе, что онъ все это говорилъ въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ Нарышкинъ, желая показать себя великодушнымъ, писалъ во всеобщее извѣстіе:

«Какъ съ одной стороны разсужденія лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никакъ не могутъ вредить чести моей, то я всѣми его разсказами презираю, а съ другой стороны, внушая подчиненнымъ своимъ кротость и великодушіе и, будучи самъ христіанинъ и человѣкъ, снисходя къ слабостямъ человѣческимъ, прощаю въ примѣръ другимъ лекаря Томилова въ обидѣ, касающейся до моей особы, соболѣзнуя, что сей человѣкъ, не чувствуя всѣ дѣлаемыя мною увѣщеванія, до такой крайности напивается, что, потерявъ разсудокъ, говоритъ дѣла, о которыхъ, въ трезвомъ умѣ не помышляетъ и помышлять никакихъ причинъ не имѣетъ, кромѣ взятія

мною изъ казны нѣкоторой суммы денегъ, о которой уже Ея Императорскому Величеству донесено. Почему лекаря Томилова *обще со всѣми, по его дѣлу подъ арестомъ содержащимися*, освободить (мая 5 дня 1776 г.)».

Высказавшись такимъ образомъ въ бумагѣ этой какъ избалованный и гордый придворный расточительныхъ временъ Екатерины, Нарышкинъ и при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ не стѣснялся въ личномъ произволѣ, какъ бы доказывая тѣмъ, что онъ никого не боится и что въ Петербургѣ при дворѣ у него покровительствующая сила. Преданіе говоритъ, что Нарышкинъ былъ крестникомъ императрицы, а дѣла его — что онъ былъ столькоже избалованъ широкимъ размахомъ тогдашней придворной жизни, сколько и самъ надѣленъ былъ отъ природы широкой, такъ называемой русской, натурой. Выйдя изъ уединенія на свѣтъ, Нарышкинъ какъ будто съ этой поры измѣнился, сталъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, какимъ мы видѣли его до сихъ поръ въ административныхъ его распоряженіяхъ. Отъ обаянія ли собственной власти въ отношеніи къ заводамъ, или подъ вліяніемъ протежирующей силы при петербургскомъ дворѣ, — Нарышкинъ съ этой поры началъ дѣйствовать съ большою рѣшительностію. Рѣшительность эта увлекла его въ безумной произволъ, а произволъ сдѣлался и нелогичнымъ, и повелъ за собою неправильные проступки. Неправильные поступки ввели его въ преступленія противъ закона и правъ человѣческихъ и — Нарышкинъ погибъ подъ тяжестью собственныхъ дѣяній, запутавшись въ то же время въ тенетахъ, разставленныхъ многочисленными его врагами, въ которыхъ онъ видѣлъ до конца своихъ искренныхъ и нелицемѣрно-преданныхъ друзей. Но — возвратимся къ прерванному разсказу.

Купецъ Копосовъ у вдовы Шепетковой за долгъ (пяти руб.) отнялъ домъ. Вдова жаловалась главному командиру. Нарышкинъ заплатилъ купцу долгъ изъ собственныхъ своихъ денегъ: но Копосовъ предъявилъ на вдовѣ долгу ещо 9 руб. Тогда Нарышкинъ велѣлъ его бить батожьемъ «яко притѣснителя бѣдныхъ, какъ недостойнаго быть въ здѣшномъ обществѣ», выгналъ его изъ завода. Затѣмъ онъ разослалъ по всему пути (который долженъ былъ совершить

Копосовъ) ордеры, чтобы заводскіе управители высылали купца изъ заводскаго вѣдомства. «А между тѣмъ, чтобы сей корыстолюбивой стяжатель не пользовался торгомъ здѣшняго мѣста». — Нарышкинъ приказалъ маркшнейдеру Головачову описать товары и лавку Копосова и съ нимъ вмѣстѣ изо всего заводскаго вѣдомства товары эти выслать «съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ дорогою никто у сего гнуснаго и самовольнаго обидчика не покупалъ». Управитель городищенской слободы обязанъ былъ выпроводить Копосова изъ границъ Читинскаго острога. Передъ отправленіемъ изъ Нерчинскаго завода, Копосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всемъ этомъ (21 мая 1776 года) публиковано было во всѣ мѣста нерчинскаго вѣдомства.

Гоненіе на купцовъ Нарышкинъ этимъ не кончилъ. Зная, что заводскіе обыватели покупали все у пріѣзжихъ купцовъ дорогою цѣною и, платя серебромъ, впадали въ крайность; принимая также въ разсчотъ и то, что купцы деньги увозятъ съ собою, а особливо серебро, «отчего вся оная отдаленная часть государства остается безъ денегъ, и крестьяне, вмѣсто возможнаго обогащенія, разоряются», — Нарышкинъ выдумалъ новыя крутыя мѣры. Мѣры эти, не основанныя ни на какихъ особенно дѣльныхъ и практическихъ основаніяхъ, состояли въ томъ, чтобы купцы записывались при заводахъ на житье. Съ 1777 года рѣшилъ онъ не дозволять больше торговать «этакимъ наѣзднымъ образомъ». «Правленіе заводовъ — пишетъ Нарышкинъ — лучше предоставитъ себѣ стараться о продовольствіи жителей, нежели согласится оставить ихъ торгъ на нынѣшномъ основаніи. Люди (но отнюдь не бѣглые, а такіе, которые бъ способствовали возстановить благосостояніе общества своимъ добрымъ заведеніемъ торгу) поступаютъ подъ защиту и особенное покровительство заводскаго начальства».

Увлеченный такимъ образомъ только внѣшною поверхностною стороною дѣла, безъ изслѣдованія внутреннихъ причинъ, Нарышкинъ бумажно, теоретически, можетъ быть, и былъ правъ. Въ практическомъ же примѣненіи своихъ распоряженій — онъ былъ окончательно несчастливъ. Въ нѣкоторыхъ изъ его *сочиненій*, написанныхъ въ пользу крестьянъ и ссыльныхъ, съ одной стороны

видно сильное желаніе быть фактически полезнымъ; но за то съ другой всѣ его наставленія и совѣты отзываются почасту блестящей и кудрявой фразой и мало ведутъ за собою настоящаго дѣла, основаннаго на твердой и прочной почвѣ. Видно, что Нарышкинъ знакомъ съ ученіемъ энциклопедистовъ — модныхъ въ то время; замѣтно, что онъ дошолъ до нѣкоторыхъ соціальныхъ убѣжденій; но все это легло въ его головѣ безъ всякаго порядка и незаконно спуталось съ мрачными тенденціями ханжи и лицемѣра. Такъ напримѣръ, додумавшись до необходимости внушенія колодникамъ истинъ вѣры и составививъ по этому случаю особое толкованіе, онъ предполагалъ возможность чрезъ это конечнаго исправленія не только уличенныхъ преступниковъ, но даже и тѣхъ, которые ещо намѣревались впасть въ преступленіе. Вдобавокъ ко всему, Нарышкинъ велѣлъ читать это наставленіе виновнымъ только въ присутствіи, передъ допросомъ. Не смотря на всю толковость и понятливость для простаго народа его краткаго наставленія, оно не имѣло успѣха *). Не имѣли успѣха — и потому именно, что также были непрактичны — и тѣ указы Нарышкина, которые ра-

*) Наставленію этому Нарышкинъ предпослалъ слѣд. предисловіе: «какъ должность истиннаго христіанина, польза каждаго сына отечества, а паче благосостояніе и непоколебимость священнѣйшаго престола... требуетъ того, чтобы всѣ впадающіе удобо-поползновеннымъ естествомъ въ противные Богу, священнымъ монаршескимъ уставамъ и должности честнаго человѣка преступленія, безъ всякаго кровопролитія и излишнаго истязанія, раскаявшись во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, могли чистосердечно открывать всѣ свои преступническія дѣла, и какъ здѣшное мѣсто опредѣлено къ принятію и содержанію всѣхъ присылаемыхъ за свои преступленія, и изъ оныхъ таковые есть, которые столь окаменѣлы въ своихъ сердцахъ, что никакою жестокостью, никакими истязаніями къ раскаянію приведены быть не могутъ, то въ такомъ случаѣ потребно представлять таковымъ лишеннымъ Божіей благодати нижеслѣдующее (Слѣдуютъ 5 пунктовъ или §§). Въ толкованіяхъ объ истинахъ вѣры колодникамъ, Нарышкинъ ведетъ къ понятію о грѣхѣ историческимъ разсказомъ священной исторіи Ветхаго Завѣта и къ понятію объ искупленіи отъ грѣха подробностями явленія Христа на землѣ съ Новымъ Завѣтомъ. Толкуетъ о покаяніи такъ, какъ бы могло толковать только духовное лицо, и притомъ образованное въ истинномъ смыслѣ этого слова.

зослалъ онъ во всѣ приказныя избы по поводу пристанодержательства бѣглыхъ. Строго предписывая, чтобы никто изъ крестьянъ не держалъ у себя бѣглыхъ, называющихъ себя прохожими людьми и никто бы не отваживался давать имъ хлѣба, Нарышкинъ забывалъ при этомъ, что хлѣбосольство — коренное народное убѣжденіе и что крестьяне въ бѣглыхъ видѣли дешовыхъ работниковъ, которыхъ иначе они нигдѣ и никогда въ то время не могли получить ни за какія деньги. Напрасно старался онъ внушить крестьянамъ необходимость требовать письменные виды у всѣхъ тѣхъ, кто довѣрчиво приходитъ къ нимъ въ избы: гостепріимство на это не обязываетъ. Напрасно также голословно толковалъ онъ крестьянамъ, что укрывательство ищущихъ у нихъ покрова «поступокъ слабый, который не только не можно за человѣколюбивой почесть, но больше они тѣмъ составляютъ вредъ обществу и прогнѣвляютъ самого Бога», хотя, конечно, Нарышкинъ и справедливъ въ своемъ заключеніи, что «такимъ пропускомъ бѣглецовъ крестьяне даютъ способъ къ исполненію злодѣйскихъ намѣреній, ко своимъ и ближнихъ огорченіямъ».

Таковъ былъ Нарышкинъ въ своихъ административныхъ стремленіяхъ. Болѣе послѣдовательнымъ является онъ въ частныхъ расположеніяхъ, хотя и возбуждаетъ уже меньшее къ себѣ сочувствіе. Избалованный роскошною жизнію въ Петербургѣ и поставленный потомъ въ дальную и ещо дикую среду нерчинской жизни, онъ искалъ развлеченій, былъ расточителенъ. Не вѣдая контроля, онъ въ томъ и другомъ отношеніи доходилъ до излишества и, судя по народнымъ преданіямъ, до какого-то страннаго и сосредоточеннаго чудачества. Растративши всю заводскую казну на празднества и разбрасыванья денегъ въ народъ, — онъ прибѣгалъ къ частнымъ займамъ; а избалованный столичной повадкой, долговъ своихъ не платилъ. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его родной братъ, Алексѣй, а главною и пока исключительною мишенью всѣхъ его нападеній, ради денегъ, былъ богачъ Михайло Сибиряковъ, который, съ дозволенія бергъ-коллегіи, выстроилъ (въ 1744 г.) серебропроплавильный заводъ, употребивши на него 50 тысячъ. Въ распоряженіи этого Серебрякова находилось до 600 тысячъ

пудъ руды. Нарышкинъ хорошо зналъ все это и потому часто, неограничиваясь подарками, бралъ у него деньги въ большомъ количествѣ. Послѣ многихъ удачныхъ опытовъ и наѣздовъ на карманъ и сундуки богатаго Сибирякова, Нарышкинъ, — расточительный, самонадѣянный, избалованный, не знавшій мѣры въ собственныхъ желаніяхъ, — потребовалъ отъ Сибирякова ещо 5 тысячъ на какую то коммерческую компанію (можетъ быть для продажи въ Иркутскѣ привозимыхъ на Кяхту китайскихъ шолковыхъ товаровъ). Сибиряковъ отказалъ ему, говоря, что самъ накопилъ много казеннаго долгу, да и денегъ-де нѣтъ и взять негдѣ. Нарышкинъ — прибавляетъ народное преданіе — собралъ наличную артиллерію, зарядилъ пушки, окружилъ домъ Сибирякова, обѣщая стрѣлять, если Сибиряковъ не дастъ ему денегъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которой выложилъ затребованную сумму и съ низкими поклонами вручилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отпустилъ команду и пушки и, войдя въ домъ Сибирякова, до поздней ночи пировалъ съ нимъ шумно и весело.

Такая нужда въ деньгахъ, помимо разбрасыванья въ народъ, объясняется въ Нарышкинѣ тѣмъ, что онъ началъ заводить коекакія собственныя хозяйства: такъ на рѣчкѣ Чальбучѣ при деревнѣ выстроилъ онъ домъ и при немъ водяную мельницу. Объ устройствѣ этого хозяйства онъ сильно заботился и черезъ каждыя двѣ недѣли получалъ рапорты объ его благосостояніи и о всѣхъ работахъ. Работами завѣдывалъ нерчинскаго батальона сержантъ Иванъ Жеребцовъ. Домъ этотъ въ бывшемъ Успенскомъ монастырѣ строился поспѣшно и съ немедленною ежедневною выдачею плотникамъ денегъ. Въ два мѣсяца (іюнь и іюль) домъ этотъ былъ отстроенъ *). При немъ заводилось хозяйство: приведенъ табунъ лошадей (22) и стадо рогатаго скота (до 20 головъ); сдѣланы запасы корму, какъ для нихъ, такъ и для собакъ. Мельница пущена въ ходъ;

*) Въ отстроенной домъ приведены были двѣ борзыхъ собаки и 4 лисенка. Къ смотрѣнію за ними приставленъ былъ мальчикъ, съ платою по 10 руб. въ годъ.

при чемъ одинъ изъ довѣренныхъ Нарышкина лицъ—именно Кесслеръ палилъ изъ пушекъ, «за здравіе вашего высокородія и благополучное путешествіе безпрерывно», какъ рапортовалъ онъ своему главному командиру *).

Расширивши такимъ образомъ свою дѣятельность, Нарышкинъ выѣхалъ изъ Нерчинскаго завода въ Иркутскъ, оставивъ на мѣсто себя маркшейдера Дмитрія Головачова. Цѣль этого путешествія Нарышкинъ объяснялъ всенародно 12 іюля 1776 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«По опредѣленіи меня на нерчинскіе сереброплавящіе заводы главнымъ командиромъ до отправленія ещо въ оные изъ С.-Петербурга, согласились мы съ опредѣленнымъ въ иркутскую губернію со властію губернаторскою господиномъ бригадиромъ Нѣмцовымъ, знавъ намѣренія Ея Императорскаго Величества, чтобъ обитающихъ здѣсь братскихъ и тунгусовъ привести въ вѣру греческаго закона по собственному ихъ желанію, чего я и не начиналъ производить до пріѣзду господина Нѣмцова, не надѣясь на прежде бывшаго Бриля въ разсужденіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. А какъ извѣстно уже было до сего, почти во всѣхъ мѣстахъ по сю сторону Байкалъ-моря недѣли за три или болѣе, что я, слѣдуя съ нерчинскихъ сереброплавящихъ заводовъ въ Иркутскъ, по пути, изъ усердія къ Богу и къ службѣ Ея Императорскаго Величества, имѣлъ счастіе по многимъ увѣщаніямъ и приложеннымъ моимъ трудамъ: во 1-хъ тунгусскихъ зайсановъ и ихъ подчиненныхъ привесть въ св. крещеніе, коихъ чрезъ короткое время—въ проѣздѣ моемъ, по собственному ихъ желанію и дѣйствительно человѣкъ до ста воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, а потомъ и братскіе начали было нѣсколько имѣть къ тому охоту,

*) Сколько самъ Нарышкинъ любилъ палить изъ пушекъ, столько же не щадили казеннаго пороху и его приближонные. Такъ напр. тотъ же Кесслеръ палилъ 28 іюня «до самаго вечера во здравіе государыни», затѣмъ уѣхалъ въ Дучарскій заводъ и тамъ палилъ: «все изъ любви къ вамъ—писалъ самъ Кесслеръ—и господа офицеры, взявши на свой счотъ пороху, произвели довольную стрѣльбу».

изъ нихъ также нѣкоторое число человѣкъ приняло святое крещеніе и за помощію Божіею надежность оказывали».

Такъ писалъ Нарышкинъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Для большаго успѣха въ дѣлѣ этомъ, онъ поилъ тайшей и тунгусовъ виномъ *). Спискивалъ расположеніе тайши Иринцеева, для чего выдалъ ему тысячу руб. сер. монетою, и, покупая у него лошадей и скотъ, платилъ за то высокою цѣною, въ тѣхъ краяхъ и на то время неслыханною **). Чтобы склонить тунгусовъ къ принятію христіанской вѣры, отъ имени Императрицы обѣщалъ имъ большія льготы: сложеніе недоимки, уменьшеніе податей до 3 руб. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы уже больше никто изъ частныхъ начальниковъ съ нихъ не требовалъ ***).

Тогда же Нарышкинъ задумалъ, съ согласія тайши Данбы Дугаръ-Иринцеева, составить изъ братскихъ и тунгусовъ четыре гусарскихъ полка и успѣлъ уже сформировать одинъ эскадронъ, при помощи ротмистра Подзорова и подъ наблюденіемъ подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было названіе даурскаго гусарскаго краснаго.

Комиссара Тархова за выдачу казенныхъ денегъ произвелъ изъ подпоручиковъ въ бергъ-гешворены. Изъ тамошней же гарнизонной артиллеріи взялъ пушки, порохъ и канониpовъ, и, не встрѣтивъ къ тому препятствія со стороны подпоручика Кулигина, произвелъ его также въ бергъ-гешворены. Ѣдучи дальше по направленію къ Иркутску, онъ сзывалъ народъ разными средствами, какъ напр. въ селахъ—звономъ въ колокола при церквахъ; пушечной пальбой и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церквей не было. Собранный такимъ способомъ народъ поилъ виномъ, усильно захваченнымъ въ питейныхъ домахъ и бросалъ въ толпы казенныя деньги, взятыя имъ—какъ извѣстно—въ нерчинскомъ комиссарствѣ. Шествіе Нарышкина

---

*) Такъ Кесслеръ доносилъ ему, что получилъ отъ повѣреннаго 50 ведеръ простаго вина.

**) Такъ напр. за быковъ платилъ 6 руб. 50 коп., а за лошадей по 250 руб.

***) На льготы эти соблазнились тунгусы родовъ: дулигацкаго, баягирскаго и чипчинуцкаго. Они просили крещенія.

по Братской степи уподоблялось военному походу; для него непріятельская страна была Иркутская провинція съ ея ханомъ Нѣмцовымъ; по пути лежала вассальная земля—верхнеудинскій округъ съ вице-королемъ воеводою Тевяшовымъ. За новымъ Батыемъ, выходившимъ изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ къ родинѣ Чингизъ-хана: за Нарышкинымъ везли колокола и пушки. По дорогѣ онъ останавливалъ купеческія клади и отбиралъ товары съ выдачею росписокъ на свое имя. Въ степи на отдыхахъ кипѣли огромные котлы съ водой, куда сваливали пудами чай и сахаръ; вино стояло цѣлыми бочками, сукно, дабу, китайки, холстъ брали всѣ даромъ, безъ всякаго счота. Попалась ему на дорогѣ почта съ книгами и церковными вещами, посланными иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ, Нарышкинъ на Шилкѣ присвоилъ ихъ себѣ. Не отвѣчая на нѣсколько писемъ архіерея, Нарышкинъ книги удержалъ за собою, и проч. Нуждаясь въ деньгахъ для всѣхъ этихъ предпріятій, онъ выплавленное серебро не посылалъ въ Петербургъ, растрачивая его на пенсіи приближеннымъ, на различныя награды и на серебряныя пуговицы сформированнаго изъ тунгусовъ и бурятъ гусарскаго полка. Не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ, подъ видомъ закупа для заводовъ разныхъ необходимыхъ припасовъ, взялъ 60,476 руб. въ Нерчинскомъ комиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ (Урульгѣ) крестилъ тунгусовъ «утопающихъ въ пьянствѣ», возя съ собою бочки вина, расточая вездѣ императорскую сумму и «дѣлалъ таковыя великія издержки, не имѣя средства отъ куда получить болѣе (ибо заводскую сумму расточилъ всю, какъ и было каждому примѣтно, что служители заводовъ не получали близъ двухъ-третей жалованья)—опрокинулся къ отнятію у встрѣчающихся ему купцовъ товаровъ и денегъ». Потомъ на Братской степи у харинцовъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять предъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Когда тайша отказывался отъ крещенія, Нарышкинъ покушался его умертвить. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что исполняетъ все это именемъ Императрицы (котораго дозволенія однако никогда не имѣлъ).

Такимъ образомъ двѣ власти встрѣтились въ одномъ и томъ же

пунктѣ, какъ бы для состязанія и съ цѣлію помѣряться силами; Нарышкинъ въ чужомъ вѣдомствѣ, опираясь на свою силу въ столицѣ; иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ — въ своемъ вѣдомствѣ рѣшась испробовать силу общихъ государственныхъ узаконеній: на столько ли они лицепріятны передъ случайнымъ человѣкомъ, сколько самонадѣянны и рѣшительны поступки нарушителя ихъ. Ничего не подозрѣвая, Нарышкинъ, возвратившись въ Нерчинской заводъ, имѣлъ огорченіе слышать, что многіе изъ его начинаній начали мало по малу разрушаться. Сотникъ Новоселовъ, отправленный имъ съ 36-ю лошадьми и 12-ю гусарами къ губернатору Нѣмцову, доносилъ, что тунгусы-гусары, отправившись къ тайшѣ Иринцееву «для своихъ надобностей назадъ не возвратились, и оставили за собою насѣченную серебромъ узду, принадлежавшую самому Нарышкину. Вскорѣ за тѣмъ писалъ къ нему бергъ-гешворенъ Ник. Гантимуровъ, что, по пріѣздѣ его въ городъ Удинскъ, онъ былъ потребованъ въ удинскую провинціальную канцелярію, гдѣ воевода Тевяшовъ со своимъ товарищемъ и прокуроромъ велѣлъ его заковать въ колодку, посадилъ подъ караулъ, а черезъ день отправилъ въ Иркутскъ: за что — неизвѣстно. Тогда же командиръ гусарскаго полка ротмистръ Злобинъ доносилъ Нарышкину, что удинская канцелярія взяла изъ его команды сержанта съ женою и дочерью и отправила ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они прежде находились. Отобраны были также артиллеристы: у Злобина осталось всего только 52 человѣка изъ цѣлаго эскадрона.

Нарышкинъ началъ уже смутно понимать наступательность дѣйствій Нѣмцова, но все еще довѣрялъ дружбѣ удинскаго воеводы Тевяшова, къ которому относился съ любезными и заискивающими письмами, на которыя онъ такъ хорошо былъ подготовленъ своею прежнею придворною жизнію. Тевяшова хвалилъ онъ за ревностную службу: тотъ въ своемъ письмѣ благодарилъ его за комплименты, но просилъ «оставить народъ, не принадлежащій до вашего (т. е. Нарышкина) распоряженія, ибо-де вся уже провинція пришла въ смятеніе».

Нарышкинъ однако на этомъ не успокоился; ему крайне нужны были деньги, а потому онъ потребовалъ ихъ отъ удинской канцеляріи на счотъ заводовъ. Канцелярія въ требуемой суммѣ отказала,

предписывая ему оставаться въ узаконенныхъ положеніяхъ. Для оправданія же во всѣхъ дѣлахъ предписывала Нарышкину ѣхать въ Иркутскъ къ губернатору Нѣмцову. Тогда только Нарышкинъ увидѣлъ изъ-за спины удинской канцеляріи то лицо, которое такъ давно и такъ смѣло вызывало его на единоборство.

Разгнѣванный Нарышкинъ отправилъ въ заводы свое оправданіе въ тѣхъ будто бы клеветахъ, которыя взводила на него удинская канцелярія; но не ѣхать въ Иркутскъ—у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности *).

---

*) Съ дороги (съ рѣки Оны) онъ писалъ въ народъ между прочимъ слѣдующее: «встрѣтившіяся къ немалому сожалѣнію никогда неожидаемыя противныя и лжесоставленныя вредныя предпріятія удинской провинціальной канцеляріи присутствующихъ и съ ними согласившагося удинскаго коменданта Аппеллегреина всѣ, благоугодныя Богу и монархинѣ, мною начатыя предпріятія помѣшаны и почти совсѣмъ остановлены: ибо означенная канцелярія, указами: харинскихъ родовъ тайшѣ и подполковнику Данбѣ Иринцееву не велѣла ни въ чемъ меня слушать. Чрезъ это помянутые братскіе незнающіе и непросвѣщонные народы начали имѣть колеблющіяся въ томъ мысли и опасаясь, чтобъ не было имъ за то какого штрафа или вящше того наказанія — начали тѣ добрыя и полезныя намѣренія оставлять. Вчерашняго числа присланнымъ та провинціальная канцелярія ко мнѣ рапортомъ объявляетъ, что оное представлено къ господину бригадиру — управляющему иркутскою губернію съ тѣмъ, яко бы открылось предъ симъ скрываемое мною набираніе и съ помянутыхъ народовъ неполезность государству, наипаче въ зловредность оному по причинѣ моего изъ заводу выѣзду и по непринадлежности мнѣ такого формированія въ Иркутской губерніи, яко не въ своей командѣ въ противность законовъ и что та провинція отъ своей главной команды объ оной учрежденіи никакого повелѣнія и свѣдѣній не имѣетъ, а по дошедшимъ же, къ той удинской провинціальной канцеляріи, извѣстіямъ она меня почитаетъ злодѣемъ имперіи Россійской: 1) что я будто бы набираю въ гусарскіе полки самыхъ неимущихъ пропитанія и бродягъ, которые при мнѣ слѣдуютъ въ немаломъ числѣ и съ забранными изъ неизвѣстныхъ мѣстъ пушками; 2) въ доказательство ещо того нѣтъ послушанія моимъ предложеніямъ тою канцеляріею о выдачѣ денегъ на счотъ нерчинскихъ заводовъ всего съ пятьдесятъ тысячъ, когда посланнымъ отъ меня къ удинскому коменданту Аппеллегренну ордеромъ велѣно присутствующихъ той канцеляріи сковать, а ему велѣно вмѣсто ихъ въ правленіе вступить — вмѣняютъ къ тому, ежели-де градоначальниковъ не будетъ, то удобнѣе можно овладѣть Удинскомъ или всѣми сей провинціи принадлежащими мѣстами, а особливо пользуясь такими легкими

Онъ отправился, не зная того, что посланные имъ въ Удинскъ (бергъ-гешворены Баннеръ и Тенкинъ) и опредѣленные имъ на мѣста присутствующихъ въ провинціальный канцеляріи, явясь, отдались во власть воеводы Тевяшова. Этотъ же Тевяшовъ сталъ дѣйствовать въ Удинскѣ и на Нарышкина совѣтами и «попечительнымъ своимъ тщаніемъ и искуснымъ распоряженіемъ» успѣлъ сдѣлать такъ, что Нарышкинъ выѣхалъ изъ Удинска. На дорогѣ *) онъ былъ

сленными людьми и вѣроятными извѣстіями будто я началъ ослѣплять народъ пьянствомъ и хотя-либо, по прибытіи моемъ тайша Иринцеевъ и былъ къ сему благоугодному намѣренію согласенъ и я, по его приглашенію, намѣренъ былъ его посѣтить, но онъ, отпросясь вчерашняго дня впередъ въ свой улусъ, сегодня чрезъ посланнаго бергъ-гешворена Новоселова въ своей ставкѣ не найденъ, да и жены его также и никого братскихъ здѣсь не оказалось. И потому чрезъ сіе публикуется, что ежели тотъ тайша и всѣ братскіе, кои уже собраны были, чрезъ два дня не явятся, то непремѣнно именемъ Ея Императорскаго Величества тайша, лишась чиновъ, жестоко будетъ наказанъ, да и съ прочими поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Я все сіе именемъ Ея Императорскаго Величества опредѣляю и всѣмъ возвратившимся ея высочайшую милость обѣщаю. Неповинующіеся же угодному Ея Величеству дѣлу и намѣренію да накажутся правосуднымъ Ея божественнымъ гнѣвомъ. И сіе объявленіе за подписаніемъ руки съ приложеніемъ герба моего печати не только что публиковаться и въ народъ разбросано, но и по командамъ, куда слѣдуетъ, разослано будетъ».

*) Иркутскій лѣтописецъ иначе передаетъ это событіе: онъ говоритъ, что воевода Тевяшовъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пригласилъ Нарышкина въ церковь для слушанія молебствія, по случаю его прибытія, а по выходѣ изъ церкви арестовалъ, посадивъ на лодку и отправилъ р. Селенгою въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ Нарышкинъ, до времени отправки, пользовался полною свободою. Жилъ онъ тамъ 2 мѣсяца. Народное преданіе говоритъ, что онъ все время ходилъ по кабакамъ и хорчевнямъ, поилъ и кормилъ на свой счотъ собиравшихся тамъ людей и тратилъ на это огромныя суммы. Его считали всѣ сумасшедшимъ. Подробности похожденій Нарышкина въ Верхнеудинскѣ разсказалъ Калашниковъ въ своемъ романѣ «Дочь купца Жолобова» (см. ч. IV, глава IV). Калашниковъ основывалъ свой разсказъ на народныхъ преданіяхъ, тогда ещо очень живыхъ и состоятельныхъ въ правотѣ своей. Верхеудинскій воевода — по этимъ преданіямъ — писалъ Нарышкину, чтобы онъ со своей свитой не въѣзжалъ въ его провинцію, посылалъ къ нему лазутчиковъ. Въ городѣ удвоилъ караулы, а въ 10-ти верстахъ поставилъ отрядъ войска съ артиллеріей, тайно вытребованной изъ Селенгинска. Нарышкинъ не испугался: послалъ своего

задержанъ и подъ присмотромъ отправленъ въ Иркутскъ къ Нѣмцову. Нѣмцовъ же «найдя поступки Нарышкина столь важными», отослалъ его, 29 августа, за присмотромъ штабъ-офицера Воинова и подъ конвоемъ въ С.-Петербургъ, и тогда же, отправилъ курьера съ донесеніемъ о незаконныхъ и дерзкихъ дѣлахъ его». Въ Тобольскѣ встрѣтилъ Нарышкина сенатскій регистраторъ съ командою, который принялъ его отъ Воинова и затѣмъ повезъ въ столицу, подъ важною стражею. Обо всемъ этомъ Нѣмцовъ извѣщонъ былъ именнымъ указомъ (полученнымъ имъ 11 января 1778 года), въ которомъ, между прочимъ, нерчинскіе сереброплавящіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, переданы были въ зависимость и подчиненіе тому же бригадиру Нѣмцову, находившемуся въ Иркутской губерніи съ властію губернаторскою *).

посла съ требованіемъ золота и серебра на десять тысячъ. Когда воевода отказалъ, Нарышкинъ потребовалъ сорокъ тысячъ. Когда же и на это требованіе получилъ отказъ, командировалъ двухъ чиновниковъ. Наконецъ, ночью пріѣхалъ самъ къ воеводской канцеляріи, кричалъ, чтобы отперли ворота, называя воеводу и товарища его ворами и бунтовщиками. Военная команда, стоявшая на дворѣ, начала уже колебаться, перешептываться, заявлять, что она не имѣетъ письменнаго приказа, а потому хотѣла пустить Нарышкина. Но одинъ старикъ закричалъ: «кто бы вы ни были, въ ночные часы пускать никого не велѣно». Послѣ этихъ словъ Нарышкинъ отошолъ къ фронту стоявшаго подъ ружьемъ гарнизона. Сюда явился воевода, уговаривалъ его и убѣдилъ отправиться на отведенную ему квартиру. На завтра Нарышкинъ началъ требовать денегъ и вина. Приказано отвѣчать, что воевода денегъ не даетъ, а пьянства не любитъ. Нарышкинъ пошолъ въ церковь и «собственно-гласно отпѣлъ молебенъ». Кругомъ церкви уже поставлены были солдаты. Собравшемуся, въ чаяніи денегъ, народу, воевода далъ приказаніе разойтись. Всѣхъ изъ свиты Нарышкина, выходившихъ изъ церкви, велѣлъ хватать и сажать подъ арестъ. Вышелъ и Нарышкинъ. Увидя солдатъ, онъ отдалъ саблю, признавая себя арестованнымъ. Воевода вѣжливо просилъ его съ нимъ отобѣдать на приготовленномъ суднѣ. Нарышкинъ согласился и, послѣ обѣда, отправленъ въ Иркутскъ.

*) Иркутская лѣтопись такъ описываетъ Нѣмцова: былъ человѣкъ неблагонамѣренный, употреблявшій непомѣрную строгость собственно для того только, чтобъ болѣе брать взятокъ и нажить болѣе денегъ: съ подчиненными служащими обходился неблаговидно и опредѣлялъ къ должностямъ не иначе, какъ взявъ значительные подарки. Употреблялъ разныя жестокости для своего корыстолюбія. Мелкихъ подчиненныхъ билъ своими руками. Ка-

Нѣмцовъ началъ свое управленіе съ того, что сочинилъ и издалъ «Къ общему всѣмъ свѣденію публикація».

«Къ чувствительному оскорбленію верховной власти — говорилъ онъ въ началѣ этой публикаціи — бывшаго заводовъ начальника, статскаго совѣтника Нарышкина, беззаконныя содѣянія столь многочисленны, что я нѣкоторыя умолчу, а о другихъ за нужное почитаю, во всѣ заводскаго вѣдомства присутственныя мѣста и частнымъ начальникамъ вѣдѣнія заводовъ, обнародовать».

Затѣмъ Нѣмцовъ подробно исчисляетъ всѣ поступки Нарышкина съ примѣтнымъ озлобленіемъ и злорадствомъ. Остановившись на проѣздѣ Нарышкина изъ завода въ Удинскъ и именно на его угощеніяхъ народа, Нѣмцовъ—увѣряетъ, что Нарышкинъ «обольстя симъ средствомъ (т. е. виномъ), непросвѣщенное то скопище (т. е. крестьянъ) отвелъ многихъ отъ домостроительства и хлѣбопашества. «А пропустивъ они время, потеряли часть лучшаго своего состоянія, а нѣкоторые и вовсе раззорились». Не стѣсняясь въ подборѣ всяческихъ бранныхъ эпитетовъ къ поступкамъ Нарышкина, Нѣмцовъ вступаетъ до нѣкоторой степени въ смягченный тонъ тамъ, гдѣ планъ бранчиваго повѣствованія выводитъ его изъ предѣловъ Иркутской губерніи и вталкиваетъ въ описаніе распоряженій Нарышкина по заводамъ. Здѣсь Нѣмцовъ, основываясь на рапортѣ секундъ-майора Барбота-де-Марни *), находитъ, что заводы требуютъ наискорѣйшаго возстановленія «по безпутному Нарышкина управленію»; и для того Нѣмцовъ самъ поспѣшилъ отправиться на мѣсто. Разсматривая тамъ дѣла канцеляріи, Нѣмцовъ нашолъ (по собствен-

кого-то Бурцова приказалъ за что-то привязать къ столбу и держалъ на привязи долго, чтобы навести страхъ на другихъ. Имѣя знакомство съ извѣстнымъ тогда разбойникомъ Гондюхинымъ, учредилъ въ городѣ какую-то *глухую команду*, которая, разъѣзжая по городу дозоромъ, вмѣсто охраны, дѣлала буйства и грабежи. Нѣмцовъ тайкомъ уѣхалъ изъ Иркутска чрезъ два года послѣ Нарышкина (1 февр. 1779 г.). Вслѣдъ Нѣмцова изъ Иркутска посылались многія жалобы.

*) Этотъ Барботъ де-Марни находился прежде при Суворовѣ въ заводскомъ батальонѣ. Нарышкинымъ произведенъ былъ въ полковники и назначенъ потомъ, на мѣсто его, главнымъ командиромъ Нерчинскихъ заводовъ.

ному его увѣренію), что «всѣ они оказались въ несогласныхъ съ законами поступкахъ. какъ-то: въ выдачахъ и издержкахъ казенныхъ денегъ и другихъ обстоятельствахъ». Между этими «другими обстоятельствами, кромѣ произвольной раздачи чиновъ и наградъ занимательно также и слѣдующее: понимая всю силу нравственнаго значенія на заводахъ образованнаго секундъ-майора Барботаде-Марни, Нарышкинъ, для привлеченія его на свою сторону, не задумался произвести сына его, пятилѣтняго ребенка, сначала въ вахмистры, потомъ въ корнеты и наконецъ въ бергъ-гешворены. Затѣмъ Нарышкинъ производства свои исключительно сосредоточивалъ на лицахъ, до тѣхъ поръ не бывшихъ на службѣ, часть которыхъ онъ привезъ съ собою, часть вытребовалъ съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и большую часть нашолъ уже между жившими долгое время въ Нерчинскомъ заводѣ. Изъ послѣднихъ преимущественное его вниманіе обратили на себя сосланные въ заводы польскіе конфедераты: двухъ изъ нихъ (Касаковскаго и Перхуровича) онъ опредѣлилъ въ солдаты. Извѣстныхъ намъ по дѣлу Чернышова князей Гантимуровыхъ (Степана и Николая — нерчинскихъ дворянъ, не бывшихъ на службѣ) онъ произвелъ прямо въ бергъ-гешворены и приблизилъ къ себѣ. Особенную же щедрость въ раздачѣ чиновъ онъ оказывалъ тѣмъ, на дружбу и расположеніе которыхъ вполнѣ полагался: между ними особенно рѣзко выдаются два ясашныхъ тунгуса, крещоныхъ Нарышкинымъ: одному изъ нихъ (Петру *Нарышкину*) онъ далъ два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорью *Суворову*) четыре чина (унтеръ-шихмейстера, шихмейстера, бергъ-гешворена и поручика). Въ заводскомъ вѣдомствѣ (Газимуровской сотни въ деревнѣ Калгинской) поселены были 32 человѣка бывшихъ яицкихъ казаковъ, присланныхъ сюда по дѣлу Пугачова: Нарышкинъ выдалъ имъ 160 рублей (по 3 руб. на каждаго) для покупки лошадей и затѣмъ предписалъ начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непремѣнно купили.

Всѣ эти событія совпадаютъ одновременно съ выѣздомъ Нарышкина изъ завода для сформированія гусарскихъ полковъ, и всѣ они располагаются на двухъ весеннихъ мѣсяцахъ 1776 года. Вотъ почему отчасти становится для насъ понятнымъ теперь темный на-

мекъ въ «Публикаціи Нѣмцова: «что Нарышкинъ стремился обольстить непросвѣщенныя сердца, и, по непредвидѣніи ихъ, уловить души вѣрноподданныхъ и *произвесть худыя слѣдствія*.

На этомъ предположеніи, что Нарышкинъ хотѣлъ основаться на народномъ расположеніи и на крѣпости и силѣ значительнаго коннаго войска и артиллеріи съ тѣмъ, чтобы со временемъ произвести возмущеніе въ народѣ и со всѣмъ Забайкальемъ отложиться отъ русской короны, и съ этимъ же подозрѣніемъ имя Нарышкина ушло въ потомство, и осталось въ народной памяти *).

Нѣмцовъ прежде всего по арестованіи Нарышкина поспѣшилъ захватить имѣніе его и сдѣлалъ вещамъ его опись **).—Затѣмъ членовъ заводской канцеляріи, произведенныхъ и назначенныхъ Нарышкинымъ, отъ службы немедленно отрѣшилъ. На мѣсто ихъ управленіе заводами поручилъ (маіору артиллеріи и отъ арміи подполковнику) Тевяшову. Въ помощь ему назначилъ (секундъ-маіора иркутскаго батальона) Ивана Глазунова и бергъ-гешворена Степана Губанова ***).

Вернувшись въ Иркутскъ, Нѣмцовъ (17 января 1787 г.) поспѣшилъ отнестись ко всѣмъ съ тою публикаціею, содержаніе которой мы привели выше. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее. «Заводскимъ же управителямъ и опредѣленнымъ при разныхъ должностяхъ (въ разсужденіи, что здѣшное мѣсто въ упадокъ приведено)

---

*) Опредѣлить съ точностію на сколько это подозрѣніе справедливо по дѣламъ Нерчинскаго архива нельзя. Два тома дѣлъ объ немъ, попавшіеся намъ въ руки изъ архива Нерчинскаго горнаго правленія, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (можетъ быть какого-нибудь антикварія) сократила эти дѣла до примѣтной неполноты и разрозненности.

**) По этой описи видно, что гардеробъ Нарышкина не былъ особенно богатъ, состоя изъ остатковъ прежней придворной роскоши. Нарышкинъ начиналъ заводить кабинетъ китайскихъ вещей и имѣлъ небольшую библіотеку (до 300 томовъ), состоявшую изъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Большая часть книгъ — сочиненія энциклопедистовъ и разнаго рода словари, описаніе путешествій, и проч.

***) Замѣчательно при томъ, что тотъ послѣдній изъ небывшихъ на службѣ самимъ же Нарышкинымъ произведенъ въ одно лѣто въ маркшейдерскіе ученики, затѣмъ въ унтеръ-шихмейстеры, шихмейстеры и наконецъ въ бергъ-гешворены.

стараться должно каждому, въ званіи своемъ, къ пользѣ и приращенію Высочайшаго интереса прилагать неусыпное и ревностное попеченіе, оставя всякій родъ коварства и ухищренія. И помнить то, что не оправдитъ каждаго по беззаконнымъ поступкамъ бывшаго ихъ начальника въ повиновеніи—замѣнить увеличеннымъ своимъ раченіемъ, дабы и по слѣдующимъ отъ вышняго правительства взысканіямъ исходатайствовать я могъ посредствомъ раченія каждаго и донесть самой всеавгустѣйшей монархинѣ ревностные поступки».

Любопытны дальнѣйшіе совѣты и предположенія недальновиднаго Нѣмцова. Нижніе служители и крестьяне, виновные — по его убѣжденію—въ томъ, что Нарышкинъ успѣлъ разбросать въ народъ казенныхъ и частныхъ денегъ *сто сорокъ шесть тысячъ семьсотъ одинадцать рублей*, обязаны были удвоить силы и возить въ заводъ руду «какъ можно больше». Нѣмцовъ наивно думалъ, что «тѣмъ самымъ пріумножится выплавка казеннаго серебра, которое отъ нестаранія бывшаго начальника въ знатной упадокъ произошло; такъ что въ выплавкѣ уменьшеніе серебра предъ прошедшимъ годомъ сто сорокъ девять пудовъ». Тою же усиленною и чрезмѣрною вывозкою рудъ Нѣмцовъ полагалъ обезпечить «упавшее состояніе крестьянъ и видимыя ихъ выгоды». Нарышкинъ, при вступленіи въ управленіе заводами (8-ю), получилъ 282,882 пуда серебро-содержащихъ рудъ (да по 4-мъ частнымъ заводамъ 61,055 пуд.), казеннаго свинцу 4,764 пуда $12^1/_2$ фунт. (и частнаго 5,184 пуд. 11 ф.). При этомъ также разумѣлось серебро—въ бликахъ и крохахъ; а свинецъ—рудной, гертовой и глетовой.

На мѣсто Нарышкина главнымъ командиромъ опредѣленъ былъ бригадиръ Иванъ Венедиктовичъ Аршеневскій, темный дѣятель и неизвѣстный дѣлатель, прожившій въ заводахъ съ 1777 г. по 1780, когда на смѣну ему опредѣленъ былъ генералъ-майоръ Бекельманъ—тоже мало примѣтная и неизвѣстная личность. Лучшее воспоминаніе оставилъ по себѣ Барботъ де-Марни, родомъ французъ, человѣкъ свѣтлый, кроткій и образованный. Доказательствомъ послѣдняго свойства его осталась послѣ его смерти библіотека, составленная изъ лучшихъ спеціальныхъ сочиненій, послужившая крупнымъ и твердымъ фундаментомъ для библіотеки горнаго управленія. Подъ

руками живаго человѣка завелись и частныя школы для обученія мальчиковъ; выписаны саксонцы для руднаго дѣла, и проч. На глазахъ этаго человѣка и постройки сдѣланы столь прочно и добросовѣстно, что и въ 1835 году онѣ стояли неколебимо, сохранившись цѣлое полустолѣтіе: по подобію Большаго Нерчинскаго завода, выстроеннаго Барботомъ изъ лиственичнаго дерева. При перестройкѣ, черезъ 50 лѣтъ, потребовалось подвести только нижніе вѣнцы новыми. При немъ заводскіе крестьяне стали отличаться отъ прочихъ обитателей Забайкалья особымъ костюмомъ: шинелями съ короткими крагенами. Длинные волосы ниспадали до плечъ со временъ барботовскихъ до времени появленія за Байкаломъ декабристовъ. Заводскихъ крестьянъ нашли очень чистоплотными (они жили опрятно, не коптясь въ дыму); и хотя очень богатыхъ и бѣдныхъ не было, но всѣ были трудолюбивы; безъ рукодѣлья никогда ихъ не видали ни на завалинахъ ихъ домовъ, и даже ѣдущихъ верхомъ видали съ какимъ-нибудь шитьемъ, вязаньемъ и другимъ рукодѣльемъ. Обычай этотъ введенъ былъ Барботомъ-де-Марни. Онъ окончилъ жизнь свою на заводахъ. На его мѣсто поступилъ начальникомъ Черницынъ. Съ Черницына перчинская исторія, въ лицѣ начальниковъ, развертываетъ другія картины: выработка серебра стала упадать, обращеніе съ ссыльными становится суровѣе; начальники стали показываться съ оттѣнками и поползновеніями прежнихъ тирановъ. Черницынъ начиналъ этотъ списокъ.

О Черницынѣ народныя преданія сохранили такія крупныя черты: онъ любилъ ѣздить какъ бѣшеный; лошади должны были бѣжать отъ станціи до станціи вытяжнымъ голопомъ, а потому по дорогѣ падало ихъ всегда очень много. Въ этомъ случаѣ кривой Черницынъ былъ для лошадей настоящею моровою язвою. Если ямщикъ въ дорогѣ ослабѣвалъ, Черницынъ приказывалъ остановиться и начиналъ бить ямщика нагайкой, которую всегда возилъ съ собою въ сундучкѣ, лежавшемъ въ ногахъ. Самыя лучшія лошади не выдержали бы такой ѣзды, если бы не пособлялъ имъ обычай Черницына черезъ каждыя 7 верстъ кричать: «стой!» выпивать, не торопясь, водки, закусывать, не спѣша, кускомъ мяса и потомъ уже ревѣть на ямщика: «пошолъ!» Разсказываютъ, что разъ набѣжали

лошади на гололедицу и, смутивши ямщика, остановились какъ вкопанныя, будучи не въ силахъ одолѣть преграду. Черницынъ пробудился и, узнавши въ чемъ дѣло, зычно закричалъ кнутовъ. Лошади приняли эти слова на свой счотъ, быстро рванулись на зыкъ съ мѣста и перелетѣли гололедь съ быстротою вихря. Ни одна не спотыкнулась, ни одна не упала: до такой степени энергиченъ былъ бѣгъ ихъ со страху. Другой разъ засѣкъ онъ до смерти крестьянина, осмѣлившагося обратиться къ нему спиной въ то время, когда съ нимъ вступилъ въ разговоръ помощникъ начальника въ той же самой комнатѣ, гдѣ находился и одноглазый Черницынъ.

Изъ другихъ начальниковъ осталась память о Теодорѣ Фришѣ, у котораго была жена, водившая его за носъ и управлявшая чиновниками и цѣлымъ горнымъ округомъ. Была она женщина злая: крестьянъ и слугъ своихъ наказывала своеручно и находила въ этомъ несказанное удовольствіе, какъ и въ прозвищѣ Царицы Сибирской, которое далъ ей съ выгодою для себя одинъ изъ ея слугъ, положенный на землю для наказанія. Вспоминаетъ преданіе о Милекинѣ (бывшимъ начальникомъ—кажется—въ Кутомарскомъ заводѣ), при появленіи котораго на улицѣ дѣти бѣжали прочь и старики прятались по угламъ. Когда онъ проходилъ по селенію, живой души на улицахъ не было, потому что всякой зналъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя получалъ начальникъ при созерцаніи наказуемыхъ. Всякой помнилъ, что любовника жены, бывшаго адъютанта, онъ заковалъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму, вывелъ на площадь и на эшафотѣ далъ ему 50 кнутовъ, обсыпая взбитыя плечи ѣдкимъ нашатыремъ, далъ столько же во второй разъ со вторичнымъ опытомъ той же просыпки. Тиранъ повторилъ бы экзекуцію и въ третій разъ, если бы начальникъ Дучарскаго завода не вырвалъ изъ его рукъ несчастнаго ex-адъютанта, влюбившаго въ себя и жену и дочь Милекина. Вылечилъ этого Милекина, говоритъ преданіе, писарь—его пріемышъ и воспитанникъ. Каждымъ писаніемъ его начальникъ былъ недоволенъ, при всякомъ случаѣ билъ его по щекамъ и по зубамъ. Однажды выразилъ онъ свое неудовольствіе въ то время, когда писарь считалъ себя правымъ и былъ уже осмѣянъ товарищами за необычайное терпѣніе. Милекинъ хотѣлъ его бить, но писарь-пріемышъ,

выхвативъ изъ-за пазухи ножъ, закричалъ: «я буду каторжнымъ, но ты уже бить никого не будешь». Испуганный Милекинъ далъ клятву смириться для всѣхъ и—говорятъ—будто бы сдержалъ ее, а учителя наградилъ большими деньгами.

Деспотическими суровыми выходками отличался и горный начальникъ Рычковъ, смѣнившій Ив. Ив. Эллерса *) и умершій въ заводахъ въ 1817 году. Не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ своего времени, преданіе сохранило объ немъ память, какъ о человѣкѣ суровомъ и безжалостномъ: онъ—говорятъ—забивалъ людей до смерти. Послѣ Рычкова мелькаетъ въ архивныхъ спискахъ имя главнаго начальника Аистова; за нимъ является въ ближайшія къ намъ времена въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія начальникомъ Бурнашовъ, пострадавшій за послабленіе декабристовъ и полковникъ Ст. Петр. Татариновъ, о которомъ генералъ-губернаторъ Броневскій написалъ въ своихъ мемуарахъ такіе строки: «при немъ примѣтно стало человѣколюбивое обращеніе съ ссыльными; подчиненные его всѣ уже воспитались въ горномъ корпусѣ». Съ этимъ улучшеніемъ въ нравственномъ смыслѣ на заводахъ уже глубоко вкоренились задатки худшаго, задатки паденія серебрянаго промысла. Расходы на заводы и рудники стали превышать цѣнность добываемаго серебра, а добыча золота представлялась во всемъ привлекательномъ соблазнѣ подъ впечатлѣніями надеждъ и обѣщаній, исходившихъ отъ горнаго начальника г. Разгильдѣева. Серебро выплавлялось только на Кутомарскомъ заводѣ, добывалось изъ немногихъ рудниковъ и между прочимъ на нашихъ глазахъ въ Зерентуйскомъ рудникѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Большаго завода, гдѣ дѣлалась подъ наблюденіемъ горнаго начальника О. А. Дейхмана новая штольня Надежда. Слухи о золотыхъ розсыпяхъ въ разныхъ углахъ Забайкалья помрачали блескъ серебра и выработка

---

*) Эллерсъ содѣйствовалъ первымъ ученымъ изслѣдованіямъ путей въ Амуръ, предпринятымъ китайскимъ посломъ Ю. А. Головкинымъ и производимымъ полковникомъ Д'Овре въ 1806 году, составивъ нарочно для нихъ особенную путевую карту. Онъ предупреждалъ нужды и распорядился такъ, что посольство воспользовалось многими успѣхами.

золота, дозволенная частнымъ лицамъ, въ наши дни сильно оттираетъ на задній планъ разработку серебряныхъ сокровищъ богатыхъ и далеко ещо неразработанныхъ нерчинскихъ горъ отроговъ Яблоноваго хребта. Въ бытѣ рабочихъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ обязательныхъ казенныхъ работъ, произошли крупныя перемѣны; наступило новое время и старое просится на помощь ему своими ошибками, а потому мы останавливаемся здѣсь, чтобы обратиться къ урокамъ прошедшаго и досказать вторую половину исторіи каторги, по вызову золота и подъ впечатлѣніями сердитой сибирской болѣзни, называемой тамъ общимъ именемъ золотой лихорадки.

Слабы и неясны были признаки золотой лихорадки въ прошломъ вѣкѣ, хотя и нельзя было упрекнуть нерчинскія начальства въ ревности угождать высшимъ и кстати расчитывать на высылку крохъ, имѣющихъ такую прочную и почтенную цѣнность. Ещо въ 1777 году архивныя дѣла свидѣтельствуютъ о хлопотахъ по найденному золотому пріиску; въ 1782 году заботились о разработкѣ золотыхъ пріисковъ по теченію р. Шилки на лѣвой ея сторонѣ, въ $16^3/_2$ верстахъ выше Стрѣтенскаго острога въ Крестовой горѣ, противъ деревень Епифановой и Заозерной. Тѣмъ не менѣе въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія во всемъ Забайкальѣ разработывался единственный казенный пріискъ Куенскій, дававшій 68 долей золота изъ ста пудовъ песку: содержаніе столь ничтожное, что частный человѣкъ и рукъ бы не сталъ марать, но казна работала въ разсчотѣ и при опорѣ на дешовыя каторжныя силы; работала самымъ грубымъ стариннымъ способомъ. Пески пропускали сквозъ желѣзные грохоты въ чаны, наполненные водою; вода съ грязью выпускалась вонъ и осадокъ со дна накладывался въ ящики на двухъ высокихъ колесахъ особаго устройства, которыя одною лошадью, съ значительною тяжестію, катились довольно легко по наклонному горизонту. Эта жидкая грязь, въ которой золота и подозрѣвать невозможно, выкладывалась въ длинные лари. Вдоль ларей горизонтально навѣшивался валикъ съ желѣзными граблями; приводъ воды постепенно наполнялъ лари, а обращаемый людьми валикъ граблями ворочалъ пески; вода уносила муть. Когда въ ларѣ мало оставалось песковъ, ихъ вынимали на тачки, вѣсъ которыхъ былъ извѣстенъ и

сдавали на вашгерты для окончательной промывки. Вашгертъ не иное что, какъ деревянный ящикъ, діагонально установленный на землѣ; въ верхней его части имѣлся ящикъ, наполнявшійся изъ особаго привода водой, которою распоряжался промывщикъ, пуская, по надобности, большее или меньшее количество. Пески въ видѣ жидковатой грязи кладутся на дно вашгерта, и вода, втекая въ нихъ, мало-по-малу размѣшивалась руками, уносила все съ поверхности и оставляла наконецъ на днѣ небольшое желтое пятнышко. Это было уже чистое золото въ видѣ мелкихъ крупинокъ, иногда въ формѣ довольно-сплюснутыхъ пластинокъ. Золото сгребали на деревянную лопаточку, и со вниманіемъ и осторожностію уносили въ контору. Тамъ золото просушивали въ печи и потомъ, въ присутствіи чиновниковъ, взвѣшивали на самыхъ чуствительныхъ вѣскахъ. Частички золота съ 12-ти вашгертовъ Куенскаго золотаго пріиска записывались въ книгу. На частныхъ золотыхъ промыслахъ рабочіе заработывали отъ 300 до тысячи рублей, а счастливые на старательскихъ работахъ пріобрѣтали ещо болѣе (особенно если попадались самородки),—на казенныхъ пріискахъ ссыльные рабочіе находились въ тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ страшно противѣла работа и выяснялась передъ глазами соблазнительная дорога въ лѣсъ на волю.

Къ серединѣ нынѣшняго столѣтія за Байкаломъ стало ясно, что вездѣ, гдѣ господствуютъ по восточнымъ отклонамъ Яблоноваго хребта гранито-сіениты,—золотоносная система почти сплошная, но золото принадлежитъ нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ: Карійской и Шахтаминской розсыпямъ. Золото въ Нерчинскомъ уѣздѣ находится всегда въ долинахъ, въ которыхъ выступили гранито-сіениты и тальковые сланцы, наичаще же въ долинахъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ; на большихъ рѣкахъ золото находятъ рѣдко; точно также рѣдко попадается оно въ горахъ и раздолахъ. Отсюда пришли къ вѣроятному предположенію, что золото первоначально находилось въ жилахъ въ сіенитовомъ гранитѣ и въ кварцѣ, которые, при плутаническомъ переворотѣ, были разбиты и золото стекло въ долины. Въ видѣ порошка находится оно между сдвинутыми слоями сіениту (Кара), либо въ щеляхъ гранитныхъ (Култума); въ слояхъ же изве-

сти и граниту золота никогда не находили. Самый большой кусокъ самороднаго золота, найденный за Байкаломъ, вѣсилъ $^1/_2$ фунта. Слои, скрывающіе золото, покрыты урожайной землей, называются турфомъ. Турфъ снимаютъ и свозятъ въ кучи. Такимъ же образомъ поступаютъ съ другимъ слоемъ, состоящимъ изъ песку, глины, смѣшанной съ сіенитовыми каменьями, и круглыми слапцами, называемыми здѣсь галькой. По снятіи верхнихъ слоевъ въ каждомъ полуфутѣ грунта ищутъ золота. Тотчасъ же въ третьемъ грунтѣ, глубиною на 7 либо 10 футовъ, находится золото, смѣшанное съ чорнымъ блестящимъ пескомъ магнитнаго желѣзняка и съ глыбами желѣзной руды, очень богатой, имѣющей 60% желѣза. Содержаніе золота во всей той массѣ, какую снимаютъ, составляетъ пропорцію 1 : 400,000; одинъ только разъ найдено было отношеніе 1 : 40,000 въ Карѣ и этотъ слой признанъ былъ очень богатымъ. Въ глинѣ глыбы предполагается наилучшее золото и весь слой носитъ общее названіе песку. Золотой песокъ свозятъ въ тачкахъ на машины, очищающія его отъ лишныхъ примѣсей и камней; потомъ снова очищаютъ его отъ песку, отъ порошка магнитнаго желѣза, отъ порошка киновари и мелкихъ гранитныхъ зеренъ, въ сосѣдствѣ съ которыми такъ любитъ жить золото. Песчинки золота бываютъ такъ мелки и тонки, что поднимаются и относятся водою; такимъ образомъ при промывкѣ теряется его довольно много. Самый простой способъ промывки золота на Карѣ слѣдующій, общій цѣлой Сибири: на ровную покатость, имѣющую съ двухъ сторонъ двѣ прибитыя дощечки, сыплютъ песокъ, а на него пускаютъ воду. Работникъ лопатой отгребаетъ песокъ уносимый водою къ верху, и вынимаетъ обмытые и ополоскапные камни. Части легчайшія, какъ-то: песокъ и глину уноситъ вода, а въ жолобѣ остается золото и магнитный желѣзнякъ; послѣдній оттираютъ щотками, либо отбиваютъ отъ золота палками. Ежели же совсѣмъ отдѣлить золото отъ магнитника, тогда надо золото сушить и разсыпать на бумагѣ, а желѣзо отдѣлять отъ него магнитомъ. На большихъ пріискахъ такой способъ непримѣнимъ, а потому для промывки золота въ Нерчинскихъ рудникахъ приспособлено средство, придуманное инженернымъ подполковникомъ Разгильдѣевымъ.

Разгильдѣевская машина состоитъ изъ трехъ этажей. На первомъ

этажѣ лошади вращаютъ простой цилиндръ, отвѣсно помѣщенный въ машинѣ; на другомъ этажѣ помѣщено большое желѣзное рѣшето, десяти футовъ въ діаметрѣ, на которое ссыпается съ тачекъ пріисковой песокъ. Середи рѣшета отвѣсно къ нему вращается валъ, а къ нему въ незначительномъ другъ отъ друга разстояніи прикрѣплено восемь бревешекъ, съ которыхъ въ длинныхъ рамахъ свѣшиваются и опираются на рѣшето желѣзныя грабли, мотыки, желѣзныя башмаки и тому подобныя орудія, предназначенныя для движенія и пересыпки песку со всѣхъ сторонъ, что при помощи вала устраивается само собою. Немного повыше восьми бревешекъ находятся корыта и деревянные каналы, на которые обильно стекаетъ вода изъ резервуаровъ и кропитъ дождемъ песокъ, накладенный на рѣшетѣ. Камни, сдѣлавши въ рѣшетѣ одинъ оборотъ, достаточно облегчаются, чтобы упасть въ отверстіе, изъ котораго отвозятъ ихъ въ особыя кучи; часто же болѣе мелкія и легкія выплываютъ сквозъ рѣшето на первой этажъ, на которомъ имѣется гладкая покатость. Ровная покатость состоитъ въ этой машинѣ изъ двухъ частей: первая сильнѣе наклонена, другая же менѣе ската и имѣетъ нѣсколько саженъ длины. На ровной покатости сдѣлано три порога или уступа; вода, унося песокъ, осаждаетъ его въ углубленіе, находящееся подъ порогомъ. Надъ каждымъ порогомъ вращается двухсторонній валикъ съ желѣзными шпилями, прибитыми въ равныхъ разстояніяхъ. Песокъ съ мельчайшими камушками и вода спадаютъ на покатость, вплываютъ въ углубленіе, изъ котораго поталкиваемые шпилемъ легчайшія части уноситъ съ собою вода, а золото и желѣзо осѣдаютъ на дно; но потомъ еще повороченныя шпилемъ, выплываютъ черезъ другой порогъ до другаго углубленія, дальше до третьяго, изъ котораго, какъ и изъ двухъ прежнихъ, отвозятъ ихъ на большой вашгертъ. Золото въ этомъ періодѣ промывки еще смѣшано съ желѣзомъ и оловянными рудами, въ которыхъ пропорція золота бываетъ какъ 1 : 2,000 или 1 : 3,000. На вашгертѣ также три порога. Здѣсь золото освобождается отъ обыкновенныхъ частицъ мотыками и водой, а потомъ отвозится на маленькой вашгертъ, въ которомъ руками и щотками отдѣляются въ водѣ обыкновенныя частицы. Такимъ образомъ добытое золото все еще соединено съ нѣ-

которымъ шлихомъ магнитнаго желѣза, которое отдѣляется просушкою золота на сковородахъ и остатки магнитнаго желѣзняка выдѣляются съ помощію магнита. У промывки въ вашгертахъ стоитъ караульный казакъ и унтер-шихмейстеръ изъ горныхъ, наблюдающіе всѣхъ и самихъ себя, чтобы никто не укралъ золота. Однако имѣются такіе способы кражи, отъ которыхъ никто уберечь золота не можетъ. Работы на промыслахъ начинаются въ маѣ и продолжаются все лѣто до октября. Нерчинское золото имѣетъ весьма высокую пробу, карійское — самое чистое: въ немъ только 5 частей выпадаетъ на серебро и мѣдь, находящіяся въ золотѣ. На этотъ-то металлъ и устремлены были работы горныхъ и ссыльныхъ въ то время, когда 25-ти копѣечная цѣнность золотника серебра поднялась до 50 коп., а алтайское серебряное дѣло превзошло нерчинское своими доходами.

Разгильдѣевъ сначала поднялъ высоко добычу золота: въ 1853 году добыто имъ на Карійскихъ промыслахъ 6,857 фун., 11 золотн. и 2 доли (почти 172 пуда) — и это время составляетъ эпоху въ золотомъ промыслѣ Россіи, но за то въ 1856 г. добыто было на всѣхъ нерчинскихъ пріискахъ 2,400 фун., т. е. 60 пудовъ, въ 1857 г. 2,245 фун. Съ тѣхъ поръ продолжалось ежегодное уменьшеніе золотой добычи: первая и такая богатая была форсирована тѣмъ, что все наличное количество каторжныхъ, сосланныхъ въ эти года изъ Россіи, находившееся до того въ тюрьмахъ забайкальскихъ, привлечены были къ этому дѣлу и собраны на четырехъ промыслахъ карійскихъ: Верхнемъ, Среднемъ, Нижномъ и Лунжакинскомъ. Въ 1850 году отъ громаднаго скопленія каторжныхъ рабочихъ началась на Карѣ сильная тифозная горячка. Каторжные, запертые въ тѣсныхъ и сырыхъ тюрьмахъ, работавшіе въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстахъ валились, какъ мухи, иногда подлѣ самыхъ тачекъ. Погибло ихъ больше тысячи человѣкъ въ одинъ годъ и длинное зданіе лазарета на берегу Шилки остается нѣмымъ свидѣтелемъ этой неблагополучной добычи знаменитыхъ ста пудовъ золота. Въ наши дни настала надобность въ прекращеніи работъ и уменьшеніе золота ставитъ горное начальство въ обязательство снова возвратиться къ серебру. Всѣ четыре селенія, пристроившіяся къ

золотымъ промысламъ на Карѣ и между ними Нижнекарійское, выстроенное почти по щучьему вѣлѣнью Разгильдѣевымъ, будутъ застаиваться, разрушаться и гнить по примѣру всѣхъ другихъ горныхъ селеній за Байкаломъ, среди огромныхъ даурскихъ богатствъ, сила которыхъ въ достаточной степени не вызвана и ещо далеко вся не изслѣдована. Во многихъ мѣстахъ находятся мѣдныя руды; имѣются оловянныя добытыя и сложонныя въ складахъ въ видѣ кирпичей либо прутьевъ, разъ успѣли уже вывѣтриться и превратиться въ порошокъ, пока строили оловянной заводъ на Ононѣ. Въ щеляхъ горъ находятъ испортившійся купоросъ; гаммей попадается обыкновенно въ оловянныхъ рудникахъ (пробовали нѣсколько разъ вытапливать изъ него цинкъ, но нигдѣ не выработано въ достаточномъ количествѣ); построенъ былъ рудникъ даже руды ртутной, но давно уже запущенъ, хотя и надобится ртуть для амальгамаціи золота. Желѣзныя руды за Байкаломъ — самыя обыкновенныя: они образуютъ цѣлыя горы, но желѣзный заводъ одинъ, съ трудомъ удовлетворяющій даже мѣстнымъ потребностямъ. Сѣры родится въ нерчинскихъ горахъ очень много; копаютъ ее при Зерентуйскомъ оловянномъ рудникѣ; графита цѣлыя горы, на Байкалѣ нефть, надъ Аргунью и Чикоемъ значительныя залежи каменнаго угля и проч. Выработка серебра въ горныхъ дистанціяхъ Зерентуйской и Алгачинской (Нерч. округа) обезпечивается крупными надеждами и вѣрными разсчотами по настоящимъ даннымъ; по разсчотамъ людей компетентныхъ, она представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною и въ другихъ, въ особенности въ Кадаинской дистанціи. До сихъ поръ извлекали руды изъ мѣстъ, прилегающихъ къ поверхности земли и не ходили на глубину, которая иногда обнаруживаетъ здѣсь мѣсторожденія болѣе, чѣмъ въ 60-ти саженяхъ отъ поверхности. Разработка нерчинскаго серебрянаго промысла во всякомъ случаѣ далеко не оскудѣла, но лишъ испорчена неправильною системою, которая искала скорой добычи и не умѣла вполнѣ оцѣнить этихъ отечественныхъ сокровищъ.

Другую картину представляетъ Кара, выработанная и малоблагонадежная. Она уже и теперь обязываетъ излишныя незанятыя руки употреблять на другія дѣла, уже и теперь горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣлъ на Карѣ, отправляло въ качествѣ

вольнонаемныхъ рабочихъ на другіе золотые промысла (напр. на Урюмскіе) и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ своимъ собственнымъ умѣньемъ и по ихъ личному усмотрѣнію. При этомъ золотопромышленныя работы таковы, что, растягиваясь на большія пространства, они идутъ все больше вглубъ золотоносныхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обезпечивать постоянной группировки ссыльно-каторжныхъ на долгое время въ одномъ мѣстѣ. Тюрьма должна кочевать и, по способу бурятской кибитки или тунгусской юрты, должна совершенно измѣнить свой настоящій видъ и вполнѣ противорѣчить своему назначенію, чтобы приладиться къ золотому промыслу, особенно же въ виду тѣхъ современныхъ требованій, которыя стали обязательны для всякой тюрьмы, какъ исправительнаго заведенія, а тѣмъ болѣе тюрьмы каторжной.

---

2. СИБИРСКІЕ ЗАВОДЫ.

Желѣзо.—Петровской заводъ.—Соль.—Селенгинской заводъ.—Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли — Каторжныя работы:— Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское усолье. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокуреніе. — Евреи. — Ссыльные.—Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій.— Уничтоженіе этого вида каторги.

---

1) Желѣзныя руды одного изъ отроговъ Яблоноваго хребта, залегшія на мысу, омываемомъ небольшими рѣчками Балягою и Солдаткой, соблазнили купца Бутыгина. Онъ устроилъ заводъ нѣсколько выше впаденія рѣчки Мукырта въ Балягу, въ 22 верстахъ отъ мѣста добычи рудъ, получившаго впослѣдствіи названіе Балягинскаго рудника. Въ 1790 году, 29 ноября въ 4-мъ часу пополудни началась на заводѣ, прозванномъ впослѣдствіи Петровскимъ, первая плавка желѣзныхъ рудъ въ доменномъ горну, при чемъ сдѣланъ выпускъ на штыковой чугунъ и частію отливка нѣкоторыхъ вещей

въ песокъ и опоки; въ 1791 году штыковый чугунъ поступалъ въ передѣлку подъ кричные молота на желѣзо. Въ этомъ году заводъ поступилъ въ казну. Съ тѣхъ поръ всѣ его чугунныя издѣлія и желѣзо разныхъ сортовъ поступало преимущественно на снабженіе заводовъ и рудниковъ нерчинскихъ, какъ равно на потребности собственнаго этого завода и для вольной продажи по установленнымъ цѣнамъ. Заводъ дѣйствуетъ водою р. Мукырта; прудъ разливается вверхъ по рѣчкѣ на 400 саженъ, имѣя въ ширину до 50-ти. Заводъ пользуется землями, отведенными изъ принадлежащихъ 11-ти родамъ Харинскихъ Бурятъ; лѣсъ заводскій тянется на 7 верстъ. Мѣстоположеніе возвышенное, гористое, мѣстами съ обнажонными утесами и розсыпями; въ вершинахъ падей находится довольно болотистыхъ мѣстъ. Горы, окружающія самый рудникъ, состоятъ изъ гранита, а при основаніи изъ порфира. Мѣсторожденіе на 250 саженъ отъ юга къ сѣверу, толщиною отъ 5 до 8 саженъ: содержатся наиболѣе разные виды бураго желѣзнаго камня, магнитный желѣзнякъ и затвердѣлыя и рыхлыя охры. Первоначальный разносъ засыпало щебнемъ; главный разносъ дѣйствуетъ до сихъ поръ, давая заводу работу и занимая руки сосланныхъ на каторгу. Для нихъ, какъ и при всякомъ рудникѣ, при Петровскомъ заводѣ существовала тюрьма, которая переведена потомъ въ тюремный казематъ, покинутый декабристами. Петровское желѣзо на столько не удовлетворяло мѣстнымъ требованіямъ, что желѣзо привозили сюда съ Урала, а издѣлія каторжныхъ рукъ до того плохи и рыхлы, что доставленныя на Амуръ топоры разсыпались по слоямъ на первыхъ ударахъ; сошники же и другія желѣзныя издѣлія никуда не годились. Петровской заводъ въ послѣднее время обратился въ общее посмѣшище. И въ этомъ случаѣ изъ казенныхъ рукъ вывалилось дѣло, не смотря на нѣкоторое усердіе и временами на хлопотливость: въ 1806 году выбраны были 10 человѣкъ молодыхъ служителей и посланы въ Петербургъ для изученія разныхъ мастерствъ, однако ни одно изъ нихъ въ заводѣ не привилось. Заводъи зготовлялъ и желѣзо для Охотскаго порта и сошники для бурятъ и тунгузскихъ казаковъ, когда пытались (неудачно) пріучить ихъ къ земледѣльческимъ работамъ. Для работъ присылали ссыльныхъ, съ 1818 года, всякій разъ по

сту, партіями по 25 человѣкъ, приходившими прямо изъ Иркутска, по вызовамъ и назначеніямъ заводскаго начальства. Въ 1833 году число ссыльныхъ простиралось до 550 человѣкъ, не считая бѣжавшихъ, количество которыхъ было также велико: изъ Петровскаго завода, больше чѣмъ изо всѣхъ другихъ каторжныхъ мѣстъ, чинились побѣги. Учинившіе побѣгъ приковывались къ тачкамъ. Таковыхъ въ 1831 году было въ заводѣ свыше ста человѣкъ; въ 1848 г. содержалось 13 человѣкъ прикованными на стѣнныя цѣпи. Для поимки бѣглыхъ при заводѣ организована была особая команда изъ вольнонаемныхъ охочихъ людей служительскаго званія. Тяжесть каторги для каторжныхъ и заводскихъ крестьянъ лежала и здѣсь въ одинаковой степени суровости, и умѣла перейти съ отцовъ на дѣтей, но здѣсь съ тѣмъ различіемъ, что съ 1823 года тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ опредѣляли на службу въ рудобойщики. За то въ 1828 году въ Петровскомъ заводѣ произошолъ между рабочими такой бунтъ, о которомъ сохранилось преданіе въ окольномъ народѣ. Обвѣтшалось острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри ихъ, служила причиною постояннаго скорбута, какъ бы привиллегированной болѣзни Петровскаго желѣзнаго завода. Зданіе безъ ремонта дошло до такой степени дряхлости, что заводской лекарь потерялъ голову, между прочимъ совѣтуя осушить болотистый грунтъ цѣлаго селенія. Въ 1828 году приведено было 100 человѣкъ ссыльныхъ изъ Иркутска, для постройки полуказармы, предназначенной для государственныхъ преступниковъ (декабристовъ); въ 1829 году пригнали для той же цѣли ещо двѣсти человѣкъ. Лѣтомъ 1830 была приготовлена казарма холодная и темная и притомъ такая, что черезъ годъ потребовалась въ ней перекладка печей, а вскорѣ и самыя капитальныя передѣлки. Казематъ разсѣлся въ разныя стороны и на углахъ грозилъ полнымъ разрушеніемъ. Подневольныя работы и на этотъ разъ успѣли выразить свой характеръ. Въ Нерчинскомъ краю и горномъ округѣ Петровскій заводъ былъ единственнымъ желѣзнымъ, какъ Селенгинскій былъ единственнымъ солеваренымъ: оба съ каторжными работами, оба для ссыльныхъ въ Сибирь имѣли значеніе мѣстъ первой категоріи наравнѣ съ рудниками, промыслами и серебряными заводами.

Въ настоящее время Петровскій заводъ, при ограниченности своего производства, пересталъ нуждаться въ ссыльно-каторжныхъ, спеціально предназначенныхъ для работъ на заводѣ.

2) Селенгинскій солеваренный заводъ находился между двумя забайкальскими городами: въ 40 верстахъ отъ Селенгинска и въ 96 отъ Верхнеудинска. О началѣ его, какъ и многихъ сибирскихъ заводовъ, свѣдѣній не имѣется: всѣ онѣ либо растрачены, либо погибли при архивныхъ пожарахъ. Извѣстно только, что этотъ заводъ въ 1719 году отданъ изъ казеннаго въ частное содержаніе селенгинскому служилому человѣку Вас. Брянскому, отъ котораго переходилъ къ разнымъ людямъ; въ 1789 г. былъ въ рукахъ верхнеудинскаго купца Пахолкова, работалъ на него 14 лѣтъ, но годъ отъ году слабѣлъ силами и, наконецъ, прекратилъ работы и снова принятъ въ казну въ 1803 году (за 7,762 р. 52½ к.). Пахолковъ принялъ двѣ варницы,—сдалъ въ казну 5, изъ которыхъ одна въ казнѣ сгорѣла (въ 1816 г.). Четыре остальныя продолжали варку соли по 1825 годъ. До 1831 г. заводъ находился въ бездѣйствіи; на короткое время его снова пускали въ работу (начальникъ Дейхманъ), но казна не помогла и работы были оставлены до 1835. Купецъ Злобинъ началъ на немъ новое дѣло и кое-какъ повелъ его до 1839. Съ тѣхъ поръ заводъ окончательно смолкъ. Три раза свидѣтельствовали, замѣчали безпорядки, но ни къ чему положительному не пришли: разсолы ослабѣли отъ истощенія въ работахъ. Вызванъ онъ былъ въ этомъ мѣстѣ горько-соленымъ озеромъ, имѣющимъ отъ В. къ З. до 500 и ширины до 300 саженъ. Сначала по преданіямъ—оно было самосадочное и ломкою соли занимались поселившіеся по близости, послѣ войны съ бурятами, казаки. Когда селенія размножились, а садка соли прекратилась, соль выварили казаки изъ разсола, находившагося на поверхности озера: варили въ чугунныхъ котлахъ, которые ставили на камни, сложенные въ видѣ очаговъ. Озеро лежитъ за горами въ степи, на которой изрѣдка ростетъ кустарникъ. Низменности этого пространства покрыты пылью вывѣтрившейся горькой соли. Съ сѣверной стороны въ это озеро вливается много прѣсныхъ ключей, которые, растворяя глауберову соль (представляющую на озерѣ кору) до такой степени этимъ горь-

косоленымъ растворомъ понижаютъ въ процентномъ содержаніи растворъ поваренной соли, что выварка послѣдней въ лѣтнее время становится невозможною. Съ наступленіемъ холоднаго времени горькая соль извергается, вода застываетъ, а разсолъ поваренной соли обогащается, оставаясь въ видѣ проталинъ въ жидкомъ состояніи: оттого и выварка соли начиналась въ ноябрѣ и продолжалась до апрѣля. На одномъ изъ такихъ мѣстъ въ 1762 году предполагали, что ключи поваренной соли пробиваются изъ почвы озера и дѣлали опыты добычи, но неудачно. Остальная масса ненужная—горько соленая кора—бываетъ толщиною до 3 аршинъ и двухъ видовъ: либо въ видѣ замороженаго кваса и наз. гужиромъ, либо въ видѣ стеклеца, т.-е. когда этотъ гужиръ, при вліяніи теплоты, сольется въ плотную, прозрачную, стеклистую массу: гужиръ въ теплѣ сырѣетъ и расплывается, стеклецъ отъ умѣренной теплоты и вліянія свѣта превращается въ порошокъ. Съ поступленія завода въ казну въ работы стали употреблять ссыльно-каторжныхъ. До 1818 г. ихъ бывало отъ 120 до 147 человѣкъ (6 солеваровъ, 10 подварковъ, 20 льяльщиковъ, 8 кузнецовъ, 8 молотобойщиковъ, 3 конюха, 17 плотниковъ и при разныхъ другихъ задолженіяхъ чернорабочихъ 75 человѣкъ). Въ 1822 г. число ссыльно-рабочихъ было увеличено до 317 человѣкъ. Горное начальство уменьшило комплектъ до 180, такъ что, въ 1829 г., оставалось людей за бѣгами и раскомандировками только 10 человѣкъ для присмотра и охраненія казеннаго имущества. Въ 1835 г. съ увеличеніемъ работъ число команды возросло до 96. Сыновья ссыльныхъ рабочихъ приписывались до 1834 г. въ число заводской команды, а по достиженіи совершеннолѣтія составляли классъ людей, самыхъ способныхъ при техническихъ работахъ. Въ 1834 году, по 8 ревизіи, всѣхъ ихъ велѣно было причислить въ крестьяне ближайшихъ волостей. Горное вѣдомство, получивши въ свое вѣденіе (въ 1822 г.). Селенгинской заводъ старалось пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, но дѣла не подвигались и заводское селеніе не распространялось. Какъ только кончился ссыльнымъ срокъ работъ и они получали право выхода на собственное пропитаніе или выписывались за неспособностію, всѣ спѣшили перепродать дома свои другимъ рабочимъ и перейти на житье въ тѣ во-

лости, къ которымъ были приписаны. Въ свою очередь новые собственники поступали точно также. Отъ этого каждый, зная шаткія основы завода, о жизни своей здѣсь не радѣлъ: не расширялъ усадьбы, не расчищалъ удобныхъ земель для покосовъ и пашенъ, которые сверхъ того требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для вешной и лѣтней поливокъ. Того же самого требуютъ и сѣнокосы, если только онѣ не на лугахъ, понимаемыхъ водой. Какъ только казна остановила свои работы, селеніе превратилось въ пустырь, и вся окольность, богатая озерами, осталась снова во владѣніи кочующихъ бурятъ, у которыхъ на этомъ мѣстѣ (на Гусиномъ озерѣ) стоитъ ихъ главный дацанъ (храмъ) и живетъ глава ихъ духовенства — хамба-лама. Не удержали населенія и рыбныя ловли въ озерахъ Гусиномъ и Щучьемъ, о которыхъ такъ хлопотало горное начальство, а пребываніе послѣдняго въ этихъ мѣстахъ ознаменовалось лишь тѣмъ, что въ 1839 г. на восточномъ берегу Гусинаго озера найдены были обнажонный пластъ каменнаго угля, столь нецѣнимаго въ богатой лѣсами Сибири.

На Селенгинскомъ заводѣ кончаются каторжныя мѣста за Байкаломъ. Солеваренные заводы и при нихъ каторжныя работы приводятъ насъ на сю-сторону Байкала и, въ подчиненіи работъ нашихъ хронологическому порядку, въ крайную даль Восточной Сибири.

3) Въ 665-ти верстахъ отъ Иркутска, въ 264 отъ Киренска, въ Якутской области, на правомъ берегу устья рѣки Куты (впадающей въ Лену), внизъ по ея теченію, расположенъ былъ, у небольшаго озера, Усть-Кутскій солеваренный заводъ. На срединѣ озера находятся соляные ключи, надъ которыми устроены были колодцы. Источники эти нѣкогда составляли собственность будущаго завоевателя Амура, сольвычегодскаго промышленника Ерофея Хабарова и воеводою Пояркovымъ отобраны были въ 1641 году въ казну. Хабаровъ выѣхалъ изъ завода и поселился въ шести верстахъ отъ г. Киренска, гдѣ до сихъ поръ сохраняется деревушка, носящая имя Хабарова. Съ этого пепелища своего снялся онъ на р. Амуръ для новыхъ промышленныхъ предпріятій, успѣвши избить Якутскихъ крестьянъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія. Завладѣвъ чужой женой, Хабаровъ, вынужденный неудачами

на Ленѣ, сдѣлался героемъ на Амурѣ, но могилу нашолъ себѣ въ Илимскѣ (при устьѣ р. Илима, впадающаго въ Лену). До 1751 года заводъ его находился въ вѣденіи казны, но въ этомъ году отданъ иркутскóму купцу Ворошилову, который и содержалъ до 1780 года, когда заводъ перешолъ къ его наслѣдникамъ. Въ 1800 г. заводъ, по духовному завѣщанію, перешолъ къ дочери Ворошилова надв. совѣт. Бейтоновой, которая впослѣдствіи оказалась несостоятельной и неисправной (не смотря на то, что казна, по указу 7 дек. 1801 г., къ 20 ссыльныхъ прибавила ей ещо десять). Варницы снова были отобраны въ казну и въ 1803 г. отданы киренскому купцу Сычову. Въ 1823 г онѣ находились во владѣніи внука Сычова; въ 1829 г. Малѣева, въ 1836 жены его. Соляные источники Усть-Кутскаго завода — самые богатые въ Иркутской губ. и варка соли, при изобиліи разсола (по соломѣру $18^1/_2$ лотовъ), можетъ производиться во всякое время года, но варили соль только весною и лѣтомъ, т.-е. когда разсолъ становился крѣпче. Варили въ двухъ варницахъ: спаской и знаменской и до 1838 г. получали ежегодно до 25 т. пудовъ. Для производства работъ было положено имѣть 35 человѣкъ и для каторжныхъ работъ: у рубки дровъ и при заготовленіи лѣсу. Соль сплавлялась по Ленѣ чрезъ подрядчиковъ отъ казны на баркахъ и гужомъ въ стойки Киренскаго округа. По нахожденіи завода въ малонаселенной странѣ, онъ приносилъ казнѣ ничтожныя выгоды, потому она и рѣшилась и съ нимъ покончить дѣло и уничтожить. Селенія и здѣсь не выросли и не укрѣпились. Въ заводѣ, даже и во время работъ, не было церкви, а стояла часовня (выстроенная въ 1822 году); требы исполнялъ священникъ Усть-Кутскаго селенія, (отстоящаго отъ завода въ 4 верстахъ).

4) На берегу рѣчки Усолки (Енис. губ. Канскаго округа), въ разстояніи 193 верстъ отъ г. Канска существовалъ четвертый заводъ Восточной Сибири, паз. Троицкимъ. Первые соляные ключи открыты были Тунгусами, объявившими (въ началѣ 17 столѣтія) о томъ единственнымъ въ то время и въ тамошномъ краю торговымъ людямъ—мѣщанамъ г. Енисейска Хромовымъ. Хромовы разработали нынѣшній средній колодезъ (въ немъ разсолъ 6°); варили соль въ котлахъ, а потомъ устроили и варницу, полагая начало за-

вара съ Покрова и продолжая варку до времени весенняго разлива Усолки. Предприниматели эти, часто имѣя нужду въ деньгахъ, занимали ихъ у жившихъ здѣсь монаховъ енисейскаго Спасскаго и туруханскаго Троицкаго монастырей. Впослѣдствіи, будучи не въ состояніи уплатить долговъ, Хромовы передали все заведеніе въ монастырщину. У монаховъ солеваніе улучшилось: выходъ солей часто доходилъ до 80-ти пудовъ. Въ 1764 г. заводъ принятъ въ казенное вѣдомство. Казна выстроила три новыя варницы (въ 1778, 1780 и 1800 гг.) *) и устроила три новые колодца (одинъ содержаніемъ въ 15°, другой до 24°). Выварка соли поднялась до 88 пудовъ, когда въ 1827 г. заводъ взяло въ свои руки горное вѣдомство: выварка соли увеличилась до 126 пудовъ. Хозяйство расширилось: «чтобы избѣжать покупки желѣза дорогими цѣнами отъ вольныхъ людей» казна распорядилась пристроить желѣзный заводъ. Руды добывались въ окрестностяхъ при рѣчькѣ Копотиловкѣ и плавилось въ печахъ: получалось кричное желѣзо, которое превращали въ сортовое тутъ же **). При этихъ условіяхъ казна успѣла въ 10 лѣтъ выстроить тутъ новое селеніе (въ эти десять лѣтъ прибыло 63 дома). Работы производились арестантами, присылавшимися гражданскими начальствами во временную работу до сожданія (собиранія) справокъ (отъ 50—100 человѣкъ); присылались и ссыльно-каторжные. Въ 1838 году ихъ было 313 человѣкъ, имѣвшихъ 120 домовъ собственныхъ (другіе размѣщены были въ нарочно для нихъ устроенныхъ казармахъ). Ссыльные употреблялись для выварки соли на работы уже истинно-каторжныя, по старинному способу веденія ихъ. Перевозка дровъ, починка и постройка чреновъ и приготовленіе инструментовъ производились людьми вольнонаемными.

5) Одновременно съ Усть-Кутскими открыты были соленые ис-

*) Варница этого года устроена по вызову того обстоятельства, что въ этомъ году прекратилась садка соли на Минусинскомъ самосадочномъ озерѣ.

**) У деревни Яковлевой открыты были мѣдныя руды и кромѣ того существуютъ вблизи завода желѣзистыя минеральныя воды, и въ 6-ти верстахъ отъ него углекислыя.

точники на берегу р. Ангары въ 68 верстахъ отъ Иркутска на мѣстѣ, гдѣ теперь существуетъ Иркутскій солеваренный заводъ или по просту Иркутское Усолье. Все техническое устройство находится на острову р. Ангары, наз. варничнымъ (прежде вознесенскимъ). До 1765 г. соляной промыселъ состоялъ въ веденіи иркутскаго Вознесенскаго монастыря съ приписными крестьянами отъ деревень нынѣшной Бодайской волости. Въ 1765 г. Усолье поступило въ казенное управленіе и съ того времени стали присылать сюда для работъ ссыльно-каторжныхъ. Казна въ 1772 г. имѣла уже здѣсь 4 варницы и выварила на нихъ соли до 55 т. пудовъ. Съ 1782—85 г. заводъ содержался на арендѣ тобольскимъ купцомъ Дьяконовымъ, по смерти котораго опять поступилъ въ казну. Разсольные источники находятся преимущественно на острову Варничномъ и частію на лѣвомъ берегу Ангары, близъ селенія. Прежде разсолъ былъ гуще (въ $7^1/_2$ и $9^1/_2{}^0$), но бывшія землетрясенія понизили ихъ содержаніе (въ 1833 г. отъ $1—^1/_2{}^0$, а въ 1839 и ещо почти на $1^1/_4{}^0$), отчего соль въ 1838 и 40 гг. вываривалась уже изъ разсоловъ въ $5^1/_4$ и въ $6^3/_4{}^0$ (въ 1841 разсолы обогатились на половину этого пониженія *). Вы-

*) Состояніе разсоловъ измѣняется: въ сухое лѣто они богаче, но притокъ ихъ недостаточенъ на продовольствіе дѣйствующихъ чреновъ. Ощутительно же понижаются они въ густотѣ своей во время разливовъ р. Ангары отъ чрезвычайно-быстраго притока нагорныхъ водъ рѣкъ: Иркута, Ушаковки, Тойсона и Китоя, что бываетъ, по большей части, въ іюнѣ и началѣ іюля и во время рѣкостава Ангары въ декабрѣ и январѣ. При этихъ случаяхъ нерѣдко затопляется весь варничный островъ и прѣсная вода, стекая съ поверхности въ колодцы, разводитъ разсолъ, дѣлаетъ его негоднымъ къ солеваренію. Изуборженный притокомъ водъ разсолъ не пускается въ дѣло до того времени, пока вода Ангары не пойдетъ на убыль. Воду отливаютъ, даютъ время концентрироваться въ колодцахъ разсолу и—солевареніе вновь начинаютъ. Особенно было сильно наводненіе въ 1772 году: вода стояла до половины дверей разсольныхъ колодцовъ и варницъ; заливалась даже въ чрены; снесла съ острова бани, мостъ черезъ протоку Усолку, сломала всѣ жолобья, затопила соляные магазины и унесла болѣе тысячи саженъ дровъ. При заводѣ—своя лѣсная дача. Для дровъ предпочитаютъ круглыя, наз. елтыши, какъ болѣе удобныя для того, чтобы легче подкатывать ихъ подъ сковороды. Въ 1823 году варницъ было 9, въ 1836 уже 13. 60 пуд. соли требуютъ цѣлую кубическую сажень дровъ.

ходы соляныхъ рудниковъ не глубоко залегаютъ отъ поверхности земли, отчего и самые колодцы, скопляющіе разсолъ, не глубоки. Изъ этихъ колодцовъ разсолъ поднимается бадьями въ зунфы посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе конною силою. Изъ зунфовъ пускается разсолъ по жолобамъ въ лари, устроенные въ самыхъ варницахъ, а изъ ларей напускается уже, по мѣрѣ надобности, въчрены. Въ ларяхъ разсолъ, по наполненіи, часовъ до 12 отсаживаетъ илъ (разсолъ протекаетъ мутнымъ) и изъ нихъ пускается по жолобамъ въ чрены, устроенные въ серединѣ варницъ и сшитые изъ листовъ поличнаго желѣза. Чрены повѣшаны на крючьяхъ; подчренныя печи складены изъ кирпича, устье ихъ или чело печи имѣетъ вышины около $1^1/_2$ ар. и ширины 2 ар. и снабжено желѣзною дверью, которая служитъ также для управленія огнемъ. На сторонѣ, противоположной устью, у задней стѣны, выкладывается невысокая труба, называемая сопуха, имѣющая заслонку также для управленія огнемъ или подчренымъ жаромъ. Кромѣ того въ варницѣ настилаются палати съ ящиками для складки и просушки соли, набрасываемой изъ чреновъ. Въ чрены до напуска разсола напускается бурдукъ (смѣсь муки съ разсоломъ), который спаиваетъ и замазываетъ тѣ мѣста, гдѣ капель или течь. Это собственно и называется напускомъ; затѣмъ слѣдуетъ наводка, т. е. сгущеніе разсола. Во вторые сутки повышается напускъ разсола и въ первые сутки соли почти никогда не получается, во вторые—весьма немного и то мелкой и грязной, смѣшанной съ пригорѣлой мукой, сажей, иломъ и пескомъ. Эта соль поступаетъ въ переваръ. Три или четыре соли по заварѣ бываютъ тяжелы на вѣсъ, нечисты и, лежа въ магазинѣ, даютъ весьма значительную утечку *). Каждая варя продолжается около сутокъ, а изъ 20 и болѣе варь составляется отряска, въ теченіе которой на полотнѣ чрена, въ видѣ твердаго камня, накипаетъ столь-

*) Чистая, хорошо высушенная поваренная соль, влаги не притягиваетъ. Если въ соли содержится хлористый кальцій или магній, имѣющія сильное сродство съ водой, соль растворяется въ притягиваемой изъ воздуха влагѣ, и тогда утечка; если въ соли сѣрно—или углекислый натръ или сѣрнокислая магнезія: соль вывѣтривается, т. е. происходитъ усышка.

ко поваренной соли, что въ предупрежденіе пригара, камень этотъ (ширей) отбиваютъ. Работа такая (наз. околотка)производится молотками (наз. клевакъ). Затѣмъ производится дня 2—3 починка; чрены дѣйствуютъ отъ 20 до 22 сутокъ; общая поправка производится черезъ 2—2½ мѣсяца; въ октябрѣ солевареніе прекращается,—въ концѣ февраля или въ началѣ марта начинается. Работа въ варницахъ въ сильномъ жару, заставляющемъ снимать рубахи до гола съ разсчотомъ на простуду и на растраву ранъ и даже мелкихъ порѣзовъ въ соляномъ пару—по истинѣ каторжная. Многія варницы, каковыя всегда строятся осьмиугольными, отъ неправильнаго устройства пролетовъ накопляли такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, и ползать не могли по землѣ. Чтобы они не задыхались въ вѣтряное время, сдѣланы плотно законопаченныя будки, куда люди входили со двора и сквозъ оконца смотрѣли за огнемъ, будучи избавлены отъ безвременнаго страданія и боли глазъ, но все-таки неизбавились отъ близости простуды и вѣроятія отравы соляными парами до потери аппетита. Въ этихъ сѣняхъ, придѣлываемыхъ съ наружнаго входа, складываются дрова; въ лѣтнее время здѣсь рабочіе имѣютъ убѣжище отъ нестерпимаго жара варницъ; сѣни служатъ преградою для сильнаго притока воздуха со двора въ варницы, гдѣ онъ, въ соединеніи съ дымомъ и паромъ, особенно при напускахъ разсола въ холодное время, производитъ почти непроницаемую темноту и отвращаетъ сильное горѣніе въ подчренныхъ печахъ. Кѣмъ-то когда-то и при иркутскомъ заводѣ устроено было въ незначительномъ видѣ желѣзное производство ручными молотами на обыкновенныхъ кузнечныхъ горнахъ. Въ 1795 г. построена была кузница съ 5-ю горнами, а въ 1801 г. устроена была на р. Тельминкѣ молотовая фабрика. На ней изъ разнаго лому выковывались гвозди и подгвозки (желѣзныя кружки съ дирою) для чреновъ. Впослѣдствіи искали рудныхъ мѣсторожденій и нашли ихъ, но не благонадежныя — гнѣздовыя, и замыслы оставлены. Въ 1835 году, по близости найденъ новый пластъ и плавка производилась въ сыродутныхъ печахъ, но за недостаткомъ воды работы прекратились, и увѣнчались тѣмъ результатомъ, что во флейцовой горѣ (наз. Балдуйской) подъ песчаникомъ нашли пластъ каменнаго угля до 1½ саж. толщиною. Заводъ

довольствуется теперь желѣзомъ алтайскимъ и Петровскаго завода *). Съ примѣненіемъ въ Восточной Сибири новой соляной системы, солеваренным заводамъ выпадаетъ неизбѣжная участь быть упраздненными или перейти въ частныя руки, если только таковыя увѣренно расчитаютъ на выгоду разработки и во всякомъ случаѣ предпочтутъ вольно-наемный трудъ. Примѣръ частнаго владѣльца Николаевскаго завода, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до послѣдняго времени небольшое число каторжныхъ, — въ этомъ отношеніи единиченъ и исключителенъ.

Солеваренные заводы такимъ образомъ можно полагать каторгою первой степени. Гораздо легче ихъ была каторга на винокуренныхъ заводахъ, до измѣненія въ послѣднее время системы акцизныхъ сборовъ на вино, когда всѣ казенные винокуренные заводы были уничтожены, т. е. либо проданы на дѣло и на сломъ, либо сданы въ арендное содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частная предпріимчивость въ существованіи ихъ признала законное и безошибочное право.

Винокуреніе въ началѣ производилось винокурами, избираемыми изъ ссыльныхъ, которые знакомы были съ этимъ дѣломъ въ Россіи или пріучались уже въ заводѣ (имъ давали по 250 р. асс. въ годъ, и сверхъ того, въ видѣ награды, по 8 коп. съ каждаго ведра излишне выкуреннаго вина). Производство шло, по старинному, весьма дурно: въ деревянныхъ бражныхъ кубахъ, устроенныхъ по обыкновенію каштаковъ; при жестокихъ морозахъ терялась спиртуозность, вылѣтавшая въ спаи досокъ. При морозахъ (въ дек. и генв.) выходы вина уменьшались: морозы мѣшали быстрой работѣ, мѣшала дѣлу и посуда, неуспѣвшая обдержаться. Винокуры часто мѣнялись. за злоупотребленія, которыя происходили частію по ихъ неопытности, частію злонамѣренно. Изъ четверти хлѣба не выкуривалось больше 6 ведеръ. Явившіеся изъ Россіи евреи успѣли выучить добывать 7 ведеръ, впослѣдствіи дошли до $7^1/_8$ и до $7^2/_{10}$. Выкурка вина не превышала 100 тыс. ведеръ въ благопріятное время и упадала даже до 6 тыс. въ неудачное. Отъ того, что бочки приготовля-

*) Былъ еще солеваренный заводъ въ Охотскѣ, дѣйствовавшій очень долгое время и уничтоженный въ 1839 году.

лись изъ лиственичнаго лѣса,—усыпка и утечка возрастали до $7^1/_8$ ведра на сто. Голодные и голые рабочіе, для поддержки своего утлаго существованія, принуждены были измышлять различныя хитрости, чтобы уворовать вино, бѣжать съ нимъ изъ завода и начать корчемничать гдѣ-либо по сосѣдству. Воровали спиртъ и полугаръ, просверливая диры въ трубахъ, по которымъ идетъ вино. Бывали времена, что при причинѣ скуднаго урожая хлѣба, придумывали для рабочихъ хлѣбъ изъ барды. Бывали времена, что и самый хлѣбъ при плохомъ хозяйствѣ, для Восточной Сибири принуждены были закупать въ Западной *).

На винокуренные заводы вышла мода. Стали выстраивать ихъ не тамъ, гдѣ обнаруживался мѣстный вызовъ, поддерживаемый обиліемъ хлѣба и мѣстными требованіями, а въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя клалъ надежды кабинетный расчотъ, желающій похвастаться своею попечительностію о казенныхъ прибыляхъ и своимъ прилежаніемъ и заботою о народныхъ нуждахъ. Мало заботились (да и не были въ состояніи сдѣлать это), не хотѣли расчитывать на то, чтобы за новыми заводами упрочить существованіе ихъ на будущее время. Достигли одной цѣли: количество каторжныхъ мѣстъ увеличили на извѣстное время, но промышленныхъ заведеній, прочно стоящихъ на твердыхъ экономическихъ основахъ, не установили. Мѣстныя условія не замедлили обнаружить свое вліяніе и огромныя суммы, затраченныя на устройство, оказались безплодно-потерянными, — заводы, работавшіе въ ущербъ себѣ и увеличившіе цѣну вина, убѣдили въ своей несостоятельности и были уничтожены: Михайловскій за Байкаломъ, Николаевскій (въ 1832 г.), Ильгинскій (1845 г.) въ Иркутской губ., Каменскій въ Енисейской. Александровскій заводъ, соединивъ съ собственнымъ винокуреніемъ производившуюся до тѣхъ поръ выкурку вина на этихъ заводахъ, сталъ безъ затрудненія удовлетворять потребности всѣхъ мѣстъ, подчиненныхъ вліянію упраздненныхъ заводовъ. Онъ избавилъ казну отъ лишнихъ издержекъ и выку-

*) Такъ напр. для Александровскаго винокуреннаго завода привозили въ 1802 г. изъ Тобольской губ., когда и самую курку вина пріостановили такъ, что казна потерпѣла громадные убытки.

ривалъ вино съ меньшими противъ нихъ расходами. Хлѣбъ привозили сюда окрестные крестьяне и инородцы (бурята) прямо на базаръ и съумѣли сдѣлать подручной рынокъ, избавлявшій отъ необходимости сложныхъ операцій по закупу. Иркутскій и нижнеудинскій округъ снабжали заводъ хлѣбомъ въ такомъ достаткѣ, что бывали времена, когда пудъ хлѣба продавался менѣе 10 коп. въ урожайные годы, отъ 24—25 въ года средняго урожая и только до 90 коп. доходилъ въ неурожайные. Заводъ былъ въ состояніи выкуривать свыше 500 тысячъ ведеръ и казна, за исключеніемъ издержекъ на приготовленіе вина, получала выгоды около милліона рублей. Въ 1860 году въ дачахъ завода считалось 12,503 десятины лѣсныхъ угодій, 526 дес. сѣнокосныхъ мѣстъ, 366 дес. пахатныхъ земель и 240 д. выгону,—количество угодій, роскошно обезпечивающихъ существованіе мѣстнаго заводскаго селенія. До поступленія завода въ казну (1787 г.) въ немъ были рабочіе люди изъ ссыльныхъ; съ поступленіемъ въ казну опредѣлено имѣть, кромѣ дроворубовъ и бочкарей, 154 чел. каторжныхъ. Но такъ какъ потребность въ людяхъ гораздо превышала назначенное число, то оно постепенно увеличиваясь, — въ послѣднее время, а именно передъ отдачею завода въ арендное содержаніе Медовикову въ 1853 г. возросло слишкомъ до тысячи человѣкъ. Послѣ же передачи число рабочихъ уменьшено на половину.

Съ передачею заводовъ на коммиссіонерскомъ правѣ въ аренду ссыльные стали раздѣляться на два разряда: одни остались за казною, другіе были переданы контрагенту. Положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось: на Александровскомъ заводѣ казенные ссыльные получали 3 руб. асс. и два пуда муки въ мѣсяцъ; контрагентскіе стали получать двойной плакатъ (до 3 р. сер.). Вышло однако такъ, что казенные, оставшись на задѣльной платѣ, стали жить лучше, въ особенности тѣ, которые знали какое-либо мастерство. Немастеровые старались приписаться къ кому-либо изъ семейныхъ; жители завода охотно принимали ихъ къ себѣ на квартиру и довольствовали ихъ харчевымъ содержаніемъ безъ платы, получая отъ нихъ одинъ только провіантъ. Кромѣ того ссыльные обязывались половиною свободныхъ во время дѣйствія винокуренія сутокъ содѣйствовать въ помощь домашнему хозяйству старожиловъ. Кромѣ того ссыльные имѣ-

ли ещо выгоду зимою работать въ заводѣ по вольнымъ цѣнамъ (50 коп. въ сутки), а лѣтомъ (когда съ половины мая до половины августа прекращается винокуреніе) большая часть изъ нихъ находится въ дровосѣкѣ и при вырубкѣ бочечнаго лѣса и получаетъ отъ 4 до 6 руб. въ мѣсяцъ *). Усердные изъ рабочихъ, прожцвши одинъ или два года въ заводѣ, имѣли возможность купить домикъ и завести собственное хозяйство. При этомъ каторжные по преимуществу женились на дочеряхъ каторжныхъ же, раньше поступившихъ въ заводъ и обзаведшихся домами и семействами **). Между тѣмъ ссыльные отъ контрагентовъ наичаще пускались въ бѣга: довѣрители не давали имъ порядочной одежды, въ самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 руб. асс. въ мѣсяцъ, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру; одежда выдавалась изъ конторы подъ самое жалованье. Такимъ образомъ заводское начальство лучшею мѣрою къ прекращенію побѣговъ полагало улучшеніе пищи и одежды; находящимся при работахъ на винницѣ винокуръ обязанъ давать винную порцію. Заведенъ былъ овощной огородъ; выдавались капуста, говядина, крупа и картофель, повременамъ покупалось молоко. Семейнымъ и обзаведшимся хозяйствомъ на содержаніе свиней выдавалась барда; свиное мясо служило подспорьемъ въ пищѣ. Таже барда выдавалась и для лошадей. Хозяева составляли особый разрядъ —коннорабочихъ. Получая пособіе отъ казны въ лѣсѣ и матеріалахъ, а также лошадьми, ссыльные были въ состояніи нанимать для пособія при возкѣ дровъ другихъ ссыльныхъ бѣднѣйшихъ. Этою мѣрою содержали на заводскихъ работахъ и дѣтей ссыльныхъ, захотѣв-

*) Избиравшіеся по благонадежности ссыльные для отправленія особыхъ обязанностей по заводу получали и особое жалованье, согласно штату, напр. нарядчикъ 70 руб., мѣдяки 150 р., кузнецы по 60 р., плотники, мельники и солодовщики 50 руб., браговары, нагребщики и затрубные по 40 руб въ годъ.

**) Въ 1839 г. домовъ, принадлежащихъ ссыльнымъ, было 178, къ нимъ въ этомъ году пристроилось новыхъ 2, въ 1840—3, въ 1841—4, въ 1842 ни одного не выстроено, ни одного не куплено; въ 1839 куплено 5, въ 1840—5, въ 1841—4, въ 1843 построено 7 и куплено 8. Огороды съ 155 возросли до 237. Прогрессивно увеличивалось и число скота: лошадей, коровъ, барановъ, свиней.

шихъ въ 1835 году выбыть изъ завода для приписки по 8 ревизіи въ крестьяне. Въ свободное время оставляли за ссыльными право наниматься у крестьянъ, сдающихъ хлѣбъ, носить мѣшки въ магазины за добровольную плату.

Подобное же учрежденіе заводовъ несоотвѣтственно потребности и силамъ края вызвало уничтоженіе винокуренныхъ и въ западной Сибири: Боготольскаго, Ентарскаго и друг., и въ Восточной Сибири Каменскаго и другихъ. Каменскій (въ 24 верстахъ отъ г. Енисейска еще въ 30 годахъ) работалъ съ постоянною убылью для казны и существовалъ только для того, чтобы занимать работами 600 чел. каторжныхъ *). Въ другихъ мѣстахъ неумѣстное учрежденіе казенныхъ винницъ вызвало сильную дороговизну хлѣба съ непомѣрнымъ стѣсненіемъ для жителей, особенно когда устроены были два завода: Екатерининскій и Успенскій въ малохлѣбородномъ сѣверномъ краю (первый подъ Тарою, второй подъ Тюменью). Екатерининскій, основанный при Екатеринѣ II и названный ея именемъ, представлялъ небольшое селеніе, помѣстившееся среди лѣса, на правомъ берегу Иртыша. Огромная винокурня каменная отстояла отъ селенія саженъ на 300; самое селеніе представляло рядъ домовъ, выстроенныхъ тамъ, гдѣ указало начальство на линіи улицъ. И здѣсь точно также работы производились каторжными: часть которыхъ (200 чел.) находилась въ веденіи казны, другая меньшая (100 чел.) была въ распоряженіи контрагентовъ. Казна выкуривала до 120 тыс. ведеръ но частные предприниматели увеличили выкурку до 200 тыс. ведеръ, полугара, пѣнника и спирта, расходившихся по Тоб. и Томск. губ. на тысячу верстъ въ окружности. И здѣсь, какъ и вездѣ, одни каторж-

*) Этотъ Каменскій заводъ, также какъ Сибирскій бродяга переходилъ отъ одного хозяина къ другому и добился только одного: совершеннаго уничтоженія. Онъ—по преданію—основанъ былъ подъ низкими, но крутыми возвышеніями при устьѣ рѣки Каменки, въ 1663 году какимъ-то Скрепковымъ; отъ него перешолъ къ графу Шувалову, потомъ къ Походяшину, потомъ къ Лобанову, и наконецъ въ казну. Заводскій архивъ говоритъ, что онъ снова отданъ былъ въ аренду тому же Лобанову, съ Кремневымъ; опять очутился въ казенныхъ рукахъ Томской казенной палаты, опять былъ отданъ въ аренду Лѣнивцову, въ 1813 г. снова поступилъ въ казну, и проч.

ные набирали муку, другіе возили ее, третьи сыпали въ заторы, приготовляли солодъ на гонку вина, качали машиной воду въ сосуды, спущали брагу изъ одного сосуда въ другой, качали машиной раку изъ нижней десятни въ верхную; заготовляли лѣсъ, находились при носкѣ дровъ, другіе въ жиганахъ у печей, у пилки полѣньевъ, при бочкахъ въ бондаряхъ: работали по каторжному положенію день и ночь, и въ рабочее время винокуренія имѣли отдыхъ только на Рождество и на Пасху. Плата бондарямъ шла отъ штуки, и они могли заработать руб. по 15 асс. и больше; другіе рабочіе получали не больше 10 р. асс. и не меньше 5-ти. Каторжные отдавали домовладѣльцамъ муку, работали около ихъ дома и имѣли за то столъ и право спать въ тѣсной, но теплой избѣ. Жившіе въ казармахъ жили пьяно, распутно, часто затѣвали кровавыя драки. Наказывать рабочихъ ни винокуръ, ни довѣрители не имѣли права, но только смотритель, въ помощь которому и здѣсь былъ данъ гарнизонъ изъ солдатъ. Противъ лѣниваго, непослушнаго или наглеца, смотритель призывалъ солдатъ и розгами розыскивалъ и возстановлялъ правду. Однако бить по щекамъ, таскать каторжнаго за волосы могъ всякій безнаказанно. Сильно тосковали по родинѣ, а потому бѣжали, сильно пьянствовали, а притомъ и страшно воровали: словомъ и здѣсь тоже, какъ двѣ капли воды, что и на всѣхъ сибирскихъ заводахъ, соляныхъ и винныхъ, желѣзныхъ и серебряныхъ. Говорить о другихъ заводахъ Западной Сибири—повторять старое: таковъ былъ, таково же жилось, и на Успенскомъ въ Тюменск. округѣ въ 326 вер. отъ Тобольска. Заводъ успѣлъ также вырости въ довольно большое селеніе, и также пользовался работами ссыльныхъ, обреченныхъ на 20-ти-лѣтнюю заводскую работу, и получавшихъ за то ежемѣсячно неизмѣнные 3 руб. асс. и 2 пуда ржаной муки въ провіантъ.

Государственный совѣтъ, при новой реформѣ акцизнаго сбора за вино, увидѣвъ, что казенные винокуренные заводы приносятъ казнѣ ежегодно большіе убытки, постановилъ продать заводы въ частныя руки съ тѣмъ расчотомъ, что потребное количество вина будетъ заготовляться съ большимъ успѣхомъ. Для успѣховъ, при развитіи частной предпріимчивости, казна пожертвовала значительными уступками и продала заводы, стоившіе нѣсколько сотъ тысячъ, гораздо ни-

же настоящей ихъ стоимости. Такъ напр. Павловскій заводъ проданъ за 10 тыс., и Михайловскій за 14 т. руб., но выгадано въ томъ, что частные покупщики не замедлили дать наибольшое развитіе промышленности и убѣдить въ томъ, что тамъ, гдѣ казна при крѣпостномъ трудѣ получала убытки, частные промышленники, при вольной цѣнѣ за трудъ и безъ увеличенія цѣнности продукта, получили барыши и развили дѣло на прочныхъ и широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ въ видахъ правительства ясно было выражено желаніе продать заводы на сломъ и только пригодныя зданія передать для волостныхъ надобностей въ вѣденіе палатъ государственныхъ имуществъ. Въ этихъ расчотахъ уничтоженія казенныхъ винокуренныхъ заводовъ исчезла и надобность въ работахъ ссыльныхъ и каторжныхъ. Слѣдомъ за уничтоженіемъ рудниковыхъ работъ, исчезъ ещо новый видъ каторжныхъ работъ въ Сибири по примѣненію къ многочисленнымъ сибирскимъ винокурнямъ.

---

3. СИБИРСКІЯ ФАБРИКИ.

Купецъ Куткинъ.—Полотняная фаврика.—Контракты.—Купецъ Солдатовъ.—фаянсовая фаврика.—Суконная фаврика Векшина.—Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фаврика.—Тельминская суконная фаврика.—Стеклянной заводъ.—Омская суконная фаврика.—Пользованіе трудомъ ссыльныхъ.

Способъ приспособленія обязательныхъ работъ ссыльно-каторжныхъ остался въ тѣхъ же условіяхъ и по примѣненію къ тѣмъ фабричнымъ производствамъ, на которыя соблазнялась казна и расчитывали частные предприниматели. Съ непремѣннымъ обязательствомъ приспособлялся трудъ каторжныхъ тотчасъ, какъ заводила казна фабрику, какъ завела двѣ таковыхъ для выдѣлки суконъ на линейныя и казачьи войска: Тельминскую подъ Иркутскомъ для войскъ Восточной Сибири и Омскую въ самомъ городѣ Омскѣ для войскъ Западной Сибири. Съ готовностію и охотою уступала казна трудъ каторжныхъ и на воспособленіе предпріятій частныхъ лицъ, какъ сдѣ-

лано это при заведеніи фаянсовыхъ и стекляныхъ фабрикъ подъ Иркутскомъ и полотняной фабрики въ Тобольскѣ. Условія, постановленныя при поощреніи послѣдней фабрики, послужили потомъ руководящимъ образцомъ для другихъ послѣдующихъ.

Въ 1791 году ст. совѣт. Куткинъ завелъ въ Тобольскѣ, въ собственномъ домѣ, небольшую полотняную фабрику, которая, распространясь мало-по-малу, сдѣлалась наконецъ заведеніемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства. Въ 1797 году оставлено при ней для работъ изъ ссыльныхъ за вины въ Сибирь 59 человѣкъ. Въ 1803 году подъ фабрику отведено было 300 дес. земли и заведеніе переведено было за 9 верстъ отъ города. Въ 1808 г. Куткину разрѣшено выбрать изъ сосланныхъ русскихъ фабричныхъ, знающихъ ткацкія работы, нужное число людей, имѣющихъ отъ 20 до 40 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы число рабочихъ, съ имѣющимися на лицо, составило 60 человѣкъ. На случай наибольшаго распространенія фабрики дозволено увеличить число фабричныхъ до ста человѣкъ. Постановлено: мастеровыхъ этихъ впредь 3 года въ подушной окладъ не полагать, а въ теченіи 20 лѣтъ не брать съ нихъ рекрутъ, дабы они могли въ это время обзавестись хозяйствомъ. По прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ Куткинъ обязывался платить подушныя и всѣ повинности наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами; а по прошествіи 20 лѣтъ давать отъ фабрики за рекрута 500 руб. Ежели кто изъ дѣтей фабричныхъ явится распутной жизни, отъ коего къ исправленію надежды не будетъ, или безпечность столь будетъ велика, что никакія побужденія и поощренія не подѣйствуютъ, таковыхъ отдавать въ зачотъ рекрута отъ фабрики». Мастеровые должны быть помѣщены въ жилыя и хорошо-выстроенныя свѣтлицы, отъ мая до сентября получать платы по $24^1/_2$ коп. въ день, въ прочее время года по 18 коп., а женщины безъ раздѣленій времени по $9^1/_2$ коп. Всѣмъ женатымъ Куткинъ обязанъ былъ дать въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по коровѣ и по двѣ овцы, отвести подъ огороды по полудесятинѣ земли и по стольку же сѣнокоса. «Лошадей имъ не полагается, потому что въ тамошномъ краю частымъ онѣ подвержены падежамъ, а вмѣсто того всѣ работы при фабрикѣ отправлять на волахъ, которыхъ и давать мастеровымъ въ

началѣ весны отъ фабрики безъ всякаго отлагательства въ нужное къ тому время. Мастеровыхъ, состарѣвшихся, употреблять для присмотра и карауловъ съ платою въ мѣсяцъ отъ 2 до 3 руб. Когда же застигнетъ дряхлость, производить пенсіи по 12 руб. въ годъ и выдавать провіантъ противу работника въ половину. Малолѣтнихъ сиротъ до 12 лѣтъ воспитывать и одѣвать на счотъ фабрики, обучая между тѣмъ и занимая легкими рукодѣльями». Для предотвращенія дороговизны въ пропитаніи содержатель обязанъ имѣть всегда при фабрикѣ запасъ хлѣба: «поелику сіи необходимые жизненные припасы (какъ-то мука и крупа) въ городѣ Тобольскѣ и окрестностяхъ онаго всегда бываютъ въ изобиліи и продаются цѣнами умѣренными. На волю фабричныхъ отдается брать оный у него (Куткина) или довольствоваться покупкою на сторонѣ. Мелочные ссоры между мастеровыми, ихъ женами и дѣтьми разбирать въ воскресные дни по утрамъ тремъ человѣкамъ выборнымъ, кого они сами назначатъ. Имъ же отдавать для исправленія лѣнивыхъ, непослушныхъ и пр.» Винная продажа при фабрикѣ и на земляхъ ея воспрещена; не дозволено также ни подъ какимъ видомъ ѣздить съ выставками временными или подвижными. За вычетомъ праздниковъ и одного лѣтняго мѣсяца для уборки сѣна и обработки огородовъ, рабочіе занимаются въ теченіи года 248 дней, полагая въ сутки по 12 рабочихъ часовъ. Призрѣніе больныхъ зависитъ отъ фабрики; для исполненія христіанскаго долга мастеровые въ воскресные и праздничные дни въ церковь могутъ ходить въ городъ, но только съ дозволенія управляющаго, а безъ дозволенія отнюдь не отлучаться и проч.

Такими же правилами обязанъ былъ и купецъ Солдатовъ, получившій мастеровыхъ и рабочихъ людей изъ ссыльныхъ, съ отводомъ ему земли (въ 1814 году) подъ фаянсовую фабрику въ предмѣстьи Иркутска. Фабрику эту Солдатовъ купилъ отъ купца Полеваго и вызвалъ поощреніе правительства между прочимъ и по тому— какъ сказано въ положеніи Комитета Министровъ—что изъ приготовляемой посуды сдѣлалъ даже статью торговли съ китайцами. Ему назначено было отъ 30 до 40 ссыльныхъ, а въ томъ числѣ, сколько можно, женатыхъ, лѣтами отъ 15 до 40, каковые и были причислены къ фабрикѣ на общемъ основаніи и съ тѣмъ, что ежели вла-

дѣльцы отъ фабрики откажутся или ослабятъ на ней дѣйствіе, отведенная подъ фабрику земля и приписанные къ ней люди перейдутъ въ казенное вѣдомство *). Такъ и случилось, какъ съ солдатовской, такъ и съ куткинской фабриками. Дольше и крѣпче держались казенныя фабрики, между которыми наибольшею извѣстностію пользовалась Тельминская.

Тельминская фабрика (на р. Тельмѣ, въ 58 вер. отъ Иркутска) получила свое начало также въ частныхъ рукахъ: она построена въ 1751 г. купцомъ Бобровскимъ; въ 1793 куплена въ вѣдомство иркутскаго комиссаріатскаго комиссіонерства и производила въ то время отъ 4 до 9 тыс. аршинъ сукна въ годъ. Въ 1797 году выбрано въ Сибири до 6 тыс. рабочихъ людей; воздвигнуты наскоро необходимыя зданія и началось производство, но издѣлія оказались несовершенными, и фабрика могла вырабатывать только $^1/_4$ часть предполагаемаго количества суконъ. Между тѣмъ присмотръ за рабочими, раздача жалованья, домашній бытъ мастеровъ находились въ ужасномъ безпорядкѣ до ревизіи фабрики сенаторомъ Селифонтовымъ. Генералъ Новицкій былъ уволенъ отъ управленія: фабрика на два года взята въ гражданское вѣдомство и когда стала изготовлять до 37 тыс. аршинъ сукна, 5,000 каразей, 3,855 шляпъ при 500 рабочихъ, снова была передана въ комиссаріатъ, въ 1808 году передана въ вѣденіе Пестеля (генералъ-губернатора). Въ 1811 году приступлено къ разнымъ постройкамъ и, въ теченіе 10 лѣтъ, кромѣ старыхъ, устроены: стеклянный заводъ, гранильная для стеклянной посуды, фабрика фламскаго полотна, шерстомойный дворъ и множество другихъ фабричныхъ заведеній. Въ 1820 году открыты работы на машинахъ чесальныхъ, прядильныхъ и мотовильняхъ, которыя до того времени оставались безъ всякаго упо-

*) Кромѣ солдатовской дѣйствовали, при помощи каторжныхъ, подъ Иркутскомъ въ 28 верстахъ Векшина посессіонная суконная фабрика и также посессіонная Тальцынская фарфоровая, фаянсовая и стеклянная, содержавшаяся купеческою компаніею въ 30 верстахъ отъ Иркутска. Въ самомъ Иркутскѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, стояла близъ острога небольшая суконная фабрика, мастеровые на которой были также ссыльно-каторжные.

требленія. Тканье сукна производилось на 57 самолетныхъ и на 11 простыхъ двуручныхъ станкахъ. Въ 1827 г. сенатскимъ указомъ предписано было воспособлять работамъ ссыльными женщинами, которыхъ велѣно всѣхъ обращать сюда (кромѣ ссыльныхъ за смертоубійства, грабежи и разбои). Фабрика доведена была до возможной степени совершенства во всѣхъ отношеніяхъ при ген.-губер. Лавинскомъ, но съ начала 50 годовъ быстро пошла къ паденію. Въ 1860 мы видѣли заводъ, безъ ремонта, пришедшимъ въ отчаянную вѣтхость, не позволявшую надѣяться найти на нее какого-либо охотника для покупки: машины всѣ пришли въ крайную негодность. На стеклянной заводъ ещо подбирались желающіе, потому что и производство проще, и машинъ особенныхъ не требуется. Мастеровые—потомки ссыльныхъ оказались хорошо пріучоными къ дѣлу и затѣмъ ни къ чему уже другому неспособными. Тяжелѣй досталась работа и короче жизнь тѣмъ, которые постоянно нажимали грудь у ткацкаго станка, оттого были сухи, казались разломанными. Рабочіе же стекляннаго завода казались здоровѣе, были веселѣе. Между тѣмъ и селеніе образовалось въ видѣ порядочнаго городка, но стало непрочно оно, и на сколько не затрудненъ послѣдующій бытъ дѣйствительно несчастныхъ потомковъ прежнихъ *несчастныхъ* работниковъ? Тѣмъ не менѣе на Тельминской фабрикѣ племя каторжное выродилось и уже третье колѣно представляется вполнѣ благонадежнымъ.

Такимъ же образомъ упала и не существуетъ въ настоящее время казачья суконная фабрика въ Омскѣ, приспособленная къ выдѣлкѣ простыхъ суконъ на войсковыя потребности, уступая мѣсто частной предпріимчивости и болѣе своевременному и правильному вызову.

4. СИБИРСКІЯ КРѢПОСТИ.

Охотскъ.—Чинирракъ.—Омская крѣпость,—Крѣпости: Семипалатинская, и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская.—Цурутухайтъ.—Арестантскіе роты и работы. — Безпорядочность ихъ.—Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее.

Какъ въ 17-мъ вѣкѣ противъ сѣверныхъ бродячихъ инородцовъ русскіе люди, овладѣвшіе Сибирью, строили остроги и московское правительство ссыльными полагало основу ихъ заселенія, такъ точно въ XVIII вѣкѣ, когда Петръ Великій, противъ кочующихъ монгольскихъ племенъ началъ сооружать крѣпости или такія укрѣпленныя мѣста, которыми можно овладѣвать только посредствомъ правильной осады, въ число первыхъ работниковъ и обитателей назначались ссыльно-каторжные. Петръ высылку подобнаго сорта людей ослаблялъ до нѣкоторой степени тѣмъ, что, торопясь защищать Россію, высылалъ ихъ на работы въ Петербургъ, Шлиссельбургъ, Рогервикъ, Азовъ, Кизляръ и проч. Затѣмъ высылка въ сибирскія крѣпости ссыльныхъ при преемникахъ Петра сдѣлалась болѣе или менѣе постоянною и продолжается до сихъ поръ относительно крѣпости Омской и преимущественно по примѣненіи къ преступникамъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Тѣмъ же Петромъ начато въ Сибири основаніе портовъ и приведеніе мѣстъ, удобныхъ для произведенія дессанта, въ оборонительное положеніе и постройка приморскихъ крѣпостей въ родѣ Охотска, Нижнекамчатска и Петропавловска или Авачи. Точно также, при его преемникахъ, ссылка въ эти послѣднія мѣста преступниковъ получила извѣстнаго рода систему, каковая и примѣнялась къ нимъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда и она, по примѣру ссылки въ крѣпости Иртышской линіи, была прекращена. Охотскъ, стоящій въ ямѣ, окружонный горами, со скверным портомъ безъ рейда, и безъ залива, открытымъ всѣмъ вѣтрамъ, болѣе знаменитъ тѣмъ упрямствомъ, съ которымъ отстаивали его существованіе. Суда съ древнихъ временъ отстаивались вводимыми

въ рѣку Кухтуй. Вѣчные дожди и туманы дѣлали изъ него мѣсто, никогда не посѣщаемое иностранцами; хлѣбъ въ немъ не родился и уничтоженіе его было самымъ разумнымъ явленіемъ во всей его исторической жизни. Петропавловскъ, не менѣе неудобный, охотливо смѣненъ былъ на амурской Николаевскъ. Слабымъ и безсистемнымъ продолженіемъ ссылки можно считать учрежденіе ея въ ближайшія къ намъ года въ Николаевскомъ портѣ на Амурѣ (на такъ наз. Чинирахѣ) и предполагаемую въ обширныхъ размѣрахъ ссылку на островъ Сахалинъ (въ такъ называемые порты Дуе и Косунай).

Ко временамъ Петровыхъ преемникомъ въ Сибири стояли уже готовыми: Омская крѣпость, построенная въ 1708 году, и приведенная въ порядокъ въ 1759 году инженернымъ генералъ-маіоромъ Людвигомъ по идеямъ и планамъ Вобана. Укрѣпленія были достаточны для отраженія хижниковъ киргизскихъ (современная Омской, Оренбургская крѣпость выдержала осаду отъ пугачовскихъ шаекъ съ польскими инженерами весьма удачно), но теперь кажется смѣшною и массивная арка вмѣсто воротъ и земляные валы и рвы. Все это тѣсно, неудобно, все это ждетъ истребленія, какъ ненужное и никому не страшное Омская крѣпость сохраняетъ внутри себя Воскресенскій соборъ, корпусной штабъ, казармы, военное училище и между прочимъ — крѣпостные казематы, получившіе подъ талантливымъ перомъ Ѳ. М. Достоевскаго, прозваніе «Мертваго Дома».

Въ 1718 году построена Семипалатинская крѣпость, но, по нездоровому мѣстоположенію, перенесена въ 1776 году на новое мѣсто къ подножію семи древнихъ чудскихъ палатъ. Въ 1720 году, генералъ-майоромъ Лихаревымъ, на р. Иртышѣ, на низменномъ и ровномъ мѣстѣ, окруженномъ горами, построена была Усть-Каменогорская крѣпость, дѣйствительно у устья-громады каменныхъ горъ, здѣсь кончающихся. Иртышъ, выходя изъ ущелья, которымъ несется отъ самой Бухтармы, становится тотчасъ шире и начинаетъ течь медленнѣе, образуя многіе острова и отмели. Въ 1752 г. заложена Ишимская крѣпость, черезъ 18 лѣтъ переименованная въ городъ. При окончательномъ устройствѣ нынѣшней военной линіи, въ томъ же 1752 году, сооружены были крѣпости: Петропавловская, Прѣсновская, Прѣсногорьковская, Змѣиноголовская, Песчаная и проч. Въ 1791 году зало-

жена была въ одномъ изъ лучшихъ трактовъ рѣки Бухтармы при ея устьѣ въ Иртышѣ, Бухтарминская крѣпость съ валомъ, рвомъ и кирпичными воротами для охраненія, открытаго тогда, богатаго серебрянаго рудника Зыряновскаго, самаго знаменитаго на Алтаѣ. На восточной границѣ съ Китаемъ, на югѣ Забайкалья, одновременно съ первыми крѣпостями въ Сибири, основана была въ 1727 году, иллирійскимъ графомъ Саввою Владисл. Рагузинскимъ крѣпость Троицко-Савская, названная такъ по имени основателя и по имени первой въ ней церкви св. Троицы. Пограничный округъ этой крѣпости заключалъ въ себѣ, кромѣ ея, еще 7 крѣпостей, между которыми Цурухайтуевская, Чиндантъ и Акша пользовались наибольшою извѣстностію, но мало представляли подобія настоящихъ крѣпостей. Укрѣпленія Цурухайтуя, начатыя изъ камня, даже не были и окончены.

Всѣ поименованныя крѣпости не оправдали цѣли своихъ учрежденій; ни одной изъ нихъ не удалось достичь военной славы и со стороны сосѣднихъ народовъ враждебныя отношенія были слишкомъ слабы, и значеніе крѣпостей было только отчасти предупредительное. Тотчасъ же за ихъ основаніемъ подъ самыми крѣпостными пушками, на площадкахъ подлѣ воротъ, устроились базары— мѣста взаимныхъ обмѣновъ продуктами. Нѣкоторымъ пунктамъ удалось занять впослѣдствіи самыя видныя мѣста по крупнымъ торговымъ оборотамъ: въ Петропавловскѣ установился знаменитый на всю Сибирь мѣновой дворъ, пристроилась сильная торговля баранами и разными русскими и среднеазіатскими товарами (на ежегодную сумму 500 т. руб.). Вблизи Троицко-Савска выросла знаменитая русская Кяхта съ китайскимъ Маймаченомъ. Въ Бухтарминской крѣпости производится размѣнъ товаровъ Западнаго Китая съ русскими, обѣщающій въ будущемъ очень многое. Къ Усть-Каменогорской издавна подходятъ для торга ташкенцы, кашгарцы и бухарцы (изъ Малой Бухары) со своими и китайскими товарами (съ 1754 г. здѣсь существуетъ мѣновой дворъ и таможня). Въ Семипалатинскѣ мѣновой дворъ и таможня существуютъ ещо съ 1734 года и торговля съ ташкенцами, бухарцами и киргизами приняла большіе размѣры (до милліона руб. отпускъ, до 700 т. р. привозъ). Съ такимъ

оборотомъ дѣлъ значеніе крѣпостей для работъ ссыльныхъ утратилось тотчасъ же, когда укрѣпленія были окончены. Но тамъ, гдѣ укрѣпились каторжныя работы (какъ въ Омской) и ссылка не утратила своего значенія для политическихъ ссыльныхъ (какъ въ мелкихъ крѣпостяхъ по Иртышской линіи), каторжныя работы ложились на людей съ неменьшею тяжестію, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Арестантскія роты, рабочія роты, рабочіе дома — всѣ подобныя заведенія, сдѣлавшіяся принадлежностію крѣпостей подъ именемъ крѣпостныхъ ротъ, стали самими изъ тягчайшихъ мѣстъ, когда-либо придуманныхъ для наказанія преступниковъ. По увѣреніямъ старожиловъ-наблюдателей, по словамъ самихъ заключенниковъ, по сравненіи этихъ мѣстъ каторжныхъ съ другими, наконецъ по примѣненію къ крѣпостнымъ заточеніямъ самой строгой военной дисциплины,—крѣпостныя работы встали на первомъ мѣстѣ работъ каторжныхъ. Представляя исключительный пріютъ для преступниковъ изъ военнаго сословія, но не служа исключеніемъ и для другихъ, — крѣпостныя рабочія роты были тѣми учрежденіями, ослабленію которыхъ всего больше должно радоваться человѣколюбивое чувство современнаго человѣка, неспособнаго видѣть начала новыхъ страданій тамъ, гдѣ кончились многочисленныя тяжолыя предъидущія испытанія. Въ Сибири крѣпостныя работы были для ссыльныхъ ещо и тѣмъ тяжелы и невыносимы, что за крѣпкими крѣпостными запорами самовольныя стремленія ко временнымъ отдыхамъ, т. е. побѣги, были крайне затруднены и считались примѣтнымъ исключеніемъ. Въ арестантскихъ ротахъ между прочимъ практиковалось правило раздѣлять арестантовъ на десятки и, въ случаѣ побѣга одного, заковывать въ кандалы весь десятокъ. Въ тоже время работы отличались полною безпорядочностію и, веденныя безъ всякой системы, не приводили ни къ чему: работы назначались большею частію тамъ, гдѣ онѣ были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны и предпринимались и измышлялись собственно для того, чтобы занять время и истратить по-напрасну силы арестантовъ. Всѣ эти работы уличныя, всѣ— безплатныя за скверную арестантскую пищу, на платье и притомъ для знающихъ ремесло на большую часть въ пользу ближайшаго

начальства въ то время, когда оно, примѣненіемъ строгой военной дисциплины, успѣло возбудить къ себѣ ненависть и поселить отвращеніе. Арестантская работа, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, давно уже усвоила за собою привиллегію на названіе праховой, никуда не годной. Учрежденіе арестантскихъ ротъ съ ремеслами и мастерствами въ губернскихъ городахъ нашихъ, нуждающихся въ мастерахъ и ремесленникахъ, встрѣченное на первыхъ порахъ полнѣйшимъ сочуствіемъ городскихъ обществъ, съумѣло вскорѣ оказать свою несостоятельность именно по тому, что дѣло поручено было рукамъ, охотливѣе каравшимъ, готовнѣе злоупотреблявшимъ чужими знаніями и силами, и неспособнымъ и неприготовленнымъ къ тому, что направлять ихъ хотя бы по способу тѣхъ же пенитенціарныхъ тюремныхъ системъ государствъ европейскихъ. Арестантскія роты, смирительные и рабочіе дома, поселенческія рабочія роты (въ родѣ существовавшей въ г. Омскѣ) оказали свою несостоятельность, именно въ томъ же самомъ видѣ, который требуетъ капитальнаго измѣненія.

Такимъ образомъ мѣста заточенія съ карательною цѣлію, въ силу историческихъ судебъ и экономическихъ причинъ, приняли въ настоящее время такой видъ. Крѣпостные роты военнаго вѣдомства, по закону 1867 года обращены въ исправительные роты того же вѣдомства съ назначеніемъ сюда каторжныхъ 2-го разряда. Рудники покинуты въ расчотѣ на болѣе соблазнительныя выработки золота на промыслахъ и пріискахъ, и стоятъ залитые водой: разработываемыя серебряныя руды добываются при помощи вольнаго труда и для ссыльныхъ назадъ тому 15—16 лѣтъ потеряли устрашающую силу значенія. Невыгода обязательнаго труда и казеннаго управленія не замедлили обнаружиться въ приспособленіи каторжныхъ работъ и къ золотымъ промысламъ, а развитіе частной предпріимчивости въ томъ же Забайкальѣ и въ ближномъ сосѣдствѣ съ казенными промыслами, указало на вольнонаемной трудъ, какъ на несомнѣнно-преимущественной способъ эксплоатаціи горныхъ сокровищъ. Слѣдомъ за рудниками исчезла возможность работъ каторжнымъ и на золотыхъ промыслахъ. Винокуренные заводы казною проданы и частные заводчики уже не заявляютъ желаній и надеждъ на содѣйствіе

обязательныхъ работъ ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ. Соловаренные тѣмъ же способомъ могутъ обходиться безъ нихъ и въ мѣстномъ населеніи вѣрнѣе находятъ болѣе надежныя, несомнѣнно опытныя и вполнѣ трудолюбивыя силы. На крѣпостныхъ валахъ съ большимъ удобствомъ уже прилаживаются тѣнистые бульвары для мирныхъ прогулокъ вольныхъ обывателей и крѣпости, превратившись въ мѣновые дворы и сильные базары, готовы преобразиться въ города по способу древнѣйшихъ мѣстъ заточенія и ссылки — сибирскихъ остроговъ. Въ концѣ концовъ каторжныя работы въ Сибири изчезли и въ настоящее время предстоитъ серьозная дума о приспособленіи карательныхъ мѣръ въ Сибири особенно въ виду того, что современные гласные суды увеличили количество обрекаемыхъ въ Сибирь на ссылку. Двѣсти лѣтъ опыта, пятнадцать различныхъ способовъ карательныхъ мѣръ возмездія за преступленія, вся исторія прошлаго съ его ошибками и недоразумѣніями представляютъ обиліе такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ вѣроятна надежда на лучшія системы и безъошибочные способы.

КОНЕЦЪ.

Ошибки: во II томѣ, на стр. 207, въ примѣчаніи сказано, что скопческой богъ Селивановъ пробылъ въ ссылкѣ 5 лѣтъ — слѣдуетъ считать, по новымъ источникамъ, — около 20: Селивановъ сосланъ въ 1774 г., а вызванъ въ Петербургъ въ 1795 году (какъ и указано въ статьѣ).

Въ томъ же томѣ на стр. 192: хлыстовская богородица Ульяна Васильева названа потомкою расколоучителя Денисова, — слѣдуетъ: Данилы Филипова — перваго хлыстовскаго живаго бога, лица полумифическаго, существованіе котораго до сихъ поръ не подтверждено и не доказано никакими дѣйствительными документами, помимо хлыстовскихъ преданій.

Въ III томѣ на стр. 256, на 7 строкѣ сверху вм. Вольфъ напечатано «Торсонъ» и проч. Передъ этою второю половиною строки слѣдуетъ вторая половина 11-ой строки, а за ней 12-ая.

На стр. 192, въ послѣдней строкѣ: «протоколъ о результатахъ» — лишнія слова. Послѣдующія двѣ страницы (до 4-ой строки 195 стр.) не включены во вносные знаки.

На стр. 251 слѣдуетъ читать Мазалевскій, вм. Маралевскій. на стр. 252 Враницкій вм. Варницкій; на стр. 254 вм. невыкалаченной — невыколоченной (трубки).

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Глава I. Политическіе ссыльные.

СТР.

Ссылка поляковъ въ Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ, Крыжановскій. — Ловеласъ-воевода Обуховъ.—Польскіе конфедераты.— Злодѣйства надъ ними.—Состояніе администраціи въ Сибири.—Пестель.—Трескинъ.—Исправникъ Лоскутовъ. — Сперанскій. — Нѣмцовъ и разбойникъ Гондюхинъ.—Собачья оспа.—Кохъ.—Уширванскій полкъ. — Народные притѣснители. — Чудакъ Нарышкинъ.— Горные начальники: Рычковъ, Барботъ-де-Марни, Милекинъ, Фришъ, Черницынъ.— Шведскіе плѣнные.— Татищевъ.— Беневскій— извѣстный искатель приключеній. — Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похожденія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ.—Судьба его товарищей 1

Обрусеніе ссыльныхъ поляковъ.—Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ.— Польскія возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ.—Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ.—Вліяніе поляковъ на страну изгнанія.—Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча прибылыхъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огулъ.—Венжикъ.—Набоженства.—Касса поляковъ.—Товарищество.— Кедровое масло.— Пчолы.— Савичевскій.— Братья Далевскіе.— Обученіе дѣтей.— Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксенза Сироцинскаго и доктора Шокальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства.—Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похожденія Руфима Піотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа. 29

СТР.

Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи.— Участіе иностранцовъ. — Сосланные на житье и для водворенія. — Причины замкнутости ссыльныхъ и необезпеченность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцовъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импровизованные земледѣльцы.—Благопріятныя данныя.—Обрусеніе шведовъ. — Запорожцы.— Шляхта 80

Глава II. Государственные преступники.

Древніе способы исканія правды. — Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ.— В. Н. Романовъ и его страданія. — Матвѣевъ. — Распопа-Лазарь. — Растрига Ѳедосъ (Ѳеодосій Яновскій). — Ссыльной колоколъ. — Тюрьмы для великоважныхъ преступниковъ. — Остроги. — Монастырскія каюты. — Ссылка во время Междуцарствія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ.—Ссылка малороссовъ.—Гетманы.—Гвинтовка.—Многогрѣшной.— Самойловичъ.— Сѣрко.— Войнаровскій. — Зализнякъ.— Дінтьевъ.— Самозванцы 17 и 18 столѣтній. — Громадная ссылка стрѣльцовъ.— Враги Петра I-го.— Сообщники Талицкаго и царевича Алексѣя. — Ссылка при наслѣдникахъ Петра.—Враги Ѳеофана Прокоповича въ ссылкѣ.—Бироновщина.—Слово и дѣло.—Радищевъ.—Уральскій казакъ Пугачовецъ-Марушка.—Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ.—Старецъ Никонъ.—Каурой.—Тверской крестьянинъ Ермолаевъ.— Ссыльный Артамоновъ.—Грузинскіе дворянс.—Семеновцы.— Экспедиторъ Степановъ.—Коцебу.—Измѣнникъ отечеству. . 101

Участь ссыльныхъ. — Кормовая дача. — Меншиковъ съ семействомъ.—Долгорукіе.—Наталья Борисовна Долгорукая.—Остерманъ.— Минихъ.— Головкинъ. —Ужасная участь ссыльныхъ: Де-Санти, Менгдена, Фика, Ивашкина.—Стряпчій Копытовъ.— Левшутинъ. — Сойминовъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышовъ).—Секретные арестанты.—Анадырскій изгнанникъ Афанасій Петровичъ.—Дѣти Волынскаго.— Великоважность преступниковъ. — Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ ссыльнымъ 134

Ссылка декабристовъ.—Путь ихъ по Россіи и Сибири.—Фельдъегери.— Встрѣчные. — Губернаторы.—Каинскій городничій.— Судьба первыхъ восьми. — Жизнь до Читы.—Волконскій.—

стр.

Трубецкой.—Оболенскій.—Братья Борисовы.—Якубовичъ.—Волконская.—Трубецкая.—Ген.-губ. Броневскій.—Благодатскій рудникъ.—Свиданія.—Столкновенія.—Прапорщикъ Рикъ.—Приставъ Лепарскій.—Прибытіе остальныхъ декабристовъ.—Встрѣча.—Пребываніе въ Читѣ.—Помѣщеніе.—Казематы.—Поэтъ Одоевскій.—Новая тюрьма.—Работы.—Чита.—Болѣзнь неволи.—Исторія Сухинова.—Бунтъ въ Кличкинскомъ рудникѣ.—Судъ и казни.—Новыя правила.—Строгости.—Дубининская исторія.—Инструкція караульнымъ.—Смольяниновъ и его жена.—Штабъ Лепарскаго.—Клубъ.—Переписка съ родными.—Ослабленіе строгостей.—Общій столъ.—Домашныя занятія и самовоспитаніе.—Корниловичъ.—Мухановъ.—Никита Муравьевъ.—Пушкинъ.—Д. И. Завалишинъ.—Докторъ Вольфъ.—Арт. Зах. Муравьевъ.—Кюхельбекеръ.—Лунинъ.—Юшневскій.—Музыка. Бороды.—Недекабристы.—Религіозность.—Женщины-героини.—Трубецкая.—Губернаторъ Цейдлеръ.—Волконская.—Правила для женъ.—Муравьева-Апостолова.—Нарышкина.—Фонъ-Визина.—Давыдова.—Анненкова.—Янтальцова.—Розенъ.—Дѣти. 155

Переходъ изъ Читы въ Петровской заводъ.—Н. А. Бестужевъ.—Фонъ-Визинъ.—Шахматы.—Дамская улица.—Жизнь въ Петровскомъ заводѣ.—Казематъ.—Пестовъ.—Община и артели.—Занятія.—Обязанности хозяина, закупщика, казначея и огородника.—Выборы.—Бечасновъ.—Взносы.—Положеніе холостыхъ и семейныхъ.—Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія.—Жизнь ихъ на поселеніи.—Декабристы на Кавказѣ.—Марлинскій въ Якутскѣ.—Сгорѣвшіе.—Занятіе на поселеніи.—Изобрѣтенія декабристовъ.—Послѣдующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ.—Основанныя ими школы.—Горбачевскій.—Братья Бестужевы.—Торсонъ.—Всепрощеніе 211

Глава III. Исторія каторги.

1. Нерчинскіе серебряные рудники и золотые промыслы.

Находка рудныхъ богатствъ.—Чудскія работы.—Серебро.—Работы рудниковыя.—Исторія нерчинскихъ рудниковъ.—Побѣги рабочихъ.—Начальники: грекъ Левандіянъ, Суворовъ.—Самозванецъ Чернышовъ, дѣло объ немъ и послѣдующая

судьба его. — Нарышкинъ. — Его безчисленныя чудачества и выходки. — Лекарь Томиловъ. — Купецъ Коносовъ. — Воинственный походъ Нарышкина. — Взятіе имъ Верхнеудинска. — Арестъ его. — Воевода Тевяшовъ. — Нѣмцовъ. — Аршеневскій, Барботъ-де-Марни, Черницынъ. — Народныя преданія о послѣднемъ. — Теодоръ Фришъ и его жена. — Тираны. — Рычковъ. — Аистовъ. — Татариновъ. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Нерчинскаго края. — Карійское золото. — Разгильдѣевъ 281

2. СИБИРСКІЕ ЗАВОДЫ.

Желѣзо. — Петровскій заводъ. — Соль. — Селенгинскій заводъ. — Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли. — Каторжныя работы. — Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское Усолье. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокуреніе. — Евреи. — Ссыльные. — Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій. — Уничтоженіе этого вида каторги. . . . 361

3. СИБИРСКІЯ ФАБРИКИ.

Купецъ Куткинъ. — Полотняная фабрика. — Контракты. — Купецъ Солдатовъ. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Стекляной заводъ. — Омская суконная фабрика. — Пользованіе трудомъ ссыльныхъ. . . 378

4. СИБИРСКІЯ КРѢПОСТИ.

Охотскъ. — Чинирахъ. — Омская крѣпость. — Крѣпости: Семипалатинская, и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская, Цурутухайтъ. — Арестантскія роты и работы. — Безпорядочность ихъ. — Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненія, отсюда происшедшія 383

НКП РСФСР

133 г.